ИСТОРІЯ НАРОДА РИМСКАГО,

сочиненіе

ТИТА ЛИВІЯ ПАДУАНСКАГО.

Переводъ А. Клеванова.

ТОМЪ 3-й.

КНИГА XXIV — XXX.

(Описаніе войнъ Римлянъ съ Самнитами и Кароагенянами.)

МОСКВА.
Въ Типографіи Волкова и К°.
1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Февраля 27 дня, 1861 года.

Ценсоръ *Н. Гиляровъ-Платоновъ.*

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Почти полтора года прошло со времени выхода въ свѣтъ *втораго* тома Тита Ливія. Сначала я предполагалъ было издавать каждый годъ по тому, и окончить переводъ Тита Ливія въ продолженіи пяти лѣтъ, но другія занятія литературныя меня нѣсколько отвлекли отъ этого изданія, которое окончить я сочту все таки своею священнѣйшею обязанностью.

Несмотря на нападки нѣкоторыхъ журналовъ, каждый благоразумный читатель, знакомый съ сущностью предмета и его трудностью пойметъ, и оцѣнитъ трудъ мой и найдетъ его достойнымъ уваженія. Найдти недостатки въ трудѣ другаго гораздо легче, чѣмъ произвести что либо подобное. Да и невозможно, чтобы трудъ столь огромный могъ быть исполненъ безъ недостатковъ. Съ моей стороны было стараніе и усердіе; если я исполнилъ дурно дѣло, за которое взялся, то я не мѣшаю другому исполнить его лучше. Притомъ, каждый читатель пойметъ, что трудъ этотъ внушенъ чистымъ и безкорыстнымъ усердіемъ къ наукѣ, желаніемъ чѣмъ нибудь быть полезнымъ своимъ соотечественникамъ. Въ побужденіи или мысли о вознагражденіи другаго рода здѣсь не можетъ быть и рѣчи, а потому предпріятіе мое не есть спекуляція литературная, которыхъ такъ много появилось въ послѣднее время къ стыду ученыхъ и литераторовъ (новое доказательство вѣчной истины, что обогащеніе ума свѣдѣніями еще не дѣлаетъ человѣка лучше, безъ образованія сердца), а трудъ

добросовѣстный и серьозный. Не прельщаю я публику пышными обѣщаніями, не восхваляю до небесъ свое предпріятіе, не стараюсь всѣми силами залучить чужія деньги въ свой карманъ; но тихо и спокойно, почти въ неизвѣстности, съ значительнымъ пожертвованіемъ своихъ собственныхъ средствъ тружусь надъ учено-литературнымъ занятіемъ, котораго плоды, будь это въ Западной Европѣ, въ литературахъ болѣе основательныхъ и развитыхъ, уже давно обратили бы на себя вниманіе ученыхъ и общества. Утѣшаюсь внутреннимъ сознаніемъ пользы своихъ трудовъ и тѣмъ, что, въ болѣе зрѣломъ періодѣ нашей литературы, труды мои будутъ оцѣнены по достоинству, и что мое серьозное и основательное предпріятіе переживетъ много и много эфемерныхъ произведеній легкой литературы и легкой учености. За тѣмъ поручаю это новое звено моего предпріятія благосклонному вниманію любителей основательнаго чтенія.

А. Клевановъ.

1861.
Январ. 24
Москва.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ XXIV.

(События лѣтъ отъ построенія Рима 537—539).

Гіеронимъ, царь Сиракузскій, дѣдъ котораго былъ вѣрнымъ союзникомъ Римлянъ, переходитъ къ Карѳагенянамъ. За свою жестокость и наглое обращеніе онъ убитъ своими подданными.

Проконсулъ Тиберій Семпроній Гракхъ подъ Беневентомъ сражается счастливо съ Карѳагенянами и ихъ полководцемъ Ганнономъ; тутъ ему существенную помощь оказали освобожденные имъ невольники.

Въ Сициліи, которая почти вся отпала къ Карѳагенянамъ, консулъ Клавдій Марцеллъ нападаетъ на Сиракузы.

Царю Македонскому Филиппу объявлена война. Застигнутый нечаянно ночью подъ Аполлоніею, онъ разбитъ и бѣжалъ съ войскомъ, почти обезоруженнымъ въ Македонію.—Веденіе этой войны поручено претору Марку Валерію.

Въ этой же книгѣ содержится описаніе дѣйствій Римскихъ полководцевъ, Публія и Кнея Сципіона въ Испаніи противъ Карѳагенянъ.

Сифаксъ, царь Нумидскій, вступаетъ въ дружественный союзъ съ Римлянами. Разбитый Масиниссою, государемъ Массиліевъ, который сражался за Карѳагенянъ, онъ удалился съ большою толпою своихъ приверженцевъ въ область Маврузіевъ, насупротивъ Испаніи, гдѣ Африка отдѣлена отъ нея только узкимъ проливомъ.

Цельтиберы также сделались союзниками Римлянъ; вспомогательныя войска ихъ были первыми наемниками въ Римскихъ арміяхъ. Стр. 1.

Содержаніе книги двадцать пятой. Публій Корнелій Сципіонъ, впослѣдствіи получившій прозваніе *Африканскаго,* избранъ эдилемъ прежде, чѣмъ имѣлъ узаконенныя для того лѣта.

Аннибалъ, при содѣйствіи нѣсколькихъ молодыхъ Тарентинцевъ, которые выходили по ночамъ изъ города на охоту, взялъ городъ Тарентъ, за исключеніемъ крѣпости, гдѣ остался Римскій гарнизонъ.

Установлены игры въ честь Аполлона, вслѣдствіе предсказаній Марція, въ которыхъ предузнано было и Каннское пораженіе.

При консулахъ, Квинтѣ Фульвіѣ и Аппіѣ Клавдіѣ, Римляне счастливо воевали противъ Карѳагенскаго полководца Ганнона.

Проконсулъ Тиб. Семпроній Гракхъ завлеченъ однимъ своимъ пріятелемъ Луканцемъ въ засаду, гдѣ и убитъ Ганнономъ.

Центеній Пенула, бывшій сотникъ, просилъ сенатъ дать ему войско, обѣщаясь съ нимъ разбить Аннибала.—Получивъ восемь тысячь воиновъ, Центеній вступаетъ въ открытомъ полѣ въ бой съ Аннибаломъ, въ которомъ гибнетъ со всѣмъ своимъ войскомъ.

Преторъ Кней Фульвій сражается также несчастливо съ Аннибаломъ, теряетъ на полѣ битвы шестьнадцать тысячь воиновъ, и съ двумя стами всадниковъ спасается бѣгствомъ.

Консулы, Квинтъ Фульвій и Аппій Клавдій, обложили Капую.

Клавдій Марцеллъ беретъ Сиракузы на третій годъ осады, и обнаруживаетъ въ себѣ великаго человѣка. По взятіи города, въ происшедшей суматохѣ, убитъ Архимедъ въ то время, когда онъ занятъ былъ разсматриваніемъ математическихъ фигуръ, начерченныхъ имъ на пескѣ.

Въ Испаніи оба Сципіона, Публій и Кней, послѣ многихъ славныхъ дѣяній, погибаютъ бѣдственнымъ образомъ. На восьмой годъ по прибытіи ихъ въ Испанію, они умерщвлены со всѣми своими войсками, и эта провинція погибла бы для Римлянъ, если бы не мужество и дѣятельность простаго Римскаго всадника Луція Марція. Собравъ остатки войска, онъ воодушевилъ ихъ мужествомъ, и взялъ силою два непріятельскихъ лагеря. До тридцати семи тысячь непріятелей убито, тысячу восемьсотъ тридцать взято въ плѣнъ, и получена большая добыча. За это воины провозглашаютъ Марція своимъ вождемъ. (События лѣтъ отъ построенія Рима 539—540). Стр. 63.

Содержаніе книги двадцать шестой. Аннибалъ сталъ лагеремъ въ двухъ миляхъ отъ Рима по выше рѣки Аніо. Отсюда онъ, въ сопровожденіи двухъ тысячь всадниковъ, подскакалъ къ самымъ Капенскимъ воротамъ, желая разсмотрѣть мѣстоположеніе города. Три дня къ ряду оба войска сходились одно съ другимъ на полѣ битвы, но каждый разъ страшная непогода препятствовала имъ сразиться; а какъ только войска расходились по своимъ лагерямъ, то наступала снова ясная погода.

Капуя взята консулами—Квинтомъ Фульвіемъ и Аппіемъ Клавдіемъ. Знатнѣйшіе Кампанскіе сенаторы были уже привязаны къ позорнымъ столбамъ для того, чтобы быть казненными отсѣченіемъ головъ, когда пришло распоряженіе Римскаго сената объ ихъ пощадѣ. Но консулъ Квинтъ Фульвій, спрятавъ въ карманъ указъ сената, привелъ въ исполненіе приговоръ и казнилъ виновныхъ.

Когда въ народномъ собраніи предложенъ былъ вопросъ, кому поручатъ граждане главное начальство въ обѣихъ Испаніяхъ, и никого желающихъ не являлось; то Публій Сципіонъ, сынъ того Публія Сципіона, который убитъ въ Испаніи, изъявилъ желаніе туда отправиться. Будучи, при общемъ одобреніи, единодушно выбранъ народомъ, онъ въ Испаніи въ одинъ день овладѣлъ Новымъ Карѳагеномъ. Въ то время Сципіонъ имѣлъ 24 года отъ роду, и ему молва народная приписывала божественное происхожденіе, вслѣдствіе того, что онъ съ тѣхъ поръ, какъ надѣлъ тогу возмужалости, каждый день ходилъ въ Капитолій и того, что будто бы въ спальнѣ его матери часто видѣли змія.

Кромѣ того книга эта содержитъ описаніе событій въ Сициліи, примиренія съ Этолами и войны противъ Акарнанъ и Македонскаго царя Филиппа. (Событія лѣтъ отъ построенія Рима 541 — 542). Стр. 127.

Содержаніе книги двадцать седьмой. Проконсулъ Кней Фульвій съ войскомъ у города Гердонеи разбитъ Аннибаломъ. Съ лучшимъ успѣхомъ сражается противъ него консулъ Клавдій Марцеллъ у Нумистрона, гдѣ Аннибалъ отступаетъ ночью. Марцеллъ его преслѣдуетъ, и заставляетъ его вступить въ бой, который спа-

чала благопріятствовалъ Кароагенянамъ, но потомъ окончился въ пользу Римлянъ. Фабій Максимъ отецъ, въ бытность свою консуломъ, беретъ Тарентъ съ помощью измѣны.

Въ Испаніи Сципіонъ у Бекулы сражается съ Аздрубаломъ, сыномъ Амилькара, и побѣждаетъ его. Тутъ онъ захватываетъ въ плѣнъ молодаго Нумидскаго князька рѣдкой красоты, котораго съ подарками отсылаетъ къ его дядѣ Масиниссѣ.

Консулы, Клавдій Марцеллъ и Титъ Квинктъ Криспинъ, отправляются изъ своего лагеря на рекогносцировку, но попадаютъ въ засаду, устроенную имъ Аннибаломъ, гдѣ Марцеллъ погибаетъ, а Криспинъ раненый спасается бѣгствомъ.

Кромѣ того эта книга содержитъ описаніе дѣйствій проконсула Публія Сульпиція противъ царя Филиппа и Ахейцевъ.

Цензоры производятъ народную перепись, по которой оказывается гражданъ сто тридцать семь тысячъ и сто восемь человѣкъ. Этимъ счетомъ обнаружилось, сколько людей потеряли Римляне въ несчастныхъ сраженіяхъ.

Аздрубалъ, перешедшій Альпы со вновь набраннымъ войскомъ, въ числѣ пятидесяти шести тысячъ человѣкъ, для соединенія съ Аннибаломъ, разбитъ консуломъ М. Ливіемъ, впрочемъ, при значительномъ содѣйствіи консула Клавдія Нерона, который, будучи противу поставленъ Аннибалу, оставилъ лагерь такъ, что непріятель того совершенно не зналъ, и съ отборнымъ войскомъ отправился на помощь къ М. Ливію, которому и помогъ подавить Аздрубала.

Кромѣ того книга эта содержитъ описаніе удачныхъ дѣйствій претора П. Сульпиція противъ царя Филиппа и Ахейцевъ. (Событія лѣтъ отъ построенія Рима 542—545). Стр. 202.

Содержаніе книги двадцать восьмой. Удачныя дѣйствія въ Испаніи Силана, легата Сципіонова, а также и брата его Луція противъ Кароагенянъ, а проконсула Сульпиція, и царя Азійскаго Аттала, противъ Македонскаго царя Филиппа въ пользу Этоловъ.

Когда консулы Маркъ Ливій, и Клавдій Неронъ, получили почести тріумфа, то Ливій, такъ какъ сраженіе происходило въ его области, ѣхалъ на колесницѣ, запряженной четырьмя конями, а Неронъ, который поспѣшилъ на помощь своему товарищу, ѣхалъ какъ простой всадникъ на конѣ, и несмотря на то получилъ больше чести, и уваже-

нія, чѣмъ его товарищъ, такъ какъ въ дѣйствительности побѣда болѣе принадлежала ему, чѣмъ его товарищу консулу.

Огонь въ храмѣ Весны погасъ по нерадѣнію дѣвицы, которая за нимъ смотрѣла. Она за это строго наказана.

П. Сципіонъ въ Испаніи привелъ къ концу войну съ Кароагенянами въ четырнадцатый годъ этой войны, и въ пятый по прибытіи въ Испанію. Совершенно изгнавъ изъ этой страны непріятелей, онъ занялъ всю Испанію. Изъ Тарракона онъ переправился въ Африку къ царю Мазезуліевъ Сифаксу, съ которымъ и заключилъ союзный договоръ. Тутъ онъ возлежалъ на одномъ ложѣ съ Аздрубаломъ, сыномъ Гисгона, и съ нимъ вмѣстѣ ужиналъ.

Въ Кароагенѣ Сципіонъ далъ большія гладіаторскія игры въ честь отца и дѣда, не изъ гладіаторовъ по ремеслу, но изъ людей, которые сражались или въ честь вождя, или изъ ненависти одинъ къ другому. Здѣсь два брата царскаго рода поединкомъ рѣшили вопросъ о престолѣ.

Когда городъ Астапа подверся нападенію Римлянъ, то жители, устроивъ костеръ, сами туда бросились, предварительно перерѣзавъ своихъ женъ и дѣтей.

Самъ Сципіонъ подвергся тяжкой болѣзни, во время которой возмутилась часть его войска. По выздоровленіи Сципіонъ усмирилъ его, а взбунтовавшіеся народы Испаніи заставилъ снова покориться.

Сципіонъ вступилъ въ дружественныя связи съ Масиниссою, царемъ Нумидовъ, который обѣщалъ ему свое содѣйствіе въ случаѣ перехода его въ Африку. Заключенъ также союзъ и съ Гадетанами, по удаленіи изъ Гадеса Магона, который изъ Кароагена получилъ приказаніе переправиться въ Италію.—По возвращеніи въ Римъ Сципіонъ избранъ консуломъ.

Когда Сципіонъ просилъ себѣ провинціею Африку, онъ встрѣтилъ противорѣчіе въ К. Фабіѣ Максимѣ, получилъ однако провинціею Сицилію и дозволеніе переправиться въ Африку, если сочтетъ это совмѣстнымъ съ требованіями общаго блага.

Магонъ, сынъ Гамилькара, съ меньшаго Балеарскаго острова, гдѣ зимовалъ, переправляется въ Италію. (Событія лѣтъ отъ построенія Рима 545—547). Стр. 277.

Содержаніе книги двадцать девятой. Лелій, посланный Сци-

піономъ изъ Сициліи въ Африку, привезъ оттуда весьма большую до бычу, и передалъ Сципіону сожалѣніе Масиниссы о томъ, что Римляне до сихъ поръ медлятъ переправить войско въ Африку.

Война въ Испаніи, начатая Индибилисомъ, окончена въ пользу Римлянъ. Онъ самъ убитъ въ сраженіи, а Мандоній выданъ по ихъ требованію.

Магону, который находится въ Галліи въ землѣ Лигуровъ, присланы множество воиновъ, и денежная сумма для найма союзниковъ, и приказано идти на соединеніе съ Аннибаломъ.

Сципіонъ изъ Сиракузъ переправился въ землю Бруттіевъ, и взялъ Локры, изгнавъ оттуда Кароагенскій гарнизонъ и обративъ въ бѣгство Аннибала. Заключенъ миръ съ царемъ Македонскимъ Филиппомъ. *Идейская мать* привезена въ Римъ изъ города Фригіи Песинунта, вслѣдствіе найденнаго въ Сивиллиныхъ книгахъ стихотворнаго предсказанія о томъ, что врагъ чужестранецъ только тогда можетъ быть изгнанъ изъ Италіи, когда *Идейская мать* будетъ перенесена въ Римъ. Она вручена Римлянамъ Атталомъ, царемъ Азіи; то былъ камень, который у туземцевъ назывался *матерью боговъ*. Принялъ его П. Сципіонъ Назика, сынъ того Кнея, который погибъ въ Испаніи, признанный отъ сената за самого лучшаго человѣка въ Римѣ, хотя онъ былъ очень молодъ, и даже не получилъ еще должности квестора. Оракулъ далъ приказаніе, чтобы божество то было принято и посвящено лучшимъ мужемъ.

Локрійцы отправили пословъ въ Римъ жаловаться на притѣсненія Племинія легата, который похитилъ деньги Прозерпины, а женъ и дѣтей насиловалъ. Племиній приведенъ въ Римъ въ цѣпяхъ, и тутъ въ темницѣ умеръ.

Вслѣдствіе ложнаго слуха о проконсулѣ П. Сципіонѣ, находившемся въ Сициліи, будто онъ тамъ роскошествуетъ, отправлены для изслѣдованія этого дѣла послы, которые убѣдились въ несправедливости того слуха. Оправданный Сципіонъ переправляется въ Африку съ дозволенія сената.

Сифаксъ, женясь на дочери Аздрубала, отказывается отъ дружественнаго союза, который заключилъ было съ Сципіономъ.

Масинисса, царь Мезуліевъ, сражаясь за Кароагенянъ въ Испаніи, потерялъ отца своего Галу, и съ нимъ вмѣстѣ царство. Неразъ

пытаясь возвратить его войною, Масинисса, побѣжденный Сифаксомъ, царемъ Нумидовъ, совершенно лишенъ своихъ владѣній. Онъ явился къ Сципіону изгнанникомъ съ двумя стами всадниками, и при самомъ началѣ военныхъ дѣйствій, разбиваетъ большой отрядъ Кароагенской конницы, и убиваетъ начальника его Ганнона, сына Гамилькарова.

Сципіонъ, вслѣдствіе прихода Газдрубала и Сифакса съ его войсками, заключавшими въ себѣ почти сто тысячь человѣкъ, вынужденъ былъ снять осаду Утики, и стать на зимовку въ укрѣпленномъ лагерѣ.

Консулъ Семпроній на Кротонійскомъ полѣ имѣлъ удачныя схватки съ Аннибаломъ.

Произведена цензорами перепись, по которой оказалось граждан двѣсти четырнадцать тысячь, между цензорами М. Ливіемъ и Клавдіемъ Нерономъ, произошла замѣчательная ссора. Клавдій отнялъ коня у своего товарища Ливія вслѣдствіе того, что онъ былъ осужденъ народомъ и посланъ въ ссылку, а Ливій у Клавдія за ложное свидѣтельство и нечистосердечное съ нимъ примиреніе. Онъ же Ливій всѣ трибы Римскаго народа, кромѣ одной, сдѣлалъ податными за то, что они осудили его безвинно, а потомъ его же избрали и консуломъ и цензоромъ. (Событія годовъ отъ построенія Рима 547—548). Стр. 349.

Содержаніе книги тридцатой. Въ Африкѣ Сципіонъ, при содѣйствіи Масиниссы, побѣждаетъ во многихъ сраженіяхъ Кароагенянъ, Сифакса, Нумидскаго Царя, и Аздрубала, овладѣваетъ двумя непріятельскими лагерями, гдѣ гибнутъ отъ огня и меча до сорока тысячь непріятельскихъ воиновъ.

Масинисса, взявъ въ плѣнъ Софонибу, супругу Сифакса, дочь Аздрубала, вдругъ въ нее влюбился, и тотчасъ сдѣлалъ ее своею женою. Получивъ за такой поступокъ строгой выговоръ Сципіона, онъ послалъ Софонибѣ ядъ, который она выпила и умерла.

Многія побѣды Сципіона сдѣлали то, что Кароагеняне, доведенные до отчаянія, вынуждены для защиты своего отечества, вызвать Аннибала изъ Италіи и тотъ, послѣ почти шестнадцатилѣтняго тамъ пребыванія, возвратился въ Африку; онъ старался сначала посредствомъ переговоровъ заключить миръ съ Сципіономъ. Но не сошлись они съ нимъ въ условіяхъ міра, дошло дѣло до сраженія, въ которомъ Аннибалъ побѣжденъ.

Когда Гисгонъ сталъ говорить противъ мира, то Аннибалъ употребилъ противъ него насиліе; а потомъ, извинясь въ своемъ поступкѣ, совѣтовалъ заключить міръ.

По возвращеніи въ Римъ, Сципіонъ имѣлъ блистательный тріумфъ; не малымъ украшеніемъ его былъ сенаторъ К. Теренцій Куллеонъ, который, будучи освобожденъ Сципіономъ, сопровождалъ его въ шапкѣ. Неизвѣстно, Сципіонъ получилъ прозваніе *Африканскаго* отъ своихъ воиновъ, или отъ молвы народной; но достовѣрно то, что Сципіонъ—первый главный вождь (*императоръ*) получившій прозваніе отъ побѣжденнаго имъ народа.

Магонъ, во время битвы съ Римлянами, на Инсубрскомъ полѣ, раненъ и умеръ, возвращаясь въ Африку, куда отправился вызванный нарочно присланными послами.

Масиниссѣ не только возвращено его царство, но и подарены ему бывшія владѣнія Сифакса. (Событія лѣтъ отъ построенія Рима 549—551). Стр. 402.

1861.
Января 23.
Москва.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

—

1. Ганнонъ, возвратясь изъ Кампаніи въ землю Бруттіевъ, сталъ дѣлать покушенія на Греческіе города; его путеводителями и помощниками были Бруттіи. Жители Греческихъ городовъ тѣмъ усерднѣе оставались вѣрны союзу съ Римлянами, что на сторонѣ Карѳагенянъ видѣли они Бруттіевъ, для нихъ предметъ и ненависти и опасеній. Первая попытка была сдѣлана на Регій и нѣсколько дней безъ пользы проведено подъ этимъ городомъ. Между тѣмъ жители Локръ поспѣшно тащили съ полей въ городъ хлѣбъ, дрова и всѣ предметы первой необходимости, имѣя въ виду, чтобы ничего не доставалось въ добычу непріятелю: съ каждымъ днемъ увеличивалось число гражданъ, выходившихъ за этимъ изъ города. Наконецъ остались тамъ только тѣ, которые вынуждены были поправлять стѣны и ворота и заготовлять въ бойницы военные снаряды. На эти толпы гражданъ всякаго возраста и состоянія, въ безпорядкѣ разсѣянныхъ по полямъ и большою частью безоружныхъ, Гамилькаръ послалъ свою конницу; но воинамъ велѣлъ не обижать никого, а только отрѣзать путь къ возвращенію въ городъ Локрійцамъ; самъ же занялъ возвышенное мѣсто, откуда могъ обозрѣвать и городъ и его окрестности; онъ выслалъ къ стѣнамъ городскимъ отрядъ Бруттіевъ и велѣлъ вызвать для переговоровъ Локрійскихъ старѣйшинъ и убѣждать ихъ вступить въ дружественный союзъ съ

Аннибаломъ и предать городъ Кароагенянамъ. Сначала граждане ни въ чемъ не повѣрили Бруттіямъ: но скоро увидали они Кароагенянъ на прилежащихъ холмахъ и немногіе, которымъ удалось уйдти, дали знать, что большая часть ихъ соотечественниковъ во власти Кароагенянъ. Уступая чувству страха, старѣйшины отвѣчали, что они посовѣтуются съ гражданами. Ихъ они тотчасъ и созвали; тутъ люди легкомысленные съ радостью ухватились за мысль о перемѣнѣ и новомъ союзѣ. Притомъ многихъ родные были въ рукахъ непріятелей, и потому они невольны были въ своихъ чувствахъ; немного было во глубинѣ души желавшихъ остаться вѣрными союзу съ Римлянами, но и тѣ несмѣли высказать своего образа мыслей; а потому повидимому единогласно одобрена была мысль — передаться Кароагенянамъ. Начальникъ гарнизона Римскаго, М. Атилій, съ воинами, у него находившимися, тайно отведенъ къ пристани; тутъ онъ сѣлъ на суда и отправился въ Регій. Жители Локръ приняли въ городъ Гамилькара и Кароагенянъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы тотчасъ заключить союзъ подъ условіемъ равенства обѣихъ сторонъ. Это условіе едва не было нарушено относительно отдавшихся горожанъ: Кароагеняне обвиняли ихъ, что они коварно выпустили Римлянъ; но тѣ увѣряли, что Римляне спаслись бѣгствомъ сами. Посланы въ погоню Кароагенскіе всадники на случай—не остановило ли суда въ проливѣ морское теченіе, или не прибило ли оно ихъ къ берегу. Но тщетны были усилія Кароагенянъ догнать эти суда; увидали только они суда, плывшія черезъ проливъ изъ Мессаны въ Регій; на нихъ сидѣли воины Римскіе, посланные въ Регій преторомъ Клавдіемъ для защиты этого города. А потому Кароагеняне немедленно оставили свои покушенія на Регій. Съ разрѣшенія Аннибала Локрійцамъ данъ миръ: «жить имъ свободно, пользуясь собственными законами; въ городъ Кароагеняне имѣютъ свободный доступъ. Дружественный союзъ долженъ заключаться въ томъ, что и въ мирѣ и на войнѣ Кароагеняне должны помогать Локрійцамъ и Локрійцы Кароагенянамъ.»

2. Такимъ образомъ Кароагеняне удалились отъ пролива; Бруттійцы сильно роптали, что Кароагеняне оставили невредимыми оба города Регій и Локры, которые они Бруттійцы предназначили себѣ на разграбленіе. А потому Бруттійцы сами по себѣ, набравъ войско изъ пятнадцати тысячь молодыхъ людей, двинулись къ городу Кротону, намѣреваясь овладѣть имъ. Городъ этотъ, населенный Греками, стоялъ при морѣ и Бруттійцы надѣялись значительно увеличить свои силы въ томъ случаѣ, если бы имъ удалось овладѣть приморскимъ городомъ, весьма сильнымъ стѣнами. Озабочивало ихъ то обстоятельство, что не пригласить на помощь Кароагенянъ они не смѣли, дабы не показать тѣмъ, что они ужъ ихъ и за союзниковъ не считаютъ. А съ другой стороны Бруттійцы не хотѣли безъ пользы для себя сражаться, чтобы доставить, какъ недавно Локрамъ, свободу жителямъ Кротоны въ томъ случаѣ, если Кароагеняне захотятъ опять играть роль не помощниковъ для войны, но примирителей. А потому Бруттійцы за лучшее сочли — отправить къ Аннибалу пословъ, предупреждая его, чтобы Кротонъ, если будетъ взятъ, сдѣлался собственностью ихъ Бруттіевъ. Аннибалъ отвѣчалъ, что вопросъ этотъ надобно рѣшить тѣмъ, которые находятся на мѣстѣ и отослалъ Бруттійцевъ за рѣшеніемъ его къ Ганнону; а Ганнонъ не далъ положительнаго отвѣта. Кароагеняне не желали отдать на разграбленіе славный и богатый городъ и надѣялись, что жители Кротоны, въ случаѣ если Бруттійцы нападутъ на нихъ, скорѣе пристанутъ къ нимъ Кароагенянамъ, видя, что они Кароагеняне и не одобряютъ намѣренія Бруттійцевъ и не помогаютъ имъ. Между жителями Кротоны не было ни согласія, ни единодушія. Можно сказать одна и та же болѣзнь вкралась во всѣ города Италіи: несогласіе между аристократіею и чернью: вездѣ сенатъ держалъ сторону Римлянъ, а простой народъ тянулъ на сторону Кароагенянъ. Перебѣжчикъ даетъ знать Бруттійцамъ о несогласіи, господствующемъ въ городѣ, о томъ, что Аристомахъ стоитъ во главѣ народной партіи, замышляя предать городъ; что по обширности города и большому пространству его стѣнъ весьма не многіе посты и караулы заняты сенаторами; тѣ же мѣста, гдѣ караулятъ простолюдины, доступны во всякое время. По указанію и подъ руководствомъ перебѣжчика, Бруттійцы подступили къ городу, окру-

жа его со всѣхъ сторонъ войскомъ. Чернь впустила ихъ и они тотчасъ же заняли всѣ мѣста въ городѣ кромѣ крѣпости, которая находилась въ рукахъ аристократовъ, заранѣе приготовившихъ тамъ себѣ на подобный случай убѣжище. Туда же ушелъ и самъ Аристомахъ, показывая тѣмъ, что онъ хотѣлъ предать городъ Карѳагенянамъ, а не Бруттійцамъ.

3. Стѣны города Кротона, до прибытія царя Пирра въ Италію, обнимали пространство до двѣнадцати миль въ окружности. Опустошенный въ эту войну, городъ едва на половину остался обитаемъ; рѣка, которая нѣкогда раздѣляла городъ пополамъ, теперь протекала внѣ застроенной домами части города; а крѣпость также далеко была внѣ ея. Отъ нѣкогда знаменитаго города въ шести миляхъ находился еще знаменитѣйшій храмъ Юноны Лацинской, святыня для всѣхъ окрестныхъ народовъ. Тамъ была священная роща, окруженная дремучимъ лѣсомъ изъ огромныхъ сосновыхъ деревъ. Посреди рощи находились прекрасныя пастбища, гдѣ ходили безъ пастуха большія стада животныхъ всякаго рода, посвященныхъ богинѣ. Они выходили отдѣльно и ночью сами удалялись въ назначенныя имъ стойла. Никогда не трогали ихъ ни хищные звѣри, ни недобрые люди. Эти стада давали большой доходъ, и изъ него то сдѣлана и посвящена литая золотая колонна. Храмъ этотъ славился столько же святостью, сколько и богатствомъ; столь знаменитыя мѣста не могутъ быть безъ молвы о чудесахъ. Въ народѣ говорили, будто ни какой вѣтеръ не касается золы на жертвенникѣ, находившемся въ преддверіи храма. Крѣпость города Кротоны съ одной стороны обращена была къ полю, а съ другой стояла на самомъ берегу моря; нѣкогда защищенная только мѣстностью, она окружена была впослѣдствіи стѣнами, которыя впрочемъ не воспрепятствовали Сицилійскому тирану Діонисію овладѣть хитростью этимъ городомъ, пользуясь углубленіями скалъ сзади города. Эта то крѣпость, довольно сильная, находилась во власти Кротонскихъ аристократовъ и ее осадили Бруттійцы, содѣйствуемые въ этомъ Кротонскою чернью. Бруттійцы, видя, что не совладать имъ однимъ съ крѣпостью, вынуждены наконецъ необходимостью просить Ганнона о содѣйствіи. Ганнонъ хотѣлъ убѣдить Кротонцевъ къ сдачѣ, предлагая имъ въ ихъ запустѣвшій отъ войны городъ принять колонію Бруттійцевъ и тѣмъ возвратить ему прежнее многолюдство; но никто, кромѣ одного Аристомаха, не хотѣлъ его слушать. Кротонцы говорили, что скорѣе умрутъ, чѣмъ, перемѣшавшись съ Бруттійцами, перемѣнятъ законы, обычаи и самый языкъ. Аристомахъ, видя, что убѣжденія его остаются безъ пользы и что нѣтъ случая къ преданію, какъ онъ поступилъ съ городомъ, крѣпости, ушелъ къ Ганнону. Вскорѣ послѣ того послы Локрійцевъ, получивъ дозволеніе Ганнона пройти въ крѣпость Кротоны, убѣдили осажденныхъ избѣгнуть неминуемой гибели, перейдя на жительство въ Локры. Поступить такъ—получено дозволеніе отъ Аннибала, къ которому нарочно за этимъ посылали пословъ. Такимъ образомъ жители Кротоны оставили городъ и, отведенные на берегъ морской, сѣли тамъ на суда и всѣ огромною массою отправились въ Локры. Въ Апуліи и зима не прошла спокойно между Римлянами и Аннибаломъ. Семпроній Консулъ имѣлъ зимнія квартиры въ Луцеріи, а Аннибалъ недалеко отъ Арпъ. Были небольшія схватки или случайныя, или при благопріятныхъ для которой либо изъ сторонъ условіяхъ. Въ этихъ стычкахъ Римляне становились все опытнѣе и лучше прежняго умѣли беречься отъ хитростей и уловокъ непріятеля.

4. Въ Сициліи съ смертью Гіерона все перемѣнилось для Римлянъ; власть царская перешла къ его внуку Гіерониму. Этотъ отрокъ и свободою дѣйствій не умѣлъ пользоваться, гдѣ же ему было совладать съ властью? А опекуны и друзья съ радостью воспользовались дурными наклонностями отрока, чтобы вовлечь его во всѣ пороки. Гіеронъ предвидѣлъ, что это случится, и потому, какъ говорятъ, въ глубокой старости хотѣлъ оставить Сиракузы свободными для того, чтобы государство, имъ устроенное и упроченное, не пришло въ разстройство, по приходѣ отрока, въ его правленіе. Этому намѣренію Гіерона противились всѣми силами дочери его. Онѣ надѣялись, что отрокъ будетъ только носить имя царя; самая же власть будетъ принадлежать мужьямъ ихъ—Андранодору и Зоиппу, первымъ изъ опредѣленныхъ къ Гіерониму опекуновъ. Трудно было, чтобы девя-

нистолѣтній старикъ устоялъ противъ льстивыхъ женскихъ рѣчей, день и ночь ему твердимыхъ и для общей пользы пожертвовалъ интерессами своего семейства. А потому онъ назначилъ къ внуку пятнадцать опекуновъ; умирая, просилъ онъ ихъ свято соблюдать вѣрность народу Римскому, которую тщательно соблюдалъ онъ въ продолженіи пятидесяти лѣтъ, и отрока наставить идти по его Гіерона слѣдамъ и воспитать въ тѣхъ правилахъ, которыми онъ руководствовался въ жизни. Такова была послѣдняя воля Гіерона. Когда онъ испустилъ духъ, опекуны его вынесли завѣщаніе и привели отрока въ совѣтъ (ему было тогда почти пятнадцать лѣтъ). Немногіе, нарочно разставленные около собранія для этой цѣли, при чтеніи завѣщанія произнесли одобрительные клики. Большая же часть гражданъ волновалась опасеніями: они сознавали сиротство государства съ утратою царя, бывшаго отцомъ его, и всего опасались. Гіерона похороны ознаменовались не столько усердіемъ его приближенныхъ, сколько выраженною тутъ любовью и привязанностью гражданъ. Немного времени прошло, и Андранодоръ удалилъ отъ Гіеронима всѣхъ опекуновъ, говоря, что Гіеронимъ уже въ лѣтахъ совершенныхъ и въ состояніи самъ управить царствомъ. Андранодоръ сложилъ съ себя опеку, общую ему со многими другими, а власть всѣхъ опекуновъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ.

5. Самому умѣренному и доброму царю трудно было бы угодить на Сиракузянъ послѣ обожаемаго имъ Гіерона; а внукъ его своими пороками старался, чтобы они еще болѣе жалѣли объ умершемъ царѣ, и съ самаго начала показалъ, какая разница между нимъ и его дѣдомъ. Ни Гіеронъ, ни сынъ его Гелонъ, ни въ чемъ ни одеждою, ни какими либо особенными знаками не старались отличиться отъ прочихъ гражданъ. Тутъ же увидали граждане новаго царя въ порфирѣ, діадемѣ, окруженнаго вооруженными тѣлохранителями, влекомаго въ колесницѣ четвернею бѣлыхъ коней, какъ то дѣлалъ тиранъ Діонисій. Такой пышной обстановкѣ соотвѣтствовала и перемѣна нрава и обращенія: презрительный ко всѣмъ, новый царь обходился гордо, давалъ надменные и дерзкіе отвѣты. Доступъ къ нему былъ затруднителенъ не только для постороннихъ, но и для опекуновъ. Дана

воля необузданнымъ страстямъ и непомѣрной жестокости. Вслѣдствіе этого такой страхъ овладѣлъ всѣми, что нѣкоторые изъ опекуновъ, опасаясь казни, предупредили ее или бѣгствомъ или добровольною смертью. Трое изъ опекуновъ, которымъ однимъ открытъ былъ доступъ въ царскій дворецъ, Андранодоръ и Зоиппъ, Гіероновы зятья, и нѣкто Тразонъ, толкуя о другихъ дѣлахъ, не слишкомъ обращали вниманіе отрока. Но нерѣдко со вниманіемъ прислушивался онъ къ ихъ спорамъ, такъ какъ Андранодоръ и Зоиппъ тянули на сторону Карѳагенянъ; а Тразонъ отстаивалъ союзъ съ Римлянами. Вдругъ нѣкто Каллонъ, сверстникъ Гіеронима и росшій вмѣстѣ съ нимъ товарищемъ дѣтства, открылъ заговоръ противъ жизни царя. Доносчикъ могъ указать на одного Теодота и то только потому, что онъ его приглашалъ принять участіе въ заговорѣ. Теодотъ схваченъ и отданъ Андранодору на пытку; сознавшись въ своей винѣ, Теодотъ упорно скрывалъ своихъ единомышленниковъ. Терзаемый всѣми самыми страшными пытками, какія только самая утонченная жестокость человѣка можетъ изобрѣсть, Теодотъ, какъ бы уступая ихъ силѣ, среди стоновъ и воплей показалъ на Тразона, какъ на главнаго зачинщика и еще на нѣсколькихъ лицъ менѣе значительныхъ изъ свиты царской; обвинивъ невинныхъ, настоящихъ виновныхъ Теодотъ скрылъ, прибавивъ даже въ своемъ показаніи, что если онъ, Теодотъ, и другіе были вовлечены въ этотъ заговоръ, то авторитетомъ столь сильнаго человѣка, какъ Тразонъ. Это показаніе Гіерониму казалось совершенно вѣрнымъ и только подтверждавшимъ его собственныя подозрѣнія. Немедленно Тразонъ и другіе, съ нимъ вмѣстѣ обнесенные, но также какъ и онъ невинные, преданы казни. Между тѣмъ изъ настоящихъ виновныхъ въ то время, когда товарищъ ихъ захваченъ и преданъ пыткѣ, ни одинъ не бѣжалъ и не скрылся. До такой степени убѣждены были они въ вѣрности и мужествѣ Теодота: и у самаго Теодота на столько было присутствія духа и силъ, чтобы соблюсть ввѣренную ему тайну.

6. Съ казнью Тразона рушилась послѣдняя связь съ Римлянами, и Сиракузское правительство не стало уже скрывать своихъ замысловъ: измѣна Риму была рѣшена. Тотчасъ отправлены пос-

лы къ Аннибалу. Когда они возвращались, то Аннибалъ присоединилъ къ нимъ своихъ—Аннибала, молодаго человѣка знатнаго семейства, Гиппократа и Эпицида (они хотя и родились въ Карѳагенѣ, но дѣдъ ихъ былъ выходецъ изъ Сиракузъ, а по матери они были Карѳагенскаго роду). Черезъ этихъ пословъ скрѣпленъ союзъ между Аннибаломъ и властителемъ Сиракузъ; съ согласія Аннибала, послы при немъ и остались. Преторъ Ап. Клавдій, которому Сицилія ввѣрена была въ управленіе, услыхавъ объ этомъ, тотчасъ отправилъ пословъ къ Гіерониму. Когда они сказали ему, что пришли возобновить дружественный союзъ, бывшій у Римлянъ съ его дѣдомъ, то Гіеронимъ презрительно съ ними обошелся и отпустилъ ихъ, въ насмѣшку спросивъ: «счастливо ли сражались Римляне подъ Каннами? Послы Аннибаловы разсказываютъ объ этомъ сраженіи подробности почти невѣроятныя. Интересно было бы ему, Гіерониму, знать истину, чтобы держаться той стороны, у которой больше надежды на успѣхъ. Римляне отвѣчали на это: «что они вернутся тогда, когда онъ выучится принимать и выслушивать посольства какъ слѣдуетъ.« Они отправились назадъ, болѣе совѣтуя царю, чѣмъ прося его—опрометчиво не разрывать дружбы съ Римомъ. Гіеронимъ отправилъ въ Карѳагенъ пословъ—заключить тамъ союзный договоръ на основаніи предварительныхъ условій съ Аннибаломъ. Въ договорѣ положено: «по изгнаніи Римлянъ изъ Сициліи (что незамедлитъ послѣдовать, если Карѳагеняне пришлютъ войско и флотъ), рѣка Гимера, которая дѣлитъ островъ почти на двѣ равныя половины, должна быть границею владѣній Карѳагенскихъ и Сиракузскихъ. Впрочемъ Гіеронимъ, возгордившись вслѣдствіе убѣжденій тѣхъ, которые напоминали ему, что въ немъ течетъ кровь не только Гіерона, но по матери и царя Пирра, не замедлилъ отправить другое посольство, требуя, чтобы ему уступлена была вся Сицилія, Карѳагенянамъ же предоставляется Италія. Карѳагеняне не удивлялись встрѣтить такое легкомысліе и тщеславіе въ безразсудномъ отрокѣ, да и не думали обличать его, стараясь только, во что бы то ни стало, отвлечь его отъ Римлянъ.

7. Таковыми дѣйствіями Гіеронимъ только ускорилъ свою гибель. Онъ отправилъ впередъ Гиппократа и Епицида съ двумя тысячами воиновъ склонять къ измѣнѣ Римлянамъ города, находившіеся въ ихъ власти; а самъ намѣревался со всѣмъ остальнымъ войскомъ (оно состояло почти изъ пятнадцати тысячь пѣхоты и конницы) идти противъ Леонтинъ. Заговорщики,—а они всѣ находились въ войскѣ,—заняли пустые дома, находившіеся въ узкой улицѣ, по которой царь обыкновенно шелъ на форумъ. Здѣсь всѣ воины вооруженные и со всѣмъ готовые ждали появленія царя; одному изъ заговорщиковъ, находившемуся въ числѣ тѣлохранителей царскихъ, по имени Диномену, поручено было, какъ только царь пройдетъ изъ двери, задержать какою либо хитростью сзади въ узкомъ мѣстѣ его провожатыхъ. Какъ было условлено, такъ и сдѣлано. Диноменъ, приподнявъ ногу будто для того, чтобы распустить тугія повязки ноги, задержалъ толпу; а какъ царь прошелъ впередъ, то своимъ дѣйствіемъ сдѣлалъ Диноменъ такой промежутокъ, что царю—заговорщики, бросившись на него, совершенно не имѣвшаго при себѣ вооруженной свиты, успѣли нанести нѣсколько смертельныхъ ранъ прежде, чѣмъ подоспѣли его провожатые. Услыхавъ крики и шумъ, царскіе тѣлохранители бросаютъ дротики въ Диномена, который уже открыто старается ихъ задержать; впрочемъ онъ успѣлъ уйти, получивъ двѣ раны. Тѣ, которые составляли свиту царя, видя его мертвымъ, разбѣжались. Изъ убійцъ одни отправились на общественную площадь къ черни, обрадовавшейся вольности; а другіе бросились въ Сиракузы—предупредить замыслы Андранодора и другихъ царскихъ приближенныхъ. Ап. Клавдій, видя, что война загорается вблизи отъ него, сообщилъ сенату Римскому письмомъ, что Сицилія склоняется на сторону Карѳагенянъ и Аннибала и что онъ, вслѣдствіе замысловъ Сиракузянъ, сосредоточилъ всѣ военныя силы своей провинціи на границѣ Сиракузскаго царства. Въ концѣ этого года, по приказанію сената, К. Фабій укрѣпилъ Путеолы, гдѣ, съ тѣхъ поръ какъ началась война, открылся довольно значительный рынокъ, и оставилъ тамъ гарнизонъ. Отправляясь въ Римъ на выборы, онъ назначилъ для нихъ первый день, въ который они по закону могли быть произведены, и съ пути прямо, не останавливаясь въ городѣ, отпра-

вился на Марсово поле. По жеребью досталось первой подавать голосъ трибѣ молодежи отъ Аніо. Она назначила консулами Т. Отацилія и М. Эмилія Регилла. Тогда К. Фабій, потребовавъ молчанія, сказалъ слѣдующую рѣчь:

8. «Еслибы Италія пользовалась миромъ, или имѣлибы мы дѣло съ непріятелемъ, въ отношеніи къ которому можно было бы допустить въ нѣкоторой степени и небрежность; то поступилъ бы неуважительно въ отношеніи къ вашимъ правамъ свободы тотъ, который старался бы измѣнить ваше мнѣніе о томъ, кого находите вы достойнымъ консульской почести. Но какъ въ нынѣшней войнѣ и съ тѣмъ непріятелемъ, съ которымъ мы имѣемъ дѣло, каждая ошибка нашего полководца стоила страшныхъ потерь отечеству, то при выборѣ консуловъ вы должны дѣйствовать съ такимъ же стараніемъ, съ какимъ являетесь вы на полѣ битвы съ оружіемъ въ рукахъ. Каждый изъ васъ долженъ самъ въ себѣ сказать: «выбираю консуломъ человѣка, который, какъ полководецъ, достоенъ стать наравнѣ съ Аннибаломъ.» Въ нынѣшнемъ году у Капуи на вызовъ лучшаго изъ Кампанскихъ всадниковъ, Юбеллія Тавреи, выставили мы перваго нашего воина Азелла Клавдія. Противъ того Галла, который на мосту рѣки Аніо вызывалъ себѣ противника, предки наши послали Т. Манлія, крѣпкаго и силами духа и тѣла. По той же причинѣ, какъ я полагаю, немного лѣтъ послѣ того, такое же довѣріе оказали М. Валерію, позволивъ ему выйдти на единоборство съ Галломъ по его вызову. Но если мы, при выборѣ конныхъ и пѣшихъ воиновъ, обращаемъ вниманіе на то, чтобы они были если не сильнѣе своихъ противниковъ, то, по крайней мѣрѣ, равны имъ силами; то и при выборѣ главнаго вождя должны мы стараться о томъ, чтобы онъ былъ не хуже полководца непріятельскаго. Да и въ томъ случаѣ, когда мы выбираемъ вождемъ лучшаго изъ нашихъ гражданъ, онъ, будучи выбранъ на годъ, долженъ стать въ уровень съ безсмѣннымъ и опытнымъ вождемъ непріятельскимъ, не стѣсненнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ никакими условіями времени, ни ограниченіемъ правъ, а дѣйствующимъ такъ, какъ только требуютъ того условія войны. Мы же, едва только успѣемъ начать, какъ среди самыхъ приготовленій къ войнѣ

проходитъ годъ. Довольно сказалъ я вамъ для того, чтобы показать, какихъ людей должны вы выбирать консулами; остается сказать нѣсколько словъ о тѣхъ людяхъ, въ пользу которыхъ склонилось мнѣніе первой трибы. М. Эмилій Региллъ—Квиринальскій фламинъ; мы его не должны высылать изъ Рима по его жреческимъ обязанностямъ, и здѣсь удерживать его не слѣдуетъ: въ первомъ случаѣ пренебрежемъ мы богослуженіемъ, а во второмъ веденіемъ войны. Отацилій женатъ на дочери сестры моей и имѣетъ отъ нея дѣтей; но благодѣянія ваши въ отношеніи ко мнѣ и предкамъ моимъ таковы, что я никогда не соглашусь, для выгодъ моего семейства, пожертвовать общественными интерессами. Когда море тихо, то каждый простой матросъ можетъ управить судномъ; но когда разыграется грозная буря и корабль носится по страшнымъ волнамъ, тутъ-то нужно и человѣка и кормчаго. А мы не только не пользуемся тишиною, но и, вслѣдствіе нѣсколькихъ ураганoвъ, едва не погрузились въ пучину морскую. А потому надобно вамъ обращать величайшее стараніе на выборъ того человѣка, который будетъ править кормиломъ государства. Въ менѣе важныхъ дѣлахъ испытали мы тебя, Т. Отацилій; но ты ничѣмъ не доказалъ намъ, что заслуживаешь довѣрія въ болѣе важныхъ. Въ нынѣшнемъ году изготовили мы флотъ и ввѣрили его твоему начальству, имѣя три цѣли въ виду: опустошить берега Африки, обезопасить берега Италіи, а главное—не допускать къ Аннибалу никакихъ подвозовъ ни войска, ни провіанта изъ Карѳагена. Если Отацилій—не говорю все, а хоть что нибудь изъ этого всего исполнилъ, то выбирайте его консуломъ! Но, между тѣмъ какъ ты, Отацилій, начальствовалъ флотомъ, Аннибалъ такъ безопасно получалъ всѣ подвозы изъ дому какъ будто въ морѣ вовсе нашего флота и не было. Берега Италіи болѣе береговъ Африки страдали отъ опустошеній. Скажи теперь, Отацилій, гдѣ же твои права на то, чтобы тебя, преимущественно передъ другими, противуставить въ качествѣ главнаго нашего вождя Аннибалу. Въ случаѣ, если ты будешь консуломъ, мы тотчасъ должны, по примѣру предковъ нашихъ, назначить диктатора. И не имѣешь ты права негодовать за то, что въ государствѣ Римскомъ найдется человѣкъ, превосходящій тебя способ-

постями на войнѣ. Да и болѣе всѣхъ для тебя самаго, Т. Отацилій, важно не брать на свою шею тяжесть, тебѣ не подъ силу, подъ которою ты упадешь. Я съ своей стороны отъ души убѣждаю васъ выбрать консуловъ въ такомъ же настроеніи духа, въ какомъ избрали бы вы двухъ вождей, стоя лицомъ къ лицу съ непріятелемъ на полѣ битвы съ оружіемъ въ рукахъ. Не забудьте, что этимъ консуламъ дѣти ваши дадутъ военную присягу, что, по ихъ приказанію, соберутся они въ походъ, что подъ ихъ руководствомъ и попечительствомъ они должны будутъ служить. Тяжело вспоминать о Тразименскомъ озерѣ и о Каннахъ, но спасительно, какъ урокъ намъ—избѣгать подобнаго въ будущемъ. Глашатай! Снова зови для подачи голосовъ младшую Аніенскую трибу.»

9. Т. Отацилій жестоко спорилъ, настаивая на томъ, чтобы остаться консуломъ; тогда М. Фабій приказалъ подступить къ нему ликторамъ, напоминая, что какъ онъ прямо прибылъ на Марсово поле съ похода, то его ликторы съ пуками имѣютъ и сѣкиры. Снова Аніенская триба пошла подавать голоса, и она назначила консулами К. Фабія Максима въ четвертый разъ и М. Марцелла въ третій. Прочія сотни единогласно избрали тѣхъ же консуловъ. Изъ преторовъ только одинъ оставленъ прежній, а именно К. Фульвій Флаккъ; а вновь избраны Т. Отацилій Крассъ вторично, К. Фабій, сынъ консула, бывшій въ то время курульнымъ эдилемъ, и П. Корнелій Лентулъ. Когда оконченъ былъ выборъ преторовъ, то состоялся сенатскій декретъ: «чтобы не въ очередь К. Фульвію принадлежало управленіе Римомъ, и чтобы онъ, по удаленіи консуловъ на войну, имѣлъ въ немъ главную власть.» Въ этомъ году два раза было разлитіе водъ и Тибръ выливался изъ береговъ, причинивъ большой вредъ строеніямъ, людямъ и животнымъ. Въ четвертый годъ второй Пунической войны вступили въ отправленіе консульской должности К. Фабій Максимъ въ четвертый разъ и М. Клавдій Марцеллъ въ третій. Всѣ граждане сосредоточили особенное вниманіе и ожиданіе на этихъ консулахъ; давно уже столь знаменитые мужи не были вмѣстѣ консулами. Старики припоминали, что такъ во время Галльской войны избраны были Максимъ Руллъ

съ Публіемъ Деціемъ, и противъ Самнитовъ, Бруттіевъ, Луканцевъ и жителей Тарента—Папирій вмѣстѣ съ Карвиліемъ. Марцеллъ избранъ консуломъ заочно: въ то время онъ находился при войскѣ. Фабію же продолжена консульская власть, тогда какъ онъ былъ на лицо и самъ управлялъ выборами. Обстоятельства времени, военная необходимость и въ высшей степени затруднительное положеніе дѣлъ были причиною, что никто не вглядывался, каковъ будетъ этотъ примѣръ, и никто и не думалъ заподозрить консула въ честолюбивыхъ замыслахъ къ продолженію власти. Скорѣе удивлялись величію духа консула, что онъ, будучи убѣжденъ, что отечеству настоитъ надобность въ великомъ полководцѣ и сознавая себя таковымъ, предпочелъ навлечь лучше на себя недоброжелательство зависти, чѣмъ упустить изъ виду пользы отечества.

10. Въ тотъ день, когда консулы вступили въ отправленіе должности, сенатъ имѣлъ засѣданіе въ Капитоліѣ. Онъ прежде всего опредѣлилъ декретомъ, чтобы консулы по жеребью распредѣлили между собою: кому предсѣдательствовать на ценсорскихъ выборахъ прежде отправленія къ войску. Потомъ всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ армій продолжена власть и предписано имъ оставаться каждому въ своей провинціи: Ти. Гракху въ Луцеріѣ, гдѣ онъ находился съ войскомъ, состоявшимъ изъ волонтеровъ, К. Теренцію Варрону въ Пиценской области, М. Помпонію въ Галльской. Изъ прошлогоднихъ преторовъ К. Муцій съ властью пропретора долженъ былъ оберегать Сардинію, а М. Валерій—Брундизій и приморье, тщательно слѣдя за всѣми движеніями Македонскаго царя Филиппа. Претору П. Корнелію Лентуллу отдана въ управленіе Сицилія; а Т. Отацилію ввѣренъ тотъ же флотъ, съ которымъ онъ въ прошломъ году дѣйствовалъ противъ Карѳагенянъ. Въ этомъ году получены извѣстія о многихъ чудесныхъ явленіяхъ, и чѣмъ болѣе оказывали къ нимъ довѣрія люди простые и набожные, тѣмъ болѣе ихъ дѣлалось извѣстно. Въ Ланувіѣ, во внутренности храма Юноны Спасительницы, вороны свили гнѣздо. Въ Апуліѣ зеленое финиковое дерево было все въ огнѣ. Въ Мантуѣ одно изъ озеръ, наполненныхъ водою изъ рѣки Минція, приняло цвѣтъ крови. Въ Калесѣ шелъ дождь

мѣломъ, а въ Римѣ на площади, гдѣ торгуютъ скотомъ, кровью. Въ Пистейскомъ поселкѣ подземный источникъ такъ сдѣлался обиленъ водою и бѣжалъ съ такою силою, что, какъ бы сильнымъ потокомъ, унесъ находившіяся тамъ бочки и кадки. Громъ небесный упалъ: въ Капитоліѣ — на общественное зданіе, на храмъ въ Вулкановомъ полѣ, на крѣпость въ землѣ Сабиновъ и на общественную дорогу, въ Габіяхъ на городскую стѣну и на ворота. Еще кромѣ этихъ стали извѣстны чудесныя явленія: въ Пренестѣ Марсово копье само собою сдвинулось съ мѣста; въ Сициліи быкъ говорилъ по человѣчески; въ землѣ Марруциновъ дитя въ утробѣ матери кричало: «іо, тріумфъ!» Въ Сполетѣ женщина сдѣлалась мужчиною. Жители Адріи видѣли на небѣ жертвенникъ и около него подобія людей въ бѣлыхъ одеждахъ. Въ самомъ Римѣ среди города видѣли рой пчелъ; а нѣкоторые встревожили даже весь городъ и заставили гражданъ взяться за оружіе, утверждая, будто видѣли на Яникульскомъ холмѣ легіоны вооруженныхъ воиновъ; но тѣ, которые находились въ то время тамъ, говорили, что никого не видали кромѣ живущихъ тамъ земледѣльцевъ. Вслѣдствіе совѣта гадателей, по поводу этихъ чудесъ, принесены большія жертвы и обнародовано молебствіе всѣмъ богамъ, которые только чтимы были въ Римѣ.

11. Когда исполнено было все, что считали нужнымъ для умилостивленія боговъ, тогда консулы доложили сенату о положеніи общественныхъ дѣлъ, о веденіи войны и о томъ, сколько на лицо войска и гдѣ оно находится. Положено вести войну съ восемнадцатью легіонами: изъ нихъ по два должны были взять себѣ консулы; по два назначены для защиты Галліи, Сициліи и Сардиніи; съ двумя преторъ К. Фабій долженъ былъ находиться въ Апуліи, а съ двумя легіонами волонтеровъ Ти: Гракхъ около Луцеріи. Одинъ долженъ былъ находиться у проконсула К. Теренція въ Пиценѣ и одинъ въ Брундизіѣ вмѣстѣ съ флотомъ у М. Валерія; а два легіона должны были оставаться въ Римѣ для его защиты. Чтобы составить положенное число легіоновъ, надобно было еще набрать шесть. Консуламъ велѣно какъ можно скорѣе произвести наборъ и изготовить флотъ такъ, чтобы вмѣстѣ съ судами, находившимися для наблюденія у береговъ Калабріи, онъ на этотъ годъ состоялъ изъ полутораста длинныхъ судовъ. Наборъ произведенъ и спущено на воду 100 новыхъ судовъ; тогда К. Фабій произвелъ выборы въ должность цензоровъ, каковыми и назначены М. Атилій Регулъ и П. Фурій Филъ. Такъ какъ стали поговаривать, что въ Сициліи начинаются военныя дѣйствія, то Т. Отацилію велѣно отправиться туда съ флотомъ. Вслѣдствіе недостатка въ матросахъ, по предложенію консуловъ, состоялся сенатскій декретъ: «тѣ, которые по оцѣнкѣ собственности, произведенной цензорами Л. Эмиліемъ и К. Фламиніемъ, сами или которыхъ родители имѣли отъ 50 до 100.000 ассъ или въ послѣдствіи составили себѣ такое состояніе, обязаны выставить одного матроса съ провіантомъ на шесть мѣсяцевъ. Тѣ, которые имѣли отъ 100 до 300 тысячь ассъ обязаны выставить трехъ матросовъ съ годовымъ продовольствіемъ; отъ 300 тысячь до милліона—пять матросовъ; сверхъ милліона—семь. Сенаторы должны выставить по восьми матросовъ и провіанту имъ на годъ.» Вслѣдствіе этого сенатскаго опредѣленія выставлены матросы частными людьми совсѣмъ готовые и снаряженные, и они сѣли на суда, взявъ съ собою вареной пищи на тридцать дней. Это былъ первый случай, что флотъ Римскій былъ наполненъ матросами, снаряженными на счетъ частныхъ людей.

12. Такія необыкновенныя приготовленія особенно испугали Кампанцевъ. Они опасались, какъ бы Римляне не открыли военныя дѣйствія этого года осадою Капуи. А потому они отправили пословъ къ Аннибалу, прося его, приблизиться съ войскомъ къ Капуѣ: «въ Римѣ набираютъ новыя войска, имѣя въ виду аттаковать ее; ни противъ одного изъ отпавшихъ городовъ не ожесточены такъ Римляне, какъ противъ Капуи.» Аннибалъ, соразмѣряя степень опасности, какой подвергались Кампанцы, съ испугомъ ихъ пословъ, счелъ нужнымъ ускорить походомъ, дабы Римляне его не предупредили; а потому, отправившись изъ Арпъ, остановился повыше Капуи въ прежнемъ своемъ лагерѣ на Тифатскихъ высотахъ. Оставивъ для защиты какъ лагеря, такъ и города Нумидовъ и Испанцевъ, Аннибалъ съ остальнымъ войскомъ отправился къ Аверискому озеру подъ предлогомъ принести тамъ жертвы, а на самомъ дѣлѣ попытаться, нельзя ли

овладѣть Путеолами. Максимъ, узнавъ, что Аннибалъ оставилъ Арпы и возвратился въ Кампанію, вернулся къ войску поспѣшно, денно и нощно бывъ въ дорогѣ. Онъ приказалъ Ти: Гракху изъ Луцеріи придвинуться съ войскомъ къ Беневенту, а претору К. Фабію (сыну своему) вступить въ Луцерію на мѣсто Гракха. Въ Сицилію въ тоже время отправились два претора: П. Корнелій къ войску, а Отацилій принять начальство надъ морскимъ берегомъ и всѣмъ, что относилось до флота; прочіе преторы отправились каждый въ свою провинцію. Да и тѣ, которымъ власть продолжена, оставались въ тѣхъ земляхъ, въ которыхъ находились въ прошломъ году.

13. Когда Аннибалъ находился у Аверискаго озера, то къ нему прибыли пять молодыхъ людей знатныхъ фамилій изъ числа тѣхъ, которые были захвачены въ плѣнъ Аннибаломъ частью у Тразименскаго озера, частью при Каннахъ и отпущены имъ домой съ тою же ласкою, съ какою онъ обращался со всѣми союзниками народа Римскаго. Тарентинцы говорятъ Аннибалу: «что они не забыли его въ отношеніи къ нимъ благодѣяній и склонили большую часть Тарентинской молодежи—союзъ и дружбу съ Аннибаломъ предпочесть таковымъ же съ народомъ Римскимъ и что они присланы отъ своихъ въ качествѣ пословъ—просить Аннибала приблизиться съ войскомъ къ Таренту. А лишь только его знамена и лагерь увидятъ изъ Тарента, то не будетъ ни малѣйшаго замедленія къ сдачѣ города. Въ рукахъ молодежи чернь, а во власти черни судьбы города Тарента.» Аннибалъ осыпалъ ихъ похвалами и не щадилъ самыхъ пышныхъ обѣщаній; онъ велѣлъ имъ возвратиться домой для скорѣйшаго осуществленія ихъ замысловъ, прибавивъ, что онъ самъ явится, когда будетъ нужно. Такъ обнадеженные Тарентинцы отпущены домой; самимъ же Аннибаломъ овладѣло сильное желаніе пріобрѣсть Тарентъ, городъ сильный, знаменитый, приморскій и, что приходилось весьма кстати, обращенный къ Македоніи. Царь Филиппъ, въ случаѣ высадки въ Италіи, всего лучше могъ бы пристать въ Тарентѣ, такъ какъ Брундизій находился во власти Римлянъ. Аннибалъ, совершивъ жертвоприношеніе, для котораго и прибылъ къ Аверну, пока оставался тамъ, опустошилъ Куманскую область

до Мизенскаго мыса и потомъ поспѣшно обратилъ войско на Путеолы, съ цѣлью подавить находившійся тамъ Римскій гарнизонъ. Онъ состоялъ изъ шести тысячъ человѣкъ; притомъ городъ укрѣпленъ былъ не только природою, но и искусствомъ. Три дня пробылъ Аннибалъ подъ Путеолами; всѣ средства испробовалъ онъ противъ гарнизона; но, видя безполезность своихъ усилій, Аннибалъ двинулся къ Неаполю и опустошилъ его окрестности—болѣе съ цѣлью вымѣстить свою досаду, чѣмъ въ надеждѣ овладѣть городомъ. Узнавъ, что Аннибалъ находится близко, чернь Ноланская пришла въ движеніе; уже давно, ненавидя свой сенатъ, она питала нерасположеніе къ Римлянамъ. А потому послы Ноланцевъ явились къ Аннибалу, навѣрное обѣщая ему предать городъ; но намѣренія черни предупредилъ консулъ Марцеллъ, призванный аристократіею. Въ одинъ день, не смотря на то, что его еще задержала переправа черезъ Вултурнъ, онъ прибылъ изъ Калеса въ Суессулу. Оттуда, въ слѣдующую же ночь, Марцеллъ ввелъ въ Нолу для защиты сената шесть тысячъ пѣхоты и триста всадниковъ. Сколько консулъ былъ дѣятеленъ, чтобы захватить Нолу, столько Аннибалъ дѣйствовалъ медленно, тратя по-пустому время: плохо вѣрилъ онъ Ноланцамъ, уже два раза тщетно пытавшись овладѣть ихъ городомъ.

14. Въ одно и тоже время и консулъ К. Фабій подошелъ къ Казилину, гдѣ находился Кароагенскій гарнизонъ, желая попытаться овладѣть имъ. А къ Беневенту, какъ бы сговорясь, подошли въ тоже время: съ одной стороны Ганнонъ съ сильнымъ пѣшимъ и коннымъ войскомъ, преимущественно изъ Бруттійцевъ, а съ другой Ти: Гракхъ отъ Луцеріи, и онъ первый проникъ въ городъ. Услыхавъ, что Ганнонъ сталъ лагеремъ на берегахъ рѣки Калора, въ трехъ почти миляхъ отъ города, и оттуда опустошаетъ окрестности, Гракхъ и самъ вышелъ изъ города, и сталъ лагеремъ въ одной милѣ разстоянія отъ непріятельскаго лагеря. Здѣсь онъ счелъ нужнымъ созвать воиновъ, чтобы поговорить съ ними. Его легіоны по большей части состояли изъ рабовъ, вызвавшихся служить добровольно; вотъ уже второй годъ они предпочитали заслуживать свободу тому, чтобы требовать ее явно. Но когда Гракхъ выходилъ съ зимнихъ квартиръ, то доходилъ

до него ропотъ воиновъ, задававшихъ себѣ вопросъ: «будутъ ли они когда нибудь сражаться вольными?» Тогда Гракхъ написалъ сенату не столько о требованіи воиновъ, сколько о томъ, что они заслужили: «понынѣ (такъ писалъ Гракхъ) пользовался онъ ихъ столь вѣрною и дѣятельною службою, что имъ недостаетъ только правъ свободы для того, чтобы быть примѣрными воинами.» Сенатъ предоставилъ Гракху поступить въ этомъ случаѣ такъ, какъ будутъ требовать пользы отечества. Вслѣдствіе этого Гракхъ, прежде чѣмъ вступать въ дѣло съ непріятелемъ, объявилъ своимъ воинамъ: «наконецъ настало для нихъ время воспользоваться свободою, которой они такъ давно ждали. Въ слѣдующій день сойдутся они съ непріятелемъ въ открытомъ полѣ, гдѣ дѣло рѣшитъ одно мужество и гдѣ военной хитрости опасаться нечего. Кто принесетъ къ нему голову врага, того тотчасъ объявитъ онъ вольнымъ; а кто отступитъ назадъ отъ своего поста, тотъ подвергнется казни рабовъ. Итакъ счастіе каждаго изъ воиновъ въ его собственныхъ рукахъ. Свободу воинамъ даетъ не только онъ Гракхъ, но и консулъ М. Марцеллъ и весь сенатъ, которые вслѣдствіе его вопроса предоставили ему на это право». Потомъ Гракхъ прочиталъ письма отъ Марцелла и Сената Римскаго. Тогда воины громкими криками высказали свою радость; требовали они боя и упорно настаивали, чтобы Гракхъ тотчасъ далъ имъ сигналъ къ нему. Гракхъ распустилъ воиновъ, объявивъ имъ, что на завтрешній день будетъ сраженіе. Воины были въ восторгѣ, особенно тѣ, которые въ награду за труды одного дня ждали свободы; остальное время дня провели они, проготовляя оружіе.

15. На другой день, лишь только заиграли трубы, эти воины явились прежде другихъ къ палаткѣ вождя, совсѣмъ готовые къ бою. При восхожденіи солнца Гракхъ вывелъ войска и устроилъ ихъ въ боевомъ порядкѣ: непріятель не замедлилъ принять сраженіе. У него было семьнадцать тысячь пѣхоты, преимущественно Бруттіевъ и Луканцевъ, а всадниковъ тысячу двѣсти; мало было изъ нихъ Итальянцевъ, а почти всѣ были Нумиды или Мавры. Сраженіе было упорное и долговременное; въ продолженіи четырехъ часовъ успѣхъ не склонялся ни на чью сторону.

Римскимъ воинамъ весьма неблагопріятствовало то обстоятельство, что головы убитыхъ непріятелей должны были служить выкупомъ за свободу. Каждый изъ воиновъ старался убить непріятеля; потомъ много времени терялъ онъ, стараясь, въ тѣснотѣ и свалкѣ, отрѣзать ему голову и сдѣлавъ это, онъ голову держалъ въ правой рукѣ и потому переставалъ быть полезнымъ дѣятелемъ въ сраженіи, котораго судьба перешла такимъ образомъ въ руки робкихъ и недѣятельныхъ. Военные трибуны поспѣшили дать знать Гракху: «никто изъ воиновъ не поражаетъ болѣе живыхъ непріятелей, а всѣ занимаются отрѣзываніемъ головъ у убитыхъ непріятелей и правыя руки воиновъ вмѣсто мечей заняты этими головами.» Тотчасъ Гракхъ велѣлъ объявить воинамъ: «пусть бросятъ они головы мертвыхъ непріятелей и ударятъ на живыхъ; довольно доказали они уже свое мужество; храбрымъ болѣе уже нечего сомнѣваться въ свободѣ.» Тогда сраженіе возгорѣлось съ новою силою, и противъ непріятеля пущена конница. Нумиды смѣло встрѣтили ее, и сраженіе какъ пѣхоты, такъ и конницы, было самое упорное — такъ, что успѣхъ боя былъ самый сомнительный. Съ обѣихъ сторонъ вожди не щадили ругательствъ для противниковъ: Римской вождь припоминалъ, сколько разъ предки Римлянъ побѣждали и доводили до крайней степени униженія Бруттіевъ и Луканцевъ; а Кароагенскій вождь попрекалъ Римскихъ воиновъ, что они рабы и вырвались изъ тюрьмы. Наконецъ Гракхъ объявилъ воинамъ: «чтобы они не смѣли и думать о вольности, если непріятель въ этотъ день не будетъ разбитъ и обращенъ въ бѣгство.»

16. Эти слова до того воодушевили воиновъ, что они, какъ бы сдѣлавшись другими, испустивъ воинскіе крики, съ такою силою ударили на непріятеля, что онъ не могъ долѣе устоять. Сначала смѣшались передовые ряды Кароагенянъ, потомъ стоявшіе у знаменъ, а наконецъ поколебался и весь строй. Тогда непріятель обратился въ рѣшительное бѣгство и устремился съ такою поспѣшностью и робостью въ лагерь, что никто даже въ воротахъ и на валу не остановился. Римляне преслѣдовали непріятеля по пятамъ, и около лагеря, куда сбиты были непріятельскіе воины, загорѣлся снова бой. Здѣсь тѣснота мѣста пре-

пятствовала развернуться; но побоище вслѣдствіе этого было еще сильнѣе. Плѣнные оказали содѣйствіе: пользуясь смятеніемъ, господствовавшимъ въ лагерѣ, они схватили оружіе, съ тылу поражали Карѳагенянъ и лишили ихъ возможности бѣжать. Вслѣдствіе этого изъ такого огромнаго войска спаслось бѣгствомъ менѣе двухъ тысячь, и изъ нихъ большая часть были всадники, ушедшіе вмѣстѣ съ вождемъ; остальные непріятельскіе воины или пали на полѣ битвы или взяты въ плѣнъ. Знаменъ досталось въ руки Римлянъ тридцать восемь; побѣдители потеряли убитыми около двухъ тысячь. Вся добыча (кромѣ взятыхъ въ плѣнъ непріятелей) отдана воинамъ; также изъ военной добычи исключенъ скотъ, и дозволено въ продолженіи тридцати дней прежнимъ хозяевамъ узнавать его и брать. Обремененные добычею, воины Римскіе возвратились въ лагерь; но до четырехъ тысячь воиновъ изъ бывшихъ рабовъ, оказавшихъ менѣе другихъ мужества на полѣ битвы и не ворвавшихся вмѣстѣ съ другими въ непріятельскій лагерь, опасаясь наказанія, удалились на холмъ, не вдалекѣ отъ лагеря. На другой день военные трибуны свели ихъ оттуда, и они явились на военную сходку, назначенную въ этотъ день Гракхомъ. Здѣсь проконсулъ сначала роздалъ военные дары старымъ воинамъ, по мѣрѣ заслугъ и доблести каждаго, показанныхъ въ битвѣ. Потомъ, обратясь къ воинамъ изъ рабовъ, сказалъ: «для нынѣшняго счастливаго дня предпочитаетъ онъ тому, чтобы наказывать виновныхъ, похвалить и заслуживающихъ и незаслуживающихъ похвалы. Итакъ, въ добрый часъ для государства Римскаго, даруетъ онъ всѣмъ имъ права свободы.» Слова эти воины привѣтствовали громкими кликами радости; они обнимали другъ друга, поздравляли, поднимали руки къ небу и желали всего лучшаго народу Римскому и самому Гракху. Тогда Гракхъ воинамъ сказалъ: «Прежде чѣмъ сравнять всѣхъ въ правахъ свободы, не хотѣлъ я дѣлать различіе между тѣми изъ васъ, которые хорошо дѣйствовали на полѣ битвы и которые слабо. Теперь же, исполнивъ слово, порукою котораго было государство, не могу не сдѣлать различія между доблестью и трусостью. Я прикажу представить себѣ списокъ именъ тѣхъ изъ васъ, которые, сознавая за собою вину въ сраженіи, недавно

сами себя отдѣляли отъ другихъ; каждаго изъ нихъ я позову къ себѣ и заставлю дать клятву, чтобы онъ, пока будетъ на службѣ, кромѣ случая болѣзни, отнынѣ стоя принималъ всякую пищу и питье. А вы, воины, должны безъ ропота принять это наказаніе, сознавая, что легче наказанія за вашу вину вы и ожидать не могли.» Потомъ Гракхъ далъ знакъ собираться въ походъ и воины его, таща добычу и гоня ее передъ собою, съ такими изъявленіями радости вступали въ Беневентъ, какъ будто они пришли съ какаго нибудь празднества и пира, а не изъ сраженія. Жители Беневента толпами вышли на встрѣчу нашему войску, обнимали воиновъ, поздравляли ихъ, звали къ себѣ въ гости; а угощеніе было уже совсѣмъ готово въ выходившихъ на улицу частяхъ домовъ. Они приглашали воиновъ и просили Гракха, чтобъ онъ позволилъ имъ угостить ихъ. Гракхъ позволилъ — съ тѣмъ, чтобы пиршество было публичное; тогда граждане поспѣшили вынести все на улицу передъ ихъ домами. Бывшіе рабы принимали пищу, одни съ головами, покрытыми шапками, называемыми pileus, а другіе бѣлыми шерстяными повязками; одни стояли, а другіе возлежали за столами; вмѣстѣ и угощали другъ друга и сами принимали угощеніе. Гракхъ счелъ память объ этомъ случаѣ достойною сохранить для потомства и, возвратясь въ Римъ, велѣлъ нарисовать эту картину въ храмѣ Свободы, который отецъ его самъ построилъ изъ штрафныхъ денегъ и самъ же освятилъ его.

17. Пока это происходило у Беневента, Аннибалъ, опустошивъ Неаполитанское поле, придвинулъ лагерь къ Нолѣ. Консулъ, услыхавъ о его приближеніи, призвалъ къ себѣ претора Помпонія съ войскомъ, которое находилось по выше Суессулы въ лагерѣ; онъ приготовился идти на встрѣчу непріятелю и вступить съ нимъ тотчасъ въ рѣшительный бой. Въ тишинѣ ночи выслалъ консулъ К. Клавдія Нерона съ лучшею конницею въ ворота, лежавшія на другую сторону отъ той, противъ которой находился непріятель и приказалъ ему обойдти непріятеля и тайно слѣдить за всѣми его движеніями для того, чтобы, когда загорится бой, ударить на него съ тылу. Неронъ не привелъ въ исполненіе этого плана; ошибся ли онъ дорогами или опоздалъ по крат-

кости времени, достовѣрно неизвѣстно. Сраженіе загорѣлось въ отсутствіи Нерона, и Римляне имѣли неоспоримый верхъ; но такъ какъ всадники не подоспѣли во время, то весь планъ дѣйствій консула неудался. Марцеллъ не смѣлъ преслѣдовать отступавшихъ непріятелей, и своимъ воинамъ побѣдителямъ долженъ былъ дать знакъ къ отступленію. Впрочемъ, въ этотъ день, говорятъ историки, пало непріятелей двѣ тысячи, а Римлянъ менѣе 400. Солнце уже склонялось къ закату, когда Неронъ, въ продолженіи цѣлаго дня истомивъ безъ пользы и людей и коней, возвратился въ лагерь, не видавъ и въ глаза непріятеля. Консулъ жестоко бранилъ его и говорилъ ему, что онъ, Неронъ, одинъ виноватъ, что непріятелю не отплатили побоищемъ такимъ же, какое было у Каннъ. На другой день Римляне вышли на поле битвы. Карѳагеняне, сознавая себя побѣжденными, остались въ лагерѣ. На третій день Аннибалъ среди ночи, потерявъ надежду овладѣть Нолою и потерпѣвъ одни неудачи, отправился къ Таренту, куда его манила, болѣе повидимому вѣрная, надежда на измѣну гражданъ.

18. Не съ меньшимъ тщаніемъ обдѣлывались въ Римѣ внутреннія дѣла, какъ и военныя. Цензоры, будучи, вслѣдствіе опустѣнія казначейства, свободны отъ распоряженія публичными работами, обратили свое вниманіе на исправленіе нравственности гражданъ и искорененіе пороковъ, явившихся вслѣдствіе войны, какъ въ пораженномъ болѣзнью тѣлѣ являются постоянно новые недуги. Сначала цензоры призвали къ отвѣту тѣхъ, которые по слуху хотѣли послѣ Каннскаго сраженія оставить отечество и уйдти изъ Италіи; во главѣ ихъ стоялъ Л. Цецилій Метеллъ, и въ то время онъ былъ квесторомъ. Ему и прочимъ соучастникамъ его велѣно оправдаться, но такъ какъ они ничего не могли представить въ свое извиненіе, то цензоры опредѣлили: что они виновны въ произнесеніи словъ и рѣчей противъ общественнаго порядка, и составляли заговоръ съ цѣлью покинуть Италію. Потомъ призваны на судъ тѣ, которые слишкомъ хитро хотѣли истолковать въ свою пользу данную клятву; это были плѣнные, которые, бывъ отпущены Аннибаломъ, подъ разными предлогами возвратились въ его лагерь, и тѣмъ считали себя освобожденными

отъ данной ими клятвы. Какъ у этихъ виновныхъ, такъ и у первыхъ отняты лошади, а именно у тѣхъ изъ нихъ, которые имѣли ихъ отъ государства, и всѣ они исключены изъ трибъ и сдѣланы простыми плательщиками податей. Заботы цензоровъ не ограничились только устройствомъ сената и всадническаго сословія. Они выписали имена всѣхъ молодыхъ гражданъ, которые, въ продолженіи послѣднихъ четырехъ лѣтъ, не отправляли военной службы и не могли представить въ свое извиненіе болѣзни или другой какой либо основательной причины. Таковыхъ оказалось болѣе двухъ тысячъ человѣкъ; они исключены изъ трибъ и сдѣланы простыми плательщиками податей. Не ограничиваясь пятномъ, положеннымъ на этихъ гражданъ цензорами, сенатъ издалъ не совсѣмъ веселый для нихъ декретъ: «всѣ тѣ, которые заслужили осужденіе цензоровъ, должны отправлять военную службу пѣшіе, и послать ихъ въ Сицилію къ остаткамъ войска, бывшаго при Каннахъ, а этимъ воинамъ положено находиться на службѣ до тѣхъ поръ, пока непріятель не будетъ изгнанъ изъ Италіи.» Цензоры, зная пустоту общественной казны, не объявляли никакихъ подрядовъ ни на поддержаніе священныхъ зданій, ни на поставку курульныхъ лошадей, ни на другіе подобные предметы. Тогда къ нимъ явились во множествѣ люди, занимавшіеся прежде поставками этого рода. Они убѣждали цензоровъ: «чтобы они во всемъ такъ дѣйствовали и все также заподряжали, какъ если бы въ общественной казнѣ были деньги. Никто не потребуетъ отъ нихъ денегъ прежде окончанія войны.» Потомъ пришли хозяева невольниковъ, которыхъ Ти. Семпроній отпустилъ на волю у Беневента; они сказали, что ихъ приглашали тріумвиры казначейства для выдачи денегъ за рабовъ; но что они ихъ не возьмутъ прежде окончанія войны. Такова была готовность всѣхъ гражданъ помочь общественной казнѣ истощенной войною. Притомъ опекуны сиротъ стали вносить въ казначейство деньги сиротъ; туда же приносили и вдовьи. Лучшаго ручательства ихъ цѣлости, какъ общественный кредитъ, не находили тѣ, которые вносили деньги. Квесторъ записывалъ у себя, что̀ изъ этихъ денегъ требовалось на содержаніе сиротъ и вдовъ. Такая готовность гражданъ сообщилась изъ города и въ военскіе станы.

Ни одинъ ни всадникъ, ни сотникъ не хотѣлъ брать жалованья, а если кто бралъ, то тѣхъ клеймили названіемъ наемниковъ.

19. Консулъ К. Фабій стоялъ лагеремъ подъ Казилиномъ, гдѣ находился гарнизонъ изъ двухъ тысячъ Кампанцевъ и семисотъ воиновъ Аннибала. Начальникомъ гарнизона былъ Статій Метій, присланный Кн. Магіемъ Ателланомъ; а тотъ былъ въ этомъ году Медикстутикъ. Онъ спѣшилъ вооружать простолюдиновъ, даже рабовъ съ тѣмъ, чтобы аттаковать Римскій лагерь въ то время, когда все вниманіе консула будетъ обращено на Казилинъ. Фабій все это замѣчалъ. Вслѣдствіе этого послалъ онъ въ Нолу къ товарищу сказать ему: «предстоитъ надобность въ другомъ войскѣ для отраженія покушеній Кампанцевъ, пока будетъ продолжаться осада Казилина. А потому, или пусть онъ самъ придетъ, оставивъ небольшой гарнизонъ въ Нолѣ, или если Нола его удержитъ, и со стороны Аннибала будетъ не совсѣмъ безопасно, то въ такомъ случаѣ онъ пригласитъ проконсула Ти. Гракха изъ Беневента.» Получивъ это извѣстіе, Марцеллъ оставилъ двѣ тысячи воиновъ для защиты Нолы, а съ остальнымъ войскомъ прибылъ къ Казилину. Съ появленіемъ его здѣсь, Кампанцы, которые было уже зашевелились, остались въ покоѣ. Такимъ образомъ оба консула занялись осадою Казилина. Римляне, опрометчиво приступая къ стѣнамъ, понесли значительныя потери и вообще дѣла шли не совсѣмъ такъ, какъ бы они того желали. Фабій былъ того мнѣнія, что лучше оставить это предпріятіе, какъ не важное и сопряженное съ большими затрудненіями и, отступя отъ Казилина, заняться дѣлами болѣе важными. Марцеллъ на это отвѣчалъ: «много есть такого, за что не слѣдовало бы браться великимъ вождямъ, но, уже разъ взявшись, никакъ не слѣдуетъ оставлять начатое предпріятіе; много значитъ слава и въ томъ и въ другомъ случаѣ.» Онъ настоялъ, что осада продолжалась. Когда подведены были крытые ходы и употреблены въ дѣло всѣ осадныя орудія, то Кампанцы умоляли Фабія—дозволить имъ безъ вреда удалиться въ Капую. Не многимъ удалось уйдти, какъ Марцеллъ занялъ ворота, въ которыя выходили осажденные и началось избіеніе какъ тѣхъ, которые тѣснились у воротъ, такъ и въ городѣ, куда не замедлили во-

рваться Римскіе воины. Около 50 человѣкъ Кампанцевъ, которые успѣли уйдти къ Фабію, подъ его защитою благополучно достигли Капуи. Такимъ образомъ Казилинъ захваченъ въ расплохъ, пока шли переговоры о сдачѣ, и Римляне воспользовались нерѣшительностью осажденныхъ, просившихъ пощады. Плѣнные, какъ Кампанцы, такъ и воины Аннибала, отправлены въ Римъ, гдѣ и посажены въ тюрьму; а граждане розданы подъ стражу по сосѣднимъ народамъ.

20. Въ то самое время, когда войска Римскія послѣ столь блистательнаго успѣха удалялись отъ Казилина, Гракхъ на землѣ Луканцевъ послалъ нѣсколько когортъ изъ воиновъ, набранныхъ въ тѣхъ мѣстахъ, для грабежа въ непріятельской землѣ, ввѣривъ ихъ начальнику изъ союзниковъ же. Когда они разсѣялись по полямъ въ безпорядкѣ, то Ганнонъ напалъ на нихъ и отплатилъ имъ почти такимъ же пораженіемъ, какое самъ потерпѣлъ у Беневента. Затѣмъ онъ поспѣшно удалился въ землю Бруттіевъ, опасаясь, какъ бы Гракхъ не сталъ его преслѣдовать. Изъ консуловъ Марцеллъ возвратился въ Нолу, откуда пришелъ; а Фабій двинулся въ землю Самнитовъ опустошать поля ихъ и оружіемъ усмирить тѣ города, которые было отпали. Земли Кавдинскихъ Самнитовъ болѣе прочихъ пострадали отъ опустошенія; на обширное пространство поля выжжены, а люди и скотъ загнаны въ плѣнъ. Взяты приступомъ города: Компультерія, Телезія, Компса, Меле, Фульфуле и Орбитаній; а города Бланде въ землѣ Лукановъ—и Экке, въ землѣ Апуловъ, достались Римлянамъ вслѣдствіе осады. Въ этихъ городахъ 25 тысячь непріятелей или взято въ плѣнъ, или убито; да перебѣжчиковъ поймано 370 человѣкъ. Консулъ отправилъ ихъ въ Римъ; тамъ они на мѣстѣ, гдѣ производятся выборы, наказаны розгами и сброшены со скалы. Все это сдѣлано Фабіемъ въ самое непродолжительное время. Марцеллъ осужденъ былъ болѣзнью на невольное бездѣйствіе въ Нолѣ. Въ это же время преторъ К. Фабій, которому ввѣрена была область около Луцеріи, взялъ приступомъ городъ Аккую; у Ардонеи онъ сдѣлалъ себѣ укрѣпленный лагерь. Между тѣмъ какъ Римляне дѣйствовали такъ въ разныхъ мѣстахъ, Аннибалъ приблизился къ Таренту съ страшнымъ вредомъ для всѣхъ мѣстъ,

по которымъ проходилъ. Но въ земли Тарентинцевъ вступилъ онъ весьма миролюбиво; нигдѣ не дѣлали его воины ни малѣйшаго насилія, и нигдѣ не сходили съ дороги. Ясно было, что такъ дѣлалось не вслѣдствіе умѣренности вождя и воиновъ, но съ цѣлью задобрить умы Тарентинцевъ. Аннибалъ подошелъ почти къ самимъ стѣнамъ, но въ городѣ не замѣтно было ни малѣйшаго движенія въ его пользу; тогда какъ онъ былъ въ надеждѣ, что жители возстанутъ при первомъ появленіи его войска. Тогда Аннибалъ остановился лагеремъ почти въ милѣ отъ города. Въ Тарентѣ, за три дня прежде приходу Аннибала, къ стѣнамъ его явился М. Ливій, присланный пропреторомъ М. Валеріемъ, который въ Брундизіѣ командовалъ флотомъ Римскимъ. М. Ливій въ Тарентѣ записалъ въ военную службу молодыхъ людей первыхъ фамилій, разставилъ караулы у всѣхъ воротъ и на стѣнахъ, гдѣ они нужны были. День и ночь смотрѣлъ онъ неусыпно, и тѣмъ не давалъ ни малѣйшей возможности ни непріятелю, ни союзникамъ, вѣрность которыхъ была сомнительна— сдѣлать какое нибудь покушеніе. А потому, простоявъ безъ пользы нѣсколько дней передъ городомъ, Аннибалъ понялъ, что необдуманно послушалъ онъ пустыхъ обѣщаній. Такъ никто изъ тѣхъ, которые являлись къ нему у Авернскаго озера, ни сами не приходили, ни писемъ не присылали и вѣсти никакой о себѣ не подавали, и снялъ лагерь. И тутъ онъ не тронулъ полей Тарентинскихъ: хотя снисходительность его на этотъ разъ и не принесла ему ожидаемой пользы, но онъ все еще не терялъ надежды склонить Тарентинцевъ къ измѣнѣ. Прибывши въ Саллапію, Аннибалъ приказалъ свозить туда запасы хлѣбные съ полей Метапонтинскаго и Гераклейскаго (уже лѣто подходило къ концу и время было подумать о зимнихъ квартирахъ). Отсюда Аннибалъ разослалъ для грабежа Нумидовъ и Мавровъ по Саллентинскому полю и ближайшимъ Апулійскимъ лѣсамъ. Не много найдено прочей добычи, но загнаны огромныя стада лошадей; до 4000 Аннибалъ отдалъ своимъ всадникамъ выѣздить ихъ.

21. Такъ какъ въ Сициліи загоралась война, заслуживавшая вниманія, и смерть Гіеронима скорѣе дала Сиракузцамъ новыхъ и болѣе дѣятельныхъ начальниковъ, чѣмъ перемѣнила ихъ располо-

женіе умовъ, то Римляне назначили Сицилію въ управленіе одному изъ консуловъ—М. Марцеллу. Вслѣдъ за насильственною смертью Гіеронима сначала войско его въ Леонтіѣ пришло въ волненіе. Воины громко кричали, что заговорщики кровью своею должны заплатить за убіеніе царя. Но часто повторялось передъ ними слово, имѣющее обольстительную силу, возстановленной свободы; притомъ поманили ихъ надеждою на денежную раздачу изъ царской сокровищницы, на то, что они впредь будутъ служить подъ начальствомъ вождей лучшихъ, чѣмъ прежніе. Разсказали имъ гнусныя дѣла убитаго царя и его отвратительную похотливость. Все это до того измѣнило расположеніе умовъ воиновъ, что они допустили валяться безъ погребенія тѣлу еще столь недавно для нихъ вожделѣннаго царя. Прочіе заговорщики остались при войскѣ для того, чтобы удержать его въ повиновеніи; но Теодотъ и Созисъ на царскихъ коняхъ, сколько возможно поспѣшнѣе, поскакали въ Сиракузы, чтобы упредить замыслы царскихъ приверженцевъ. Впрочемъ не только молва (а нѣтъ ничего быстрѣе ея въ подобныхъ случаяхъ) опередила ихъ, но даже и вѣстникъ изъ царскихъ рабовъ. Вслѣдствіе этого Андранодоръ занялъ вооруженными отрядами и Островъ, и крѣпость и всѣ пункты поважнѣе, какіе только могъ и какіе приходились кстати. Солнце сѣло и уже становилось темно, когда Теодотъ и Созисъ проникли въ городъ черезъ Гексапилъ, показывая окровавленную царскую одежду и бывшее у него на головѣ украшеніе. Они проѣхали по Тихѣ (такъ называлась часть города), призывая гражданъ къ оружію и къ защитѣ свободы и приказывая имъ собираться въ Ахрадинѣ. Изъ гражданъ одни выбѣгали на улицу, другіе стояли у воротъ, иные смотрѣли изъ оконъ и дверей, спрашивая другъ друга, чтобы это все значило. Вездѣ мельками огни; глухой шумъ носился надъ городомъ. На открытыхъ мѣстахъ собирались граждане съ оружіемъ въ рукахъ. Тѣ, у которыхъ не было своего, тащили изъ храма Юпитера Олимпійскаго военную добычу Галловъ и Иллировъ, подаренную Гіерону народомъ Римскимъ и имъ въ этотъ храмъ пожертвованную. Сиракузцы при этомъ молили Юпитера, чтобы онъ охотно и благосклонно дозволилъ имъ взять посвященное

ему оружіе на защиту отечества, божескихъ храмовъ и ихъ свободы. И эти граждане толпами присоединяются къ вооруженнымъ отрядамъ, которые старѣйшины расположили по разнымъ частямъ города. На Островѣ Андранодоръ между прочимъ занялъ вооруженнымъ отрядомъ общественныя житницы; это мѣсто было обнесено стѣною изъ четырехъугольныхъ камней и имѣло видъ крѣпости. Отрядъ молодыхъ людей, которому поручена была защита этого мѣста, овладѣлъ имъ и послалъ вѣстниковъ въ Ахрадину сказать, что житницы и хлѣбъ въ распоряженіи сената.

22. На другой день, на разсвѣтѣ, всѣ граждане Сиракузъ какъ вооруженные, такъ и безоружные, собрались къ зданію сената, находившемуся въ Ахрадинѣ. Здѣсь, передъ жертвенникомъ Согласія, находившимся въ этомъ мѣстѣ, одинъ изъ старѣйшинъ, по имени Полиэнъ, сказалъ рѣчь въ духѣ и свободы и умѣренности: «Граждане испытали на себѣ весь вредъ рабства и недостойнаго съ ними обращенія; они раздражены противъ зла, уже хорошо имъ знакомаго. О бѣдствіяхъ, какія влекутъ за собою раздоры между гражданами, Сиракузанцы къ счастію слыхали только отъ отцовъ своихъ, не испытавъ ихъ на себѣ. Нельзя не похвалить гражданъ за то, что они съ такою готовностію взялись за оружіе; а еще болѣе они будутъ заслуживать похвалу, если не употребятъ его въ дѣло иначе, какъ въ случаѣ самой крайней необходимости. Теперь сенатъ заблагоразсудилъ отправить пословъ къ Андранодору, требуя, чтобы онъ отдался въ распоряженіе сената и народа, чтобы отворилъ ворота Острова и сдалъ гарнизонъ. Если же онъ хочетъ изъ прежняго опекуна надъ царствомъ сдѣлаться самъ царемъ, то народъ будетъ отстаивать свою свободу отъ Андранодора еще смѣлѣе, чѣмъ отъ Гіеронима.» Съ этого вѣча отправлены послы къ Андранодору. Съ этого времени сталъ собираться сенатъ: при Гіеронѣ онъ оставался общественнымъ совѣтомъ; но послѣ его смерти до этого дня ни разу и не собирали, и ни о чемъ его совѣта не спрашивали. Когда пришли послы къ Андранодору; то не могло не произвести на него впечатлѣнія: и единодушное согласіе гражданъ, и то, что въ ихъ власти находились другія части города и самая ук-

рѣпленная часть Острова через измѣну отошла отъ него. Но жена Андранодора, Демарата, дочь Гіерона, съ свойственнымъ женщинѣ тщеславіемъ, полная еще преданій власти неограниченной, отозвавъ мужа въ сторону, напоминала ему обыкновенное выраженіе Діонисія властителя (тиранна): «власть надобно оставлять не сидя на конѣ, а развѣ тогда какъ за ноги потащутъ. Легко въ одну минуту, если кому вздумается, уступить и самое высокое положеніе, дарованное судьбою, но опять пріобрѣсть его бываетъ затруднительно и тяжело. Пусть онъ, Андранодоръ, протянетъ нѣсколько времени въ переговорахъ съ послами и этимъ воспользуется, чтобы призвать войско изъ Леонтія; а воинамъ стоитъ только обѣщать денегъ изъ царской казны, то все будетъ во власти Андранодора.» Онъ и не презрѣлъ совершенно этотъ женскій совѣтъ, и не тотчасъ принялъ его; онъ находилъ для себя вѣрнѣе путь къ могуществу, оказавъ на время мнимую уступчивость. А потому онъ посламъ велѣлъ объявить, что онъ отдается въ распоряженіе сената и народа. На другой день, на разсвѣтѣ, Андранодоръ приказалъ отворить ворота Острова и явился на Ахрадинскую площадь. Здѣсь онъ сталъ на жертвенникѣ Согласія, съ котораго за день передъ тѣмъ говорилъ рѣчь Полиэнъ, и началъ говорить рѣчь, въ которой извинялся въ своей медленности. «Если онъ—Андранодоръ—заперъ ворота Острова, то не потому, чтобы онъ отдѣлялъ свое дѣло отъ общественнаго, но видя, что мечи обнажены, онъ не могъ предвидѣть конца убійствамъ: довольны ли граждане будутъ смертью царя, достаточною, чтобы доставить имъ свободу, или не погибнутъ ли за чужую вину и другія лица, связанныя съ царемъ или узами родства, или пріязни, или служебными отношеніями. Но, замѣтивъ, что освободители отечества хотятъ обезпечить ему свободу и что всѣ мѣры ихъ внушены благоразуміемъ, онъ — Андранодоръ—не усумнился ввѣрить имъ себя и возвратить отечеству все то, что поручилъ его сохраненію его родственникъ, своимъ неистовствомъ самъ себѣ причинившій гибель.» Потомъ Андранодоръ обратился къ убійцамъ царя — Теодоту и Созію и, назвавъ ихъ по имени, сказалъ имъ: «Достойное памяти дѣло совершили вы. Но, повѣрьте мнѣ, ваша слава только начата, а недовершена

еще. Заботьтесь о мирѣ и согласіи; велика опасность, какъ бы граждане не употребили во зло свободу.»

23. Окончивъ эту рѣчь, Андранодоръ положилъ къ ногамъ сенаторовъ ключи отъ воротъ и отъ царской сокровищницы. Въ этотъ день граждане разошлись съ вѣча весьма довольные, и вмѣстѣ съ женами и дѣтьми во всѣхъ храмахъ боговъ возсылали моленія. На другой день были выборы для назначенія въ должности преторовъ. Первымъ былъ избранъ Андранодоръ; прочіе по большей части были люди, участвовавшіе въ убіеніи царя; даже два выбраны заочно: Сопатръ и Диноменъ. Они, услыхавъ о томъ, что произошло въ Сиракузахъ, казну царскую, находившуюся въ Леонтіѣ, отвезли въ Сиракузы и передали ее квесторамъ, нарочно для того избраннымъ. И та, которая находилась на Островѣ и въ Ахрадинѣ, отдана имъ же; а часть стѣны, которая слишкомъ уже крѣпко защищала Островъ и отдѣляла его отъ остальнаго города, съ согласія всѣхъ гражданъ, сломана. И прочія всѣ дѣла шли сообразно этому стремленію всѣхъ умовъ къ свободѣ. Гиппократъ и Эпицидъ, когда получено было извѣстіе о смерти Гіеронима (Гиппократъ тщетно хотѣлъ скрыть его и даже умертвилъ гонца, принесшаго это извѣстіе) были оставлены воинами и возвратились въ Сиракузы, что имъ казалось, глядя по обстоятельствамъ времени, самимъ безопаснымъ. Тутъ они, чтобы не быть заподозрѣнными въ покушеніяхъ затѣять перемѣны въ государствѣ, обратились сначала къ преторамъ, а черезъ ихъ посредство къ сенату, высказывая такъ свои желанія: «они присланы были Аннибаломъ къ Гіерониму какъ къ его союзнику и другу. Повиновались они власти той, въ чье распоряженіе отдалъ ихъ—главный ихъ начальникъ. Теперь намѣрены они возвратиться къ Аннибалу; но какъ дороги не безопасны и Римскіе отряды ходятъ по всей Сициліи; то они просятъ дать имъ провожатыхъ, которые доставили бы ихъ безопасно въ Италію, въ землю Локровъ. Для Сиракузянъ это не будетъ стоить большаго труда, а между тѣмъ они окажутъ тѣмъ существенную услугу Аннибалу.» Безъ труда сенатъ согласился на эту просьбу; сенаторы ради были удалить смѣлыхъ и бѣдныхъ вождей царскихъ, весьма опытныхъ въ дѣлѣ воинскомъ.

Несмотря на то, что Сиракузяне желали этого, они не спѣшили, какъ бы слѣдовало, исполненіемъ. Пользуясь этимъ временемъ, юные вожди, хорошо ознакомившись еще прежде съ воинами, разсѣвали обвиненія противъ сената и аристократіи какъ между воинами и перебѣжчиками Римскими, состоявшими по большой части изъ корабельныхъ служителей, такъ и между чернью. «Аристократы — такъ говорили они — имѣютъ втайнѣ главною цѣлью всѣхъ своихъ усилій—предать Сиракузы во власть Римлянъ подъ предлогомъ возобновленія дружественнаго съ ними союза. Когда же этотъ планъ ихъ удастся, то Сиракузы будутъ во власти одной партіи немногихъ виновниковъ этого союза.»

24. Находилось много людей, которые съ охотою слушали эти рѣчи и вѣрили имъ, и число ихъ все расло въ Сиракузахъ, куда они стекались. Не только Эпицидъ надѣялся произвести перемѣну въ государствѣ, но и Андранодоръ имѣлъ въ виду ею воспользоваться. Жена ему не давала покоя своими наговорами: «теперь то и время стать во главѣ государства, пока все еще неустроено и граждане не привыкли пользоваться свободою, пока воины, привыкшіе къ раздачамъ изъ царской казны, еще здѣсь, пока вожди, присланные Аннибаломъ и хорошо ознакомившіеся съ воинами, могутъ помочь въ этомъ предпріятіи.» Андранодоръ согласился дѣйствовать за одно съ Темистомъ, котораго женою была также дочь Гелона. Черезъ нѣсколько дней Андранодоръ неосторожно открылъ свой умыселъ одному Аристону, трагическому актеру, человѣку хорошаго рода и порядочнаго состоянія, такъ какъ у Грековъ не считается за стыдъ заниматься сценическимъ искусствомъ. Аристонъ, считая выше дружбы любовь къ отечеству, донесъ преторамъ о заговорѣ. Узнавъ достовѣрно, что дѣло это не пустое, преторы доложили объ этомъ сенаторамъ и поставили съ ихъ согласія вооруженный отрядъ у дверей куріи (зданія сената). Когда Андранодоръ и Темистъ вошли въ сенатъ, то ихъ тотчасъ умертвили. Сдѣлалось смятеніе въ сенатѣ при видѣ столь страшнаго повидимому злодѣйства, такъ какъ многіе не знали настоящей его причины. Тогда преторы, возстановивъ тишину въ сенатѣ, ввели туда доносчика. Онъ по порядку разсказалъ все: что заговоръ затѣялся съ того времени,

какъ Гармонія, дочь Гелона, вышла за мужъ за Темиста; что вспомогательныя войска изъ Африканцевъ и Испанцевъ были приготовлены избить преторовъ и самыхъ именитыхъ изъ гражданъ; что убійцамъ въ награду обѣщано имущество ихъ жертвъ; что отрядъ подкупленныхъ воиновъ, состоявшій въ полномъ распоряженіи Андранодора, готовъ былъ по его знаку опять занять Островъ. Однимъ словомъ Аристонъ разсказалъ подробно обо всѣхъ распоряженіяхъ заговорщиковъ и раскрылъ ясно сенату весь ихъ злодѣйскій умыселъ и средства, которыми они надѣялись осуществить его. Тогда сенатъ весь ясно увидалъ, что Андранодоръ и Темистъ погибли также заслуженно, какъ и Гіеронимъ. Междутѣмъ у дверей куріи волновалась толпа черни, хорошо незнавшей о томъ, что происходило. Наполняя собою преддверіе куріи, она не щадила неистовыхъ угрозъ; но когда увидала бездыханныя тѣла заговорщиковъ, то она присмирѣла отъ страха до того, что въ молчаніи послѣдовала вмѣстѣ съ гражданами на объявленное вѣче. Сенатъ и преторы поручили одному изъ преторовъ Сопатру рѣчью объяснить народу то, что случилось.

25. Онъ, какъ бы обвиняя живыхъ преступниковъ, началъ изложеніемъ ихъ прежней жизни и доказывалъ, что во всемъ, что ни сдѣлалось преступнаго и безбожнаго послѣ смерти Гіерона, причиною—Андранодоръ и Темистъ: «Что сдѣлалъ по собственному побужденію Гіеронимъ, почти дитя? И, едва приходя въ лѣта отрочества, что онъ могъ самъ по себѣ сдѣлать? Его опекуны и наставники пользовались правами власти, все, что въ ней было ненавистнаго, относя къ другому. А потому ихъ слѣдовало истребить еще прежде Гіеронима, и ужъ ни въ какомъ случаѣ они не должны были его пережить. Но они, заслуживъ казнь и, такъ сказать, ей будучи обречены послѣ смерти тиранна, замышляли еще новыя преступленія. Сначала Андранодоръ затворилъ ворота Острова, считая себя наслѣдникомъ царства и сдѣлался было хозяиномъ того, чего только онъ былъ управителемъ на время. Потомъ когда ему измѣнили даже тѣ, которые находились на Островѣ, когда онъ увидалъ себя осажденнымъ всѣми гражданами, занимавшими Ахрадину; то, видя безуспѣшность своихъ усилій явно и открыто присвоить царскую власть,

онъ старался ея же достигнуть тайно и хитростью. Не подѣйствовали на него ни благодѣянія въ отношеніи къ нему гражданъ, ни оказанная ему почесть, когда граждане его, врага свободы, на ряду съ освободителями отечества избрали преторомъ. Но этимъ людямъ мысли о царствѣ внушили ихъ жены, взятыя изъ царскаго роду, такъ какъ за однимъ въ замужствѣ дочь Гіерона, а за другимъ Гелона.» Когда Сопатръ сказалъ это, то со всѣхъ сторонъ собранія раздались громкіе крики, что ни одна изъ нихъ не должна жить и что царскій родъ долженъ быть истребленъ совершенно. Таково всегда свойство черни: она или смиренно ползаетъ или надменно властвуетъ. Умѣренной свободы, которая далека и униженія и тиранства, она ни презирать не можетъ, и пользоваться ею не умѣетъ. А всегда найдутся люди, которые будутъ поблажать яростнымъ стремленіямъ черни, люди, которые будутъ настроивать жадные и ни въ чемъ не знающіе умѣренности умы простолюдиновъ къ кровопролитію и убійствамъ. Такъ случилось и тогда; немедленно преторы предложили проектъ закона и онъ былъ принятъ почти прежде, чѣмъ изложенъ. Имъ положено: совершенно истребить царскій родъ. Тотчасъ преторы отправили людей, которые умертвили вдовъ Андранодора и Темиста—Дамарату, дочь Гіерона и Гармонію, дочь Гелона.

26. Еще одна дочь Гіерона, Гераклея, была женою Зоиппа. Гіеронимъ отправилъ его посломъ къ царю Птоломею; но онъ предпочелъ тамъ остаться въ добровольной ссылкѣ. Гераклея, узнавъ впередъ, что и къ ней посланы убійцы, ушла въ божницу подъ защиту домашнихъ боговъ вмѣстѣ съ двумя молоденькими дочерьми дѣвушками; онѣ были съ распущенными волосами, и вообще вся наружность ихъ вызывала на состраданіе. Заклиная убійцъ то памятью отца Гіерона, то брата Гелона, Гераклея умоляла ихъ такимъ образомъ: «за что она невинная должна погибнуть жертвою ненависти, возбужденной Гіеронимомъ? Правленіе его доставило ей только одно — ссылку мужа. Ее нельзя равнять съ сестрою: участь ихъ была далеко не одна при жизни Гіеронима, и по смерти его не представляла все таки ничего общаго. Если бы Андранодору удались его планы, то сестра ея вмѣстѣ съ мужемъ сидѣла бы на царскомъ престолѣ, тогда какъ ей не оставалось

ничего кромѣ раболѣпствовать наравнѣ съ другими. Если къ Зоиппу придетъ вѣсть, что Гіеронимъ убитъ и что Сиракузы свободны, то, безъ сомнѣнія, онъ тотчасъ сядетъ на корабль и возвратится въ отечество. И какъ обманчивы надежды людей! Въ освобожденномъ отечествѣ жена и дѣти Зоиппа должны отстаивать свою жизнь; но въ чемъ же они помѣха свободѣ или законамъ? Кому могутъ быть опасны она, одинокая женщина почти вдова, и дочери ея, дѣвицы беззащитныя? Но отъ нихъ ничего и не опасаются; а ненавистенъ имъ родъ царскій. Пусть въ такомъ случаѣ удалятъ ихъ изъ Сициліи и Сиракузъ и повелятъ отвезть ихъ въ Александрію и возвратятъ мужу жену и отцу дочерей.» Но глухи были убійцы къ мольбамъ и убѣжденіямъ; чтобы не терять времени, они пока готовили оружіе. Видя это, несчастная уже не просила за себя, а умоляла: «пощадить дочерей, находящихся въ такомъ возрастѣ, который заслуживаетъ пощаду и отъ раздраженнаго врага и, мстя за злоупотребленія власти царской, не совершать тѣхъ преступленій, которыя заслужили ихъ же ненависть.» Не внимая ничему, убійцы, оттащивъ ее отъ олтаря, умертвили; потомъ бросились на дѣвицъ, обрызганныхъ кровью матери. Внѣ себя отъ страха и рыданій, онѣ какъ бы потеряли разсудокъ и такъ поспѣшно вырвались изъ божницы, что будь только для нихъ возможность выйдти на улицу, они взволновалибы весь городъ. И тутъ въ небольшомъ домѣ, наполненномъ вооруженными воинами, долго несчастныя еще къ себѣ не подпускали и вырывались изъ столь сильныхъ державшихъ ихъ рукъ. Наконецъ получивъ много ранъ и все перепачкавъ своею кровью, онѣ упали бездыханныя. Гнусное преступленіе тѣмъ болѣе было ненавистно, что оно оказалось напраснымъ. Скоро подоспѣлъ гонецъ остановить убійства, такъ какъ умы гражданъ вдругъ склонились къ милосердію. Но оно незамедлило перейдти въ сильное раздраженіе на то, зачѣмъ такъ поспѣшили казнью и не дали времени ни обдуматься, ни дать другой исходъ гнѣву. Вслѣдствіе этого чернь кипѣла негодованіемъ и требовала выбора преторовъ на мѣсто Андранодора и Темиста (такъ какъ и тотъ и другой были преторами). Результатъ выборовъ далеко не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ наличныхъ преторовъ.

27. День выборовъ назначенъ. Когда онъ наступилъ, то, сверхъ общаго ожиданія, одинъ гражданинъ изъ задней толпы произнесъ имя Епицида; другой оттуда же Гиппократа. Потомъ имена эти стали повторяться все чаще и чаще и не было сомнѣнія, что къ удовольствію большинства гражданъ. Ихъ собраніе представляло большую смѣсь; не только было здѣсь много черни и воиновъ, но даже тутъ находилось много перебѣжчиковъ, которые желали, во чтобы то нистало, перемѣнъ. Преторы сначала хотѣли скрыть это и протянуть дѣло: наконецъ, уступая единодушнымъ требованіямъ гражданъ и опасаясь съ ихъ стороны возмущенія, они провозглашаютъ имена новыхъ преторовъ. Тѣ не вдругъ открыли свои замыслы, хотя имъ было въ высшей степени непріятно, что были отправлены послы къ Аппію Клавдію просить перемирія на десять дней, и, по исходатайствованіи его, посланы другіе переговорить съ нимъ о возобновленіи союзнаго договора. Въ то время у Мурганціи стоялъ Римскій флотъ изо ста судовъ, выжидая, чѣмъ кончатся смуты въ Сиракузахъ, происшедшія вслѣдствіе избіенія тиранновъ и куда Сиракузянъ поведетъ для нихъ новая и еще не привычная вольность. Въ это время Марцеллъ прибылъ въ Сицилію; Аппій отправилъ къ нему Сиракузскихъ пословъ. Выслушавъ условія мира, Марцеллъ увидѣлъ возможность соглашенія и самъ отправилъ пословъ въ Сиракузы вести переговоры прямо съ преторами о возобновленіи дружественнаго союза. Но въ Сиракузахъ уже далеко не было прежняго спокойствія и тишины. Какъ только получено извѣстіе, что флотъ Карѳагенскій подошелъ къ Пахину, то Гиппократъ и Епицидъ перестали робѣть и явно то наемнымъ воинамъ, то перебѣжчикамъ твердили, что Сиракузы предательски отдаются въ руки Римлянъ. А когда Аппій, чтобы придать духу людямъ своей партіи, поставилъ нѣсколько судовъ у самаго входа въ пристань, то пустыя обвиненія стали повидимому оправдываться и имъ начали имѣть вѣру. Граждане безпорядочною толпою устремились на берегъ — воспрепятствовать Римлянамъ въ случаѣ, если бы они вздумали высадиться.

28. При такомъ волненіи умовъ созвано народное собраніе.

Здѣсь обнаружилось много противуположныхъ стремленій и дѣло доходило почти до явнаго бунта, когда одинъ изъ старѣйшинъ, Аполлонидъ, сказалъ рѣчь, при тѣхъ обстоятельствахъ спасительную: «Никогда еще не было такъ близко государство наше или отъ высшей степени своего благосостоянія, или отъ совершенной гибели. Если граждане всѣ единодушно согласятся пристать или къ Римлянамъ или къ Кароагенянамъ, то ни одинъ городъ не будетъ счастливѣе и благополучнѣе Сиракузъ. Но если граждане, будучи различнаго мнѣнія, станутъ настаивать каждый на своемъ, то между ними возгорится война ожесточеннѣе той, которая идетъ между Кароагенянами и Римлянами: ибо внутри однихъ и тѣхъ же стѣнъ и та, и другая партія будетъ имѣть войска, оружіе и вождей. А потому болѣе всего надобно хлопотать о томъ, чтобы всѣмъ гражданамъ быть одного мнѣнія. А съ кѣмъ союзъ принесетъ больше пользы, это уже вопросъ второстепенный и менѣе важный. Впрочемъ и въ выборѣ союзниковъ не лучше ли послѣдовать примѣру Гіерона, чѣмъ Гіеронима? И не благоразумнѣе ли будетъ отдать преимущество дружественнымъ отношеніямъ, пятьдесятъ лѣтъ продолжавшимся, передъ союзниками теперь незнакомыми, а нѣкогда вѣроломными? При принятіи рѣшенія нельзя оставлять безъ вниманія и то обстоятельство, что Кароагенянамъ можно отказать въ мирѣ безъ опасенія тотчасъ вести съ ними войну; тогда какъ, что касается до Римлянъ, то надобно тотчасъ выбирать одно изъ двухъ — или войну, или миръ.» Эта рѣчь тѣмъ болѣе произвела дѣйствія, чѣмъ менѣе въ ней было замѣтно вліяніе духа партій и страстей. Преторамъ и избраннымъ на этотъ предметъ сенаторамъ приданъ и военный совѣтъ; въ немъ велѣно было принять участіе начальникамъ ротъ и префектамъ союзныхъ войскъ. Вопросъ этотъ обсуждали при самыхъ сильныхъ спорахъ; но наконецъ, не видя никакой возможности вести съ Римлянами войну, положено заключить съ ними миръ, и вмѣстѣ съ ихъ послами отправить своихъ для опредѣленія окончательныхъ условій.

29. Едва прошло нѣсколько дней, какъ изъ Леонтія прибыли въ Сиракузы послы, прося прислать къ нимъ для ихъ защиты вооруженный отрядъ. Это посольство пришло какъ нельзя болѣе кстати, чтобы избавиться отъ безпокойной и нестройной массы черни и удалить ея вождей. Сенатъ велѣлъ претору Гиппократу вести въ Леонтій перебѣжчиковъ; такъ какъ за нимъ послѣдовало много изъ вспомогательныхъ воиновъ, то у него образовался отрядъ изъ четырехъ тысячь человѣкъ. Этотъ походъ причинилъ удовольствіе и тѣмъ, которые послали, и тѣмъ, которые были посланы. Послѣднимъ представился случай, котораго они давно искали, произвести какой нибудь переворотъ; а первые радовались, избавивъ Сиракузы отъ толпы самыхъ опасныхъ людей. Впрочемъ это облегченіе, какъ въ больномъ тѣлѣ, было только видимое и на время для того, чтобы недугъ возобновился съ большею силою. Гиппократъ сначала украдкою производилъ набѣги въ прилежащія мѣста Римской области. Потомъ когда Аппій прислалъ вооруженный отрядъ для защиты полей союзниковъ, то Гиппократъ со всѣми своими силами сдѣлалъ нападеніе на вооруженный постъ Римскій, ему противупоставленный и нанесъ ему большую потерю убитыми. Когда объ этомъ дали знать Марцеллу, то онъ тотчасъ отправилъ пословъ въ Сиракузы— жаловаться на нарушеніе дружественнаго договора и объявить Сиракузцамъ, что поводъ къ войнѣ будетъ постоянно, пока Гиппократъ и Эпицидъ не будутъ удалены не только изъ Сиракузъ, но вовсе изъ Сициліи. Эпицидъ, или предчувствуя, что на него взвалятъ братнину вину или желая и самъ принять участіе въ загоравшейся войнѣ, отправился въ Леонтій. Видя, что жители Леонтія достаточно вооружены противъ Римлянъ, онъ сталъ ихъ возбуждать и противъ жителей Сиракузъ: «такъ какъ они заключили союзный договоръ съ Римлянами на томъ условіи, чтобы тѣже народы, которые были подъ властью царей, оставались теперь въ ихъ, Сиракузцевъ, распоряженіи. Уже они не довольны свободою, а хотятъ сами повелѣвать и властвовать. А потому нужно имъ объявить, что Леонтинцы съ своей стороны считаютъ справедливымъ—и сами пользоваться правами свободы; ужь даже и потому, что на ихъ землѣ палъ тираннъ, и потому, что здѣсь же раздался первый призывъ къ свободѣ и отсюда, бросивъ поставленныхъ царемъ вождей, всѣ бросились въ Сиракузы. Потому-то надобно или измѣнить это условіе союзнаго дого-

вора, или совсѣмъ его не принимать». Не трудно было убѣдить большинство гражданъ; а потому Сиракузскимъ посламъ, жаловавшимся на избіеніе Римскаго вооруженнаго поста и требовавшимъ, чтобы Гиппократъ и Епицидъ удалились или въ Локры или въ другое мѣсто, куда только пожелаютъ, лишь бы только они оставили Сицилію—данъ отвѣтъ весьма рѣзкій: «не просили они, Леонтинцы, Сиракузцевъ за нихъ заключать миръ съ Римлянами и чужіе союзные договоры не считаютъ для себя обязательными.» Сиракузцы поспѣшили дать знать объ этомъ Римлянамъ, говоря: «что Леонтинцы вышли изъ повиновенія нхъ Сиракузцевъ; а потому Римляне могутъ вести съ Леонтинцами войну безъ нарушенія мирнаго договора, съ Сиракузцами заключеннаго. И они—Сиракузцы—не откажутся принять участіе въ этой войнѣ съ тѣмъ, что, по усмиреніи Леонтинцевъ, они будутъ по прежнему отданы въ ихъ власть.»

30. Марцеллъ со всѣмъ войскомъ двинулся къ Леонтію; а Аппію далъ знать, чтобы онъ напалъ съ другой стороны. Воины Римскіе до того одушевлены были раздраженіемъ за предательски избитыхъ во время веденія мирныхъ переговоровъ сослуживцевъ, что при первомъ приступѣ овладѣли городомъ. Гиппократъ и Епицидъ, видя, что непріятель уже занялъ стѣны и отбиваетъ ворота, удалились въ крѣпость съ немногими товарищами. Отсюда тайно ночью ушли они въ Гербессъ. Между тѣмъ Сиракузцы, въ числѣ восьми тысячъ вооруженныхъ воиновъ, выступили изъ города; у рѣки Милы встрѣтилъ ихъ гонецъ съ извѣстіемъ, что Леонтій уже взятъ Римлянами. Къ правдѣ гонецъ прибавилъ много ложнаго: будто вмѣстѣ съ воинами избиты и граждане и врядъ ли, по его мнѣнію, остался въ живыхъ хоть одинъ совершеннолѣтній гражданинъ, городъ отданъ на разграбленіе и имущества богатыхъ гражданъ предоставлены въ добычу воинамъ. Сиракузцы остановились, пораженные такими вѣстями; среди общаго волненія вожди Созисъ и Диноменъ совѣтуются о томъ, какъ поступить. Ложныя извѣстія имѣли видъ страшной истины: дѣйствительно около 2-хъ тысячь перебѣжчиковъ наказаны сначала розгами, а потомъ отсѣченіемъ головы. Но по взятіи города ни одинъ житель Леонтія и воинъ не получилъ

ни малѣйшей обиды; даже каждому возвращена его собственность, кромѣ той, которая утратилась во время суматохи, неизбѣжной сначала при взятіи города приступомъ. Тщетно вожди уговаривали воиновъ, горько жаловавшихся, что они предали на избіеніе своихъ сослуживцевъ, или идти въ Леонтій или, стоя на мѣстѣ, дожидаться болѣе вѣрнаго извѣстія. Преторы, видя, что умы воиновъ ясно склонны къ отпаденію, повели войско въ Мегару; они полагали, что оно скоро прійдетъ въ себя, если не будетъ людей, которые воспользуются такимъ его состояніемъ; а сами съ небольшимъ коннымъ отрядомъ отправляются въ Гербессъ, въ надеждѣ, пользуясь общимъ страхомъ, взять городъ съ помощью измѣны. Это намѣреніе имъ не удалось и видя, что надобно прибѣгнуть къ открытой силѣ, они на другой день повели войско изъ Мегары съ тѣмъ, чтобы всѣми силами напасть на Гербессъ. Гиппократъ и Епицидъ, видя, что ни откуда нѣтъ надежды на выручку, рѣшились прибѣгнуть къ средству отчаянному правда, но и единственному, которое могло ихъ спасти: а именно отдаться во власть воиновъ, которыхъ большую часть они знали лично и которые въ то время были раздражены избіеніемъ ихъ сослуживцевъ. Вслѣдствіе этого они вышли на встрѣчу войску. Случилось такъ, что впереди шелъ отрядъ изъ шести сотъ Критянъ (жителей острова Крита), при жизни Гіеронима состоявшій подъ начальствомъ Гиппократа и Епицида и облагодѣтельствованный Аннибаломъ, такъ какъ онъ, взявъ ихъ вмѣстѣ съ другими вспомогательными войсками Римлянъ въ плѣнъ у озера Тразимена, отпустилъ ихъ. Узнавъ ихъ по знаменамъ и по самому оружію, Гиппократъ и Епицидъ простирали къ нимъ пальмовыя вѣтви и вообще, принявъ на себя наружность людей просящихъ о пощадѣ, умоляли ихъ: «принять ихъ въ свои ряды и защитить, не выдавая Сиракузцамъ, которые не замедлятъ и ихъ самихъ выдать на избіеніе народу Римскому.»

31. Критяне отвѣчали громкими криками: «ничего не бойтесь, мы съ вами раздѣлимъ участь, какая бы васъ ни ожидала.« Пока эти переговоры шли, водружены знамена и остановлено движеніе всего войска. Вожди еще не знали, что за причина такой остановки. Но когда пронесся слухъ, что Гиппократъ и Епицидъ

здѣсь, то по всему войску раздавался говоръ, ясно одобрявшій ихъ прибытіе; тотчасъ преторы, пришпоривъ коней, поскакали къ первымъ рядамъ: «Что за новость такая и своеволіе со стороны Критянъ—спрашивали вожди,—что они не только сами по себѣ вступаютъ въ переговоры съ непріятелями, но и принимаютъ ихъ въ свои ряды.» Они приказали схватить Гиппократа и заковать его. Но это приказаніе встрѣчено было такими неодобрительными криками сначала со стороны Критянъ, потомъ и прочихъ воиновъ, что преторы очень ясно поняли, что при дальнѣйшемъ съ ихъ стороны настояніи имъ самимъ угрожаетъ опасность. Озабоченные этимъ и не зная какъ дѣйствовать, преторы приказали войску идти обратно въ Мегару, откуда оно выступило, а въ Сиракузы отправили гонцовъ съ донесеніемъ о случившемся. Пользуясь тѣмъ, что умы воиновъ расположены были вѣрить всякаго рода подозрѣніямъ, Гиппократъ употребилъ обманъ. Онъ отправилъ нѣсколькихъ Критянъ сѣсть въ засадѣ у дороги и потомъ прочиталъ воинамъ письмо, имъ же сочиненное, но какъ будто бы перехваченное: «Преторы Сиракузскіе консулу Марцеллу.» Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій они пишутъ: «хорошо и благоразумно поступилъ онъ, не пощадивъ никого въ Леонтіѣ. Но дѣло всѣхъ наемныхъ воиновъ вообще одно и тоже, и Сиракузы до тѣхъ поръ не останутся въ покоѣ, пока въ городѣ или въ войскѣ будетъ находиться кто либо изъ чужеземныхъ вспомогательныхъ воиновъ. А потому долженъ онъ приложить всевозможное стараніе, чтобы тѣхъ, которые подъ начальствомъ преторовъ стоятъ лагеремъ у Мегары, забрать въ свои руки и казнью ихъ освободить Сиракузы отъ всѣхъ опасеній.» Когда это письмо было прочитано, то воины устремились къ оружію съ такими криками, что преторы въ ужасѣ среди общаго волненія ускакали въ Сиракузы. Но и бѣгство ихъ не прекратило волненія и Сиракузскіе воины были жертвою нападеній. Да и врядъ ли уцѣлѣлъ бы хоть одинъ изъ нихъ, если бы Гиппократъ и Епицидъ не утишили раздраженіе своихъ воиновъ. Такой образъ дѣйствій внушало имъ не состраданіе или человѣколюбіе, но они не хотѣли себѣ на всегда отрѣзать путь къ возвращенію, а вмѣстѣ въ нихъ приготовили себѣ и вѣрныхъ воиновъ и заложниковъ. Притомъ они какъ родныхъ, такъ и пріятелей пощаженныхъ ими воиновъ привязывали къ себѣ сначала оказаннымъ великодушіемъ, а потомъ имѣли всегда въ рукахъ залогъ ихъ вѣрности. Испытавъ, какъ чернь перемѣнчива и легковѣрна, они подкупаютъ одного изъ тѣхъ воиновъ, которые находились въ Леонтіѣ во время осады, и научаютъ его явиться въ Сиракузы съ тѣми же ложными извѣстіями, которыя были принесены къ войску, когда оно стояло у Милы; сказать, — чтобы разсѣять всякое сомнѣніе, что онъ былъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ и самъ видѣлъ то, что разсказывалъ, и возбудить раздраженіе въ простомъ народѣ.

32. Не только простой народъ далъ вѣру гонцу, но онъ произвелъ даже сильное впечатлѣніе въ сенатѣ, куда былъ введенъ. Люди весьма основательные громко говорили: «какъ хорошо обнаружились въ Леонтіѣ алчность и кровожадность Римлянъ! Того же, и еще худшаго, такъ какъ добыча здѣсь несравненно значительнѣе, надобно ожидать отъ Римлянъ въ случаѣ, если они вступятъ въ Сиракузы.» А потому всѣ единогласно положили запереть ворота, а городъ оберегать стражею. Но не одного и того же опасались граждане, не одно и тоже ненавидѣли: большая часть войска и черни не могли безъ отвращенія слышать названія Римлянъ. Преторы и аристократы въ небольшомъ числѣ, хотя и были раздражены обманчивымъ извѣстіемъ; но опасались зла болѣе близкаго и уже неминуемаго. Гиппократъ и Епицидъ стояли у Гексапила: уже завязались переговоры между воинами и родными ихъ, находившимися въ городѣ о томъ, чтобы отворить ворота и сообща защищать отечество отъ Римлянъ. Одни ворота Гексапила отворили и воины начали входить въ городъ, какъ туда прибыли преторы. Сначала они употребили въ дѣло, чтобы воспрепятствовать этому, и власть, и угрозы и вліяніе. Видя, что все тщетно, преторы забыли даже санъ свой и умоляли — не выдавать отечества на жертву недавнимъ еще слугамъ тирана, а теперь подкупившимъ войско. Взволнованная чернь оставалась ко всему этому глуха: ворота городскія выламывали столь же усердно извнутри города, какъ и снаружи; всѣ ворота были отбиты и все войско принято въ Гексапилъ

Преторы вмѣстѣ съ частью молодежи спаслись бѣгствомъ въ Ахрадину. Наемные воины бывшаго царя увеличили собою силы непріятеля. Ахрадина взята первымъ приступомъ; изъ преторовъ умерщвлены всѣ, кромѣ тѣхъ, которымъ въ суматохѣ удалось спастись бѣгствомъ. Ночь положила конецъ убійствамъ. На другой день рабамъ объявлена свобода и выпущены всѣ узники, находившіеся въ тюрьмахъ. Весь этотъ смѣшанный сбродъ избралъ преторами Гиппократа и Епицида. Такимъ образомъ Сиракузы, послѣ краткаго проблеска свободы, впали подъ гнетъ прежняго рабства.

33. Когда Римляне получили извѣстіе о томъ, что произошло въ Сиракузахъ, то войско ихъ тотчасъ двинулось изъ Леонтія къ Сиракузамъ. Случилось, что Аппій отправилъ пословъ черезъ гавань въ суднѣ о пяти рядахъ веселъ. Впередъ шедшее судно о четырехъ рядахъ веселъ вошло было въ устье гавани, но здѣсь захвачено Сиракузцами; сами послы съ трудомъ спаслись. Такимъ образомъ, не говоря уже о правахъ, существующихъ въ мирное время, законы, уважаемые даже въ военное время, были попраны. Римское войско стало лагеремъ у Олимпія (здѣсь былъ храмъ Юпитера) въ полторы мили разстоянія отъ города. Положено отсюда еще разъ отправить пословъ; Гиппократъ и Епицидъ вышли за городъ къ нимъ на встрѣчу, не дозволяя имъ войдти въ городъ. Римскій посолъ сказалъ: «не войну принесли Римляне Сиракузцамъ, но помощь и защиту какъ тѣмъ, которые искали у нихъ спасенія, вырвавшись изъ подъ ножа убійцъ, такъ и тѣмъ, которые подъ вліяніемъ ужаса терпятъ рабство, позорнѣе не только ссылки, но и самой смерти. Да и Римляне не потерпятъ, чтобы гнусное избіеніе ихъ союзниковъ осталось безнаказаннымъ. А потому войны не будетъ, если тѣмъ, которые ушли къ нимъ, предоставленъ будетъ безопасный возвратъ въ отечество, если зачинщики убійствъ будутъ выданы, а свобода и законы Сиракузцевъ обезпечены. Но если только этого не сдѣлаютъ, то они, Римляне, будутъ преслѣдовать войною всякаго, кто будетъ тому препятствіемъ.» На это Эпицидъ отвѣчалъ: «если бы они имѣли къ нему порученіе, то онъ далъ бы имъ отвѣтъ; но теперь пусть они возвратятся за нимъ тогда, когда

власть въ Сиракузахъ будетъ въ рукахъ тѣхъ, къ кому они посланы. Если же они вздумаютъ затронуть ихъ войною, то испытаютъ, что никакъ не одно и тоже—брать Леонтій или Сиракузы.» Оставивъ пословъ, Гиппократъ заперъ ворота. Тогда Римляне стали вмѣстѣ съ сухаго пути и съ моря осаждать Сиракузы: съ сухаго пути со стороны Гексапила, а съ моря Ахрадину, которой стѣна омывается волнами моря. Воины Римскіе, взявъ Леонтій однимъ ужасомъ и первымъ натискомъ, не теряли надежды городъ обширный и раскинувшійся на большое пространство съ какой нибудь стороны и взять приступомъ. Не замедлили Римляне придвинуть къ стѣнамъ всѣ орудія, которыя употребляются при осадѣ городовъ для ихъ разрушенія.

34. И дѣло, начатое съ такимъ напряженіемъ силъ, увѣнчалось бы непремѣнно успѣхомъ, если бы въ то время не находился въ Сиракузахъ одинъ человѣкъ, по имени Архимедъ. Единственный въ своемъ родѣ наблюдатель неба и звѣздъ, онъ обладалъ дивнымъ искусствомъ изобрѣтать и устроивать военныя машины и орудія, которыми онъ весьма легко отражалъ дѣйствіе орудій, стоившихъ непріятелю страшныхъ трудовъ и усилій. Стѣны, ограждавшія городъ Сиракузы, проходили по неровнымъ возвышенностямъ (индѣ они проходили по мѣстамъ крутымъ и не легко доступнымъ, а индѣ по мѣстамъ низменнымъ, и представляли весьма легкій доступъ. Архимедъ, соображаясь съ мѣстностью, укрѣпилъ стѣны всякаго рода орудіями, какія только нужны были. На стѣну Ахрадины, которая, какъ сказано выше, омывается волнами моря, Марцеллъ производилъ нападеніе съ судовъ о пяти рядахъ веселъ. Съ прочихъ судовъ стрѣлки, пращники и даже велиты, которыхъ дротикъ таковъ, что неумѣющій имъ владѣть и не въ состояніи отбросить его назадъ, почти не давали возможности осажденнымъ быть на стѣнахъ, не подвергаясь ранамъ. Эти суда стояли въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, такъ какъ надобно было оставить мѣста для бросанія стрѣлъ. Другія суда по два были прикрѣплены къ галерамъ, имѣвшимъ 5 рядовъ веселъ; причемъ внутренніе весла были сняты и суда прикрѣплены одно къ другому бортъ съ бортомъ такимъ образомъ, что, двигаясь на однихъ наружныхъ веслахъ, они пред-

ставляли собою совершенно какъ бы одно судно. На этихъ судахъ были поставлены башни о нѣсколькихъ ярусахъ и другія орудія, назначенныя для разрушенія стѣнъ. Противъ такихъ приготовленій съ моря Архимедъ устроилъ машины разныхъ размѣровъ на стѣнахъ. На суда, стоявшія по-дальше, онъ бросалъ огромной величины каменья. Ближайшія суда были засыпаны легкими, но тѣмъ болѣе частыми стрѣлами. Наконецъ, для того чтобы осажденные могли безо всякой для себя опасности поражать непріятеля, Архимедъ пробилъ стѣны сверху до низу небольшими отверстіями; черезъ эти бойницы Сиракузанцы невидимо поражали непріятеля частью стрѣлами, частью умѣренной величины скорпіонами. Если нѣкоторыя суда подходили къ стѣнѣ уже такъ близко, что метательные снаряды не могли имъ вредить, то вдругъ со стѣны спускалась желѣзная лапа, прикрѣпленная крѣпкою желѣзною цѣпью къ огромному рычагу и цѣплялась за носъ судна. Потомъ рычагъ, вслѣдствіе страшной тяжести огромной массы свинца, прикрѣпленной къ другому концу, поднимался къ верху, увлекая за собою судно, которое такимъ образомъ становилось почти вертикально на задней своей части. Вдругъ лапа его выпускала и оно съ такою силою опускалось въ волны какъ бы оно было брошено со стѣны, а если и прямо падало въ море, то все таки зачерпывало воды. Такимъ образомъ всѣ усилія противъ города съ моря оказались тщетны, и тогда они обращены противъ него съ сухаго пути; но тутъ стѣны были защищены всякаго рода машинами; все это было устроено въ продолженіи многихъ лѣтъ стараніемъ и издержками царя Гіерона и единственнымъ искусствомъ Архимеда. Условія самой мѣстности благопріятствовали осажденнымъ: каменная почва, на которой лежали основанія стѣнъ, по большей части до того была крута, что не говоря уже о снарядахъ, пущенныхъ изъ машинъ, но и такъ брошенные, отъ тяжести, усиленной наклономъ мѣстности, наносили болѣе вреда осаждающимъ. По той же причинѣ доступъ къ стѣнамъ былъ весьма затруднителенъ и сопряженъ съ большою опасностью. Такимъ образомъ, видя, что всѣ усилія безполезны, положено на военномъ совѣтѣ у Римлянъ — отказаться отъ оса-

ды и ограничиться строгою блокадою съ сухаго пути и съ моря, чтобы не допускать никакихъ подвозовъ къ непріятелю.

35. Между тѣмъ Марцеллъ отправился, почти съ третью своего войска, занимать снова тѣ города, которые при этомъ волненіи перешли на сторону Карѳагенянъ. Гелоръ и Гербессъ сдались безъ сопротивленія, а Мегара взята приступомъ; консулъ велѣлъ воинамъ этотъ городъ разграбить и совершенно разрушить для страху прочимъ городамъ и особенно Сиракузамъ. Почти въ это же время Гимильконъ, въ продолженіи долгаго времени стоявшій съ флотомъ у мыса Пахина, высадилъ у Гераклеи, называемой Миноею, двадцать пять тысячъ пѣшихъ воиновъ, три конныхъ и 12 слоновъ. Далеко не съ такими силами стоялъ онъ прежде у Пахина; но когда Гиппократъ занялъ Сиракузы, то Гимильконъ отправился въ Карѳагенъ. Тамъ помогли ему послы Гиппократа и письма Аннибала, который утверждалъ, что пришло время снова покорить Сицилію съ великою славою; да и самъ онъ не мало сдѣлалъ своимъ личнымъ присутствіемъ и своими убѣжденіями и успѣлъ въ томъ, что положено отправить въ Сицилію всѣ сухопутныя и морскія силы, сколько возможно было. По прибытіи въ Гераклею, Гимильконъ черезъ нѣсколько дней взялъ Агригентъ. Жители городовъ, которые были на сторонѣ Карѳагенянъ, возъимѣли сильную надежду изгнать Римлянъ совсѣмъ изъ Сициліи, и даже Сиракузанцы, находившіеся въ осадѣ, ободрились духомъ. Считая достаточнымъ только часть силъ своихъ для защиты города, они положили вести войну такимъ образомъ, чтобы Епицидъ оберегалъ городъ; а Гиппократъ вмѣстѣ съ Гимилькономъ, долженъ былъ вести войну противъ консула Римскаго. Ночью черезъ мѣста, гдѣ было мало карауловъ, прошелъ Гиппократъ съ десятью тысячами пѣшихъ воиновъ и пятью стами конныхъ, гдѣ и сталъ лагеремъ около города Акрилы. Пока они занимались укрѣпленіемъ лагеря, подоспѣлъ Марцеллъ, возвращавшійся отъ занятаго Карѳагенянами Агригента, куда онъ спѣшилъ предупредить непріятеля, но безъ успѣха. Менѣе всего ожидалъ онъ, въ это время и на этомъ мѣстѣ встрѣтить Сиракузское войско; опасаясь Гимилькона и Карѳагенянъ, съ которыми онъ никакъ не могъ равняться тѣми силами,

которыя были съ нимъ, онъ шелъ съ величайшею осторожностью и съ войскомъ расположеннымъ въ боевой порядокъ.

36. Случилось такъ, что эти приготовленія, сдѣланныя противъ Карѳагенянъ, пригодились противъ Сиракузцевъ. Марцеллъ засталъ ихъ въ безпорядкѣ разсѣянныхъ и занимавшихся устройствомъ лагеря; онъ окружилъ большую часть пѣхотинцевъ, прежде чѣмъ они успѣли взяться за оружіе. Конница непріятельская послѣ легкой схватки, убѣжала съ Гиппократомъ въ Акры. Это сраженіе удержало въ повиновеніи Римлянъ тѣхъ Сицилійцевъ, которые собирались отпасть отъ нихъ. Марцеллъ возвратился къ Сиракузамъ. Черезъ нѣсколько дней Гимильконъ, соединясь съ Гиппократомъ, стали лагеремъ у рѣки Анапа, почти въ восьми миляхъ отъ города. Около этого же времени пятьдесятъ пять длинныхъ судовъ (галеръ) Карѳагенскихъ, которыми начальствовалъ Бомилькаръ, вошли съ моря въ главную Сиракузскую пристань; а въ Панормѣ Римскій флотъ, состоявшій изъ тридцати судовъ о пяти рядахъ веселъ, высадилъ первый легіонъ и повидимому вся война обратилась изъ Италіи въ Сицилію (до того тотъ и другой народъ сосредоточили на нее все вниманіе). Гимильконъ считалъ Римскій легіонъ, высадившійся въ Панормѣ и шедшій къ Сиракузамъ, своею готовою добычею; но ошибся дорогою. Онъ повелъ войско внутренностью страны; а легіонъ шелъ по берегу моря въ сопровожденіи флота и такимъ образомъ благополучно достигъ Пахина, откуда вышелъ къ нему на встрѣчу Ап. Клавдій съ частью войскъ. И Карѳагеняне не долго оставались у Сиракузъ. Бомилькаръ мало полагался на суда свои, такъ какъ Римляне имѣли флотъ въ двое сильнѣе, и видѣлъ, что, оставаясь долѣе безъ пользы, онъ только увеличивалъ недостатокъ, который терпѣли союзники; вслѣдствіе этого велѣлъ онъ сняться съ якоря и отправился въ Африку. А Гимильконъ безъ успѣха преслѣдовалъ Марцелла до Сиракузъ; онъ старался найдти случай сразиться съ нимъ прежде, чѣмъ онъ будетъ имѣть больше силъ; но, не встрѣтивъ этого случаю и видя, что непріятель подъ Сиракузами вполнѣ обезпеченъ и силами и укрѣпленіями, онъ снялъ лагерь, чтобы не тратить по пустому времени, сидя возлѣ Сиракузъ и глядя какъ

осаждаютъ союзниковъ. Онъ располагалъ обратить войско туда, гдѣ онъ замѣтитъ въ жителяхъ желаніе отпасть отъ Римлянъ и и личнымъ своимъ присутствіемъ ободрить тѣхъ, которые держали сторону Карѳагенянъ. Сначала взялъ онъ обратно отъ Римлянъ Мурганцію, гдѣ жители предали ему Римскій гарнизонъ; тамъ у Римлянъ былъ большой запасъ хлѣба и запасовъ всякаго рода.

37. Умы жителей другихъ городовъ расположены были послѣдовать тому же примѣру: гарнизоны Римскіе были или изгоняемы или предательски избиваемы. Городъ Генна стоялъ на крутомъ и со всѣхъ сторонъ оканчивавшемся крутыми обрывами холмѣ. Самая мѣстность дѣлала этотъ городъ почти неприступнымъ; притомъ въ немъ находился сильный гарнизонъ Римскій, имѣвшій начальникомъ человѣка съ характеромъ, не совсѣмъ для измѣнниковъ благопріятнымъ. Л. Пинарій былъ человѣкъ дѣятельный и онъ старался болѣе о томъ, чтобы его нельзя было обмануть, чѣмъ полагался на вѣрность Сицилійцевъ. Притомъ имѣть величайшую бдительность и осторожность побудилъ его доходившій до него слухъ о измѣнахъ многихъ городовъ и гибели находившихся тамъ гарнизоновъ. А потому днемъ и ночью вездѣ стояли караулы и воины не оставляли своихъ постовъ и не снимали оружія. Старѣйшины изъ жителей Генны уже тайно условились съ Гимильконом предать ему гарнизонъ Римскій; видя, что не представляется случая къ хитрости, они рѣшились дѣйствовать прямо. Они стали говорить префекту: «что городъ и замокъ должны быть въ ихъ власти, если только они приняли Римлянъ свободно какъ союзниковъ, а не сдѣлались ихъ рабами и узниками; а потому они считаютъ справедливымъ требовать, чтобы Римляне имъ отдали ключи отъ воротъ. Для хорошихъ союзниковъ ихъ вѣрность самое лучшее обезпеченіе. Тогда только Римскій сенатъ и народъ можетъ быть къ нимъ признательнымъ, если они будутъ оставаться имъ вѣрными добровольно, а не по принужденію.» На это Римлянинъ отвѣчалъ: «что ему его военачальникъ ввѣрилъ занимаемый постъ; что отъ него же получилъ онъ ключи отъ воротъ и приказаніе оберегать замокъ, а потому не властенъ онъ располагать ни тѣмъ, ни другимъ по

своему или жителей Генны произволу, долженствуя отдать отчетъ тому, кто ему поручилъ. Оставить ввѣренный постъ—считается у Римлянъ уголовнымъ преступленіемъ и отцы скрѣпили этотъ законъ даже кровью дѣтей своихъ. Консулъ Марцеллъ не далеко; пусть они отправятъ пословъ къ тому, кто въ правѣ исполнить ихъ требованія». Жители Генны сказали, что они пословъ къ Марцеллу посылать не хотятъ, а что если словами ни въ чемъ не успѣютъ, то станутъ изыскивать другія средства къ защитѣ свободы. Пинарій на это отвѣчалъ: «буде затрудняются они отправить къ консулу пословъ, то пусть они при немъ Пинаріѣ созовутъ народное собраніе для того, чтобы онъ могъ узнать: высказанное ими требованіе составляетъ ли волю немногихъ граждапъ или всего общества». Старѣйшины Генны на это согласились и назначили къ другому дню народное собраніе.

38. Возвратившись отъ этого свиданія съ старѣйшинами города, префектъ Пинарій удалился въ замокъ и, созвавъ туда воиновъ, сталъ имъ говорить: «Воины, я полагаю — вы слышали, какъ на этихъ дняхъ Сицилійцы предательски захватили нѣкоторые гарнизоны Римскіе и предали ихъ избіенію. Подобной участи избѣгли вы во первыхъ по милости боговъ безсмертныхъ, а потомъ вашею доблестью, тѣмъ что вы бодрствовали день и ночь, не слагая оружія. Хорошо, если бы и впередъ могли мы также проводить время, не подвергаясь сами гибели и не бывъ въ необходимости причинить ее другимъ. Доселѣ мы молча тайно предупреждали коварные замыслы жителей; теперь они, видя свою неудачу, уже явно и настоятельно требуютъ — отдать имъ ключи отъ воротъ города и замка. Стоитъ только намъ это исполнить, и Генна тотчасъ будетъ во власти Карѳагенянъ, а мы падемъ жертвою измѣны еще гнуснѣе той, которая погубила гарнизонъ въ Мурганціи. Съ трудомъ успѣлъ я выговорить у нихъ одну ночь на размышленіе, чтобы васъ предупредить объ опасности, вамъ угрожающей. На разсвѣтѣ старѣйшины соберутъ народное собраніе съ цѣлью—оклеветать васъ передъ народомъ и вооружить его противъ васъ. И такъ завтра Генна должна оросится кровью или вашею или ея вѣроломныхъ жителей. Если насъ предупредятъ, то намъ не останется никакой надежды; но за то, если и мы ихъ предъупредимъ, то избѣгнемъ всякой опасности. Побѣда будетъ принадлежать тому, кто первый обнажитъ мечъ; а потому завтра вы всѣ вооружитесь и со вниманіемъ ждите отъ меня сигнала. Я буду присутствовать при народномъ собраніи; въ разговорахъ и спорахъ постараюсь продлить время, пока все будетъ готово. Когда же я подамъ вамъ знакъ моею тогою, тогда вы, испустивъ воинскіе клики, бросьтесь со всѣхъ сторонъ, и все предавайте мечу. Берегитесь оставить въ живыхъ кого нибудь изъ людей, отъ которыхъ мы должны ждать или насилія или коварства. А васъ, мать Церера и Прозерпина, и прочіе боги какъ небесные, такъ и подземные, васъ, которымъ служатъ невидимымъ мѣстопребываніемъ этотъ городъ, эти священныя озера и рощи, молю, — не оставить насъ вашимъ благоволеніемъ и помощью, такъ какъ мы прибѣгаемъ къ этому поступку въ предъупрежденіе коварнаго умысла, а не сами затѣвая его. Нужны были бы еще для васъ, воины, убѣжденія съ моей стороны, если бы вамъ предстояло имѣть дѣло съ вооруженными; но вамъ останется только до пресыщенія избивать гражданъ безоружныхъ и не принявшихъ никакихъ мѣръ предосторожности. Притомъ близко отъ насъ лагерь консула на случай, если бы намъ грозила какая нибудь опасность со стороны Гимилькона и Карѳагенянъ.»

39. Сказавъ это увѣщаніе воинамъ, Пинарій отпустилъ ихъ—предаться отдохновенію. На другой день воины разошлись по разнымъ мѣстамъ, занявъ всѣ выходы и дороги, а большая часть помѣстилась надъ театромъ и около него, и прежде навыкнувъ какъ бы изъ простаго любопытства присутствовать при народныхъ собраніяхъ. Правители города вывели къ народу Римскаго префекта; тотъ опять повторилъ, что исполнить ихъ требованіе въ правѣ только одинъ консулъ, а что онъ, Пинарій, не властенъ того дѣлать; вообще онъ повторилъ то же, что говорилъ наканунѣ. Сначала исподоволь, а потомъ все настойчивѣе и настойчивѣе, жители требовали отъ префекта выдать ключи; наконецъ они всѣ закричали это въ одинъ голосъ; а когда префектъ медлилъ и откладывалъ до другаго времени, то они стали грозить и, казалось, готовы были приступить къ мѣрамъ насилія. Тогда пре-

фектъ, какъ условился съ воинами, далъ имъ знакъ тогою. Воины, совсѣмъ готовые, уже давно того только и дожидались. Одни, испустивъ громкіе клики, сверху бросились въ театръ и такимъ образомъ захватили гражданъ съ тылу; другіе густыми толпами заняли выходы изъ театра. Такимъ образомъ жители Генны, попавшись какъ въ западню, преданы избіенію; они гибли кучами не только отъ меча, но и отъ бѣгства; они падали сверху, одинъ на другаго и такимъ образомъ невредимые попадали подъ раненыхъ и живые подъ мертвыхъ. Окончивъ здѣсь побоище, воины разбѣжались по всему городу и въ немъ произошли сцены убійствъ и бѣгства, какія бываютъ въ только что взятомъ городѣ приступомъ. Раздраженіе воиновъ нисколько не утихало, хотя они имѣли дѣло съ толпою безоружныхъ гражданъ; но оно было также сильно, какъ въ пылу битвы, когда опасность съ обоихъ сторонъ равная. Такимъ образомъ городъ Генна остался во власти Римлянъ вслѣдствіе злодѣянія можетъ быть и необходимаго, но во всякомъ случаѣ ужаснаго. Марцеллъ не высказалъ своего неодобренія на такой поступокъ, и добычу, взятую въ Геннѣ, предоставилъ воинамъ, полагая, что Сицилійцы подъ вліяніемъ ужаса воздержатся на будущее время отъ избіенія Римскихъ гарнизоновъ. Дѣйствительно, слухъ о страшной участи, постигшей городъ Генну, находящійся почти въ срединѣ Сициліи, славный и крѣпкою мѣстностью и ознаменованный слѣдами отсюда похищенной нѣкогда Прозерпины — въ одинъ день распространился почти по всей Сициліи. Гнушаясь столь ужаснымъ убійствомъ, осквернившимъ мѣста освященныя присутствіемъ боговъ, племена, дотолѣ колебавшіяся, явно приняли сторону Карѳагенянъ. Вслѣдствіе этого событія Гиппократъ удалился въ Мурганцію, а Гимильконъ въ Агригентъ: будучи приглашены жителями Генны, они придвинули было къ ней войска свои, но поздно. Марцеллъ опять возвратился въ землю Леонтинцевъ; онъ свезъ въ лагерь хлѣбъ и другіе запасы и, оставивъ для его защиты небольшой отрядъ, возвратился къ Сиракузамъ продолжать ихъ осаду. Ап. Клавдій отправился въ Римъ искать консульства; на его мѣсто начальникомъ флота и стараго лагеря Марцеллъ сдѣлалъ Т. Квинкція Криспина; а самъ

укрѣпилъ себѣ для зимовки лагерь въ пяти миляхъ отъ Гексапила (на мѣстѣ называемомъ Леонта). Вотъ что происходило въ Сициліи до начала зимы.

40. Въ это же лѣто началась война и съ Филиппомъ, которой давно уже ожидали. Изъ Орика пришли послы къ претору Валерію, начальнику какъ флота, такъ и Брундизія и береговъ Калабріи, и дали ему знать, что сначала Филиппъ сдѣлалъ покушеніе на Аполлонію, куда онъ прибылъ противъ теченія рѣки со стадвадцатью судами о двухъ рядахъ веселъ. Видя, что дѣла здѣсь идутъ медленнѣе, чѣмъ онъ надѣялся, онъ ночью неожиданно подвинулъ войско къ Орику и при первомъ нападеніи овладѣлъ этимъ городомъ, который стоитъ на мѣстѣ открытомъ, плохо защищенъ стѣнами и имѣлъ недостатокъ какъ въ воинахъ, такъ и въ оружіи. Давая объ этомъ знать Валерію, послы умоляли оказать помощь и отразить уже явнаго врага Римлянъ или сухопутными или морскими силами; а тѣ города, если и подверглись нападенію непріятеля, то потому главное, что они, можно сказать, служатъ ключемъ къ Италіи. М. Валерій, оставивъ для обороны тѣхъ мѣстъ легата П. Валерія, на другой же день прибылъ въ Орикъ съ флотомъ совсѣмъ готовымъ и снаряженнымъ; тѣхъ воиновъ, которые не могли умѣститься на длинныхъ судахъ, М. Валерій взялъ съ собою на транспортныхъ. Въ Орикѣ Филиппъ, уходя оттуда, оставилъ небольшой гарнизонъ, и потому М. Валерій безъ труда овладѣлъ имъ. Туда пришли къ М. Валерію послы изъ Аполлоніи, давая ему знать, что ихъ городъ осажденъ Филиппомъ за то, что они не захотѣли измѣнить Римлянамъ и что долѣе они не въ состояніи сопротивляться Македонянамъ, если къ нимъ не будетъ присланъ Римскій гарнизонъ. Валерій обѣщалъ посламъ исполнить ихъ желаніе; онъ отправилъ къ устью рѣки двѣ тысячи отборныхъ воиновъ подъ начальствомъ префекта союзнаго войска К. Нэвія Кристы, человѣка весьма опытнаго и хорошо знавшаго военное дѣло. Онъ высадилъ воиновъ на берегъ, а суда отослалъ назадъ въ Орикъ, откуда прибылъ; воиновъ онъ повелъ далеко отъ рѣки дорогою, на которой не было непріятельскихъ отрядовъ, и ночью вошелъ въ городъ такъ, что изъ непріятелей никто

этого не примѣтилъ. Слѣдующій день воины отдыхали, а префектъ дѣлалъ смотръ Аполлоніатскимъ молодымъ людямъ, знакомился съ силами города и его военными запасами. Эта повѣрка придала болѣе увѣренности, а отъ лазутчиковъ узналъ онъ, какая оплошность и нерадѣніе господствуютъ у непріятелей; среди ночной тишины вышелъ онъ изъ города безъ малѣйшаго шума и вошелъ въ лагерь открытый и незащищенный. Какъ достовѣрно извѣстно, болѣе тысячи Римскихъ воиновъ было уже внутри лагерныхъ окоповъ прежде, чѣмъ примѣтилъ это кто либо изъ непріятелей; если бы Римскія войска погодили убивать, то они преспокойно проникли бы до царской палатки. Когда же Римляне стали избивать воиновъ, находившихся ближе къ воротамъ, тутъ только опомнились непріятели; но такой ужасъ напалъ на всѣхъ, что никто и не думалъ браться за оружіе и попытаться выгнать непріятеля изъ лагеря. Самъ царь, пробудясь отъ сна, полуобнаженный, въ видѣ не только царю, но даже и простому воину неприличномъ, бѣжалъ къ рѣкѣ и судамъ. Сюда же устремились бѣжавшія толпы непріятелей. Безъ малаго три тысячи воиновъ непріятельскихъ или убито или взято въ плѣнъ; впрочемъ число послѣднихъ было нѣсколько значительнѣе числа первыхъ. Непріятельскій лагерь преданъ разграбленію; жители Аполлонія всѣ катапульты, баллисты и всѣ орудія, приготовленныя для осады ихъ города, на случай повторенія подобнаго событія, отвезли въ Аполлонію, гдѣ они должны были служить для защиты стѣнъ этого города; вся остальная добыча, найденная въ лагерѣ, предоставлена Римлянамъ. Когда объ этомъ дали знать въ Орикъ, то М. Валерій тотчасъ повелъ флотъ къ устью рѣки для того, чтобы царь не могъ уйдти водою. Такимъ образомъ Филиппъ, убѣдясь въ своемъ безсиліи и на сушѣ, и на морѣ, велѣлъ суда частью вытащить на берегъ, а частью сжечь, и сухимъ путемъ отправился въ Македонію съ войскомъ, по большей части безоружнымъ и ограбленнымъ. Римскій флотъ и самъ М. Валерій провели зиму въ Орикѣ.

41. Въ продолженіи этого года въ Испаніи военныя дѣйствія шли съ перемѣннымъ счастіемъ. Прежде чѣмъ Римляне перешли Ибръ, Магонъ и Аздрубалъ обратили въ бѣгство огромныя полчища Испанцевъ, и дальняя Испанія была бы совсѣмъ потеряна для Римлянъ, если бы не прибылъ во время П. Корнелій: поспѣшно перевелъ онъ войска черезъ Ибръ и разувѣрилъ уже колебавшіеся умы союзниковъ. Сначала Римляне стали лагеремъ у урочища, называемаго *Бѣлые лагери* (ознаменованнаго гибелью Гамилькара Великаго). Замокъ здѣсь былъ укрѣпленъ и заблаговременно свезены запасы хлѣба; но такъ какъ всѣ окрестности были наполнены непріятелями и всадники непріятельскіе безнаказанно дѣлали набѣги на Римскую пѣхоту, то отсталыхъ и отошедшихъ отъ строя Римскихъ воиновъ погибло отъ меча непріятельскаго до 2-хъ тысячь. Вслѣдствіе этого Римляне оттуда отступили къ мѣстамъ болѣе мирнымъ и укрѣпились лагеремъ у Горы Побѣды. Туда пришелъ Кн. Сципіонъ со всѣми войсками и Аздрубалъ, сынъ Гисгона, третій вождь Карѳагенянъ, съ порядочнымъ войскомъ: всѣ остановились напротивъ Римскаго лагеря по ту сторону рѣки. П. Сципіонъ съ отрядомъ легковооруженныхъ войскъ отправился секретно для осмотра мѣстности; но не укрылся отъ непріятелей и они захватили бы его въ открытомъ полѣ, если бы онъ не успѣлъ захватить сосѣднее возвышеніе; здѣсь онъ былъ окруженъ непріятелемъ, но братъ пришелъ и выручилъ его изъ осады. Кастулонъ, одинъ изъ сильнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ городовъ Испаніи, дотолѣ столь тѣсно связанный съ Карѳагенянами, что даже жена Аннибала была отсюда родомъ, перешелъ на сторону Римлянъ. Карѳагеняне эттаковали Иллитургисъ, гдѣ находился Римскій гарнизонъ и повидимому недалеки были отъ того, чтобы вынудить его голодомъ къ сдачѣ. Кн. Сципіонъ отправился съ однимъ легіономъ на легкѣ — подать помощь союзникамъ и гарнизону; онъ вошелъ въ городъ черезъ двойной непріятельскій лагерь съ большимъ пораженіемъ непріятелей, и на другой день сдѣлалъ весьма удачную вылазку. Въ двухъ сраженіяхъ убито болѣе 12 тысячь непріятелей, болѣе тысячи взято въ плѣнъ и захвачено тридцать шесть военныхъ знаменъ. Тогда Карѳагеняне отступили отъ Иллитургиса, а приступили къ Бигерру, городу также союзному Римлянамъ; но эту осаду заставилъ ихъ снять Кн. Сципіонъ однимъ своимъ приходомъ безъ боя.

42. Отсюда Карѳагеняне перенесли свой лагерь къ Мундѣ, и Римляне тотчасъ за ними туда послѣдовали. Здѣсь въ продолженіи почти четырехъ часовъ было правильное сраженіе. Римляне одерживали на всѣхъ пунктахъ блистательную побѣду, какъ вдругъ дали знакъ къ отбою вслѣдствіе того, что Кн. Сципіонъ раненъ въ ляшку: воины, находившіеся около него, пришли въ испугъ, какъ бы рана не была смертельною. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, не случись этой задержки, Карѳагенскій лагерь могъ быть взятъ въ этотъ же день. Уже не только воины, но даже слоны были прижаты къ валу, а на самомъ валу тридцать девять слоновъ убиты копьями. Въ этомъ сраженіи также, какъ говорятъ, пало 12 тысячь человѣкъ, почти 3 тысячи взято въ плѣнъ и захвачено военныхъ знаменъ пятьдесятъ семь. За тѣмъ Карѳагеняне отступили къ городу Аурингу; Римляне преслѣдовали ихъ туда, чтобы не дать оправиться отъ ужаса. Здѣсь опять Сципіонъ далъ сраженіе, въ которомъ его по рядамъ воиновъ носили на качалкѣ; побѣда была рѣшительная: впрочемъ непріятелей тутъ пало въ половину меньше, чѣмъ въ первомъ сраженіи уже потому, что ихъ и менѣе участвовало въ дѣлѣ. Впрочемъ Испанцы—это народъ, рожденный для возбужденія и поддержанія безконечныхъ войнъ. Магонъ, отправленный братомъ для набора воиновъ, въ продолженіи короткаго времени пополнилъ снова войско до того, что, ободрясь еще разъ, Карѳагеняне рѣшились попытать счастія въ бою. Хотя войско ихъ состояло совсѣмъ изъ другихъ людей, чѣмъ прежде, но сражалось оно за дѣло уже столько разъ въ продолженіи не многихъ дней потерпѣвшее несчастій, въ томъ же расположеніи духа, какъ и прежде, и съ тѣми же послѣдствіями. Болѣе восьми тысячь непріятелей пало, не много менѣе тысячи взято въ плѣнъ, а военныхъ знаменъ захвачено пятьдесятъ восемь. Большая часть военной добычи была Галльская: золотыя ожерелья и браслеты въ большомъ числѣ. Въ этомъ сраженіи пало 2, довольно именитыхъ, Галльскихъ князька—Мэникантъ и Цивизмаръ; восемь слоновъ взято, а три убито. Римляне, при благопріятномъ для нихъ положеніи дѣлъ въ Испаніи, устыдились наконецъ, что городъ Сагунтъ, изъ за котораго началась война, уже восьмой годъ во

власти непріятелей. А потому они овладѣли имъ, выгнавъ оттуда силою Карѳагенскій гарнизонъ и возвратили его прежнимъ жителямъ, которые уцѣлѣли отъ жестокостей войны. Турдетанъ, которые вовлекли ихъ въ войну съ Карѳагенянами, Римляне захватили и продали въ рабство, а города ихъ срыли до основанія.

43. Вотъ, что происходило въ Испаніи при консулахъ К. Фабіѣ и М. Клавдіѣ. Въ Римѣ, какъ только вновь избранные трибуны вступили въ должность, то одинъ изъ нихъ Л. Метеллъ тотчасъ позвалъ цензоровъ П. Фурія и М. Атилія на судъ народнаго собранія. Въ прошломъ году они его, когда онъ былъ квесторомъ, лишивъ коня, исключили изъ трибы и положили въ подушный окладъ за составленный имъ подъ Каннами заговоръ оставить Италію. Впрочемъ девять трибуновъ приняли сторону обвиненныхъ и запретили имъ даже оправдываться; такимъ образомъ они отпущены. Смерть П. Фурія не дала цензорамъ привести къ концу перепись; М. Атилій отказался отъ должности. Консульскіе выборы открылъ консулъ К. Фабій Максимъ; новые консулы выбраны оба заочно: К. Фабій Максимъ, сынъ консула и Ти. Семпроній Гракхъ вторично. Преторами сдѣланы М. Атилій и бывшіе въ то время курульными эдилями: П. Семпроній Тудитанъ, Кн. Фульвій Центумалъ и М. Эмилій Лепидъ. Сохранилось извѣстіе, что тогда въ этомъ году курульные эдили въ первый разъ дали сценическіе игры въ продолженіи четырехъ дней. Тудитанъ эдиль былъ тотъ самый, который у Каннъ, когда всѣ въ ужасѣ растерялись отъ такого страшнаго пораженія, пробился сквозь ряды непріятелей. По окончаніи выборовъ, вслѣдствіе предложенія консула К. Фабія, вновь назначенные консулы призваны въ Римъ, гдѣ и вступили въ должность. Они предложили сенату сдѣлать распоряженіе относительно будущей кампаніи, какія провинціи дать имъ и какія преторамъ и кому изъ нихъ командовать какими войсками.

44. Провинціи и войска распредѣлены слѣдующимъ образомъ. Весть войну съ Аннибаломъ — предоставлено консуламъ и изъ войскъ даны имъ: одно, которое уже имѣлъ самъ Семпроній и другое, которымъ командовалъ Фабій; въ томъ и въ другомъ

находилось по два легіона. Преторъ Эмилій, которому досталось по жеребью судопроизводство надъ чужестранцами, предоставилъ гражданскія дѣла товарищу своему М. Атилію, городскому претору, а самъ получилъ въ управленіе — Луцерію и два легіона, которыми начальствовалъ консулъ К. Фабій въ бытность его преторомъ. П. Семпронію назначенъ провинціею Ариминъ, а Кн. Фульвію Суессула и также каждому дано по два легіона. Фульвій долженъ былъ вести городскіе легіоны, а Тудитанъ принять отъ М. Помпонія. Продолжено время служенія и управленія провинціями: М. Клавдію надъ Сициліею въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ царствовалъ Гіеронъ; бывшему претору Лентулу надъ старою провинціею въ Сициліи; а Т. Отацилію предоставлено опять начальство надъ флотомъ. Войскъ ничего не прибавлено; М. Валерію предоставлено дѣйствовать въ Греціи и въ Македоніи съ легіономъ и съ флотомъ, уже находившимися подъ его начальствомъ; а К. Муцій остался съ прежнимъ войскомъ (въ немъ было два легіона) въ Сардиніи. Кн. Теренцію назначенъ Пиценъ съ тѣмъ легіономъ, которымъ уже онъ начальствовалъ. Кромѣ того предписано сенатомъ набрать два городскихъ легіона и двадцать тысячь союзниковъ. Такими то вождями и такими то силами сенатъ положилъ отстаивать Римское владычество отъ всѣхъ недруговъ, какъ уже явныхъ, такъ и могущихъ вновь обнаружиться. Консулы, набравъ два городскихъ легіона и сколько нужно было воиновъ для пополненія прочихъ войскъ, прежде чѣмъ имъ выступить изъ города, озаботились чудесными явленіями, о которыхъ пришло извѣстіе. Въ самомъ Римѣ громъ ударилъ въ стѣны и ворота, а въ Ариціи въ храмъ Юпитера. Приняты были за дѣйствительно чудесныя явленія и тѣ, которыя были обманомъ зрѣнія и слуха. На рѣкѣ Тибрѣ въ Террачинѣ померещилось кому то видѣть подобія длинныхъ судовъ, а ихъ на дѣлѣ тамъ вовсе не было. Послышалось кому то, будто въ храмѣ Юпитера Вицилинскаго, что на Компсанскомъ полѣ, загремѣло оружіе, и показалось кому то, будто рѣка въ Амитернѣ сдѣлалась какъ бы кровавою. Исполнивъ относительно этихъ чудесныхъ явленій все, что слѣдовало по декрету первосвященниковъ, консулы отправились—Семпроній въ землю Луканцевъ,

а Фабій въ Апулію. Здѣсь отецъ явился къ сыну въ лагерь подъ Суессулу его легатомъ. Сынъ вышелъ на встрѣчу и ликторы безмолвствовали передъ величіемъ старца; уже онъ, сидя на лошади, миновалъ одиннадцать ликторовъ, когда консулъ приказалъ стоявшему подлѣ него ликтору исполнить его обязанность; тотъ приказалъ старику Фабію сойдти съ лошади. Фабій, соскочивъ наконецъ съ коня, сказалъ: «сынъ мой, я хотѣлъ только испытать, до какой степени умѣешь ты исполнять обязанности консула».

45. Въ этотъ лагерь тайно ночью пришелъ изъ Арповъ Дазій Альтиній, тамошній житель, съ тремя рабами. Онъ обѣщался предать Арпы, если ему за то будетъ награжденіе. Объ этомъ Фабій предложилъ военному совѣту. Тутъ нѣкоторые предлагали: «перебѣжчика высѣчь розгами и потомъ казнить смертью; двоедушный человѣкъ, онъ врагъ и той, и другой сторонѣ. Будучи вѣроятно того мнѣнія, что вѣрность должна мѣняться вмѣстѣ съ счастіемъ, онъ, послѣ Каннскаго пораженія, перешелъ на сторону Аннибала и увлекъ за собою къ измѣнѣ и жителей Арповъ. А когда противъ его ожиданій и желаній, дѣла наши стали принимать благопріятный оборотъ, вотъ онъ и является, предлагая въ услугу той же сторонѣ, которую предательски оставилъ прежде, измѣну еще гнуснѣе прежней. Однимъ людямъ служитъ онъ, а мысли его обращены совсѣмъ въ другую сторону. Невѣрный союзникъ, онъ и врагъ неопасный. На немъ надобно въ урокъ измѣнникамъ показать примѣръ той же строгости, которая прежде употреблена была относительно людей, которые хотѣли предать Фалеріи и Пирра.» Фабій былъ другаго мнѣнія; онъ говорилъ: «забываютъ исключительныя обстоятельства времени и въ самомъ пылу войны разсуждаютъ обо всемъ также, какъ если бы господствовалъ совершенный миръ и спокойствіе. Главною заботою и цѣлью нашихъ дѣйствій должно быть, какъ бы не отпалъ отъ насъ кто либо изъ нашихъ союзниковъ, а вы это потеряли изъ виду и говорите, что надобно показать примѣръ строгости надъ тѣми, которые опомнятся и вздумаютъ снова искать нашего союза. А если — оставить Римлянъ можно, возвратиться же къ нимъ безнаказанно нельзя, то можно ли сомнѣваться,

что вскорѣ мы будемъ оставлены всѣми союзниками, а народы Италіи связаны будутъ тѣснымъ союзомъ съ Кароагенянами. Впрочемъ я—говорилъ Фабій,—не того мнѣнія, чтобы Альтинію оказать полное довѣріе, а надобно при рѣшеніи держаться середины: въ настоящее время не считать его ни за врага, ни за союзника; а, пока будетъ продолжаться война, держать его подъ стражею въ какомъ нибудь вѣрномъ городѣ неподалеку отъ лагеря; по окончаніи же войны, тогда рѣшить: болѣе ли заслуживаетъ наказанія прежняя измѣна, или прощенія нынѣшній его поступокъ». Мнѣніе Фабія принято; Альтиній и люди его заключены въ оковы; а довольно большое количество золота, которое онъ принесъ съ собою, приказано сберечь для него. Подъ стражею отправленъ онъ въ Калесъ; здѣсь на день съ него снимали оковы; на ночь же запирали и караулили. Въ Арпахъ сначала его хватились и искали было; скоро распространился по всему городу слухъ о томъ, куда онъ дѣвался и граждане пришли въ волненіе, потерявъ своего главу. Въ предъупрежденіе какого либо переворота тотчасъ отправлены гонцы къ Аннибалу. Этимъ извѣстіемъ онъ не былъ огорченъ; давно уже подозрѣвалъ онъ Альтинія, какъ человѣка непостояннаго и притомъ радъ былъ случаю воспользоваться имѣніемъ столь богатаго человѣка. Впрочемъ для того, чтобы люди приписали его дѣйствія скорѣе раздраженію, чѣмъ корыстолюбію, онъ прибѣгнулъ къ жестокости; жену и дѣтей Альтинія онъ вытребовалъ къ себѣ въ лагерь и выпытавъ отъ нихъ хорошенько все, что ему нужно было знать о бѣгствѣ Альтинія и о томъ, сколько золота и серебра осталось у нихъ дома, онъ ихъ сжегъ на огнѣ живыхъ.

46. Аппій, двинувшись отъ Суессулы, сначала остановился осаждать Арпы. Здѣсь онъ сталъ лагеремъ въ пяти стахъ шагахъ отъ города и вблизи разсмотрѣлъ мѣстоположеніе его и стѣнъ; онъ рѣшился сдѣлать нападеніе на ту часть стѣны, которая была крѣпче другихъ, замѣтивъ, что ее не съ такимъ стараніемъ караулятъ. Сдѣлавъ всѣ приготовленія, нужныя для приступа къ городу, онъ изо всего войска выбралъ самыхъ надежныхъ сотниковъ, начальниками имъ назначилъ лучшихъ трибуновъ и далъ имъ шесть сотъ воиновъ, сколько по его мнѣнію было доста-

точно: онъ приказалъ имъ, какъ только звукъ трубъ означитъ четвертую стражу ночи, нести лѣстницы къ означенному мѣсту. Тамъ ворота были и низкія и узкія, такъ какъ не много было движенія по мало населенной части города. Консулъ отдалъ приказаніе воинамъ сначала съ помощью лѣстницъ взлѣзть на ворота, а потомъ броситься на стѣну и, отбивъ извнутри запоры, отворить ворота; тогда звукомъ трубы дать знать, что часть города въ ихъ власти для того, чтобы придвинуть туда и остальныя войска: а онъ будетъ имѣть все въ совершенной готовности. Приказаніе консула исполнено въ точности и то, что должно было повидимому служить препятствіемъ нападающимъ, способствовало имъ обмануть осажденныхъ. Съ полуночи начался сильный дождь; онъ вынудилъ караульныхъ сойдти съ постовъ и искать убѣжища подъ крышами жилищъ. Сначала шумъ сильной грозы помѣшалъ слышать стукъ отбиваемыхъ Римлянами воротъ; потомъ частый и ровный звукъ падавшаго дождя, доходя до слуха людей, склонилъ большую часть ихъ ко сну. Овладѣвъ воротами, Римляне разставили по дорогѣ въ ровномъ одинъ отъ другаго разстояніи трубачей и приказали имъ играть, чтобы вызвать консула. Тогда, какъ условлено было, консулъ приказалъ несть знамена и немного прежде разсвѣта проникъ въ городъ черезъ выбитыя ворота.

47. Тутъ только опомнились непріятели, когда дождь началъ уже стихать и стало свѣтать. Въ городѣ находился гарнизонъ Аннибала почти изъ пяти тысячь воиновъ; да сами Арпинцы имѣли вооруженныхъ три тысячи человѣкъ. Кароагеняне, опасаясь въ тылу у себя измѣны, первыхъ противупоставили Римлянамъ Арпинцевъ. Сначала сражались въ потьмахъ въ узкихъ улицахъ. Римляне заняли не только улицы, но и дома, ближайшіе къ воротамъ для того, чтобы не могли съ крышъ бросать въ нихъ и вредить имъ. Между Арпинцами и Римлянами нашлись люди одинъ другому знакомые; завязались разговоры. Римляне спрашивали: чего отъ нихъ хотятъ Арпинцы? Чѣмъ обидѣли ихъ Римляне и чѣмъ заслужили имъ Кароагеняне, что они, Итальянцы, ведутъ войну за иноземцевъ и варваровъ противъ своихъ давнишнихъ союзниковъ — Римлянъ и хлопочутъ о томъ, какъ бы Италію сдѣлать данницею Африки?—Арпинцы оправдывались,

утверждая, что безъ ихъ вѣдома старѣйшины ихъ продали Аннибалу, что они находятся подъ стѣснительною властью немногихъ. Таково было начало: мало по малу все болѣе и болѣе завязывалось разговоровъ. Наконецъ преторъ Арпинскій былъ отведенъ своими согражданами къ консулу и тутъ то, подъ знаменами и среди вооруженныхъ рядовъ, Арпинцы и Римляне дали другъ другу взаимныя клятвы союза, и тотчасъ же Арпинцы, за одно съ Римлянами, обратили свое оружіе противъ Карѳагенянъ. И Испанцы также, числомъ немного менѣе тысячи человѣкъ, перешли къ консулу, выговоривши у него одно условіе — выпустить безъ вреда Карѳагенскій гарнизонъ изъ города. Карѳагенянамъ открыты ворота и они, будучи выпущены безъ обману, прибыли невредимо къ Аннибалу въ Салапію. Такимъ образомъ Арпы возвращены Римлянамъ и никто тутъ не пострадалъ, кромѣ старинпаго измѣнника, а теперь перебѣжчика. Испанцамъ велѣно дать двойной паекъ; впослѣдствіи часто Римское государство пользовалось ихъ вѣрною и дѣльною службою. Междутѣмъ какъ одинъ консулъ находился въ Апуліи, а другой въ землѣ Луканцевъ, сто двадцать всадниковъ, всѣ члены лучшихъ семействъ Апуліи, выпросили у начальниковъ Капуи позволеніе оставить городъ подъ предлогомъ — пограбить въ непріятельскомъ полѣ; но вмѣсто того пришли въ лагерь Римскій повыше Суессулы. Военнымъ карауламъ они объявили, кто они такіе и что они желаютъ переговорить съ преторомъ. Въ лагерѣ начальствовалъ Кн. Фульвій; когда ему было дано знать о случившемся, то онъ велѣлъ изъ числа Кампанскихъ всадниковъ десять безъ оружія привести къ себѣ и выслушалъ отъ нихъ, чего они желаютъ. Они просили только объ одномъ, чтобы въ случаѣ, если Капуя возвратится подъ власть Римлянъ, были отданы имъ обратно ихъ имущества; тогда всѣ они приняты съ взаимнымъ обязательствомъ вѣрности. Другой преторъ, Семпроній Тудитанъ, взялъ приступомъ городъ Атернъ; здѣсь взято въ плѣнъ непріятелей болѣе 7000 человѣкъ и найдено нѣсколько серебра и мѣди въ деньгахъ. Въ Римѣ въ продолженіи двухъ ночей и одного дня свирѣпствовалъ страшный пожаръ: огонь сравнялъ все съ землею между Салинами (соловарнями) и Карментальскими воротами вмѣ-

стѣ съ улицами Эквимельскою и Югарскою. Огонь захватилъ обширное пространство и по ту сторону воротъ и въ храмахъ Счастія, Матери Матуты и Надежды истребилъ много предметовъ, какъ освященныхъ, такъ и простыхъ.

48. Въ этомъ же году П. и Кн. Корнеліи, видя, что дѣла въ Испаніи идутъ хорошо, что много прежнихъ союзниковъ пристало опять къ Римлянамъ и не мало новыхъ пріобрѣтено ими, простерли свои надежды и на Африку. Тамъ явился вдругъ новый врагъ Карѳагенянамъ; то былъ Сифаксъ царь Нумидовъ. Корнеліи отправили къ нему послами трехъ сотниковъ для заключенія съ нимъ союзнаго договора; они должны были обѣщать, что буде только Сифаксъ станетъ тѣснить войною Карѳагенянъ, то сенатъ и народъ Римскій со временемъ будутъ весьма признательны за эту услугу и постараются вознаградить его самымъ щедрымъ образомъ. Посольство это пришлось варвару весьма по сердцу. Онъ имѣлъ съ послами разговоръ о военномъ дѣлѣ; слушая слова опытныхъ воиновъ и вникая въ правила военной дисциплины, онъ понялъ изъ сравненія, какъ многаго онъ самъ дотолѣ не зналъ. Тогда онъ сталъ просить отъ сотниковъ, какъ отъ вѣрныхъ и добрыхъ союзниковъ, услуги: «пусть двое изъ нихъ возвратятся къ вождю своему — сообщить ему результатъ посольства; а одинъ пусть останется у него учить его военному искусству. Нумиды совершенно не умѣютъ вести войну пѣшіе; только конями владѣть они искусны. Такъ съ древнихъ временъ и при его предкахъ вели они войны; такъ и самъ онъ научился съ дѣтства. А дѣло имѣетъ онъ съ врагомъ, который силу свою полагаетъ въ пѣхотѣ, а потому буде захочетъ онъ съ нимъ бороться равными силами, то необходимо ему завести и у себя пѣхоту. Царство его не имѣетъ на этотъ предметъ недостатка въ людяхъ; но неизвѣстно ему искусство вооружать ихъ, управлять ими и строить. Все дѣлается у Нумидовъ наудачу и необдуманно, какъ иначе и не можетъ быть съ нестройною толпою людей.» Послы отвѣчали: «что они теперь исполнятъ его желаніе, но съ тѣмъ, чтобы онъ далъ слово тотчасъ отпустить обратно того сотника, который у него останется, буде военачальники ихъ не одобрятъ ихъ образъ дѣйствій»; у Сифакса остался сотникъ,

по имени К. Статорій. Съ прочими двумя Римлянами Нумидскій царь отправилъ въ Испанію пословъ съ своей стороны принять клятвенныя увѣренія Римскихъ вождей; онъ поручилъ имъ Нумидовъ, которые находились въ Кареагенскихъ гарнизонахъ въ качествѣ вспомогательнаго войска, склонять къ измѣнѣ. Статорій множество молодыхъ людей набралъ въ царскую пѣхоту; по Римскому обычаю училъ онъ ихъ стоять правильными рядами, идти и бросаться впередъ, соблюдая строй. Скоро такъ онъ пріучилъ ихъ переносить труды военные и исполнять обязанности хорошихъ воиновъ, что въ непродолжительномъ времени царь Нумидскій столько же былъ увѣренъ въ своей пѣхотѣ, сколько и въ конницѣ. На ровномъ мѣстѣ сразился онъ съ Кареагенянами и въ правильномъ бою одержалъ надъ ними побѣду. А для Римлянъ прибытіе царскихъ пословъ въ Испанію принесло большую пользу; какъ только узнали объ этомъ Нумиды, то часто стали перебѣгать къ Римлянамъ. Такимъ образомъ Римляне заключили союзъ дружбы съ царемъ Сифаксомъ. Узнавъ объ этомъ, Кареагеняне тотчасъ отправили пословъ къ Галѣ, царствовавшему въ другой части Нумидіи (народъ, тамъ живущій, называется Массили).

49. Гала имѣлъ сына Массиниссу, которому отъ роду было только 17 лѣтъ; но въ немъ обнаруживались необыкновенныя способности, и тогда уже можно было предвидѣть, что онъ будетъ имѣть царство обширнѣе и богаче того, какое получитъ въ наслѣдство. Послы Кареагенянъ говорили: «Сифаксъ сдружился съ Римлянами, чтобы, опираясь на ихъ силы, имѣть перевѣсъ надъ царями и народами Африки. Собственныя выгоды Галы требуютъ какъ можно поскорѣе вступить въ тѣсный союзъ съ Кареагенянами прежде, чѣмъ или Сифаксъ перейдетъ въ Испанію или Римляне въ Африку; можно легко подавить Сифакса, пока дружба его съ Римлянами не принесла еще ему ничего, кромѣ обѣщаній.» Галу не трудно было убѣдить послать войско, чего требовалъ и сынъ его. Соединясь съ войсками Кареагенянъ, Массинисса въ большомъ сраженіи побѣдилъ Сифакса; въ этомъ сраженіи, по дошедшимъ слухамъ, пало тридцать тысячь человѣкъ. Сифаксъ убѣжалъ съ поля битвы съ немногими всадниками въ землю Маврузійскихъ Нумидовъ (они живутъ почти на краю Африки по берегамъ Океана противъ Гадеса). Услыхавъ о немъ, дикари стали собираться вокругъ него толпами и скоро собралъ онъ огромное войско; но прежде нежели онъ успѣлъ съ нимъ переправиться въ Испанію, отдѣленную только узкимъ проливомъ, пришелъ Массинисса съ побѣдоноснымъ войскомъ. Тутъ онъ велъ войну съ Сифаксомъ съ великою для себя славою, ограничиваясь своими силами и безо всякой помощи Кареагенянъ. Въ Испаніи не случилось ничего замѣчательнаго кромѣ того, что Римскіе вожди переманили къ себѣ на службу по найму Цельтиберійскую молодежь на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ служила прежде она Кареагенянамъ. Да еще Римскіе вожди отправили въ Италію 300 знатнѣйшихъ Испанцевъ склонять къ измѣнѣ Аннибалу ихъ соотечественниковъ, находившихся у него въ вспомогательномъ войскѣ. Такимъ образомъ изъ событій, случившихся въ Испаніи въ этомъ году, заслуживаетъ особенной памяти одно: дотолѣ прежде пріема Цельтиберійцевъ, въ Римскомъ лагерѣ не было никогда ни одного наемнаго воина.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

1. Между тѣмъ какъ вышеописанныя событія происходили въ Испаніи и въ Африкѣ, Аннибалъ провелъ лѣто на Тарентинскомъ полѣ, не теряя надежды овладѣть Тарентомъ съ помощью измѣны, а пока нѣкоторые незначительные городки Тарентскіе и Саллентинскіе перешли на его сторону. Въ тоже время изъ двѣнадцати народовъ Бруттія, за годъ передъ тѣмъ отпавшихъ къ Кареагенянамъ, Консентинцы и Туринцы возвратились опять къ союзу съ народомъ Римскимъ. И ихъ примѣру послѣдовали бы еще многіе; но префектъ союзниковъ, Т. Помпоній Веіентанъ, послѣ нѣсколькихъ, удачно сдѣланныхъ имъ въ землю Бруттіевъ, набѣговъ, счелъ себя за настоящаго полководца и соб-

равъ на скорую руку ополченіе изъ кого ни попало, вступилъ въ сраженіе съ Ганнономъ. Изъ этой нестройной толпы много людей—поселянъ и рабовъ или убито или взято въ плѣнъ. То, что въ числѣ другихъ взятъ былъ въ плѣнъ и самъ префектъ—было потерею всего менѣе чувствительною; онъ же по своей самонадѣянности былъ теперь причиною этого неудачнаго сраженія, а прежде былъ сборщикомъ налоговъ и въ этой должности дѣйствовалъ безчестно и со вредомъ для государства и его союзниковъ. Консулъ Семпроній въ землѣ Луканцевъ имѣлъ съ непріятелемъ много небольшихъ сраженій, но ни одно изъ нихъ не заслуживаетъ особеннаго упоминанія; онъ же овладѣлъ силою нѣсколькими незначительными Луканскими городками. Чѣмъ болѣе длилась война, тѣмъ безпрестанные переходы отъ удачь къ неудачамъ оказывали болѣе вредное дѣйствіе, сколько на умы жителей, столькоже на ихъ состояніе. Столько проникло въ Римъ религіозныхъ вѣрованій и по большей части иноземныхъ, что повидимому вдругъ или люди, или боги не тѣ стали. И не только уже тайно и въ стѣнахъ домовъ отмѣнялись обряды Римскаго богослуженія; но всенародно на общественной площади и въ Капитоліѣ толпы женщинъ и приносили жертвы и молили боговъ не по обычаю предковъ. Умами гражданъ завладѣли мнимые жрецы и предсказатели; а народонаселеніе города увеличилось вслѣдствіе того, что сельское населеніе съ невоздѣланныхъ и опустошенныхъ отъ продолжительной войны полей, нуждою и страхомъ было загнато въ городъ. Заблужденія однихъ служили къ выгодѣ другихъ, которые пользовались ими, какъ бы позволеннымъ средствомъ для жизни. Сначала благонамѣренные граждане высказывали другъ другу только свое неудовольствіе; но потомъ дѣло дошло до того, что публично принесена объ этомъ жалоба сенату. Сенатъ сильно пенялъ эдилей и главныхъ тріумвировъ за то, что они не воспрепятствовали этимъ безпорядкамъ; но когда они попытались было согнать чернь съ форума, и очистить его отъ разныхъ мнимо священныхъ приготовленій; то сами едва избѣжали насилія. Видя, что зло уже приняло столь большіе размѣры, что недостаточно силы и вліянія второстепенныхъ сановниковъ, сенатъ вмѣнилъ въ обязанность городскому претору

М. Атилію—очистить народъ отъ новыхъ религіозныхъ обрядовъ. Тотъ прочелъ передъ народнымъ собраніемъ декретъ сената и кромѣ того объявилъ: «чтобы каждый, кто имѣетъ у себя книги предсказаній или молитвъ, или писанныя руководства къ жертвоприношеніямъ, доставилъ ему эти книги и писанные листы къ Апрѣльскимъ календамъ; чтобы никто не смѣлъ въ мѣстѣ общественномъ и священномъ приносить жертвы по новому или чужеземному обряду.»

2. Въ продолженіи этого года умерло нѣсколько общественныхъ жрецовъ: Л. Корнелій Лентулъ, великій первосвященникъ и жрецъ К. Папирій, К. Ф. Мазо, П. Фурій Филъ авгуръ и К. Папирій, Л. Ф. Мазо членъ священной коммиссіи десяти. Замѣщены: Лентулъ — М. Корнеліемъ Цетегомъ, а Папирій—Кн. Сервиліемъ Цэпіономъ. Авгуромъ избранъ Л. Квинкцій Фламининъ, а членомъ священной коммиссіи десяти—Л. Корнелій Лентулъ. Уже приближалось время консульскихъ выборовъ; положено было не трогать консуловъ, занятыхъ войною; а консулъ Ти: Семпроній назначилъ диктаторомъ для производства выборовъ К. Клавдія Центона; тотъ предводителемъ всадниковъ взялъ къ себѣ К. Фульвія Флакка. Въ первый день выборовъ диктаторъ провозгласилъ консулами К. Фульвія Флакка, своего предводителя всадниковъ, и Ап. Клавдія Пульхра, который въ качествѣ претора управлялъ Сициліею. Преторами выбраны Кн. Фульвій Флаккъ, К. Клавдій Неронъ, М. Юній Силанъ и П. Корнелій Сулла. Окончивъ выборы, диктаторъ сложилъ съ себя это званіе. Курульнымъ эдилемъ въ этомъ году, вмѣстѣ съ М. Корнеліемъ Цетегомъ, былъ П. Корнелій Сципіонъ, тотъ, которому въ послѣдствіи дано прозваніе *Африканскаго*. Когда онъ искалъ эдильства, то встрѣтилъ сопротивленіе въ народныхъ трибунахъ; тѣ утверждали, что и къ выборамъ его допустить нельзя, такъ какъ онъ не достигъ еще тѣхъ лѣтъ, въ которыя дозволяется искать должностей. Сципіонъ на это отвѣчалъ: «буде меня всѣ Квириты желаютъ имѣть эдилемъ, то значитъ я довольно имѣю годовъ, чтобы быть имъ.» А потому граждане разбѣжались по трибамъ подавать голоса съ такимъ чувствомъ благорасположенія къ Сципіону, что трибуны тотчасъ оставили

свое намѣреніе. Со стороны эдилей для народа была сдѣлана слѣдующая щедрость: Римскія игры даны и въ продолженіи одного дня отпразднованы съ такимъ великолѣпіемъ, какое только въ то время было возможно, и по мѣрѣ деревяннаго масла роздано въ каждую улицу. Народные эдили, Л. Виллій Таппулъ и М. Фунданій Фундулъ обвинили передъ народомъ въ распутствѣ нѣсколькихъ знатныхъ Римскихъ женщинъ; нѣкоторыя изъ нихъ осуждены и оправлены въ ссылку. Плебейскія игры отпразднованы въ продолженіи двухъ дней: и по случаю игръ было пиршество Юпитера.

3. Въ должности консуловъ вступили К. Фульвій Флаккъ въ третій разъ и Ап. Клавдій. Преторы по жеребью раздѣлили между собою провинціи: Публію Корнелію Суллѣ досталось судопроизводство въ Римѣ надъ гражданами и чужеземцами, что прежде было раздѣлено между двумя преторами; Кн. Фульвію Флакку—Апулія, К. Клавдію Перону—Суессула и М. Юнію Силану—Туски. Консуламъ предоставлено весть войну съ Аннибаломъ и имъ дано по два легіона: одинъ долженъ былъ принять войско отъ бывшаго передъ тѣмъ консула К. Фабія, а другой отъ Фульвія Центумала. Преторамъ: Фульвію Флакку назначены легіоны, которые находились въ Луцеріи подъ начальствомъ Эмилія претора; Перону Клавдію тѣ, которые были въ Пиценѣ подъ командою Р. Теренція; каждому изъ военачальниковъ велѣно наборомъ пополнить его войско. М. Юнію въ землѣ Тусковъ даны легіоны, въ прошломъ году набранные въ Римѣ. Ти. Семпронію Гракху и П. Семпронію Тудитану продолжена власть въ прежнихъ ихъ провинціяхъ—землѣ Луканцевъ и Галліи и при нихъ оставлены прежнія войска. П. Лентулъ остался въ той части Сициліи, которая составляла прежнюю провинцію; а Марцеллъ въ Сиракузахъ и въ предѣлахъ Гіеронова царства. Т. Отацилію оставлено начальство надъ флотомъ; М. Валерію—Греція, К. Муцію Сцеволѣ—Сардинія, П. и Кн. Корнеліямъ Испанія. Къ прежнимъ войскамъ прибавились еще два легіона, набранные въ Римѣ консулами, и такимъ образомъ на этотъ годъ всего въ дѣйствіи было двадцать три легіона. Дѣло М. Постумія Пиргенскаго воспрепятствовало консуламъ производить наборъ и причинило большое волненіе. Постумій былъ подрядчикъ; въ

продолженіи многихъ лѣтъ не было въ государствѣ подобнаго ему по плутовству и корыстолюбію, кромѣ Т. Помпонія, родомъ изъ Веій (его въ прошломъ году Карѳагенскій вождь Ганнонъ захватилъ въ плѣнъ, когда онъ самонадѣянно опустошалъ поля въ землѣ Луканцевъ). Эти люди, вслѣдствіе того, что государство приняло на свой страхъ въ случаѣ кораблекрушенія запасы, которые были отправлены къ войскамъ, придумывали мнимыя кораблекрушенія; да и тѣ, о которыхъ они доставили справедливыя свѣдѣнія, случились по ихъ же коварному умыслу, а не сами собою. Они на старыя и почти разбитыя суда положили вещей не много и не дорогія, и выплывши въ открытое море потопили ихъ; матросовъ приняли въ нарочно приготовленныя лодки, а сами показывали, будто погибли многія и цѣнныя вещи. О такомъ обманѣ донесено было М. Атилію, прошлаго года претору, и онъ объ этомъ доложилъ сенату; но сенатъ на этотъ предметъ не сдѣлалъ никакого распоряженія: сенаторы не хотѣли при такихъ обстоятельствахъ времени вооружать противъ себя сословіе подрядчиковъ. Впрочемъ народъ строже сената преслѣдовалъ этотъ обманъ: два трибуна Сп. и Л. Карвилій, дѣйствуя какъ органы общаго неудовольствія на такую безсовѣстную и ненавистную продѣлку, присудили Постумія къ штрафу въ двѣ тысячи ассъ. Когда насталъ день рѣшенія этого вопроса, то граждане собрались въ такомъ множествѣ, что площадь Капитолія съ трудомъ вмѣщала ихъ. Когда дѣло было уже изложено на словахъ, то поставщикамъ оставалась одна надежда, что трибунъ народный К. Сервилій Каска, родня и близкій Постумію человѣкъ, вступится прежде, нежели трибы будутъ позваны къ подачѣ голосовъ. Представлены были и свидѣтели; трибуны поотодвинули народъ, принесена урна для того, чтобы вынуть жребій, гдѣ Латины должны подавать голоса. Междутѣмъ подрядчики приставали къ Каскѣ, чтобы на этотъ день распустить собраніе. Народъ громко требовалъ противнаго; а случилось такъ, что Каска сидѣлъ на самомъ углу; колебался онъ между страхомъ и стыдомъ. Видя, что мало на него надежды, подрядчики, чтобы произвесть суматоху, ворвались толпою въ пустое мѣсто, (которое образовалось отъ того, что народъ былъ поотодвинутъ

трибунами для подачи голосовъ) и затѣяли брань и съ народомъ и съ трибунами. Дѣло доходило уже до насилія; тогда консулъ Фульвій сказалъ трибунамъ: «развѣ вы не видите, что вы уже стѣснены въ кучу и что дѣло дойдетъ до насилія, если вы сейчасъ не распустите народное собраніе?»

4. Народъ распущенъ, а собранъ сенатъ, и консулы доложили ему о томъ, что дерзость и насиліе подрядчиковъ возмутили народное собраніе. Консулы между прочимъ говорили: «М. Фурій Камиллъ, за изгнаніемъ котораго послѣдовало разрушеніе города, позволилъ себя осудить раздраженнымъ согражданамъ. Да и до него децемвиры, которыхъ законами они понынѣ управляются и въ послѣдствіи многіе знатнѣйшіе сановники государства терпѣливо переносили приговоръ народа. А Постумій Пиргійскій насиліемъ лишилъ народъ Римскій права подачи голосовъ, уничтожилъ народное собраніе, трибуновъ согналъ съ мѣстъ, вторгнулся на площадь, чтобы отдѣлить трибуновъ отъ народа, не допустилъ трибы къ подачѣ голосовъ. И если что удержало гражданъ отъ междуусобной схватки, то умѣренность сановниковъ, которые на время уступили дерзости и безумію немногихъ и допустили побѣдить себя и народъ Римскій. Они подачу голосовъ, которой обвиненный намѣревался воспрепятствовать силою и оружіемъ, исполняя его желаніе, чтобы не подать повода къ схваткѣ тѣмъ, которые искали его, остановили.» Каждый благомыслящій гражданинъ говорилъ объ этомъ происшествіи какъ о неслыханномъ дотолѣ нарушеніи законовъ, а сенатъ издалъ декретъ, гдѣ называлъ это насиліемъ противъ государства и весьма опаснымъ примѣромъ для будущаго. Тотчасъ народные трибуны Карвиліи, оставивъ свое предложеніе о денежной пенѣ, призвали Постумія на судъ въ уголовномъ преступленіи и приказали урядику—Постумія, если не представитъ поручителей, тотчасъ схватить и вести въ тюрьму. Постумій представилъ поручителей, но въ срокъ не явился. Тогда трибуны предложили, а народъ утвердилъ, слѣдующее рѣшеніе: «Если М. Постумій не явится до Майскихъ Календъ и, будучи вызванъ въ этотъ день, не отвѣтитъ и не будетъ оправданъ, то онъ долженъ считаться отправленнымъ въ ссылку: имущество его должно быть продано, а самъ онъ лишенъ огня и воды.» Потомъ каждаго порознь изъ тѣхъ, которые были зачинщиками смятенія и безпорядка, вызывали на судъ въ уголовномъ преступленіи и требовали поручителей. Сначала заключали въ темницу тѣхъ, которые не давали поручителей, а потомъ даже и тѣхъ, которые могли бы дать таковыхъ; избѣгая угрожающей опасности, большая часть виновныхъ отправилась въ добровольную ссылку.

5. Такой-то исходъ имѣлъ обманъ подрядчиковъ, обманъ, который они хотѣли прикрыть дерзостью. Вслѣдъ за тѣмъ назначены были выборы въ должность великаго первосвященника; они открыты были первосвященникомъ М. Корнеліемъ Цетегомъ. Объ открывшейся ваканціи состязались сильно: консулъ К. Фульвій Флаккъ (онъ и прежде былъ 2 раза консуломъ и цензоромъ), Т. Манлій Торкватъ, также со славою бывшій два раза консуломъ и цензоромъ и П. Лициній Крассъ, который намѣревался также искать курульнаго эдильства. Онъ, несмотря на свою молодость, восторжествовалъ въ этомъ состязаніи надъ заслуженными старцами. А до этого выбора въ продолженіи ста двадцати лѣтъ, за исключеніемъ П. Корнелія Калуссы, не было избрано ни одного великаго первосвященника, который бы уже не сидѣлъ въ курульныхъ креслахъ. Консулы весьма затруднены были наборомъ; молодыхъ людей было недостаточно, чтобы набрать вновь два легіона и пополнить убыль въ прежнихъ. Тогда сенатъ велѣлъ консуламъ остановить начатый наборъ, а составить двѣ коммиссіи, каждую изъ трехъ членовъ. Одна должна была дѣйствовать въ округѣ на пятьдесятъ миль около города, а другая далѣе; члены этихъ коммиссій должны были вездѣ, въ городахъ, селахъ и деревняхъ произвести смотръ всѣмъ молодымъ людямъ свободнаго происхожденія, и тѣхъ изъ нихъ, которые хотя и не достигли семнадцатилѣтняго возраста, но повидимому имѣютъ довольно силъ къ ношенію оружія, записывать въ военную службу. Трибуны народные, буде заблагоразсудятъ, пусть предложатъ народному собранію законъ, чтобы тѣ изъ молодыхъ людей, которые, имѣя менѣе семнадцати лѣтъ, дадутъ военную присягу, въ правахъ службы сравнены были съ тѣми, которые поступаютъ въ нее семнадцати лѣтъ или и старше.

Избранныя, вслѣдствіе этого сенатскаго декрета, двѣ коммиссіи, произвели по прилежащимъ къ Риму областямъ розыскъ вольныхъ граждан. Въ это же время изъ Сициліи получены письма М. Марцелла, гдѣ онъ излагаетъ требованія воиновъ, состоявшихъ подъ начальствомъ П. Лентулла. То были остатки войска уцѣлѣвшаго отъ Каннскаго побоища, сосланные, какъ выше мы говорили, въ Сицилію съ тѣмъ, чтобы они не смѣли до окончанія войны возвращаться въ Италію.

6. Съ дозволенія Лентула—эти воины отправили къ Марцеллу послами на зимнія квартиры первыхъ сотниковъ и лучшихъ всадниковъ и пѣхотинцевъ. Одинъ изъ нихъ, получивъ отъ Марцелла позволеніе говорить, сказалъ: «М. Марцеллъ, мы пришли бы къ тебѣ еще въ Италіи, какъ только состоялось о насъ хотя и не несправедливое, но горькое для насъ сенатское опредѣленіе; если бы мы не питали надежды, что насъ посылаютъ въ провинцію, гдѣ возникли по смерти царя Гіерона смуты,—принять участіе въ важной войнѣ противъ Сицилійцевъ и Карѳагенянъ и что мы такимъ образомъ не замедлимъ загладить нашу вину передъ сенатомъ кровью нашею и ранами. Такъ, по разсказамъ предковъ, воины наши, взятые Пирромъ въ плѣнъ у Гераклеи, загладили свою вину, сражаясь противъ того же Пирра. Да и притомъ, почтенные сенаторы, чѣмъ мы заслужили вашъ гнѣвъ прежде или чѣмъ его мы теперь заслуживаемъ? Видя тебя, Марцеллъ, я какъ бы имѣю передъ глазами консуловъ и весь сенатъ; имѣй мы тебя консуломъ подъ Каннами, иное было бы положеніе и отечества и наше собственное. Позволь же прежде, чѣмъ мы принесемъ тебѣ жалобы на наше положеніе, оправдаться въ винѣ, на насъ взнесенной. Положимъ, что не гнѣвъ боговъ, не судьба, которой неизмѣнными законами управляются всѣ дѣла человѣческія, но вина наша причиною пораженія у Каннъ; чья же это наконецъ вина — воиновъ или вождей? Какъ воинъ я ничего не смѣю сказать о дѣйствіяхъ своего полководца, особенно когда я знаю, что сенатъ благодарилъ его за то, что онъ не отчаялся въ спасеніи отечества. И ему послѣ его бѣгства у Каннъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ сохранена власть. Но тоже слышимъ и о другихъ, оставшихся въ живыхъ послѣ Каннскаго побоища, что тѣ, которыхъ

мы имѣли тамъ военными трибунами, ищутъ почетныхъ должностей, получаютъ ихъ, и даже имѣютъ въ управленіи цѣлыя провинціи. Развѣ вы, почтенные сенаторы, вамъ самимъ и дѣтямъ вашимъ легко прощаете, а изливаете всю вашу строгость на людей простаго происхожденія? Для консула и другихъ первыхъ лицъ въ государствѣ спасаться бѣгствомъ въ томъ случаѣ, если не осталось другой надежды—не постыдно; а воиновъ вы посылаете на поле битвы за тѣмъ только, чтобы они во всякомъ случаѣ тамъ умирали. У Алліи почти все войско бѣжало; у Фуркулъ Кавдинскихъ, даже не подумавъ о сопротивленіи, оно вручило оружіе непріятелю; умолчу о другихъ постыдныхъ для нашего войска несчастныхъ случаяхъ. Впрочемъ не только тѣ войска не обвиняли въ безславіи, но даже то самое войско, которое изъ подъ Алліи ушло въ Веіи, спасло Римъ; а Кавдинскіе легіоны, безъ оружія возвратившіеся въ Римъ, вооруженные отосланы назадъ въ Самній и того же непріятеля послали подъ ярмо, который дотолѣ радовался ихъ безславію. А войско, бывшее подъ Каннами, кто можетъ упрекнуть трусостью или бѣгствомъ, когда болѣе пятидесяти тысячъ человѣкъ воиновъ легло на мѣстѣ сраженія? Когда консулъ спасся бѣгствомъ въ сопровожденіи не болѣе семидесяти всадниковъ? Когда изъ побоища ушли только тѣ, которыхъ избивать утомилась рука непріятеля? Когда плѣннымъ отказывали въ выкупѣ, то намъ всѣ ставили въ похвалу то, что мы сохранили себя для отечества; что мы собрались къ консулу въ Венузію и такимъ образомъ положили начало сформированію новаго правильнаго войска. Теперь мы находимся въ худшемъ положеніи, чѣмъ въ какомъ находились у нашихъ отцовъ тѣ воины, которые отдавали себя въ плѣнъ непріятелю. Для послѣднихъ измѣнялось только оружіе, порядокъ, въ какомъ они находились во время военныхъ дѣйствій и мѣсто, въ которомъ они располагались въ лагеряхъ; но все это заглаживалось и исправлялось одною заслугою отечеству и однимъ счастливымъ боемъ. Никого изъ нихъ не отправляли въ ссылку; ни у кого не отнимали надежды выслужить время службы; наконецъ ихъ ставили лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, и такимъ образомъ давали возможность безславіе загладить или жизнью или новою славою. А мы, которыхъ вся вина заклю-

чается въ томъ, что мы не захотѣли, чтобы всѣ до одного Римскіе воины погибли подъ Каннами — отправлены въ ссылку не только далеко отъ отечества и Италіи, но даже далеко и отъ непріятеля. Здѣсь старѣемся мы въ заточеніи, не имѣя ни надежды, ни случая загладить безславіе, умилостивить гнѣвъ согражданъ, наконецъ умереть честнымъ образомъ. Не домогаемся мы ни конца нашему безславію, ни награды за наши доблести; испытайте только наше расположеніе духа и дайте случай къ упражненію силъ нашихъ. Мы ищемъ трудовъ и опасностей; дайте намъ возможность исполнить наши обязанности мужей и гражданъ! Вотъ уже другой годъ, какъ война въ Сициліи идетъ съ большимъ напряженіемъ силъ: одни города силою берутъ Карѳагеняне, а другіе Римляне; пѣшія и конныя войска сходятся другъ съ другомъ на поляхъ битвы; подъ Сиракузами военныя дѣйствія и на морѣ и на сухомъ пути. Военные крики сражающихся и звукъ оружія поражаютъ слухъ нашъ, а мы сидимъ сложа руки и въ бездѣйствіи, какъ будто у насъ нѣтъ ни рукъ, ни оружія. Консулъ Ти. Семпроній уже столько разъ сражался съ непріятелемъ, имѣя подъ командою легіоны, составленные изъ рабовъ: и они стяжали за свои доблести въ награду—и свободу и право гражданства. Пусть же мы будемъ для васъ хоть за рабовъ, купленныхъ на предметъ этой войны! Дайте намъ случай встрѣтиться съ непріятелемъ и заслужить свободу силою рукъ нашихъ! Испытайте наши доблести, гдѣ хотите, хоть на морѣ, хоть на сухомъ пути, хоть въ открытомъ полѣ, хоть подъ укрѣпленными городами! Не отступимъ мы ни передъ какими трудами и опасностями, какъ бы они велики ни были! Пусть совершимъ мы сейчасъ то, что слѣдовало сдѣлать подъ Каннами! Все же время, которое съ тѣхъ прошло, мы считаемъ обреченнымъ безславію.»

7. Съ этими словами они упали въ ноги къ Марцеллу; тотъ отвѣчалъ: что не имѣетъ ни права, ни власти исполнить ихъ желаніе; что онъ напишетъ сенату и поступитъ во всемъ согласно его волѣ. Донесеніе Марцелла вручено новымъ консуламъ, а они прочитали его въ сенатѣ. Сенаторы, спрошенные объ ихъ мнѣніи по этому предмету, составили слѣдующее опредѣленіе: «сенатъ не видитъ достаточныхъ причинъ—ввѣрять участь отечества людямъ, которые оставили своихъ сослуживцевъ во время сраженія подъ Каннами. Буде же проконсулъ М. Клавдій другого объ этомъ мнѣнія, то пусть поступитъ такъ, какъ внушитъ ему любовь къ отечеству и чувство вѣрности. Только пусть ни одинъ изъ этихъ воиновъ не увольняется отъ своихъ обязанностей, не получаетъ ни въ какомъ случаѣ военной награды за доблесть и не возвращается въ Италію, пока непріятель будетъ въ ней находиться.—Потомъ, вслѣдствіе сенатскаго опредѣленія и съ утвержденія народнаго собранія, городской преторъ открылъ выборы, на которыхъ избраны члены въ разные комитеты. Одинъ изъ пяти членовъ имѣлъ назначеніемъ исправить стѣны и башни, а два по три члена: первый долженъ былъ пересмотрѣть священные предметы и составить опись вещамъ, которыя принесены въ даръ богамъ. Другой имѣлъ обязанностью — возстановить храмы Счастія и матери Матуты, находившіеся по сю сторону Карментальскихъ воротъ и храмъ Надежды, находившійся по ту сторону воротъ; эти храмы были истреблены пожаромъ въ прошломъ году. Этотъ годъ ознаменованъ былъ страшными грозами. На Албанской горѣ два раза къ ряду шелъ каменный дождь. Часто падалъ громъ съ неба: въ Капитоліи на два зданія; въ лагерѣ по выше Суессулы на валъ во многихъ мѣстахъ, при чемъ убиты два часовыхъ. А въ Кумахъ не только молнія упала на стѣны и башни, но даже сильно ихъ повредила. Въ Реате видѣли носящійся въ воздухѣ огромный камень: земля приняла цвѣтъ краснѣе обыкновеннаго и казалась какъ бы въ крови. Вслѣдствіе этихъ чудесныхъ явленій было молебствіе на одинъ день; нѣсколько дней консулы посвятили предметамъ богослуженія и въ это время совершены девятидневные священные обряды. Давно уже и Аннибалъ питалъ надежду на измѣну Тарентинцевъ, и Римляне подозрѣвали ихъ въ ней; какъ вдругъ одинъ случай ускорилъ развязку. Тарентинецъ Филеасъ давно уже находился въ Римѣ подъ предлогомъ посольства. Человѣкъ безпокойный—онъ скоро наскучилъ долговременнымъ покоемъ, въ которомъ, ему казалось, онъ старѣлъ и нашелъ себѣ доступъ къ Тарентинскимъ заложникамъ. Ихъ содержали въ храмѣ

свободы подъ карауломъ не строгимъ: такъ какъ и имъ, и ихъ отечеству, мало было пользы измѣнить Римлянамъ. Въ частыхъ разговорахъ съ заложниками, Филеасъ убѣдилъ ихъ послѣдовать его совѣтамъ и, подкупивъ двухъ караульщиковъ, съ наступленіемъ сумерекъ, увелъ заложниковъ и самъ бѣжалъ съ ними вмѣстѣ. На разсвѣтѣ по городу разнесся слухъ объ этомъ происшествіи; послана погоня, которая и захватила всѣхъ бѣглецовъ у Террачины. Они приведены въ Римъ и здѣсь на площади, гдѣ производятся выборы, съ одобренія народа, наказаны розгами и потомъ сброшены со скалы.

8. Жестокость этого наказанія раздражила умы жителей двухъ знаменитѣйшихъ Греческихъ городовъ; негодовали какъ самыя правительства, такъ и частные люди, связанные узами родства или пріязни съ Тарентинцами, столь позорно умерщвленными. Изъ нихъ тринадцать человѣкъ составили заговоръ; во главѣ его стали Никонъ и Филеменъ. Они сочли за лучшее прежде, нежели что нибудь начинать, переговорить съ Аннибаломъ; ночью они вышли изъ города подъ предлогомъ поохотиться и отправились къ Аннибалу. Когда они были уже недалеко отъ лагеря, то прочіе скрылись въ лѣсу подлѣ дороги: а Никонъ и Филеменъ пошли къ Карѳагенскимъ карауламъ; тѣ ихъ схватили и, по ихъ желанію, отвели къ Аннибалу. Когда они изложили причины своихъ дѣйствій и то, что они готовятъ; то Аннибалъ осыпалъ ихъ похвалами, не щадилъ обѣщаній и приказалъ имъ загнать стада Карѳагенянъ, пущенныя ими на пастбище; это для того, чтобы въ Тарентѣ болѣе вѣрили, что они дѣйствительно ходили за добычею. Имъ было обѣщано, что они сдѣлаютъ это съ совершенною безопасностью и безо всякаго препятствія. Добыча молодыхъ людей обратила вниманіе ихъ согражданъ своею значительностью, и не стало ихъ удивлять, если они чаще и чаще стали отправляться на поиски. Снова свидѣлись они съ Аннибаломъ и на этотъ разъ скрѣпили союзъ взаимными клятвами: «Таренту пользоваться совершенною свободою и управляться собственными законами, не платить никакой дани Карѳагенянамъ и безъ воли Тарентинцевъ не ставить туда гарнизона; Римскіе же гарнизоны должны быть выданы Карѳагенянамъ». Когда объ стороны согласились между собою на этихъ условіяхъ; тогда Филеменъ сталъ все чаще и чаще по ночамъ выходить изъ города. Онъ былъ извѣстенъ своею любовью къ охотѣ, за нимъ слѣдовали собаки и все, что составляетъ принадлежность охоты. Добычу, или дѣйствительно взятую, или нарочно подставленную непріятелемъ, Филеменъ дарилъ или префекту или стражамъ городскихъ воротъ; что онъ дѣйствовалъ преимущественно ночью, то приписывали его опасеніямъ отъ непріятелей. Дѣло это стало до того обыкновеннымъ, что въ какое бы время ночи ни возвратился Филеменъ, то по звуку его свистка отворяли ворота. Тогда Аннибалъ счелъ, что время дѣйствовать приспѣло. Онъ стоялъ отъ Тарента въ разстояніи трехъ дней пути. Для того чтобы не было удивительно, за чѣмъ онъ такъ долго стоитъ лагеремъ на одномъ мѣстѣ — онъ притворился больнымъ. Да и Римлянамъ, находившимся въ Тарентѣ въ гарнизонѣ, близость Аннибала перестала внушать опасенія по его долговременному бездѣйствію.

9. Аннибалъ, принявъ намѣреніе идти къ Таренту, отобралъ десять тысячь пѣшихъ и конныхъ воиновъ, наиболѣе способныхъ для быстраго похода по ихъ ловкости и по легкому вооруженію. Въ четвертую стражу ночи двинулся онъ въ походъ; впередъ послалъ онъ человѣкъ восемьдесятъ Нумидскихъ всадниковъ съ приказаніемъ — слѣдить тщательно по всѣмъ дорогамъ, всѣхъ кто будетъ ѣхать впередъ, возвращать назадъ, тѣхъ, которые будутъ попадаться на встрѣчу, убивать; вообще озаботиться, чтобы не ушелъ никто изъ поселянъ, кто бы могъ дать знать впередъ о движеніи Карѳагенянъ; а чтобы жители оставались въ томъ убѣжденіи, что это одни разбойничьи шайки, а не правильное войско. Самъ Аннибалъ двигался весьма поспѣшно и, не доходя 15 миль до Тарента, сталъ лагеремъ. И тутъ онъ, созвавъ воиновъ, не сказалъ имъ, куда ихъ ведетъ, а только приказалъ имъ всѣмъ идти дорогою, не уклоняться отъ нея ни на шагъ и ни подъ какимъ видомъ не выходить изъ рядовъ; а съ величайшимъ вниманіемъ слушать отдаваемыя приказанія и исполнять ихъ, ничего не дѣлать иначе, какъ по приказанію вождей, а онъ — Аннибалъ — со временемъ выскажетъ, къ чему клонится все это. Почти въ тоже самое время въ Тарентѣ распро-

странился слухъ, что Нумидскіе всадники въ небольшомъ числѣ опустошаютъ поля и на далекое пространство распространили ужасъ между поселянами. Извѣстіе это нисколько не встревожило префекта Римскаго; онъ ограничился тѣмъ, что велѣлъ на другой день на разсвѣтѣ отряду конницы—выйдти изъ города и воспрепятствовать непріятелю производить опустошенія. Впрочемъ, на это не обратили особеннаго вниманія Римляне уже потому, что самый набѣгъ Нумидовъ служилъ какъ бы доказательствомъ, что Аннибалъ и войско его оставались на мѣстѣ. Ночью Аннибалъ двинулся въ дальнѣйшій путь; проводникомъ былъ Филеменъ съ обыкновенною добычею, взятою на охотѣ; прочіе измѣнники ожидали того, какъ между ними было уговорено. А было условлено: Филемену, по обыкновенію внося добычу въ ворота, ввесть вооруженныхъ воиновъ: Аннибалъ долженъ былъ подойти съ другой стороны города къ Теменидскимъ воротамъ: они обращены на востокъ во внутренность страны. Нѣсколько времени заговорщики скрывались за стѣнами. Приближаясь къ воротамъ, Аннибалъ, какъ было условлено, велѣлъ развести огонь, который вдругъ вспыхнулъ; Никонъ отвѣчалъ тѣмъ же сигналомъ, и огни тотчасъ съ обѣихъ сторонъ погашены. Аннибалъ тихонько подошелъ къ воротамъ. Никонъ напалъ на караульщиковъ, ничего не ожидавшихъ и, умертвивъ ихъ на постеляхъ, отворилъ ворота Аннибалу. Онъ вошелъ съ отрядомъ пѣхоты, а конницу оставилъ за воротами для того, чтобы она могла свободно въ открытомъ полѣ дѣйствовать тамъ, гдѣ будетъ въ ней настоять надобность. Съ другой стороны Филеменъ приближался къ тѣмъ небольшимъ воротамъ, въ которыя онъ обыкновенно входилъ. По сигналу Филемена и знакомому звуку голоса, сторожъ вскочилъ отъ сна и отворилъ ворота, междутѣмъ какъ Филеменъ говорилъ, что едва могутъ несть добычу по причинѣ ея тяжести. Вошли два молодыхъ человѣка; они несли кабана; за ними слѣдовалъ Филеменъ и съ нимъ одинъ расторопный охотникъ. Когда караульный обернулся неосторожно въ эту сторону, обнаруживая удивленіе къ величинѣ убитаго звѣря; то его Филеменъ убилъ рогатиною. Затѣмъ вошло около 30 человѣкъ вооруженныхъ воиновъ; они убиваютъ стражей и выламываютъ ближайшія ворота;

тогда ворвался въ городъ цѣлый вооруженный отрядъ съ знаменами. Въ тишинѣ повели его на главную площадь, гдѣ онъ и соединился съ войскомъ Аннибала. Тотъ велѣлъ Тарентинцамъ съ двумя тысячами Галловъ, раздѣливъ ихъ на три отряда, идти занять самые важные пункты города, избивая Римлянъ и щадя Тарентинцевъ. Для полной удачи такого распоряженія, Аннибалъ велѣлъ молодымъ Тарентинцамъ, лишь только увидятъ они издалека кого нибудь изъ своихъ, давать имъ знать, чтобы они молчали и оставались въ покоѣ, ничего не опасаясь.

10. Уже въ городѣ господствовало смятеніе, раздавались крики, какіе обыкновенно бываютъ въ городѣ, взятомъ приступомъ; но никто изъ находившихся въ немъ хорошенько не понималъ, въ чемъ дѣло. Тарентинцы полагали, что Римляне бросились грабить городъ; Римляне же думали, что это граждане коварно затѣяли возмущеніе. Префектъ, по первому извѣстію о волненіи въ городѣ, вскочилъ съ постели и бѣжалъ къ гавани; тамъ его посадили въ челнокъ и повезли кругомъ въ крѣпость. Не мало вводилъ въ заблужденіе и звукъ трубы, раздававшейся изъ театра; она была Римская, съ умысломъ приготовленная измѣнниками; но игралъ на ней Грекъ, не знавшій этого дѣла и потому изъ слышавшихъ никто не могъ понять, что это за сигналъ и кому онъ дается. Когда разсвѣло, то всякое сомнѣніе у Римлянъ исчезло, когда они увидали знакомое имъ Карѳагенское и Галльское оружіе; а Греки, видя, что тамъ и сямъ валяются тѣла убитыхъ Римлянъ, поняли, что городъ взятъ Аннибаломъ. Когда стало совсѣмъ свѣтло, и Римляне, которымъ удалось спастись отъ избіенія, ушли въ крѣпость, а въ городѣ все стало спокойнѣе, Аннибалъ велѣлъ Тарентинцамъ безъ оружія явиться на собраніе; они пришли всѣ, кромѣ тѣхъ, которые послѣдовали въ крѣпость за Римлянами, рѣшась съ ними дѣлить одну участь. Аннибалъ говорилъ Тарентинцамъ съ большою ласкою, напомнилъ имъ, какъ онъ поступилъ съ ихъ согражданами, которые попали къ нему въ плѣнъ у Тразимена и Каннъ, не преминулъ упрекнуть Римлянъ въ гордости и жестокости, и въ заключеніе приказалъ всѣмъ идти по домамъ, и каждому написать имя свое на дверяхъ дома. Какіе дома останутся не надписанными, тѣ бу-

дутъ преданы разграбленію по данному имъ, Аннибаломъ, сигналу. Если же кто на домахъ, гдѣ жили Римскіе граждане (имъ были розданы дома, оставшіеся пустыми) надпишетъ свое имя, того Аннибалъ сочтетъ за врага. Когда собраніе жителей было распущено и надписи на воротахъ обнаружили, чьи дома принадлежатъ друзьямъ, а чьи врагамъ; то, по данному Аннибаломъ сигналу, бросились его воины грабить бывшіе дома Римлянъ, при чемъ найдено ими нѣсколько добычи.

11. На другой день Аннибалъ повелъ воиновъ своихъ—брать крѣпость. Видя, что она стоитъ на весьма крутомъ берегу моря, которое омываетъ ее почти кругомъ на подобіе полуострова (отъ города же отдѣлена стѣною и весьма глубокимъ рвомъ) Аннибалъ понялъ, что весьма трудно было бы взять ее какъ открытою силою, такъ и съ помощью осадныхъ орудій. Но Аннибалъ для того, чтобы попеченіе о безопасности Тарентинцевъ не отвлекло его отъ другихъ болѣе важныхъ предпріятій и въ предъупрежденіе того, чтобы Римляне не могли, когда вздумается, нападать на Тарентинцевъ въ случаѣ, если они будутъ оставлены безъ сильнаго гарнизона, положилъ отдѣлить городъ отъ крѣпости большимъ валомъ. При этомъ онъ питалъ себя надеждою, что Римляне станутъ препятствовать начатымъ работамъ и потому дадутъ возможность сразиться съ ними. Если же они слишкомъ въ жару битвы занесутся впередъ, то силы гарнизона можно будетъ значительнымъ пораженіемъ убавить до того, что Тарентинцы сами будутъ въ состояніи безъ труда на будущее время отъ него защищаться. Лишь только приступили Кароагеняне къ работамъ, какъ вдругъ отворились ворота крѣпости и Римляне бросились на тѣхъ, которые занимались возведеніемъ укрѣпленій. Прикрывавшій работы, Кароагенскій отрядъ допустилъ себя сбить для того, чтобы дерзость Римлянъ усилилась отъ успѣха и чтобы они преслѣдуя зашли впередъ въ большемъ числѣ и далѣе. Потомъ, по данному сигналу, со всѣхъ сторонъ показались Карѳагеняне, которыхъ на этотъ предметъ совсѣмъ готовыхъ держалъ Аннибалъ. Римляне не выдержали натиска, а когда обратились въ бѣгство, то имъ служили препятствіемъ какъ тѣснота мѣста, такъ уже произведенныя работы и матеріалы, для нихъ приготовленные. Весьма многіе бросились въ ровъ, и больше убито во время бѣгства, чѣмъ во время сраженія; съ того времени уже никто не препятствовалъ производству работъ Тарентинцамъ. Проведенъ огромный ровъ, а по сю сторону его къ городу насыпанъ валъ: Аннибалъ собирался, немного отступя, вывести съ этой стороны стѣну для того, чтобы Тарентинцы и безъ гарнизона могли защищаться противъ Римлянъ. Впрочемъ онъ оставилъ небольшой гарнизонъ, который долженъ былъ также помогать горожанамъ въ работахъ относительно стѣны; а самъ съ остальными войсками выступилъ изъ города и сталъ лагеремъ въ 5 миляхъ отъ него у рѣки Галеза. Онъ оттуда пріѣзжалъ осмотрѣть работы и найдя, что они идутъ скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ, возъимѣлъ надежду взять крѣпость силою. Со стороны города она стоитъ на мѣстѣ ровномъ и не защищена какъ съ прочихъ сторонъ крутизнами, но отдѣлена отъ города только стѣною и рвомъ. Уже осаждающіе стали дѣйствовать противъ крѣпости осадными орудіями всякаго рода и работами, какъ Римляне, получивъ изъ Метапонта подкрѣпленіе, ободрились до того, что ночью нечаянно напали на осадныя работы непріятельскія. Часть ихъ они разрушили, часть предали огню, и тѣмъ кончились попытки Аннибала взять крѣпость открытою силою. Итакъ вся надежда была на облежаніе, да и та не слишкомъ была основательна, потому что Римляне, занимая крѣпость, расположенную при устьѣ гавани на концѣ перешейка, пользовались свободно подвозами съ моря, а напротивъ городу подвозъ всякаго рода припасовъ былъ отрѣзанъ и осаждающіе ближе были къ нуждѣ, чѣмъ осажденные. Аннибалъ, созвавъ знатнѣйшихъ Тарентинцевъ, объяснилъ имъ затруднительное ихъ положеніе: «овладѣть столь сильною крѣпостью не видитъ онъ Аннибалъ возможности и облежаніе ея не принесетъ никакой пользы, пока непріятель будетъ имѣть море въ своей власти. Если бы у насъ были — такъ говорилъ Аннибалъ—суда, съ помощью которыхъ могли бы мы остановить подвозы осажденнымъ съ моря, то непріятель тотчасъ или очиститъ крѣпость или сдастся.» Тарентинцы находили мнѣніе Аннибала справедливымъ, но они полагали, что только подавшій столь полезный совѣтъ и можетъ со-

дѣйствовать къ его осуществленію: «этого можно достичь съ помощью Карѳагенскаго флота, призвавъ его изъ Сициліи; чтоже касается до судовъ ихъ Тарентинцевъ, то они не видятъ, какъ эти суда, запертые въ тѣсномъ морскомъ заливѣ, выходъ изъ котораго загражденъ непріятелемъ, могутъ выйдти въ открытое море.» «Выйдутъ—сказалъ на это Аннибалъ—изобрѣтательность ума помогаетъ много тамъ, гдѣ повидимому есть невозможность отъ природы. Городъ вашъ расположенъ на ровномъ мѣстѣ: гладкія и довольно широкія дороги ведутъ во всѣ стороны. По дорогѣ, которая серединою города идетъ отъ пристани къ открытому морю, я безъ большаго напряженія силъ перевезу суда на телѣгахъ и море, которое нынѣ во власти непріятелей, будетъ въ нашихъ рукахъ; тогда крѣпость мы будемъ осаждать отсюда съ сухаго пути и тамъ со стороны моря, и такимъ образомъ мы вскорѣ возьмемъ ее или оставленную непріятелями или совсѣмъ съ ними.» Эти слова не только подали надежду къ осуществленію этого плана, но и возбудили общее удивленіе къ уму Аннибала. Со всѣхъ сторонъ собраны тотчасъ телѣги и связаны одна съ другою: придвинуты машины для подъема судовъ и дорога, по которой надобно было везть суда, разравнена, чтобы не такъ тяжело было. Потомъ со всѣхъ сторонъ собрали вьючныхъ животныхъ и рабочихъ и приступили дѣятельно къ работамъ. Черезъ нѣсколько дней флотъ, совсѣмъ готовый и снаряженный, обвезенъ кругомъ крѣпости, спущенъ въ море и бросилъ якорь у самаго входа въ гавань. Таково-то было положеніе дѣлъ у Тарента, когда Аннибалъ самъ удалился оттуда на зимнія квартиры. Впрочемъ писатели не согласны въ томъ, въ этомъ году или въ прошломъ совершилось отпаденіе Тарентинцевъ; но большая часть историковъ, и притомъ ближайшіе къ тому времени, относятъ это событіе къ нынѣшнему году.

12. Въ Римѣ консулы и преторы задержаны были Латинскими празднествами до пятаго дня Майскихъ календъ. Въ этотъ день, принесши жертвы на горѣ, они разъѣхались каждый въ свою провинцію. Тутъ явилось новое религіозное опасеніе вслѣдствіе Марціевыхъ предсказаній въ стихахъ. Марцій этотъ былъ знаменитымъ провозвѣстникомъ будущаго, и когда въ прошломъ году вслѣдствіе сенатскаго декрета отобраны были всѣ священныя книги, то и его предсказанія попали въ руки городоваго претора М. Атилія, которому поручено было это дѣло. Онъ тотчасъ передалъ ихъ вновь выбранному претору Суллѣ. Изъ двухъ предсказаній Марція одно уже сбылось съ удивительною точностью и тѣмъ болѣе давало вѣры другому, котораго время еще не пришло. Въ первомъ стихотвореніи побоище Каннское предсказано было въ такихъ почти выраженіяхъ: «Римлянинъ, потомокъ Троянцевъ, бѣги отъ рѣки Канны, и чужеземцы да не заставятъ тебя сразиться съ ними на Діомедовомъ полѣ. Но ты мнѣ не повѣришь, пока кровью твоею не оросишь поля. Воды твои, рѣчка Каннъ, унесутъ съ плодоносной земли въ необозримое море многія тысячи труповъ и плотью твоею ты, Римлянинъ, напитаешь и рыбъ, и птицъ и звѣрей, населяющихъ землю; такъ мнѣ открылъ Юпитеръ!» Тѣ, которые сражались въ тѣхъ мѣстахъ, узнали также хорошо поля Аргивца Діомеда и рѣчку Канну, какъ и самое случившееся тамъ побоище. Тогда прочитано и другое стихотвореніе; оно было и потому уже непонятнѣе перваго, что будущее менѣе извѣстно, чѣмъ прошедшее, и притомъ и самый способъ его выраженія былъ затруднительнѣе: «Буде вы, Римляне, хотите изгнать непріятеля и избавиться отъ, пришедшей издалека, язвы народовъ, обѣщайте—такъ я нахожу нужнымъ—игры Аполлону, которыя и пусть совершаются ежегодно приличнымъ образомъ. Часть денегъ на этотъ предметъ пусть народъ дастъ изъ общественной казны, а частные люди также пусть участвуютъ въ этомъ своими приношеніями, каждый по мѣрѣ достатка. При совершеніи этихъ игръ первенствующее мѣсто долженъ занимать тотъ преторъ, который на этотъ годъ будетъ оказывать верховный судъ и расправу народу Римскому. Члены коллегія десяти должны принести жертвы по Греческому обряду. Если вы сдѣлаете все это какъ слѣдуетъ, то будете всегда радоваться, и дѣла ваши придутъ въ лучшее положеніе. Этотъ богъ истребитъ враговъ, которые донынѣ спокойно кормятся на поляхъ вашихъ.» Цѣлый день провели въ разсужденіяхъ о смыслѣ этого предсказанія. На другой день состоялось сенатское опредѣленіе: Членамъ коллегія десяти посовѣтоваться

съ священными книгами объ играхъ Аполлона и о совершеніи богослуженія. Посовѣтовавшись съ книгами, они сдѣлали докладъ сенату, который и постановилъ въ своемъ декретѣ: «обѣщать Аполлону игры и дать ихъ; на этотъ предметъ отпустить претору двѣнадцать тысячь ассъ и двѣ большія жертвы.» Другой сенатскій декретъ былъ слѣдующаго содержанія: «члены коллегіи десяти пусть совершатъ богослуженіе по Греческому обряду съ слѣдующаго рода жертвами: Аполлону—быка съ позолоченными рогами и двумя бѣлыми козами, также съ позлащенными рогами; Латонѣ—корову съ позолоченными рогами.» Преторъ передъ совершеніемъ игръ въ большомъ циркѣ объявилъ гражданамъ, чтобы они въ продолженіи игръ дѣлали приношенія Аполлону такія, какія найдутъ для себя удобными. Таково то происхожденіе игръ Аполлоновыхъ, установленныхъ для полученія побѣды, а не по случаю, какъ думаютъ многіе, состоянія общественнаго здоровья. Граждане смотрѣли на игры съ вѣнками на головахъ; женщины Римскія возсылали мольбы; потомъ обѣдали всенародно при растворенныхъ дверяхъ, и день былъ ознаменованъ празднествами всякаго рода.

13. Междутѣмъ какъ Аннибалъ находился около Тарента, оба консула стояли въ Самніѣ, повидимому намѣреваясь осаждать Капую. Кампанцы уже начинали чувствовать голодъ, который бываетъ только неизбѣжнымъ зломъ вслѣдствіе долговременной осады; а голодъ происходилъ отъ того, что Римскія войска не допускали дѣлать посѣвовъ. Вслѣдствіе этого Кампанцы отправили пословъ къ Аннибалу, умоляя его, чтобы онъ приказалъ изо всѣхъ ближнихъ мѣстъ свезть хлѣбъ въ Капую прежде, нежели консулы выведутъ легіоны и всѣ дороги будутъ заняты непріятельскими отрядами. Аннибалъ велѣлъ Ганнону перейдти изъ земли Бруттіевъ въ Кампанію съ войскомъ и озаботиться, чтобы Кампанцы не имѣли недостатка въ хлѣбѣ. Ганнонъ двинулся изъ земли Бруттіевъ съ войскомъ и, стараясь миновать непріятельскіе лагери и войска консуловъ, стоявшія въ Самніѣ, приблизился уже къ Беневенту и въ 3-хъ миляхъ отъ города на возвышенномъ мѣстѣ расположился лагеремъ. Оттуда онъ послалъ приказаніе свезть въ лагерь весь хлѣбъ, какой

только заготовленъ былъ въ продолженіи лѣта и послалъ вооруженные отряды провожать подвозы для безопасности. Затѣмъ онъ отправилъ гонца въ Капую, давая знать жителямъ, въ какой день они должны явиться въ лагерь для пріема хлѣба, на каковой предметъ должны они собрать съ полей, какъ можно болѣе, всякаго рода повозокъ и вьючныхъ животныхъ. Впрочемъ Кампанцы и въ этомъ случаѣ поступили съ свойственною имъ лѣностью и безпечностью. Они прислали четыреста съ небольшимъ повозокъ и, кромѣ того, небольшое число вьючныхъ животныхъ. Ганнонъ сдѣлалъ выговоръ Кампанцамъ за то, что самыя мученія голода, которыя и безсловесныхъ животныхъ возбуждаютъ къ дѣятельности, не могли сдѣлать ихъ заботливѣе, и назначилъ другой срокъ, на который Кампанцы должны были явиться за хлѣбомъ, сдѣлавъ приготовленія больше прежнихъ. Все это въ томъ видѣ, какъ оно случилось, дошло до свѣдѣнія жителей Беневента и они тотчасъ отправили десять пословъ къ консуламъ (лагерь Римлянъ находился около Бовіана). Узнавъ о томъ, что дѣлается у Капуи, консулы условились между собою: одному изъ нихъ идти съ войскомъ въ Кампанію. Фульвій, которому она досталась провинціею, выступилъ въ походъ и во время ночи вошелъ въ Беневентъ. Тутъ, находясь вблизи, узналъ онъ, что Ганнонъ съ частью войска отправился за провіантомъ, а оставилъ казначея выдать хлѣбъ Кампанцамъ, которые безоружною и безпорядочною толпою явились съ двумя тысячами повозокъ; что все тамъ дѣлается въ суматохѣ и съ поспѣшностью; что въ лагерь непріятельскій нашло много поселянъ, вслѣдствіе чего исчезъ тамъ всякій порядокъ и благоустройство. Убѣдясь въ справедливости этихъ извѣстій, консулъ приказалъ воинамъ, чтобы они готовили только военные значки и оружіе — что онъ поведетъ ихъ брать приступомъ Карѳагенскій лагерь. Въ четвертую стражу ночи выступили Римляне въ походъ, оставивъ обозъ и всѣ войсковыя тяжести въ Беневентѣ; къ непріятельскому лагерю подошли они не задолго до разсвѣта. Тамъ распространился такой ужасъ, что, будь лагерь на ровномъ и открытомъ мѣстѣ, онъ безъ сомнѣнія взятъ былъ бы при первомъ нападеніи; но возвышенность мѣста и окопы дѣлали доступъ со всѣхъ сто-

ронъ весьма затруднительнымъ по самой крутизнѣ мѣста. На разсвѣтѣ началось упорное сраженіе; Кароагеняне не только защищаютъ валъ, но даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это для нихъ было удобнѣе, сбрасываютъ внизъ непріятелей, старавшихся взобраться на возвышенія.

14. Впрочемъ упорное мужество Римлянъ преодолѣло всѣ препятствія, и они въ нѣсколькихъ мѣстахъ разомъ достигли вала и рвовъ, хотя не безъ большой потери убитыми, а еще болѣе ранеными. Консулъ, призвавъ военныхъ трибуновъ, объявилъ имъ: «что надобно отказаться отъ слишкомъ смѣлаго предпріятія; ему кажется безопаснѣе, въ этотъ день войско отвесть назадъ въ Беневентъ; а на другой расположить свой лагерь возлѣ непріятельскаго для того, чтобы Кампанцевъ заперетъ въ немъ, а Ганнону отрѣзать туда путь возвращенія. Чтобы скорѣе достигнуть этого результата, онъ, консулъ, пошлетъ за товарищемъ и за другимъ войскомъ и общими силами они поведутъ войну.» Уже консулъ велѣлъ играть отбой; но воины своими кликами съ презрѣніемъ отвергли столь робкое приказаніе и уничтожили намѣреніе вождя. Ближайшая къ воротамъ стояла Пелигнская когорта; префектъ ея, Вибій Аккуэй, схвативъ знамя, бросилъ его за непріятельскій валъ; потомъ онъ самыми страшными проклятіями обрекъ себя и когорту гибели въ случаѣ, если знамя ея останется во власти непріятелей и самъ впереди всѣхъ бросился въ лагерь черезъ ровъ и валъ. Уже Пелигны сражались по ту сторону лагернаго вала, какъ и въ другой сторонѣ Валерій Флаккъ, военный трибунъ третьяго легіона, упрекалъ своихъ воиновъ недостаткомъ мужества и тѣмъ, что они честь взятія непріятельскаго лагеря предоставили союзникамъ. Тогда первый сотникъ Т. Педаній, выхвативъ военный значекъ у знаменосца, сказалъ: «сейчасъ и значокъ этотъ и сотникъ, въ чьихъ онъ рукахъ, будутъ по ту сторону непріятельскаго окопа. Пусть послѣдуютъ за мною тѣ, которые не хотятъ допустить, чтобы значекъ этотъ взятъ былъ непріятелемъ!» За Педаніемъ послѣдовала сначала его сотня, а потомъ и весь легіонъ. Да и самъ консулъ, видя, что воины уже переходятъ непріятельскіе окопы, оставилъ свое прежнее намѣреніе, и вмѣсто того, чтобы отзывать,

сталъ возбуждать и ободрять воиновъ, показывая имъ, какой опасности подвергаются храбрѣйшая когорта союзниковъ и цѣлый легіонъ согражданъ. Вслѣдствіе этого воины, каждый самъ по себѣ, бросились впередъ, не обращая вниманія на удобства или неудобства мѣстности, ни на то, что со всѣхъ сторонъ летѣли стрѣлы, что непріятели стояли грудью съ оружіемъ въ рукахъ; Римляне сбили ихъ и вломились въ лагерь. Даже раненые—и ихъ было не мало,—потерявъ вмѣстѣ съ кровью и силы, напрягали послѣдній остатокъ ихъ, чтобы хоть пасть въ непріятельскомъ лагерѣ. Такимъ образомъ лагерь взятъ съ разу приступомъ, какъ будто расположенъ онъ былъ въ ровномъ мѣстѣ и не былъ укрѣпленъ. Потомъ послѣдовало уже въ лагерѣ, гдѣ всѣ смѣшались, правильнѣе побоище, чѣмъ сраженіе. Болѣе шести тысячь непріятелей убито; болѣе семи тысячь взято въ плѣнъ и всѣ Кампанцы, пришедшіе за хлѣбомъ, а равно всѣ ихъ повозки и вьючныя животныя достались во власть Римлянъ. Найдена была кромѣ того огромная добыча, а именно та, которую Ганнонъ набралъ на земляхъ Римскихъ союзниковъ во время своихъ грабительскихъ набѣговъ. Оттуда консулъ, разоривъ непріятельскій лагерь, возвратился въ Беневентъ; здѣсь оба консула (вскорѣ прибылъ туда и Ап. Клавдій) продали добычу и подѣлили ее. Тѣ изъ воиновъ, которые оказали самое дѣятельное участіе во взятіи непріятельскаго лагеря, получили награжденія: прежде всѣхъ Пелигнъ Аккуэй и Т. Педаній, первый сотникъ третьяго легіона. Ганнонъ въ Церитскомъ Комміѣ получилъ извѣстіе о несчастіи постигшемъ его лагерь и съ немногими воинами, которыхъ онъ съ собою взялъ для фуражировки, ушелъ или, правильнѣе, бѣжалъ назадъ въ Бруттій.

15. Кампанцы, услыхавъ о несчастіи, постигшемъ и ихъ и союзниковъ, отправили къ Аннибалу пословъ, давая ему знать: «оба консула стоятъ у Беневента на разстояніи одного дня пути отъ Капуи; война идетъ чуть не у самыхъ ихъ воротъ и стѣнъ. Если не поспѣшитъ онъ, Аннибалъ, подать помощь, то Капуя, скорѣе самихъ Арповъ, попадетъ во власть непріятелей. Но и самый Тарентъ,—а не только одна его крѣпость,—не должны быть такъ дороги Аннибалу, чтобы онъ для нихъ отдалъ Римлянамъ

безъ защиты и безъ помощи Капую, которую онъ привыкъ ставить наравнѣ съ Кареагеномъ.» Аннибалъ обѣщалъ, что онъ озаботится Кампанскими дѣлами, и на первый разъ послалъ легатовъ съ двумя тысячами всадниковъ для того, чтобы они этимъ отрядомъ защищали поля отъ опустошенія. Римляне, среди другихъ дѣлъ, не оставили безъ вниманія Тарентинскую крѣпость и гарнизонъ тамъ осажденный. Легатъ К. Сервилій, по приказанію Сената, отправленъ въ Этрурію преторомъ П. Корнеліемъ для закупки хлѣба и съ нѣсколькими судами, нагрузивъ ихъ хлѣбомъ, вошелъ въ Тарентинскій портъ, несмотря на непріятельскія сторожевыя суда. Съ прибытіемъ его, осажденные ободрились; дотолѣ ихъ вызывали на совѣщанія, гдѣ уговаривали измѣнить дѣлу Римлянъ, а теперь они стали склонять на свою сторону непріятелей. Гарнизонъ въ Тарентинской крѣпости былъ довольно значителенъ, такъ какъ для обороны ея переведены сюда воины изъ Метапонта. А жители этого города, освободясь отъ грозы, державшей ихъ въ повиновеніи, тотчасъ перешли на сторону Аннибала. Такъ же поступили и Туріны, живущіе на томъ же берегу моря. Къ этому побудилъ ихъ не столько примѣръ Тарентинцевъ и Метапонтинцевъ, съ которыми они были въ родствѣ, такъ какъ вмѣстѣ съ ними были выходцами изъ Ахаіи, сколько раздраженіе противъ Римлянъ за недавнее избіеніе ими заложниковъ. Тѣ, которые были связаны съ ними отношеніями родства или пріязни, отправили гонцовъ къ Ганнону и Магону, находившимся по близости въ землѣ Бруттіевъ, съ письмомъ, гдѣ даютъ имъ знать: «что буде они подвинутъ войско къ стѣнамъ, то они отдадутъ городъ въ ихъ власть.» М. Атиній командовалъ въ Туріяхъ небольшимъ гарнизономъ; непріятель полагалъ, что нетрудно будетъ выманить Атинія на безразсудный съ его стороны бой, въ которомъ онъ возлагалъ надежду не на Римскихъ воиновъ, число коихъ было весьма незначительно, но на молодыхъ людей Туринскихъ, которыхъ онъ именно для этой цѣли вооружилъ и раздѣлилъ на сотни. Кареагенскіе вожди подѣлили между собою войска: Ганнонъ съ пѣхотою шелъ прямо къ городу, дѣйствуя открыто какъ непріятель, а Магонъ съ конницею остановился позади холмовъ, въ мѣстности весьма удобной для засады. Атинію его разъѣзды дали знать только объ одномъ движеніи непріятельской пѣхоты, а потому онъ, не подозрѣвая ни военной хитрости непріятеля, ни коварнаго умысла горожанъ, выступилъ съ войскомъ въ поле. Схватка была далеко не упорная: немногочисленные воины Римскіе въ первыхъ рядахъ сражались какъ слѣдуетъ, а Турины скорѣе ожидали, что будетъ далѣе, чѣмъ помогали имъ. Кареагенское войско нарочно все отступало, чтобы завесть непріятеля, ничего не подозрѣвавшаго, къ холму, за которымъ скрывалась непріятельская конница. Когда Римляне поравнялись съ этимъ холмомъ, вдругъ бросились оттуда съ воинскими кликами Кареагенскіе всадники и безъ труда обратили въ бѣгство нестройную толпу Туринцевъ, весьма не искренно расположенныхъ къ той сторонѣ, за которую повидимому они стояли. Римляне нѣсколько времени длили бой, хотя были обойдены кругомъ и тѣснимы съ одной стороны конницею, а съ другой пѣхотою; но наконецъ и они обратили тылъ и побѣжали по направленію къ городу. Тутъ въ воротахъ столпились заговорщики; они впустили въ городъ своихъ соотечественниковъ, а когда увидали толпы Римлянъ, бѣгущихъ къ воротамъ, то они закричали имъ: «непріятель идетъ за ними по пятамъ и вмѣстѣ съ ними войдетъ въ городъ, если не заперсть тотчасъ ворота.» Такимъ образомъ Римлянъ, не впустивъ въ городъ, предали на избіеніе Кареагенянамъ; впрочемъ Атиній съ немногими воинами былъ принятъ въ городъ. Нѣсколько времени продолжалось здѣсь волненіе: одни изъ гражданъ хотѣли защищать городъ, а другіе были того мнѣнія, что надобно уступить силѣ обстоятельствъ и городъ отдать побѣдителямъ. И здѣсь, какъ большею частью бываетъ, восторжествовало счастіе и совѣты на зло. Атинія съ остальными его воинами проводили до берега на суда; такъ поступили съ нимъ въ благодарность за его кроткое управленіе, а не изъ уваженія къ Римлянамъ; а Кареагенянъ приняли въ городъ. Консулы повели легіоны отъ Беневента на Кампанское поле не столько для того, чтобы истребить хлѣбъ, уже пустившійся въ ростъ, сколько для того, чтобы осадить Капую. Они хотѣли прославить свое консульство разореніемъ столь богатаго города и вмѣстѣ смыть большое пят-

по чести Римскаго оружія, причиненное тѣмъ, что измѣна города столь ближняго вотъ ужь третій годъ остается безнаказанною. Впрочемъ для того, чтобы Беневентъ не оставался безъ защиты и чтобы, на случай могущихъ быть военныхъ дѣйствій, если Аннибалъ (какъ въ томъ и не сомнѣвались) поспѣшитъ на помощь своимъ союзникамъ Кампанцамъ — быть въ состояніи бороться съ непріятельскою конницею, консулы послали приказаніе Ти. Гракху поспѣшить изъ земли Луканцевъ въ Беневентъ; а тамъ начальство надъ легіонами и постояннымъ лагеремъ ввѣрить кому нибудь изъ легатовъ, кто бы въ состояніи былъ поддержать тамъ перевѣсъ Римскаго оружія.

16. Когда Гракхъ, передъ выступленіемъ изъ земли Луканцевъ, приносилъ жертвы, то случилось чудесное явленіе печальнаго предзнаменованія. Уже жертва была принесена, какъ вдругъ неизвѣстно откуда выползли два ужа, съѣли печень и появившись тотчасъ же исчезли неизвѣстно куда. По совѣту гадателей—такъ говоритъ преданіе—жертва была принесена вновь и вырѣзанныя внутренности ея караулили съ большимъ стараніемъ, но во второй разъ, и потомъ въ третій, явились ужи и, отвѣдавъ печени, невредимо удалились. Гадатели предъупредили Гракха, что это чудесное явленіе относится къ нему, какъ къ главному вождю и что ему надобно беречься и глазъ и злыхъ совѣтовъ людскихъ; впрочемъ никакая предусмотрительность не могла отклонить неумолимаго рѣшенія судьбы. Когда часть Луканцевъ перешла на сторону Аннибала, то во главѣ той, которая оставалась вѣрна Римлянамъ, стоялъ Луканецъ Флавій; онъ былъ выбранъ своими приверженцами преторомъ, и уже годъ находился въ этой должности. Вдругъ расположеніе ума Флавія перемѣнилось и вздумалъ онъ искать милости Карѳагенянъ; притомъ ему казалось недостаточнымъ перейдти самому и вовлечь Луканцевъ въ измѣну, но хотѣлось скрѣпить союзъ съ непріятелемъ жизнью и кровью Римскаго вождя и его, Флавія, гостя. Онъ явился тайно для переговоровъ къ Магону, который начальствовалъ въ землѣ Бруттіевъ, и получилъ отъ него клятвенное обѣщаніе, что въ случаѣ, если онъ—Флавій—выдастъ Карѳагенянамъ Римскаго вождя, то Луканцы будутъ приняты въ дружественный союзъ

Карѳагенянъ съ правомъ полной свободы и пользованія ихъ собственными законами. Флавій указалъ Магону мѣсто, куда онъ приведетъ Гракха съ немногими воинами, а ему велѣлъ въ близь лежавшихъ ущельяхъ скрыть большое число вооруженныхъ воиновъ. Осмотрѣвъ хорошенько мѣсто, Магонъ и Флавій назначили между собою и день приведенія въ исполненіе ихъ умысла. Тогда Флавій явился къ Римскому вождю и сказалъ ему: «началъ онъ, Флавій, дѣло великое, но, чтобы привести его къ желанному концу, необходимо личное содѣйствіе Гракха. Онъ Флавій—убѣдилъ преторовъ всѣхъ народовъ, которые, при общемъ волненіи всей Италіи, перешли было на сторону Карѳагенянъ,—искать снова дружбы Римлянъ, представляя имъ преторамъ, какъ дѣла Римлянъ, послѣ Каннскаго сраженія находившіяся почти въ отчаянномъ положеніи, приходятъ все въ лучшее и лучшее положеніе, тогда какъ силы Аннибала все слабѣютъ и обратились почти въ ничто. Римляне не останутся неумолимы къ давнишнему проступку: нѣтъ народа, который былъ бы такъ слабъ на просьбы и такъ бы охотно даровалъ прощеніе. Сколько разъ и предкамъ ихъ было прощено возмущеніе! Все это говорилъ преторамъ онъ—Флавій; но тѣ предпочитаютъ слышать подтвержденіе этого изъ устъ самаго Гракха и получить въ томъ его правую руку; это будетъ для нихъ лучшимъ залогомъ вѣрности обѣщаннаго. Мѣсто для переговоровъ назначилъ Флавій уединенное, недалеко отъ Римскаго лагеря; тамъ можно будетъ кончить все дѣло въ нѣсколькихъ словахъ и успѣть въ томъ, что всѣ Луканцы будутъ въ дружественномъ союзѣ съ Римлянами.» Гракхъ нисколько не подозрѣвалъ обмана ни въ этихъ словахъ, ни въ предметѣ ихъ, а считалъ дѣло это весьма правдоподобнымъ; потому онъ вышелъ изъ лагеря въ сопровожденіи ликторовъ и небольшаго коннаго отряда. Путеводителемъ былъ Флавій и онъ завелъ своего гостя въ засаду. Вдругъ со всѣхъ сторонъ показались непріятели и, чтобы не оставить сомнѣнія въ измѣнѣ, Флавій присоединился къ нимъ. Градъ стрѣлъ посыпался отовсюду на Гракха и всадниковъ; Гракхъ соскочилъ съ коня; тоже приказалъ сдѣлать всѣмъ воинамъ, убѣждая ихъ—«прославить мужествомъ единственный удѣлъ, назна-

ченный имъ судьбою. Имъ малочисленнымъ воинамъ, среди горъ и лѣсовъ окруженнымъ непріятелемъ, чего же осталось ждать, какъ не смерти? Но что же лучше: или подобно животнымъ безъ отмщенія подставить свои тѣла ножу убійцъ или вмѣсто того, чтобы терпѣливо дожидаться рѣшенія судьбы, воспылать праведнымъ гнѣвомъ, дѣйствовать смѣлѣе и если пасть, то на грудахъ тѣлъ непріятельскихъ и оружія. Всѣ воины пусть ищутъ измѣнника и предателя Луканца. Безсмертная слава покроетъ того, и смерть покажется легкою тому, кто пошлетъ его впередъ себя къ подземнымъ тѣнямъ.» Сказавъ это, Гракхъ обернулъ лѣвую руку въ плащь (Римляне не взяли даже съ собою щитовъ) и бросился въ толпу непріятелей. Загорѣлось сраженіе болѣе упорное, чѣмъ сколько можно было ожидать этого по числу сражающихся. Римляне гибнутъ подъ стрѣлами и дротиками непріятельскими, не имѣя чѣмъ отъ нихъ прикрыться; притомъ бросаемы они были со всѣхъ сторонъ съ возвышенныхъ мѣстъ въ углубленіе долины. Гракхъ остался почти уже одинъ и Карѳагеняне старались взять его живымъ; но онъ, увидя среди враговъ бывшаго своего пріятеля Луканца, съ такимъ ожесточеніемъ бросился въ самую толпу Карѳагенянъ, что нельзя было пощадить его, не пожертвовавъ многими. Бездыханное тѣло Гракха Магонъ тотчасъ отправилъ къ Аннибалу и приказалъ передъ трибуналомъ главнаго вождя положить трупъ Гракха вмѣстѣ съ взятыми на полѣ битвы ликторскими пуками. Таково самое вѣрное извѣстіе объ этомъ событіи. Гракхъ погибъ въ землѣ Луканцевъ въ урочищѣ, называемомъ *Старыя поля*.

17. Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что Гракхъ палъ на Беневентскомъ полѣ, у рѣки Калора, куда онъ пошелъ изъ лагеря омыться въ сопровожденіи ликторовъ и трехъ слугъ. Тутъ на него, обнаженнаго и безоружнаго, напали непріятели, скрывавшіеся въ кустахъ, росшихъ по берегу рѣки, и убили его, когда онъ защищался каменьями, которые были въ рѣкѣ. По другимъ извѣстіямъ, Гракхъ, по совѣту гадателей, удалился на 500 шаговъ отъ лагеря — принесть въ чистомъ мѣстѣ искупительную жертву по поводу выше упомянутыхъ чудесныхъ явленій; но тамъ онъ былъ схваченъ двумя эскадронами Нумидовъ. Такимъ

образомъ ни мѣсто, ни родъ смерти столь славнаго мужа—неизвѣстны. О похоронахъ Гракха также сохранились извѣстія разныя: одни говорятъ, что тѣло его предано погребенію въ Римскомъ лагерѣ его соотечественниками. Другіе — и извѣстіе это болѣе принято—что оно сожжено Аннибаломъ на кострѣ, устроенномъ передъ Римскимъ лагеремъ; что все войско Аннибала маневрировало подъ оружіемъ, Испанцы совершали военныя пляски и воины разныхъ народъ по свойственному имъ обычаю отдавали павшему врагу честь оружіемъ и тѣлесными движеніями; а самъ Аннибалъ, и на словахъ и на дѣлѣ, оказалъ тѣлу Гракху такую честь, какую только могъ. Такъ передаютъ тѣ историки, которые утверждаютъ, что Гракхъ убитъ въ землѣ Луканцевъ. Если же вѣрить тѣмъ, которые полагаютъ, что Гракхъ убитъ у рѣки Калора, то въ руки непріятелей досталась только голова его. Она была принесена къ Аннибалу и онъ тотчасъ отослалъ ее съ Карталономъ въ Римскій лагерь къ квестору Кн. Корнелію, а тотъ уже отдалъ послѣднія почести Гракху въ лагерѣ и тутъ вмѣстѣ съ войскомъ приняли участіе и жители Беневента.

18. Консулы, вступивъ въ область Кампанцевъ, производили опустошенія по разнымъ мѣстамъ. Внезапная вылазка горожанъ и Магона съ конницею привела ихъ въ ужасъ. Поспѣшно стали они собирать къ знаменамъ разсѣявшихся для грабежа воиновъ. Едва устроенное Римское войско обратилось въ бѣгство, потерявъ болѣе полуторы тысячи человѣкъ убитыми. Вслѣдствіе этого успѣха, и безъ того отъ природы самонадѣянные, непріятели стали еще смѣлѣе; они безпрестанными нападеніями вызывали Римлянъ на бой. Но консуловъ одно сраженіе, въ которое они вступили неосторожно и необдуманно—сдѣлало внимательнѣе и осмотрительнѣе. Впрочемъ одно неважное событіе и ободрило Римлянъ и обуздало дерзость непріятеля: такъ въ войнѣ нѣтъ ни одного событія столь незначительнаго, которое иногда не можетъ имѣть весьма важныхъ послѣдствій. Римлянинъ Т. Квинкцій Криспинъ и Кампанецъ Бадій были между собою знакомы и узы тѣсной дружбы и взаимнаго гостепріимства ихъ связывали. А они еще окрѣпли съ тѣхъ поръ, какъ — это было еще прежде отпаденія Кампанцевъ—Бадій, въ бытность свою въ Римѣ, сдѣлался

боленъ и въ домѣ Криспина его лѣчили и обходились съ нимъ съ величайшимъ радушіемъ, ничего не жалѣя для него. Бадій, выступивъ впередъ вооруженныхъ отрядовъ, прикрывавшихъ ворота, звалъ къ себѣ Криспина. Объ этомъ дали знать Криспину и тотъ, полагая, что Бадій и при разрывѣ общественныхъ связей войною, какъ частный человѣкъ, сохранилъ къ нему расположеніе и желаетъ съ нимъ какъ съ пріятелемъ о чемъ нибудь побесѣдовать, вышелъ впередъ изъ толпы своихъ соотечественниковъ. Когда два друга сошлись, Бадій сказалъ: «Криспинъ, вызываю тебя на единоборство со мною; сядемъ на коней и рѣшимъ, удаливъ другихъ, кто изъ насъ лучше на войнѣ». Криспинъ на это отвѣчалъ: «много и безъ того, у насъ съ тобою, Бадій, есть на комъ показать мужество, и я, если даже встрѣчу тебя въ пылу битвы, то уклонюсь и не омочу мечь мой въ крови моего пріятеля и гостя». Сказавъ это, Криспинъ повернулся и пошелъ. Тогда Кампанецъ сталъ вслѣдъ Криспину громко упрекать его въ трусости и лѣности, не щадя невинному тѣхъ бранныхъ словъ, которыхъ онъ самъ заслуживалъ: «да, ты, Криспинъ, называешь меня — такъ кричалъ Бадій — и гостемъ и пріятелемъ и повидимому жалѣешь меня, но тѣмъ только сознаешь, что ты не считаешь себя мнѣ равнымъ. Если полагаешь, что недостаточно разрыва общественныхъ отношеній для прекращенія и частныхъ дружественныхъ; то я, Кампанецъ Бадій, всенародно, въ слухъ обоихъ войскъ, объявляю, что разрываю всякую связь гостепріимства съ Римляниномъ Т. Квинкціемъ Криспиномъ. Отнынѣ нѣтъ у насъ съ тобою ничего общаго и никакія узы дружбы невозможны съ врагомъ, который пришелъ войною на его отечество, обнажилъ мечь на боговъ его народа и домашняго очага. Иди, Криспинъ, сражайся, если только ты достоинъ называться мужчиною». Долго не рѣшался Криспинъ; наконецъ товарищи уговорили его — не выносить долѣе равнодушно бранныхъ словъ Кампанца, а наказать его за нихъ. Тогда Криспинъ, промедливъ столько времени, сколько нужно было, чтобы испросить у вождей позволеніе — принять вызовъ непріятеля на бой, получилъ дозволеніе и, взявъ оружіе, сѣлъ на коня. Называя Бадія по имени, вызвалъ онъ его на бой. Кампанецъ съ своей стороны нисколько не медлилъ и оба противника бросились одинъ на другаго. Копье Криспина вонзилось въ лѣвое плечо Бадія по выше щита и онъ упалъ раненый съ коня. Криспинъ также соскочилъ съ лошади, чтобы на ногахъ докончить врага; но тотъ, бросивъ лошадь и щитъ, не дожидаясь смерти, искалъ убѣжища въ рядахъ своихъ товарищей. Криспинъ, взявъ коня и оружіе врага, украшенный его добычею, вернулся къ своимъ, гордо потрясая окровавленнымъ копьемъ. Воины, осыпая его поздравленіями и похвалами, отвели къ консуламъ; здѣсь также онъ получилъ щедрую похвалу и соотвѣтственную заслугамъ награду.

19. Аннибалъ перенесъ лагерь изъ Беневентскаго поля къ Капуѣ. На третій день по своемъ приходѣ сюда, онъ вывелъ войско изъ лагеря въ боевомъ порядкѣ. Зная, что нѣсколько дней тому назадъ, еще до его прибытія, Кампанцы имѣли удачное сраженіе съ Римлянами, Аннибалъ не сомнѣвался, что тѣмъ менѣе Римляне въ состояніи будутъ вынести напоръ его войска, столько разъ уже увѣнчаннаго побѣдою. Когда началось сраженіе, Римское войско, засыпанное дротиками, съ трудомъ выдерживало аттаку непріятельской конницы; тогда данъ знакъ Римской конницѣ вступить въ сраженіе и завязалось дѣло между обѣими конницами. Вдругъ показалось вдали войско, бывшее подъ начальствомъ убитаго Семпронія Гракха, а теперь командовалъ имъ квесторъ Кн. Корнелій. Оно въ обѣихъ сражавшихся войскахъ возбудило равныя опасенія; и то, и другое полагало, что это пришло подкрѣпленіе непріятелю. А потому, какъ будто по взаимному согласію, въ одно и тоже время съ обѣихъ сторонъ дали знакъ къ отступленію и оба войска возвратились въ свои лагери почти съ равнымъ успѣхомъ на полѣ битвы; впрочемъ потеря Римлянъ была значительнѣе при первой аттакѣ непріятельской конницы. Потомъ консулы, желая отвлечь Аннибала отъ Капуи, въ слѣдующую же ночь выступили: Фульвій въ Куманскую область, а Клавдій въ Луканскую. Когда на другой день Аннибалу дали знать, что лагерь Римлянъ ими оставленъ и что ихъ войска пошли по разнымъ дорогамъ; то Аннибалъ сначала былъ въ раздумьи, за которымъ слѣдовать, а потомъ рѣшилъ идти за Ан-

пісмъ. Тотъ, отвлекши непріятеля, чего онъ и хотѣлъ, другою дорогою возвратился въ Капуѣ.

Аннибалу въ этихъ мѣстахъ представился еще случай къ удачному военному дѣлу. Въ числѣ сотниковъ перваго ряда однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ какъ мужествомъ, такъ и силою физическою, былъ М. Центеній, по прозванію Пенула. Окончивъ срокъ службы, онъ былъ введенъ въ сенатъ преторомъ П. Корнеліемъ Суллою. Тутъ Центеній просилъ сенаторовъ — дать ему пять тысячь человѣкъ: «хорошо зная и страну, и враговъ, онъ Центеній—не замедлитъ оказать полезныя услуги, обративъ противъ самаго изобрѣтателя Аннибала тотъ способъ дѣйствія, которымъ онъ дотолѣ пользовался съ успѣхомъ въ этихъ мѣстахъ противъ вождей и войскъ Римскихъ.» Столь опрометчивымъ обѣщаніямъ дана вѣра, не менѣе необдуманная; забыли, что иное дѣло быть храбрымъ воиномъ, иное — хорошимъ полководцемъ. Вмѣсто просимыхъ пяти, Центенію дали восемь тысячь воиновъ, на половину гражданъ и на половину союзниковъ. Выступивъ въ походъ, Центеній набралъ еще по полямъ волонтеровъ, такъ что онъ прибылъ въ землю Луканцевъ съ войскомъ почти удвоеннымъ. Здѣсь остановился Аннибалъ, видя, что безъ пользы преслѣдовалъ Клавдія. Никакъ не могъ быть сомнительнымъ результатъ предстоявшаго столкновенія между вождемъ Аннибаломъ съ одной стороны, и съ другой сотникомъ, между войскомъ съ одной стороны устарѣвшимъ въ побѣдахъ и съ другой вновь набраннымъ и состоявшимъ отчасти изъ на скорую руку набраннаго безпорядочнаго и полувооруженнаго ополченія. Какъ только оба войска были въ виду одно другаго, то ни одно не отказалось отъ битвы и тотчасъ устроились съ обѣихъ сторонъ въ боевой порядокъ. Не смотря на совершенное неравенство условій съ той и другой стороны, бой однако продолжался болѣе двухъ часовъ и пока вождь былъ живъ, Римской строй держался твердо; наконецъ Центеній, во имя той славы, которую имѣлъ прежде и опасаясь безчестія за гибель войска черезъ свою самонадѣянность, не захотѣлъ пережить такого несчастія, подставлялъ себя непріятельскимъ стрѣламъ, подъ копіи и палъ. Смерть вождя была знакомъ къ общему разстройству войска; но самый путь къ бѣгству ему былъ отрѣзанъ; такъ какъ всадники непріятельскіе стояли по всѣмъ дорогамъ и потому отъ всего Римскаго войска едва спаслось тысячу человѣкъ; всѣ прочіе погибли въ разныхъ мѣстахъ разною смертью.

20. Консулы снова начали осаждать Капую всѣми силами; они заготовляли и снаряжали все, что нужно было для осады. Въ Казилинѣ свезены запасы хлѣба; при устьѣ рѣки Вултурна, гдѣ нынѣ находится городъ, заложена крѣпость (основаніе положилъ ей еще прежде Фабій Максимъ) и тамъ оставленъ гарнизонъ для того, чтобы имѣть въ своей власти и рѣку и морской берегъ. Въ обѣ приморскія крѣпости свезенъ изъ Остіи хлѣбъ, какъ недавно присланный изъ Сардиніи, такъ и купленный преторомъ М. Юніемъ въ Этруріи для того, чтобы въ теченіи зимы войско не нуждалось въ провіантѣ. Вслѣдъ за несчастіемъ, случившимся въ землѣ Луканцевъ, войско волонтеровъ, которое при жизни Гракха отправляло службу съ величайшею вѣрностью, теперь, какъ бы считая себя смертью вождя освобожденнымъ отъ всѣхъ обязательствъ, оставило знамена и разошлось въ разныя стороны. Аннибалъ не хотѣлъ оставить безъ вниманія Капую и безъ помощи союзниковъ въ столь крайнемъ ихъ положеніи; но, получивъ уже одинъ успѣхъ, благодаря самонадѣянности Римскаго вождя, онъ выжидалъ случая подавить еще одного Римскаго вождя и его войско. Апулійскіе послы принесли Аннибалу извѣстіе, что преторъ Кн. Фульвій сначала, покоряя нѣкоторые Апульскіе города, отпавшіе было къ Аннибалу, велъ себя осмотрительно; но вслѣдствіе успѣховъ, превосходившихъ его ожиданія, самъ преторъ и его воины пустились въ лѣность и своеволіе такое, которое совершенно несовмѣстно съ военною дисциплиною. Уже не разъ и прежде, да еще и за нѣсколько дней передъ тѣмъ, Аннибалъ испыталъ, что значитъ войско подъ начальствомъ вождя, незнающаго своего дѣла—и вслѣдствіе этого перенесъ лагерь въ Апулію.

21. Римскіе легіоны и преторъ Фульвій находились около Гердонеи. Когда они узнали о приближеніи непріятеля, то едва не сдѣлалось, что воины, не дожидаясь приказанія претора, схватили было знамена и выступили въ поле. Если что нибудь ихъ удержало

отъ такаго поступка, то убѣжденіе, что они, какъ только захотятъ, тотчасъ могутъ вступить въ дѣло съ непріятелемъ. На слѣдующую ночь Аннибалъ, имѣя свѣдѣніе, что въ лагерѣ Римскомъ было волненіе и многіе воины, крича къ оружію, настоятельно требовали отъ вождя дать знакъ къ бою, понялъ, что ему представляется случай къ удачному дѣлу. Онъ по всѣмъ сосѣднимъ хуторамъ, кустарникамъ и лѣсамъ расположилъ три тысячи легковооруженныхъ воиновъ и приказалъ имъ по данному сигналу вдругъ всѣмъ выйдти изъ засады. Магону съ двумя тысячами всадниковъ велѣлъ занять всѣ дороги, по которымъ Римлянамъ придется бѣжать. Сдѣлавъ всѣ эти приготовленія ночью, на разсвѣтѣ Аннибалъ вывелъ войско въ поле въ боевомъ порядкѣ. И Фульвій не замедлилъ сдѣлать тоже, не столько руководствуясь какими нибудь надеждами или расчетами, сколько будучи самъ увлеченъ порывомъ воиновъ. Таже самонадѣянность, съ какою выступили Римляне въ поле, не оставила ихъ и тогда, когда они начали строиться: воины по своему произволу становились гдѣ хотѣли, переходили съ мѣста на мѣсто и даже совершенно оставляли свой постъ или по прихоти или по трусости. Первый легіонъ и лѣвое крыло выстроились сначала и строй Римскаго войска слишкомъ былъ растянутъ въ длину. Напрасно трибуны кричали: «что линія не представляетъ достаточной силы и плотности и будетъ прорвана первымъ натискомъ непріятеля». Спасительные совѣты не только не доходили ни до чьего разсужденія, но даже и до слуха. Аннибалъ, какъ вождь, далеко не походилъ на Фульвія; да и войско его было не таково и устроено оно было не такъ, какъ Римское. А потому Римляне не устояли противъ воинскихъ кликовъ и перваго натиска непріятеля. Вождь Римскій, равный Центенію безразсудствомъ и самонадѣянностью, далеко уступалъ ему въ личномъ мужествѣ; какъ увидѣлъ, что дѣло плохо и воины его поражены страхомъ, схватилъ коня и бѣжалъ въ сопровожденіи почти 200 человѣкъ всадниковъ. Остальное Римское войско, тѣснимое спереди, обойденное непріятелемъ съ тылу и съ фланговъ, до того было разбито, что изъ двадцати двухъ тысячь воиновъ бывшихъ въ строю

осталось не болѣе двухъ тысячь. Лагерь Римскій достался во власть Аннибала.

22. Когда въ Римѣ получено было извѣстіе объ этихъ несчастныхъ событіяхъ, послѣдовавшихъ одно за другимъ, то граждане предались чувству страха и горести; впрочемъ, умы не слишкомъ сильно встревожены были этими несчастіями, такъ какъ консулы, а въ ихъ войскахъ заключалась вся сила государства, дѣйствовали до этого времени съ успѣхомъ. Къ консуламъ отправлены послы—К. Лэторій и М. Метилій—дать знать имъ, чтобы они съ величайшимъ тщаніемъ собрали остатки разбитыхъ войскъ, прилагая стараніе, какъ бы они, подъ вліяніемъ страха и отчаянія, не отдались непріятелю, по примѣру того что случилось послѣ Каннскаго побоища; а также консуламъ велѣно разыскать уволенныхъ рабовъ, составлявшихъ войско Гракха. Тоже самое внушено и П. Корнелію, которому поручено произвести наборъ; онъ обнародовалъ по всѣмъ рынкамъ и сходбищамъ — чтобы разыскивали уволенныхъ для войны рабовъ и приводили ихъ снова къ знаменамъ. Все это исполнено съ величайшимъ тщаніемъ. Консулъ Ап. Клавдій поставилъ начальникомъ Д. Юнія у устья Вултурна и М. Аврелія Котту въ Путеолахъ для того, чтобы они хлѣбъ со всѣхъ судовъ, сколько ихъ ни придетъ изъ Этруріи и Сардиніи, тотчасъ посылали въ лагерь; а самъ, возвратясь къ Капуѣ, нашелъ товарища своего К. Фульвія въ Казилинѣ, гдѣ онъ готовилъ все нужное для осады Капуи. Тогда оба они осадили городъ и призвали еще претора Клавдія Нерона отъ Суессулы изъ Клавдіевыхъ лагерей. И тотъ, оставя для прикрытія лагерей небольшой отрядъ, со всѣми прочими войсками пришелъ къ Капуѣ. Такимъ образомъ, вокругъ Капуи воздвигнуты три палатки трехъ Римскихъ военачальниковъ и три войска, дѣйствуя съ разныхъ сторонъ города, приготовляются окружить его рвомъ и валомъ и строятъ крѣпостцы въ небольшомъ одна отъ другой разстояніи. Съ успѣхомъ сражаются Римляне во многихъ мѣстахъ съ Кампанцами, старавшимися воспрепятствовать ихъ работамъ, такъ что наконецъ Кампанцы не смѣли уже оставлять стѣны и показываться за городъ. Однако, прежде нежели работы Римлянъ приведены къ окончанію, изъ Капуи отправлены послы къ Ан-

нибалу жаловаться — что Капуя имъ оставлена и почти отдана Римлянамъ, и умолять его подать помощь городу, который мало того, что осажденъ, но уже и окруженъ непріятельскими траншеями. Преторъ П. Корнелій написалъ консуламъ письмо слѣдующаго содержанія: «пусть они, прежде нежели Капую запрутъ осадными работами, дадутъ Кампанцамъ позволеніе, всѣмъ тѣмъ, которые только пожелаютъ, безпрепятственно оставить городъ и унесть съ собою имущества. Тѣ, которые выйдутъ изъ города прежде Мартовскихъ Идъ, будутъ свободны сами и все, что они имѣютъ, неприкосновенно. Тѣ же, которые выйдутъ послѣ этого дня или которые вовсе останутся въ городѣ, будутъ считаться за непріятелей». Это было объявлено Кампанцамъ, но они не только встрѣтили это объявленіе съ пренебреженіемъ, но и съ своей стороны не щадили ругательствъ и угрозъ. Междутѣмъ Аннибалъ отъ Гердонеи повелъ полки свои къ Тarенту, питая надежду съ помощью или силы, или хитрости, овладѣть крѣпостью. Не видя успѣха, онъ направилъ путь къ Брундизію, расчитывая на измѣну жителей этого города. Пока онъ и здѣсь тратилъ время безъ пользы, пришли къ нему послы Кампанцевъ; они высказывали жалобы свои и вмѣстѣ мольбы. Аннибалъ отвѣчалъ имъ пышными словами, что уже разъ освободилъ онъ Капую отъ осады и что на этотъ разъ консулы также не устоятъ при его приближеніи. Послы обнадежены и отпущены, но съ величайшимъ трудомъ пробрались они обратно въ Капую, уже окруженную валомъ и рвомъ Римлянъ.

23. Междутѣмъ, какъ подъ Капуею осадныя работы производились съ большимъ напряженіемъ силъ, осада Сиракузъ пришла къ концу, сколько благодаря распорядительности и храбрости вождя и войска, столько же и при помощи внутренней измѣны. Съ начала весны Марцеллъ долго былъ въ раздумьи — обратить ли ему военныя дѣйствія къ Агригенту противъ Гимилькона и Гиппократа или тѣснить осадою Сиракузы, городъ, который нельзя было взять ни силою, — такъ крѣпко защищенъ онъ былъ и съ моря и съ сухаго пути, — ни голодомъ, потому что подвозъ припасовъ всякаго рода изъ Карѳагена моремъ былъ почти свободный. Наконецъ, онъ рѣшился пустить въ ходъ дотолѣ имъ не

испытанное еще средство: онъ приказалъ Сиракузцамъ, бѣжавшимъ изъ города въ его лагерь (въ числѣ ихъ были нѣкоторые именитѣйшіе граждане, которые выгнаны изъ города во время возмущенія противъ Римлянъ за то, что не хотѣли принять участія въ переворотѣ)—стараться переговорить съ людьми ихъ партіи, оставшимися въ городѣ, и увѣрить ихъ, что въ случаѣ добровольной сдачи Сиракузъ, жители ихъ будутъ пользоваться свободою и управляться собственными законами. Завести переговоры было весьма затруднительно; подозрѣніе возникло у многихъ и потому глаза и вниманіе всѣхъ были устремлены на то, какъ бы не допустить такого случая. Одинъ невольникъ Сиракузскаго изгнанника былъ впущенъ въ городъ, принявъ на себя видъ перебѣжчика; онъ увидался съ нѣкоторыми гражданами и положилъ начало переговорамъ объ этомъ дѣлѣ. Потомъ, нѣсколько Сиракузскихъ гражданъ, въ рыбачьей лодкѣ, прикрытые сѣтьми, переправились къ Римскому лагерю и вступили въ переговоры съ изгнанниками: это стало повторяться чаще и являлись все новыя лица; такимъ образомъ число участвующихъ въ заговорѣ возрасло до восьмидесяти человѣкъ. Уже все готово было къ измѣнѣ, какъ вдругъ какой-то Атталъ, обидясь, что ему не сдѣлали довѣрія, открылъ все Епициду, и заговорщики всѣ погибли въ ужасныхъ мукахъ. На мѣсто обманутой надежды возникла еще другая: Лакедемонянинъ Дамиппъ былъ посланъ изъ Сиракузъ къ царю Филиппу, но перехваченъ Римскими судами. Епициду весьма хотѣлось его выкупить; да и Марцеллъ не отказывалъ въ томъ, такъ какъ Римляне въ то время добивались дружбы Этоловъ; а они были въ тѣсномъ союзѣ съ Лакедемонцами. Для переговоровъ о выкупѣ Дамиппа между лицами, съ обѣихъ сторонъ на то уполномоченными, избрано мѣсто по серединѣ, удобное для той и другой стороны — у Трогилійскаго порта близь башни, называемой Галеагра. Такъ какъ на этомъ мѣстѣ часто были сходки, то одинъ Римлянинъ, разсмотрѣвъ вблизи стѣну, счелъ изо сколькихъ рядовъ камня она состоитъ и, зная размѣръ камня, сколько его выходило на лицевую сторону, составилъ въ умѣ приблизительное заключеніе о вышинѣ стѣны и нашелъ, что она не такъ высока, какъ всѣ думали, а въ томъ числѣ и онъ, и что на нее

можно взлѣзть съ помощью лѣстницъ умѣренной величины. О своихъ наблюденіяхъ, воинъ доноситъ Марцеллу, и тотъ увидалъ, что пренебрегать ими не должно. Надобно было дождаться случая, а иначе къ этому мѣсту доступъ былъ не возможенъ по причинѣ строгихъ карауловъ. Одинъ перебѣжчикъ не замедлилъ доставить этотъ случай; онъ далъ знать, что въ городѣ, въ продолженіи трехъ дней, будутъ совершаться праздники въ честь Діаны и что, при недостаткѣ другихъ припасовъ по случаю осады, тѣмъ болѣе будетъ употреблено во время пиршества вина, котораго большое количество Епицидъ роздалъ простолюдинамъ, а знатнѣйшіе граждане отъ себя роздали по трибамъ. Узнавъ объ этомъ, Марцеллъ призвалъ къ себѣ не многихъ военныхъ трибуновъ, велѣлъ имъ отобрать лучшихъ сотниковъ и воиновъ, способныхъ на преднамѣренный смѣлый подвигъ и тайно изготовить лѣстницы; прочимъ воинамъ Марцеллъ отдалъ приказаніе, чтобы они по ранѣе предались отдыху, такъ какъ ночью предстоитъ имъ выступить въ походъ. Какъ только настало время, когда по расчету, напировавшись вдоволь, Сиракузцы пресытились виномъ и начинали чувствовать необходимость отдыха—Марцеллъ велѣлъ воинамъ одного значка нести лѣстницы, и около тысячи вооруженныхъ воиновъ потихоньку отведены къ назначенному мѣсту тонкимъ строемъ. Безо всякаго шуму и замѣшательства первые воины взобрались на стѣну; за ними по порядку слѣдовали другіе и удача первыхъ сдѣлала смѣлыми и тѣхъ, которые прежде чувствовали робость.

24. Уже тысяча воиновъ Римскихъ заняла часть укрѣпленій; тогда, по, данному изъ Гексапила, сигналу, придвинуты остальныя Римскія войска и, съ помощью множества лѣстницъ, они взбирались на стѣны. Римляне дошли до Гексапила среди мертвой тишины: большая часть Сиракузцевъ, отпировавъ въ башняхъ, или погрузились въ глубокій сонъ или еще пьянствовали, уже и такъ отяжелѣвъ отъ вина. Немногихъ Римляне лишили жизни, найдя ихъ на постеляхъ спящими. Подлѣ Гексапила есть небольшія ворота; ихъ Римляне выбивали всѣми силами, а между тѣмъ со стѣны подали сигналъ, какъ было условлено, звукомъ трубы. Уже на всѣхъ пунктахъ Римляне дѣйствовали не украдкою, но

открытою силою: они достигли Епипола, гдѣ было много непріятельскихъ карауловъ; тутъ непріятеля нужно было устрашить, а не обмануть. Непріятель былъ въ ужасѣ. Какъ только Сиракузцы услыхали звукъ трубъ и клики Римскихъ воиновъ, во власти коихъ находилась часть стѣнъ и городъ; то тѣ изъ Сиракузскихъ воиновъ, которые занимали караулы, полагая, что уже в е въ рукахъ Римлянъ, одни бѣжали по стѣнамъ, другіе прыгали со стѣны или были сброшены толпою бѣжавшихъ. Впрочемъ, большая часть Сиракузцевъ оставались въ невѣдѣніи относительно постигшаго ихъ городъ несчастія; почти всѣ отягчены были еще сномъ и винными парами; притомъ городъ былъ такъ обширенъ, что о томъ, что дѣлалось въ одной его части, нескоро было извѣстно по всему городу. Къ разсвѣту Гексапильскія ворота были выбиты и Марцеллъ со всѣми войсками вошелъ въ городъ; тогда всѣ Сиракузцы опомнились и бросились къ оружію, стараясь, если можно, спасти почти уже взятый городъ. Епицидъ поспѣшно выступилъ изъ Острова, который у Сиракузцевъ носитъ названіе Назона. Онъ былъ того убѣжденія, что безъ труда выгонитъ малочисленныхъ Римлянъ, которые перебрались черезъ стѣны по оплошности стражи. На встрѣчу ему попадались испуганные граждане, но Епицидъ говорилъ, что они только увеличиваютъ замѣшательство и что въ испугѣ разсказываютъ много больше настоящаго. Однако, увидавъ, что все пространство около Епипола наполнено вооруженными Римлянами. Епицидъ, бросивъ только въ непріятеля дротики, обратилъ свое войско назадъ въ Ахрадину. Онъ дѣйствовалъ такъ не потому, чтобы боялся силы и многочисленности Римлянъ; а потому, что опасался какъ бы при этомъ случаѣ не открылось измѣны и какъ бы въ суматохѣ не найдти ворота Ахрадины и Острова запертыми. Марцеллъ вошелъ въ городъ и, съ возвышеннаго мѣста увидавъ у ногъ своихъ Сиракузы, едва ли не самый красивѣйшій городъ того времени, заплакалъ — такъ говоритъ преданіе—частью отъ радости, что ему удалось такое славное дѣло, частью при воспоминаніи о древней славѣ города. На память ему пришли потопленные флоты Аѳинянъ, два огромныхъ войска, которыя погибли здѣсь съ ихъ знаменитыми вождями; столько

воинъ, веденныхъ съ Кареагенянами съ перемѣннымъ успѣхомъ; столько богатыхъ властителей и царей, и изъ нихъ особенно Гіеронъ, котораго дѣянія были еще въ свѣжей памяти: какъ много стяжалъ онъ своею доблестью и счастіемъ, и какъ много оказалъ онъ важныхъ услугъ Римскому народу! Все это приходило на умъ Марцеллу, и онъ не могъ удержаться отъ мысли, что можетъ быть все это въ одинъ часъ будетъ жертвою огня и обратится въ пепелъ. Прежде нежели идти далѣе наступательно къ Ахрадинѣ, Марцеллъ послалъ впередъ Сиракузцевъ, находившихся, какъ мы выше сказали, въ войскѣ Римскомъ—съ тѣмъ, чтобы они ласковыми рѣчами склоняли непріятелей къ сдачѣ города.

25. Ворота и стѣны Ахрадины занимали по большей части Римскіе перебѣжчики, которые ни въ какомъ случаѣ не могли надѣяться пощады; они посланныхъ Римлянами Сиракузцевъ не допустили къ стѣнамъ и не позволили имъ ни съ кѣмъ говорить. Марцеллъ, видя, что это намѣреніе не удалось, обратилъ свои силы къ Евріалу. То была крѣпость съ наружной стороны города, самой отъ моря отдаленной; она господствовала надъ дорогою, которая шла внутрь острова и имѣла положеніе чрезвычайно выгодное въ отношеніи вліянія на сообщенія; въ этой крѣпости начальствовалъ Филодемъ Аргивецъ, котораго здѣсь поставилъ Епицидъ. Марцеллъ отправилъ къ нему Созиса, одного изъ соучастниковъ въ убійствѣ Гіеронима; Филодемъ нарочно тянулъ переговоры; наконецъ коварно отложилъ ихъ до другаго времени. Созисъ возвратился къ Марцеллу и сказалъ, что Филодемъ требуетъ времени на размышленіе. Онъ откладывалъ свой отвѣтъ со дня на день, ожидая прибытія Гиппократа и Гимилькона съ войсками; онъ не сомнѣвался, что если только приметъ ихъ въ крѣпость, то можно будетъ истребить войско Римское, запертое въ стѣнахъ. Марцеллъ, видя, что Евріалъ не сдается, а силою взять его невозможно, расположился лагеремъ между Неаполемъ и Тихою (такъ назывались двѣ части города Сиракузъ, изъ которыхъ каждая по величинѣ заслуживала названіе города.) Проникать въ глубь города—Марцеллъ не рѣшался, опасаясь, что въ несостояніи будетъ удержать подъ знаменами воиновъ, алкавшихъ добычи. Тутъ явились къ Марцеллу послы изъ

Тихи и Неаполя въ одеждѣ просителей и съ масличными вѣтвями въ рукахъ; они умоляли Марцелла — пощадить ихъ отъ истребленія огнемъ и мечемъ. Марцеллъ созвалъ совѣтъ относительно скорѣе просьбъ граждапъ, чѣмъ ихъ требованій; согласно общему приговору, Марцеллъ объявилъ воинамъ: «никто изъ нихъ пусть не налагаетъ руки на свободнаго гражданина; остальное все—ихъ добыча.» Лагерю Римскому вмѣсто окоповъ служили защитою стѣны; исходы всѣхъ улицъ заняты вооруженными отрядами для того, чтобы не послѣдовало нечаяннаго нападенія на воиновъ, когда они разсѣются для грабежа. Тогда, по данному сигналу, воины разбѣжались по городу; выбивали двери домовъ; смятеніе и ужасъ господствовали въ городѣ, но крови пролито не было. Воины же не прежде перестали грабить, какъ унесли все, что въ теченіи длиннаго ряда благополучныхъ годовъ было пріобрѣтено жителями. Между тѣмъ Филодемъ, не видя ни откуда помощи и получивъ обѣщаніе, что его безъ вреда отпустятъ къ Епициду, очистилъ крѣпость и сдалъ ее Римлянамъ. Между тѣмъ, какъ вниманіе всѣхъ обращено было на взятую Римлянами часть города, Бомилькаръ, выбравъ ночь, когда Римскій флотъ не могъ крейсировать передъ гаванью по случаю сильной бури, вышелъ безпрепятственно въ открытое море съ тридцатью пятью судами изъ Сиракузской пристани, оставивъ Епициду и Сиракузцамъ пятьдесятъ пять судовъ. Извѣстивъ Кареагенянъ, въ какомъ опасномъ положеніи находятся Сиракузы, Бомилькаръ черезъ нѣсколько дней возвратился съ флотомъ изо ста судовъ. Пришелъ слухъ, что онъ за то получилъ отъ Епицида богатые подарки изъ Гіероновой сокровищницы.

26. Марцеллъ, взявъ Евріалъ, поставилъ тамъ гарнизонъ; такимъ образомъ одною заботою было у него меньше. Нѣчего было опасаться, чтобы непріятель, вступя въ крѣпость, съ тылу напалъ на Римскихъ воиновъ, какъ бы запертыхъ стѣнами и связанныхъ ими въ своихъ движеніяхъ. Вслѣдъ за тѣмъ Марцеллъ обложилъ Ахрадину, расположивъ войска по удобнымъ мѣстамъ въ трехъ лагеряхъ; онъ надѣялся недостатками всякаго рода, вслѣдствіе тѣснаго облежанія принудить жителей къ сдачѣ. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней съ обѣихъ сторонъ было спокойно

на передовыхъ постахъ. Внезапное прибытіе Гиппократа и Гимилькона сдѣлало то, что Римляне со всѣхъ сторонъ должны были отражать нападенія непріятеля, который сталъ дѣйствовать наступательно. Гиппократъ поставилъ укрѣпленный лагерь у главной пристани и, давъ знать находившимся въ Ахрадинѣ, аттаковалъ старый лагерь Римлянъ, гдѣ начальствовалъ Криспинъ. Епицидъ сдѣлалъ вылазку на Марцелловы аванпосты. Кароагенскій флотъ присталъ къ берегу между городомъ и Римскимъ лагеремъ для того, чтобы Марцеллъ не могъ подать помощи Криспину. Впрочемъ непріятели надѣлали много тревоги, но сражались не усердно. И Криспинъ не только отразилъ Гиппократа отъ своихъ окоповъ, но и далеко преслѣдовалъ смятеннаго непріятеля; а Епицида Марцеллъ вогналъ въ городъ. Даже, повидимому, и на будущее время Римляне могли быть покойны относительно внезапныхъ аттакъ непріятельскихъ. Къ этому присоединилась еще — моровая язва, общее зло, которое умы обѣихъ враждующихъ сторонъ отвлекло отъ замысловъ военныхъ. Было время осеннее и невыносимый жаръ солнца, который сильнѣе дѣйствовалъ въ открытомъ полѣ, чѣмъ въ городѣ, въ мѣстахъ и безъ того отъ природы нездоровыхъ, подѣйствовалъ почти на всѣхъ самымъ вреднымъ образомъ. Сначала условія погоды и мѣстности были причиною хворобы и смертности: постепенно самый уходъ за больными и прикосновеніе къ нимъ усиливали болѣзнь. Тѣ больные, которые были пренебрежены и брошены, умирали по этому самому; а тѣ, за которыми ухаживали и лѣчили, сообщали свою болѣзнь окружающимъ, и такимъ образомъ заставляли ихъ раздѣлять съ ними одну участь. Каждый день передъ глазами всѣхъ были—мертвые и похороны; и днемъ и ночью повсюду раздавались вопли и стоны. Наконецъ, зло достигло такихъ размѣровъ, что къ нему привыкли: не только перестали оплакивать, какъ слѣдуетъ, покойниковъ, но даже выносить ихъ и погребать. Повсюду валялись на глазахъ живыхъ трупы отшедшихъ, напоминая оставшимся еще въ живыхъ, что и ихъ ждетъ такая же участь. Умершіе имѣли вредное вліяніе на больныхъ, а больные на здоровыхъ сначала страхомъ, а потомъ ядомъ болѣзни и вредными испареніями. Предпочитая

погибнуть отъ меча, многіе бросались по одиночкѣ на непріятельскіе посты. Впрочемъ, язва несравненно сильнѣе свирѣпствовала въ Кароагенскомъ лагерѣ, чѣмъ въ Римскомъ (давно уже осаждая Сиракузы, Римскіе воины привыкли уже къ самому воздуху этихъ мѣстъ и къ водѣ). Въ непріятельскомъ лагерѣ Сицилійцы, какъ только примѣтили, что мѣстность имѣетъ вредное вліяніе на развитіе болѣзни, всѣ разошлись по ближайшимъ городамъ, по своимъ домамъ. Кароагеняне, которымъ нигдѣ не было пріюта, погибли всѣ до одного вмѣстѣ съ вождями своими Гиппократомъ и Гимилькономъ. Марцеллъ, какъ только моровая язва стала сильно свирѣпствовать, перевелъ войска въ городъ; здѣсь больнымъ несравненно легче было подъ крышами домовъ и въ тѣни. Несмотря на то, весьма много и Римскихъ воиновъ погибло отъ моровой язвы.

27. Когда Кароагенское сухопутное войско перестало существовать, тѣ Сицилійцы, которые находились въ войскѣ Гиппократа, собрались въ два городка небольшіе, но хорошо укрѣпленные и стѣнами и мѣстоположеніемъ (одинъ находится въ трехъ, а другой въ пятнадцати миляхъ отъ Сиракузъ). Сюда свозили они и припасы изъ союзныхъ городовъ и собирали вспомогательныя войска. Междутѣмъ Бомилькаръ снова отправился съ флотомъ въ Кароагенъ; здѣсь представилъ онъ обстоятельства союзниковъ въ такомъ видѣ, что подалъ надежду не только оказать имъ помощь съ большою для нихъ пользою, но и самихъ Римлянъ захватить въ полувзятомъ ими городѣ. Такимъ образомъ, онъ побудилъ Кароагенянъ—послать вмѣстѣ съ нимъ какъ можно болѣе транспортныхъ судовъ, нагруженныхъ всякаго рода припасами и усилить также его военный флотъ. Вслѣдствіе этого Бомилькаръ оставилъ Кароагенъ со ста тридцатью длинными судами и семью стами транспорными. Вѣтеръ, довольно благопріятный, сопровождалъ его въ плаваніи къ берегамъ Сициліи; но тотъ же вѣтеръ не давалъ ему обогнуть Пахинскій мысъ. Радость и страхъ взаимно переходили отъ Римлянъ къ осажденнымъ и обратно, сначала вслѣдствіе молвы о приближеніи Бомилькара, а потомъ неожиданнаго его замедленія. Епицидъ опасался того, какъ бы Бомилькаръ—въ случаѣ, если будетъ продолжаться вѣтеръ, кото-

рый уже въ продолженіи многихъ дней дулъ съ востока — не воротился съ своимъ флотомъ въ Карѳагенъ; а потому, ввѣривъ начальство надъ Ахрадиною предводителямъ наемныхъ войскъ, онъ поплылъ къ Бомилькару. Здѣсь Епицидъ нашелъ Карѳагенскій флотъ уже готовымъ въ обратный путь. Бомилькаръ опасался морскаго сраженія не потому, чтобы онъ сознавалъ себя слабѣе Римлянъ силами или числомъ судовъ (напротивъ ихъ у него было больше); но вѣтеръ былъ благопріятнѣе для Римскаго флота, чѣмъ для его. Однако Епицидъ уговорилъ Бомилькара попытать счастія въ морскомъ бою. Марцеллъ видѣлъ, что Сицилійское войско изо всего острова сосредоточивается къ Сиракузамъ, а съ другой стороны приближается Карѳагенскій флотъ съ огромными запасами всякаго рода. Опасаясь, какъ бы самому не быть окруженнымъ и съ моря и съ сухаго пути во враждебномъ городѣ, Марцеллъ рѣшился не допустить Бомилькара къ Сиракузамъ не смотря на то, что флотъ Римскій имѣлъ менѣе судовъ, чѣмъ Карѳагенскій. Оба враждебныхъ флота стояли около Пахинскаго мыса, готовые вступить въ бой; они для того, чтобы спуститься въ открытое море ждали только того, какъ бы море сдѣлалось покойно. Наконецъ восточный вѣтеръ, въ продолженіи нѣсколькихъ дней дувшій съ чрезвычайною силою, утихъ. Первый двинулся съ мѣста Бомилькаръ; флотъ его направился въ открытое море повидимому для того, чтобы удобнѣе обогнуть мысъ. Римскіе суда поплыли на встрѣчу Карѳагенскимъ; вдругъ Бомилькаръ, увидя это движеніе Римскаго флота, испугался неизвѣстно чего и поплылъ далѣе въ открытое море; а въ Гераклею послалъ гонца съ приказомъ — транспортнымъ судамъ отправиться обратно въ Африку. Бомилькаръ, миновавъ Сицилію, поплылъ въ Тарентъ. Епицидъ, видя, что его блестящія надежды рушились, не захотѣлъ вернуться въ осажденный городъ, котораго большая половина была уже въ рукахъ непріятелей, а отправился въ Агригентъ—предпочитая выжидать тамъ хода событій, чѣмъ принять въ нихъ дѣятельное участіе.

28. Когда въ лагерѣ Сицилійцевъ стало извѣстно, что Епицидъ вышелъ изъ Сиракузъ, а Карѳагеняне совершенно очистили островъ, отъ него вторично какъ бы отказавшись, то Сицилійцы, прежде черезъ переговоры узнавъ мысли объ этомъ осажденныхъ, отправили пословъ къ Марцеллу—переговорить съ нимъ объ условіяхъ сдачи города. Безъ большихъ споровъ согласились на томъ: чтобы Римлянамъ принадлежало вездѣ въ Сициліи то, что было во власти царей; прочимъ же должны были владѣть Сицилійцы, сохранивъ и свою вольность и пользованіе своими законами. Послы Сицилійцевъ вызвали тѣхъ, которымъ Епицидъ при отъѣздѣ ввѣрилъ управленіе и сказали имъ: «что они присланы отъ Сицилійскаго войска какъ къ Марцеллу, такъ и къ нимъ съ тѣмъ, чтобы одна участь была какъ осажденныхъ въ городѣ, такъ и тѣхъ, которые отъ осады свободны, чтобы ни тѣ, ни другіе не могли ничего выговаривать отдѣльно сами по себѣ.» Начальники приняли ихъ въ городъ для того, чтобы они переговорили съ родными и знакомыми. Послы, передавъ гражданамъ условія Марцелла и обнадеживъ ихъ безопасностью, побудили ихъ вмѣстѣ съ ними напасть на начальниковъ, оставленныхъ въ городѣ Епицидомъ; то были: Поликлитъ, Филистіонъ и Епицидъ, по прозванію Синдонъ. Они были убиты, а граждане созваны на вѣче; здѣсь послы, упомянувъ о голодѣ, отъ котораго страдали жители, ограничиваясь дотолѣ тайнымъ ропотомъ, сказали: «велики испытанныя жителями Сиракузъ страданія; но напрасно было бы обвинять судьбу въ томъ, чему положить конецъ всегда было въ ихъ власти. Если Римляне осаждали Сиракузы то не по ненависти къ жителямъ этого города, а по любви къ нимъ. Услыхавъ, что все въ рукахъ Гиппократа и Епицида, слугъ сначала Аннибала, а потомъ Гіеронима—Римляне начали войну и приступили къ осадѣ города; но непріязненныя дѣйствія были собственно не противъ самаго города, а противъ жестокосердыхъ его тирановъ. Теперь Гиппократъ погибъ, Епицидъ отъ Сиракузъ отрѣзанъ, а поставленные имъ префекты умерщвлены, Карѳагеняне прогнаны отъ острова и на сухомъ пути и на морѣ, и не имѣютъ въ немъ болѣе никакой власти— какая же можетъ быть у Римлянъ причина—не желать сохраненія Сиракузъ въ томъ видѣ, какъ они были при Гіеронѣ, незабвенномъ другѣ и союзникѣ Римлянъ? А потому, и городу и его жителямъ не угрожаетъ никакой другой опасности, кромѣ отъ нихъ

самихъ въ случаѣ, если они пропустятъ случай помириться съ Римлянами (а этотъ случай, какимъ онъ представляется въ настоящую минуту, уже не повторится болѣе) только теперь, когда они получили свободу изъ подъ власти своихъ безсильныхъ тиранновъ.»

29. Рѣчь эта встрѣчена общимъ одобреніемъ; впрочемъ, граждане заблагоразсудили избрать прежде новыхъ преторовъ, чѣмъ пословъ; потомъ изъ числа самихъ преторовъ отправлены нѣкоторые послами къ Марцеллу. Главный изъ нихъ сказалъ ему слѣдующее: «Не мы, Сиракузцы, первые отпали отъ Римлянъ, но Гіеронимъ, который намъ самимъ былъ ненавистнѣе, чѣмъ вамъ. Миръ, возобновленный было по смерти тиранна не изъ Сиракузцевъ кто либо нарушилъ, но слуги убитаго царя—Гиппократъ и Епицидъ, съ одной стороны страхомъ, съ другой обманомъ присвоивъ надъ ними власть. И никто не скажетъ, чтобы время, когда мы пользовались свободою, не было вмѣстѣ и временемъ мира съ вами. Да и теперь, какъ только мы стали хозяевами нашихъ дѣйствій, убивъ тѣхъ, которые держали Сиракузы въ угнетеніи, то мы тотчасъ пришли выдать наше оружіе, ввѣрить вамъ городъ нашъ и его укрѣпленія; мы готовы принять всякой жребій, какой только вы намъ назначите. Марцеллъ! Боги увѣнчали тебя безсмертною славою черезъ взятіе знаменитѣйшаго и прекраснѣйшаго изъ Греческихъ городовъ. Какіе только когда либо совершены были нами подвиги на сушѣ и на морѣ, они всѣ лишь послужатъ къ большему украшенію твоего тріумфа. Не лучше ли Марцеллъ—въ доказательство, какой городъ взялъ ты, оставить потомкамъ возможность видѣть его, чѣмъ одинъ слухъ о немъ? Всякой, кто посѣтитъ городъ нашъ, увидитъ наши трофеи, взятые у Аѳинянъ и Карѳагенянъ, и узнаетъ, что мы сами—твой трофей. Спасенные тобою Сиракузы отдай твоему роду; пусть они будутъ подъ покровительствомъ имени Марцелловъ! Пусть превозможетъ у васъ воспоминаніе о Гіеронѣ надъ воспоминаніемъ о Гіеронимѣ! Первый несравненно долѣе былъ другомъ вашимъ, чѣмъ второй врагомъ. Услуги перваго вы испытали къ себѣ, а безуміе втораго только погубило его самаго.» Со стороны Римлянъ было согласіе на все и не угрожало никакой опасности; гораздо болѣе непріязненнаго и враждебнаго скрывалось въ самомъ городѣ. Перебѣжчики, догадываясь, что дѣло идетъ о выдачѣ ихъ Римлянамъ, и вспомогательныя войска наемныя склонили на свою сторону тѣмъ же опасеніемъ. Схвативъ оружіе, они умертвили сначала преторовъ, потомъ разбѣжались по городу, избивая жителей: въ раздраженіи они не щадили никого, кто имъ ни попадался и все, что могли, разграбили. Чтобы не оставаться безъ вождей, они избрали шесть префектовъ: трехъ въ Ахрадину и трехъ въ Назъ. Когда волненіе утихло, то наемные воины, разъ узнавъ хорошенько дѣло о переговорахъ съ Римлянами, поняли тогда что было и на самомъ дѣлѣ, а именно, что ихъ участь и перебѣжчиковъ совсѣмъ разная.

30. Черезъ нѣсколько времени возвратились послы отъ Марцелла и сказали наемнымъ воинамъ, что подозрѣніе ихъ неосновательно и что Римлянамъ нѣтъ никакой причины казнить ихъ. Изъ трехъ префектовъ Ахрадины одинъ былъ Испанецъ, по имени Мерикъ. Въ свитѣ пословъ нарочно для него отправленъ одинъ воинъ изъ Испанскаго вспомогательнаго войска. Онъ, свидѣвшись съ Мерикомъ безъ свидѣтелей, сначала изложилъ въ какомъ положеніи оставилъ онъ Испанію (а онъ недавно оттуда пріѣхалъ): «уже все тамъ во власти Римскаго оружія и можетъ онъ заслугою своего занять первое мѣсто между своими соотечественниками, захочетъ ли онъ служить на войнѣ въ Римскихъ рядахъ, предпочтетъ ли онъ возвратиться на родину. Съ другой стороны, если онъ предпочтетъ остаться въ осадѣ, то какая можетъ быть надежда ему, когда городъ окруженъ и съ моря и съ сухаго пути»? Слова эти подѣйствовали на Мерика; и когда онъ отправилъ пословъ къ Марцеллу, то въ числѣ ихъ послалъ своего брата. Тотъ же Испанецъ, черезъ котораго начались переговоры съ Мерикомъ, повелъ Мерикова брата къ Марцеллу тайно отъ другихъ пословъ. Здѣсь даны были взаимныя обѣщанія и устроенъ ходъ дѣла; за тѣмъ послы возвратились въ Ахрадину. Тогда Мерикъ, желая отвлечь умы согражданъ отъ подозрѣнія, сказалъ: «что ему не нравятся эти безпрестанныя пересылки пословъ; что не надобно никого ни принимать, ни посылать. А чтобы караулы содержались строже, то надобно между префектами распредѣлить всѣ важные пункты, и пусть каждый отвѣчаетъ за

свою часть». Всѣ на это согласились; Мерику самому досталось пространство отъ источника Аретузы до устья большаго порта. Онъ далъ знать Римлянамъ объ этомъ. Тогда Марцеллъ приказалъ ночью военному кораблю о четырехъ рядахъ веселъ тащить на буксирѣ транспортное судно, наполненное воинами, къ Ахрадинѣ; ихъ высадить велѣно было къ сторонѣ городскихъ воротъ, находящихся не далеко отъ источника Аретузы. Сдѣлано это въ четвертую стражу ночи; высаженныхъ на берегъ, Римскихъ воиновъ Мерикъ принялъ въ городъ, какъ это было условлено между нимъ и Марцелломъ. На разсвѣтѣ Марцеллъ со всѣми войсками подступилъ къ стѣнамъ Ахрадины. Не только воины, находившіеся въ Ахрадинѣ, обратились всѣ противъ него; но даже изъ Наза бѣжали толпы вооруженныхъ воиновъ, побросавъ ввѣренные имъ посты, отражать нападеніе Римлянъ. Пользуясь этимъ смятеніемъ, транспортныя суда, прежде изготовленныя, моремъ обошли кругомъ къ Назу и высадили тамъ вооруженныхъ воиновъ. Тѣ совершенно неожиданно напали на посты, полуоставленные воинами, заняли отворенныя ворота, куда не задолго передъ тѣмъ устремились воины въ Ахрадинѣ, и такимъ образомъ безъ большаго сопротивленія овладѣли Назомъ, который былъ почти оставленъ испуганными и разбѣжавшимися воинами. Перебѣжчики менѣе другихъ оказали сопротивленія и упорства при встрѣчѣ съ непріятелемъ; не довѣряя даже своимъ, они разбѣжались съ мѣста сраженія. Марцеллъ, узнавъ, что Назъ взятъ и часть Ахрадины въ его власти, и что Мерикъ съ своимъ отрядомъ перешелъ на его сторону, велѣлъ играть отбой, опасаясь какъ бы не были разграблены царскія сокровища, которыя по слуху были далеко значительнѣе, чѣмъ въ дѣйствительности.

31. Порывъ Римскихъ воиновъ обузданъ; перебѣжчикамъ, находившимся въ Ахрадинѣ, дано и время и возможность бѣжать. Тогда жители Сиракузъ, освободясь наконецъ ото всѣхъ опасеній, послали къ Марцеллу депутатовъ; они и у него просили одного — безопасности ихъ самихъ и семействъ. Марцеллъ, созвавъ совѣтъ и пригласивъ на него тѣхъ изъ жителей Сиракузъ, которые, выгнанные смутами изъ отечества, находились въ Римскомъ лагерѣ, далъ Сиракузскимъ депутатамъ слѣдующій отвѣтъ:

«Гіеронъ, въ продолженіи пятидесятилѣтняго своего царствованія, много оказалъ услугъ Римлянамъ; но и они не могутъ идти въ сравненіе съ безчисленными оскорбленіями, которыя нанесли въ продолженіи не многихъ лѣтъ народу Римскому тѣ, въ чьей власти были Сиракузы. Впрочемъ, большая часть ихъ злыхъ дѣяній обратилась, какъ и слѣдовало, на голову виновниковъ. За нарушеніе договоровъ жители Сиракузъ наказали себя сами такъ, какъ Римляне никогда не хотѣли ихъ наказать. Онъ — Марцеллъ—уже третій годъ осаждаетъ Сиракузы и не съ тѣмъ, чтобы народъ Римскій желалъ поработить ихъ; напротивъ, онъ только не хотѣлъ допустить, чтобы городъ оставался во власти и подъ гнетомъ перебѣжчиковъ. А что жители Сиракузъ могли что нибудь сдѣлать, то доказательствомъ служитъ поведеніе тѣхъ, которые находятся въ Римскомъ лагерѣ, поступокъ Испанскаго вождя Мерика, передавшагося съ своимъ отрядомъ; наконецъ хотя позднее, но твердое рѣшеніе самихъ Суракузцевъ. Во всякомъ случаѣ за всѣ труды и опасности, которымъ онъ—Марцеллъ—подвергался такъ долго и на сухомъ пути, и со стороны моря—малое слишкомъ вознагражденіе то, что онъ наконецъ взялъ Сиракузы». — За тѣмъ Марцеллъ отправилъ въ Назъ казначея (квестора) съ вооруженнымъ отрядомъ принять царскія сокровища и взять ихъ подъ свое сбереженіе. Городъ отданъ воинамъ на разграбленіе; къ домамъ тѣхъ изъ жителей Сиракузъ, которые находились въ Римскомъ станѣ, приставлены караулы для ихъ безопасности. Много было тутъ примѣровъ и кровожадности и корыстолюбія. Архимедъ, при страшной суматохѣ, которая неизбѣжна во взятомъ непріятелемъ городѣ, гдѣ воины его разсѣялись для грабежа, со вниманіемъ разсматривалъ геометрическія фигуры, начерченныя на пескѣ, и въ этомъ занятіи убитъ Римскимъ воиномъ, незнавшимъ, кто онъ. Съ огорченіемъ услыхалъ это Марцеллъ; онъ съ честью похоронилъ Архимеда и велѣлъ розыскать его родственниковъ, которымъ имя Архимеда послужило и къ чести и къ безопасности. Такимъ то образомъ взяты Сиракузы. Добыча, найденная здѣсь, была такъ велика, что едва ли можетъ равняться съ нею и та, которую въ послѣдствіи нашли въ Карѳагенѣ, хотя тотъ, какъ равный съ равнымъ, боролся съ

Римомъ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ Сиракузы были взяты, Т. Отацилій съ восьмьюдесятью судами о пяти рядахъ веселъ изъ Лилибея переплылъ въ Утику; до разсвѣта проникъ онъ въ портъ этого города и захватилъ тамъ транспортныя суда, нагруженныя хлѣбомъ. Сдѣлавъ высадку на берегъ, онъ опустошилъ часть окрестностей Утики и добычу всякаго рода отогналъ къ судамъ. На третій день по выходѣ изъ Лилибея, Отацилій возвратился туда со ста тридцатью транспортными судами, полными хлѣба и добычи всякаго рода; хлѣбъ Отацилій тотчасъ отослалъ въ Сиракузы. Не подоспѣй онъ только такъ во время, страшный голодъ угрожалъ и побѣдителямъ и побѣжденнымъ.

32. Въ Испаніи, почти въ продолженіи двухъ лѣтъ, не происходило ничего замѣчательнаго; и не столько оружіемъ сражались враждебныя стороны, сколько политикою. Въ этомъ году Римскіе вожди съ наступленіемъ лѣтняго времени, оставили свои зимнія квартиры и соединили войска. Здѣсь созванъ военный совѣтъ, на которомъ всѣ были одного мнѣнія: дотолѣ цѣлью дѣйствій Римскихъ вождей было только — не пустить Аздрубала въ Италію; но настало время, привести войну въ Испаніи къ концу. Полагали, что достаточно на этотъ предметъ прибавилось силъ, такъ какъ въ этомъ году Римляне въ продолженіи зимы вооружили двадцать тысячь Цельтиберійцевъ. У Кароагенянъ было три войска: Аздрубалъ, сынъ Гисгона, и Магонъ въ соединенномъ лагерѣ стояли отъ Римлянъ на пять дней пути. Ближе къ нимъ находился Аздрубалъ, сынъ Гамилькара, старинный полководецъ Кароагенянъ въ Испаніи; онъ стоялъ съ войскомъ у города Аниторгиса. Вожди Римскіе хотѣли сначала подавить его; на успѣхъ можно было смѣло расчитывать: силъ для этого они имѣли достаточно, даже болѣе чѣмъ достаточно. Оставалась одна забота, какъ бы въ случаѣ его пораженія, испуганные тѣмъ—другой Аздрубалъ и Магонъ, не удалились въ неприступныя горы и лѣса, и такимъ образомъ не продлили еще военныхъ дѣйствій. А потому, Римскіе вожди сочли за лучшее: раздѣливъ войска на двѣ части, разомъ вести войну на разныхъ пунктахъ для окончательнаго покоренія Испаніи. Такимъ образомъ П. Корнелій съ двумя частями войска Римскаго и союзнаго долженъ былъ дѣйство-

вать противъ Магона и Аздрубала; а Кн. Корнелій съ третьею частью стараго Римскаго войска, вмѣстѣ съ вспомогательнымъ войскомъ Цельтиберійцевъ, долженъ былъ вести войну съ Аздрубаломъ Барцинскимъ. Оба вождя и войска выступили вмѣстѣ; Цельтиберійцы шли впереди; они стали лагеремъ у города Аниторгиса въ виду непріятелей, расположенныхъ по ту сторону рѣки. Здѣсь Кн. Сципіонъ остановился съ войсками, какія у него были, какъ сказано выше; а П. Сципіонъ продолжалъ идти далѣе на то мѣсто военныхъ дѣйствій, которое ему было назначено.

33. Аздрубалъ замѣтилъ, что войско Римское въ лагерѣ Кн. Сципіона весьма немногочисленно, а что вся сила заключается во вспомогательномъ войскѣ Цельтиберовъ. Зналъ онъ хорошо вѣроломство всѣхъ варварскихъ народовъ, а особенно тѣхъ, въ странѣ которыхъ онъ столько лѣтъ велъ войну. Не трудно было завести тайные переговоры, такъ какъ и въ томъ и въ другомъ лагерѣ было много Испанцевъ. Условлено было съ старѣйшинами Цельтиберовъ за большую денежную плату, чтобы они отвели домой свои войска. Имъ дѣло это казалось вовсе не преступнымъ; отъ нихъ не требовалось вести войну противъ Римлянъ, а давалось также вознагражденіе за то только, чтобы они не вели войны, котораго достаточно было и въ томъ случаѣ, если бы они принимали въ ней участіе. Не могли не льстить также простыхъ воиновъ — надежда на покой, на возвращеніе домой къ семействамъ. А потому не трудно было склонить какъ вождей, такъ и воиновъ. Со стороны Римлянъ опасаться Цельтиберамъ того, какъ бы они неудержали ихъ силою, было нѣчего по ихъ малочисленности. Этого Римскимъ вождямъ всегда должно беречься, и подобные вышеприведенному случаи всегда имѣть въ памяти и довѣрять только тогда вспомогательнымъ войскамъ, когда они своихъ собственныхъ силъ имѣютъ по крайней мѣрѣ на столькоже. Вдругъ схвативъ знамена, Цельтиберы выступили изъ лагеря; на вопросы Римлянъ о причинѣ такого поступка и на просьбы ихъ остаться, они отвѣчали одно, что расходятся они по домамъ, вслѣдствіе угрожающей имъ тамъ войны. Сципіонъ видѣлъ, что союзниковъ удержать при себѣ нельзя ни просьбою, ни силою; безъ нихъ

онъ не въ силахъ былъ противустать врагу; соединиться опять съ братомъ было невозможно. Оставался одинъ, по его мнѣнію, сколько нибудь спасительный образъ дѣйствія — отступать по возможности, не давая случая непріятелю къ сраженію на ровномъ и открытомъ мѣстѣ; а тотъ, перейдя рѣку, тѣснилъ Римлянъ, преслѣдуя ихъ почти по пятамъ.

34. Въ тоже время П. Сципіонъ долженъ былъ опасаться также новаго врага, но опасность, ему угрожавшая, была еще больше. Тогда союзникомъ Кароагенянъ былъ Масинисса, молодой человѣкъ, тотъ самый, котораго въ послѣдствіи дружественный союзъ съ Римлянами сдѣлалъ знаменитымъ и могущественнымъ. Онъ тогда съ конницею Нумидскою встрѣтилъ П. Сципіона на его походѣ, потомъ постоянно и днемъ, и ночью, нападалъ онъ на его войско; не только ловилъ онъ всѣхъ тѣхъ воиновъ Римскихъ, которые отходили отъ лагеря за дровами и фуражемъ, но и производилъ набѣги подъ самые лагерные окопы и не разъ врывался въ самую середину сторожевыхъ отрядовъ къ большому смятенію Римлянъ. И ночью, вслѣдствіе нечаянныхъ нападеній Масиниссы, Римляне не знали покою у лагерныхъ воротъ и на окопахъ. Не было для Римлянъ ни одной покойной минуты, ни мѣста столь безопаснаго, когда и гдѣ бы они могли быть чужды страха и заботы. Они не смѣли выйдти за лагерныя укрѣпленія, терпѣли недостатокъ во всѣхъ самыхъ нужныхъ предметахъ и находились почти въ осадѣ. Такое положеніе Римлянъ угрожало быть еще хуже, если удастся Индибилису, который, какъ знали по слухамъ, идетъ съ семью тысячами пятью стами Суессетанъ, присоединиться къ Кароагенянамъ. Сципіонъ, вождь осторожный и благоразумный, вынужденъ былъ обстоятельствами на безразсудный поступокъ — ночью идти на встрѣчу Индибилису и сразиться съ нимъ, гдѣ бы онъ ни встрѣтился. Оставивъ въ лагерѣ небольшой гарнизонъ подъ начальствомъ легата Т. Фонтея, Сципіонъ выступилъ въ походъ среди ночи и сразился съ непріятелемъ, котораго не замедлилъ встрѣтить. Сражались полки съ полками, а не правильными боевыми линіями; впрочемъ Римляне имѣли верхъ въ этой свалкѣ. Однако конница Нумидская, отъ которой вождь Римскій думалъ укрыться, вдругъ подоспѣла, ат-

таковала Римлянъ съ фланговъ и распространила ужасъ въ ихъ рядахъ. Такимъ образомъ, у Римлянъ съ Нумидами загорѣлся новый бой, какъ вдругъ пришелъ еще третій непріятель; то были вожди Кароагенскіе, которые шли по слѣдамъ Римлянъ и взяли ихъ съ тылу. Римляне со всѣхъ сторонъ окружены были непріятелями; они не знали, въ какую сторону броситься и на котораго врага сдѣлать дружное нападеніе. Сципіонъ ободрялъ воиновъ, сражался самъ какъ простой воинъ и не берегъ себя, а бросался туда, гдѣ угрожала наибольшая опасность. Непріятельское копье произило ему правый бокъ. Воины того непріятельскаго отряда, который напалъ на Римлянъ, стѣснившихся около вождя, увидя, что Сципіонъ бездыханный упалъ съ коня, испустили радостные крики и разбѣжались по всей боевой линіи сообщить извѣстіе, что главный вождь Римскій палъ. Этотъ слухъ усилившись сдѣлалъ то, что и побѣда непріятелей и пораженіе Римлянъ сдѣлались несомнительными. Римляне, потерявъ вождя, стали помышлять о бѣгствѣ. Пробиться сквозь ряды Нумидовъ и другихъ легковооруженныхъ вспомогательныхъ войскъ Кароагенянъ—было не трудно; но уйдти отъ всадниковъ и отъ пѣхотинцевъ, которые быстротою бѣга не уступали лошадямъ — оказалось почти невозможнымъ, и болѣе Римлянъ пало во время бѣгства, чѣмъ въ сраженіи. Да и врядъ ли бы кто изъ нихъ спасся, если бы, по позднему времени дня, не наступила ночь.

35. Кароагенскіе вожди обнаружили дѣятельность въ томъ, какъ пользоваться счастіемъ. Тотчасъ по окончаніи сраженія, едва давъ воинамъ время, необходимое для отдыха—они поспѣшно двинулись къ Аздрубалу, Гамилькарову сыну. Несомнѣвались они, что если только удастся имъ соединить войска свои съ его войсками, то войну они приведутъ къ концу. Когда они прибыли туда, то и войска и вожди, въ упоеніи отъ недавней побѣды, поздравляли другъ друга съ гибелью славнаго непріятельскаго полководца и всего его войска, и ласкали себя почти вѣрною надеждою еще такой же побѣды. Къ Римлянамъ еще не достигъ слухъ о гибели ихъ войска; но грустное молчаніе хранили они и страшились будущаго, какъ всегда бываетъ съ людьми, предчувствующими неизбѣжное несчастіе. Самъ главный вождь Римлянъ, кромѣ

того, что видѣлъ себя оставленнымъ союзниками, а силы непріятеля увеличившимися, и по догадкѣ, и по соображенію, скорѣе склоненъ былъ предполагать случившееся несчастіе, чѣмъ питать хорошую надежду: «иначе какимъ образомъ Аздрубалъ и Магонъ могли привести свое войско безъ боя, какъ не приведши къ концу имъ угрожавшую войну? Какимъ образомъ другой Сципіонъ не воспротивился ихъ движенію и не послѣдовалъ за ними? Если бы онъ и не въ силахъ былъ воспротивиться соединенію непріятельскихъ вождей и войскъ, то, во всякомъ случаѣ, онъ поспѣшилъ бы на соединеніе съ братомъ». Озабоченный такими печальными мыслями, Сципіонъ при теперешнихъ обстоятельствахъ считалъ лучшимъ — отступать, пока будетъ возможно. А потому онъ въ одну ночь успѣлъ сдѣлать нѣсколько пути, такъ что непріятели не знали о его выступленіи и потому оставались въ покоѣ. Съ наступленіемъ дня, непріятель замѣтилъ движеніе Римлянъ; тотчасъ отправлены въ погоню Нумиды; прежде наступленія ночи настигли они Римлянъ, и бросались на нихъ и съ фланговъ и съ тылу. Тогда Римляне начали останавливаться и принимать по возможности мѣры къ безопасности войска. Впрочемъ, Сципіонъ убѣждалъ воиновъ для ихъ безопасности продолжать движеніе, отражая непріятеля, и не дать имъ настигнуть непріятельской пѣхотѣ.

36. Такимъ образомъ, то двигаясь впередъ, то удерживая напоръ непріятеля, Римляне въ продолженіи дня прошли немного впередъ. Уже наступила ночь и Сципіонъ даетъ своимъ воинамъ знакъ къ прекращенію сраженія. Собравъ ихъ, онъ ихъ уводитъ на холмъ, хотя и несовершенно безопасный (особенно для войска приведеннаго въ разстройство); но все таки нѣсколько возвышавшійся надъ окружающею мѣстностью. Здѣсь сначала пѣхотинцы Римскіе, принявъ въ средину обозы и конницу, не безъ успѣха отбивались отъ набѣговъ Нумидовъ, которые нападали со всѣхъ сторонъ; но не замедлили подойдти три непріятельскихъ вождя и три арміи; тогда ясно стало, что однимъ оружіемъ безъ укрѣпленій невозможно будетъ защищать этой позиціи. Потому вождь Римскій сталъ придумывать, нельзя ли какъ сдѣлать окоповъ. Но холмъ былъ совершенно обнаженъ и почва весьма крѣпка:

не было кустовъ для хворосту къ насыпкѣ вала; земля не была довольно рыхла для рытья рвовъ и дѣланія насыпи; вообще подобныя работы всякаго рода по условіямъ мѣстности были неудобоисполнимы. Холмъ не былъ на столько крутъ и обрывистъ, чтобы представить затрудненіе непріятелю; во всѣ стороны скатъ былъ отлогой. Для того, чтобы сдѣлать что нибудь въ родѣ вала, Римляне кругомъ утвердили подпорки (которыми поддерживаются вьюки на вьючныхъ животныхъ), и къ нимъ, въ вышину обыкновенныхъ укрѣпленій, привязали тяжести; а внизу, гдѣ подпорки представляли пустое мѣсто, навалены всякаго рода вещи, находившіяся въ обозѣ. Карѳагенскія войска подошли и безъ труда взобрались на холмъ; но тутъ пріостановились, видя укрѣпленія, которыхъ они вовсе не ожидали и которыя какъ бы чудомъ выросли изъ земли. Вожди по всему строю кричали воинамъ: «зачѣмъ вы остановились? Спѣшите растащить эти ничтожныя укрѣпленія, которыя не въ состояніи выдержать нападенія женщинъ и дѣтей. Вѣдь ужь непріятель въ вашей власти, только спрятался за свои обозы». Такими словами высказывая свое пренебреженіе къ непріятелю, вожди Карѳагенскіе упрекали своихъ воиновъ. Впрочемъ, ни перейдти черезъ эти укрѣпленія, ни сдвинуть тяжести съ мѣста было невозможно, а подрубить подпорки мало было пользы, такъ какъ они завалены вьюками. Такимъ образомъ напоръ непріятеля былъ на долгое время пріостановленъ; наконецъ, на многихъ пунктахъ разомъ, тяжести были сдвинуты и непріятельскіе воины проложили себѣ черезъ нихъ дорогу; со всѣхъ сторонъ лагерь былъ взятъ. Малочисленные и пораженные страхомъ, Римскіе воины гибли отъ меча далеко превышавшихъ ихъ численностью побѣдителей. Впрочемъ, большая часть Римскихъ воиновъ ушла въ ближнія лѣса, а оттуда въ лагерь П. Сципіона, гдѣ начальствовалъ легатъ П. Фонтей. Относительно Сципіона одни историки увѣряютъ, что онъ убитъ при первомъ нападеніи непріятелей на холмъ, а другіе, что онъ, въ сопровожденіи немногихъ воиновъ, ушелъ въ башню, находившуюся не далеко отъ лагеря. Непріятель ее окружилъ зажженнымъ костромъ; такимъ образомъ двери, которыя силою никакъ выбить нельзя было, выжжены, а Римляне и съ ихъ вождемъ

всѣ до одного там перебиты. Такимъ образомъ, Кн. Сципіонъ погибъ на восьмой годъ по прибытіи въ Испанію и на двадцать девятый день по смерти брата. Смерть его причинила горести столько же въ Испаніи, сколько и въ Римѣ. Что касается до гражданъ Римскихъ, то ихъ горесть усиливалась вслѣдствіе общественнаго несчастія, сопряженнаго съ потерею войскъ и провинціи. Но Испанцы жалѣли самихъ вождей и оплакивали ихъ, а преимущественно Кнея; онъ и долѣе управлялъ ими, первый задобрилъ ихъ умы въ свою пользу и на дѣлѣ показалъ имъ любовь къ справедливости и умѣренность Римскихъ правителей.

37. Казалось по видимому, что войско Римское уже не существуетъ въ Испаніи и что провинція эта утрачена для Римлянъ; но одинъ человѣкъ поправилъ все. Въ войскѣ былъ Л. Марцій, сынъ Септимія, Римскій всадникъ, человѣкъ необыкновенно дѣятельный, обладавшій умомъ и способностями выше того состоянія, въ которомъ онъ родился. Къ высокимъ дарованіямъ отъ природы присоединялось то, что онъ былъ въ школѣ Кн. Сципіона, и подъ его руководствомъ въ продолженіи многихъ лѣтъ изучилъ военное искусство. Онъ собралъ разбѣжавшихся воиновъ, вывелъ нѣсколько гарнизоновъ и такимъ образомъ сформировалъ порядочное войско, съ которымъ присоединился къ Т. Фонтеію, легату П. Сципіона. Но на столько опередилъ его вліяніемъ на воиновъ и значеніемъ всадникъ Римскій, что когда войско, укрѣпившись лагеремъ по сю сторону Ибера, стало выбирать подачею голосовъ себѣ вождя (воины подходили подавать голоса, по очереди смѣняясь съ карауловъ), то оно единогласно ввѣрило высшую власть Л. Марцію. Все время—а его оставалось не много — употреблено на укрѣпленіе лагеря и на заготовленіе туда провіанта. Воины исполняли всѣ повелѣнія съ усердіемъ и съ полнымъ довѣріемъ къ вождю. Принесено извѣстіе, что Аздрубалъ, сынъ Гисгона, идетъ съ намѣреніемъ истребить остатки Римскаго войска, перешелъ Ибръ и уже близко; тогда воины Римскіе, видя, что сигналъ къ битвѣ даетъ новый вождь, привели себѣ на память какъ то, какихъ незадолго передъ тѣмъ имѣли они главныхъ вождей, такъ и то, подъ чьимъ предводительствомъ и съ какими силами привыкли они выходить на бой;

вдругъ всѣ они начали рыдать и ударять себя въ голову. Одни протягивали руки къ небу и обвиняли боговъ. Другіе, распростершись на землѣ, оплакивали каждый своего вождя. Общій взрывъ печали не утихалъ, хотя сотники ободряли воиновъ; да и самъ Марцій и ублажалъ ихъ и бранилъ: «къ чему безплодныя, достойныя одних женщинъ, рыданія? Почему не обратитъ имъ лучше мысли къ защитѣ какъ своей собственной, такъ и отечества? Пусть они не допустятъ, чтобы ихъ вожди лежали неотмщенными»! Вдругъ раздались военные клики и звукъ трубъ (уже непріятели были близъ вала). Тутъ вдругъ у воиновъ Римскихъ горесть перешла въ раздраженіе гнѣва и они устремились къ оружію: какъ бы воспламененные бѣшенствомъ, они бросились къ воротамъ и аттаковали непріятеля, шедшаго въ разсыпную и въ безпорядкѣ. Неожиданность этого нападенія бросила ужасъ въ ряды Карѳагенянъ; они дивились, откуда взялось столько непріятелей, тогда какъ войско ихъ считали они уничтоженнымъ; откуда у побѣжденныхъ и бѣглецовъ явилась такая смѣлость и увѣренность въ себѣ, какой появился вождь по смерти обоихъ Сципіоновъ, кто командуетъ въ лагерѣ, кто далъ сигналъ къ битвѣ? Совершенно не ожидая и не будучи въ состояніи объяснить себѣ это явленіе — Карѳагеняне, пораженные удивленіемъ, отступаютъ; но, сильно тѣснимые непріятелемъ, обращаются въ бѣгство. Одно изъ двухъ: или бѣгущіе непріятели потерпѣли бы страшное побоище, или дальнѣйшее наступленіе со стороны Римлянъ было бы поступкомъ дерзкимъ и сопряженнымъ для нихъ съ опасностью; но Марцій тотчасъ далъ знакъ къ отступленію, и, находясь въ первыхъ рядахъ, самъ обуздывалъ рвеніе воиновъ и удержалъ ихъ на мѣстѣ; а потомъ отвелъ въ лагерь ихъ, еще жаждавшихъ убійствъ и крови. Карѳагеняне, сначала въ разстройствѣ прогнанные отъ непріятельскихъ окоповъ, видя, что никто ихъ не преслѣдуетъ, приписали это робости непріятеля; а потому медленно отступили къ лагерю съ чувствомъ пренебреженія къ непріятелю. Обереженіе лагеря производилось съ нерадѣніемъ, не смотря на близость непріятеля; Карѳагеняне постоянно помнили, что это остатки двухъ ими истребленныхъ армій; а потому они не считали нужнымъ принимать мѣры пре-

досторожности. Узнавъ объ этомъ, Марцій задумалъ планъ, не только съ перваго взгляда смѣлый, но даже дерзскій, а именно— аттаковать самому непріятельскій лагерь. Онъ разсудилъ, что легче взять силою лагерь одного Аздрубала, чѣмъ, по соединеніи трехъ непріятельскихъ вождей и ихъ армій, защитить отъ нихъ свой. Во всякомъ случаѣ—удастся, онъ возстановлялъ дѣла Римлянъ въ Испаніи, пришедшія было въ упадокъ; да и въ случаѣ пораженія, самымъ наступательнымъ дѣйствіемъ уничтожалъ онъ презрѣніе къ Римскому войску.

38. А для того, чтобы самая неожиданность этого случая и ужасъ, внушаемый ночнымъ временемъ, не повредили исполненію плана, такъ не подходившаго къ теперешнему положенію Л. Марція и его войска, то онъ счелъ за лучшее собрать воиновъ и поговорить съ ними объ этомъ. Созвавъ воиновъ, Марцій сталъ имъ говорить: «воины! Вы знаете, какъ любилъ я нашихъ вождей при ихъ жизни и какъ для меня священна ихъ память; понимаете вы хорошо ваше теперешнее положеніе и потому легко можете повѣрить, что для меня власть эта, которою вы захотѣли почтить меня, есть бремя тягостное и непріятное. Въ то время, когда я, если бы опасеніе за васъ не обуздывало взрыва горести, едва владѣлъ бы собою и въ моемъ разстроенномъ духѣ тщетно поискалъ бы утѣшенія—Теперь на мнѣ одномъ лежитъ забота объ васъ, —забота самая затруднительная при разстроенномъ отъ печали состояніи духа. И даже тогда, когда духъ мой занятъ мыслью, какъ бы спасти для отечества остатки двухъ армій, и тутъ не можетъ онъ забыться отъ одолѣвшей его грусти. Еще свѣжо въ памяти наше общее несчастіе и оба Сципіона не даютъ мнѣ покою ни днемъ, ни ночью: часто при мысли объ нихъ пробуждаюсь ночью. Они велятъ мнѣ отмстить за нихъ, отмстить за ихъ воиновъ, вашихъ товарищей, въ продолженіи восьми лѣтъ не знавшихъ пораженія на этихъ земляхъ, отмстить за отечество и не забыть уроковъ и наставленій, ими данныхъ. При жизни ихъ никто не былъ такимъ точнымъ исполнителемъ ихъ повелѣній, какъ я; а теперь, по смерти ихъ, я считаю себя обязаннымъ дѣйствовать такъ, какъ, по моему мнѣнію, поступили бы они сами, еслибъ находились въ живыхъ. Да и вамъ, воины, скажу,

что не слезами и воплями отдавайте должное вождямъ, (которыхъ вы считаете погибшими, но которые живутъ и всегда будутъ жить славою дѣяній своихъ) но, вступая въ бой, вспоминайте ихъ и дѣйствуйте на полѣ битвы такъ, какъ бы они сами васъ увѣщевали и подавали вамъ сигналъ къ бою. И конечно, это самое воспоминаніе не оставляло васъ вчера, когда вы совершили славное военное дѣло. Тутъ то доказали вы непріятелю, что слава имени Римскаго не погибла вмѣстѣ съ Сципіонами. Для народа, котораго доблесть и сила устояли противъ Канискаго побонища, нѣтъ того удара судьбы, отъ коего онъ не оправится. Теперь, послѣ того, какъ показали вы что можете сдѣлать по собственному побужденію, дайте испытать вашу доблесть подъ руководствомъ полководца вашего. Вчера, когда я далъ знакъ къ отбою вамъ во время жаркаго преслѣдованія вами смятеннаго непріятеля, не умѣрить пылъ вашего мужества хотѣлъ я, но сохранить его до случая, гдѣ онъ можетъ быть увѣнчанъ большею славою, гдѣ вы, совсѣмъ готовые къ бою, можете напасть на врага, который не принялъ никакихъ мѣръ предосторожности, дѣйствовать съ оружіемъ противъ непріятелей безоружныхъ и даже объятыхъ сномъ. Возможность этого случая — не пустая и не основательная надежда, но она пришла мнѣ въ голову по тщательномъ обсужденіи обстоятельствъ. Если бы кто нибудь спросилъ васъ, какимъ образомъ вы, не смотря на вашу малочисленность, успѣли побѣжденные защитить свой лагерь отъ побѣдителей, превосходившихъ васъ числомъ; то вы отвѣтили бы: причиною именно то, что вы, подъ вліяніемъ опасеній, приняли на все мѣры предосторожности, обнесли себя укрѣпленіями и сами были готовы на всякой случай. А вѣдь оно такъ и есть. Люди обыкновенно всего менѣе остерегаются, когда имъ везетъ счастіе; а чѣмъ разъ они пренебрегли, то уже обращается противъ нихъ и представляетъ ихъ слабую сторону. Непріятелю теперь и въ голову не приходитъ мысль о томъ, что мы сами, находясь въ осадѣ и едва отразивъ его приступъ, можемъ перейдти къ наступленію и аттаковать его лагерь. Рѣшимся же на поступокъ, на который, по его мнѣнію, мы не осмѣлимся; то, что кажется теперь неудобоисполнимымъ, по этому самому становится легче

къ исполненію. Въ третью стражу ночи я поведу ряды ваши въ молчаніи; я знаю, что у непріятеля нѣтъ ни правильной смѣны, ни хорошихъ карауловъ. Лишь только у воротъ лагеря раздадутся ваши воинскіе клики и сдѣлаете вы нападеніе, то онъ будетъ въ вашей власти. Тогда то можете вы дать разгулъ мечу вашему, который вчера я было удержалъ въ вашихъ рукахъ противъ непріятелей, обезпамятѣвшихъ отъ сна, безоружныхъ и почивающихъ на постеляхъ. Знаю, что мое намѣреніе можетъ показаться дерзкимъ; но, при затруднительныхъ обстоятельствахъ, когда всякая надежда исчезаетъ, самые смѣлые замыслы вмѣстѣ и самые удачные къ исполненію. Если же только мало мальски замедлитъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, то онъ никогда болѣе не повторится и безполезно было бы ждать его. Одно войско непріятельское подлѣ насъ; не далеко отъ насъ еще два. Теперь есть надежда намъ въ случаѣ нападенія; вчера испытали вы и свои силы и силы непріятеля. Но если мы пропустимъ день, а слухъ о нашей вчерашней вылазкѣ сдѣлаетъ непріятеля осторожнѣе, то намъ угрожаетъ опасность имѣть дѣло съ тремя вождями непріятеля и съ тремя его арміями. Какъ мы выдержимъ тогда нападеніе соединенныхъ силъ непріятельскихъ, противъ которыхъ Кн. Сципіонъ не могъ устоять съ цѣлымъ войскомъ? Вожди наши погибли, раздѣливъ свои силы, и мы можемъ уничтожить непріятельскія арміи каждую порознь. Другаго плана—вести войну не можетъ быть никакого: итакъ ждать намъ больше нечего, какъ только наступленія ночи. А теперь ступайте къ своимъ мѣстамъ, и, при помощи боговъ безсмертныхъ, дайте отдыхъ силамъ тѣла для того, чтобы вы, свѣжіе и бодрые, вломились въ непріятельскій лагерь съ тѣмъ же настроеніемъ духа, съ какимъ вы защитили вчера вашъ лагерь». Съ радостью выслушали воины отъ своего вождя извѣстіе о новомъ замыслѣ; онъ имъ нравился именно своею смѣлостью. Остальной день провели они, изготовляя оружіе и отдыхая; большая часть ночи также посвящена покою. Въ четвертую стражу ночи воины выступили въ походъ.

39. За ближайшимъ къ Римлянамъ лагеремъ Карѳагенянъ, въ шести милахъ разстоянія, находилось другое войско Карѳагенское; въ промежуткѣ находилась глубокая долина, покрытая густымъ

лѣсомъ; почти въ срединѣ этого лѣса Римскій вождь, взявъ за образецъ военную хитрость Карѳагенянъ, скрылъ когорту пѣхоты и часть всадниковъ. Такимъ образомъ отрѣзавъ, сообщеніе одному непріятельскому войску съ другимъ, Римскій вождь повелъ въ глубокой тишинѣ свое войско къ ближайшему непріятелю. Передъ воротами не было карауловъ, а на валу стражи, и потому Римляне проникли въ непріятельскій лагерь также безпрепятственно, какъ будто въ свой собственный. Заиграли трубы и раздались воинскіе клики Римлянъ. Одни умерщвляютъ полусонныхъ непріятелей: другіе подожгли избушки, крытыя сухою соломою; нѣкоторые наконецъ заняли ворота для того, чтобы преградить непріятелю путь къ бѣгству. Непріятель, слыша крики, видя пожаръ и убійства, растерялся совершенно, не слушалъ ни чьихъ приказаній и даже не заботился ни о чемъ. Толпы безоружныхъ идутъ на встрѣчу вооруженнымъ непріятелямъ; одни стремятся къ воротамъ, другіе видя, что тамъ путь прегражденъ, бросаются черезъ валъ и тѣ, которымъ удалось вырваться, спѣшатъ въ другой лагерь; но тутъ они окружены воинами Римской когорты и всадниками, вышедшими изъ засады и всѣ до одного убиты. Да если и были такіе, которымъ удалось уйдти изъ побоища, то Римляне, взявъ первый непріятельскій лагерь, такъ поспѣшно прибѣжали ко второму, что никто не успѣлъ дать прежде извѣстіе объ ихъ приближеніи. Здѣсь такъ какъ непріятель находился еще дальше и на разсвѣтѣ воины разошлись за дровами, за кормомъ и для грабежа, Римляне встрѣтили еще менѣе осторожности и порядку. Гдѣ слѣдовало быть караульнымъ, тамъ лежало только одно ихъ оружіе, воины, безъ оружія, или сидѣли или лежали на землѣ, или расхаживали передъ окопами и воротами лагерными. Съ такими то беззаботными и безпорядочными воинами вступаютъ въ дѣло Римляне, еще разгоряченные недавнимъ боемъ и ободренные одержанною ими побѣдою; а потому тщетны были попытки непріятеля остановить ихъ въ воротахъ. Но внутри лагеря, гдѣ, по первому крику и тревогѣ, собрались со всего лагеря воины непріятельскіе, вспыхнулъ было ожесточенный бой и долго можетъ быть сопротивлялись бы непріятели, еслибы они не замѣтили, что щиты Римлянъ въ крови; это имъ

дало знать о пораженіи другаго ихъ войска и поселило въ нихъ страхъ. Ужасъ не замедлилъ сдѣлаться общимъ и Карѳагеняне обратились въ бѣгство. Тѣ изъ нихъ, которымъ удалось уйдти отъ смерти, стремились въ ту сторону, куда открытъ былъ путь, и такимъ образомъ оставили лагерь въ рукахъ Римлянъ, и они, въ теченіи одной ночи и послѣдовавшаго за нею дня, подъ предводительствомъ Л. Марція, взяли силою два непріятельскихъ лагеря. Клавдій, тотъ самый, который перевелъ Ацпліеву лѣтопись съ Греческаго на Латинскій, говоритъ, что непріятель потерялъ убитыми до тридцати семи тысячь человѣкъ, въ плѣнъ взято около тысячи восемьсотъ тридцати человѣкъ, добыча найдена огромная, и между прочимъ находился тамъ серебряный щитъ вѣсомъ сто тридцать восемь фунтовъ, съ изображеніемъ Аздрубала Барцинскаго. Валерій Антіасъ пишетъ, что одинъ лагерь Магона былъ взятъ, при чемъ убито семь тысячь непріятелей; что другое сраженіе—была вылазка противъ Аздрубала, въ которой непріятель потерялъ убитыми до десяти тысячь и взятыми въ плѣнъ четыре тысячи триста тридцать человѣкъ. Пизонъ пишетъ, что Магонъ, преслѣдуя въ безпорядкѣ нашихъ воиновъ, съ умысломъ отступавшихъ, наткнулся на засаду и потерялъ убитыми пять тысячь человѣкъ. Вообще всѣ историки согласны въ томъ, что Марцій былъ великій человѣкъ. Къ правдивой славѣ его молва присоединила чудо: будто въ то время, когда онъ говорилъ рѣчь воинамъ, къ большому испугу окружающихъ, голова его стала извергать пламя, при чемъ онъ самъ этого и не замѣтилъ. Памятникомъ его побѣды надъ Карѳагенянами до самаго пожара Капитолія, былъ хранившійся тамъ щитъ, называемый Марціевъ, съ изображеніемъ Аздрубала. Вслѣдъ за этими событіями въ Испаніи нѣсколько времени было совершенное спокойствіе: и та, и другая сторона послѣ такихъ успѣховъ и пораженій, не рѣшалась приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

40. Пока это происходило въ Испаніи, Марцеллъ по взятіи Сиракузъ устроилъ всѣ дѣла въ Сициліи съ такою вѣрностью и честностью, что не только увеличилъ свою славу, но и возвеличилъ имя Римлянъ. Украшенія города — статуи и картины,

которыми изобиловали Сиракузы, онъ отвезъ въ Римъ. То была военная добыча, справедливо взятая у непріятелей по закону войны; но съ этого то времени обнаружилась любовь къ Греческимъ искусствамъ и эта неумѣренная охота отбирать произведенія ихъ изо всѣхъ общественныхъ зданій какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ. Она обратилась наконецъ и на Римскихъ боговъ и въ числѣ первыхъ ея жертвъ былъ храмъ, украшенный отлично Марцелломъ. Иностранцы ходили любоваться храмами у Капенскихъ воротъ, которые освящены были Марцелломъ, и ихъ прекрасными въ этомъ родѣ украшеніями; а теперь ихъ уцѣлѣла самая малая часть. Къ Марцеллу явились депутаціи почти всѣхъ городовъ Сициліи; какъ ихъ роли были разные, такъ и участь разная. Съ тѣми, которые до взятія Сиракузъ или оставались вѣрны Римлянамъ, или снова вступили съ ними въ дружественныя отношенія, поступлено какъ съ вѣрными союзниками. Тѣ же, которые по паденіи Сиракузъ покорились Римлянамъ подъ вліяніемъ страха, какъ побѣжденные приняли законы отъ побѣдителя. Около Агригента оставались еще не маловажные для Римлянъ остатки непріятельскаго войска: уцѣлѣли еще и прежніе вожди Епицидъ и Ганнонъ, а на мѣсто Гиппократа Аннибалъ прислалъ вновь третьяго уроженца Гиппоны Либифиникіянина (соотечественники звали его Мутиномъ); то былъ человѣкъ дѣятельный, изучившій всестороннее военное искусство подъ руководствомъ самаго Аннибала. Ему на помощь Епицидъ и Ганнонъ отрядили Нумидовъ. Съ этими войсками Мутинъ прошелъ вдоль и поперекъ непріятельскія земли, во время подавалъ помощь союзникамъ Карѳагенянъ и тѣмъ поддержалъ ихъ колебавшуюся вѣрность. Въ самое непродолжительное время Мутинъ наполнилъ всю Сицилію славою своего имени и приверженцы къ Карѳагенянъ полагали всю надежду на него. Дотолѣ запертые въ стѣнахъ Агригента, вожди Карѳагенскій и Сиракузскій, сколько по совѣту Мутина, столько же въ надеждѣ на него, осмѣлились выйдти изъ заключенія, и стали лагеремъ у рѣки Гимеры. Когда Марцеллъ получилъ объ этомъ извѣстіе, то онъ тотчасъ двинулъ войска впередъ и остановился въ четырехъ миляхъ отъ непріятеля, выжидая, что онъ станетъ дѣлать. Мутинъ, не долго думая и не те-

ряя времени, перешелъ рѣку, бросился на передовые посты непріятелей и распространилъ между ними страшный ужасъ и смятеніе. На другой день почти правильнымъ боемъ втѣснилъ онъ непріятеля въ его укрѣпленія. Тутъ онъ отозванъ былъ въ лагерь извѣстіемъ о возмущеніи Нумидовъ; они въ числѣ трехсотъ удалились въ Гераклею Миноеву, и Мутинъ отправился туда склонять ихъ къ возвращенію. Передъ отъѣздомъ, какъ говорятъ, онъ сильно убѣждалъ вождей—не сражаться въ его отсутствіе съ Римлянами. Это было весьма непріятно обоимъ вождямъ, а особенно Ганнону, который давно уже завидовалъ славѣ Мутина: «смѣетъ ли Мутинъ, Африканскій выродокъ, давать наставленія ему, вождю Кареагенскому, присланному отъ сената и народа?» Онъ убѣдилъ Епицида, который долго не рѣшался перейдти рѣку и предложить Римлянамъ сраженіе; если же они дождутся Мутина и тогда будутъ имѣть успѣхъ, то, нѣтъ сомнѣнія, вся слава его будетъ принадлежать Мутину.

41, Марцеллъ, отбившій отъ Нолы Аннибала, надмѣннаго Канискою побѣдою, счелъ недостойнымъ себя—уступить непріятелю, уже потерпѣвшему отъ него пораженіе и на морѣ и на сухомъ пути; а потому онъ приказалъ воинамъ поспѣшно взяться за оружіе и выносить знамена. Когда онъ устроивалъ войско въ боевой порядокъ, то отъ непріятеля прискакали десять Нумидовъ и сказали Марцеллу, что ихъ соотечественники, какъ подъ вліяніемъ поступка трехсотъ Нумидовъ, удалившихся въ Гераклею, такъ и обиженные тѣмъ, что ихъ вожди, Кареагенскій и Сиракузскій полководцы, завидуя его славѣ, удалились передъ самымъ боемъ—не будутъ въ немъ принимать никакого участія. Коварный народъ на этотъ разъ былъ вѣренъ обѣщанію; вслѣдствіе этого, Римляне ободрились, такъ какъ по рядамъ ихъ дано знать, что непріятель лишенъ содѣйствія конницы, которая дотолѣ была грозою Римлянъ. Непріятель же былъ въ ужасѣ: не только лишенъ онъ былъ главной своей силы, но и опасался, какъ бы его же конница не обратилась противъ него. А потому бой не былъ упорнымъ; первые воинскіе клики и натискъ рѣшили дѣло. Нумиды во время сраженія стояли себѣ преспокойно на флангахъ; наконецъ, видя, что ихъ войско обратилось въ бѣгство, они

нѣсколько времени слѣдовали за нимъ. Видя, что всѣ въ безпорядкѣ стремятся въ Агригентъ, Нумиды, опасаясь, какъ бы не попасть въ осаду, разошлись по сосѣднимъ городамъ. Многія тысячи непріятелей были убиты и взяты въ плѣнъ и восемь слоновъ досталось побѣдителямъ. Это сраженіе — былъ послѣдній подвигъ Марцелла въ Сициліи; побѣдителемъ возвратился онъ въ Сиракузы. Годъ уже приближался къ концу, и потому сенатъ Римскій опредѣлилъ—претору П. Корнелію послать письмо консуламъ въ Капую: пока Аннибалъ находится далеко и у Капуи важныхъ событій не предвидится, пусть одинъ консулъ, если заблагоразсудитъ, прибудетъ въ Римъ для выбора сановниковъ. Получивъ письмо, консулы положили между собою: Клавдію произвесть выборы, а Фульвію оставаться подъ Капуею. Клавдій провозгласилъ консулами Кн. Фульвія Центумала и П. Сульпиція Гальбу, Сервіева сына, еще дотолѣ не занимавшаго ни одной курульной должности. Потомъ преторами назначены: Л. Корнелій Лентуллъ, П. Корнелій Цетегъ, К. Сульпицій и К. Кальпурній Пизонъ. По жеребью досталось Пизону—судопроизводство въ городѣ, Сульпицію—Сицилія, Цетегу—Апулія, Лентулу—Сардинія. Бывшимъ консуламъ власть ихъ продолжена на годъ.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

1. Новые консулы Кн. Фульвій Центумалъ и П. Сульпицій Гальба, вступивъ въ должность въ Мартовскіе Иды, созвали сенатъ въ Капитолій, и здѣсь предложили на благоусмотрѣніе сената общественные вопросы: о военномъ управленіи и о распредѣленіи войскъ и провинцій. Прошлогоднимъ консуламъ, К. Фульвію и Ап. Клавдію, продолжена власть и назначены тѣ войска, которыя уже у нихъ были; имъ предписано, чтобы они ни подъ какимъ видомъ не отходили отъ Капуи прежде—чѣмъ ее возьмутъ. Эта забота въ то время была главною у Римлянъ; не

только воодушевлены были они гнѣвомъ—а къ нему ни одинъ еще народъ не подалъ такаго основательнаго повода;—но и понимали, что если отпаденіе города, столь именитаго и могущественнаго, повлекло за собою измѣну многихъ народовъ, то и взятіе его, какъ можно было надѣяться, снова возстановить въ умахъ народовъ уваженіе къ прежней власти. Преторамъ прошлогоднимъ также продолжена власть: М. Юнію въ Этруріи и П. Семпронію въ Галліи; и тому и другому изъ нихъ оставлено по два легіона. Продолжена власть и Марцеллу, и поручено ему привести къ концу войну въ Сициліи съ тѣмъ войскомъ, которое у него было подъ начальствомъ. На случай, если бы представилась нужда въ подкрѣпленіи, то Марцеллу предоставлено брать его изъ легіоновъ, которыми начальствовалъ въ Сициліи П. Корнелій за претора, только не изъ числа тѣхъ воиновъ, которымъ сенатъ воспретилъ отпуски и возвращеніе въ отечество прежде начала войны. К. Сульпицію—а ему досталась Сицилія—даны два легіона, которые были подъ начальствомъ П. Корнелія; комплектовать ихъ предоставлено изъ войска Кн. Фульвія, которое въ прошломъ году потерпѣло въ Апуліи самое постыдное пораженіе. Этимъ воинамъ сенатъ опредѣлилъ тотъ же срокъ службы, что и тѣмъ, которые ушли изъ подъ Каннъ. Къ позору тѣхъ и другихъ прибавлено: они не имѣютъ права ни зимовать въ городахъ, ни строить постоянныхъ зимнихъ квартиръ ближе десяти миль отъ городовъ. Л. Корнелію въ Сардиніи даны два легіона, которыми начальствовалъ К. Муцій; консуламъ приказано произвести наборъ для укомплектованія легіоновъ въ случаѣ, если въ немъ будетъ необходимость. Т. Отацилію и М. Валерію предоставлены берега Сициліи и Греціи съ тѣми легіонами и флотомъ, которые находились у нихъ подъ командою. Берега Греціи прикрывались пятидесятью судами и однимъ легіономъ, а берега Сициліи сотнею судовъ и двумя легіонами. Въ этомъ году Римляне вели войну на морѣ и на сухомъ пути съ двадцатью тремя легіонами.

2. Когда, въ началѣ этого года, сенатъ получилъ изъ Испаніи донесеніе Л. Марція, то подвиги его заслужили общее одобреніе сенаторовъ; но большей части ихъ показалось оскорбительнымъ

то, что Л. Марцій, получивъ власть не по опредѣленію сената и не съ утвержденія народнаго собранія, написалъ въ заголовкѣ донесенія: «пропреторъ сенату.» Подобный примѣръ войскъ выбирать себѣ вождей—могъ имѣть пагубныя послѣдствія: выборы подчинены были извѣстнымъ законамъ и установленнымъ обычаемъ гаданіямъ и нельзя было допустить, чтобы они отданы были на произволъ необузданнымъ воинамъ и совершались въ лагеряхъ и отдаленныхъ областяхъ, вдали отъ блюстителей законовъ и установленныхъ ими властей. Нѣкоторые сенаторы были того мнѣнія, что надобно сенату тотчасъ же заняться обсужденіемъ этого вопроса; но большинство сочло за лучшее отложить его до отъѣзда всадниковъ, привезшихъ донесеніе Марція. Относительно требованія хлѣба и одеждъ для войскъ, сенатъ велѣлъ написать: «что озаботится и тѣмъ и другимъ;» но въ заголовкѣ отвѣта не заблагоразсудилъ написать «пропретору Л. Марцію,» не желая прежде времени уже рѣшать то, что положено было предоставить общему обсужденію. По отъѣздѣ всадниковъ, консулы доложили сенату прежде всего объ этомъ вопросѣ; всѣ сенаторы единогласно рѣшили,—снестись съ трибунами народными: пусть тѣ, какъ можно скорѣе, предложатъ народному собранію—кого граждане заблагоразсудятъ послать въ Испанію начальствовать надъ тѣмъ войскомъ, которое было подъ начальствомъ Кн. Сципіона. Дѣло это обсуждено съ трибунами, и представлено на опредѣленіе народнаго собранія. Умы гражданъ въ это время волновало другое дѣло, причинившее много шуму. К. Семпроній Блезъ позвалъ на судъ Кн. Фульвія за гибель войска, имъ потеряннаго въ Апуліи. Въ собраніяхъ гражданъ Блезъ поносилъ Фульвія; онъ говорилъ между прочимъ: «много вождей по неопытности и неосторожности заводили войска въ мѣста опасныя; но ни одинъ изъ нихъ не поступилъ хуже Фульвія: тотъ прежде развратилъ своихъ воиновъ въ школѣ всѣхъ возможныхъ пороковъ, и потомъ ихъ предалъ непріятелю; а потому справедливо можно сказать, что воины его погибли прежде, чѣмъ увидѣли непріятели и что они побѣждены не Аннибаломъ, а своимъ собственнымъ вождемъ. При подачѣ голосовъ гражданинъ не можетъ хорошенько прозрѣть, кому ввѣряетъ власть и войско. Посмотрите, какая разница меж-

ду Ти. Семпроніемъ и Кн. Фульвіемъ! Первый, получивъ войско, состоявшее изъ рабовъ, въ короткое время дисциплиною и вліяніемъ своимъ сдѣлалъ то, что каждый изъ воиновъ на полѣ битвы забылъ какого онъ происхожденія и крови, что они были защитою для союзниковъ и ужасомъ для враговъ: они сохранили для народа Римскаго Кумы, Беневентъ и другіе города, какъ бы исторгнувъ ихъ изъ челюстей Аннибала. А Кн. Фульвій войско, состоявшее изъ граждан Римскихъ, изъ Квиритовъ, рожденныхъ честно, хорошо воспитанныхъ, обучилъ порокамъ, которые свойственны рабамъ. Онъ успѣлъ въ томъ, что они сдѣлались для союзниковъ тягостью и наказаніемъ, а противъ непріятелей лѣнтяями и трусами. Они не выдержали не только натиска, но и самихъ воинскихъ кликовъ Карѳагенянъ. Да притомъ по истинѣ, что же удивительнаго, если воины не устояли, когда самый главный вождь ихъ подалъ примѣръ бѣгства. Послѣ этого удивляться еще надобно, что были и такіе изъ воиновъ, которые пали, стоя на мѣстѣ битвы, и что не всѣ были товарищами Фульвія въ робости и бѣгствѣ. К. Фламиній, Л. Павелъ, Л. Постумій, Кн. и П. Сципіоны предпочли пасть на полѣ битвы, чѣмъ оставить войска ихъ, окруженныя непріятелемъ: а Кн. Фульвій возвратился въ Римъ почти единственнымъ вѣстникомъ гибели ввѣренна-го ему войска. Вопіющая несправедливость! Войско, которое бѣжало съ поля битвы у Каннъ, отправлено въ Сицилію въ ссылку и ему запрещено возвращеніе на родину прежде окончанія войны; недавно тоже опредѣлено относительно легіоновъ Кн. Фульвія. Бѣгство же самаго Фульвія изъ сраженія, происшедшаго по его же оплошности, остается ненаказаннымъ и онъ безнаказанно проведетъ и старость въ тѣхъ же мѣстахъ разврата, гдѣ провелъ молодость! Воины же, которыхъ вся вина заключается въ томъ, что они походили на своего вождя, отправлены почти въ ссылку и служба ихъ заклеймена позоромъ. Вотъ до какой степени въ Римѣ не одинаковы права вольности для богатыхъ и бѣдныхъ, знатныхъ и простыхъ гражданъ!»

3. Подсудимый всю вину сваливалъ съ себя на воиновъ: »они смѣло требовали сраженія и потому выведены имъ на поле битвы хотя не въ тотъ же день—было уже поздно, но на другой, устроены въ боевой порядокъ при благопріятныхъ условіяхъ времени и мѣста; но не устояли или противъ славы, или противъ силы непріятелей. Когда всѣ воины разсыпались въ безпорядочномъ бѣгствѣ, то и онъ былъ увлеченъ толпою бѣглецовъ; тоже случилось съ Варрономъ въ Каннскомъ сраженіи и со многими другими полководцами. Да если бы онъ погибъ, то услужилъ ли бы онъ этимъ отечеству? Развѣ смерть его отвратила бы отъ государства несчастія, ему угрожающія? Нельзя его упрекнуть ни въ томъ, чтобы онъ не озаботился продовольствіемъ войска, ни въ томъ, чтобы онъ по неосторожности завелъ свое войско въ мѣста неудобныя или, не изслѣдовавъ мѣстности, попалъ бы въ засаду къ непріятелю. Онъ побѣжденъ открытою силою, оружіемъ въ правильномъ бою; не въ его власти ни умы его воиновъ, ни умы непріятелей. Каждый по своимъ наклонностямъ бываетъ или храбрецъ или трусъ.« Два раза обвиненъ онъ и присужденъ къ денежному штрафу. При третьемъ слѣдствіи приведены были свидѣтели, и многіе изъ нихъ не только не щадили для Фульвія всякаго рода позорныхъ обвиненій, но и показали подъ присягою, что онъ первый подалъ примѣръ трусости и бѣгства. Воины же, будучи брошены вождемъ и считая страхъ его основательнымъ, обратились въ бѣгство. Тогда раздраженіе гражданъ дошло до того, что они громко требовали—судить преступника судомъ уголовнымъ. Тутъ снова открылись пренія. Когда трибунъ, два раза толковавъ о денежномъ штрафѣ, сталъ требовать уже головы подсудимаго, то онъ аппеллировалъ къ прочимъ трибунамъ народнымъ. Тѣ отвѣчали: «что они вовсе не расположены препятствовать своему товарищу въ исполненіи обязанностей, возложенныхъ на него закономъ и что онъ имѣетъ полное право какъ на основаніи законовъ, такъ и принятыхъ обычаевъ, частнаго человѣка присуждать или къ штрафу или къ смертной казни.« Тогда Семпроній сказалъ: «что онъ обвиняетъ Кн. Фульвія въ государственной измѣнѣ» и требовалъ отъ городскаго претора К. Кальпурнія — назначить день народнаго собранія для суда. Подсудимому оставалось попытать еще одну надежду: вызвать ко дню суда брата К. Фульвія, знаменитаго и своими подвигами и тѣмъ, что подалъ надежду, уже близкую, ко взятію Капуи. Объ этомъ просилъ и самъ К. Фуль-

вій письмомъ, гдѣ весьма жалобно выражался объ опасности, угрожающей брату. Но Сенаторы опредѣлили, что пользы отечества не позволяютъ К. Фульвію отойдти отъ Капуи. Когда наступилъ день народнаго собранія для суда Кн. Фульвія, то онъ отправился въ ссылку въ Тарквиніи. Народное собраніе опредѣлило: что онъ эту ссылку заслуживаетъ.

4. Междутѣмъ война всею силою обрушилась на Капую, ее Римляне тѣснили не столько открытою силою, сколько облежаніемъ. Страданія голода становились невыносимы для простаго народа и рабовъ; а отправить гонцовъ къ Аннибалу черезъ частые непріятельскіе караулы было почти невозможно. Впрочемъ, нашелся одинъ Нумидъ, который взялся исполнить это порученіе, взялъ письма къ Аннибалу и успѣлъ ночью пройдти черезъ Римскій лагерь. Его удача обнадежила Кампанцевъ до того, что они рѣшились, пока еще есть у нихъ остатокъ силъ, попытать вылазку со всѣхъ сторонъ. Да во многихъ стычкахъ конницы Кампанцы имѣли успѣхъ; но пѣхота ихъ была побѣждаема. Впрочемъ, не такъ весело было Римлянамъ побѣждать, какъ терпѣть уронъ отъ непріятеля осажденнаго и находившагося почти въ ихъ власти. Наконецъ, придумали средство—восполнить искусствомъ недостатокъ силъ. Изо всѣхъ легіоновъ отобраны молодые люди, отличавшіеся силою и легкостью тѣла: имъ даны щиты короче, чѣмъ у всадниковъ и по семи копій, длиною въ четыре фута каждое, съ желѣзнымъ остріемъ на концѣ, какое бываетъ на дротикахъ велитовъ. Ихъ всадники пріучили, сажая по одному съ собою на коня, скакать вмѣстѣ съ ними въ такомъ положеніи, и поспѣшно соскакивать по данному знаку. Когда, вслѣдствіе ежедневнаго упражненія, воины стали исполнять это довольно смѣло, то всадники Римскіе выѣхали противъ Кампанскихъ всадниковъ, стоявшихъ въ боевомъ порядкѣ, на поле, находившееся между лагеремъ Римскимъ и стѣнами города. Приблизившись на разстояніе полета стрѣлы, велиты по данному знаку, соскакиваютъ съ коней. Такимъ образомъ вдругъ строй пѣхоты ударяетъ на непріятельскую конницу и велиты бросаютъ въ нее съ силою копья за копьями. Такъ какъ ихъ было пущено въ избыткѣ, то весьма много всадниковъ и коней

непріятельскихъ было переранено; но болѣе всего подѣйствовалъ на непріятеля страхъ такаго нападенія внезапнаго и неожиданнаго. Когда онъ отступалъ въ разстройствѣ, то на него бросились Римскіе всадники, обратили его въ бѣгство и преслѣдовали до самихъ воротъ города, причинивъ ему большой уронъ убитыми. Съ этого времени Римляне и конницею одерживали верхъ и положено, чтобы при легіонахъ находились велиты. Говорятъ, что первый придумалъ дѣйствовать вмѣстѣ и конницею и пѣхотою сотникъ К. Навій, который за это и былъ почтенъ отъ главнаго вождя.

5. Междутѣмъ, какъ дѣла въ Капуѣ были въ такомъ положеніи, Аннибалъ былъ волнуемъ двумя заботами: хотѣлось ему и овладѣть крѣпостью города Тарента, и удержать въ своей власти Капую. Впрочемъ, послѣдняя получила въ его мысляхъ перевѣсъ уже и потому: онъ видѣлъ, что вниманіе всѣхъ какъ союзниковъ, такъ и непріятелей, обращено въ ту сторону, и что участь Капуи будетъ примѣромъ того, что влечетъ за собою отпаденіе отъ Рима. А потому, оставивъ въ землѣ Бруттіевъ большую часть обозовъ и всѣхъ тяжело вооруженныхъ воиновъ, Аннибалъ, съ отборнымъ пѣшимъ и коннымъ войскомъ, самимъ способнымъ по возможности для быстрыхъ походовъ, двинулся въ Кампанію; однако, несмотря на поспѣшность движенія, за нимъ слѣдовали тридцать три слона. Аннибалъ остановился въ скрытой долинѣ за Тифатскою горою, которая господствуетъ надъ Капуею. По приходѣ своемъ, онъ прежде всего взялъ крѣпостцу Галацію, выгнавъ оттуда силою гарнизонъ; а потомъ обратился противъ осаждающихъ Капую. Онъ послалъ въ Капую сказать, чтобы Кампанцы готовы были въ то время, когда онъ аттакуетъ Римскій лагерь, со всѣхъ сторонъ сдѣлать вылазку во всѣ городскія ворота. Ужасъ распространился въ Римскомъ лагерѣ; съ одной стороны напалъ на него Аннибалъ, съ другой Кампанцы всѣми силами, пѣшими и конными, и съ ними Карѳагенскій гарнизонъ, которымъ начальствовали Бостаръ и Ганнонъ, бросились на Римскія укрѣпленія. Римскіе вожди въ предупрежденіе того, чтобы въ суматохѣ стремясь на одинъ пунктъ, воины не оставили бы какое мѣсто неприкрытымъ, раздѣлили между собою войска

такъ: Ап. Клавдій противуставленъ Кампанцамъ, а Фульвій Аннибалу. К. Неронъ, исправляющій должность претора съ всадниками шестаго легіона, сталъ на дорогѣ въ Суессулу; а легатъ К. Фульвій Флаккъ съ союзною конницею занялъ позицію къ сторонѣ рѣки Вултурна. Сраженіе началось не только обычными воинскими кликами и звукомъ оружія, но, къ обыкновенному шуму отъ множества людей, топоту коней и звуку оружія, присоединилось то, что не способные носить оружіе Кампанцы, во множествѣ занимавшіе стѣны, не только стучали въ мѣдныя вещи, какъ то обыкновенно дѣлаютъ въ тишинѣ ночи при лунныхъ затмѣніяхъ, но и испустили такой крикъ, что даже умы сражающихся на минуту отвлекли отъ боя. Аппій безъ труда отразилъ Кампанцевъ отъ укрѣпленій; но съ другой стороны гораздо сильнѣе тѣснили Фульвія—Аннибалъ и Кароагеняне. Тамъ шестой легіонъ былъ сбитъ съ позиціи, которую занималъ: преслѣдуя его, когорта Испанцевъ съ тремя слонами проникла до валу; она прорвала боевую линію Римлянъ и находилась въ положеніи, возбуждавшемъ и надежды и опасенія: могла она и ворваться въ лагерь, и быть отрѣзанною отъ своихъ. Видя опасность, какой подвергаются и легіонъ и самый лагерь, Фульвій убѣждаетъ и К. Навія и другихъ главныхъ сотниковъ: «напасть всѣми силами на непріятельскую когорту, которая уже сражается у вала. Положеніе дѣлъ въ высшей степени опасно: или надобно дать непріятелямъ дорогу и они ворвутся въ лагерь съ меньшимъ напряженіемъ силъ, чѣмъ съ какимъ они прорвали густую боевую линію Римлянъ, или необходимо истребить непріятельскую когорту у валу. И это не будетъ стоить большаго труда: непріятель въ маломъ числѣ и отрѣзанъ отъ своихъ. Повидимому Римлянамъ въ страхѣ кажется, что ихъ боевая линія прорвана, но остается имъ съ двухъ сторонъ обратиться на непріятеля, и тогда онъ будетъ самъ окруженъ и въ опасности.» Навій, услыхавъ отъ главнаго вождя такія рѣчи, взялъ у знаменосца значекъ отряда гастатовъ (второй боевой линіи), и бросился съ нимъ къ непріятелю; онъ грозилъ воинамъ, если они тотчасъ за нимъ не послѣдуютъ и не примутъ дѣятельное участіе въ бою—бросить значекъ въ середину враговъ. Навій былъ высокаго росту; красивое оружіе его

дѣлало еще интереснѣе, и когда онъ поднялъ надъ головою значокъ, то на него обратили вниманіе и его сограждане и непріятели. Когда онъ подошелъ почти къ самымъ значкамъ Испанцевъ, то на него посыпались дротики и почти вся сила непріятелей обратилась на него одного; но—остановить стремленіе этого мужа—не могло ни большое число непріятелей, ни брошенные ими во множествѣ дротики.

6. Легатъ М. Атилій принудилъ знаменосца первой роты, того же легіона, выступить съ значкомъ къ когортѣ Испанцевъ. Легаты Л. Порцій Лицинъ и Т. Попиллій, которые начальствовали въ Римскомъ лагерѣ, упорно отражали непріятеля отъ окоповъ, а слоновъ умертвили на самомъ валу въ то время, когда они пытались перейдти черезъ него. Слоны, упавъ въ ровъ, наполнили его своими тѣлами и образовали какъ бы мостъ или террассу, по которой открытъ былъ свободный доступъ непріятелю. Тутъ-то, около труповъ убитыхъ слоновъ, произошло страшное побоище. На другой сторонѣ лагеря, Кампанцы и Кароагенскій гарнизонъ были уже оттѣснены, и бой происходилъ у самыхъ воротъ Капуи, обращенныхъ къ рѣкѣ Вултурну. И не столько воины непріятельскіе останавливали напоръ Римлянъ, сколько метательныя орудія, стоявшія у воротъ города, держали своими выстрѣлами Римлянъ въ отдаленіи. Дальнѣйшее наступательное движеніе Римлянъ прекратилось вслѣдствіе раны, полученной вождемъ Ап. Клавдіемъ: онъ же, между тѣмъ какъ ободрялъ воиновъ въ первыхъ рядахъ, раненъ въ грудь у лѣваго плеча дротикомъ: не смотря на то, много убито непріятелей почти у самыхъ городскихъ воротъ; а прочіе въ безпорядкѣ втѣснены въ городъ. Аннибалъ, видя пораженіе когорты Испанцевъ и то, что непріятель защищаетъ лагерь съ силами превосходными, отказался отъ мысли взять его приступомъ; онъ велѣлъ своей пѣхотѣ обратиться назадъ, а конницею прикрылъ тылъ, чтобы остановить преслѣдованіе со стороны непріятеля. Воины легіоновъ кипѣли желаніемъ идти въ слѣдъ непріятеля; но Флаккъ велѣлъ играть отбой. По его мнѣнію, и такъ довольно было сдѣлано: Кампанцы увидѣли, какъ мало въ состояніи пособить имъ Аннибалъ, да и онъ самъ это понялъ. Въ

этотъ день, по словамъ историковъ, передавшихъ намъ подробности этого сраженія, Аннибалъ потерялъ изъ своего войска восемь тысячъ человѣкъ, а Кампанцы — три; у Карѳагенянъ взято пятнадцать знаменъ, а у Кампанцевъ восемьнадцать. У другихъ историковъ находимъ извѣстіе, что сраженіе далеко не было такъ важно, что больше было страха, чѣмъ дѣйствительной опасности, такъ какъ Нумиды и Испанцы прорвались съ слонами неожиданно въ Римскій лагерь. Здѣсь слоны, разгуливая по лагерю, съ страшнымъ шумомъ ломали палатки; лошади, пооторвавъ привязи, убѣжали вслѣдствіе этого. Смятеніе увеличивала хитрость, употребленная Аннибаломъ; онъ подослалъ въ лагерь нѣсколькихъ, находившихся въ его войскѣ, людей, хорошо знавшихъ Латинскій языкъ, и тѣ, будто бы отъ имени консула, говорили воинамъ, что лагерь уже во власти непріятеля и чтобы они, заботясь каждый самъ о себѣ, бѣжали въ ближайшія горы. Впрочемъ, хитрость эта открылась весьма скоро и стоила непріятелю весьма дорого; слоны выгнаны изъ лагеря огнемъ. Каковы бы ни были подробности этого сраженія, но оно было послѣднимъ передъ сдачею Капуи. Медикстутикомъ— такъ называется высшій сановникъ Кампанцевъ—былъ въ этомъ году Сеппій Лезій, человѣкъ самаго незначительнаго и происхожденія и состоянія. Когда онъ былъ еще ребенкомъ, то мать его отправилась разъ къ гадателю принести жертву, по случаю чудеснаго явленія въ ея домѣ. Гадатель сказалъ ей: что сынъ ея будетъ главнымъ сановникомъ Кампанцевъ; тогда мать, считая это совершенно несбыточнымъ, сказала (такъ говоритъ преданіе) гадателю: «ну, плохія же должны быть дѣла Кампанцевъ, если верховная власть достанется когда нибудь сыну моему.» То, что она сказала въ шутку, сбылась дѣйствительно. Не видя никакой надежды въ будущемъ, тѣснимые голодомъ и мечемъ непріятельскимъ, тѣ граждане, которые по рожденію своему имѣли право на почести, отказались отъ этой должности и Лезій, который громко сѣтовалъ, что аристократы предали Капую и оставили ее на произволъ судьбы—послѣдній изо всѣхъ Кампанцевъ, получилъ эту высшую у нихъ должность.

7. Аннибалъ видѣлъ, что не вызоветъ онъ непріятеля на бой

въ открытомъ полѣ, а пробиться къ Капуѣ сквозь его лагерь невозможно. Опасаясь, какъ бы новые консулы не отрѣзали и ему самому подвоза съѣстныхъ припасовъ, Аннибалъ рѣшился отказаться отъ безплоднаго намѣренія и идти отъ Капуи. Когда онъ размышлялъ о томъ, въ какую бы сторону направить путь, пришла ему мысль—обратиться на Римъ, какъ на корень всей войны. Эта мысль была постоянно его любимою и самъ онъ сознавалъ справедливость упрековъ другихъ, что упустилъ онъ прекрасный случай осуществить ее послѣ Каннскаго сраженія: «нельзя считать невозможнымъ овладѣть какою нибудь частью Рима въ случаѣ неожиданнаго нападенія, и вслѣдствіе замѣшательства, которое отъ того произойдетъ. Притомъ, когда опасность станетъ угрожать Риму, то или оба полководца Римскихъ тотчасъ оставятъ Капую, или одинъ изъ нихъ; а если они раздѣлятъ войска, то будутъ слабѣе или противупоставленныя ему или Кампанцамъ, а потому или ему или имъ представится возможность къ удачному дѣлу.» Одно только озабочивало Аннибала, какъ бы Кампанцы не сдались тотчасъ, какъ онъ отойдетъ отъ ихъ города. Дорогою соблазнилъ Аннибалъ одного Нумида, смѣлаго и рѣшительнаго на все—взять его письмо, подъ видомъ перебѣжчика войдти въ Римскій лагерь и оттуда втихомолку проникнуть въ Капую. Письмо было полно убѣжденій: «его, Аннибала, движеніе отъ Капуи будетъ для нее спасительно; оно отвлечетъ для защиты Рима и полководцевъ непріятельскихъ и ихъ войска; а потому осажденные пусть не теряютъ присутствія духа; остается имъ потерпѣть только нѣсколько дней, и осадное ихъ положеніе кончится.» Потомъ Аннибалъ приказалъ всѣ суда, схваченныя по Вултурну, собрать подъ крѣпостью, которую онъ еще прежде устроилъ для защиты этого пункта. Аннибала извѣстили, что судовъ очень много и въ одну ночь можно перевезти войско. Взявъ съѣстныхъ припасовъ на десять дней, Аннибалъ ночью привелъ войска къ рѣкѣ и до разсвѣта перевелъ ихъ на другую сторону.

8. Узнавъ о намѣреніяхъ Аннибала отъ перебѣжчиковъ, Фульвій Флаккъ написалъ объ этомъ въ Римъ Сенату Римскому. Это извѣстіе произвело на умы людей впечатлѣніе разное, глядя по

природѣ каждаго. Сенатъ тотчасъ созванъ, какъ то бываетъ при затруднительныхъ обстоятельствахъ. П. Корнелій, по прозванію Азина, былъ того мнѣнія, что надобно созвать всѣ войска и всѣхъ вождей для защиты Рима, забывъ и о Капуѣ и о всемъ прочемъ. Фабій Максимъ считалъ позорнымъ оставить Капую и черезъ мѣру тревожиться и волноваться угрозами и намѣреніями Аннибала «не дерзнувъ идти къ Риму послѣ побѣды при Каннахъ, не теперь ли, вслѣдствіе неудачи подъ Капуею, возъимѣлъ онъ надежду овладѣть Римомъ? Онъ идетъ не съ тѣмъ, чтобы осадить Римъ, но съ тѣмъ, чтобы вынудить насъ снять осаду Капуи. А Римъ и съ тѣмъ войскомъ, которое находится въ стѣнахъ его, защитятъ какъ Юпитеръ, свидѣтель мирнаго трактата, нарушеннаго Аннибаломъ, такъ и другіе боги». При столь разныхъ мнѣніяхъ остановились сенаторы на среднемъ, которое высказано П. Валеріемъ Флаккомъ. Онъ былъ того мнѣнія, что надобно дѣлать одно и не забывать другаго: написать вождямъ армій подъ Капуею: «имъ хорошо извѣстны и средства Рима къ его защитѣ и то, какъ велики силы Аннибала и сколько нужно войскъ продолжать осаду Капуи. Если возможно продолжать правильную осаду Капуи съ одною арміею и однимъ вождемъ, а другая армія съ своимъ полководцемъ можетъ быть отправлена для защиты Рима; то пусть Клавдій и Фульвій распредѣлятъ между собою: кому изъ нихъ осаждать Капую и кому спѣшить въ Римъ—предупредить его осаду». Когда въ лагерь у Капуи принесенъ былъ этотъ декретъ сената, то проконсулъ К. Фульвій долженъ былъ идти въ Римъ, такъ какъ товарищъ его былъ боленъ отъ полученной раны. Онъ изъ трехъ армій отобралъ воиновъ: пятьнадцать тысячь человѣкъ пѣхоты и тысячу всадниковъ; съ этими силами переправился онъ черезъ Вултурнъ. Узнавъ хорошенько, что Аннибалъ пойдетъ Латинскою дорогою, Фульвій послалъ по городамъ, прилежащимъ къ Аппіевой дорогѣ, а именно въ Сетію, Кору и Ланувій предупредить, чтобы жители и по городамъ имѣли готовые запасы хлѣба, и съ мѣстъ отдаленныхъ свозили ихъ къ дорогѣ; въ города же собирали воиновъ для защиты и озабочивались сами каждый своею участью.

9. Аннибалъ въ тотъ день, какъ перешелъ Вултурнъ, сталъ

лагеремъ не далеко отъ рѣки. На другой день мимо Калеса пришелъ онъ на Сидицинскія поля. Здѣсь онъ остановился на одинъ день для грабежа, а потомъ двинулся далѣе съ войскомъ по Латинской дорогѣ черезъ земли Суессанскія, Аллифанскія и Казинатскія. Подъ Казиномъ Аннибалъ простоялъ два дня, и въ разныхъ мѣстахъ производилъ опустошенія. Оттуда Аннибалъ пошелъ мимо Интерамны и Аквина на Фрегелланскія поля и достигъ рѣки Лириса; мостъ на ней Фрегелланцы разрушили, чтобы позадержать движеніе непріятелей. А Фульвія задержала переправа черезъ Вултурнъ: Аннибалъ пожегъ тутъ суда, и Римляне дѣлали паромы, но весьма медленно по недостатку матеріаловъ. Переправивъ войско на паромъ, Фульвій дальнѣйшій путь совершалъ легко: запасы, съ радушіемъ заготовленные, не только ждали его въ городахъ, но даже и по дорогѣ. Воины, кипя рвеніемъ, побуждали другъ друга ускорять шагъ, напоминая другъ другу, что дѣло идетъ о спасеніи отечества. Въ Римъ прибылъ гонецъ изъ Фрегеллъ, скакавшій день и ночь; пріѣздъ его произвелъ всеобщій ужасъ. Но не столько вслѣдствіе, принесеннаго гонцомъ, извѣстія переполошился весь городъ, сколько вслѣдствіе прилива поселянъ съ полей: къ слышанному много прибавляли и пустаго. Не только въ частныхъ домахъ раздавались вопли женщинъ; но онѣ со всѣхъ сторонъ стеклись къ храмамъ боговъ; распущенныя волосы ихъ падали на жертвенники; преклонивъ колѣна, простирали они руку къ небу и богамъ, умоляя спасти городъ Римъ отъ рукъ вражескихъ, и защитить отъ насилія невинныхъ женщинъ и дѣтей. Сенатъ былъ въ постоянномъ сборѣ на общественной площади для того, чтобы сановники во всякое время могли спрашивать его совѣтовъ. Одни граждане принимаютъ приказанія и спѣшатъ занять указанные имъ посты; другіе являются съ предложеніемъ услугъ. Вездѣ разставлены вооруженные отряды въ крѣпости, въ Капитоліѣ, на стѣнахъ, въ окрестностяхъ города, и даже на Альбанской горѣ, и въ Эзуланской крѣпости. Среди этого смятенія получается извѣстіе, что проконсулъ К. Фульвій идетъ съ войскомъ отъ Капуи. Чтобы власть его не уменьшилась съ прибытіемъ въ городъ, сенатъ опредѣлилъ — имѣть ему права власти, равныя съ консулами.

Аннибалъ сильно опустошилъ поля Фрегелланъ за то, что они разрушили мосты, и оттуда прибылъ въ Лавиканъ черезъ поля Фрузинатскіе, Ферентинатскія и Анагнинскія. Изъ Лавикана Аннибалъ черезъ Альгидъ подошелъ къ Тускулу; въ городъ его не пустили, и онъ, по ниже города, взявъ вправо, пришелъ въ Габіи. Оттуда онъ съ войскомъ спустился до Пупиніи и сталъ лагеремъ въ восьми миляхъ отъ Рима. Чѣмъ ближе подходилъ непріятель, тѣмъ, предшествовавшіе ему отряды, Нумидовъ болѣе умерщвляли бѣгущихъ жителей и захватывали въ плѣнъ людей всякихъ возрастовъ и состояній.

10. Среди этой тревоги Фульвій Флаккъ вошелъ съ войскомъ въ Римъ въ Капенскія ворота, и здѣсь шелъ серединою города черезъ Карины Эсквилійскія. Вышедъ изъ города, онъ расположился лагеремъ между Эсквилинскими и Коллинскими воротами; народные эдили доставили туда провіанту. Консулы и сенаторы пришли въ лагерь и имѣли разсужденіе о важныхъ дѣлахъ государственныхъ. Положено: консуламъ стать лагеремъ между Коллинскими и Есквилинскими воротами; К. Кальпурнію, городскому претору, начальствовать въ Капитоліѣ и въ крѣпости; сенату быть въ постоянномъ сборѣ на общественной площади, чтобы быть готовымъ принять мѣры, какихъ потребуютъ обстоятельства. Междутѣмъ Аннибалъ придвинулъ лагерь къ рѣкѣ Аніену, только въ трехъ миляхъ отъ города. Здѣсь онъ приказалъ раскинуть палатки, а самъ, въ сопровожденіи двухъ тысячь всадниковъ, проскакалъ отъ Коллинскихъ воротъ до храма Геркулесова, стараясь, сколько можно ближе, держаться къ городу и обозрѣвая стѣны его и мѣстоположеніе съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ это было удобнѣе. Флакку показалось весьма постыднымъ то, что непріятель преспокойно и не спѣша, разгуливаетъ около Рима и онъ послалъ конницу съ приказаніемъ сбить непріятельскихъ всадниковъ и вогнать ихъ въ лагерь. Когда началось сраженіе, то консулы приказали перебѣжчикамъ изъ Нумидовъ—они въ количествѣ тысячи двухсотъ находились на Авентинѣ — черезъ городъ перейдти въ Эсквилін, находя, что они всего способнѣе сражаться въ мѣстахъ, перерѣзанныхъ рвами, заборами садовъ, наполненныхъ гробницами и углубленіями. Нѣкоторые граждане,

видя изъ крѣпости и Капитолія, какъ Нумиды скакали на коняхъ по улицѣ Публиційской, сочли ихъ за непріятелей и стали кричать, что Авентинъ уже взятъ. Слухъ этотъ произвелъ по городу страшную суматоху и замѣшательство, и если бы лагерь Карѳагенскій не былъ такъ близко отъ города, то, пораженная страхомъ, чернь толпами бросилась бы въ поле. А теперь граждане спѣшили въ дома и крыши, считая бродившихъ по улицамъ своихъ за враговъ, они бросали въ нихъ каменья и стрѣлы. Трудно было положить конецъ тревогѣ и обнаружить несправедливость прошедшаго слуха, такъ какъ улицы наполнены были толпами поселянъ и ихъ скотомъ; внезапное нашествіе непріятеля заставило ихъ искать убѣжища въ городѣ. Сраженіе конницъ кончилось въ пользу Римлянъ, и непріятель долженъ былъ отступить. Такъ какъ во многихъ мѣстахъ города нужно было возстановить порядокъ, нарушаемый фальшивыми тревогами и лживыми слухами, то положено, чтобы всѣ бывшіе диктаторы, консулы и цензоры пользовались правами власти, пока врагъ будетъ въ виду стѣнъ Римскихъ. Вслѣдствіе этого, и въ остальное время дня и въ послѣдовавшую за тѣмъ ночь, происшедшія отъ опрометчивости гражданъ, тревоги, тотчасъ же подавлены.

11. На другой день Аннибалъ переправился черезъ Аніо и вывелъ всѣ свои войска въ поле въ боевомъ порядкѣ. Флаккъ и консулы также съ своей стороны не отказывались отъ бою. И когда оба войска выстроились одно противъ другаго на бой, въ которомъ Римъ долженъ былъ быть плодомъ побѣды для побѣдителя, вдругъ начался проливной дождь съ градомъ, который до того промочилъ воиновъ и того и другаго войска, что они возвратились въ лагерь, едва бывъ въ состояніи держать оружіе; но воины ни той, ни другой стороны не обнаружили ни малѣйшей робости другъ передъ другомъ. На другой день враждебныя войска выстроились одно противъ другаго на томъ же мѣстѣ; но такая же гроза развела ихъ снова. Когда же войска разошлись по лагерямъ, тотчасъ возвратились и ясность неба, и совершенная тишина. Это явленіе поразило Карѳагенянъ сверхъестественнымъ страхомъ и, если вѣрить преданію, Аннибалъ сказалъ: «овладѣть Римомъ разъ у меня соображенія не достало, а въ

другой не допустила судьба». Надежду на успѣхъ поколебали еще въ немъ два обстоятельства, одно важное, а другое само по себѣ незначительное. Первое заключалось въ томъ, что, междутѣмъ какъ онъ съ войскомъ грозилъ самому Риму, изъ него отправились воины съ распущенными знаменами въ подкрѣпленіе Испанской арміи. Второе: услыхалъ онъ отъ одного плѣннаго, что на дняхъ то самое поле, на которомъ стоялъ его, Аннибала, лагерь, продано, и цѣною нисколько не ниже настоящей стоимости. Аннибала сильно рассердила такая самоувѣренность Римлянъ, что изъ нихъ нашелся покупатель на землю, которую онъ занялъ съ оружіемъ въ рукахъ и по праву войны считалъ своею. Позвавъ тотчасъ трубача, онъ велѣлъ объявить, что продаются лавки золотыхъ и серебряныхъ вещей, находящіяся около форума Римскаго.—Подъ вліяніемъ всего этого, Аннибалъ перенесъ лагерь къ рѣкѣ Туціѣ, въ шести миляхъ отъ Рима. Оттуда двинулся онъ къ Феронійской священной рощѣ, гдѣ находился знаменитый въ то время храмъ. Капенаты, жившіе издревле въ этихъ мѣстахъ, въ избыткѣ доставляли сюда начатки плодовъ земныхъ и дары всякаго рода; они украсили храмъ богато золотомъ и серебромъ. Тогда-то храмъ ограбленъ и лишенъ всѣхъ сокровищъ. По удаленіи Аннибала найдены большія кучи мѣди, до обломковъ которой воины его не прикоснулись вслѣдствіе религіозныхъ опасеній. Относительно извѣстія, что этотъ храмъ былъ ограбленъ, ни одинъ историкъ не изъявилъ сомнѣнія. Цэлій говоритъ, что Аннибалъ зашелъ туда отъ Ерета по дорогѣ въ Римъ, а что походъ его начинался отъ Рэата, Кутилій и Амитерна; изъ Кампаніи пришелъ онъ въ Самній, а оттуда въ землю Пелигновъ; потомъ онъ перешелъ въ землю Марруциновъ мимо города Сульмона; а за тѣмъ по Альбенскому полю достигъ онъ земли Марсовъ, потомъ Амитерна и Форульскаго городка. И въ этомъ нѣтъ ничего ошибочнаго; невозможно, чтобы въ такое короткое время изгладились слѣды движенія столь значительнаго войска; достовѣрно извѣстно, что Аннибалъ шелъ этою дорогою. Въ одномъ только разница, этимъ ли путемъ шелъ онъ къ Риму, или не понему ли двигался онъ на обратномъ пути оттуда въ Кампанію.

12. Впрочемъ Римляне гораздо болѣе обнаруживали упорства въ томъ, чтобы тѣснить Капую осадою, чѣмъ Аннибалъ въ томъ, чтобы защищать ее. Изъ земли Луканцевъ онъ бросился на Бруттійскія поля такъ поспѣшно къ проливу и городу Регію, что чуть было своимъ неожиданнымъ прибытіемъ не захватилъ жителей въ расплохъ. Хотя Капуя все это время была осаждаема съ прежнимъ стараніемъ, но прибытіе Флакка она почувствовала; удивительно казалось ея жителямъ, почему Аннибалъ не пришелъ назадъ вслѣдъ за нимъ. Изъ переговоровъ жители узнали, что Аннибалъ ихъ бросилъ совершенно и что Карѳагеняне потеряли надежду удержать Капую. Къ этому присоединилось и то, что проконсулъ, вслѣдствіе сенатскаго опредѣленія, объявилъ непріятелямъ: «какой гражданинъ Кампанскій до извѣстнаго дня перейдетъ въ Римскій лагерь, тотъ будетъ въ безопасности». Ни одинъ изъ Кампанцевъ и не подумалъ о переходѣ въ Римскій лагерь не столько изъ вѣрности общему дѣлу, сколько вслѣдствіе опасеній; измѣнивъ Римлянамъ, Кампанцы чувствовали себя противъ нихъ больше виновными, чѣмъ чтобы могли расчитывать на прощеніе. Но не смотря на то, что ни одинъ гражданинъ самъ по себѣ не переходилъ къ непріятелю, съ другой стороны никто не заботился объ отечествѣ; ихъ и въ сенатъ зазвать никакъ нельзя было. Главнымъ сановникомъ былъ такой человѣкъ, который не только не прибавилъ себѣ тѣмъ уваженія, но своимъ ничтожествомъ отнялъ послѣднюю силу и значеніе у той должности, которую занималъ. Ни на площади и нигдѣ въ общественномъ мѣстѣ, не показывался ни одинъ изъ именитыхъ гражданъ; запершись въ домахъ, они ждали со дня на день собственной гибели вмѣстѣ съ паденіемъ отчизны. Все попеченіе о дѣлахъ общественныхъ лежало на Бостарѣ и Ганнонѣ, начальникахъ Карѳагенскаго гарнизона; но они гораздо болѣе были озабочены собственною опасностью, чѣтъ критическимъ положеніемъ союзниковъ. Они написали письмо къ Аннибалу въ выраженіяхъ не только весьма вольныхъ, но и грубыхъ; тутъ они жаловались: «что не только Капуя отдана въ руки непріятелей, но и они, вожди Карѳагенскіе и ихъ отрядъ, преданы врагу «на мучительную смерть. Аннибалъ удалился въ Брутій, какъ бы

«отворачиваясь и избѣгая, чтобы не въ его глазахъ была взята «Капуя. Но по истинѣ и самая опасность, угрожавшая Риму, не «могла заставить Римлянъ снять осаду Капуи. На столько Рим«ляне упорнѣе въ своей ненависти, чѣмъ Карѳагеняне въ чув«ствахъ дружбы. Пусть онъ — Аннибалъ — возвратится къ Капуѣ «и обратитъ сюда всѣ свои силы, и Кампанцы будутъ готовы «сдѣлать вылазку. Не для того Аннибалъ перешелъ Альпы, что«бы вести войну съ Регинцами и Тарентинцами. Мѣсто Карѳа«генскихъ войскъ должно быть тамъ, гдѣ находятся Римскіе ле«гіоны. У Каннъ и Тразимена дѣло хорошо шло; тамъ сходились «въ полѣ, лагерь ставили одинъ возлѣ другаго, пытали счастіе.» Письмо, написанное въ такомъ смыслѣ вручено Нумидамъ, которые вызвались за обѣщанное имъ награжденіе доставить его Аннибалу. Подъ видомъ перебѣжчиковъ, Нумиды пришли въ лагерь къ Флакку съ тѣмъ, чтобы при удобномъ случаѣ ускользнуть оттуда. Голодъ, давно уже господствовавшій въ Капуѣ, дѣлалъ переходъ Нумидовъ весьма вѣроятнымъ. Вдругъ въ Римскій лагерь пришла женщина, бывшая любовницою одного изъ этихъ Нумидовъ. Она донесла Римскому вождю, что Нумиды пришли въ лагерь Римскій съ коварнымъ умысломъ и что у нихъ есть письма къ Аннибалу, и что она готова съ очей на очи обличить въ этомъ одного Нумида, который самъ ей признался во всемъ. Когда Нумида привели къ ней, онъ было сначала отказывался упорно, что вовсе ее не знаетъ; но, наконецъ, уличенный ясными доказательствами, видя, что приготовляются орудія пытки, сознался во всемъ. Письмо Аннибала представлено и вмѣстѣ узнали, что дотолѣ было скрыто, что много Нумидовъ въ видѣ перебѣжчиковъ находится въ лагерѣ Римскомъ. Ихъ схватили въ числѣ 70 человѣкъ и, вмѣстѣ съ новыми перебѣжчиками, наказали розгами, отрубили имъ руки и въ такомъ видѣ отправили въ Капую. Кампанцы, видя такое жестокое наказаніе, упали духомъ.

13. Толпы народа собрались къ зданію Сената и заставили Лезія созвать сенатъ. Чернь грозила старѣйшинамъ, которые уже давно не принимали никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ: если они не явятся въ сенатъ, то она пойдетъ по ихъ

домамъ и силою вытащитъ ихъ оттуда. Подъ вліяніемъ этого опасенія сенаторы собрались въ значительномъ числѣ. Большая часть сенаторовъ были того мнѣнія, что надобно отправить пословъ къ военачальникамъ Римскимъ, но Вибій Виррій, виновникъ отпаденія отъ Римлянъ, будучи спрошенъ о мнѣніи, сказалъ слѣдующее: «Тѣ, которые говорятъ о послахъ, мирѣ и сдачѣ забываютъ и то, какъ бы они сами поступили съ Римлянами, имѣй они ихъ въ своей власти, и то, что имъ самимъ предстоитъ терпѣть. Какъ! Не думаете ли вы, что и теперь сдача ваша будетъ та же, какъ и тогда, когда, прося защиты отъ Самнитовъ, мы отдали себя и все наше въ распоряженіе Римлянъ? Неужели забыли вы и время и обстоятельства, въ какихъ отпали мы отъ народа Римскаго? Забыли вы и то, что гарнизонъ ихъ, который могли мы выпустить, истребили мы смертью мучительною и позорною? Забыто и то, сколько разъ и какъ враждебно нападали мы на осаждающихъ, бросались даже на ихъ лагерь? И то, что мы призвали Аннибала съ тѣмъ, чтобы подавить ихъ; да и вовсе недавно отправили его отсюда — осаждать самый Римъ? Съ другой стороны припомните и то, что и они враждебно противъ насъ сдѣлали, и вы тогда можете сообразить, чего вправѣ вы отъ нихъ надѣяться? Между тѣмъ какъ въ Италіи хозяйничали чужеземные враги и самъ Аннибалъ, и все пылало войною, Римляне, оставивъ все, даже Аннибала, посылаютъ на завоеваніе Капуи двухъ консуловъ съ ихъ войсками. Вотъ уже другой годъ, окруживъ насъ своими окопами, они мучатъ насъ голодомъ, и сами переносятъ страшные труды и великія опасности, не уступающія нашимъ; не разъ тѣлами своими устилали они свои валы и рвы, и чуть было не лишились своихъ лагерей; но что говорить объ этомъ? Издавна заведено, и вещь очень обыкновенная для осаждающихъ, терпѣть опасности и переносить труды подъ стѣнами вражескаго города; но вотъ доказательство ихъ раздраженія и неумолимой ненависти. Аннибалъ съ огромными пѣшими и конными силами аттаковалъ ихъ лагерь, и частью было овладѣлъ; но и эта опасность не заставила ихъ снять осаду. Переправившись на ту сторону Вултурна, онъ выжегъ Каленскія поля; къ несчастію, постигшему союзни-

ковъ, Римляне остались равнодушны. Аннибалъ устремился съ оружіемъ въ рукахъ на самый Римъ; но они и эту опасность, имъ угрожавшую, презрѣли. Перешелъ онъ Аніо и въ трехъ миляхъ отъ Рима поставилъ лагерь; наконецъ подошелъ къ самымъ стѣнамъ и воротамъ. Онъ показалъ Римлянамъ, что возьметъ Римъ, если они не оставятъ Капуи; и тутъ они ее не оставили. Даже дикіе звѣри, которые бросаются по чувству слѣпаго инстинкта, какъ бы они ни были раздражены, увидя опасность, угрожающую ихъ логовищамъ и дѣтямъ, забываютъ все и спѣшатъ къ ихъ защитѣ. Но Римлянъ не отвратили отъ Капуи — ни то, что родной городъ ихъ былъ въ осадѣ, ни вопли женъ и дѣтей, а они почти сюда доносились, ни опасность, грозившая домашнимъ очагамъ, ни то, что храмы ихъ боговъ и самыя могилы предковъ были опозорены непріятелемъ. Вотъ до какой степени настойчиво требуютъ они нашей казни, жаждутъ они нашей крови. И на это они имѣютъ полное право; будь счастіе на нашей сторонѣ, и мы поступили бы точно также. Но если иначе угодно было судить богамъ безсмертнымъ, то и не должно отказываться отъ смерти, для насъ неизбѣжной; а добровольною, честною и даже тихою смертью, пока я еще свободенъ, пока могу управлять собою, избавлюсь я отъ поруганій и мученій, которыя готовитъ мнѣ врагъ. Не увижу, я какъ Ап. Клавдій и К. Фульвій будутъ надмѣнно пользоваться побѣдою, не повлекутъ меня связаннаго въ Римъ, какъ украшеніе ихъ торжественнаго въѣзда для того, чтобы послѣ, привязавъ къ позорному столбу, истерзавъ спину розгами, отрубить мнѣ голову сѣкирою Римскою. Не увижу я, какъ будутъ разрушать и предавать огню родной мой городъ; не въ моихъ глазахъ побѣдители повлекутъ на удовлетвореніе гнусныхъ похотей своихъ — Кампанскихъ матерей семействъ, дѣвицъ и отроковъ благородной крови. Римляне Альбу, изъ которой вели свое происхожденіе, разрушили до основанія такъ, что нѣтъ слѣдовъ ихъ родины, ни памяти ихъ происхожденія. Пощадятъ ли они Капую, которая имъ ненавистнѣе Карѳагена. А потому тѣ изъ васъ, которые предпочитаютъ пасть жертвою судьбы неумолимой, чѣмъ испытать такія страданія, пусть придутъ ко мнѣ на пиршество, уже приготовленное. Когда мы насытимся пищею и напитками, то будетъ подана чаша, которую начну я, а потомъ она обойдетъ всѣхъ насъ кругомъ. Она то избавитъ наше тѣло отъ пытокъ, духъ отъ позора, а глаза и уши закроетъ навсегда отъ зрѣлища и слуха страшныхъ бѣдствій, которыя ожидаютъ побѣжденныхъ. Готовы будутъ люди, которые тѣла наши сожгутъ на большомъ кострѣ разложенномъ передъ домомъ. Вотъ единственный путь — умереть честно и такъ какъ прилично вольнымъ гражданамъ. Сами непріятели отдадутъ должную дань удивленія мужеству нашему и Аннибалъ узнаетъ, какихъ преданныхъ и храбрыхъ союзниковъ предалъ онъ на жертву Римлянъ».

14. Между слушателей Виррія болѣе нашлось такихъ, которые одобряли его слова, чѣмъ такихъ, которые имѣли достаточно твердости духа, чтобы привесть въ исполненіе то, что имъ правилось. Большая часть сенаторовъ знали милосердіе народа Римскаго, доказанное имъ во многихъ прежнихъ войнахъ и потому не отчаивались и на этотъ разъ получить прощеніе; а потому они опредѣлили отправить пословъ къ Римлянамъ съ изъявленіемъ покорности, что они и сдѣлали. За Вибіемъ Вирріемъ пошли въ его домъ двадцать семь человѣкъ сенаторовъ; они сѣли съ нимъ за столъ пиршества. Упившись, сколько возможно болѣе, вина для того, чтобы забыть угрожающее имъ злосчастіе, всѣ участники пира приняли ядъ. По окончаніи пиршества, они дали другъ другу руки, обнялись и поцаловались, обливаясь слезами при воспоминаніи о горькой участи какъ своей, такъ и отечества. Одни остались тутъ же, чтобы тѣла ихъ преданы были огню на одномъ и томъ же кострѣ, другіе разошлись по домамъ. Пища и вино, наполнившіе въ избыткѣ внутренности этихъ несчастныхъ, ослабили дѣйствіе яда и замедлили приближеніе смерти. Такимъ образомъ, большая часть принявшихъ ядъ боролись съ смертью въ продолженіи всей ночи и даже части слѣдующаго дня; наконецъ, всѣ испустили дыханіе прежде, чѣмъ открыты были ворота побѣдителю. На другой день, по приказанію проконсула, отворены ворота Юпитера, обращенныя къ лагерю Римскому. Туда впущенъ одинъ легіонъ пѣхоты и два эскадрона конницы подъ начальствомъ легата К. Фульвія. Онъ прежде всего прика-

залъ все оружіе, какое находилось въ Капуѣ, принести къ себѣ, разставилъ караулы у всѣхъ воротъ, чтобы никто не могъ ни выйдти, ни быть выпущенъ, схватилъ Карѳагенскій гарнизонъ, а сенаторамъ Кампанскимъ приказалъ идти въ лагерь къ Римскимъ вождямъ. Когда они пришли сюда, то ихъ всѣхъ заковали въ цѣпи и приказано было принести казначеямъ все золото и серебро, какое только у нихъ находилось. Золота оказалось семьдесять фунтовъ, а серебра три тысячи двѣсти фунтовъ. Двадцать пять сенаторовъ отправлены въ Калесъ подъ стражею, а двадцать три въ Теанъ; то были, какъ достовѣрно узнали, главные виновники отпаденія отъ Римлянъ.

15. Относительно наказанія Кампанскихъ сенаторовъ, Клавдій и Фульвій были совершенно разныхъ мнѣній. Первый расположенъ былъ — даровать прощеніе; но второй хотѣлъ поступить строго. А потому, Аппій предоставилъ рѣшеніе этого вопроса Сенату Римскому, а равно и изслѣдованіе того, не дѣйствовали ли за одно съ ними нѣкоторые союзные народы Латинскаго племени и жители нѣкоторыхъ муниципій и не пользовались ли Кампанцы отъ нихъ помощью. Фульвій говорилъ: «вовсе не слѣдуетъ тревожить умы вѣрныхъ союзниковъ излишнею подозрительностью въ проступкахъ, по крайней мѣрѣ подверженныхъ сомнѣнію. Можно ли въ этомъ случаѣ положиться на показанія людей, которые никогда не дорожили ни тѣмъ, что дѣлали, ни тѣмъ, что говорили; а потому онъ, Фульвій, не допуститъ подобнаго изслѣдованія и прекратитъ его въ самомъ началѣ». Поговоривъ такимъ образомъ, вожди разошлись и Аппій не сомнѣвался, что товарищъ его, не смотря на свое поползновеніе къ жестокости, подождетъ въ дѣлѣ столь важномъ приказаній изъ Рима. Фульвій, опасаясь, какъ бы они не воспрепятствовали исполненію его намѣренія, распуская свою свиту, приказалъ военнымъ трибунамъ и префектамъ союзниковъ — чтобы двѣ тысячи отборныхъ всадниковъ готовы были выступить въ походъ по третьему звуку ночной трубы. Съ этимъ отрядомъ Фульвій ночью отправился въ Теанъ, на разсвѣтѣ прибылъ въ городъ и отправился на главную площадь. Вступленіе всадниковъ Римскихъ въ городъ привлекло вслѣдъ ихъ многочисленную толпу. Фульвій приказалъ вызвать Сидицинскихъ сановниковъ, и велѣлъ имъ привести Кампанцевъ, находившихся тутъ подъ стражею. Когда ихъ привели, то, наказавъ предварительно розгами, отрубили головы. Оттуда Фульвій поскакалъ въ Калесъ. Тутъ уже онъ сидѣлъ на трибуналѣ, Кампанцевъ вывели и привязывали къ столбу, какъ вдругъ прискакалъ гонецъ изъ Рима и вручилъ Фульвію — письмо отъ городскаго претора К. Кальпурнія и приказаніе Сената. Отъ трибунала по всей окружавшей толпѣ пронесся ропотъ, что все дѣло о Кампанцахъ сенатъ Римскій предоставляетъ себѣ. Фульвій, догадываясь и самъ, что это такъ, взялъ привезенныя изъ Рима депеши, но, не читая, положилъ за пазуху, а герольду велѣлъ — наблюсти, чтобы ликторы поступили согласно закону. Такимъ образомъ казнены и Кампанцы, находившіеся въ Калесѣ; тогда только Фульвій прочиталъ письмо Кальпурнія и Сенатское опредѣленіе — слишкомъ поздно для того, чтобы остановить то, что случилось; а Фульвій для того и дѣйствовалъ съ крайнею поспѣшностью, чтобы ничто ему не помѣшало. Фульвій уже вставалъ съ трибунала, какъ вдругъ Кампанецъ Тавреа Юбеллій, протѣснившись сквозь толпу, громко назвалъ его по имени. Удивленный тѣмъ, чтобы это ему нужно было, Фульвій сѣлъ снова; тогда Юбеллій сказалъ ему громко: «прикажи и меня казнить и тогда ты можешь похвалиться, что лишилъ жизни человѣка, много достойнѣе тебя». Фульвій отвѣчалъ Юбеллію: «врядъ ли ты въ полномъ умѣ; если бы я и хотѣлъ исполнитъ твое желаніе, то меня останавливаетъ полученный мною сенатскій декретъ». Тогда Юбеллій воскликнулъ: «итакъ, если теперь — когда родина моя — добыча враговъ, когда и родные и друзья погибли, когда я собственною рукою лишилъ жизни жену и дѣтей моихъ, чтобы спасти ихъ отъ оскорбленій побѣдителя — я лишенъ возможности раздѣлить участь согражданъ моихъ, то пусть моя собственная доблесть избавитъ меня отъ ненавистной мнѣ жизни». Выхвативъ кинжалъ, скрытый подъ платьемъ, Юбеллій пронзилъ имъ себѣ грудь и, издыхая, палъ къ ногамъ Римскаго полководца.

16. Такъ какъ и въ вопросѣ о казни Кампанцевъ, и во многихъ другихъ дѣлахъ, Флаккъ дѣйствовалъ одинъ и по своему

только убѣжденію, то нѣкоторые историки утверждаютъ, что Ап. Клавдій умеръ около того времени, какъ сдалась Капуя. Объ Тавреѣ также разсказываютъ иначе: не самъ онъ пришелъ въ Калесъ и не самъ лишилъ себя жизни; но такъ какъ громко кричалъ, когда его привязывали къ столбу, а что—того нельзя было разобрать вслѣдствіе шума, то Фульвій возстановилъ тишину. Тогда-то, говорятъ, Таврея сказалъ вышеприведенныя слова: «что онъ, мужъ храбрый, погибаетъ отъ человѣка, далеко уступающаго ему въ доблести.» На эти слова герольдъ, по приказанію проконсула, прокричалъ: «Ликторъ, храброму мужу придай еще розогъ, и къ нему первому примѣни законъ!» Нѣкоторые писатели утверждаютъ также, что Фульвій прочиталъ сенатскій декретъ еще до совершенія казни, но такъ какъ въ немъ сказано было: «буде онъ, Фульвій, заблагоразсудитъ, то пусть все дѣло предоставитъ рѣшенію Сената,» то слова эти Фульвій истолковалъ, какъ позволеніе поступить такъ, какъ ему укажутъ пользы отечества. Изъ Калеса Фульвій возвратился въ Капую и тутъ принялъ изъявленіе покорности городовъ Ателлы и Калаціи; тутъ же казнены виновники измѣны. Такимъ образомъ, 70 человѣкъ Кампанскихъ сенаторовъ казнены смертью; почти триста именитѣйшихъ граждань брошены въ тюрьмы. Много ихъ распредѣлено подъ стражу по союзнымъ Латинскимъ городамъ и погибло тамъ разною смертью; множество граждань Кампанскихъ продано въ рабство. Когда было разсужденіе объ участи самаго города Капуи, то нѣкоторые полагали: разрушить совершенно городъ сильный, близкій, враждебный; но соображенія пользы могущей тотчасъ же послѣдовать для Рима, взяли верхъ. Плодородіе области Кампанской, въ отношеніи коего она занимаетъ безспорно первое мѣсто въ Италіи, спасло самый городъ; нужно же было—гдѣ жить земледѣльцамъ; чтобы городъ не опустѣлъ, въ немъ оставлено населеніе вольноотпущенныхъ, купцовъ и ремесленниковъ: все же поле и общественныя зданія сдѣлались достояніемъ народа Римскаго. Капуя сдѣлалась просто сборнымъ мѣстомъ жителей и въ этомъ смыслѣ осталась городомъ; но самоуправленіе у ней вовсе отнято: отмѣненъ и сенатъ, и народное собраніе и выборы сановниковъ. Считали невозможнымъ,

чтобы сборище людей, не имѣвшихъ ни общественнаго совѣта, ни своихъ властей, дѣйствовало за одно подъ вліяніемъ общихъ интерессовъ, и могло что либо замыслить. Для судопроизводства положено было присылать изъ Рима каждый годъ префекта. Такимъ образомъ, устроена участь Капуи и во всѣхъ отношеніяхъ благоразумно: съ главными виновными поступлено строго и рѣшительно; множество граждань сослано безо всякой надежды возвращенія въ родину; но невинныя зданія и стѣны пощажены отъ огня и разрушенія. Такая, по видимому, снисходительность весьма возвысила Римлянъ въ понятіи союзниковъ. Знаменитый и богатый городъ, разрушеніе котораго оплакала бы не только Кампанія, но и всѣ сосѣдственные народы, остался цѣлъ и невредимъ. У непріятеля же исторгнуто сознаніе, какъ силенъ Римъ, когда дѣло идетъ объ отмщеніи измѣнившимъ союзникамъ, и какъ напротивъ безсиленъ Аннибалъ защитить союзниковъ, искавшихъ его помощи.

17. Римскій Сенатъ, окончивъ всѣ дѣла относительно Капуи, опредѣлилъ: К. Нерону изъ двухъ легіоновъ, которыми онъ же начальствовалъ подъ Капуею, взять по собственному выбору шесть тысячь человѣкъ пѣхоты и 300 всадниковъ; да изъ союзниковъ Латинскаго племени взять такое же число пѣхоты и 800 всадниковъ. Это войско Неронъ посадилъ на суда въ Путеолахъ и перевезъ въ Испанію. Здѣсь присталъ онъ въ Тарраконѣ, высадилъ тутъ войска, а суда велѣлъ вытащить на берегъ; самихъ матросовъ вооружилъ онъ для того, чтобы увеличить свои силы. Отсюда двинулся онъ къ Иберу, гдѣ и принялъ войско отъ Т. Фонтея и Л. Марція, и потомъ двинулся на встрѣчу непріятеля. Аздрубалъ, сынъ Гамилькаровъ, стоялъ лагеремъ въ землѣ Авзетановъ у Черныхъ Камней; мѣсто это находится между городами Иллитургисомъ и Ментиссою; Неронъ занялъ выходъ изъ этаго ущелья. Аздрубалъ, стѣсненный этимъ, избѣгая еще худшаго положенія, послалъ къ Нерону вѣстника: объявить ему, что онъ, если будетъ выпущенъ, обѣщаетъ—вывести всѣ Карѳагенскія войска изъ Испаніи. Съ радостью принялъ такое извѣстіе Римскій вождь. Аздрубалъ просилъ назначить слѣдующій день для переговоровъ, гдѣ Римляне пусть предъ-

явятъ условія—о передачѣ имъ городовъ и крѣпостей, а равно и срокъ, къ которому Карѳагеняне должны вывести свои войска изъ укрѣпленныхъ мѣстъ, безпрепятственно взявъ съ собою все, собственно имъ принадлежащее. Неронъ согласился на это; между тѣмъ Аздрубалъ тотчасъ съ наступленіемъ темноты и во всю ночь высылалъ изъ ущелья, гдѣ только можно было, свои главныя силы. Впрочемъ, нарочно въ эту ночь выпущено не слишкомъ много воиновъ; такъ какъ они уходили по немногу, то и легче было соблюсти тишину и обмануть непріятеля; притомъ, по узкимъ и труднымъ горнымъ тропинкамъ, для большихъ отрядовъ движеніе было затруднительно. На слѣдующій день сошлись обѣ стороны для переговоровъ; тутъ Карѳагеняне много потратили времени, толкуя и записывая то, что къ дѣлу не относилось, и переговоры отложены до слѣдующаго дня. Въ наступившую за тѣмъ ночь Аздрубалъ еще выпустилъ много воиновъ. Потомъ еще день прошелъ въ безполезныхъ переговорахъ; такимъ образомъ употреблено нѣсколько дней на разсужденія объ условіяхъ, а между тѣмъ Карѳагеняне всѣ ночи посвящали тому, какъ бы побольше выпустить войска. Когда большая часть его была уже въ безопасности, то Карѳагеняне становились все несговорчивѣе и уже не соглашались на то, что прежде сами предлагали; вѣрность ихъ слову уменьшалась соразмѣрно съ страхомъ. Уже почти вся непріятельская пѣхота была внѣ ущелья; на разсвѣтѣ сильный туманъ покрылъ горы и прилежащія поля. Видя это, Аздрубалъ послалъ сказать Нерону — чтобы отложить переговоры до слѣдующаго дня, такъ какъ въ этотъ Карѳагеняне изъ религіозныхъ опасеній не дѣлаютъ ничего важнаго. И тутъ еще не догадался Неронъ о коварствѣ непріятеля, и согласился на отсрочку. Тогда Аздрубалъ втихомолку вывелъ конницу и слоновъ и достигъ съ ними безопаснаго мѣста. Въ четвертомъ часу лучи солнца разогнали туманъ, и глазамъ Римлянъ открылся лагерь, уже оставленный непріятелемъ. Тогда только Клавдій понялъ, что онъ коварно обманутъ непріятелемъ; онъ рѣшился преслѣдовать непріятеля и сразиться съ нимъ; но тотъ уклонялся отъ боя; были только легкія стычки между задними рядами Карѳагенянъ и передними Римлянъ.

18. Междутѣмъ въ Испаніи ни одинъ изъ народовъ не переходилъ на сторону Римлянъ, ни изъ тѣхъ, которые отпали отъ нихъ послѣ пораженія, ни изъ другихъ какой либо вновь. Въ Римѣ сенатъ и народъ, послѣ взятія Капуи, озабоченъ былъ Испаніею не менѣе, какъ и Италіею. Положено прибавить войска и послать главнаго вождя; но не знали хорошенько кого послать. Необходимо было употребить особенную осмотрительность въ выборѣ вождя туда, гдѣ въ продолженіи тридцати дней погибли два полководца. Одинъ указывалъ на того, другой на другаго и накопецъ положено—предоставить народному собранію опредѣленіе проконсула въ Испанію; консулы назначили день для выборовъ. Сначала ожидали, что тѣ изъ гражданъ, которые сознаютъ себя достойными столь важнаго поста, объявятъ свои имена. Ожиданіе это оказалось тщетнымъ и граждане какъ бы вновь почувствовали всю важность понесеннаго несчастія и сожалѣніе о погибшихъ полководцахъ. Граждане опечаленные, почти не зная какъ поступить, въ день выборовъ сошлись однако на Марсово поле. Обративъ взоры на сановниковъ, они отъ нихъ ожидали рѣшенія, а тѣ посматривали другъ на друга. Между гражданами былъ ропотъ, что всѣ до того считаютъ положеніе дѣлъ въ Испаніи отчаяннымъ, что никто не рѣшается принять надъ нею власть. Вдругъ явился П. Сципіонъ, сынъ убитаго въ Испаніи, изъявилъ желаніе боллотироваться и сталъ на возвышенное мѣсто для того, чтобы всѣ его видѣли. Взоры всѣхъ гражданъ обратились на него, и они, какъ бы невольно вырвавшимися у нихъ, одобрительными криками предсказали ему власть счастливую и благополучную. Когда приступили къ смѣшанной подачѣ голосовъ, то не только всѣ сотни, но и всѣ граждане единодушно—присудили Сципіону власть въ Испаніи. Когда все кончилось и утихъ порывъ и пылъ, подъ вліяніемъ котораго дѣйствовали граждане, то вдругъ они затихли. Ими овладѣла мысль, не поступили ли они слишкомъ опрометчиво и не были ли они увлечены скорѣе пристрастіемъ къ человѣку, чѣмъ благоразуміемъ. Особенно озабочивали ихъ юные года Сципіона; другихъ страшило самое имя и семейство печальной памяти, котораго два представителя уже

погибли въ Испаніи, и вновь избранному полководцу предстояло сражаться на могилахъ отца и дѣда.

19. Сципіонъ, замѣтивъ, что граждане, поступивъ сначала подъ вліяніемъ увлеченія, стали чѣмъ то озабочены, передъ народнымъ собраніемъ сказалъ рѣчь, въ которой обнаружилъ свой великій и возвышенный духъ. Онъ такъ разсуждалъ о своемъ юномъ возрастѣ, о власти, ему ввѣренной и войнѣ, которую предстояло весть, что онъ снова возбудилъ уже было угасшій энтузіазмъ гражданъ, и они исполнились надежды, болѣе положительной, чѣмъ внушенной обыкновеннымъ довѣріемъ къ человѣку или къ самому благопріятному положенію дѣлъ. Спиціонъ заслуживалъ удивленіе не только тѣми высокими качествами, которыми онъ дѣйствительно обладалъ; но и съ самыхъ раннихъ лѣтъ юности обладалъ онъ дивнымъ искусствомъ умѣнія показать ихъ. Имѣя дѣло съ простымъ народомъ, онъ дѣйствовалъ какъ будто подъ вліяніемъ то ночныхъ видѣній, то внушеній свыше. Можетъ быть онъ и самъ вѣрилъ этому, а можетъ быть говорилъ это для того, чтобы его приказанія исполнялись немедленно, какъ внушенныя оракуломъ. Заранѣе пріучая къ этому умы гражданъ, Сципіонъ, какъ только надѣлъ на себя тогу зрѣлаго возраста, каждый день, прежде начатія какъ частныхъ, такъ и общественныхъ занятій, ходилъ въ Капитолій въ храмъ Юпитера и тамъ долго оставался одинъ въ нѣмомъ созерцаніи. Эту привычку или безъ умыслу или съ расчетомъ, Сципіонъ сохранилъ въ продолженіи всей своей жизни, и она то для нѣкоторыхъ служила какъ бы подтвержденіемъ народной молвы о томъ, будто онъ божественнаго происхожденія. О немъ разсказывали ту же небылицу, которую человѣческое тщеславіе придумало относительно Александра Македонскаго,—будто онъ родился отъ чудовищной величины змѣя, будто въ спальнѣ его матери не разъ видѣли какой то сверхъестественный образъ, который, при появленіи людей, тотчасъ уползалъ и скрывался. Самъ Сципіонъ нестарался опровергать этихъ слуховъ, но и не отвергая ихъ, и не подтверждая, онъ умѣлъ выразиться такъ двусмысленно, что усиливалъ къ нимъ довѣріе. Много было и другихъ обстоятельствъ, частью справедливыхъ, частью считавшихся такими,

которыя поддерживали въ народѣ какое-то особенное удивленіе къ этому молодому человѣку. Вслѣдствіе этого-то граждане съ такимъ довѣріемъ ввѣрили Сципіону столь важную власть и обязанности. Къ войскамъ, которыя оставались въ Испаніи отъ прежде тамъ бывшихъ и къ тѣмъ, которыя К. Неронъ перевезъ изъ Путеолъ, прибавлено десять тысячь пѣхоты и тысячу всадниковъ. Помощникомъ Сципіону для веденія войны данъ пропреторъ М. Юній Силанъ. Сципіонъ отплылъ отъ устья Тибра съ флотомъ изъ тридцати судовъ (всѣ они были о пяти рядахъ веселъ); онъ двигался вдоль береговъ Этрурскаго моря, мимо Альповъ, по Гальскому заливу, обогнулъ Пиринейскій мысъ и высадилъ войска въ Эмпоріяхъ, городѣ Греческомъ (жители здѣшніе были родомъ изъ Фокеи). Оттуда Сципіонъ, приказавъ судамъ слѣдовать вдоль берега, двинулся сухимъ путемъ къ Тарраконѣ. Здѣсь предсѣдательствовалъ онъ на общемъ съѣздѣ депутатовъ всѣхъ союзныхъ племенъ, (которыхъ они выслали со всей провинціи, по первому слуху о его прибытіи). Тутъ Сципіонъ велѣлъ суда вытащить на берегъ, а четыре триремы Массилійскихъ, которыя провожали его изъ почтенія къ нему, отослалъ домой. Посольствамъ союзныхъ племенъ, которыхъ убѣжденія были не слишкомъ тверды вслѣдствіе частыхъ и недавнихъ потерь понесенныхъ Римлянами, онъ умѣлъ дать такіе отвѣты, внушенные сознаніемъ его высокихъ доблестей, что, не сказавъ ничего самонадѣяннаго, онъ поселилъ въ нихъ и неограниченное довѣріе и уваженіе къ его величію.

20. Потомъ Сципіонъ выѣхалъ изъ Тарраконы; онъ посѣтилъ союзные города и зимнія квартиры войскъ. Воиновъ онъ похвалилъ за то, что они, и послѣ двухъ столь важныхъ пораженій, удержали провинцію, и не дали непріятелю воспользоваться плодами побѣды, защитили отъ него всѣ области по сю сторону Ибра и остававшихся вѣрными союзниковъ. Марція Сципіонъ имѣлъ при себѣ и обходился съ нимъ такъ хорошо, что каждому показалъ, что онъ не завидуетъ ни чьей славѣ. Нерона мѣсто занялъ Силанъ, а вновь прибывшіе воины разведены по зимнимъ квартирамъ. Сципіонъ, осмотрѣвъ все и сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія, какихъ только требовало время, удалился въ Тарракону. Слава

Сципіона и у непріятелей была не менѣе велика, какъ и у граждань и союзниковъ; какое то предчувствіе будущаго страшило Карѳагенянъ и страхъ былъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ былъ неосновательнѣе и чѣмъ менѣе могли они дать себѣ въ немъ отчета. Войска ихъ разошлись по зимнимъ квартирамъ въ разныя стороны: Аздрубалъ, сынъ Гисгона, отступилъ до береговъ Океана и расположился около Гадеса. Магонъ остался въ серединѣ Испаніи, преимущественно въ Кастильскихъ горахъ. Аздрубалъ, сынъ Гамилькара, зимовалъ не подалеку отъ Ибра около Сагунта.

Въ концѣ того лѣта, въ которое взята Капуя, а Сципіонъ отправился въ Испанію, Карѳагенскій флотъ прибылъ къ Таренту, приглашенный туда изъ Сициліи для того, чтобы съ моря отрѣзать подвозы съѣстныхъ припасовъ къ крѣпости, гдѣ находился гарнизонъ Римскій. Дѣйствительно, флотъ Карѳагенскій совершенно заградилъ всякой доступъ къ крѣпости со стороны моря, но долговременное прибываніе его здѣсь произвело въ самомъ Тарентѣ недостатокъ едва ли не чувствительнѣе того, которыи господствовалъ у непріятелей. Количество хлѣба, привозимаго въ Тарентъ съ союзныхъ береговъ и пристаней, защищенныхъ Карѳагенскимъ флотомъ, не было такъ значительно, чтобы удовлетворить вмѣстѣ и потребностямъ экипажей этого флота, состоявшихъ изъ многочисленнаго сброда людей разнаго рода. Римскій гарнизонъ крѣпости могъ довольствоваться по своей малочисленности и прежними запасами; а жителямъ Тарента и ихъ флоту недостаточно было того, который имъ подвозили; а потому, отплытіе флота Карѳагенскаго отъ города причинило жителямъ Тарента едва ли не болѣе радости, чѣмъ прежде его прибытіе. Впрочемъ, немного облегчился черезъ это недостатокъ съѣстныхъ припасовъ; съ удаленіемъ Карѳагенскаго флота подвозы моремъ должны были прекратиться.

21. Въ концѣ лѣта М. Марцеллъ прибылъ изъ Сициліи къ Риму. Преторъ К. Кальпурній — созвалъ для него сенатъ въ храмѣ Беллоны. Тутъ Марцеллъ разсказалъ, что онъ совершилъ, въ умѣренныхъ выраженіяхъ жаловался не столько отъ своего лица, сколько отъ лица своего войска на то, что ему—Марцеллу—не было дозволено, покоривъ провинцію, вывести оттуда войско и въ

заключеніе просилъ дозволить ему войдти въ городъ съ почестями тріумфа. Сенатъ не изъявилъ на это своего согласія; много было преній о томъ: съ одной стороны хорошо ли будетъ отказать въ почестяхъ тріумфа тому самому вождю, отъ имени котораго заочно, вслѣдствіе совершенныхъ подъ его начальствомъ счастливыхъ событій, было объявлено благодарственное молебствіе и воздана честь богамъ безсмертнымъ. А съ другой стороны, прилично ли было дать почести тріумфа за окончаніе войны вождю, которому велѣно сдать войско другому начальнику, чего не бываетъ въ случаѣ окончательнаго покоренія провинціи, и притомъ въ отсутствіи войска, которое должно быть свидѣтелемъ какъ заслуженнаго, такъ и незаслуженнаго тріумфа. Въ такомъ затрудненіи постарались избрать путь средній между двумя крайностями, дозволивъ Марцеллу войдти въ городъ съ почестями малаго тріумфа (оваціи). Съ согласія сената, трибуны народные испросили утвержденіе народнаго собранія на то, чтобы Марцеллъ облеченъ былъ властью въ тотъ день, когда войдетъ въ Римъ съ почестями оваціи. Накапунѣ этого дня Марцеллъ торжествовалъ на Албанской горѣ; оттуда онъ вступилъ въ Римъ съ почестями оваціи; впереди его несли множество добычи взятой на войнѣ. Вслѣдъ за изображеніемъ покореннаго имъ города Сиракузъ, везли катапульты, баллисты и разныя военныя орудія; за тѣмъ несли многіе предметы, свидѣтельствовавшіе о благосостояніи Сиракузъ, вслѣдствіе долговременнаго мира, и о роскоши царей этого города; тутъ были искусно сдѣланные мѣдные и серебрянные сосуды, разнаго рода домашняя посуда, драгоцѣнныя одежды и множество прекрасныхъ произведеній скульптуры, которыми Сиракузы были богаты на ряду съ первыми Греческими городами. Трофеемъ побѣды надъ Карѳагенянами были тутъ восемь слоновъ. Вниманіе зрителей останавливалось также на, шедшихъ впереди въ золотыхъ вѣнцахъ, Сосисѣ изъ Сиракузъ и Мерикѣ Испанцѣ. Первый ночью впустилъ Римлянъ въ Сиракузы, а второй предалъ имъ Назъ и находившійся въ немъ гарнизонъ. Обоимъ дано въ награду право Римскаго гражданства и по пятисотъ десятинъ земли. Сосису изъ Сиракузскаго поля, или изъ того, что прежде было частнымъ достояніемъ царей Сира-

кузскихъ, или изъ составлявшаго собственность враговъ народа Римскаго. Созису дано еще право—выбрать себѣ домъ въ Сиракузахъ изъ числа тѣхъ, которые достались Римлянамъ по праву войны. А Мерику и Испанцамъ, которые съ нимъ вмѣстѣ перешли къ Римлянамъ, велѣно дать городъ и земли изъ числа тѣхъ, которые измѣнили Римлянамъ. М. Корнелію поручено — отвести Мерику съ Испанцами городъ съ землею, гдѣ онъ—Корнелій—признаетъ за лучшее. Опредѣлено: тамъ же дать четыреста десятинъ земли Беллигену, который склонилъ Мерика—перейдти на сторону Римлянъ. Уже Марцеллъ уѣхалъ изъ Сициліи, когда флотъ Карѳагенскій высадилъ тамъ восемь тысячь пѣхоты и три тысячи Нумидскихъ всадниковъ. Жители окрестностей Мурганціи перешли къ нему; примѣру ихъ послѣдовали Гибла, Мацелла и еще нѣсколько городковъ менѣе значительныхъ. Нумиды, подъ предводительствомъ Мутина, дѣлали набѣги по всей Сициліи и жгли поля союзниковъ народа Римскаго. Притомъ войско Римское, кипя неудовольствіемъ какъ за то, что его не допустили послѣдовать за вождемъ, такъ и за то, что ему запрещено зимовать по городамъ, весьма нерадиво исполняло обязанности службы. Возмущеніе въ его рядахъ готово было вспыхнуть; недоставало только зачинщика. Несмотря на всѣ эти затрудненія, преторъ М. Корнелій и успокоилъ умы воиновъ то строгостью, то ласковыми убѣжденіями, и снова покорилъ всѣ города, которые было отпали. Мурганцію отдалъ онъ Испанцамъ, которымъ по сенатскому декрету велѣно было отвести городъ и область для поселенія.

32. Оба консула имѣли одну провинцію — Апулію, но какъ Аннибалъ и Карѳагеняне внушали уже менѣе опасеній, то консуламъ велѣно по жеребью раздѣлить между собою Апулію и Македонію. Сульпицію досталась Македонія и онъ принялъ ее отъ Левина. Фульвій былъ призванъ въ Римъ для производства выборовъ. Когда они начались, то первая сотня, подававшая голосъ,—то была сотня молодежи Ветурійской — объявила консулами Т. Манлія Торквата и Т. Отацилія. Манлій находился въ то время самъ въ Римѣ; граждане спѣшили во множествѣ поздравлять его, видя единодушное желаніе народа имѣть его кон-

суломъ. Окруженный огромною толпою, Манлій подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ возсѣдалъ консулъ. Онъ просилъ — выслушать то, что онъ скажетъ въ немногихъ словахъ, а сотнѣ, подавшей голосъ, приказать приступить къ новому выбору. Вниманіе всѣхъ гражданъ было напряжено въ высшей степени, ожидали, что онъ будетъ говорить. Манлій сталъ отказываться отъ службы по болѣзни глазъ. «Было бы безстыдно со стороны правителя и военачальника, которому приходится дѣйствовать, основываясь на показаніяхъ чужихъ глазъ, требовать, чтобы въ его руки ввѣрили жизнь и участь другихъ. А потому, не угодно ли будетъ консулу призвать сотню Ветурійской молодежи къ новой подачѣ голосовъ. При назначеніи консуловъ не надобно забывать, какая война въ Италіи и въ какихъ обстоятельствахъ находится отечество. Еще слухъ нашъ едва успокоился отъ стука оружія и воинскихъ кликовъ непріятеля, такъ недавно потрясшихъ было стѣны самаго Рима.» Тогда изъ сотни Ветурійской раздались многочисленные голоса: «что она мнѣнія своего не перемѣнитъ и опять назначитъ тѣхъ же консуловъ.» На это Торкватъ сказалъ: «для меня, какъ для консула, тяжки будутъ привычки ваши, а для васъ несносна будетъ власть моя. Возвратитесь къ подачѣ голосовъ и помните при этомъ, что Карѳагеняне непріязненно гостятъ въ Италіи и что вождемъ у нихъ Аннибалъ.» Тогда сотня и изъ уваженія къ Манлію, и подъ вліяніемъ ропота окружавшей его толпы, исполненной къ нему удивленія, просила консула вызвать Ветурійскую сотню стариковъ: «нужно переговорить имъ съ стариками и по совѣту ихъ назначить консуловъ.» Старики Ветурійскіе были призваны, и имъ дозволено переговорить по секрету съ молодежью въ отдѣльномъ мѣстѣ. Старики сказали: надобно остановить выборъ на трехъ; двое—К. Фабій и М. Марцеллъ, уже осыпаны почестями. Буде во всякомъ случаѣ хотятъ они избрать кого нибудь вновь консуломъ противъ Карѳагенянъ, то пусть имѣютъ въ виду М. Валерія Левина, который дѣйствовалъ отлично на сухомъ пути и на морѣ противъ царя Филиппа. Такимъ образомъ, указавъ на трехъ достойнѣйшихъ, старики ушли, а молодежь приступила къ подачѣ голосовъ. Консулами назначены заочно—М. Клавдій Марцеллъ, заслужившій

громкую извѣстность усмиреніемъ Сициліи, и М. Валерій. И тотъ и другой находились въ отсутствіи; всѣ сотни послѣдовали примѣру первой. Пусть теперь издѣваются надъ тѣми, которые восхищаются древностью! Врядъ въ идеальномъ государствѣ, которое ученые легче могутъ создать своимъ воображеніемъ, чѣмъ найдти въ дѣйствительности — встрѣтите и сановниковъ, столь высоко понимающихъ свои обязанности, и столь чуждыхъ неумѣреннаго властолюбія, а также и простой народъ съ лучшею нравственностью. Въ теперешнемъ вѣкѣ, когда самая власть родителей надъ дѣтьми сдѣлалась ничтожною и впала въ презрѣніе, трудно повѣрить, чтобы молодые люди, которые призваны были къ выборамъ, по собственному побужденію захотѣли спросить совѣта стариковъ.

23. Вслѣдъ за тѣмъ были преторскіе выборы; въ эту должность назначены: П. Манлій Вульсо, Л. Манлій Ацидинъ, К. Леторій и Л. Цинцій Алиментъ. Едва только успѣли кончиться выборы, какъ получено извѣстіе, что Т. Отацилій, котораго безъ сомнѣнія, не будь прерванъ ходъ выборовъ, народъ назначилъ бы консуломъ вмѣстѣ съ Т. Манліемъ, умеръ въ Сициліи. Игры въ честь Аполлона были даны и въ прошломъ году; когда преторъ К. Кальпурній доложилъ сенату о празднованіи ихъ и въ нынѣшнемъ году, то сенатъ опредѣлилъ — дать обѣтъ о совершеніи ихъ на вѣчное время. Въ этомъ году случилось нѣсколько чудесныхъ явленій. Изображеніе побѣды, стоявшее на самомъ верху храма Согласія, было сбито молніею и упало, но внизъ не упало, зацѣпившись за меньшія изображенія побѣды, бывшія по ниже. Изъ Анагніи и Фрегеллъ получено извѣстіе, что тамъ молнія ударила въ ворота и стѣны. Пришелъ слухъ, что на Субертанской площади текли въ продолженіи цѣлаго дня потоки крови; что въ Еретѣ шелъ каменный дождь, а въ Реатѣ мула разрѣшилась родами. Въ очищеніе, по поводу этихъ чудесныхъ явленій, принесены большія жертвы, для народа объявлено молебствіе на одинъ день и велѣно приносить жертвы въ теченіи десяти дней. Въ этомъ году умерло нѣсколько служителей общественнаго богослуженія, а на мѣсто ихъ назначены новые: на мѣсто М. Эмилія Нумида, члена коллегіи десяти — М. Эмилій

Лепидъ. На мѣсто первосвященника, М. Помпонія Матона, К. Ливій. На мѣсто авгура Сп. Карвилія Максима—М. Сервилій. На мѣсто первосвященника Т. Отацилія Красса, такъ какъ онъ умеръ въ концѣ года, никого не назначено. К. Клавдій, Діальскій фламинъ, долженъ былъ отказаться отъ своего сана за то, что не такъ вынулъ жертвенныя внутренности.

24. Въ это время М. Валерій Лэвинъ, сначала посредствомъ тайныхъ переговоровъ, узналъ расположеніе умовъ старѣйшинъ Этолійскихъ; а потомъ, съ небольшою эскадрою легкихъ судовъ, прибылъ онъ на съѣздъ Этолійцевъ, заранѣе назначенный для этой цѣли. Тутъ въ рѣчи онъ упомянулъ, въ доказательство успѣховъ Римлянъ въ Сициліи и въ Италіи, о взятіи Сиракузъ и Капуи, и потомъ присовокупилъ: «Римлянамъ завѣщано отъ ихъ предковъ—хорошо обращаться съ союзниками; однихъ они принимаютъ въ число гражданъ и даютъ имъ одинаковыя съ собою права. Другихъ они поддерживаютъ въ такомъ состояніи, что тѣ предпочитаютъ быть союзниками, чѣмъ гражданами. Этолійцы уже потому будутъ въ большомъ почетѣ у Римлянъ, что они первые изъ народовъ, живущихъ по ту сторону моря искали дружбы Римлянъ. Филиппъ и Македоняне для Этолійцевъ опасные сосѣди. Ихъ силу и замыслы уже прежде сломилъ онъ, Лэвинъ, а теперь сдѣлаетъ онъ то, что не только они должны будутъ очистить города, которые они взяли было силою у Этолійцевъ, но и опасаться за самую Македонію. Что же касается до Акарнанъ, отпаденіе которыхъ отъ союза Этолійцевъ весьма прискорбно для послѣднихъ, то онъ—Лэвинъ—заставитъ Акарнанъ возобновить прежнія свои отношенія къ Этолійцамъ.» Эти слова и обѣщанія полководца Римскаго подтвердили своимъ вліяніемъ Скопасъ—онъ въ то время былъ преторомъ Этолійцевъ—и Доримахъ, ихъ старѣйшина; они пользовались довѣріемъ своихъ соотечественниковъ и имъ смѣлѣе было превозносить передъ ними силу и величіе народа Римскаго. Болѣе всего дѣйствовала на Этолійцевъ надежда—имѣть въ своихъ рукахъ Акарнанію. А потому написаны условія, на которыхъ Этолійцы вступили въ союзъ и дружбу съ Римлянами; между прочимъ тамъ сказано: «что Элейцы, Лакедемоняне, Атталъ, Плевратъ и Сцердиледъ (пер-

вый былъ царемъ Азіи, а другіе два Ѳракійцевъ и Иллировъ), буде пожелаютъ, имѣютъ право вступить въ этотъ союзъ на тѣхъ же условіяхъ. Этолійцы должны тотчасъ же начать военныя дѣйствія противъ Филиппа на сухомъ пути. Римляне должны прислать имъ на помощь не менѣе 20 судовъ о пяти рядахъ веселъ. Въ городахъ, которые находятся отъ предѣловъ Этоліи до Корциры, земля и строенія, стѣны и поля, должны принадлежать Этолійцамъ, а вся военная добыча Римлянамъ, которые должны употребить все стараніе — Акарнанію возвратить Этолійцамъ. Буде Этолійцы заключатъ миръ съ Филиппомъ, то непремѣннымъ его условіемъ должно быть: что миръ только въ томъ случаѣ будетъ имѣть силу, если Филиппъ воздержится отъ всякихъ непріязненныхъ дѣйствій противъ Римлянъ, ихъ союзниковъ и ихъ подданныхъ. А если народъ Римскій вступитъ въ союзъ съ царемъ, то онъ долженъ непремѣннымъ его условіемъ сдѣлать: чтобы Филиппъ не имѣлъ права вести войну съ Этолійцами и ихъ союзниками.» Таковы были условія съ обѣихъ сторонъ; они написаны, и два года спустя поставлены Этолійцами въ Олимпіѣ, а Римлянами въ Капитоліѣ, гдѣ они какъ бы должны были получить силу отъ святыни, съ которою вмѣстѣ находились. Причиною замедленія было то, что послы Этолійцевъ были задержаны въ Римѣ; впрочемъ, это не было препятствіемъ къ начатію военныхъ дѣйствій. Этолійцы тотчасъ начали войну противъ Филиппа; Лэвинъ взялъ у Акарнанъ Закинѳъ (это небольшой островъ близъ береговъ Этоліи, и на немъ находится одинъ городъ, носящій тоже имя, что и островъ; этимъ то городомъ, за исключеніемъ крѣпости, овладѣлъ Лэвинъ), Эніадъ и Назъ и отдалъ ихъ Этолійцамъ. Принимая въ соображеніе, что Филиппъ слишкомъ озабоченъ войною, угрожающею его предѣламъ для того, чтобы помыслить объ Италіи, Карѳагенянахъ и союзномъ съ Аннибаломъ договорѣ, Лэвинъ удалился въ Корциру.

25. Филиппъ проводилъ зиму въ Пеллѣ и тутъ получилъ извѣстіе объ отпаденіи Этолійцевъ. Зная, что, съ наступленіемъ весны, необходимо будетъ ему идти съ войскомъ въ Грецію, Филиппъ хотѣлъ удержать Иллировъ и прилежащіе къ нимъ города въ покоѣ, внушивъ имъ опасеніе за ихъ собственную безопасность; а потому онъ предпринялъ совершенно неожиданный походъ противъ Орициновъ и Аполлоніатовъ. Послѣдніе выступили было на встрѣчу, но Филиппъ навелъ на нихъ трепетъ и ужасъ и заставилъ ихъ искать убѣжища въ стѣнахъ города. Опустошивъ ближайшія мѣста Иллирика, Филиппъ съ такою же быстротою направилъ путь въ Пелагонію; по дорогѣ оттуда занялъ онъ, городъ Дардановъ, Синтію, черезъ который они всегда производили набѣги на Македонію. Сдѣлавъ все это чрезвычайно поспѣшно, Филиппъ постоянно имѣлъ въ виду войну, угрожавшую ему, Этолійцевъ въ союзѣ съ Римлянами, и потому черезъ Пелагонію, Линкъ и Боттіею онъ спустился въ Ѳессалію. Онъ надѣялся возбудить здѣшнихъ жителей за одно съ нимъ дѣйствовать противъ Этолійцевъ. Оставивъ у Ѳессалійскихъ горныхъ проходовъ для отраженія нападеній Этолійцевъ, онъ повелъ войско въ Македонію, и оттуда во Ѳракію противъ Медовъ прежде, чѣмъ могли задержать его другія важнѣйшія дѣла. Народъ этотъ обыкновенно дѣлаетъ набѣги на Македонію, какъ только узнаетъ, что царь занятъ внѣшнею войною и владѣнія его остались безъ войска. Вслѣдствіе этого, царь Филиппъ опустошилъ поля Фрагандовъ и началъ осаждать Ямфорину, городъ Медовъ и оплотъ земли ихъ. — Скопасъ, получивъ извѣстіе, что царь Филиппъ отправился во Ѳракію и занятъ тамъ войною, вооружилъ всю Этолійскую молодежь и приготовился внесть войну въ Акарнанію. Тутъ Акарнанцы, несмотря на неравенство силъ, на то, что они уже потеряли Эніадъ и Назъ, что Римляне дѣйствуютъ противъ нихъ же, стали готовиться къ войнѣ скорѣе подъ вліяніемъ раздраженія, чѣмъ благоразумія. Женъ, дѣтей и стариковъ свыше 60 лѣтъ они отправили въ сосѣдній Эпиръ, а сами всѣ, отъ пятнадцати до шестидесятилѣтняго возраста, дали другъ другу взаимныя клятвы—не возвращаться домой иначе, какъ побѣдителями; а кто побѣжденный уйдетъ съ поля битвы, того никто не долженъ былъ принимать подъ кровъ. Форму клятвы они придумали самую сильную, какая только больше могла подѣйствовать на умы согражданъ. Эпиротовъ Акарнанцы просили: тѣхъ изъ нихъ, которые падутъ въ сраженіи, похоронить на одномъ мѣстѣ и тамъ сдѣ-

лать надпись: «Тутъ лежатъ Акарнанцы, которые пали за отечество, защищая его отъ насилія и притѣсненій Этолійцевъ». Воодушевивъ такимъ образомъ другъ друга, Акарнанцы стали лагеремъ противъ непріятеля на границахъ земель своихъ. Послы ихъ, отправленные къ Филиппу, представили ему всю опасность ихъ положенія и вынудили его оставить начатую имъ войну не смотря на то, что городъ Ямфорина ему сдался, что и вообще дѣла шли весьма хорошо. Рвеніе Этолійцевъ къ войнѣ поохладѣло, когда они услыхали о клятвенномъ союзѣ Акарнанцевъ; а, узнавъ о приближеніи Царя Филиппа, они совсѣмъ удалились въ свои предѣлы. Да и Филиппъ, хотя шелъ очень поспѣшно для того, чтобы не дать Этолійцамъ подавить Акарнанцевъ, не пошелъ дальше Дія; получивъ тамъ извѣстіе, что Этолійцы вышли изъ Акарнаніи, Филиппъ и самъ возвратился въ Пеллу.

26. Съ наступленіемъ весны, Лэвинъ на судахъ отправился изъ Корциры, обогнулъ Левкадскій мысъ и прибылъ въ Навпактъ. Отсюда онъ далъ знать Скопасу и Этолійцамъ, чтобы они дожидались его въ Антицирѣ, куда онъ намѣренъ отправиться. Антицира находится въ Локридѣ на лѣвой сторонѣ при входѣ въ Коринѳскій заливъ. И сухимъ путемъ туда не далеко изъ Навпакта, а моремъ еще ближе. На третій день послѣ того городъ уже былъ предметомъ нападенія съ двухъ сторонъ; впрочемъ, со стороны моря было опаснѣе: тутъ дѣйствовали Римляне съ судовъ осадными орудіями всякаго рода. Такимъ образомъ, черезъ нѣсколько дней городъ долженъ былъ сдаться и, на основаніи союзнаго договора, отданъ Этолійцамъ, а добыча военная поступила въ пользу Римлянъ. Лэвину вручены письма о томъ, что онъ заочно назначенъ консуломъ, и что на его мѣсто назначенъ П. Сульпицій. Впрочемъ, Лэвинъ позднѣе прибылъ въ Римъ, чѣмъ его ожидали; его задержала долговременная болѣзнь.

М. Марцеллъ въ Мартовскіе иды вступилъ въ должность консула, и собралъ сенатъ болѣе во исполненіе принятаго обыкновенія. Но онъ тутъ объявилъ, что въ отсутствіе товарища не будетъ ничего предлагать ни объ общественныхъ дѣлахъ, ни о раздѣлѣ провинцій. Извѣстно ему, что Сицилійцы пришли во множествѣ и наполняютъ виллы его завистниковъ. Онъ — Марцеллъ—такъ далекъ отъ мысли воспрепятствовать имъ объявить и въ Римѣ вымышленныя его Марцелла преступленія, что онъ готовъ былъ бы тотчасъ собрать для нихъ засѣданіе сената, если бы они не притворились, что опасаются, въ отсутствіе одного консула, говорить дурно о другомъ. По прибытіи товарища, первымъ его, Марцелла, дѣломъ будетъ — требовать, чтобы сенатъ прежде всего занялся этимъ дѣломъ, и выслушалъ жалобы Сицилійцевъ. М. Корнелій произвелъ почти наборъ по Сициліи, чтобы побольше выслать противъ него обвинителей въ Римъ. Онъ же Корнелій виновникъ писемъ, наводнившихъ Римъ, о томъ, будто война въ Сициліи не кончена; все это онъ дѣлаетъ съ цѣлью помрачить славу Марцелла». Консулъ, распустивъ за тѣмъ сенатъ, получилъ общее одобреніе за высказанную имъ умѣренность. Повидимому, должно было послѣдовать общее прекращеніе всѣхъ дѣлъ до пріѣзда другаго консула. На досугѣ чернь стала роптать, какъ и всегда; жалобы ея заключались въ слѣдующемъ: «война тянется невыносимо долго; окрестности города опустошены тамъ, гдѣ двигался непріязненно Аннибалъ. Италія истощена наборами, и почти каждый годъ ознаменованъ гибелью войска. Консулы выбраны оба воинственные, черезъ мѣру дѣятельные и строгіе. Будучи далеки отъ мысли дать государству отдыхъ среди войны, они способны возжечь ее и въ мирное время.»

27. Конецъ этимъ разговорамъ положилъ пожаръ, вспыхнувшій въ ночь наканунѣ праздника Минервы одновременно въ разныхъ мѣстахъ около форума. Въ тоже время загорѣлись также семь лавокъ, въ послѣдствіи извѣстныхъ подъ именемъ *пяти* и серебряныя, нынѣ называемыя *Новыми*. Вслѣдъ за тѣмъ загорѣлись частныя строенія: въ то время около форума (портиковъ) базиликъ еще не было; вспыхнули: общественная тюрьма, рыбный рядъ и бывшія царскія палаты. Храмъ Весты съ трудомъ защищенъ отъ огня, особенно благодаря усердію тринадцати рабовъ; они выкуплены на счетъ государства, и отъ него выпущены на волю. Пожаръ продолжался во всю ночь и во весь послѣдующій за нею день. Не было никакого сомнѣнія, что въ произведеніи этого пожара виновна злоба человѣческая; такъ какъ огонь вспыхнулъ въ одно и тоже время въ разныхъ мѣстахъ. А потому Кон-

сулъ, по приказанію сената, объявилъ передъ народнымъ собраніемъ: если кто откроетъ виновниковъ пожара, тотъ, буде вольный гражданинъ, получитъ въ награду деньги, а буде рабъ, то права свободы. Это обѣщанное награжденіе побудило раба Кампанцевъ Калавіевъ (имя ему было Манъ) открыть: «что виновники пожара его владѣльцы, и кромѣ того пять молодыхъ людей изъ тѣхъ Кампанцевъ, чьихъ родныхъ К. Фульвій казнилъ смертью; что они хвалятся произвести еще поджоги и сдѣлаютъ ихъ, если не будутъ схвачены». Они тотчасъ задержаны и съ семействами. Сначала доносчика они выставили клеветникомъ и его показаніе лживымъ; говорили: «что онъ ушелъ отъ владѣльцевъ, бывъ за день передъ тѣмъ наказанъ розгами; въ ожесточеніи мести, легкомысленно онъ выставилъ совершенно случайное явленіе, какъ умышленное преступленіе». Но на очныхъ ставкахъ рабъ уличалъ виновныхъ и ихъ стали пытать на форумѣ. Тогда они всѣ сознались: какъ владѣльцы, такъ и рабы, знавшіе объ ихъ умыслѣ, казнены смерью. Доносчику дана свобода и 20 тысячь ассъ.

Когда консулъ Лэвинъ ѣхалъ мимо Капуи, то его окружили толпы Кампанцевъ и умоляли со слезами, позволить имъ идти въ Римъ къ сенату умолять его о пощадѣ и о милосердіи, чтобы они не допустили К. Флакку погубить ихъ совершенно и уничтожить самое имя Кампанцевъ. Флаккъ съ своей стороны говорилъ: «какъ частный человѣкъ не питаетъ онъ никакого недоброжелательства къ Кампанцамъ; но какъ лицо, облеченное отъ своего правительства властью, онъ дѣйствовалъ и будетъ дѣйствовать противъ нихъ враждебно, пока они будутъ оставаться непреклонны въ своихъ чувствахъ ненависти къ народу Римскому. Другаго, столь ожесточеннаго врага, какъ Кампанцы, на всей обитаемой землѣ не имѣетъ народъ Римскій. Потому то онъ, Флаккъ, долженъ запертыми въ стѣнахъ держать людей, которые, если гдѣ нибудь вырвутся на свободу, то, подобно хищныхъ звѣрямъ, рыскаютъ по полямъ, разрываютъ на части и поглощаютъ все, что попадется имъ на встрѣчу живое. Одни бѣжали къ Аннибалу, другіе отправились въ Римъ поджигать его. Консулъ на полусожженномъ форумѣ увидитъ слѣды преступнаго умысла Кампанцевъ.

Простерли они свои злодѣйскія руки на храмъ Весты, и на огонь неугасаемый, и на скрытый въ святилищѣ, судьбою указанный, залогъ Римскаго могущества. Что до него, Флакка, касается, то онъ считаетъ небезопаснымъ для Рима, дозволить войдти въ него Кампанскимъ гражданамъ». Впрочемъ, Лэвинъ позволилъ Кампанцамъ идти за собою въ Римъ послѣ того, какъ они дали клятву Флакку — возвратиться въ Капую на пятый день по полученіи отвѣта сената на ихъ просьбу. Лэвинъ вошелъ въ Римъ, окруженный толпою Кампанцевъ, и ему вышли на встрѣчу, находившіеся тамъ, Сицилійцы и Этолы. Такимъ образомъ привелъ онъ съ собою въ Римъ побѣжденныхъ, явившихся обвинителями обоихъ полководцевъ, прославившихся взятіемъ двухъ знаменитѣйшихъ городовъ. Впрочемъ, первымъ дѣломъ обоихъ консуловъ было — доложить сенату о положеніи общественныхъ дѣлъ и о распредѣленіи провинцій.

28. Здѣсь Лэвинъ изложилъ: въ какомъ положеніи находятся Македонія, Греція, Этолы, Акарнаны и Локры, и какія были дѣйствія его самого на морѣ и на сухомъ пути: «Филиппа, угрожавшаго войною Этоламъ, онъ — Лэвинъ — прогналъ назадъ въ Македонію, и такъ какъ Филиппъ удалился въ самую глубь своихъ владѣній, то можно вывести оттуда одинъ легіонъ и достаточно одного флота для отраженія покушеній Царя Македонскаго отъ Италіи». Вотъ, что Лэвинъ сказалъ о себѣ и о провинціи, которою начальствовалъ; о назначеніи вновь провинцій оба консула сдѣлали общій докладъ. Сенатъ постановилъ: «одному консулу назначается провинціею Италія и веденіе войны съ Аннибаломъ; другому флотъ, которымъ начальствовалъ Т. Отацилій и управленіе Сициліею вмѣстѣ съ преторомъ Л. Цинціемъ». Имъ назначены двѣ арміи, находившіяся въ Этруріи и въ Галліи; онѣ состояли изъ четырехъ легіоновъ. Два легіона, находившіеся въ предъидущемъ году въ Римѣ, назначены къ отправленію въ Этрурію, а два, которыми начальствовалъ консулъ Сульпицій, въ Галлію. Начальство въ Галліи и надъ войсками, тамъ находящимися, должно принадлежать тому, кого назначитъ консулъ, которому достанется въ управленіе Италія. Въ Этрурію отправленъ К. Кальпурній, бывшій преторъ, которому власть продолжена

на годъ. К. Фульвію назначена провинціею Капуя, и власть также продолжена на годъ. Предписано уменьшить войска, какъ свои, такъ и союзныя: изъ двухъ легіоновъ велѣно сформировать одинъ въ пять тысячь пѣхоты и 300 всадниковъ, а воиновъ, которые давно уже на службѣ, распустить. Относительно союзнаго войска также сдѣлано распоряженіе — оставить семь тысячь человѣкъ пѣхоты и триста всадниковъ, а воиновъ, выслужившихъ срокъ службы, также распустить. Что касается до прошлогодняго консула, Кн. Фульвія, то онъ оставленъ безо всякой перемѣны въ Апуліи, и съ тѣмъ же войскомъ, какое имѣлъ прежде; только власть ему продолжена на годъ. Товарищу его П. Сульпицію велѣно распустить все войско, кромѣ корабельной прислуги. Также велѣно консулу, какъ только прибудетъ въ Сицилію, распустить войско, которое находилось подъ начальствомъ М. Корнелія. Претору Л. Цинцію, назначенному въ Сицилію, даны туда воины, бывшіе подъ Каннами; ихъ было почти на два легіона. Такія же силы назначены, по сенатскому опредѣленію, въ Сардинію претору П. Манлію Вульсону; ему даны тѣ два легіона, которые въ предъидущемъ году находились подъ начальствомъ Л. Корнелія. Консуламъ предписано сенатомъ — при наборѣ легіоновъ въ городѣ, не брать никого изъ воиновъ, которые были въ войскахъ М. Клавдія, М. Валерія, К. Фульвія и назначено, чтобы на этотъ годъ было подъ оружіемъ Римскихъ легіоновъ не болѣе двадцати одного.

29. Когда эти распоряженія Сената были сдѣланы, то консулы бросили жребій о провинціяхъ. Сицилія и флотъ достались Марцеллу, а Италія и война противъ Аннибала Лэвину. Такой приговоръ жребія привелъ Сицилійцевъ въ столь сильное отчаяніе, какъ будто бы они присутствовали при вторичномъ взятіи Сиракузъ. А они стояли передъ глазами консуловъ, съ трепетомъ ожидая рѣшенія своей участи. Вопли ихъ и плачевные крики и тутъ обратили вниманіе всѣхъ, и на будущее время доставили много пищи для разговоровъ. Въ траурномъ платьѣ обходили они сенаторовъ и говорили имъ: «что не только всѣ они покинутъ каждый свой родной городъ, но и вовсе убѣгутъ изъ Сициліи, если только возвратится туда Марцеллъ, вновь облеченный властью. И прежде онъ былъ

неумолимъ для нихъ, безо всякой съ ихъ стороны вины: чего же не сдѣлаетъ онъ теперь, раздраженный тѣмъ, что Сиракузцы ходили на него жаловаться въ Римъ? Пусть лучше огни Этны истребятъ ихъ островъ, или волны моря поглотятъ его, чѣмъ отдать его на поруганіе врагу». Такія жалобы Сицилійцевъ принесены были ими сначала въ дома знатнѣйшихъ сенаторовъ; жалобы эти имѣли сильный отголосокъ, вслѣдствіе возбужденныхъ ими толковъ между людьми, на которыхъ дѣйствовало частью состраданіе къ Сицилійцамъ, а частью зависть къ Марцеллу. Такимъ образомъ, жалобы Сицилійцевъ нашли себѣ доступъ въ Сенатъ, который потребовалъ отъ консуловъ, чтобы они доложили о перемѣнѣ между ними провинцій. Марцеллъ на это сказалъ: «если бы сенатъ уже выслушалъ Сицилійцевъ, то, по всей вѣроятности, онъ былъ бы другаго мнѣнія. Но, дабы никто не сказалъ, что уста Сицилійцевъ сковываетъ страхъ передъ тѣмъ, въ чьей власти они скоро опять будутъ; то онъ — Марцеллъ — готовъ съ своей стороны, если только это непротивно будетъ его товарищу, помѣняться съ нимъ провинціями. Во всякомъ случаѣ, проситъ онъ сенатъ не упреждать ничего своимъ рѣшеніемъ. Если считается несправедливымъ давать на выборъ одного изъ консуловъ провинцію безъ жеребья, то еще несправедливѣе или—правильнѣе—обиднѣе будетъ, доставшуюся ему по жеребью, провинцію присуждать другому». Такимъ образомъ, сенатъ разошелся, высказавъ свою волю, но не облекши ее въ форму декрета. Консулы же сами между собою помѣнялись провинціями. Судьба влекла Марцелла къ Аннибалу: Марцеллу, первому изъ Римскихъ вождей, принадлежала честь успѣшныхъ противъ него дѣйствій послѣ безпрерывныхъ пораженій; ему же, Марцеллу, суждено было, послѣднимъ изъ Римскихъ вождей, пасть на полѣ битвы въ честь Аннибала, тогда какъ воинское счастіе стало уже безспорно склоняться на сторону Римлянъ.

30. Консулы обмѣнялись провинціями. Сицилійцы, будучи допущены въ Сенатъ, въ своихъ рѣчахъ много говорили о Гіеронѣ и его неизмѣнной, въ продолженіи длиннаго ряда лѣтъ, преданности дѣлу народа Римскаго, стараясь тѣмъ заинтерессовать Римлянъ въ пользу Сицилійцевъ: «если сначала Гіеронимъ, а въ послѣд-

ствіи тиранны, Епицидъ и Гиппократъ, были ненавистны Сицилійцамъ за многое, то главное за отпаденіе отъ Римлянъ и переходъ на сторону Аннибала. По этой причинѣ и Гіеронимъ убитъ молодыми людьми первыхъ Сицилійскихъ фамилій съ согласія почти всего города. Да и семьдесятъ знатнѣйшихъ молодыхъ людей составили заговоръ на убійство Епицида и Гиппократа. Они измѣннически оставлены были Марцелломъ, который въ условленное время не придвинулъ своего войска къ Сиразузамъ и всѣ, вслѣдствіе доноса, умерщвлены тиранномъ. Да и кто же доставилъ власть Гиппократу и Епициду, какъ не Марцеллъ, вслѣдствіе жестокаго разграбленія Леонтинцевъ? Во все время войны знатнѣйшіе жители Сиракузъ не переставали переходить къ Марцеллу, обѣщая сдать ему городъ, когда онъ того пожелаетъ. Но онъ непремѣнно хотѣлъ взять его силою; потомъ, когда увидѣлъ, что всѣ его усилія къ тому, какъ съ моря, такъ и съ сухаго пути, остаются безуспѣшными, то и тутъ предпочелъ онъ взять Сиракузы съ помощью измѣны кузнеца Созиса и и Испанца Мерика, чѣмъ черезъ посредство старѣйшинъ Сиракузскихъ, которые неоднократно ему сами его предлагали. Такъ поступилъ Марцеллъ, чтобы имѣть болѣе благовидный предлогъ предать острію меча старѣйшинъ союзнаго Римскому народа, а имущество ихъ предать разграбленію. Да если бы даже не Гіеронимъ былъ виновникомъ перехода Сицилійцевъ на сторону Аннибала, но народъ Сиракузскій и сенатъ, если бы передъ Марцелломъ затворили ворота Сиракузцы по общественному приговору, а не подъ вліяніемъ насилія тиранновъ Епицида и Гиппократа; если бы Сицилійцы вели войну противъ Римлянъ съ тѣмъ же ожесточеніемъ, съ какимъ Карѳагеняне; то и тутъ какъ еще непріязненнѣе могъ поступить Марцеллъ, кромѣ какъ развѣ разрушивъ Сиракузы до основанія? Онъ не оставилъ ничего въ Сиракузахъ кромѣ голыхъ стѣнъ и крышъ зданій, кромѣ, ограбленныхъ, съ изломанными дверьми, храмовъ, похитивъ оттуда изображенія самихъ боговъ и святыню. У многихъ отняты самыя имущества и они доведены до того, что, лишившись всего что имѣли, не въ состояніи прокормить себя и семействъ на голой землѣ. Умоляютъ они сенаторовъ—если они не могутъ возвратить имъ все, у

нихъ отнятое, то пусть предпишутъ, по крайней мѣрѣ, возвратить прежнимъ владѣльцамъ то, что они найдутъ и признаютъ изъ отобраннаго у нихъ имущества.»—Когда Сицилійцы высказали эти свои жалобы, то Лэвинъ велѣлъ имъ выйдти изъ храма для того, чтобы сенатъ могъ заняться обсужденіемъ ихъ требованій. Тогда Марцеллъ сказалъ: «нѣтъ, пусть они остаются, и я буду отвѣчать при нихъ, если такова, почтенные сенаторы, участь полководцевъ вашихъ, что они должны защищаться отъ обвиненій тѣхъ самыхъ людей, которыхъ побѣдили оружіемъ. Два города взято въ этомъ году, и жители Капуи явились обвинителями Фульвія, а жители Сиракузъ Марцелла»!

31. Пословъ Сиракузскихъ снова привели въ сенатъ; тогда консулъ сказалъ слѣдующее: «Почтенные сенаторы, не на столько забылъ я и величіе народа Римскаго и сознаніе власти, которою я облеченъ, чтобы, если бы и была рѣчь о моемъ мнимомъ преступленіи, допустить Грековъ явиться моими обвинителями. Дѣло теперь не въ изслѣдованіи того, какъ я поступилъ; но въ разсмотрѣніи того, что заслужили Сиракузцы. Если они ни въ чемъ невиновны, то, если я притѣснилъ Сиракузы — все равно, какъ бы сдѣлалъ я это при жизни Гіерона. Но, если Сиракузцы измѣнили намъ, если они противъ пословъ нашихъ обнажили мечи и оружіе, если они заперли передъ нами ворота своего города и призвали Карѳагенское войско на свою защиту; то кто можетъ быть въ негодованіи за то, что они сами сдѣлались жертвою непріязни? Я отклонился будто бы отъ Сиракузскихъ старѣйшинъ, передававшихъ мнѣ городъ, и предпочелъ Созиса и Испанца Мерика, которымъ въ этомъ случаѣ оказалъ болѣе довѣрія. Конечно, упрекая этихъ людей въ низости ихъ происхожденія, вы между своими согражданами играете не послѣднюю роль. Но кто же именно изъ васъ обѣщалъ мнѣ отворить ворота и принять въ городъ вооруженныхъ моихъ воиновъ? Ненавидѣли вы, проклинали вы тѣхъ, кто дѣйствовалъ противъ насъ, и здѣсь не щадите вы для нихъ бранныхъ словъ: а потому далека была отъ васъ самая мысль сдѣлать что либо подобное. — Но, почтенные сенаторы, самая скромность происхожденія тѣхъ людей, которымъ Сиракузанцы сейчасъ ставили ее въ вину, служитъ лучшимъ

доказательствомъ, что я не отвращался ни отъ кого, кто только предлагалъ свои услуги на пользу тому дѣлу, которому я служу. Прежде нежели приступилъ я къ осадѣ Сиракузъ, я испыталъ всѣ средства къ замиренію: и пословъ посылалъ, и самъ ходилъ на совѣщаніе; но послѣ того, какъ Сиракузцы, не постыдились оскорбить пословъ, а мнѣ самому, вышедшему къ воротамъ города на свиданіе съ старѣйшинами, они не дали никакого отвѣта; тогда я взялъ наконецъ, послѣ страшныхъ усилій, употребленныхъ и съ моря и съ сухаго пути, Сиракузы силою оружія. На послѣдствія этого Сиракузцамъ умѣстнѣе было бы приносить жалобу передъ побѣжденнымъ Аннибаломъ и Карѳагенянами, чѣмъ передъ сенатомъ народа—побѣдителя. Если мнѣ отказываться отъ того, что я обобралъ Сиракузы, то противъ меня будетъ свидѣтельствовать Римъ, украшенный ихъ добычею. Если я, будучи побѣдителемъ, у однихъ отнялъ, а другихъ награждалъ, то я знаю, что дѣйствовалъ по праву войны, и по моему понятію о заслугѣ каждаго. Утвердить мои распоряженія, почтенные сенаторы, требуетъ гораздо болѣе общественная польза, чѣмъ мой собственный интерессъ. Я исполнилъ свой долгъ, но для государства отмѣнить мои дѣйствія, значитъ на будущее время сдѣлать другихъ въ исполненіи ихъ обязанностей лѣнивѣе. Теперь, почтенные сенаторы, такъ какъ выслушали вы вмѣстѣ и мою рѣчь и Сиракузцевъ, я выйду изъ храма въ одно время съ ними для того, чтобы вы не стѣснялись моимъ присутствіемъ въ вашихъ обо мнѣ сужденіяхъ». Такимъ образомъ Сиракузцы были отпущены, а Марцеллъ отправился въ Капитолій производить наборъ.

32. Другой консулъ доложилъ Сенату о требованіяхъ Сицилійцевъ. Долго происходили пренія по поводу разныхъ мнѣній. Большая часть сенаторовъ и, во главѣ ихъ, Т. Манлій Торкватъ высказывали такое мнѣніе: и война была ведена противъ тиранновъ—враговъ какъ Сиракузцевъ, такъ и народа Римскаго; городъ не взятъ силою, но возвращенъ въ подданство и теперь, когда онъ снова во власти Римлянъ, надлежитъ упрочить для него пользованіе правами свободы и древними законами, а не утѣснять непріязненными мѣрами городъ, и безъ того страдавшій

отъ утѣсненія тиранновъ. Прекраснѣйшій и знаменитѣйшій городъ долженъ былъ служить наградою побѣдителю въ борьбѣ между тираннами и вождемъ Римскимъ, и теперь городъ, служившій издревле для Римлянъ и запаснымъ магазиномъ хлѣба, и денежною сокровищницею въ случаѣ нужды, погибъ. Щедростью его и богатыми приношеніями пользовалось государство Римское даже въ эту войну, не говоря уже о многихъ прежнихъ случаяхъ. Если бы Гіеронъ, вѣрнѣйшая опора Римскаго могущества, возсталъ изъ своей подземной обители, то съ какимъ лицомъ дерзнули бы мы ему показать какъ Сиракузы, такъ и Римъ? Родной свой городъ увидалъ бы онъ полуразрушеннымъ и ограбленнымъ, а при самомъ входѣ въ Римъ у самихъ даже воротъ его, замѣтилъ бы онъ добычу, взятую изъ его отечества.» Такія то рѣчи и, кромѣ того, многія другія въ томъ же смыслѣ высказаны были въ сенатѣ съ цѣлью возбудить состраданіе къ Сицилійцамъ и недоброжелательство къ консулу. Впрочемъ, сенатъ изъ уваженія къ Марцеллу, смягчилъ выраженія декрета, который и состоялся въ такомъ видѣ: «Всѣ дѣйствія Марцелла во время войны, и послѣ побѣды, сенатъ утверждаетъ; впрочемъ, сенатъ озаботится и препоручитъ консулу Лэвину сдѣлать въ облегченіе Сиракузцевъ все, что будетъ возможно безъ ущерба для интерессовъ Римскаго Государства, и заняться на будущее время устройствомъ Сиракузъ». Два сенатора посланы въ Капитолій къ консулу Марцеллу—пригласить его опять въ зданіе сената. Послы Сиракузцевъ также туда допущены и, въ ихъ присутствіи, прочитанъ сенатскій декретъ. Потомъ сенаторы, ласково поговоривъ съ послами, приказали имъ идти; тогда они бросились на колѣна передъ Марцелломъ и умоляли его: «простить имъ слова, вырвавшіяся у нихъ отъ сознанія ихъ горестнаго положенія, и отъ желанія помочь ему, а принять городъ Сиракузы подъ свое особенное покровительство». Марцеллъ ласково поговорилъ съ послами и отпустилъ ихъ домой.

33. Потомъ Кампанцы допущены въ Сенатъ; въ рѣчи своей они болѣе старались возбудить жалость сенаторовъ, такъ какъ дѣло ихъ было хуже, чѣмъ Сиракузцевъ. Не могли они отрицать, что наказаны за дѣло, не было тутъ тиранновъ, на кото-

рыхъ сложить вину; но Кампанцы полагали, что теперь, когда столько ихъ знатнѣйшихъ гражданъ уже погибло отчасти ядомъ, отчасти позорною казнью, они довольно наказаны за свою вину: «не много уже между ними осталось именитыхъ гражданъ, которыхъ или ихъ собственная совѣсть не побудила наложить на себя руки, или пощадилъ гнѣвъ раздраженнаго побѣдителя. Они то умоляютъ о свободѣ для себя и своихъ семействъ и о нѣкоторой части бывшей ихъ собственности. Развѣ они не граждане Римскіе, и развѣ они издавна не привязаны уже къ Риму многочисленными родственными связями»? Послы Кампанцевъ были выведены изъ храма. Нѣсколько времени сенаторы были въ раздумьѣ: не вызвать ли изъ Капуи К. Фульвія (консулъ Клавдій умеръ вслѣдъ за взятіемъ Капуи) для того, чтобы рѣшить дѣло въ присутствіи того полководца, которымъ оно ведено по тому примѣру, какъ дѣло Сицилійцевъ рѣшалось въ присутствіи Марцелла. Но такъ какъ оказалось, что въ сенатѣ находились легаты Флакка: М. Атилій и К. Фульвій, братъ Флакка; да сверхъ того К. Минуцій и Л. Ветурій Филонъ, а также и легаты Клавдія, которые присутствовали при всѣхъ событіяхъ Кампанской войны; то сенатъ рѣшилъ — заняться безъ отлагательно дѣломъ Кампанцевъ, не вызывая Фульвія. Будучи спрошенъ о мнѣніи, М. Атилій Регулъ, котораго голосъ въ этомъ дѣлѣ изо всѣхъ, находившихся подъ Капуею, имѣлъ наиболѣе силы, сказалъ: «Припоминаю я, что, когда по взятіи Капуи, я былъ на военномъ совѣтѣ, то возбужденъ былъ вопросъ: кто изъ Кампанцевъ оказалъ услуги нашему отечеству. Оказалось, что только двѣ женщины: Вестія Оппія Ателланка, жившая въ Капуѣ, и Фавкула Клувдія; обѣ онѣ добывали хлѣбъ, продавая себя каждому. Первая приносила богамъ ежедневныя мольбы и жертвы о томъ, чтобы они спасли дѣло Римлянъ и даровали имъ побѣду. Другая тайно доставляла пищу плѣннымъ нашимъ, терпѣвшимъ голодъ. Что же касается до прочихъ Кампанцевъ, то они также къ намъ расположены, какъ и Карѳагеняне. Казнены К. Фульвіемъ не самые виновные, но тѣ, которые обратили на себя вниманіе своимъ общественнымъ положеніемъ. Мнѣ кажется, что сенату, безъ согласія народнаго собранія, нельзя рѣшить участь

тѣхъ Кампанцевъ, которые попали въ число гражданъ Римскихъ. Предки наши точно также поступили въ дѣлѣ Сатриканъ, когда тѣ измѣнили; тогда народный трибунъ, М. Антистій, сначала сдѣлалъ предложеніе народному собранію—чтобы оно дало право сенату произнесть приговоръ объ участи Сатриканъ; а потому я того мнѣнія, что надобно отнестись къ трибунамъ народнымъ, и пусть одинъ изъ нихъ или нѣсколько, сдѣлаютъ предложеніе народному собранію — предоставить намъ рѣшеніе участи Кампанцевъ». А потому, вслѣдствіе предложенія Сената, народный трибунъ, Л. Атилій, обратился къ народному собранію съ слѣдующимъ вопросомъ: «всѣ Кампанцы, Ателланы, Калатины, Сабатины, которые отдались проконсулу Фульвію на полное распоряженіе народа Римскаго, вмѣстѣ съ собою отдали свои поля, городъ, вещи, какъ посвященныя, такъ и назначенныя къ употребленію людямъ, домашнюю утварь, однимъ словомъ все, что они ни отдали — со всѣмъ съ этимъ какъ прикажете поступить, спрашиваю васъ, Квириты». Народное собраніе такъ опредѣлило: «оно утверждаетъ то рѣшеніе сенаторовъ, которое сдѣлаютъ они подъ присягою большинствомъ голосовъ наличныхъ членовъ».

34. Вслѣдствіе этого опредѣленія народнаго собранія состоялся слѣдующій декретъ сената: «Оппіѣ и Клувіѣ возвратить имущества и свободу; буде онѣ хотятъ просить у сената еще какого нибудь награжденія, то могутъ пріѣхать въ Римъ». Что же касается до Кампанцевъ, то почти о каждой фамиліи состоялись отдѣльные декреты, которые всѣ здѣсь перечислять не стоитъ. Однихъ имущества назначены въ продажу съ публичнаго торга, а сами, жены ихъ и дѣти, кромѣ дочерей, вышедшихъ замужъ прежде, чѣмъ Капуя попала во власть Римлянъ — назначены въ продажу въ рабство. Нѣкоторыхъ велѣно заключить въ оковы съ тѣмъ, чтобы въ послѣдствіи рѣшить ихъ участь». Что касается до остальныхъ Кампанцевъ, то сенаторы приняли въ соображеніе даже самую оцѣнку ихъ собственности: «опредѣлено возвратить прежнимъ владѣльцамъ скотъ, кромѣ лошадей, и рабовъ, кромѣ совершеннолѣтнихъ мужескаго пола, а также отдать всю движимость и все, что не прикрѣплено къ почвѣ». Всѣ остальные Кампанцы, Ателланы, Каталины, Сабатины, кромѣ тѣхъ,

которые или сами, или родители ихъ были у непріятелей, должны быть свободными, но съ тѣмъ, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть ни гражданиномъ Римскимъ, ни союзникомъ Латинскаго имени. Назначенъ срокъ, дальше котораго ни одинъ изъ тѣхъ, которые были въ Капуѣ, пока ворота были заперты для Римлянъ, не долженъ оставаться ни въ городѣ, ни въ области Кампанской. Имъ отводится мѣсто для жительства по ту сторону Тибра, но такое, чтобы къ самому Тибру не подходило. Относительно тѣхъ, которые во время войны не находились ни въ Капуѣ, и ни въ одномъ изъ городовъ Кампанскихъ, отпавшихъ отъ Римлянъ, то они должны жить по ту сторону рѣки Лириса къ Риму; а тѣ, которые перешли на сторону Римлянъ прежде, чѣмъ Аннибалъ пришелъ въ Капую, должны быть выведены за рѣку Вултурнъ, и никто изъ нихъ не долженъ имѣть ни полей, ни строеній ближе 15 миль отъ морскаго берега. Выведенные за Тибръ, Кампанцы ни сами, ни ихъ потомки, не должны ни жить, ни пріобрѣтать полей иначе, какъ въ области Веіентской, Сутринской и Непезинской, и притомъ въ количествѣ не болѣе 50 десятинъ каждый. Опредѣлено: имущества всѣхъ тѣхъ лицъ, которые были сенаторами, или занимали какія либо должности въ Капуѣ, Ателлѣ и Калаціи, продать съ публичнаго торга; самихъ же людей, назначенныхъ къ продажѣ въ рабство, отослать въ Римъ и продать тамъ. Что же касается до изображеній и мѣдныхъ статуй, которыя были отняты у непріятелей и до разбора, что изъ этихъ вещей имѣетъ свѣтское и что священное употребленіе, то разборъ этотъ предоставить коллегіѣ жрецовъ». За тѣмъ послы Кампанцевъ были отпущены; едва ли не въ большемъ горѣ, вслѣдствіе состоявшихся Сенатскихъ декретовъ, были они теперь, чѣмъ какъ пришли. Тутъ они стали винить уже не жестокость Фульвія, но пеняли на свою горькую участь и на несправедливость боговъ.

35. Сицилійцы и Кампанцы отпущены домой и произведенъ наборъ. Потомъ, по окончаніи набора, начали толковать о необходимости пополнить число гребцовъ. Такъ какъ для этой службы не было достаточно людей, и не было въ то время въ общественной казнѣ денегъ, какъ для снаряженія гребцовъ, такъ

и для уплаты имъ жалованья, то консулы объявили, чтобы, по примѣру прежнихъ лѣтъ, частные люди, соразмѣрно оцѣнки своихъ имуществъ, выставили гребцовъ каждый своего сословія, съ жалованьемъ и пищею на тридцать лѣтъ. Вслѣдствіе этого эдикта сдѣлался такой ропотъ и обнаружилось такое неудовольствіе граждапъ, что къ явному бунту скорѣе недоставало вождя, чѣмъ предлога». Они говорили, что консулы Римскіе, послѣ Сицилійцевъ и Кампанцевъ, бросились на простой народъ Римскій съ цѣлью его обезсилить и уничтожить. Въ продолженіи столькихъ лѣтъ, граждане истощены поборами до того, что у нихъ не осталось, ничего кромѣ обнаженной и опустошенной почвы земли. Непріятель строенія предалъ огню; рабы, обработывавшіе поля, взяты отъ нихъ по распоряженію правительства; отчасти они выкуплены для военной службы за ничтожную плату, отчасти взяты въ матросы. Буде у кого и было серебро и мѣдь, то все это вышло на жалованье матросамъ и на ежегодные поборы. Но дать то, чего у нихъ самихъ нѣтъ, не можетъ заставить ихъ никакая сила и никакая власть. Пусть же продаютъ ихъ имѣнія, и потомъ неистовствуютъ противъ ихъ самихъ, такъ какъ у нихъ останется одна только жизнь. Тогда не будетъ у нихъ даже на что выкупить самихъ себя». Это твердили граждане не только промежду собою, но кричали во всеуслышаніе, собравшись огромною толпою на форумѣ передъ глазами самихъ консуловъ; тщетны были усилія этихъ послѣднихъ успокоить граждапъ частью утѣшеніями, частью строгими внушеніями. Потомъ они объявили народу, что даютъ ему три дня на размышленіе, а сами это время употребили на изслѣдованіе этого дѣла, и на пріисканіе средствъ помочь своему затруднительному положенію. На другой день консулы собрали сенатъ для обсужденія дѣла о пополненіи числа матросовъ. Здѣсь они представили, что жалобы народа совершенно основательны, и навели рѣчь на то: «частнымъ людямъ тягость эту, справедлива ли она или несправедлива, принять на себя нужно. Откуда же, если въ общественной казнѣ нѣтъ денегъ, возьмемъ матросовъ? А безъ флота, какъ мы будемъ защищать Сицилію, или Филиппа держать въ отдаленіи отъ Италіи и обезопасимъ ея берега»?

36. При такомъ затруднительномъ положенiи дѣлъ, сенаторы не знали, что придумать; какое то затмѣнiе овладѣло ихъ умами. Тогда консулъ Лэвинъ сказалъ слѣдующее: «на сколько выше почестью правительственныя лица сената, а сенатъ простаго народа, на столько должны они быть вездѣ впереди и тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ общественныхъ тягостяхъ. Если хочешь, чтобы подвластный твой безропотно принялъ возлагаемую тобою на него тягость, то прежде попробуй ее на себѣ и своихъ, въ такомъ случаѣ тебѣ будутъ безпрекословно повиноваться. И денежный налогъ не покажется тяжелъ гражданамъ, если они увидятъ, что первыя лица въ государствѣ берутъ на себя часть его, даже превышающую ихъ силы. И такъ хотимъ мы, чтобы народъ Римскiй на свой счетъ снарядилъ флотъ, и чтобы частные люди безпрекословно дали матросовъ? Прикажемъ же намъ самимъ первымъ въ этомъ участвовать. Завтрешнiй день мы всѣ, сколько насъ есть въ сенатѣ, снесемъ все золото, серебро и мѣдь, сколько всего этого есть у насъ въ дѣлѣ. Оставимъ только по кольцу себѣ, женѣ и дѣтямъ, сыну — золотой шарикъ, а у кого есть жена и дочери, то для нихъ по унцу золота. Что касается до серебра, то тѣ, которые занимали курульныя кресла, пусть сохранятъ серебряную сбрую и столько серебра, сколько нужно, чтобы имѣть для богослужебныхъ обрядовъ серебряную солонку и чашу. Прочiе сенаторы пусть оставятъ себѣ только по фунту серебра, и каждый отецъ семейства пусть оставитъ себѣ мѣди на пять тысячь ассъ. Остальное все золото, серебро и мѣдь тотчасъ отнесемъ сами, не составляя объ этомъ никакого декрета, къ казначеямъ. Пусть наше добровольное приношенiе и взаимное соревнованiе въ желанiи помочь общему дѣлу — возбудитъ усердiе сначала лицъ всадническаго сословiя, а тамъ сообщится всему народу. Вотъ одно средство, которое представляется намъ консуламъ послѣ долговременнаго обсужденiя; приступимъ же къ нему при помощи и благословенiи боговъ. Если отечество будетъ невредимо, то и мы будемъ спокойны относительно пользованiя нашимъ частнымъ достоянiемъ. Измѣняя же общественному дѣлу, вотще будемъ заботиться о своихъ личныхъ интерессахъ. Рѣчь консула заслужила такое горячее одобренiе сенаторовъ, что они

всѣ, отъ лица сената, благодарили консуловъ; затѣмъ сенатъ распущенъ. Каждый поспѣшилъ принести все, находившееся у него, золото, серебро и мѣдь въ казну общественную, и таково было общее усердiе и желанiе попасть первымъ въ списки, что казначеи не успѣвали принимать, а писаря записывать приношенiя. Такому единодушному примѣру сената послѣдовало всадническое сословiе, а за нимъ и простой народъ. Такимъ образомъ, безъ сенатскаго указа, безъ понудительныхъ мѣръ со стороны правительства, государство получило въ избыткѣ и гребцовъ и денегъ имъ на жалованье. Когда всѣ военныя приготовленiя были окончены, то консулы отправились каждый въ свою провинцiю.

37. Съ тѣхъ поръ, какъ начались войны между Римлянами и Карѳагенянами, еще ни разу не было подобныхъ переходовъ отъ военнаго счастiя къ несчастiю, какъ въ то время, и обѣ стороны колебались между страхомъ и надеждою. Что касается до провинцiй Римскихъ, то, съ одной стороны, уроны въ Испанiи, съ другой блестящiе успѣхи въ Сицилiи, подали поводъ и печалиться и радоваться. Что касается до состоянiя дѣлъ въ Италiи, то на сколько потеря Тарента огорчила и опечалила Римлянъ, на столько обрадовало ихъ то обстоятельство, что сверхъ чаянiя уцѣлѣла крѣпость и гарнизонъ въ ней. Внезапный ужасъ и страхъ, поразившiй Римлянъ вслѣдствiе того, что непрiятель осадилъ было Римъ, смѣнились радостнымъ чувствомъ, вслѣдствiе, случившагося вслѣдъ за тѣмъ, взятiя Капуи. Дѣла по ту сторону моря также представляли переходы отъ счастiя къ несчастiю. Филиппъ сдѣлался врагомъ Римлянъ во время, для нихъ тяжкое; за то нашли они новыхъ союзниковъ въ Этолахъ и въ Атталѣ, царѣ Азiйскомъ; этимъ счастiе какъ бы предвѣщало Римлянамъ господство на Востокѣ. Что касается до Карѳагенянъ, то для нихъ потеря Капуи вознаградилась взятiемъ Тарента. Хвалились они тѣмъ, что безпрепятственно достигли стѣнъ Рима, но тѣмъ досаднѣе имъ было, что это ихъ предпрiятiе осталось безъ всякой пользы. Имъ стыдно было испытать такое пренебреженiе Римлянъ, что, междутѣмъ какъ они съ одной стороны стояли подъ самыми стѣнами города, съ другой войско Римское выступало въ походъ въ Испанiю. Да и что касается Испанiи, чѣмъ

ближе для Кареагенянъ была надежда на окончательное ея покореніе, вслѣдствіе гибели двухъ Римскихъ армій и вождей, то тѣмъ сильнѣе было негодованіе Кареагенянъ вслѣдствіе того, что усилія Л. Марція съ горстью воиновъ, набранныхъ на скорую руку, сдѣлали ихъ побѣду совершенно безплодною. Такимъ образомъ судьба уравновѣшивала успѣхи и уроны обѣихъ сторонъ; и надежды, и опасенія обѣихъ сторонъ были одинаковы, какъ будто война только что начиналась.

38. Аннибала болѣе всего тревожило то, что паденіе Капуи, которую Римляне аттаковали съ большимъ упорствомъ, чѣмъ съ какимъ онъ, Аннибалъ, ее защищалъ, оттолкнуло отъ него многіе народы Италіи. Удержать ихъ въ повиновеніи было трудно, и оставалось—или раздробить свое войско на небольшіе отряды, что въ то время было бы въ высшей степени вредно, или вывести гарнизоны; а въ такомъ случаѣ союзники предоставлены были бы вполнѣ внушеніямъ собственныхъ надеждъ и страха. Умъ Аннибала, расположенный къ жестокости и алчности, указалъ ему средство, — а именно ограбить то, что защитить онъ не былъ въ состояніи, и оставить непріятелю одни слѣды опустошенія. Такой образъ дѣйствій, гнусный самъ по себѣ, имѣлъ для Кареагенянъ гибельныя послѣдствія: не только тѣ становились ихъ врагами, которые терпѣли отъ нихъ безвинно, но и всѣ тѣ, которые слышали объ этомъ; это служило гораздо больше для однихъ урокомъ, чѣмъ для другихъ бѣдствіемъ. Да и консулъ Римскій не упускалъ изъ виду дѣлать покушенія на тѣ города, овладѣть которыми представлялась надежда. Въ Салапіи именитѣйшими гражданами были Дазій и Блаттій. Дазій былъ другомъ Аннибала. Блаттій же, сколько возможно было не возбуждая подозрѣній, благопріятствовалъ Римлянамъ, и, черезъ тайныхъ гонцовъ, подалъ надежду Марцеллу сдать ему городъ измѣною; но сдѣлать это, безъ содѣйствія Дазія, было невозможно. Долго медлилъ Блаттій; наконецъ, вынужденный крайностью, скорѣе не видя другаго средства, чѣмъ надѣясь на успѣхъ, онъ рѣшается переговорить объ этомъ съ Дазіемъ; но тотъ, нерасположенный и такъ къ его плану, да и притомъ, завидуя сопернику власти, разсказалъ все Аннибалу. Тотъ позвалъ обоихъ на судъ; междутѣмъ

какъ онъ о чемъ то толковалъ у трибунала, собираясь тотчасъ заняться дѣломъ Блаттія, который вмѣстѣ съ обвинителемъ стоялъ передъ трибуналомъ, отъ котораго прочіе граждане были нарочно отодвинуты, Блаттій сталъ снова склонять Дазія къ измѣнѣ. Тотъ, пораженный такою наглостью, какъ бы очевидною, вскричалъ: «уже въ глазахъ самого Аннибала толкуютъ объ измѣнѣ»! Аннибалу и тѣмъ, которые съ нимъ находились, дѣло показалось тѣмъ не вѣроятнѣе, что оно было неслыханной дерзости: «вѣроятно слова Дазія внушены завистью и ненавистью, и онъ выдумалъ на Блаттія преступленіе тѣмъ свободнѣе, что свидѣтелей его быть не могло». Таково было рѣшеніе Аннибала, и съ нимъ они отпущены. Впрочемъ, Блаттій не оставилъ своего дерзскаго предпріятія и, твердя все одно и тоже Дазію, представлялъ ему всѣ выгоды, которыя послѣдуютъ отъ этого для нихъ и отечества, и склонилъ таки его предать Салапію и, находившійся въ ней, Кареагенскій гарнизонъ (въ числѣ 500 Нумидовъ)—Марцеллу. Впрочемъ, не обошлось тутъ безъ кровопролитнаго побоища; въ Салапіи находились храбрѣйшіе всадники изо всего Кареагенскаго войска; а потому, хотя событіе было совершенно неожиданное, и на коняхъ въ городѣ дѣйствовать было невозможно; однако Нумиды, схвативъ въ торопяхъ оружіе, попробовали сдѣлать вылазку; но они не могли пробиться сквозь ряды непріятелей, и пали всѣ до послѣдняго. Не болѣе пятидесяти изъ нихъ попали живые въ руки непріятелей. Гибель этихъ всадниковъ была для Аннибала чувствительнѣе, чѣмъ потеря Салапіи. Съ того времени Кареагеняне утратили свое превосходство конницею, которымъ такъ долго пользовались.

39. Въ это время въ Тарентинской крѣпости былъ совершенный недостатокъ съѣстныхъ припасовъ. Съ трудомъ переносилъ такую крайность гарнизонъ Римскій, тамъ находившійся подъ начальствомъ М. Ливія; всю надежду возлагалъ онъ на подвозы изъ Сициліи. Для того, чтобы они безопасно могли идти вдоль береговъ Италіи, въ Регіѣ стоялъ флотъ изъ 20 судовъ. Этимъ флотомъ и подвозами завѣдывалъ Д. Квинкцій, человѣкъ происхожденія темнаго, но заслужившій своими подвигами на войнѣ славу храбраго воина. Сперва подъ его началь-

ствомъ было только пять судовъ о трехъ рядахъ веселъ и первое мѣсто тутъ занимали два судна, данныя ему Марцелломъ. Видя полезную дѣятельность Квинкція, ему прибавили въ послѣдствіи три судна о пяти рядахъ веселъ. Наконецъ, Квинкцій, истребовавъ вспоможеніе судами, которое, по смыслу союзнаго договора, должны были давать жители Регія, Велія и Песта, составилъ флотъ изъ 20 судовъ, какъ о томъ сказано выше. Флотъ этотъ вышелъ изъ Регія; на встрѣчу ему выступилъ изъ Тарентской гавани Демократъ съ такимъ же числомъ Тарентскихъ судовъ; онъ остановился въ 15 миляхъ отъ города, у Сакрапорта. Римляне, не подозрѣвая близости непріятеля, шли подо всѣми парусами. Въ сосѣдствѣ Кротона и Сибариса они пополнили число матросовъ; вообще, они имѣли флотъ прекрасно вооруженный, и всѣмъ достаточно снабженный по размѣру судовъ. Тутъ, почти въ одно и тоже время, и непріятель показался въ виду и вѣтеръ совершенно затихъ. Оказалось довольно свободнаго времени для того, чтобы убрать снасти, и приготовить и воиновъ, и матросовъ, къ предстоящему сраженію. Рѣдко и большіе флоты встрѣчались при такомъ воодушевленіи съ обѣихъ сторонъ, какъ эти небольшія эскадры; силы ихъ не соотвѣтствовали важности предмета, за который они сражались. Тарентинцы, освободивъ наконецъ свой городъ отъ столѣтняго почти господства Римлянъ, домогались отнять у нихъ и крѣпость; чего они и надѣялись достигнуть, отнявъ у непріятеля господство на морѣ, и отрѣзавъ такимъ образомъ подвозы съѣстныхъ припасовъ. Римляне же, стараясь удержать за собою Тарентинскую крѣпость, хотѣли показать, что, если они потеряли Тарентъ, то непріятель обязанъ этимъ не силѣ и доблести, а измѣнѣ и коварному обману. По данному съ обѣихъ сторонъ сигналу, суда сразились своими мѣдными носами; ни одно не старалось уклониться отъ своего противника, а напротивъ, бросивъ на него желѣзную лапу, старалось не отпускать отъ себя. Такимъ образомъ, завязался вблизи упорный бой; сражались не только стрѣлами и дротиками, но и мечами въ рукопашной схваткѣ. Переднія части сцѣпившихся судовъ были вмѣстѣ, а заднія уступали движенію, которое имъ придавали весла

непріятельскаго судна. Такимъ образомъ, всѣ корабли стѣснились въ такомъ небольшомъ кругу, что ни одна стрѣла не пропадала даромъ. Воины тѣснили другъ друга правильнымъ строемъ, какъ бы въ открытомъ полѣ, и свободно переходили съ одного судна на другое. Но особенно замѣчательна была схватка двухъ судовъ, которыя первыя сцѣпились другъ съ другомъ. На Римскомъ суднѣ находился самъ Квинкцій, а на Тарентинскомъ Никонъ, по прозванію Перконъ; онъ былъ, можно сказать, личный врагъ Римлянъ, принадлежа къ той партіи, которая предала Тарентъ Аннибалу. Онъ поразилъ копьемъ неосторожнаго Квинкція, который въ первыхъ рядахъ вмѣстѣ и сражался и увѣщевалъ своихъ; смертельно пораженный, онъ палъ съ оружіемъ въ рукахъ на переднюю часть судна. Тогда Тарентинецъ побѣдитель, не теряя времени, перешелъ на судно Римское, гдѣ всѣ были поражены страхомъ, вслѣдствіе смерти вождя. Тарентинцы не замедлили оттѣснить Римлянъ и, овладѣвъ переднею частью судна, заставили ихъ въ безпорядкѣ столпиться на задней. Вдругъ и съ той стороны явилась Тарентинская трирема. Римское судно, обойденное съ двухъ сторонъ, было такимъ образомъ взято; прочія суда Римлянъ, видя судно своего начальника во власти непріятелей, были поражены ужасомъ и искали спасенія бѣгствомъ въ разныя стороны: одни были потоплены непріятелемъ въ открытомъ морѣ. Другія спѣшили на веслахъ пристать къ берегу, но тутъ попали въ руки Туринцевъ и Метапонтинъ. Изъ транспортныхъ судовъ, наполненныхъ провіантомъ и слѣдовавшихъ за флотомъ, весьма немногія достались непріятелю, а другія, искусно лавируя, ушли въ открытое море. Въ Тарентѣ дѣла шли совсѣмъ иначе: до четырехъ тысячь Тарентинцевъ вышли въ поле запастись хлѣбомъ, и тамъ разошлись въ разныя стороны. Ливій, начальникъ крѣпости и Римскаго гарнизона, со вниманіемъ слѣдилъ за всякимъ случаемъ, гдѣ представлялась возможность дѣйствовать съ успѣхомъ. Онъ выслалъ изъ крѣпости К. Персія, человѣка весьма дѣятельнаго, съ двумя тысячами воиновъ. Онъ напалъ на непріятелей въ безпорядкѣ разсѣявшихся по полямъ: избилъ весьма многихъ, остальныхъ преслѣдовалъ до полуотворенныхъ воротъ города, такъ что при этомъ

нападеніи можно было овладѣть самымъ городомъ. Такимъ образомъ, подъ Тарентомъ событія военныя уравновѣсились счастіемъ. Римляне были побѣдителями на сушѣ, а Тарентинцы на морѣ. Надежда на подвозъ съѣстныхъ припасовъ, которые, можно сказать, были уже въ глазахъ, оказалась тщетною и для той и для другой стороны.

40. Уже прошла большая часть года, когда консулъ Лэвинъ прибылъ въ Сицилію, гдѣ его съ нетерпѣніемъ дожидали, какъ старые, такъ и новые союзники. Главною заботою его было возстановить прочный порядокъ въ Сиракузахъ, такъ недавно умиренныхъ. Потомъ повелъ онъ легіоны къ Агригенту, гдѣ еще продолжались военныя дѣйствія и находился сильный гарнизонъ Карѳагенскій. Счастіе само благопріятствовало Римскому вождю. Главнымъ вождемъ Карѳагенянъ былъ Ганнонъ, но вся сила ихъ войска заключалась въ Нумидахъ и, вождѣ ихъ, Мутинѣ. Носясь по всей Сициліи, онъ загонялъ добычу съ полей союзниковъ Римскаго народа. И сила и искусство оказывались безуспѣшны какъ для того, чтобы отрѣзать ему возвращеніе въ Агригентъ, такъ и для того, чтобы воспрепятствовать ему пробиться вездѣ, гдѣ бы онъ ни пожелалъ. Слава Мутина, служившая въ ущербъ славѣ главнаго вождя Карѳагенянъ, не замедлила возбудить въ немъ зависть дотого, что самые военные успѣхи перестали его радовать, такъ какъ ихъ виновникомъ былъ Мутинъ. Наконецъ Ганнонъ отнялъ у Мутина власть префекта и отдалъ ее своему сыну; онъ надѣялся, что вмѣстѣ съ властью отниметъ онъ у Мутина и вліяніе на Нумидовъ. Но случилось противное тому, чего ожидалъ Ганнонъ: зависть, имъ обнаруженная, только служила къ большей славѣ Мутина. Да и тотъ не могъ простить Ганнону сдѣланное имъ оскорбленіе; тотчасъ секретно послалъ онъ къ Лэвину пословъ, предлагая ему сдать Агригентъ. Они скрѣпили союзъ взаимными клятвами и условились, какъ дѣйствовать. Нумиды заняли ворота, обращенныя къ морю, и прогнавъ или избивъ бывшихъ тамъ стражей, впустили отрядъ Римлянъ, нарочно для этого присланный. Съ большимъ шумомъ уже строй подвигался къ серединѣ города и къ общественной площади, когда Ганнонъ, полагая, что это бунтуютъ

Нумиды — что случалось не разъ и прежде, выступилъ впередъ подавить возстаніе. Но издали замѣтилъ онъ множество воиновъ, превышавшее числомъ Нумидовъ, и знакомый ему воинскій крикъ Римлянъ долетѣлъ до его слуха. Не дошедъ до непріятеля на полетъ стрѣлы, Ганнонъ бѣжалъ: ему удалось уйдти въ заднія ворота съ Епицидомъ и немногими провожатыми, и они достигли морскаго берега. По счастливому для нихъ случаю, нашли тутъ они небольшое судно, на которомъ и переѣхали въ Африку, оставивъ во власти Римлянъ Сицилію, о господствѣ надъ которою, въ продолженіи столь длиннаго ряда годовъ, шла ожесточенная борьба. Прочіе Карѳагеняне и Сицилійцы и не думали о сопротивленіи; они бросились было бѣжать, но какъ всѣ выходы были заняты, то они и избиты почти всѣ у воротъ. Овладѣвъ такимъ образомъ Агригентомъ, Лэвинъ главныхъ виновниковъ его отпаденія наказалъ розгами и отсѣченіемъ головы; остальныхъ жителей и добычу продалъ съ молотка и всѣ вырученные деньги отослалъ въ Римъ. Когда по Сициліи пронесся слухъ о несчастной судьбѣ постигшей Агригентъ, то все въ Сициліи склонилось на сторону Римлянъ. Въ самое непродолжительное время преданы Римлянамъ 20 городовъ; шесть взято силою; до сорока добровольно сдались имъ. Старѣйшинамъ этихъ городовъ консулъ Лэвинъ распредѣлилъ награды и наказанія каждому, смотря по его заслугѣ, и наконецъ принудилъ Сицилійцевъ положить оружіе и обратиться къ земледѣлію. Онъ хотѣлъ, чтобы этотъ островъ производилъ хлѣбъ въ избыткѣ не только для его жителей, но и для Рима и Италіи, и чтобы на случай голода онъ могъ, какъ и прежде бывало, служить для нихъ житницею. Изъ Агатирны консулъ перевезъ съ собою въ Италію нестройную толпу людей безпокойныхъ. Тутъ было до 4 тысячь человѣкъ, сбродъ людей разныхъ племенъ, обремененныхъ долгами и преступленіями разнаго рода, бросившихъ вслѣдствіе этого отечество. И прежде въ своихъ городахъ они жили разбоемъ и грабежомъ; то же занятіе было у нихъ и въ Агатирнѣ, куда ихъ собрала судьба, и одна и таже для нихъ всѣхъ участь. Лэвинъ находилъ, что весьма опасно было бы оставить этихъ людей, которые постоянно будутъ стараться производить

смуты—въ Сициліи, едва только умиренной. А въ Регіѣ они, привыкнувъ жить грабежами, могли быть употреблены съ пользою для опустошенія Бруттійскихъ полей. Такимъ образомъ, участь Сициліи въ этомъ году была рѣшена, и военныя дѣйствія тамъ кончились.

41. Въ Испаніи П. Сципіонъ съ наступленіемъ весны спустилъ суда въ море, а въ Тарраконѣ эдиктомъ своимъ вытребовалъ вспомогательныя войска союзниковъ. Флоту и транспортнымъ судамъ онъ велѣлъ идти оттуда къ устью Ибра. Туда же приказалъ онъ собраться легіонамъ съ зимнихъ квартиръ, а самъ съ пятью тысячами союзниковъ отправился изъ Тарракона къ войску. По прибытіи туда, онъ заблагоразсудилъ сказать рѣчь воинамъ, преимущественно заслуженнымъ, пережившимъ столько пораженій. Созвавъ ихъ на собраніе, онъ сталъ говорить слѣдующее: «Вѣроятно до меня никто изъ вновь назначенныхъ вождей не благодарилъ воиновъ прежде, чѣмъ видѣлъ ихъ службу на дѣлѣ и притомъ не благодарилъ такъ заслуженно. Но судьба заставила меня питать къ вамъ чувство благодарности прежде, чѣмъ я увидалъ провинцію или лагерь: во первыхъ за то, что вы всегда питали любовь и уваженіе къ моимъ роднымъ и при жизни ихъ и по смерти; а потомъ за то, что вы доблестью вашею спасли для народа Римскаго и меня, какъ преемника прежнихъ вождей, обладаніе провинціею, которую, вслѣдствіе понесенныхъ нами несчастій нашего оружія, можно было считать уже, невозвратно для насъ, потерянною. Теперь, по милости боговъ безсмертныхъ, мы хлопочемъ уже о томъ, какъ бы окончательно вытѣснить изъ нея Карѳагенянъ. Теперь должны мы уже не отражать только нападенія непріятеля, стоя на берегахъ Ибра, но перейдти его и начать войну наступательную. Я опасаюсь, какъ бы кому нибудь изъ васъ планъ этотъ не показался слишкомъ смѣлымъ, какъ по свѣжести воспоминанія о понесенныхъ нами потеряхъ, такъ и по молодости лѣтъ моихъ. Едва ли кто сохранилъ такое свѣжее воспоминаніе о несчастіи нашего оружія въ Испаніи, какъ я: въ теченіи тридцати дней я потерялъ и отца, и дѣда, и семейство наше понесло утрату двойную. Но если горько мнѣ остаться единственнымъ обломкомъ моего рода, и если одиночество мое

сокрушаетъ во мнѣ духъ; то требованія общественной пользы и собственная доблесть не дозволяютъ отчаиваться въ судьбѣ отечества. Самою судьбою назначено намъ оставаться побѣдителями послѣ большихъ и чувствительныхъ пораженій. Не стану говорить о старинѣ: о Порсенѣ, Галлахъ и Самнитахъ; а начну я съ Пуническихъ войнъ: сколько флотовъ, сколько вождей нашихъ погибло въ первую Пуническую войну? Напомнить ли о событіяхъ нынѣшней войны? Она ознаменована уронами; при нѣкоторыхъ я былъ, при другихъ—нѣтъ, но едвали кто нибудь такъ ихъ чувствовалъ на душѣ, какъ я. Требія, Тразименъ, Канны—не суть ли памятники армій Римскихъ, истребленныхъ и съ вождями? Присоедините къ этому отпаденіе большой части Италіи, Сициліи, Сардиніи. Припомните ужасъ и трепетъ, когда Карѳагенскій лагерь раскинутъ былъ между Аніо и стѣнами Рима, когда Аннибалъ побѣдитель показался почти передъ самыми его воротами. И при такомъ страшномъ потрясеніи устояла безвредно и непоколебимо доблесть народа Римскаго; она все поддержала и спасла. Воины, вы первые, подъ предводительствомъ отца моего и его счастіемъ, противустали Аздрубалу, когда онъ, послѣ пораженія Каннскаго, двинулся къ Альпамъ и Италіи (соединись только онъ съ братомъ, и самое имя народа Римскаго уже не существовало бы). Тутъ удачныя дѣйствія стали уравновѣшивать понесенныя потери; а теперь, по милости боговъ безсмертныхъ, со дня на день дѣла наши въ Сициліи и Италіи начинаютъ принимать болѣе и болѣе благопріятный оборотъ. Въ Сициліи взяты Сиракузы и Агригентъ; островъ весь очищенъ отъ непріятелей и вся провинція вошла въ повиновеніе народу Римскому. Въ Италіи Арпы возвращены, а Капуя взята. Путь, по которому поспѣшно удалялся Аннибалъ отъ Рима, усѣянъ доказательствами его страха; онъ забился въ отдаленный уголъ Бруттія и объ одномъ молитъ боговъ безсмертныхъ, какъ бы по добру по здорову убраться домой изъ земли непріятельской. А потому, воины, неприлично будетъ вамъ, которые, когда одно несчастіе за другимъ поражало насъ, когда сами боги повидимому стояли за Аннибала—и тутъ подъ начальствомъ родныхъ моихъ (честное имя связываетъ ихъ обоихъ во едино) поддержали весьма колебавшійся успѣхъ Рим-

скаго оружія — теперь, когда все идетъ хорошо и все радуетъ, сомнѣваться въ своихъ силахъ. О если бы возможно было— чтобы послѣднія событія здѣсь не причинили нашего общаго несчастія! Теперь боги безсмертные, хранители державы Римской, внушившіе всѣмъ сотнямъ мысль вручить мнѣ власть, предсказываютъ намъ черезъ своихъ гадателей и провозвѣстниковъ и въ ночныхъ видѣніяхъ все самое радостное и благопріятное. Собственный духъ мой, для меня самого наилучшій пророкъ, говоритъ мнѣ, что Испанія будетъ наша, что скоро самое имя Карѳагенянъ исчезнетъ отсюда, что въ постыдномъ бѣгствѣ своемъ наполнятъ они и море и сушу. Разсудокъ подтверждаетъ то, что предвидитъ духъ. Союзники Карѳагенянъ, которымъ власть ихъ сдѣлалась въ тягость, умоляютъ насъ черезъ пословъ о защитѣ. Три вождя ихъ несогласны въ мнѣніяхъ и они, почти предоставивъ каждый одинъ другаго собственнымъ силамъ, раздѣлили войско на три части, которыя расположены одна отъ другой въ весьма дальнемъ разстояніи. Такимъ, образомъ Карѳагенянъ ожидаетъ таже участь, которая недавно постигла насъ. Союзники имъ измѣняютъ теперь, какъ намъ тогда Цельтиберы, и силы свои они раздѣлили, а такое же обстоятельство было причиною гибели отца моего и дѣда. Несогласіе вождей не допуститъ ихъ дѣйствовать за одно, а порознь они не въ состояніи будутъ намъ противиться. Только вы, воины, благосклонно смотрите на меня, потомка Сципіоновъ, вашихъ вождей, на отрасль, которую вновь пустило срубленное дерево. Прошу васъ, заслуженные воины, переведите новаго вождя и новое войско черезъ Ибръ, укажите намъ путь въ земли, которыя не разъ были свидѣтелями совершенныхъ вами подвиговъ. Постараюсь я, чтобы вы, какъ теперь въ чертахъ лица моего и въ наружности, находите подобіе отца моего и дѣда, не замедлили встрѣтить во мнѣ тѣ же способности ума, ту же вѣрность и доблесть, каковыя привыкли вы уважать въ прежнихъ вашихъ вождяхъ, однимъ словомъ, что бы во мнѣ ожили для каждаго изъ васъ прежніе Сципіоны.

42. Эта рѣчь воодушевила умы воиновъ; тогда Сципіонъ, оставивъ, для прикрытія этой страны, М. Силана съ тремя тысячами пѣшихъ и тремя стами конныхъ воиновъ, со всѣми прочими силами (у него было двадцать пять тысячь человѣкъ пѣхоты и пять тысячь всадниковъ) перешелъ Ибръ. Тутъ нѣкоторые совѣтовали Сципіону напасть на ближайшую изъ Карѳагенскихъ армій, такъ какъ онѣ были расположены въ дальнемъ одна отъ другой разстояніи; но Сципіонъ считалъ такой образъ дѣйствій опаснымъ: арміи непріятельскія могли поспѣшить на помощь одна другой, и тогда онъ не въ силахъ будетъ противустать имъ всѣмъ вмѣстѣ. А Сципіонъ рѣшился пока осаждать Новый Карѳагенъ, городъ и самъ по себѣ богатый, и въ то время заключавшій въ себѣ большіе запасы всякаго рода, заготовленные Карѳагенянами (здѣсь были склады оружія, здѣсь хранилась денежная казна, здѣсь находились заложники со всей Испаніи). Притомъ городъ стоялъ такъ, что представлялъ наиболѣе удобствъ для экспедиціи въ Африку. Гавань его была достаточно велика для того, чтобы вмѣстить въ себѣ какой угодно флотъ и едвали не единственная на берегахъ Испаніи, обращенныхъ къ Италіи. Кромѣ К. Лелія никто въ войскѣ не зналъ, куда оно идетъ; ему велѣно было идти съ флотомъ кругомъ, соразмѣряя движеніе судовъ такъ, чтобы въ одно и тоже время и показалось войско у города, и флотъ вошелъ въ гавань. Римскій лагерь разбитъ въ сторонѣ отъ города, обращенной къ сѣверу; съ тылу обвели его валомъ, а спереди природныя условія мѣстности служили ему защитою. Карѳагенъ расположенъ такимъ образомъ: почти на половинѣ береговъ Испаніи море образуетъ заливъ, открытый наиболѣе для вѣтра, дующаго съ Африки; заливъ этотъ вдается вглубь земли на пятьсотъ шаговъ, а въ ширину имѣетъ нѣсколько болѣе: въ устьѣ залива есть маленькой островокъ, который служитъ ему защитою ото всѣхъ вѣтровъ, кромѣ Африканскаго. Извнутри залива идетъ перешеекъ, то самое возвышеніе, на которомъ находится городъ: съ востока и полудня его омываютъ волны моря, а съ запада находится озеро, которое немного заливаетъ и къ сѣверу; глубина водъ его не всегда одинакова, но соразмѣряется съ приливомъ и отливомъ. Городъ соединяется съ твердою землею возвышеннымъ перешейкомъ въ 250 футовъ ширины. Не смотря на то, что здѣсь возведеніе вала потребовало бы весьма мало труда, Римскій полко-

водецъ не призналъ за нужное возводить со стороны города укрѣпленія; въ этомъ случаѣ, онъ хотѣлъ или поразить непріятелей своею гордою самоувѣренностію, или приготовить себѣ свободу движеній отступательныхъ, при частыхъ аттакахъ на городъ.

43. Довершивъ укрѣпленія лагеря съ другихъ сторонъ, гдѣ въ нихъ предстояла надобность, Сципіонъ велѣлъ изготовиться и флоту, находившемуся въ гавани, какъ бы замышляя осаждать городъ и съ моря. Сципіонъ самъ объѣхалъ суда и внушалъ ихъ начальникамъ, чтобы они въ ночное время содержали самые тщательные караулы, такъ какъ непріятель всегда въ началѣ осады прибѣгаетъ къ самымъ рѣшительнымъ средствамъ. За тѣмъ Сципіонъ возвратился въ лагерь, и счелъ нужнымъ, какъ объяснить воинамъ, почему онъ обратилъ свои усилія преимущественно противъ этого города, такъ и ободрить ихъ надеждою на его взятіе. Созвавъ собраніе воиновъ, онъ сказалъ имъ слѣдующее: «воины, если кто нибудь того мнѣнія, что мы пришли сюда съ тѣмъ только, чтобы овладѣть этимъ однимъ городомъ, то, оцѣнивъ хорошо размѣръ трудовъ вашихъ, тотъ не будетъ предвидѣть вполнѣ ихъ хорошихъ послѣдствій. Дѣйствительно, вы будете брать стѣны одного города, но въ этомъ городѣ возьмете всю Испанію. Здѣсь находятся заложники всѣхъ именитыхъ царей и народовъ: какъ только будутъ они во власти нашей, тотчасъ все, что повинуется теперь Карѳагенянамъ, перейдетъ къ намъ. Здѣсь — вся денежная казна непріятелей; утративъ ее, они не въ состояніи будутъ вести войну, такъ какъ ихъ войско состоитъ главнымъ образомъ изъ наемниковъ, а для насъ деньги эти послужатъ средствомъ къ склоненію на нашу сторону варварскихъ народовъ. Здѣсь военныя орудія, здѣсь запасы всякаго рода военныхъ снарядовъ; все это вамъ послужитъ на пользу, а непріятель лишенъ будетъ всего этого. Притомъ, въ нашей власти будетъ прекраснѣйшій и богатѣйшій городъ, снабженный превосходнымъ и, въ высшей степени, удобнымъ портомъ, откуда можетъ быть доставляемо и моремъ и сухимъ путемъ все, нужное на войнѣ. Все это имѣть — для насъ весьма важно, но еще важнѣе — лишить всего этого непріятеля. Это его оплотъ, запасный хлѣбный магазинъ, сундукъ денежный, арсеналъ, депо всѣхъ, для веденія войны нужныхъ, вещей. Отсюда прямой путь въ Африку; это между Пиринеями и Гадесомъ единственная стоянка; отсюда Африка держитъ въ страхѣ всю Испанію. Но я вижу, что вы уже совсѣмъ готовы и снаряжены; остается смѣло и рѣшительно вести васъ на приступъ Новаго Карѳагена». Воины въ одинъ голосъ воскликнули: «что сдѣлать это слѣдуетъ». Тогда Сципіонъ повелъ ихъ къ Карѳагену, и осада этого города началась и съ моря и съ сухаго пути.

44. Магонъ, вождь Карѳагенянъ, видя, что непріятель приготовляется осаждать городъ и съ моря и съ сухаго пути, и самъ войска расположилъ слѣдующимъ образомъ. Двѣ тысячи онъ поставилъ съ той стороны, гдѣ находился Римскій лагерь; пятьсотъ воиновъ оставилъ въ крѣпости; а пятьсотъ помѣстилъ на холмѣ города, обращенномъ къ востоку. Прочему войску приказалъ со вниманіемъ слѣдить за ходомъ дѣлъ и быть готовымъ спѣшить туда — гдѣ раздадутся воинскіе клики, и гдѣ потребуютъ обстоятельства дѣла. Вслѣдъ за тѣмъ Магонъ велѣлъ растворить ворота и выступить тому отряду, который онъ изготовилъ, по направленію, ведущему къ непріятелю. Римляне, по распоряженію своего вождя, отступили, чтобы быть ближе къ своимъ резервамъ, и находиться въ возможности получать отъ нихъ помощь. Сначала Римляне съ успѣхомъ выдерживали бой; а когда подоспѣли изъ лагеря подкрѣпленія, то не только обратили непріятеля въ бѣгство, но и, преслѣдуя его по пятамъ, гнали его такъ усердно, что если бы Сципіонъ не велѣлъ заиграть отбой, то воины его, перемѣшавшись съ непріятельскими, проникли бы въ городъ. Ужасъ распространился между непріятелями не только на полѣ сраженія, но и въ городѣ. Воины со многихъ карауловъ въ страхѣ разбѣжались и стѣны были оставлены; воины соскакивали съ нихъ, куда кому было ближе. Междутѣмъ Сципіонъ, взойдя на холмъ, называемый *Меркуріевымъ*, и замѣтивъ, что стѣны во многихъ мѣстахъ обнажены отъ защитниковъ, велѣлъ всѣмъ воинамъ идти на приступъ города, захвативъ съ собою лѣстницы. Самъ Сципіонъ, прикрытый щитами трехъ храбрѣйшихъ молодыхъ людей (со стѣнъ города летѣло страшное множество стрѣлъ), подошелъ къ городу, ободряя воиновъ и дѣлая нуж-

ныя распоряженія; а что особенно воодушевляло воиновъ, такъ то, что всѣ дѣйствія совершались передъ глазами самого вождя. Воины смѣло бросились не смотря на раны, наносимыя стрѣлами; ни стѣны, ни покрывавшіе ихъ воины не могутъ удержать ихъ лѣзть наперерывъ другъ передъ другомъ на стѣны. Въ тоже время суда аттаковали часть города, обращенную къ морю; впрочемъ, съ стороны больше было тревоги, чѣмъ рѣшительныхъ дѣйствій. Суда приставали къ берегу, высаживали воиновъ съ лѣстницами; тѣ спѣшили одинъ передъ другимъ выйдти на берегъ, гдѣ кому было ближе; но самая поспѣшность и соревнованіе воиновъ служили помѣхою ихъ дѣйствіямъ.

45. Междутѣмъ Карѳагеняне снова наполнили стѣны вооруженными воинами, и осыпали градомъ стрѣлъ подступавшихъ къ нимъ Римлянъ; но ни воины, ни метательные снаряды и ничто другое такъ не защитили городъ, какъ самые его стѣны. Рѣдко гдѣ непріятельскія лѣстницы достигали вершинъ стѣны, да и чѣмъ выше были лѣстницы, тѣмъ менѣе прочны оказывались онѣ. Междутѣмъ какъ находившіеся вверху воины не могли перейдти на стѣны, снизу воины все продолжали лѣзть вверхъ, и вслѣдствіе этого лѣстницы отъ тяжести подламывались. Нѣкоторые воины, стоя на верху лѣстницъ, отъ круженія головы вслѣдствіе того, что смотрѣли внизъ, падали оттуда. Такъ какъ, то тамъ, то тамъ обрушивались лѣстницы съ находившимися на нихъ людьми, то, вслѣдствіе этого самого, присутствіе духа и смѣлость непріятеля росли. Сципіонъ, видя это, подалъ знакъ къ отступленію. Такой неудачный приступъ успокоилъ и на будущее время осажденныхъ; послѣ столь сильныхъ опасеній и отчаянной борьбы, они убѣдились, что городъ нельзя взять приступомъ при помощи лѣстницъ. Едва только первое смятеніе утихло, какъ Сципіонъ велѣлъ свѣжимъ и здоровымъ воинамъ заступить мѣсто утомленныхъ и раненныхъ и, взявъ лѣстницы, идти снова къ городу и аттаковать его съ большею силою. Слыша, что вода моря идетъ на отливъ и зная отъ Таррагонскихъ рыбаковъ, которые прошли озеро вдоль и поперегъ частью на маленькихъ лодкахъ, частью въ бродъ, когда тѣ становились на мѣль, Сципіонъ былъ

убѣжденъ, что черезъ озеро вбродъ легко можно будетъ подойдти къ стѣнамъ города, и потому онъ двинулся туда съ вооруженными воинами. Время дня было около полудня; притомъ, не только вмѣстѣ съ отливомъ вода становилась все мѣлче, но и поднялся сильный сѣверный вѣтеръ, который гналъ воду по направленію отлива, вслѣдствіе чего озеро сдѣлалось до того мѣлко, что воды въ немъ было по поясъ, а гдѣ и по колѣни. Зная все это по указаніямъ разсудка и собранныхъ свѣдѣній, Сципіонъ обратилъ это въ чудо и приписалъ богамъ, что они нарочно облегчили для Римлянъ переходъ черезъ озеро и, сдѣлавъ его мѣлкимъ, открыли имъ путь тамъ, гдѣ дотолѣ не была нога человѣческая. А потому, Сципіонъ отдалъ своимъ воинамъ приказаніе идти по указанію Нептуна, и по водамъ озера подойдти къ стѣнамъ.

46. Со стороны суши осаждающимъ нужно было преодолѣвать величайшія трудности; не только высота стѣнъ служила къ тому препятствіемъ, но и осаждающіе были въ ихъ движеніи къ стѣнамъ обстрѣливаемы съ двухъ сторонъ, такъ что фланги ихъ болѣе страдали, чѣмъ самый фронтъ. А для пятисотъ человѣкъ, посланныхъ съ другой стороны черезъ озеро, самое движеніе къ стѣнамъ и приступъ къ нимъ, оказались безо всякихъ затрудненій. Съ этой стороны не было никакихъ укрѣпленій; полагали, что условія мѣстности и воды озера служатъ для города достаточною съ этой стороны защитою. Притомъ, съ этой стороны, не было поставлено ни карауловъ, ни вооруженнаго отряда, такъ какъ осажденные обратили все свое вниманіе и силы туда, откуда угрожала опасность. Такимъ образомъ, Римскіе воины проникли въ городъ безо всякаго сопротивленія, и за тѣмъ поспѣшили къ тѣмъ воротамъ, у которыхъ происходилъ самый упорный бой. До такой степени было сосредоточено вниманіе осажденныхъ, не только тѣхъ, которые участвовали въ дѣлѣ, но и тѣхъ, которые смотрѣли на него простыми зрителями, ободряя сражающихся,— что никто не замѣтилъ, что городъ уже занятъ непріятелемъ прежде, чѣмъ стрѣлы полетѣли на осажденныхъ съ тылу, и они очутились, такъ сказать, между двухъ огней. Ужасъ поразилъ непріятелей, а междутѣмъ, пользуясь ихъ оцѣпененіемъ, Римляне заняли стѣны и начинали съ двухъ сторонъ, и снаружи, и из-

внутри, выбивать ворота. Ихъ изрубили въ мѣлкіе куски для того, чтобы они паденіемъ своимъ не загородили дорогу, и по ихъ остаткамъ, Римское войско всею массою ворвалось въ городъ. Многіе перелѣзли и черезъ стѣны, но они бросились, по разнымъ мѣстамъ города, грабить и убивать. Главная же масса Римскаго войска, вошедшая въ городъ воротами, стройно, подъ предводительствомъ вождей, двинулась къ форуму. Отсюда Римляне увидали, что непріятели бѣгутъ на двѣ стороны: одни — по направленію къ холму, который обращенъ на востокъ и занятъ былъ отрядомъ въ пятьсотъ человѣкъ, а другіе спѣшатъ въ крѣпость, куда ушелъ Магонъ со всѣми почти воинами, сбитыми со стѣнъ. Тогда Сципіонъ отрядилъ часть войска занять вышеупомянутое возвышеніе, а часть повелъ самъ къ крѣпости. Возвышеніе занято Римлянами при первой аттакѣ и Магонъ, остававшійся сначала оборонять крѣпость, видя, что все во власти непріятелей и что никакой ни откуда нѣтъ надежды, сдалъ крѣпость и самъ сдался со всѣмъ гарнизономъ. До взятія крѣпости, по городу тамъ и сямъ происходили убійства: Римляне не щадили никого изъ способныхъ носить оружіе гражданъ, которые попадались имъ на встрѣчу. По взятіи же крѣпости, Сципіонъ далъ знакъ убійства прекратить; побѣдители устремились на добычу всякаго рода, которая была весьма велика.

47. Мужчинъ свободнаго состоянія взято въ плѣнъ до десяти тысячъ человѣкъ. Тѣхъ, которые были гражданами Новаго Карѳагена, Сципіонъ отпустилъ и возвратилъ имъ все то, что пощажено было войною. Мастеровыхъ разнаго рода было до двухъ тысячъ человѣкъ; Сципіонъ объявилъ ихъ рабами народа Римскаго, но обнадежилъ ихъ, что они не замедлятъ получить свободу, если окажутъ свое усердіе къ заготовленію предметовъ нужныхъ для войны. Остальныхъ молодыхъ людей изъ туземцевъ и всѣхъ рабовъ, которымъ ихъ здоровье позволяло, отправилъ на суда въ помощь гребцамъ; флотъ Сципіонъ увеличилъ восемью судами, взятыми у непріятеля. Кромѣ этого множества людей находились въ Карѳагенѣ Испанскіе заложники; о нихъ приложено такое попеченіе, какъ если бы они были дѣти союз-

никовъ. Захваченъ огромный запасъ военныхъ снарядовъ: 120 катапультовъ самой большой величины, меньшаго размѣра 281; баллистовъ большихъ 23, но меньше 52; скорпіоновъ большихъ и малыхъ, оружія и метательныхъ снарядовъ огромное количество. Военныхъ значковъ 74. Золота и серебра принесено къ Сципіону весьма много: золотыхъ чашъ 276, изъ нихъ почти каждая вѣсила по фунту; серебра въ дѣлѣ и въ монетѣ 18.300 фунтовъ, и кромѣ того множество серебряныхъ сосудовъ. Все это сдано казначею (квестору) К. Фламинію. Пшеницы 400 тысячь мѣръ и ржи 270. Транспортныхъ судовъ захвачено въ пристани силою 63; нѣкоторыя со всѣмъ грузомъ, который заключался въ хлѣбѣ, оружіи, мѣдныхъ деньгахъ, желѣзныхъ вещахъ, парусахъ, веревкахъ и другихъ предметахъ, нужныхъ для снаряженія флота. Такимъ образомъ, самъ Карѳагенъ былъ едва ли не послѣднимъ по своей важности изъ захваченныхъ въ немъ цѣнныхъ предметовъ.

48. Въ этотъ день Сципіонъ, поручивъ К. Лелію съ матросами оберегать городъ, самъ отвелъ войска въ лагерь. Здѣсь приказалъ онъ воинамъ отдохнуть, такъ какъ они утомлены были всѣми военными трудами, обрушившимися на нихъ въ продолженіи одного дня (они сражались въ открытомъ полѣ, и при взятіи города подверглись большимъ трудамъ и опасностямъ, а по взятіи выдержали еще бой, при невыгодныхъ для себя условіяхъ мѣстности съ непріятелями, ушедшими въ крѣпость). На другой день Сципіонъ созвалъ всѣхъ воиновъ и матросовъ; тутъ прежде всего отдалъ онъ должную дань благодарности и похвалы богамъ безсмертнымъ: не только, въ продолженіи одного дня, предали они въ его руки одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ Испаніи, но и предварительно собрали туда изъ Испаніи и Африки всѣ сокровища этихъ странъ; такимъ образомъ, непріятелю ничего не осталось, а Римляне получили избытокъ во всемъ. Потомъ похвалилъ Сципіонъ мужество воиновъ; ихъ не остановили: ни вылазки непріятелей, ни высота стѣнъ, ни броды, прежде неиспробованные, ни крѣпость, расположенная на высокомъ холмѣ, ни укрѣпленія ея, казавшіяся неприступными; но Римскіе воины не убоялись всѣхъ этихъ трудностей и побѣдили ихъ. А потому,

заключилъ Сципіонъ, хотя я признаю себя должникомъ передо всѣми воинами, но особенно долженъ наградить установленною наградою того изъ воиновъ, который первый взошелъ на стѣны. Пусть тотъ, кто признаетъ себя достойнымъ награды, выскажетъ это. Явилось двое: К. Требеллій, сотникъ четвертаго легіона, и Секс. Дигитій матросъ, и не столько сами они горячо состязались о наградѣ, сколько пробудили участія каждый въ его сослуживцахъ. К. Лэлій, начальникъ флота, держалъ сторону своихъ матросовъ; а за легіонныхъ воиновъ стоялъ М. Семпроній Тудитанъ. Споръ дошелъ до размѣровъ возстанія; тогда Сципіонъ объявилъ, что назначаетъ трехъ коммиссаровъ, которые, изслѣдовавъ дѣло и выслушавъ свидѣтелей, должны будутъ постановить, кто первый взошелъ на стѣны. Коммиссарами Сципіонъ назначилъ, стоявшихъ во главѣ той и другой партіи, К. Лэлія и М. Семпронія; а третьяго придалъ имъ П. Корнелія Кавдина. Онъ имъ велѣлъ немедленно заняться рѣшеніемъ возникшаго вопроса. Состязаніе продолжалось сильное и тѣмъ сильнѣе, что воины въ столь знатныхъ судьяхъ видѣли не столько посредниковъ, сколько людей, имѣвшихъ назначеніе обуздать ихъ рвеніе. К. Лэлій, оставивъ засѣданіе, отправился къ Сципіону, и сказалъ ему: «что дѣло вышло изо всякихъ границъ умѣренности, и что воины готовы рѣшить его оружіемъ. Да если до этого не дойдетъ, во всякомъ случаѣ приготовляется примѣръ гнусный и пагубный; обманомъ и клятвопреступленіемъ готовы купить награду, назначенную за доблесть. Съ одной стороны стоятъ воины легіоновъ, съ другой экипажи судовъ; и тѣ, и другіе готовы клясться всѣми богами, что правда то, чего имъ хочется, не разсуждая, что клятва эта падетъ не только на ихъ головы, но и на военные значки и на орлы. А потому онъ—Лэлій—съ общаго совѣта съ П. Корнеліемъ и М. Семпроніемъ, счелъ нужнымъ довести до его свѣдѣнія». Тотъ, похваливъ усердіе Лелія, призвалъ къ себѣ воиновъ и объявилъ: «навѣрное узналъ онъ, что К. Требеллій и Секс. Дигитій оба вошли на стѣны въ одно время, и потому онъ дастъ имъ обоимъ награду, установленную за доблесть». Потомъ Сципіонъ роздалъ прочимъ воинамъ награды, какихъ кто изъ нихъ заслуживалъ. Особенно Сципіонъ обошелся хорошо съ Лэліемъ; осыпавъ его похвалами и приписавъ ему въ побѣдѣ такое же участіе, какое имѣлъ самъ, Сципіонъ подарилъ ему золотой вѣнокъ и тридцать быковъ.

49. Тогда Сципіонъ велѣлъ позвать къ себѣ заложниковъ отъ городовъ и племенъ Испанскихъ. Какъ велико было число ихъ—положительно сказать не смѣю, потому что, по показанію однихъ источниковъ, ихъ было около 300, а другихъ 725. Другія подробности этого событія у историковъ также передаются разно: по однимъ извѣстіямъ, гарнизонъ Карѳагенскій заключалъ въ себѣ десять, по другимъ семь, по третьимъ только двѣ тысячи человѣкъ. Одни писатели говорятъ, что Римлянами взято въ плѣнъ до десяти тысячь человѣкъ, а другіе, что число плѣнныхъ простиралось до 25 тысячь человѣкъ. Такъ число большихъ и малыхъ скорпіоновъ я опредѣлилъ бы шестидесятью, если бы я держался Греческаго историка Силена; а послушать Валерія Антіата, то число большихъ скорпіоновъ простиралось до шести тысячь, и меньшихъ до 13. Такъ нѣтъ никакой мѣры въ исчисленіи. Въ извѣстіяхъ относительно вождей также мало точности: большая часть историковъ говоритъ, что Лелій командовалъ флотомъ; по нѣкоторымъ же извѣстіямъ, М. Юній Силанъ. Антіатъ Валерій говоритъ, что Ариносъ командовалъ Карѳагенскимъ гарнизономъ и сдался Римлянамъ; другіе писатели утверждаютъ, что Магонъ. Также мало согласія въ извѣстіяхъ о числѣ взятыхъ судовъ, о количествѣ найденнаго золота и серебра и вырученныхъ денегъ. Но какъ надобно что нибудь принять за основаніе, то самое лучшее держаться середины.

За тѣмъ Сципіонъ позвалъ къ себѣ заложниковъ, и первыя его слова къ нимъ были словами ласки: «достались они во власть народа Римскаго, который предпочитаетъ дѣйствовать на подвластныхъ благодѣяніями, чѣмъ страхомъ, и считаетъ за лучшее, чтобы чуждые народы были для него вѣрными друзьями и союзниками, чѣмъ находились въ печальномъ порабощеніи». Потомъ, взявъ именный списокъ племенъ Испаніи, сдѣлалъ перекличку всѣмъ плѣннымъ, чтобы знать сколько ихъ отъ какого народа; вслѣдъ за тѣмъ, Сципіонъ разослалъ по всѣмъ народамъ гонцовъ, чтобы они присылали за своими заложниками. Отъ нѣкоторыхъ наро-

довъ послы были на лицо; имъ Сципіонъ тотчасъ возвратилъ плѣнныхъ; прочихъ онъ поручилъ пока квестору К. Фламинію, приказавъ съ ними обходиться самымъ наилучшимъ образомъ. Между тѣмъ одна женщина уже преклонныхъ лѣтъ, — то была жена Мандонія, брата Индибилиса, царька Иллергетовъ, — выступивъ изъ толпы заложниковъ, упала въ ноги Сципіона и со слезами умоляла его — вмѣнить стражамъ въ обязанность—обращаться съ плѣнными женщинами самымъ скромнымъ и приличнымъ образомъ. Сципіонъ на это отвѣчалъ: «что онѣ ни въ чемъ не будутъ имѣть недостатка». Тогда эта женщина сказала еще: «этого то мы не боимся, въ нашемъ положеніи надобно быть готовыми на все. Другая меня одолѣваетъ забота, когда я обращаю вниманіе на юный возрастъ прочихъ плѣнницъ (что же касается до меня, то я уже пережила тѣ лѣта, когда женщины подвергаются оскорбленіямъ)». Ее окружали молоденькія и хорошенькія дочери Индибилиса, и другія дѣвушки благородныхъ семействъ, которыя всѣ женщину эту уважали вмѣсто матери. На это Сципіонъ сказалъ: «я на столько уважаю достоинство и свое и народа Римскаго, что не потерплю нарушить что либо изъ того, что вездѣ считается священнымъ. Приложить же теперь особенное объ этомъ стараніе — заставляетъ ваша добродѣтель и достоинство, такъ какъ вы, и въ самомъ горькомъ положеніи рабства, не забыли того, что прилично женщинѣ всегда имѣть въ памяти». За тѣмъ Сципіонъ поручилъ присмотръ за плѣнными женщинами человѣку самой испытанной нравственности, и приказалъ имѣть о нихъ такое попеченіе, какъ если бы они были женами и матерями его самыхъ близкихъ пріятелей.

50. Потомъ воины привели къ Сципіону дѣвушку уже совершенныхъ лѣтъ и такой необыкновенной красоты, что куда бы она ни шла, глаза всѣхъ устремлялись на нее. Сципіонъ спросилъ о ея родинѣ и родныхъ и узналъ, что она невѣста молодаго Цельтиберскаго князька, по имени Аллуція. Немедленно Сципіонъ вызвалъ къ себѣ родныхъ дѣвушки и ея жениха; узнавъ, что онъ въ высшей степени влюбленъ въ свою невѣсту, Сципіонъ какъ только тотъ пріѣхалъ, тотчасъ его призвалъ его къ себѣ и сталъ говорить тономъ такого расположенія, которое не

всегда встрѣчается и между родными. Онъ сказалъ ему: «ты молодъ, я съ тобою въ однихъ лѣтахъ, и потому мы можемъ говорить откровенно, не совѣстясь другъ друга. Невѣста твоя взята въ плѣнъ моими воинами и приведена ко мнѣ; я узналъ, что ты ее любишь, и самая наружность ея свидѣтельствовала о томъ. Она такъ хороша, что если бы я могъ свободно предаваться увлеченіямъ моихъ лѣтъ, если бы я не посвятилъ себя преимущественно служенію моего отечества, и былъ бы въ состояніи дать мѣсто законной и чистой любви, то такую дѣвушку, какъ твоя невѣста, полюбилъ бы я безъ памяти и сдѣлалъ бы своею женою; теперь мнѣ остается только содѣйствовать твоей любви. Невѣста твоя у меня жила также спокойно и безопасно, какъ если бы она находилась у своихъ родныхъ, которые скоро сдѣлаются и твоими; я ее берегъ такъ, чтобы быть въ состояніи въ ней предложить тебѣ подарокъ, достойный и меня и тебя. За это я отъ тебя прошу одного — будь другомъ народа Римскаго. Если ты меня будешь считать за человѣка хорошаго, — а здѣшнія племена всегда знали и отца моего и дядю съ самой лучшей стороны — то знай, что такихъ, какъ я, очень много въ Римскомъ государствѣ, и что на землѣ нѣтъ народа, котораго менѣе всего долженъ ты желать непріятелемъ, а болѣе всего — другомъ». Юноша, не помня себя отъ радости и вмѣстѣ подъ вліяніемъ стыда, ухватилъ правую руку Сципіона и сталъ призывать всѣхъ боговъ, чтобы они воздали ему за его благодѣянія, такъ какъ онъ самъ никогда не будетъ въ состояніи отплатить Сципіону за его расположеніе и одолженія. Потомъ Сципіонъ пригласилъ къ себѣ родныхъ дѣвушки; они принесли съ собою порядочное количество золота, и, видя, что ихъ родственницу возвращаютъ имъ даромъ, они умоляли Сципіона принять это золото въ даръ. Они говорили, что этимъ окажетъ онъ имъ такое же одолженіе, какъ и то, которое онъ сдѣлалъ имъ возвративъ ихъ родственницу во всей чистотѣ. Сципіонъ, видя ихъ неотступныя просьбы, сказалъ, что принимаетъ и, приказавъ положить золото у ногъ своихъ, велѣлъ позвать Аллуція. Когда тотъ пришелъ, Сципіонъ сказалъ ему: «сверхъ приданаго, которое дастъ тебѣ будущій твой тесть, прими и это золото, какъ приданое твоей невѣсты». За тѣмъ

Сципіонъ велѣлъ ему взять къ себѣ золото въ полную собственность. Такимъ образомъ, Аллуцій отправился домой въ восхищеніи отъ обращенія Сципіонова и отъ его подарковъ; онъ не переставалъ своимъ соотечественникамъ превозносить до небесъ похвалами заслуги Сципіона: «явился юноша, богамъ подобный, побѣждающій всѣхъ какъ оружіемъ, такъ и великодушіемъ и благодѣяніями». Не ограничиваясь словами, Аллуцій собралъ своихъ кліентовъ, и съ отрядомъ изъ тысячи пяти сотъ всадниковъ, не замедлилъ въ самомъ непродолжительномъ времени присоединиться къ войску Сципіона.

51. Сципіонъ нѣсколько времени удерживалъ при себѣ Лелія; онъ руководствовался его совѣтами относительно плѣнныхъ, заложниковъ и добычи. Устроивъ все, Сципіонъ далъ Лелію квинквирему и, посадивъ на нее плѣнныхъ Магона и около 15 сенаторовъ, взятыхъ съ нимъ вмѣстѣ, послалъ его съ извѣстіемъ о побѣдѣ въ Римъ. Сципіонъ нѣсколько дней, которые положилъ провести въ Карѳагенѣ, посвятилъ обученію и упражненію какъ пѣхотнаго войска, такъ и морскихъ силъ. Въ первый день легіоны передъ глазами Сципіона поспѣшно прошли четыре мили; на второй день Сципіонъ велѣлъ имъ заняться передъ палатками изготовленіемъ и чисткою оружія. На третій день были маневры на подобіе правильнаго сраженія, въ которомъ воины дѣйствовали оружіемъ плашмя и бросали дротики, съ коихъ острія были сняты. Четвертый день посвященъ былъ отдыху; а пятый опять военнымъ упражненіямъ. Такъ время Римскихъ воиновъ, пока они находились въ Карѳагенѣ, распредѣлено было между воинскими упражненіями и отдохновеніемъ. Матросы и воины, находившіеся на судахъ, когда море было спокойно, выходили съ ними въ открытое море и тамъ испытывали быстроту движеній судовъ подобіемъ морскаго сраженія. Такимъ образомъ, и внѣ города, Римляне оружіе свое и самый духъ приготовляли къ будущимъ трудамъ военнымъ. Самый городъ кипѣлъ военными приготовленіями; кузнецы всякаго рода неусыпно трудились въ общественной мастерской. Главный вождь поспѣвалъ всюду съ своею неусыпною дѣятельностью. То онъ былъ на судахъ и смотрѣлъ на эволюціи флота, то присутствовалъ при маневрахъ легіоновъ,

то посвящалъ время осмотру работъ; онъ поспѣвалъ и въ мастерскія, и въ арсеналъ и верфи, гдѣ рабочіе, на перерывъ другъ передъ другомъ, заготовляли каждый день предметы, нужные для войны, въ огромномъ количествѣ. Положивъ начало такимъ приготовленіямъ, Сципіонъ исправилъ стѣны города, гдѣ онѣ были попорчены и поставилъ вооруженные отряды въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ они нужны были для защиты города. За тѣмъ отправился онъ въ Тарракону; на дорогѣ встрѣтили его посольства многихъ племенъ; инымъ онъ тотчасъ далъ отвѣтъ и отпустилъ ихъ съ дороги; другимъ приказалъ явиться въ Тарракону, гдѣ онъ назначилъ сеймъ депутатовъ всѣхъ союзныхъ народовъ, какъ давно бывшихъ въ союзѣ съ Римлянами, такъ и вновь къ нимъ приставшихъ. Туда явились послы почти ото всѣхъ народовъ, живущихъ по сю сторону Ибра и ото многихъ народовъ дальней провинціи. Что же касается до Карѳагенскихъ вождей, то они сначала съ умысломъ подавляли молву о томъ, что Карѳагенъ взятъ Римлянами; потомъ, когда событіе это сдѣлалось слишкомъ гласно для того, чтобы его можно было скрыть или утаить, они на словахъ старались уменьшить его важность: вслѣдствіе нечаяннаго нападенія, можно сказать, украдкою, въ продолженіи одного дня, взятъ одинъ городъ Испаніи. Самонадѣянный юноша въ неумѣренной радости придаетъ незначительному событію видъ важной побѣды, но лишь только услышитъ онъ о прибытіи трехъ вождей и трехъ побѣдоносныхъ непріятельскихъ войскъ, какъ тотчасъ вспомнитъ недавныя свои семейныя потери. Такія рѣчи разсѣвали вожди Карѳагенскіе въ народѣ; но сами очень хорошо сознавали, какъ много ослабила ихъ во всѣхъ отношеніяхъ потеря Карѳагена.

КНИГА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

1. Таково было положеніе дѣлъ въ Испаніи. Междутѣмъ въ Италіи Марцеллъ взялъ обратно Салапію вслѣдствіе предательства тамошнихъ жителей; и у Самнитовъ отнялъ силою Мармореи и Мелесъ. Тамъ захвачено до трехъ тысячь воиновъ Аннибала, оставленныхъ имъ въ гарнизонѣ. Добыча — она была довольно значительна—предоставлена воинамъ; сверхъ того найдено тамъ же двѣсти сорокъ тысячь мѣръ пшеницы и сто десять тысячь мѣръ ржи. Впрочемъ, это благопріятное событіе не могло уравновѣсить сильной уронъ, черезъ нѣсколько дней понесенный у города Гердонеи. Тамъ въ лагерѣ стоялъ проконсулъ Кн. Фульвій; онъ надѣялся взять обратно этотъ городъ, который послѣ Каннскаго пораженія отпалъ отъ Римлянъ; онъ не былъ защищенъ мѣстоположеніемъ, и гарнизонъ въ немъ былъ незначительный. Врожденная безпечность Фульвія увеличилась еще вслѣдствіе дошедшихъ до него слуховъ, что жители Гердонеи начали колебаться въ своей вѣрности Аннибалу, особенно съ того времени, какъ получено было извѣстіе, что онъ, потерявъ Салапію, удалился изъ близьлежащихъ мѣстъ въ землю Бруттіевъ. Междутѣмъ, и Аннибалъ отъ своихъ шпіоновъ зналъ обо всемъ, что дѣлалось у Гердонеи, и извѣстіе это заставило его позаботиться объ удержаніи въ своей власти союзнаго города, и вмѣстѣ подало надежду въ расплохъ аттаковать непріятеля. Съ войскомъ налегкѣ (безъ тяжестей) Аннибалъ длинными переходами столь поспѣшно двинулся къ Гердонеѣ, что опередилъ почти слухъ о своемъ движеніи, чтобы сильнѣе поразить непріятеля ужасомъ, онъ подошелъ съ войскомъ, расположеннымъ въ боевомъ порядкѣ. Римской вождь, не смотря на неравенство своихъ дарованій и силъ своего войска, показалъ такую же смѣлость, на скорую руку вывелъ войска изъ лагеря и далъ сраженіе. Пятый легіонъ и конница на лѣвомъ крылѣ храбро вступили въ дѣло. Аннибалъ

далъ приказаніе своей конницѣ, чтобы она, пока пѣхота своимъ натискомъ обратитъ на себя все вниманіе и силы непріятеля, обошедши его съ тылу, напала частью на его лагерь, частью на сражающихся сзади. А самъ Аннибалъ ободрялъ своихъ воиновъ вѣрною надеждою на неминуемый успѣхъ; для него служило ручательствомъ въ этомъ случаѣ самое имя Фульвія, такъ какъ два года тому назадъ въ этихъ самыхъ мѣстахъ поразилъ онъ претора Кн. Фульвія. Надежда Аннибала оказалась не тщетною: уже въ рукопашномъ бою много пало Римлянъ, но еще недвижно стояли ихъ ряды и знамена оставались на своихъ мѣстахъ; какъ вдругъ, къ сторонѣ лагеря и въ тылу, услыхали они топотъ конницы и воинскіе крики непріятелей. Аттака Нумидовъ сначала разстроила шестой легіонъ, стоявшій во второй боевой линіи; потомъ и пятой легіонъ и передніе ряды Римлянъ, должны были обратиться назадъ: одни бѣжали, другіе пали, будучи обойдены кругомъ непріятелемъ; тутъ палъ и самъ Кн. Фульвій съ одиннадцатью военными трибунами. Нѣтъ достовѣрныхъ извѣстій о томъ, сколько именно пало въ этомъ сраженіи Римлянъ и ихъ союзниковъ; одни говорятъ, что до тринадцати тысячь, а другіе только до семи. Лагерь и добыча достались побѣдителю. Аннибалъ, зная, что жители Гердонеи уже замышляли перейдти къ Римлянамъ, и что они, по его удаленіи, не останутся ему вѣрными, всѣхъ жителей изъ Гердонеи перевелъ въ Метапонтъ и Туріи, а городъ сжегъ. Тѣхъ же старѣйшинъ, которые уличены были въ тайныхъ сношеніяхъ съ проконсуломъ Фульвіемъ, казнилъ смертью. Римляне, уцѣлѣвшіе отъ этого побоища, разными дорогами, почти безоружные, собрались въ Самній къ консулу Марцеллу.

2. Марцеллъ весьма мало былъ встревоженъ этимъ несчастіемъ. Извѣщая сенатъ о гибели проконсула и его арміи подъ Гердонеею, Марцеллъ писалъ: что онъ все тотъ же Марцеллъ, который умѣлъ остудить воинскій жаръ Аннибала, возгордившагося Каннскою побѣдою, и что теперь пойдетъ онъ на встрѣчу непріятеля и сдѣлаетъ такъ, что радость его о теперешнемъ успѣхѣ будетъ кратковременна. Въ Римѣ было и сильное горе о прошедшемъ, и тревожное безпокойство за будущее. Марцеллъ изъ

Самнія перешелъ въ землю Лукановъ, и расположился лагеремъ у Нумистрона, въ виду непріятеля, на ровномъ мѣстѣ, между тѣмъ какъ Аннибалъ стоялъ на холмѣ. Тѣмъ еще показалъ увѣренность въ своихъ силахъ Марцеллъ, что первый вывелъ войско въ поле. Видя движеніе непріятеля, и Аннибалъ не отказался отъ боя: оба войска были расположены такъ, что правый флангъ Карѳагенскаго стоялъ на холмѣ, а лѣвый Римскаго примыкалъ къ городу. Отъ третьяго часу дня сраженіе продолжалось до наступленія ночи: первые ряды были утомлены боемъ. Римляне ввели въ дѣло первый легіонъ и правое крыло, а Аннибалъ Испанскихъ воиновъ и Балеарскихъ пращниковъ, и слоны, когда завязался рукопашный бой, приведены на поле сраженія. Долго въ битвѣ успѣхъ не склонялся ни на чью сторону. Мѣсто перваго легіона заступилъ третій, и мѣсто лѣваго—правое крыло союзниковъ; точно также и непріятель ввелъ свѣжія войска въ дѣло. Шедшій дотолѣ вяло бой, возобновился съ новымъ напряженіемъ силъ и ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ. Наступленіе ночи разлучило сражающихся, безъ рѣшительнаго перевѣса на той или другой сторонѣ. На другой день Римляне съ самого восхожденія солнца, въ продолженіи долгаго времени, стояли на полѣ битвы; но непріятель не выходилъ на встрѣчу. Тогда Римляне спокойно обобрали доспѣхи убитыхъ непріятелей, и тѣла своихъ воиновъ собравъ въ кучу, предали огню. Въ слѣдующую ночь Аннибалъ потихоньку снялъ лагерь и двинулся въ Апулію. Марцеллъ, съ наступленіемъ дня замѣтивъ бѣгство непріятеля, оставилъ въ Нумистронѣ раненыхъ, и небольшой гарнизонъ для ихъ прикрытія подъ начальствомъ военнаго трибуна, Л. Фурія Пурпуріона; а самъ двинулся по пятамъ Аннибала, и у Венузіи онъ его нагналъ. Здѣсь, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, были незначительныя стычки между передовыми отрядами, походившія болѣе на набѣгъ, чѣмъ на правильное сраженіе; они всѣ впрочемъ кончались въ пользу Римлянъ. Потомъ оба войска пошли по Апуліи; замѣчательныхъ военныхъ дѣйствій не было. Аннибалъ выступилъ въ походъ ночью, изыскивая случай къ какой нибудь военной хитрости; но Марцеллъ слѣдовалъ за нимъ только при свѣтѣ дня, и разузнавъ впередъ мѣстность.

3. Междутѣмъ, въ Капуѣ, Флаккъ тратилъ время, продавая съ аукціона помѣстія знатнѣйшихъ гражданъ, которыхъ поля для продажи были раздѣлены на участки; все промѣнялъ онъ на хлѣбъ. Какъ бы для того, чтобы не было недостатка для повода къ строгости въ отношеніи Кампанцевъ, черезъ доносчика узнали о новомъ, втайнѣ задуманномъ ими, преступномъ замыслѣ. Полководецъ Римскій вывелъ своихъ воиновъ изъ города какъ для того, чтобы вмѣстѣ съ полевыми участками, продать и конфискованные дома въ городѣ, такъ и подъ вліяніемъ опасенія, какъ бы соблазны городской жизни не подѣйствовали также разрушительно на его войско, какъ и на Аннибалово. Онъ приказалъ воинамъ самимъ соорудить себѣ жилища у стѣнъ и воротъ городскихъ: большая часть этихъ временныхъ помѣщеній были плетневыя, частью изъ тоненькихъ дощечекъ, покрытыя хворостомъ и сверху соломою; и съ умысломъ нельзя было приготовить лучшую пищу огню. Сто семьдесятъ Кампанцевъ, и во главѣ ихъ братья Блазіи, сговорились все это предать пламени въ часъ ночи. Изъ числа невольниковъ, принадлежавшихъ семейству Блозіевъ, нашлись доносчики; тотчасъ, по приказанію проконсула, ворота были заперты; воины, по данному сигналу, схватились за оружіе; всѣ виновные въ умыслѣ захвачены и, послѣ жестокой пытки, осуждены и казнены смертью: доносчикамъ дана свобода и по десяти тысячь ассъ. Жители Нуцеры и Ацерры жаловались, что имъ нѣгдѣ жить, такъ какъ часть Ацерры сгорѣла; Нуцерія же разрушена до основанія; Фульвій отослалъ ихъ въ Римъ къ Сенату. Первымъ дозволено возвести вновь разрушенныя огнемъ строенія; вторые же—жители Нуцеры—предпочли поселиться въ Ателлѣ, куда и отведены; а жителямъ Ателлы велѣно перебраться въ Калатію.

Несмотря на многія и важныя событія, которыя сосредоточивали все вниманіе Римлянъ своимъ то благопріятнымъ, то неблагопріятнымъ оборотомъ, не забыли они подумать и о Тарентинской крѣпости. Легаты, М. Огульній и П. Аквилій, отправлены въ Этрурію съ порученіемъ скупить хлѣбъ и отправить его въ Тарентъ. Вмѣстѣ съ хлѣбомъ посланы въ подкрѣ-

пленіе гарнизона тысячу человѣкъ изъ войска, находившагося въ городѣ; въ томъ числѣ находилась половина Римлянъ и половина союзниковъ.

4. Лѣто уже приближалось къ концу и наступало время консульскихъ выборовъ. Марцеллъ въ письмахъ своихъ говорилъ, что польза государственная не дозволяетъ ему оставить преслѣдованіе Аннибала, который постоянно отступалъ передъ консуломъ, сдѣлавшимся для него опаснымъ, и отказывался отъ боя съ нимъ; потому явилось опасеніе одного изъ двухъ: или надобно было консула Марцелла отозвать отъ военныхъ дѣйствій, начинавшихъ принимать важный оборотъ, или, въ продолженіи цѣлаго года, не имѣть консуловъ. А потому сочли за лучшее вызвать консула Валерія изъ Сициліи, хотя онъ находился и за предѣлами Италіи. По приказанію сената, городовой преторъ Л. Манлій написалъ къ нему объ этомъ, приложивъ и письма Марцелла для того, чтобы Валерій усмотрѣлъ изъ нихъ, по какой причинѣ сенатъ отзываетъ именно его, а не Марцелла.

Около этого времени прибыли въ Римъ послы царя Сифакса; они принесли извѣстіе объ успѣхахъ его въ военныхъ дѣйствіяхъ съ Карѳагенянами и увѣреніе, что ихъ государь столь же враждебно расположенъ къ Карѳагенянамъ, сколько дружелюбно къ Римлянамъ; и прежде послы его ходили въ Испанію къ вождямъ Римскимъ Кн. и П. Корнелію; теперь же они предпочли искать дружбы Римлянъ, такъ сказать, въ самомъ источникѣ. Сенатъ не только далъ посламъ Сифакса самый ласковый отвѣтъ, но и отправилъ къ нему своихъ пословъ съ дарами; то были Л. Генуцій, П. Петелій и П. Попиллій. Дары они понесли къ царю: тогу и тунику изъ порфиры, креслa изъ слоновой кости, чашу золотую въ пять фунтовъ вѣсу. Велѣно посламъ обойдти также и нѣкоторыхъ другихъ царьковъ въ Африкѣ; имъ посланы въ даръ тоги претексты (шитыя одежды) и золотыя чаши, каждая по три фунта вѣсомъ. Въ Александрію къ, царствовавшимъ тамъ, Птоломею и Клеопатрѣ отправлены послами М. Атилій и М. Ацилій для поддержанія и скрѣпленія дружественныхъ отношеній; они понесли дары: царю тогу и тунику порфировыя и кресло изъ слоновой кости, а царицѣ разноцвѣтную одежду и облаченіе изъ порфиры.

Въ продолженіи того лѣта когда, происходили вышеписанныя событія, получено извѣстіе о многихъ чудесныхъ явленіяхъ въ близь лежащихъ городахъ и поляхъ: въ Тускулѣ родился теленокъ съ сосцемъ, дававшимъ молоко; въ самый верхъ Юпитерова храма ударила молнія и сорвала почти всю крышу. Почти въ тѣ же самые дни въ Анагніи молнія ударила въ землю у городскихъ воротъ, и она тамъ горѣла день и ночь безо всякой пищи огню. Птицы у Анагнинскаго капища, въ священной рощѣ Діаны, оставили гнѣзда на деревьяхъ. Въ морѣ у Террачины, близь самой пристани, ужи громадной величины прыгали изъ воды наподобіе рыбъ, когда тѣ играютъ на солнцѣ. Въ Тарквиніяхъ родилась свинья съ лицомъ человѣческимъ; на Капенатскомъ полѣ, въ священной Феронійской рощѣ, на четырехъ статуяхъ днемъ и ночью выступалъ сильный кровавый потъ. Эти чудесныя явленія, вслѣдствіе декрета первосвященниковъ, были искуплены большими жертвами; назначено молебствіе одинъ день въ Римѣ у всѣхъ жертвенниковъ, а на другой день на Капенатскомъ полѣ, у священной Феронійской рощи.

5. Консулъ М. Валерій, вызванный письмомъ Сената Римскаго, поручилъ претору Цинцію провинцію и войско, а М. Валерія Мессалу, начальствовавшаго надъ флотомъ, отправилъ съ частью судовъ въ Африку какъ для опустошенія ея береговъ, такъ и для разузнанія о намѣреніяхъ и приготовленіяхъ Карѳагенянъ; самъ же съ десятью судами отправился въ Римъ, куда и прибылъ благополучно; тотчасъ созвалъ онъ Сенатъ; здѣсь представилъ онъ обзоръ дѣйствій его управленія: въ продолженіи шестидесяти лѣтъ Сицилія была театромъ военныхъ дѣйствій какъ на сухомъ пути, такъ и на морѣ, сопровождаемыхъ нерѣдко большими пораженіями. Теперь же онъ умирилъ эту область: не осталось въ ней ни одного Карѳагенянина и ни одного Сицилійца изъ тѣхъ, которые подъ вліяніемъ страха бѣжали оттуда; всѣ жители возвратились въ города и поля къ своимъ жилищамъ, обработываютъ свои нивы и засѣваютъ ихъ. Опустѣвшая было сторона заселяется вновь, доставляя все въ избыткѣ самимъ жителямъ, и вмѣстѣ служа самымъ вѣрнымъ запаснымъ магазиномъ хлѣба для Римлянъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время.

Потомъ были введены въ Сенатъ какъ Мутинъ, такъ и другія лица, оказавшія заслуги народу Римскому; всѣмъ имъ оказаны почести во исполненіе честнаго слова, даннаго консуломъ. Мутинъ сдѣланъ даже гражданиномъ Римскимъ; народный трибунъ, съ утвержденія сената, предложилъ объ этомъ народному собранію.

Между тѣмъ какъ это происходило въ Римѣ, М. Валерій съ пятидесятью судами подошелъ къ берегамъ Африкѣ передъ разсвѣтомъ и неожиданно сдѣлалъ высадку на Утикскомъ полѣ. Опустошивъ его на далекое пространство, онъ захватилъ много плѣнныхъ и добычи всякаго рода, возвратился къ судамъ и отправился назадъ въ Сицилію, куда и прибылъ въ Лилибей на тринадцатый день по выступленіи оттуда. Отъ плѣнныхъ, вслѣдствіе допросовъ, узнали и узнанное тотчасъ аккуратно написали консулу Лэвину для того, чтобы онъ зналъ настоящее положеніе дѣлъ въ Африкѣ: въ Карѳагенѣ стоятъ пять тысячь Нумидовъ, подъ начальствомъ молодаго человѣка съ отличными способностями—Масиниссы, сына Галы; по всей Африкѣ нанимаютъ воиновъ, которые будутъ отправлены въ Испанію къ Аздрубалу для того, чтобы тотъ съ войскомъ, сколько возможно большимъ, при первой возможности, перешелъ въ Италію и соединился съ Аннибаломъ. По мнѣнію Карѳагенянъ, отъ успѣха этого предпріятія зависитъ успѣшное окончаніе войны; кромѣ того готовится огромный флотъ для нападенія на Сицилію, флотъ, котораго выступленія ожидали въ самомъ скоромъ времени. Когда консулъ прочиталъ въ сенатѣ донесеніе Валерія, то сенатъ до того былъ встревоженъ, что немедленно высказалъ свое мнѣніе о невозможности консулу дожидаться производства консульскихъ выборовъ, а о необходимости ему немедленно возвратиться въ провинцію, назначивъ диктатора для производства выборовъ. Тутъ возникло несогласіе: консулъ говорилъ, что онъ назначитъ въ Сициліи диктаторомъ М. Валерія Мессалу, въ то время начальствовавшаго тамъ флотомъ; а сенаторы утверждали, что диктаторъ законно не можетъ быть назначенъ внѣ Римской области, а она ограничивается предѣлами Италіи. По предложенію, относительно этого вопроса сдѣланному, народнымъ трибуномъ, М. Лукреціемъ сенатъ опредѣлилъ: консулъ, прежде чѣмъ оставить городъ, долженъ предложить народу, кого ему угодно избрать диктаторомъ, и назначить таковаго, согласно указанію народнаго собранія. Если консулъ откажется предложить объ этомъ народу, то это долженъ сдѣлать преторъ; если же и тотъ не согласится, то народные трибуны должны объ этомъ предложить народному собранію. Консулъ и самъ отказался спросить народъ о томъ, что принадлежало собственно къ правамъ его власти, и запретилъ претору заступить на этотъ разъ его, консула, мѣсто. Тогда трибуны предложили народу, и тотъ назначилъ быть диктаторомъ К. Фульвію, въ то время находившемуся подъ Капуею. Но въ ночь передъ тѣмъ днемъ, въ который назначено было народное собраніе, консулъ тайкомъ отправился въ Сицилію. Сенатъ, покинутый консуломъ, положилъ писать консулу М. Клавдію, и просить его вывести общественное дѣло изъ затруднительнаго положенія, въ какое поставилъ его поступокъ его товарища, и назначить диктаторомъ того, кого выбралъ народъ. Такимъ образомъ, консулъ М. Клавдій назначилъ диктаторомъ К. Фульвія; вслѣдствіе постановленія того же народнаго собранія, диктаторъ, К. Фульвій, назначилъ предводителемъ всадниковъ, великаго первосвященника, П. Лицинія Красса.

6. Диктаторъ прибылъ въ Римъ; тотчасъ отправилъ онъ К. Семпронія Блэза, находившагося при немъ у Капуи легатомъ, въ Этрурію къ войску на мѣсто претора К. Кальпурнія, котораго онъ пригласилъ письмомъ принять начальство надъ Капуею и находившеюся тамъ, бывшею его, арміею. За тѣмъ диктаторъ назначилъ выборы въ первый, какой было возможно, день; но они не состоялись тогда, по случаю спора, возникшаго между диктаторомъ и народными трибунами. Триба Галерія младшая, которой по жеребью досталось подать первый голосъ, назначила консулами К. Фульвія и К. Фабія, и прочія трибы, приглашенныя по очереди къ подачѣ голосовъ, готовились сдѣлать тоже самое; но трибуны народные, К. и А. Арреніи, вступились, говоря, что, съ одной стороны—оставлять въ однихъ и тѣхъ же рукахъ на долгое время власть—мало согласно съ обязанностью вольныхъ гражданъ, а съ другой, еще опаснѣе и неприличнѣе тому, кто упра-

властъ выборами, избирать себя самого. Вслѣдствіе этого, трибуны народные объявили, что если только диктаторъ станетъ записывать голоса на свое имя, то они, трибуны, остановятъ выборы; но они предоставятъ имъ безпрепятственный ходъ, чьи бы имена ни были объявлены, кромѣ диктатора. Тотъ защищалъ дѣло выборовъ авторитетомъ сената, постановленіемъ народнаго собранія и бывшими примѣрами. При консулѣ Сервиліѣ, когда товарищъ его, К. Фламиній, другой консулъ, палъ въ Тразименской битвѣ, состоялось мнѣніе сенаторовъ, предложенное на утвержденіе народнаго собранія, которое и постановило: до тѣхъ поръ, пока военныя дѣйствія будутъ происходить въ Италіи, народъ имѣетъ право выбирать вновь, сколько бы то разъ ни было, людей, бывшихъ уже консулами. Примѣры того были: въ старыя времена Л. Постумъ Мегеллій; онъ на тѣхъ же выборахъ, которыми управлялъ въ качествѣ *временнаго правителя*, былъ избранъ консуломъ, вмѣстѣ съ К. Юніемъ Бубулькомъ. Да и вовсе недавно, К. Фабій самъ себѣ продолжилъ консульство, чего бы онъ никогда не сдѣлалъ, если бы того не требовала общественная польза. Долго происходилъ на словахъ споръ между консуломъ и трибунами; наконецъ, они согласились между собою отдаться на рѣшеніе сената. Сенатъ нашелъ, что обстоятельства отечества требуютъ ввѣрить судьбу его вождямъ старымъ, опытнымъ, и доказавшимъ на дѣлѣ свои военныя способности; а потому не нашелъ нужнымъ останавливать выборы. Трибуны уступили, и выборы произведены; консулами объявлены К. Фабій Максимъ въ пятый разъ, и К. Фульвій Флаккъ въ четвертый. Вслѣдъ за тѣмъ избраны преторы: Л. Ветурій Филонъ, Т. Квинкцій Криспинъ, К. Гостилій Тубулъ и К. Аврункулеій. По окончаніи выборовъ во всѣ ежегодныя должности, К. Фульвій сложилъ съ себя диктаторскую власть.

Въ концѣ этого лѣта, Кареагенскій флотъ изъ 40 судовъ, подъ начальствомъ Гамилькара, приплылъ къ берегамъ Сициліи; онъ началъ было опустошать Ольбіенское поле; но когда явился преторъ П. Манлій Вульсо съ войскомъ, то Кареагеняне отправились на другой берегъ острова, опустошили Каралитанское поле и съ добычею всякаго рода возвратились въ Африку.

Въ этомъ году умерло въ Римѣ нѣсколько духовныхъ лицъ и мѣста ихъ заступили другія. К. Сервилій сдѣланъ первосвященникомъ вмѣсто Т. Отацилія Красса; Тиб. Семпроній Тиб. Ф. Лонгъ назначенъ Авгуромъ вмѣсто Т. Отацилія Красса; а мѣсто Тиб. Семпронія, бывшаго децемвиромъ для священнодѣйствій, заступилъ Тиб. Семпроній Тиб. Ф. Лонгъ. Умерли—царь священнодѣйствій, М. Марцій, и великій куріонъ М. Эмилій Паппъ, но мѣста ихъ, въ продолженіи этого года, остались незамѣщенными.

Въ этомъ году были цензорами Л. Ветурій Филонъ и П. Лициній Крассъ, великій первосвященникъ. Крассъ Лициній не былъ ни консуломъ, ни преторомъ до назначенія въ цензоры; изъ эдиля онъ прямо сдѣлался цензоромъ. Впрочемъ, этимъ цензорамъ не пришлось ни произвесть пересмотръ сената, ни исполнить въ какомъ либо другомъ отношеніи ихъ служебныя обязанности. Причиною было скорая смерть Л. Ветурія, вслѣдствіе которой и Лициній отказался отъ цензорства. Эдили курульные, Л. Ветурій и П. Лициній Варъ, праздновали въ продолженіи одного дня игры Римскія. Народные эдили, К. Катій и Л. Порцій Лицинъ, изъ штрафныхъ денегъ поставили у храма Цереры мѣдныя статуи, и дали игры, по тому времени весьма роскошныя.

7. Въ концѣ этого года прибылъ въ Римъ Лэлій, на тридцать четвертый день по отъѣздѣ изъ Тарраконы. Множество народу сбѣжалось смотрѣть, какъ онъ входилъ въ городъ, въ сопровожденіи цѣлаго строя плѣнныхъ. На другой день, Лэлій, будучи введенъ въ Сенатъ, сообщилъ ему о взятіи однимъ днемъ Кареагена, столицы Испаніи, о занятіи нѣкоторыхъ городовъ, измѣнившихъ было нашему союзу, и о добровольномъ присоединеніи къ нему новыхъ. Отъ плѣнныхъ получены извѣстія, почти во всемъ согласныя съ тѣми, которыя сообщены М. Валеріемъ Мессалою въ его донесеніи. Особенно обезпокоило сенаторовъ намѣреніе Аздрубала перейдти въ Италію, которая едва была въ состояніи противустоять одному Аннибалу и его арміи. Лэлій, явясь въ народное собраніе, высказалъ тоже, что и въ Сенатѣ. Сенатъ, по случаю успѣшныхъ военныхъ дѣйствій П. Сципіона, объявилъ молебствіе на одинъ день; а К. Лэлію приказалъ, какъ

можно скорѣе, возвратиться въ Испанію съ тѣми же судами, на которыхъ онъ прибылъ. Я отнесъ къ этому году взятіе Карѳагена, хотя не безъизвѣстно мнѣ, что нѣкоторые историки это событіе относятъ къ слѣдующему году; но, мнѣ кажется довольно невѣроятнымъ, чтобы Сципіонъ цѣлый годъ провелъ въ Испаніи, ничего не дѣлая.

К. Фабію Максиму, въ пятый разъ избранному консуломъ, и К. Фульвію Флакку въ четвертый разъ. въ тотъ день, когда они вступили въ отправленіе должностей, а именно въ Мартовскіе Иды, указана Сенатомъ провинція обоимъ одна—Италія, но каждому назначенъ особый ея участокъ: Фабій долженъ былъ дѣйствовать у Тарента, а Фульвій въ землѣ Луканцевъ и Бруттійцевъ. М. Клавдію на годъ отсрочена власть. Преторамъ по жеребью достались провинціи: К. Гостилію Тубулу — судопроизводство въ Римѣ надъ гражданами, Л. Ветурію Филону — таковое же надъ иноземцами, и ему же досталась Галлія, Т. Квинкцію Криспину—Капуя, а К. Аврункулею—Сардинія. Войско такъ распредѣлено по провинціямъ: Фульвію декретомъ сената даны два легіона, которыми въ Сициліи начальствовалъ М. Валерій Лэвинъ; а К. Фабію—тѣ легіоны, которыми начальствовалъ въ Этруріи К. Кальпурній. Войско, находившееся въ Римѣ, должно было заступить мѣсто бывшаго въ Этруріи; К. Кальпурній долженъ былъ начальствовать надъ нимъ и надъ тою же провинціею. Капуя и та армія, которая была подъ начальствомъ К. Фульвія—должны были достаться Т. Квинкцію. Л, Ветурій долженъ былъ принять отъ пропретора К. Лэторія его провинцію и то войско, которое находилось въ Ариминѣ. М. Марцеллу даны декретомъ Сената тѣ легіоны, которыми онъ начальствовалъ въ качествѣ консула. М. Валерію, вмѣстѣ съ Л. Цинціемъ—имъ обоимъ отсрочена еще власть въ Сициліи — назначено бывшее Каннское войско, и велѣно его пополнить остатками легіоновъ К. Фульвія. Консулы, разыскавъ ихъ, отправили въ Сицилію, и имъ вмѣнена военная служба въ такое же позорное наказаніе, какъ сдѣлано то декретомъ сената для воиновъ, бывшихъ въ Каннской битвѣ, и для, бѣжавшихъ съ поля сраженія, воиновъ арміи К. Фульвія. К. Аврункулею даны въ Сардиніи тѣ же легіоны, съ которыми защищалъ эту провинцію П. Манлій Вульсо. П. Сульпицію про-

должена также на годъ власть, и велѣно съ тѣмъ же легіономъ и флотомъ держать Македонію въ страхѣ. Сдѣлано распоряженіе объ отправленіи 30 пятивесельныхъ судовъ изъ Сициліи въ Тарентъ къ консулу К. Фабію; съ остальнымъ флотомъ долженъ былъ, для опустошенія береговъ Африки, или отправиться самъ М. Валерій Лэвинъ, или послать Л. Цинція и М. Валерія Мессалу. Относительно Испаніи не сдѣлано также ни какихъ перемѣнъ; только Сципіону и Силану продолжена власть и не на годъ, а пока сенату заблагоразсудится отозвать ихъ. Такимъ то образомъ, на этотъ годъ, распредѣлены были провинціи и арміи.

8. Среди заботъ о важныхъ дѣлахъ, выборы на мѣсто великаго куріона, очистившееся послѣ жреца М. Эмилія, возбудили старинную борьбу. Патриціи говорили, что не слѣдуетъ выбирать К. Мамиллія Ателла — онъ одинъ изъ плебеевъ искалъ этого мѣста, и мнѣніе свое патриціи основывали на томъ, что донынѣ это мѣсто занимали исключительно одни патриціи. Трибуны народные, будучи вызваны, отдали это дѣло на судъ сената. Сенатъ предоставилъ народу право поступить такъ, какъ ему будетъ угодно. Такимъ образомъ, первымъ великимъ куріономъ изъ плебеевъ былъ—К. Мамиллій Ателлъ.

Великій первосвященникъ, П. Лициній, принудилъ Діальскаго (Юпитерова) фламина посвятить противъ воли К. Валерія Флакка. Децемвиромъ для совершенія священнодѣйствій выбранъ на мѣсто умершаго К. Муція Сцеволы—К. Лэторій. Охотно бы я умолчалъ о принужденномъ посвященіи фламина, если бы его худая слава не перешла въ добрую. За, проведенную безпорядочно и распутно, молодость фламинъ, К. Флаккъ, получилъ строгій выговоръ отъ великаго первосвященника П. Лицинія; за порочную жизнь Флакка не любилъ и его братъ Л. Флаккъ и прочіе родные. Но, занявшись дѣятельно святынею и ея обрядами, Флаккъ вдругъ отказался отъ всѣхъ своихъ старыхъ привычекъ и перемѣнился до того, что, по сознанію, не только его родныхъ, но и чужихъ лицъ, первыхъ между патриціями, онъ сдѣлался примѣрнымъ по своей жизни молодымъ человѣкомъ. Высоко поставленный этимъ въ общемъ мнѣніи, К. Флаккъ основательно былъ самъ въ себѣ увѣренъ до того, что успѣлъ получить доступъ въ сенатъ, каковое право утратили было его

предшественники, фламины, по своему нерадѣнію. К. Флаккъ вошелъ въ сенатъ; но преторъ П. Лициній хотѣлъ его вывести; тогда фламинъ призвалъ на помощь трибуновъ народныхъ; онъ отстаивалъ древнее право священства, данное ему съ вышитою одеждою, курульнымъ кресломъ и знакомъ фламинскаго достоинства. Преторъ говорилъ съ своей стороны, что право должно быть основано не на примѣрахъ, содержащихся въ, полуистлѣвшихъ отъ древности, лѣтописяхъ, но на обычаяхъ, находящихся теперь въ употребленіи; а между тѣмъ за память отцовъ ихъ, и дѣдовъ, ни одинъ фламинъ Діальскій не домогался этого права. Трибуны подали отъ себя мнѣніе, что званіе священства не должно терять своего права, пришедшаго въ забвеніе отъ нерадѣнія лицъ, занимавшихъ эту должность. Преторъ также не сталъ упорно настаивать на своемъ, и потому фламинъ былъ введенъ въ сенатъ, при общемъ одобреніи и патриціевъ, и простолюдиновъ. Всѣ были того мнѣнія, что фламинъ достигъ этой чести, не столько по праву священства, сколько за святость его жизни.

Консулы, прежде чѣмъ отправиться имъ въ провинціи, набрали въ Римѣ два легіона для комплектованія прочихъ войскъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они будутъ имѣть нужду въ воинахъ. Находившееся же прежде въ Римѣ, войско консулъ Фульвій поручилъ брату своему, и вмѣстѣ легату, К. Фульвію Флакку, вести въ Этрурію, а бывшіе тамъ легіоны привести въ Римъ. Консулъ Фабій, разыскавъ остатки Фульвіева войска въ числѣ четырехъ тысячъ трехсотъ тридцати четырехъ воиновъ, поручилъ ихъ К. Максиму сыну вести въ Сицилію къ проконсулу М. Валерію, а отъ него принять два легіона и тридцать судовъ о пяти рядахъ веселъ. И по удаленіи изъ острова этихъ легіоновъ, защищавшее его войско не должно было ослабѣть ни силами, ни численностью. Не только тамъ находились два легіона въ полномъ комплектѣ и значительный отрядъ перебѣжчиковъ Нумидовъ пѣшихъ и конныхъ; но М. Валерій сформировалъ еще войско изъ Сицилійцевъ, пріобрѣтшихъ воинскую опытность въ арміи Эпицида и Кароагенской. Каждый легіонъ съ этими вспомогательными силами составлялъ отдѣльное войско, и потому

Сицилія была защищаема по прежнему двумя арміями. Съ одною Валерій приказалъ Л. Цинцію защищать ту часть острова, которая составляла прежде царство Гіерона, а съ другою самъ защищалъ ту часть острова, которая прежде была раздѣлена между Римлянами и Кароагенянами; сверхъ того, былъ готовъ флотъ изъ 70 судовъ, который долженъ былъ защищать все протяженіе морскаго берега. Валерій съ Муттиновою конницею объѣхалъ островъ, осматривая поля, замѣчая, гдѣ они воздѣланы и гдѣ нѣтъ, и, сообразно съ этимъ, осыпая похвалами или выговорами владѣльцевъ. Такою заботливостью проконсулъ пріобрѣлъ столько хлѣба, что часть отправилъ въ Римъ, а много свезъ въ Катину для отправленія къ войску, которое, съ наступленіемъ лѣта, должно было дѣйствовать подъ Тарентомъ.

9. Впрочемъ, ссылка воиновъ въ Сицилію — большая часть ихъ состояла изъ Латинцевъ и союзниковъ — послужила было поводомъ къ сильному волненію; такъ, незначительные по видимому, случаи условливаютъ нерѣдко важныя событія. На сходкахъ Латинцевъ и союзниковъ слышался ропотъ: истощены де они наборами и податями въ продолженіи 10 лѣтъ; почти каждый годъ войны ознаменованъ сильнымъ побоищемъ; одни погибаютъ отъ меча, другіе отъ болѣзней. Участь тѣхъ, которые попадаютъ въ руки непріятеля, завиднѣе участи тѣхъ, которые по набору поступаютъ въ ряды Римскихъ войскъ. Аннибалъ безъ выкупа отпускаетъ плѣнныхъ по домамъ, а Римляне союзниковъ отсылаютъ на службу внѣ Италіи, которую правильнѣе можно назвать ссылкою. Вотъ уже восьмой годъ, какъ воины, бывшіе въ Каннскомъ сраженіи, сѣдѣютъ въ Сициліи, да и успѣютъ они умереть прежде, чѣмъ оставитъ Италію врагъ, цвѣтущій именно теперь силами больше, чѣмъ когда нибудь. Если прежде ихъ наборовъ воины не будутъ возвращаться въ отечество, а будутъ все набираемы вновь, то скоро не останется ни одного человѣка; а потому, надобно наконецъ отказать народу Римскому въ томъ, въ чемъ не замедлитъ обнаружиться сама собою совершенная невозможность и прежде, чѣмъ придутъ они въ совершенное сиротство и нищету. Если Римляне увидятъ, что союзники согласились въ этомъ между собою за одно, то

они подумаютъ тогда непремѣнно о заключеніи мира съ Карѳагенянами; иначе, пока живъ Аннибалъ, Италія всегда будетъ театромъ войны. Вотъ, что толковали на сходкахъ Латинянъ. Въ то время Римскихъ поселеній было тридцать; изъ нихъ двенадцать, черезъ своихъ пословъ, находившихся въ Римѣ, отказали консуламъ въ помощи, говоря, что имъ неоткуда взять ни денегъ, ни воиновъ. Эти поселенія были: Ардеа, Непете, Сутріумъ, Альба, Карсеоли, Сора, Суесса, Цирцеи, Сетіа, Калесъ, Нарніа, Интерамна. Консулы были поражены такою новостью; они хотѣли заставить поселенія отказаться отъ столь постыднаго умысла. Полагая, что въ этомъ случаѣ строгость и твердость можетъ принести болѣе пользы, чѣмъ снисходительность, консулы сказали представителямъ колоній, что они—того, что они осмѣлились обьявить консуламъ—не рѣшатся никогда повторить въ сенатѣ; такъ какъ со стороны колоній такой образъ дѣйствій значитъ уже не только уклоненіе отъ обязанностей военной службы, но есть явная измѣна народу Римскому. А потому, пусть они поспѣшатъ возвратиться по домамъ, и пусть снова, какъ будто ничего и не было, посовѣтуются съ своими согражданами объ этомъ дѣлѣ; а они, консулы, будутъ того убѣжденія, что они только поговорили о такомъ преступленіи, но на самомъ дѣлѣ никогда на него не рѣшались. Пусть они напомнятъ своимъ согражданамъ, что они не Кампанцы, и не Тарентинцы, но Римляне; что, получивъ происхожденіе въ Римѣ, отправлены они селиться на поляхъ, пріобрѣтенныхъ войною, съ цѣлью распространенія предѣловъ отечества Буде у нихъ только есть какая нибудь память, какое нибудь чувство, то они должны знать, что ихъ связываютъ съ Римлянами тѣже отношенія, какія дѣтей съ родителями; а потому пусть они снова подумаютъ объ этомъ дѣлѣ. То же намѣреніе, за которое они взялись такъ необдуманно, означаетъ измѣну Римскому владычеству, и желаніе доставить побѣду Аннибалу. Рѣчи консуловъ не произвели никакого дѣйствія на представителей колоній; они говорили, что нѣчего имъ обьявить согражданамъ при возвращеніи домой; вновь же совѣтоваться имъ объ этомъ дѣлѣ съ сенатомъ совершенно излишне, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни воиновъ для набора, ни денегъ на жалованье имъ.

Консулы, видя ихъ упорство, доложили объ этомъ сенату. Такой страхъ овладѣлъ умами сенаторовъ, что большая часть ихъ считали могущество Рима погибшимъ: прочіе союзники и прочія колоніи не замедлятъ также поступить; тайно умыслили они всѣ предать Аннибалу Римъ.

10. Консулы старались утѣшить сенатъ своими убѣжденіями; они представляли, что прочія колоніи останутся вѣрны своему долгу, да и тѣ, которыя измѣнили своимъ обязанностямъ, не замедлятъ преклониться передъ властью Рима, если къ нимъ будутъ отправлены послы не просить, но сдѣлать имъ строгой выговоръ. Сенатъ далъ полномочіе консуламъ дѣйствовать такъ, какъ они сочтутъ согласнымъ съ общественною пользою. Консулы, прежде разузнавъ расположеніе умовъ въ прочихъ колоніяхъ, вызвали пословъ, и спросили ихъ: имѣютъ ли они готовыхъ воиновъ по росписанію. М. Секстилій Фрегелланъ отвѣчалъ отъ имени двадцати двухъ колоній, что и воины у нихъ готовы соразмѣрно назначенію, да и въ случаѣ нужды согласны выставить большее число; съ величайшею готовностью ради они исполнять всѣ требованія и приказанія народа Римскаго; и силъ у нихъ на это достанетъ, да и мужества еще они не потеряли. Консулы сказали посламъ колоній, что считаютъ, несоразмѣрнымъ съ ихъ заслугою, благодарить ихъ только отъ себя; но, находя нужнымъ, чтобы весь сенатъ оцѣнилъ ихъ образъ дѣйствій, велѣли они имъ слѣдовать за собою въ сенатъ. Тутъ сенаторы декретомъ, въ сколько возможно лестныхъ выраженіяхъ, благодарили пословъ колоній, и поручили консуламъ вывести ихъ къ народу и, сверхъ многихъ славныхъ заслугъ, оказанныхъ имъ и предкамъ, обьявить во всеобщее свѣдѣніе о теперешней ихъ готовности служить славѣ Рима. Да и теперь, по прошествіи столькихъ вѣковъ, несправедливо было бы умолчать объ именахъ этихъ поселенцевъ, и лишить ихъ такимъ образомъ заслуженной похвалы; то были Сигнины, Норбаны, Сатикуланы, Фрегелланы, Луцерины, Венузины, Брундизины, Гадріаны, Фирманы и Ариминцы; съ другаго морскаго берега—Понтіаны, Пэстаны, Козаны; поселенные въ серединѣ земель—Беневентаны, Эзернины, Сполетины, Плацентины и Кремонцы. Поддержкою этихъ коло-

ній устояло тогда владычество народа Римскаго, и они то получили благодарность и сената и народа. О двенадцати же колоніяхъ, которыя отказались повиноваться, сенатъ запретилъ и упоминать; ихъ пословъ положено и ни задерживать, ни отпускать и не вызывать къ консуламъ; такое пренебреженіе сочтено образомъ дѣйствій, наиболѣе согласнымъ съ достоинствомъ народа Римскаго.

Консулы, изготовляя предметы нужные для войны, положили вынуть запасъ золота, образовавшійся отъ вноса двадцатой части и хранившійся въ самомъ священномъ казначействѣ на случай крайней нужды. Оттуда вынуто до четырехъ тысячь фунтовъ золота. Пятьсотъ пятьдесятъ фунтовъ даны консуламъ, М. Марцеллу и П. Сульпицію проконсуламъ, и пропретору Л. Ветурію, которому досталась по жеребью въ управленіе Галлія. Сверхъ того, дано Фабію еще сто фунтовъ золота, отдѣльно, для доставленія въ Тарентинскую крѣпость. Остальное употреблено для расплаты по подряду за изготовленіе одеждъ войску, которое въ Испаніи сражалось съ такою славою для себя и своего вождя.

11. Еще положено до отъѣзда консуловъ изъ города искупить нѣкоторыя чудесныя явленія: на Албанской горѣ громъ съ неба упалъ на изображеніе Юпитера и на дерево, стоявшее недалеко отъ храма, на Остійское озеро, на стѣну Капуи и храмъ Фортуны, на стѣну и ворота Синуессы; вотъ эти мѣста были поражены громомъ. Были люди, утверждавшіе, что вода Албанскаго источника текла окрашенная кровью. Въ Римѣ, въ храмѣ Крѣпкаго Счастія, на его изображеніи вѣнокъ, находившійся на головѣ, свалился на руку. Довольно положительнымъ считали извѣстіе, что въ Привернѣ быкъ проговорилъ, что тамъ же на площади, полной народу, коршунъ залетѣлъ въ лавку. Въ Синуессѣ родилось дитя съ половыми членами мужескими и женскими, что на языкѣ Греческомъ, болѣе нашего способномъ къ образованію двойныхъ словъ, называется въ простонародіи *андрогиномъ*. Говорили также, что шелъ дождь молокомъ, и родился ребенокъ мужескаго пола съ головою слона. Эти чудесныя явленія искуплены большими жертвами, и объявлено молебствіе на день у всѣхъ ложницъ боговъ и богинь. Еще постановлено, чтобы преторъ К. Гостилій далъ обѣтъ отпраздновать игры Аполлону, и отпраздновалъ ихъ согласно обѣту и уставу прежнихъ годовъ.

Въ это же время консулъ Фабій произвелъ ценсорскіе выборы. Избраны ценсорами М. Корнелій Цетегъ и П. Семпроній Тудитанъ; ни тотъ, ни другой не былъ еще ни разу консуломъ. Сенатъ свое предположеніе о дозволеніи ценсорамъ раздать въ аренду участки Кампанскаго поля, представилъ на утвержденіе народнаго собранія, и народъ утвердилъ его. Пересмотръ сената задержалъ было споръ между ценсорами по поводу выбора председателя, или старѣйшаго изъ сенаторовъ. Выборъ зависѣлъ отъ Семпронія; но Корнелій утверждалъ, что надобно соблюсти, завѣщанный предками, обычай — выбирать первоприсутствующимъ въ сенатъ перваго изъ остающихся въ живыхъ ценсоровъ; имъ былъ Т. Манлій Торкватъ. Семпроній, которому боги жеребьемъ предоставили право выбора, хотѣлъ имѣть его независимо отъ этого. Онъ говорилъ, что выборъ сдѣлаетъ по своему усмотрѣнію, и остановитъ его на К. Фабіѣ Максимѣ, который, и по сознанію Аннибала, безспорно первый изъ гражданъ Рима. Долго спорили; наконецъ, Корнелій уступилъ, и Семпроній выбралъ первоприсутствующимъ въ Сенатъ консула К. Фабія Максима. Потомъ избраны всѣ прежніе члены сената, за исключеніемъ восьми, въ числѣ коихъ былъ Л. Цецилій Метеллъ, постыдный виновникъ замысла оставить Италію, послѣ несчастнаго боя при Каннахъ. Относительно всадниковъ тоже обстоятельство послужило поводомъ къ такому же исключенію, но было весьма немного, на которыхъ палъ этотъ позоръ. У всѣхъ всадниковъ — а ихъ было много изъ легіоновъ, бывшихъ подъ Каннами, отняты лошади. Эту строгость усилили еще, продливъ срокъ службы: не зачитая въ нее того времени, которое они прослужили на общественныхъ лошадяхъ, велѣно имъ десять лѣтъ прослужить на своихъ собственныхъ. Кромѣ того, ценсоры розыскали большое число тѣхъ, которые должны были бы отправлять службу конные, и изъ этого числа тѣхъ, которые въ началѣ войны имѣли 17 лѣтъ отъ роду и не служили на войнѣ, всѣхъ записали въ классъ податныхъ. Потомъ, ценсоры отдали на выстройку зданія около общественной площа-

ди, разрушенныя пожаромъ; то были семь лавокъ, мясной рядъ, притворъ (atrium) и домъ, гдѣ собирались первосвященники (regia).

12. Окончивъ все то, что нужно было сдѣлать въ Римѣ, консулы отправились на войну. Первый Фульвій поѣхалъ въ Капую. Немного дней спустя, послѣдовалъ за нимъ Фабій. Онъ просилъ товарища своего лично, а Марцелла письмами, чтобы они задержали Аннибала сильными непріязненными дѣйствіями, пока онъ, Фабій, будетъ осаждать Тарентъ. Съ отнятіемъ этого города у непріятеля, онъ, будучи тѣснимъ отовсюду, не будетъ имѣть точки опоры и ничего вѣрнаго въ виду, и не найдетъ болѣе возможнымъ оставаться въ Италіи. Въ Регій отправилъ Фабій гонца къ начальнику тамошняго гарнизона, оставленнаго тамъ консуломъ Лэвиномъ противъ Бруттіевъ. Гарнизонъ этотъ состоялъ изъ восьми тысячь человѣкъ; большая часть воиновъ приведена была изъ Сициліи Агаѳирномъ (о чемъ мы упоминали выше), и привыкла жить грабежемъ. Присоединены сюда и нѣкоторые Бруттіи, перебѣжавшіе къ Римлянамъ, люди также отчаянные и готовые на все. Фабій приказалъ начальнику этого отряда сначала вести его опустошать поля Бруттіевъ, а потомъ взять приступомъ городъ Кавлонію. Воины исполнили приказаніе не только усердно, но даже съ жадностью; разграбивъ поля, а жителей разогнавъ, они съ большимъ напряженіемъ силъ приступали къ городу. Марцеллъ былъ возбужденъ письмами консула, а также онъ считалъ себя изо всѣхъ Римскихъ вождей болѣе всѣхъ достойнымъ стать на равнѣ съ Аннибаломъ. А потому, лишь только въ поляхъ явился подножный кормъ, онъ оставилъ зимнія квартиры, и пошелъ на встрѣчу Аннибала къ Канузію. Тамошнихъ жителей Аннибалъ склонялъ къ измѣнѣ; впрочемъ, услыхавъ о приближеніи Марцелла, онъ снялъ лагерь и двинулся оттуда. Мѣстность была ровная и открытая, безо всякой возможности для засадъ; а потому Аннибалъ началъ отступать къ гористымъ мѣстамъ. Марцеллъ преслѣдовалъ Аннибала по пятамъ, ставилъ свой лагерь подлѣ его и, приведя укрѣпленія лагеря къ концу, тотчасъ выводилъ легіоны въ поле въ боевомъ порядкѣ. Аннибалъ высылалъ отряды конницы и пѣшихъ стрѣлковъ и завязывалъ легкія схватки, но не считалъ нужнымъ вступать въ генеральный бой. Впрочемъ, онъ былъ наконецъ вовлеченъ въ рѣшительное сраженіе, котораго избѣгалъ съ такимъ стараніемъ. Аннибалъ выступилъ въ походъ ночью; но Марцеллъ нагналъ его въ мѣстѣ открытомъ и ровномъ, и, напавъ со всѣхъ сторонъ на воиновъ Аннибала, возводившихъ укрѣпленія лагеря, не давалъ имъ привести ихъ къ концу. Такимъ образомъ, знамена были подняты и обѣ стороны сразились всѣми своими силами; но, съ наступленіемъ ночи, онѣ разошлись, не имѣвъ ни та, ни другая рѣшительнаго успѣха. Лагери обѣихъ враждебныхъ армій, находившіеся въ самомъ близкомъ другъ отъ друга разстояніи, были укрѣплены на скорую руку прежде наступленія ночи. На другой день, на разсвѣтѣ, Марцеллъ вывелъ свои войска въ поле, да и Аннибалъ уже не отказывался принять бой. Только онъ обильною словами рѣчью ободрялъ воиновъ и убѣждалъ, припомнивъ Тразименъ и Канны, сломить кичливость непріятеля, который тѣснитъ, идетъ по пятамъ, не дозволяетъ устроить лагеря, ни, такъ сказать, осмотрѣться и перевесть духъ. Каждый день восходящее солнце поражаетъ своими лучами, уже стоящее въ боевомъ порядкѣ середи поля, Римское войско; но стоитъ ему получить одинъ кровавый урокъ, и потомъ оно будетъ вести войну тише и спокойнѣе. Такія убѣжденія сильно подѣйствовали на воиновъ, которымъ наскучила дерзость непріятелей, каждый день тревожившихъ ихъ движеніе. Храбро Карѳагеняне вступили въ дѣло; упорный бой продолжался болѣе 2-хъ часовъ; у Римлянъ начали отступать правое крыло и воины, находившіеся внѣ рядовъ (extraordinarii). Замѣтивъ это, Марцеллъ повелъ въ правую линію двадцатый легіонъ; но прежніе воины поспѣшно отступали, новые лѣниво заступали оставленныя ими мѣста, а потому замѣшательство обнаружилось по всей боевой линіи, которое кончилось совершеннымъ бѣгствомъ. Страхъ заставилъ забыть стыдъ, и Римскіе воины обратили тылъ. На полѣ сраженія и во время бѣгства, пало двѣ тысячи семьсотъ гражданъ и союзниковъ; въ томъ числѣ четыре Римскихъ сотника, и два военныхъ трибуна, М. Лициній и М. Гельвій. Сначала обратившійся въ бѣгство, отрядъ потерялъ 4 значка, а легіонъ, заступившій было мѣсто бѣжавшихъ союзниковъ, два.

13. Марцеллъ, по возвращеніи въ лагерь, сказалъ воинамъ рѣчь, столь строгую и суровую, что она имъ показалась прискорбнѣе дня, проведеннаго въ неблагополучномъ бою. «Благодарю еще въ этомъ случаѣ боговъ безсмертныхъ — говорилъ Марцеллъ — за то, что побѣдоносный непріятель не приступилъ къ лагерю, когда вы, въ ослѣпленіи ужаса, устремились на валъ и ворота. Повѣрьте мнѣ, что вы оставили бы и лагерь, подъ вліяніемъ той робости, черезъ которую вы потеряли сраженіе. А что это за робость, что за страхъ, что за забвеніе овладѣло умами вашими относительно того, кто вы и съ кѣмъ сражаетесь? Вѣдь это тѣ самые непріятели, побѣждая которыхъ и преслѣдуя побѣжденныхъ, провели вы все прошедшее лѣто. Да и на этихъ дняхъ вы шли по пятамъ, за непріятелемъ, бѣжавшимъ день и ночь, утомляли его частыми схватками. Вчера еще вы не допустили непріятеля ни продолжать путь, ни расположиться лагеремъ. Но оставлю то, чѣмъ вы могли бы гордиться, а упомяну только о томъ, что должно возбудить въ васъ и стыдъ и раскаяніе: еще вчера окончили вы бой, не уступивъ непріятелю. Что же принесли съ собою прошедшая ночь и этотъ день? Ваши ли силы уменьшились или непріятельскія прибавились? Кажется мнѣ, что говорю я не съ моимъ войскомъ, и не съ Римскими воинами; вижу я только передъ собою ихъ наружность и оружіе. Но если бы въ васъ оставался прежній духъ, то могъ ли бы непріятель увидать тылъ вашъ, и отнять значекъ хотя одной когорты или манипула (роты); а теперь хвалится онъ, что разбилъ Римскіе легіоны! Вчерашній день вы доставили ему славу обратить въ бѣгство Римское войско». Вслѣдъ за рѣчью раздались крики, чтобы Марцеллъ простилъ имъ этотъ день, и потомъ испыталъ, гдѣ захочетъ, расположеніе умовъ его воиновъ. «Хорошо, воины, я сдѣлаю это испытаніе; завтра выведу я васъ на бой для того, чтобы вы то прощеніе, о которомъ вы просите, получили скорѣе побѣдителями, чѣмъ побѣжденными». Когортамъ, утратившимъ значки, Марцеллъ велѣлъ на пищу отпустить ячмень; а сотниковъ тѣхъ ротъ, которыхъ значки пропали, велѣлъ смѣнить, снявъ съ нихъ пояса и и мечи. Онъ приказалъ, чтобы на другой день явились къ нему всѣ пѣшіе, и конные воины, въ полномъ вооруженіи. За тѣмъ

распущено собраніе воиновъ; сознавали они, что заслуженно получили брань, что, въ этотъ день, одинъ только человѣкъ въ рядахъ Римскихъ заслужилъ названіе *мужа*, и то былъ самъ вождь, и что стыдъ надобно загладить, или честною смертью, или блистательною побѣдою. На другой день воины въ полномъ вооруженіи явились къ вождю, согласно его приказанія. Онъ ихъ похвалилъ, но объявилъ, что онъ тѣхъ, которые подали примѣръ бѣгства, и тѣ когорты, которыя лишились значковъ, поведетъ въ первомъ ряду. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сказалъ онъ воинамъ, что имъ надобно сражаться и побѣдить, что каждому отдѣльно и всѣмъ вмѣстѣ надлежитъ стараться, чтобы въ Римъ не прежде пришло извѣстіе о вчерашнемъ пораженіи, какъ и о нынѣшней побѣдѣ. Потомъ Марцеллъ приказалъ воинамъ подкрѣпить себя пищею для того, чтобы они не изнемогли въ силахъ, въ случаѣ, если сраженіе будетъ долго продолжаться. Когда было сказано и сдѣлано все, что только могло служить для ободренія воиновъ, они выступили на поле сраженія.

14. Когда Аннибалу дали знать о движеніи Римлянъ, онъ сказалъ: «имѣемъ мы дѣло съ такимъ врагомъ, который не можетъ оставаться покоенъ ни въ счастіи, ни въ несчастіи! Въ случаѣ побѣды, не даетъ онъ отдыха побѣжденнымъ преслѣдованіемъ; да и въ случаѣ пораженія, тотчасъ возобновляетъ бой съ побѣдителями». Приказавъ играть трубамъ, Аннибалъ вывелъ и свои войска въ поле. Завязался бой упорнѣе того, что былъ наканунѣ. Карѳагеняне силились удержать за собою славу вчерашней побѣды, а Римляне старались смыть съ себя позоръ. Въ первой линіи у Римлянъ сражались на лѣвомъ крылѣ союзный отрядъ и когорты, потерявшія свои значки; а на правомъ стоялъ 22-й легіонъ. Флангами командовали Л. Корнелій Лентуллъ, и К. Клавдій Неронъ; Марцеллъ находился въ центрѣ, слѣдя за всѣмъ и ободряя воиновъ. У Аннибала въ первой линіи стояли Испанцы, составлявшіе главную силу его арміи. Долго успѣхъ сраженія былъ нерѣшителенъ; Аннибалъ велѣлъ вывести впередъ слоновъ, расчитывая, что появленіе ихъ произведетъ ужасъ и смятеніе. Дѣйствительно, сначала привели они въ замѣшательство ряды Римлянъ; одни разсѣялись въ ужасѣ, другіе попрятались и съ

одной стороны обнажился было флангъ Римлянъ. Бѣгство распространилось бы далеко, но военный трибунъ К. Децимій Флавъ, схвативъ значокъ первой роты Гастатовъ, велѣлъ ей слѣдовать за собою, и повелъ ее туда, гдѣ слоны, находившіеся въ кучѣ, наиболѣе производили смятенія. Тутъ приказалъ онъ своимъ воинамъ—бросать въ слоновъ дротики; ни одинъ изъ нихъ не пропалъ даромъ, какъ по близости разстоянія, такъ и по громадности слоновъ, и тѣснотѣ, въ какой они находились. Хотя не всѣ слоны были ранены, но тѣ, которыхъ тѣла были поражены дротиками, увлекли за собою въ бѣгствѣ и остальныхъ. Тогда уже не одна рота, но каждый воинъ, который только могъ нагнать толпу бѣжавшихъ слоновъ, старался бросить свой дротикъ. Тѣмъ сильнѣе разъяренные звѣри бросились на своихъ, и причинили въ ихъ рядахъ болѣе вреда, чѣмъ передъ этимъ въ непріятельскихъ: ужасъ на слоновъ дѣйствовалъ сильнѣе, чѣмъ власть сидѣвшихъ на нихъ вожаковъ. Тогда Римская пѣхота наступаетъ на ряды непріятелей, пришедшіе въ безпорядокъ отъ бѣгства черезъ нихъ слоновъ; не встрѣтивъ большаго сопротивленія, Римляне обращаютъ въ бѣгство непріятельскихъ воиновъ, уже пришедшихъ въ безпорядокъ и разстройство. Тогда Марцеллъ напустилъ конницу на бѣгущихъ, и она не прежде перестала ихъ преслѣдовать, какъ загнавъ ихъ въ лагерь. Ужасъ и смятеніе бѣгущихъ увеличились отъ того, что два слона упали въ самыхъ воротахъ, и непріятельскіе воины должны были стремиться въ лагерь черезъ ровъ и валъ; тутъ то непріятель понесъ наибольшую потерю; у него убито до 8 тысячь человѣкъ и пять слоновъ. Да и Римлянамъ побѣда стоила крови: около 1700 воиновъ убито въ двухъ легіонахъ, а у союзниковъ болѣе тысячи трехсотъ; ранены очень многіе изъ гражданъ и Римскихъ союзниковъ. Аннибалъ въ слѣдующую же ночь снялъ лагерь; Марцеллъ хотѣлъ его преслѣдовать, но множество раненыхъ не дозволило ему этого сдѣлать.

15. Лазутчики, отправленные вслѣдъ за арміею Аннибала, на другой день принесли извѣстіе, что онъ пошелъ въ землю Бруттіевъ.

Въ это же почти время Гирпины, Луканы и Вульціенты, выдавъ консулу К. Фульвію, находившіеся у нихъ въ городахъ, гарнизоны Аннибала, передались Римлянамъ. Консулъ обошелся съ

ними милостиво и только на словахъ попенялъ за прежнее заблужденіе. Бруттіямъ обѣщано такое же прощеніе; отъ нихъ явились два брата Вибій и Пакцій, знатнѣйшія лица этого народа, и просили о тѣхъ же условіяхъ примиренія, какія даны Луканамъ. Консулъ К. Фабій занялъ силою городъ Мандурію въ Салентинской землѣ, онъ захватилъ тамъ три тысячи человѣкъ плѣнныхъ и нѣсколько прочей добычи. Оттуда двинулся онъ въ Тарентъ, и сталъ лагеремъ у самого входа въ гавань. На суда, которыя Ливію служили для прикрытія подвозовъ, помѣстилъ Фабій машины и все, что нужно для нападенія на стѣны; на нѣкоторыя поставилъ онъ осадныя орудія, и нагрузилъ ихъ камнями и метательными снарядами всякаго рода. Одни транспортныя суда, дѣйствовавшія веслами, должны были подвозить къ стѣнамъ машины и лѣстницы, а съ другихъ воины должны были поражать издали воиновъ, защищавшихъ стѣны. Эти суда были изготовлены и снаряжены для нападенія на городъ со стороны открытаго моря, которое было свободно отъ Карѳагенскаго флота, отправившагося въ Корциру, по случаю намѣренія Филиппа напасть на Этоловъ. Междутѣмъ въ землѣ Бруттіевъ отрядъ, осаждавшій Кавлонъ, по случаю прибытія Аннибала, опасаясь быть подавленнымъ его силами, удалился на возвышеніе, на которомъ былъ въ безопасности отъ нападенія.

Фабій осаждалъ Тарентъ; тутъ обстоятельство, по видимому весьма пустое, помогло ему совершить дѣло важное. Въ Тарентѣ находился гарнизонъ изъ Бруттіевъ, поставленный туда Аннибаломъ. Начальникъ этого отряда страстно влюбился въ одну женщину, братъ которой находился въ войскѣ консула Фабія. Узнавъ изъ писемъ сестры о ея связи съ чужеземцемъ, богатымъ и занимавшимъ между его соотечественниками столь почетное мѣсто, онъ сообщилъ консулу о своихъ надеждахъ. Соображеніе его показалось основательнымъ, и потому ему велѣно перейдти въ Тарентъ въ качествѣ перебѣжчика. Черезъ сестру скоро сошелся онъ съ Бруттійскимъ префектомъ; сначала непримѣтно старался узнать его расположеніе духа и, убѣдясь достаточно въ его непостоянствѣ, при содѣйствіи женскихъ ласокъ, убѣдилъ его предать тотъ постъ, который ввѣренъ былъ его защитѣ. Условив-

шись о времени и способѣ дѣйствія, воинъ былъ выпущенъ тайно ночью изъ города и, счастливо миновавъ непріятельскіе караулы, передалъ консулу, что уже сдѣлано и что еще нужно сдѣлать. Фабій въ первую стражу ночи, давъ знать тѣмъ, которые находились въ крѣпости и тѣмъ, которые сторожили пристань, самъ обошедъ пристань, расположился тайно съ войскомъ у части города, обращенной на востокъ. Тутъ, въ одно и тоже время, заиграли трубы и съ крѣпости, и съ пристани, и съ судовъ, которыя стояли противъ города со стороны открытаго моря. Со всѣхъ сторонъ раздались воинскіе клики, и поднята была съ умысломъ страшная тревога именно тамъ, гдѣ всего менѣе было опасности; междутѣмъ консулъ въ рядахъ воиновъ, находившихся съ нимъ, велѣлъ соблюдать самое строгое молчаніе. А потому Демократъ, начальникъ флота, которому по случаю приходилось начальствовать въ этомъ мѣстѣ, видѣлъ вокругъ себя все спокойнымъ, а междутѣмъ въ прочихъ частяхъ слышалъ страшный шумъ и крики, походившіе на тѣ, которые бываютъ при взятіи города; онъ возъимѣлъ подозрѣніе, какъ бы консулъ, междутѣмъ какъ онъ здѣсь промедлитъ, не сдѣлалъ удачнаго приступа и не вломился въ городъ; а потому Демократъ повелъ свои войска къ сторонѣ крѣпости, откуда раздавались самые страшные клики. Фабій и по времени и по глубокой тишинѣ — не задолго передъ тѣмъ слышались голоса воиновъ, призывавшихъ другъ друга къ оружію — теперь же не слышалось никакого звука, понялъ, что караулы сняты и войска уведены, велѣлъ ставить лѣстницы къ той части стѣны, которую, по показанію измѣнника, охраняла Бруттійская когорта. Тутъ то въ первый разъ овладѣли Римляне стѣною города при содѣйствіи и помощи Бруттіевъ, и Римское войско проникло въ городъ. Тогда выбиты городскія ворота, и оно цѣлымъ строемъ вошло въ городъ. Тутъ Римляне испустили воинскіе клики, и междутѣмъ уже свѣтало; не встрѣтивъ ни одного вооруженнаго воина, они достигли общественной площади; тутъ только со всѣхъ сторонъ обратились на нихъ всѣ тѣ, которые сражались и у крѣпости и у пристани.

16. При входѣ на общественную площадь завязался бой сильный, но неупорный. Тарентинцы не могли равняться съ Римлянами ни храбростью, ни оружіемъ, ни воинскимъ искуствомъ; вообще, они далеко стояли ниже силами и тѣла и духа. А потому Тарентинцы, бросивъ въ непріятеля дротики, почти не вступая въ рукопашный бой, обратили тылъ и, по хорошо знакомымъ улицамъ, разбѣжались по домамъ какъ къ своимъ, такъ и знакомыхъ. Два вождя, Никонъ и Демократъ, пали, храбро сражаясь. Филеменъ, виновникъ измѣны, передавшей городъ Аннибалу, пришпоривъ коня, ускакалъ изъ сраженія; но потомъ нашли въ городѣ его хорошо извѣстную лошадь безъ сѣдока, но тѣла его нигдѣ не нашли; полагаютъ, что онъ бросился съ коня въ открытый колодецъ. Карталонъ, командовавшій Карѳагенскимъ гарнизономъ, положивъ оружіе, шелъ къ консулу, надѣясь на память прежнихъ отношеній гостепріимства; но былъ убитъ попавшимся ему на встрѣчу воиномъ. Римляне вообще убивали безъ различія и вооруженныхъ и безоружныхъ, и Тарентинцевъ и Карѳагенянъ. Не мало убито и Бруттійцевъ, или по ошибкѣ, или по старинной ненависти къ этому народу и въ предупрежденіе молвы о предательствѣ. Хотѣли показать, что Тарентъ взятъ только силою и оружіемъ. По прекращеніи убійства воины разбѣжались для грабежа. Говорятъ, что взяты тридцать тысячь невольниковъ, много серебра въ издѣліи и монетѣ, восемьдесятъ три тысячи фунтовъ золота, много статуй и картинъ, такъ что они числомъ равнялись почти съ тѣми, которые украшали Сиракузы. Впрочемъ, Фабій обнаружилъ болѣе великодушія относительно добычи этого рода, чѣмъ Марцеллъ. На вопросъ писца, какъ поступить съ статуями огромной величины — изображали они боговъ въ свойственномъ каждому видѣ, но всѣхъ сражающимися — Фабій велѣлъ оставить Тарентинцамъ гнѣвныхъ къ нимъ боговъ; за тѣмъ стѣна, отдѣлявшая городъ отъ крѣпости, разрушена до основанія.

Междутѣмъ какъ это происходило, Аннибалъ взялъ на капитуляцію отрядъ, осаждавшій Кавлонію и, услыхавъ объ осадѣ Тарента, двинулся къ нему днемъ и ночью самымъ поспѣшнымъ маршемъ. На дорогѣ услыхалъ онъ, что городъ, которому онъ спѣшилъ подать помощь, уже въ рукахъ непріятелей; тутъ онъ сказалъ: «и у Римлянъ есть свой Аннибалъ; потеряли мы Тарентъ тѣмъ же путемъ, какимъ его взяли.» Но чтобы не пока-

зать, что онъ отступилъ, какъ бы спасаясь бѣгствомъ, Аннибалъ все таки расположился лагеремъ тамъ, гдѣ предположилъ—почти въ пяти миляхъ отъ Тарента. Простоявъ тутъ нѣсколько дней, Аннибалъ удалился въ Метапонтъ. Отсюда отправилъ онъ двухъ Метапонтинцевъ съ письмами старѣйшинъ этого города, въ которыхъ они обѣщали предать ему городъ и Карѳагенскій гарнизонъ въ случаѣ, если имъ будетъ обѣщана безнаказанность за ихъ прежніе проступки. Фабій повѣрилъ показанію этихъ пословъ, назначилъ день, въ который онъ намѣренъ приступить къ Метапонту и посламъ вручилъ письма къ старѣйшинамъ, которыя отнесены прямо къ Аннибалу. Обрадованный успѣхомъ хитрости, Аннибалъ надѣялся, что и Фабій испытаетъ на себѣ его коварство; онъ сталъ въ засадѣ недалеко отъ Метапонта. Фабій, передъ выступленіемъ изъ Тарента, прибѣгнулъ къ птичьему гаданію; но птицы дважды не одобрили его намѣренія. Жрецъ совѣтовался также со внутренностями жертвъ о волѣ боговъ, и предостерегъ консула, что непріятель замышляетъ коварный умыселъ и устроиваетъ засады. Когда Фабій въ назначенный день не прибылъ, то снова отправлены къ нему Метапонтины убѣдить его дѣйствовать поспѣшнѣе. Они были схвачены, и, передъ страхомъ большихъ истязаній, открыли коварный умыселъ Аннибала.

17. Въ началѣ того лѣта, когда все это происходило, къ К. Сципіону прибылъ Эдеско, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ Испанскихъ вождей. Зиму же всю П. Сципіонъ провелъ въ Испаніи, стараясь привлечь на свою сторону умы ея дикихъ обитателей отчасти дарами, отчасти возвращеніемъ заложниковъ и плѣнныхъ. Жена и дѣти Эдеско находились у Римлянъ; не одна эта причина увлекла его къ нимъ, но, какъ бы судьбою условленное, настроеніе умовъ жителей Испаніи, которое ихъ всѣхъ изъ Карѳагенскаго владычества склонило къ Римскому. Тотъ же поводъ былъ Мандонію и Индибилису, безспорно главнымъ вождямъ всей Испаніи, съ толпою ихъ соотечественниковъ, удалиться изъ лагеря Аздрубала на холмы, его окружавшіе, откуда они по горнымъ вершинамъ могли безопасно удалиться къ Римлянамъ. Аздрубалъ, видя что силы непріятеля увеличиваются, междутѣмъ какъ его уменьшаются, понималъ, что надобно рѣшиться на что нибудь, иначе

дѣла съ каждымъ днемъ будутъ все хуже, и потому положилъ вступить въ бой, какъ можно скорѣе. Сципіонъ желалъ его еще сильнѣе; его воодушевляла надежда, которая увеличивалась отъ счастливаго оборота дѣлъ; при томъ онъ предпочиталъ, прежде чѣмъ всѣ силы непріятеля сосредоточатся, имѣть дѣло съ однимъ вождемъ и войскомъ, чѣмъ со всѣми вмѣстѣ. Впрочемъ, онъ не приминулъ увеличить свои силы весьма искусно, какъ бы готовясь и на тотъ случай, когда ему прійдется бороться со всѣми войсками непріятеля. Видя, что въ судахъ не предстоитъ надобности—всѣ берега Испаніи были очищены отъ флотовъ—Сципіонъ велѣлъ ихъ собрать въ Тарракону, а матросовъ, на нихъ находившихся, зачислилъ въ сухопутное войско. Въ оружіи для нихъ не было недостатка, какъ по случаю найденнаго при взятіи Карѳагена, такъ и заготовленнаго послѣ взятія этого города множествомъ мастеровыхъ, находившихся тамъ. Съ этими силами Сципіонъ, въ началѣ весны, вышелъ изъ Тарраконы — въ это время уже возвратился изъ Рима Лэлій, безъ котораго Сципіонъ не хотѣлъ предпринимать ничего важнаго—и пошелъ на встрѣчу непріятелю. Онъ шелъ по странѣ совершенно усмиренной; какъ только подходилъ онъ къ границамъ области какого нибудь народа, союзники его встрѣчали и провожали. Индибилисъ и Мандоній пришли къ Сципіону. Индибилисъ говорилъ съ нимъ отъ лица обоихъ, и не такъ, какъ другіе вожди дикихъ народовъ, надмѣнно и необдуманно, но почтительно и основательно; переходъ къ Римлянамъ онъ старался скорѣе извинить какъ условленный необходимостью, чѣмъ хвалился имъ, и готовностью воспользоваться первымъ, представившимся для этого, случаемъ. Знаетъ онъ, что имя *перебѣжчика*, какъ ненавистно бывшимъ его союзникамъ, такъ и есть предметъ подозрѣнія для новыхъ; и здѣсь не названіе, но дѣло причиною ненависти и неудовольствія противъ привычекъ Карѳагенянъ. Припомнилъ онъ заслуги свои вождямъ Карѳагенскимъ, за которые тѣ съ своей стороны заплатили надменностью, хищностью и всякаго рода оскорбленіями какъ ихъ самихъ, такъ и соотечественниковъ. А потому, если они и оставались еще пока у нихъ, то одно тѣло ихъ было съ ними, а душа ихъ давно уже находится тамъ, гдѣ, по ихъ мнѣнію, уважаются правда и

истина. Съ мольбами къ богамъ прибѣгаютъ тѣ страдальцы, которые не могутъ сносить насилія и притѣсненій людскихъ. Они же умоляютъ Сципіона объ одномъ, чтобы переходъ ихъ къ нему не былъ поставленъ имъ ни въ вину, ни въ заслугу. Пусть поступки ихъ онъ оцѣнитъ только въ той мѣрѣ, какъ самъ узнаетъ на опытѣ съ теперешняго времени. Сципіонъ отвѣчалъ, что онъ именно такъ и сдѣлаетъ, и не будетъ считать за перебѣжчиковъ людей, которые не сочли нужнымъ оставаться вѣрными союзу съ людьми, не признающими ничего священнаго, ни въ божескихъ дѣлахъ, ни въ человѣческихъ. За тѣмъ приведены къ нимъ и возвращены жены ихъ и дѣти; дѣло не обошлось безъ слезъ радости. Въ тотъ же день отведены они на квартиры, для нихъ назначенныя; на другой день скрѣпили они союзъ клятвеннымъ обѣщаніемъ и отпущены домой для того, чтобы привести войска. Потомъ они шли вмѣстѣ, и останавливались въ одномъ и томъ же лагерѣ, пока, по указанію ихъ достигли непріятеля.

18. Ближайшее войско Карѳагенянъ стояло, подъ начальствомъ Аздрубала, близъ города Бэкулы. Передъ лагеремъ были расположены конные аванпосты. На нихъ то легковооруженные воины и тѣ, которые стояли впереди значковъ и были въ первыхъ рядахъ, прямо пришедъ съ дороги и еще не занявъ мѣста для лагеря, напали съ такимъ явнымъ пренебреженіемъ, что уже по этому легко можно было судить о расположеніи духа воиновъ съ обѣихъ сторонъ. Конница непріятельская сбита съ своего поста, и въ безпорядкѣ искала спасенія въ лагерѣ, почти въ самыхъ воротахъ котораго показались Римскіе значки. Ночью Аздрубалъ удалился съ войскомъ на холмъ, котораго вершина представляла довольно обширную равнину. Сзади холма протекала рѣка; со всѣхъ же прочихъ сторонъ бока, крутые какъ берегъ, ограничивали холмъ. Была и другая равнина, немного по ниже первой, также окруженная крутымъ скатомъ, непредставлявшимъ удобствъ для восхожденія. Въ это то нижнее поле Аздрубалъ на другой день, видя, что непріятель стоитъ въ боевомъ порядкѣ передъ лагеремъ, спустилъ Нумидскихъ всадниковъ и легковооруженныхъ Балеарцевъ и Африканцевъ. Сципіонъ объѣхалъ ряды и показы-

валъ своимъ воинамъ непріятеля, заранѣе отчаявшагося въ успѣхѣ сраженія на ровномъ полѣ, и потому ушедшаго въ горы; вся надежда непріятеля, стоявшаго въ виду, была не на храбрость и силу оружія, но на неприступность занимаемой имъ позиціи. Карѳагенъ имѣлъ стѣны еще выше; но и на тѣ вошелъ воинъ Римскій; ни возвышенность мѣста, ни стѣны крѣпости, ни волны моря не остановили силы его оружія. И горныя вершины, на которыхъ искалъ убѣжища непріятель, послужатъ только къ тому, чтобы пропасти и утесы затруднили ему бѣгство; тутъ запретъ онъ имъ всякой исходъ для спасенія. Изъ двухъ когортъ, одной Сципіонъ приказываетъ занять ущелье той долины, по которой бѣжала рѣка, а другой стать на дорогѣ, которая шла отъ города по скату холма, а самъ онъ быстро повелъ легковооруженныхъ воиновъ, тѣхъ, которые наканунѣ сбили непріятельскіе посты, противъ легкихъ войскъ непріятельскихъ, стоявшихъ на первомъ уступѣ холма. Сначала Римлянамъ нужно было преодолѣть только затрудненія, которыя представляла крутизна мѣстности; но потомъ, когда они подошли ближе къ непріятелю, они были осыпаны градомъ метательныхъ снарядовъ всякаго рода. Римляне отвѣчали каменьями, которые находили въ избыткѣ на мѣстѣ; ихъ бросали не только воины, но и множество служителей, находившихся въ рядахъ воиновъ. Взбираться имъ на верхъ, было весьма трудно и они осыпаны были стрѣлами и каменьями; но они преодолѣли всѣ препятствія твердостью духа и навыкомъ приступать къ стѣнамъ городскимъ. Первые ряды, достигнувъ ровнаго мѣста и ставъ на немъ твердою стопою, безъ труда сбили съ позиціи непріятеля, который годился только для легкихъ схватокъ и набѣговъ, и считалъ себя безопаснымъ мѣстностью, но нисколько не годился для рукопашнаго боя. Съ большою потерею удалился онъ къ остальному войску, расположенному на вершинѣ холма. Тогда Сципіонъ приказалъ побѣдителямъ идти противъ центра непріятельской арміи, а самъ остальныя войска раздѣлилъ съ Лэліемъ: ему поручилъ обойдти холмъ съ правой стороны, пока найдетъ мѣстность удобную для восхожденія; а самъ съ лѣвой стороны, сдѣлавъ небольшой обходъ, ударилъ на непріятеля съ фланга. Съ перваго разу непріятельскіе ряды при-

шли въ замѣшательство: слыша со всѣхъ сторонъ крики Римлянъ, они хотѣли оборотить фланги, и рядамъ дать другое направленіе. Но среди этого замѣшательства подоспѣлъ Лэлій. Непріятели стали отступать, чтобы не пострадать съ тылу; тогда, съ удаленіемъ первыхъ его рядовъ, очистилось мѣсто для средняго отряда Римскаго, который иначе никакъ не могъ бы взобраться на вершину холма, гдѣ среди неприступной мѣстности стояли плотные ряды непріятельскіе, прикрытые слонами. Со всѣхъ сторонъ непріятелю наносимо было страшное пораженіе. Сципіону, который съ лѣваго крыла напалъ на правое, оставалось только поражать съ боку беззащитнаго непріятеля, которому и бѣжать было нѣкуда. Римскіе отряды, и слѣва, и справа, заняли дороги, а ворота лагеря были заперты бѣгствомъ главнаго вождя и его свиты. Къ замѣшательству много содѣйствовали и слоны; непріятель боялся ихъ устрашенныхъ, по крайней мѣрѣ столько же, сколько и Римлянъ. Вслѣдствіе всего этого, непріятель потерялъ до восьми тысячъ человѣкъ.

19. Аздрубалъ, еще прежде сраженія, услалъ впередъ деньги и слоновъ и собравъ, сколько могъ болѣе, воиновъ, разсѣянныхъ послѣ пораженія, удалился по ту сторону рѣки Таго къ Пиринеямъ. Сципіонъ овладѣлъ непріятельскимъ лагеремъ; онъ уступилъ всю добычу воинамъ, кромѣ плѣнныхъ свободнаго происхожденія. При исчисленіи плѣнныхъ оказалось ихъ десять тысячъ пѣшихъ и двѣ тысячи всадниковъ; изъ нихъ Испанцевъ онъ всѣхъ отпустилъ домой безо всякаго выкупа, а Африканцевъ приказалъ квестору продать въ рабство. Множество Испанцевъ какъ тѣхъ, которые прежде были въ числѣ плѣнниковъ Сципіона, такъ и тѣхъ, которые только что были взяты въ плѣнъ и имъ отпущены, окружили Сципіона, и единодушными кликами провозгласили его царемъ. Сципіонъ, приказавъ трубачу дать знакъ къ молчанію, сказалъ: «что для него дороже всего званіе императора, которое ему дали его воины; имя же царя, въ другихъ мѣстахъ уважаемое, для Римлянъ несносно. Буде въ немъ духъ царственный, и буде качество это считаютъ они первымъ достоинствомъ человѣка, то пусть они про себя останутся такого о немъ мнѣнія; отъ выраженія же его на словахъ пусть

откажутся». И необразованные умы поняли величіе духа человѣка, который поступкомъ своимъ поставилъ себя выше того имени, которое обаяніемъ власти имѣетъ на смертныхъ чудное вліяніе. Потомъ розданы подарки царькамъ и старѣйшинамъ Испанскимъ. Сципіонъ приказалъ Индебилису выбрать себѣ триста лошадей любыхъ изъ множества этихъ животныхъ, доставшихся въ плѣнъ. Казначей, продавая, по приказанію Сципіона, плѣнныхъ Африканцевъ, нашелъ въ числѣ ихъ взрослаго отрока весьма красивой наружности, о которомъ услыхавъ, что онъ царскаго рода, отослалъ его къ Сципіону. На вопросы Сципіона, кто онъ, кто его родители и зачѣмъ въ такомъ нѣжномъ возрастѣ находится онъ въ лагерѣ, отрокъ отвѣчалъ: что онъ Нумидъ и соотечественники именуютъ его Массивою; что, оставшись послѣ отца сиротою, воспитаніе получилъ онъ у Нумидскаго царя Галы, дѣда съ материнской стороны; что онъ перешелъ въ Испанію вмѣстѣ съ дядею Массиниссою, который недавно пришелъ съ конницею на помощь Кароагенянъ; что дотолѣ не былъ онъ ни разу въ сраженіи, куда не пускалъ его Массинисса по молодости лѣтъ; но въ тотъ день, когда было послѣднее сраженіе съ Римлянами, безъ вѣдома дяди, тайно схвативъ оружіе и сѣвъ на коня, онъ отправился на бой; но тутъ упалъ черезъ голову съ споткнувшагося коня, и достался плѣннымъ въ руки Римлянъ. Сципіонъ приказалъ этого Нумида беречь съ особеннымъ тщаніемъ и окончивъ передъ трибуналомъ всѣ дѣла, какія имѣлъ, удалился въ свою палатку; призвавъ туда отрока, онъ спрашивалъ его, желаетъ ли онъ возвратиться къ Массиниссѣ. Тотъ, проливая слезы радости, отвѣтилъ: что искренно желаетъ. Тогда Сципіонъ далъ ему дары: золотое кольцо, тунику (верхнюю одежду) съ широкимъ золотымъ позументомъ, Испанскую одежду съ золотою пряжкою и богато убраннаго коня; отпустивъ отрока, Сципіонъ велѣлъ всадникамъ проводить его, пока онъ самъ пожелаетъ.

20. Потомъ было разсужденіе о веденіи войны. Нѣкоторые совѣтовали Сципіону немедленно преслѣдовать Аздрубала, но Сципіонъ основательно нашелъ это опаснымъ въ случаѣ, если къ Аздрубалу присоединятся Магонъ и другой Аздрубалъ. А потому,

отправивъ только часть войска для охраненія Пиреней, остальное лѣто провелъ Сципіонъ въ принятіи покорности разныхъ народовъ Испаніи. Нѣсколько дней спустя послѣ сраженія у Бекулы, когда Сципіонъ, возвращаясь въ Тарракону, уже вышелъ изъ Кастулонскихъ горъ, вожди Карѳагенскіе—Аздрубалъ, сынъ Гисгона, и Магонъ изъ дальней Испаніи пришли къ Аздрубалу, поздняя помощь послѣ пораженія, но весьма кстати для соображеній о дальнѣйшемъ веденіи войны. Они говорили другъ другу о томъ, каково расположеніе умовъ жителей Испаніи въ разныхъ ея провинціяхъ. Одинъ Аздрубалъ, сынъ Гисгона, былъ того мнѣнія, что только крайняя область Испаніи, обращенная къ Гадесу и Океану, еще не знаетъ о Римлянахъ, и потому довольно вѣрна Карѳагенянамъ. Другой же Аздрубалъ, и Магонъ, были того убѣжденія, что умы всѣхъ Испанцевъ какъ каждого въ частности, такъ и всѣхъ вообще, въ высшей степени заинтерессованы благодѣяніями Сципіона, и не прежде положится конецъ измѣнамъ, какъ когда Испанскіе воины, или будутъ удалены въ крайніе предѣлы Испаніи, или переведены въ Галлію; а потому, если бы даже и не таково было мнѣніе Сената Карѳагенскаго, надобно Аздрубалу идти въ Италію, гдѣ средоточіе войны, гдѣ рѣшается ея участь. Такимъ образомъ, всѣ Испанцы, которые пойдутъ съ Аздрубаломъ, будутъ уведены далеко отъ слуха объ имени Сципіона. Войско Аздрубала, уменьшенное и измѣнами, и несчастнымъ сраженіемъ, намѣревались пополнить Испанскими воинами. Магонъ долженъ былъ войско свое передать Аздрубалу, сыну Гисгона, и съ большою суммою денегъ отправиться на Балеарскіе острова для найма тамъ воиновъ. Аздрубалъ, сынъ Гисгона, долженъ былъ съ своимъ войскомъ удалиться во глубину Лузитаніи, и избѣгать всякаго съ Римлянами сраженія. Массинисса изо всего войска долженъ былъ отобрать 3000 лучшихъ воиновъ и блуждая по ближней Испаніи, помогать союзникамъ, а города и поля непріятелей предавать опустошенію. Постановивъ это, Карѳагенскіе вожди разошлись исполнять то, что ими было постановлено съ общаго совѣта. Вотъ что происходило въ этомъ году въ Испаніи.

Въ Римѣ слава Сципіона росла со дня на день. Фабію не въ

большую честь ставили пріобрѣтеніе Тарента, такъ какъ онъ взятъ не столько доблестью, сколько хитростью; Фульвія слава уже устарѣла. Что же касается до Марцелла, то о немъ даже были слухи не хорошіе, какъ вслѣдствіе неудачнаго сначала сраженія, такъ и того, что онъ середи лѣта, удалился съ войскомъ на квартиры въ Венузію, и предоставилъ такимъ образомъ Аннибалу свободу разгуливать по всей Италіи. Непріятелемъ Марцелла былъ К. Публицій Бибулъ, трибунъ народный. Съ перваго неудачнаго сраженія Марцелла, Бибулъ въ своихъ рѣчахъ къ народу постоянно чернилъ Марцелла, и старался сдѣлать его народу ненавистнымъ; онъ даже сталъ открыто требовать отрѣшенія Марцелла отъ должности. Впрочемъ, родственники Марцелла настояли, чтобы ему дозволено было, оставивъ въ Венузіи вмѣсто себя легата, возвратиться въ Римъ и тамъ лично принесть оправданіе въ томъ, что непріятели на него взводили, и чтобы такимъ образомъ вопросъ объ отрѣшеніи Марцелла не былъ рѣшенъ въ его отсутствіи. Случилось такъ, что, въ одно и то же время, прибыли въ Римъ: Марцеллъ для отстраненія отъ себя позорнаго пятна, а консулъ К. Фульвій для производства новыхъ выборовъ.

21. Дѣло о власти Марцелла рѣшено было на Фламиніевскомъ циркѣ при огромномъ стеченіи и простаго народа, и лицъ всѣхъ сословій. Трибунъ народный винилъ не одного Марцелла, но въ лицѣ его всю аристократію; онъ говорилъ, что, благодаря ея хитростямъ и проволочкамъ, Аннибалъ вотъ уже десять лѣтъ хозяйничаетъ въ Италіи какъ въ завоеванной странѣ; а столько не прожилъ бы онъ и въ своемъ Карѳагенѣ. Вотъ плоды того, что народъ Римскій продолжилъ Марцеллу время его власти: два раза войско его разбито, и онъ середи лѣта стоитъ на постоянныхъ квартирахъ въ Венузіи. Эту рѣчь трибуна Марцеллъ, исчисленіемъ своихъ подвиговъ, до того сдѣлалъ ничтожною, что не только предложеніе объ отрѣшеніи его отъ должности, осталось безъ послѣдствій, но на другой день всѣ сотни огромнымъ большинствомъ голосовъ выбрали его консуломъ. Товарищемъ ему данъ Т. Квинкцій Криспинъ, въ то время бывшій преторомъ. На другой день преторами выбраны П. Лициній Крассъ Бога-

тый, великій первосвященникъ, П. Лициній Варъ, Сек. Юлій Цезарь и К. Клавдій.

Въ самое время выборовъ умы гражданъ были встревожены слухами объ отпаденіи Этруріи. К. Кальпурній, въ должности претора управлявшій этою провинціею, написалъ, что Аррстинцы начинаютъ волноваться. А потому тотчасъ посланъ туда вновь назначенный консулъ Марцеллъ; ему велѣно всмотрѣться въ обстоятельства дѣла и, буде признаетъ нужнымъ, призвать войско и перенесть войну изъ Апуліи въ Этрурію. Испуганные Этруски остались спокойными. Послы Тарентинцевъ, явясь въ Римскій Сенатъ, просили мира и съ нимъ правъ, свободы и дозволенія жить подъ собственными законами. Они получили отъ сената отвѣтъ, чтобы возвратились тогда, когда консулъ Фабій пріѣдетъ въ Римъ. Въ этомъ году отпразднованы игры и Римскія и плебейскія; каждымъ посвящено было по одному дню. Курульными эдилями были: Л. Корнелій Кавдинъ и Сер. Сульпицій Гальба, а плебейскими К. Сервилій и К. Цецилій Метеллъ. Говорили, что Сервилій немогъ быть законно ни трибуномъ народнымъ прежде, ни теперь эдилемъ, потому что отецъ его, котораго (онъ въ то время былъ членомъ коммиссіи трехъ для отвода полей) считали убитымъ, уже десять лѣтъ тому назадъ, подъ Мутиною, Боями, находился у нихъ въ плѣну живымъ, и это обстоятельство было довольно достовѣрно извѣстно.

22. Въ одиннадцатой годъ Пунической войны вступили въ отправленіе консульскихъ должностей—М. Марцеллъ въ пятый разъ, если считать то консульство, котораго онъ не отправлялъ вслѣдствіе неправильности выбора, и Т. Квинкцій Криспинъ. Обоимъ консуламъ назначена провинціею Италія, и два прошлогоднихъ консульскихъ войска — третье находилось въ Венузіи, имъ начальствовалъ Марцеллъ. Новые консулы изъ трехъ этихъ войскъ должны были выбрать два, какія пожелаютъ; а третье, которое останется, должны были передать тому, кому достанется провинціею Тарентъ и Саллентины. Прочія провинціи раздѣлены между преторами слѣдующимъ образомъ: П. Лицинію Варону городское управленіе, П. Лицинію Крассу, великому первосвященнику, управленіе иностранцами, и онъ собственно поступаетъ въ

распоряженіе сената. Сек. Юлію Цезарю—Сицилія, К. Клавдію Фламину—Тарентъ. Отсрочена власть еще на годъ К. Фульвію Флакку, и ему поручена Капуя, бывшая въ управленіи претора Т. Квинкція, и съ нею одинъ легіонъ. Также продолжена власть К. Гостилію Тубулу для того, чтобы онъ съ двумя легіонами вступилъ съ правами претора въ управленіе Этруріею, вмѣсто К. Кальпурнія. Отсрочена власть и Л. Ветурію Филону для того, чтобы онъ въ должности претора управлялъ прежнею своею провинціею Галліею съ прежними двумя легіонами. То же, что относительно Ветурія, и относительно Аврункулея сенатомъ определено, а народнымъ собраніемъ утверждено сенатское опредѣленіе. Аврункулею отсрочена власть, и поручено по прежнему съ двумя легіонами оберегать Сардинію; къ тѣмъ силамъ, которыми онъ располагалъ для защиты этой провинціи, присоединены 50 судовъ, которыя Сципіонъ долженъ былъ прислать изъ Испаніи. П. Сципіону и М. Силану Испанія и прежнія войска предоставлены еще на годъ. Сципіону велѣно изъ восьмидесяти находившихся у него въ то время судовъ, частью приведенныхъ имъ изъ Италіи, частью взятыхъ въ Карѳагенѣ, пятьдесятъ отослать въ Сардинію. Носился слухъ: въ этомъ году въ Карѳагенѣ готовится сильный флотъ, и двѣсти судовъ непріятельскихъ не замедлятъ явиться у береговъ Италіи, Сициліи и Сардиніи. Въ Сициліи обязанности управленія распредѣлены такъ: Сек. Цезарю дано Каннское войско, а М. Валерію Лэвину, которому также отсрочена власть, флотъ въ числѣ 70 судовъ, находившійся въ Сициліи; сюда долженъ былъ присоединить онъ 30 судовъ, въ прошломъ году находившихся у Тарента; такимъ образомъ долженъ былъ составиться флотъ изо ста судовъ, съ которымъ Лэвинъ могъ, по указанію обстоятельствъ, переправиться въ Африку для опустошенія ея береговъ. П. Сульпицію отсрочена власть еще на годъ для того, чтобы онъ съ прежнимъ флотомъ имѣлъ провинціею Македонію и Грецію. Относительно двухъ легіоновъ, находившихся въ Римѣ, не сдѣлано ни какихъ перемѣнъ. Консуламъ дозволено произвести наборъ въ томъ размѣрѣ, какъ это будетъ признано ими нужнымъ. Такимъ образомъ, въ этомъ году, Римское владычество было защищаемо двадцатью

однимъ легіономъ. Городскому претору, П. Лицинію Вару, поручено починить тридцать старыхъ длинныхъ судовъ, находившихся въ Остіи, изготовить двадцать новыхъ и, наполнивъ ихъ матросами, съ флотомъ изъ 20 судовъ, защищать берегъ моря, ближайшій къ Риму. К. Кальпурнію не велѣно трогаться съ войскомъ отъ Арреція, пока не пріѣдетъ его преемникъ. Да и Тубулу велѣно, какъ можно тщательнѣе, слѣдить за тѣмъ, не задумываютъ ли Этруски чего нибудь новенькаго.

23. Преторы отправились въ свои провинціи. Консуловъ задерживали религіозныя опасенія: по случаю нѣкоторыхъ чудесныхъ явленій, были принесены жертвы, но онѣ не умилостивляли боговъ. Изъ Кампаніи получено было извѣстіе, что въ Капуѣ ударилъ громъ въ два храма Счастія и Марса, а также въ нѣкоторыя гробницы. Въ Кумахъ,—вотъ до какой степени суевѣріе припутываетъ боговъ къ самымъ ничтожнымъ случаямъ—мыши въ храмѣ Юпитера тронули его золото, въ Казинѣ на общественной площади усѣлся большой рой пчелъ. Въ Остіяхъ громъ ударилъ въ стѣну и ворота города; въ Церахъ коршуна залетѣли въ храмъ Юпитера, въ Волсиніяхъ воды озера имѣли видъ крови. По случаю этихъ чудесныхъ явленій положено было для умилостивленія боговъ общественное молебствіе на день. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней, принесены большія жертвы, но безъ умилостивленія боговъ, и долго нельзя было видѣть знаковъ ихъ благоволенія. Такія печальныя предзнаменованія на дѣлѣ обрушились на жизнь самихъ консуловъ, не коснувшись цѣлаго государства. При консулахъ К. Фульвіѣ, и Ап. Клавдіѣ, преторъ города Рима, П. Корнелій Сулла, первый далъ Аполлоновы игры. Съ того времени всѣ городскіе преторы, по его примѣру, давали обѣтъ каждый годъ, и день празднованія игръ не былъ назначенъ. Въ этомъ году жителей Рима и его области постигла сильная заразительная болѣзнь; исходъ ея былъ чаще долговременныя страданія болѣзни, чѣмъ смерть. Вслѣдствіе этой болѣзни, и по всему городу на перекресткахъ, были совершены молебствія, и городскому претору, П. Лицинію Вару, велѣно сенатомъ представить на утвержденіе народнаго собранія то, чтобы эти игры впередъ всегда давались по обѣту въ назначенный день.

Лициній Варъ первый далъ этотъ обѣтъ и исполнилъ его въ третій день Нонъ Квинктильскихъ; съ того времени день этотъ считался праздничнымъ.

24. Относительно Арретинцевъ и слухъ объ ихъ отпаденіи получалъ все болѣе и болѣе достовѣрности, и забота Сената соотвѣтственно съ этимъ усиливалась. Написано къ К. Гостилію, чтобы онъ тотчасъ же взялъ у Арретинцевъ заложниковъ, и отправленъ К. Теренцій Варронъ принять ихъ и отвесть въ Римъ. Тотчасъ по его прибытіи, Гостилій велѣлъ одному легіону, стоявшему въ лагерѣ у города, вступить въ городъ и занялъ всѣ важныя мѣста вооруженными отрядами. Тогда, вызвавъ сенаторовъ на общественную площадь, онъ велѣлъ имъ дать заложниковъ. Сенатъ просилъ два дни сроку; но Гостилій сказалъ имъ, чтобы они или тотчасъ давали заложниковъ, или завтра же онъ возьметъ самъ всѣхъ дѣтей сенаторовъ. Вслѣдъ за тѣмъ военнымъ трибунамъ, префектамъ союзниковъ, и сотникамъ отдано приказаніе стеречь ворота города и, въ продолженіи ночи, никого не выпускать изъ города. Приказаніе консула исполнено не въ точности и нерадиво. Семь главнѣйшихъ сенаторовъ успѣли прежде, чѣмъ караулы были поставлены у городскихъ воротъ, уйти изъ города и съ дѣтьми до наступленія ночи. На другой день на разсвѣтѣ, когда на общественной площади начали вызывать по именно всѣхъ сенаторовъ, нѣкоторыхъ не нашли; имущества ихъ проданы съ публичнаго торгу. У прочихъ сенаторовъ взято въ заложники 120 человѣкъ изъ ихъ дѣтей; они вручены К. Теренцію, который долженъ былъ отвести ихъ въ Римъ. Донесеніе его только усилило прежнія подозрѣнія сената. Какъ бы опасаясь немедленнаго возстанія Этруріи, сенатъ приказалъ тому же Теренцію вести въ Арреціи легіонъ, одинъ изъ двухъ, находившихся въ Римѣ, и съ нимъ охранять Арреційі. А К. Гостилію предписано съ остальнымъ войскомъ обойдти всю провинцію и принять мѣры къ тому, чтобы люди, склонные къ перемѣнамъ, не могли исполнить своихъ замысловъ. К. Теренцій, прибывъ къ Арреціи съ легіономъ, потребовалъ ключи города у его начальниковъ. Тѣ отвѣчали, что ключи пропали. Догадываясь, что пропажа ключей могла быть не столько по небреж-

ности, сколько умышленная, Теренцій велѣлъ сдѣлать другіе замки ко всѣмъ воротамъ, и принялъ дѣятельныя мѣры къ тому, чтобы все было въ его власти. Гостилія Теренцій просилъ надѣяться не столько на то, что Этруски не захотятъ взяться за оружіе, сколько на то, чтобы не дать имъ къ тому возможности.

25. Вслѣдъ за тѣмъ, въ Римскомъ сенатѣ, было много спору о дѣлѣ Тарентинцевъ. Фабій взялъ подъ свою защиту тѣхъ, которыхъ покорилъ оружіемъ. Но другіе сенаторы были враждебно расположены къ Тарентинцамъ, вину ихъ сравнивали съ виною Кампанцевъ и требовали такого же наказанія. Впрочемъ, опредѣленіе сената состоялось на мнѣніи М. Ацилія: городъ Тарентъ занимать войсками Римскими, и всѣхъ жителей держать въ его стѣнахъ; объ участи же ихъ доложить вновь въ послѣдствіи, когда состояніе Италіи будетъ покойнѣе. Не менѣе было преній въ сенатѣ, по поводу М. Ливія, начальника Тарентинской крѣпости. Одни хотѣли сенатскимъ декретомъ очернить М. Ливія въ томъ, что его нерадѣніемъ Тарентъ попалъ было въ руки непріятелей. Другіе же говорили, что онъ заслуживаетъ награды за то, что въ продолженіи пяти лѣтъ защищалъ крѣпость и за то, что городъ взятъ обратно Римлянами, главное при его содѣйствіи. Впрочемъ, большинство сената говорило, что это дѣло не касается сената, но цензоровъ; такого мнѣнія былъ и Фабій. Тутъ онъ сказалъ: правда, долженъ я признаться, что Тарентъ взятъ обратно при содѣйствіи Ливія, какъ стараются выставить ему въ заслугу друзья его въ сенатѣ: не утрать Ливій Тарента, и брать его вновь оружіемъ не предстояло бы надобности.

Т. Квинкцій Криспинъ, одинъ изъ консуловъ, отправился въ землю Луканцевъ къ войску, которое было у К. Фульвія Флакка, съ вновь набранными для укомплектованія этого войска воинами. Марцелла же задерживали то тѣ, то другія религіозныя опасенія. Между прочимъ, случилось слѣдующее: еще во время войны съ Галлами, у Кластидія, Марцеллъ далъ обѣтъ построить храмъ Чести и Доблести. Но освятить этотъ храмъ не допускали жрецы, говоря, что законно нельзя одинъ олтарь по-

священь двумъ богамъ. Ударь въ него громъ, или случись иное какое либо чудесное явленіе, то затруднительно будетъ исполнить обряды умилостивленія боговъ; трудно будетъ рѣшить, которому изъ двухъ боговъ тогда отправлять службу; по жреческому же уставу одна жертва двумъ богамъ законно не можетъ быть принесена, развѣ только съ извѣстными исключеніями. А потому на скорую руку пристроенъ храмъ Доблести. Во всякомъ случаѣ, Марцеллу не пришлось посвятить эти храмы. Наконецъ Марцеллъ съ, вновь набранными на пополненіе легіоновъ, воинами отправился къ войску, которое въ прошломъ году оставилъ у Венузіи.

Криспинъ старался взять силою Локры въ землѣ Бруттіевъ. Онъ полагалъ, что взятіе Тарента принесло Фабію большую славу. Съ этою цѣлью Криспинъ выписалъ изъ Сициліи осадныя орудія и машины всякаго рода. Призваны были и суда для нападенія на часть города, обращенную къ морю. Осада Локровъ оставлена вслѣдствіе того, что Аннибалъ придвинулъ свои войска къ Лацинію. Притомъ же Криспинъ получилъ извѣстіе, что товарищъ его, Марцеллъ, вывелъ войско изъ Венузіи, и хотѣлъ соединиться съ нимъ. Вслѣдствіе этого, Криспинъ возвратился въ Апулію изъ земли Бруттіевъ, и оба консула расположились лагеремъ между Венузіею и Бантіею, въ разстояніи одинъ отъ другаго менѣе 3 миль. Туда же прибылъ и Аннибалъ, довольный тѣмъ, что отвлекъ непріятеля отъ Локровъ. Оба консула, люди дѣятельные и предпріимчивые, почти каждый день выводили войска свои въ поле въ боевомъ порядкѣ; они были почти убѣждены, что если только непріятель приметъ бой съ обоими консульскими войсками, то война будетъ окончена однимъ рѣшительнымъ ударомъ.

26. Аннибалъ помнилъ, что онъ, въ прошломъ году, два раза схватывался съ Марцелломъ и разъ былъ побѣдителемъ, а другой побѣжденнымъ, и потому зналъ хорошо, на сколько надобно имѣть и надежды, и опасенія въ предстоящемъ съ нимъ дѣлѣ. Съ другой стороны, Аннибалъ былъ убѣжденъ, что онъ никакъ не можетъ расчитывать на успѣхъ въ бою съ двумя консулами. А потому, онъ прибѣгнулъ къ хитрости, и искалъ и случая, и

мѣста, для засады. Между обоими враждебными войсками происходили легкія стычки съ перемѣннымъ успѣхомъ. Консулы, полагая, что все лѣто могло пройдти такимъ образомъ, признали возможнымъ продолжать осаду Локровъ, и потому они написали Л. Цинцію, чтобы онъ изъ Сициліи съ флотомъ явился къ Локрамъ; а для того, чтобы городъ былъ осаждаемъ и съ сухаго пути, консулы приказали вести туда отъ Тарента часть войска, которая находилась тамъ въ гарнизонѣ. Аннибалъ узналъ объ этомъ распоряженіи отъ какихъ то Туринцевъ, и послалъ часть войска въ засаду на дорогу, шедшую отъ Тарента; тутъ, подъ Петелійскимъ холмомъ, скрытно поставлены три тысячи конницы и двѣ пѣхоты. Римляне шли неосторожно, безъ предварительнаго разузнанія мѣстности, и потому попали въ засаду; до двухъ тысячь воиновъ у нихъ убито, а почти 1500 взяты живьемъ; прочіе разсѣялись, и по полямъ, и лѣсамъ возвратились бѣглецами въ Тарентъ.

Между лагерями Карѳагенскимъ и Римскимъ былъ, покрытый лѣсомъ холмъ. Сначала онъ не былъ занятъ ни тою, ни другою стороною. Римляне даже не знали ту часть холма, которая обращена къ лагерю непріятеля. Аннибалъ счелъ этотъ холмъ удобнѣе для помѣщенія засады, чѣмъ лагеря. А потому онъ ночью послалъ, съ этою цѣлью, нѣсколько эскадроновъ Нумидовъ, и скрылъ ихъ среди лѣса. Въ продолженіи дня, ни одинъ изъ Нумидовъ не оставлялъ своего мѣста для того, чтобы не замѣтили хотя издали, или ихъ самихъ, или ихъ оружія. Въ Римскомъ лагерѣ воины твердили, что надобно занять холмъ и сдѣлать на немъ укрѣпленіе для того, чтобы непріятель не успѣлъ утвердиться на немъ прежде, и такимъ образомъ сѣсть намъ на шею. Это обстоятельство затронуло и Марцелла; обратясь къ товарищу, онъ сказалъ: «да почему бы намъ самимъ, въ сопровожденіи немногихъ всадниковъ, не отправиться изслѣдовать мѣстность? Показаніе нашихъ собственныхъ глазъ будетъ намъ лучшимъ совѣтомъ, какъ дѣйствовать.» Криспинъ согласился; тогда оба консула, отправились въ путь въ сопровожденіи 220 всадниковъ, изъ коихъ 40 человѣкъ было Фрегелланъ и другихъ Этрусковъ; ихъ сопровождали еще военные трибуны М. Марцеллъ, сынъ консула, и А. Манлій, и два

префекта союзнаго войска—М. Авлій и Л. Арреній. У нѣкоторыхъ историковъ сохранилось извѣстіе, что когда, въ этотъ день, консулъ Марцеллъ приносилъ жертвы, то во внутренности перваго жертвеннаго животнаго найдена печень безъ головки; а во второмъ не только все найдено какъ слѣдуетъ, но даже головка печени была немного больше обыкновенной. Гадателю эти явленія показались странными, потому что, вслѣдъ за внутренностями неполными, и предзнаменованія самаго дурнаго, показались внутренности, слишкомъ благопріятнаго предзнаменованія.

27. Несмотря на все это, Марцеллъ имѣлъ столь сильное желаніе сразиться съ Аннибаломъ, что ему никогда не казался лагерь его достаточно близко поставленнымъ къ лагерю Аннибала. И на этотъ разъ, выходя за лагерный окопъ, Марцеллъ далъ сигналъ воинамъ, чтобы они всѣ были на своихъ мѣстахъ, и готовы были туже минуту слѣдовать на холмъ, если онъ окажется удобнымъ. Небольшое пространство ровнаго поля лежало передъ лагеремъ; далѣе на холмъ шла дорога открытая, и видная со всѣхъ сторонъ. У Нумидовъ были поставлены лазутчики, никакъ не на случай столь важнаго событія, но съ цѣлью ловить воиновъ, которые за дровами или фуражемъ отойдутъ на большое разстояніе отъ своего лагеря. Онъ тотчасъ далъ знать своимъ, чтобы они явились вдругъ съ обѣихъ сторонъ. И не прежде выступили тѣ, которымъ слѣдовало съ вершины холма явиться на встрѣчу Римлянъ, какъ когда уже тѣ, которымъ назначено было преградить имъ съ тылу дорогу, обошли ихъ сзади. Тогда со всѣхъ сторонъ поднялись Нумиды, и съ громкими криками ударили на Римлянъ. Консулы находились въ горной долинѣ; не возможно было имъ ни пробиться на высоты, занятыя непріятелемъ, ни думать объ отступленіи, путь къ которому былъ совершенно прегражденъ. Во всякомъ случаѣ бой могъ продолжаться долгое время, если бы Этруски не подали примѣръ бѣгства; страхъ сообщился и прочимъ. Впрочемъ, Фрегелланы, оставленные Этрусками, продолжали бой, пока консулы были невредимы, и своими убѣжденіями, а частью и примѣромъ, поддерживали сраженіе; но когда оба консула были ранены, а Марцеллъ, пронзенный непріятельскимъ копьемъ, упалъ съ коня; тутъ и Фрегелланы—

ихъ оставалось весьма немного—убѣжали вмѣстѣ съ консуломъ Криспиномъ (онъ былъ раненъ двумя непріятельскими дротиками) и молодымъ Марцелломъ, также раненнымъ. Военный трибунъ, А. Манлій, убитъ; изъ двухъ союзныхъ префектовъ М. Авлій убитъ, а Арреній взятъ въ плѣнъ. Изъ консульскихъ ликторовъ пять живьемъ попались въ руки непріятеля, а прочіе, частью пали на полѣ сраженія, частью ушли съ консуломъ. Изъ всадниковъ убито 43, какъ въ сраженіи, такъ и во время бѣгства, а 22 живыми достались въ руки непріятеля. Въ лагерѣ Римскомъ была тревога, и воины хотѣли идти на помощь консуламъ; но они не замедлили увидѣть консула, и сына другаго консула, раненыхъ, возвращавшихся въ лагерь съ скудными остатками несчастной экспедиціи. Смерть Марцелла, въ другихъ отношеніяхъ была жалка, но не потому, что онъ, несогласно, ни съ лѣтами—ему было уже тогда болѣе 60 лѣтъ,—ни съ благоразуміемъ стараго вождя, такъ легкомысленно рѣшился подвергнуть крайней опасности и себя, и товарища, и даже все общественное дѣло.

Много бы мнѣ пришлось толковать объ одномъ и томъ же предметѣ, если бы я сталъ разсматривать разнообразныя извѣстія о смерти Марцелла, какъ ихъ передаютъ разные историки. Не говоря о другихъ, у Целія находимъ три различные объ этомъ событіи разсказа: одинъ, переданный молвою, другой, написанный въ похвалу отца сыномъ, присутствовавшимъ при этомъ событіи, и третій, основанный на его собственныхъ изслѣдованіяхъ и розысканіяхъ. Впрочемъ, какъ ни разнообразны въ этомъ случаѣ преданія, но большая часть историковъ согласны въ томъ, что Марцеллъ вышелъ изъ лагеря для изслѣдованія мѣстности, и что онъ убитъ непріятелемъ, вышедшимъ изъ засады и его окружившимъ.

28. Аннибалъ былъ убѣжденъ, что онъ привелъ непріятеля въ ужасъ смертью одного консула, ранами другаго и, готовый на всякій случай, онъ немедленно перенесъ лагерь на холмъ, гдѣ происходило сраженіе. Здѣсь найденное тѣло Марцелла онъ похоронилъ. Криспинъ, испуганный и смертью своего товарища и своими собственными ранами, выступилъ въ тишинѣ послѣдовавшей за тѣмъ ночи и, достигнувъ ближайшихъ горъ, сталъ

лагеремъ на мѣстѣ высокомъ, и со всѣхъ сторонъ безопасномъ. Въ такомъ положеніи, оба вождя не оставались въ покоѣ; но одинъ старался употребить въ дѣло хитрость, а другой предупредить ее. Вмѣстѣ съ тѣломъ Марцелла, Аннибалу достались и его кольца. Криспинъ опасаясь, какъ бы эти знаки непріятелю не подали повода къ какому нибудь обману, разослалъ по всѣмъ ближайшимъ городамъ гонцовъ — дать знать, что товарищъ его убитъ, и кольца его въ рукахъ непріятеля, а потому, чтобы они не вѣрили никакимъ письмамъ отъ имени Марцелла. Не много прежде, гонецъ консула поспѣлъ въ Салапію, какъ туда же принесено письмо Аннибалово, написанное отъ имени Марцелла, что онъ въ, имѣющую послѣдовать за этимъ днемъ, ночь придетъ въ Салапію, а потому пусть воины, составляющіе гарнизонъ, будутъ на всякой случай готовы, если будетъ надобность въ ихъ содѣйствіи. Жители Салапіи поняли, что это обманъ; они рады были случаю наказать непріятеля не только за измѣну, но и за убіеніе всадниковъ; а потому, они отослали назадъ гонца Аннибалова—то былъ перебѣжчикъ Римскій—для того, чтобы воины могли свободно исполнить, что предположили, они поставили жителей на караулы по стѣнамъ, и въ разныхъ важныхъ пунктахъ города; на эту ночь предписана всѣмъ постамъ на караулахъ строгая внимательность; къ воротамъ же, куда долженъ былъ подойдти непріятель, сосредоточена была лучшая часть гарнизона. Около четвертой смѣны ночной стражи, Аннибалъ подошелъ къ городу. Въ первомъ его строю были перебѣжчики Римлянъ; они имѣли Римское оружіе. Подошедъ къ воротамъ, они громко вызываютъ стражей—всѣ они говорили по Латинѣ, и приказываютъ отворить ворота, утверждая, что консулъ съ ними. Стражи, будто бы поднявшись на ихъ голосъ, стали шумѣть, суетиться, возиться около воротъ. Рѣшетка ихъ была опущена и заперта; они ее частью поднимаютъ рычагами, частью веревками въ вышину на столько, чтобы только могли пройдти воины не нагибаясь. Едва только обнаружилась малѣйшая возможность пройдти, перебѣжчики бросились въ ворота города, одинъ передъ другимъ спѣша впередъ. Когда около шести сотъ человѣкъ изъ нихъ было уже въ городѣ, веревка была спущена, и подъ-

емная рѣшетка съ сильнымъ стукомъ упала на свое мѣсто. Жители Салапіи одни нападаютъ на перебѣжчиковъ, которые, ничего не ожидая, вошли въ городъ, какъ къ друзьямъ, съ пути, по мирному, имѣя оружіе за плечами; другіе съ башни надъ этими воротами отгоняютъ непріятеля отъ воротъ и стѣнъ кольями и дротиками. Такимъ образомъ, Аннибалъ, пойманный въ свои собственныя сѣти, долженъ былъ уйдти оттуда и отправился для снятія осады Локровъ; а ихъ Цинцій аттаковалъ съ большимъ жаромъ, привезши для этой цѣли всякаго рода осадныя орудія и машины. Магонъ сталъ было уже отчаеваться въ возможности удержать и защитить городъ; но первая надежда проблеснула ему вмѣстѣ съ извѣстіемъ о смерти Марцелла. Потомъ явился гонецъ и сказалъ, что Аннибалъ, отправивъ впередъ Нумидскую конницу, самъ позади идетъ съ пѣхотою, сколько возможно поспѣшнѣе. А потому, лишь только получилъ знакъ съ сторожевыхъ башенъ, что Нумиды уже близко, онъ, приказавъ отворить ворота, съ ожесточеніемъ бросился на непріятеля. Сначала бой былъ нерѣшительный, болѣе по неожиданности нападенія, чѣмъ по равенству силъ. Потомъ, съ прибытіемъ Нумидовъ, Римлянами овладѣлъ такой ужасъ, что, оставивъ осадныя орудія и машины, которыми старались сокрушить стѣны, они разбѣжались въ безпорядкѣ къ морю и судамъ; такимъ образомъ, съ прибытіемъ Аннибала, Локры освободились отъ осады.

29. Криспинъ, услыхавъ, что Аннибалъ отправился въ землю Бруттіевъ, приказалъ военному трибуну, М. Марцеллу, то войско, которымъ командовалъ его отецъ, отвесть въ Венузію; онъ же самъ съ своими легіонами отправился въ Капую; онъ такъ страдалъ отъ ранъ, что и движеніе на носилкахъ было ему почти нестерпимо. Тогда консулъ написалъ письмо въ Римъ, гдѣ давалъ знать о смерти своего товарища и о собственной опасности: для производства выборовъ не можетъ онъ явиться въ Римъ какъ потому, что ему нельзя будетъ вынести дорожныхъ трудовъ, такъ и потому, что его озабочиваетъ Тарентъ и опасается онъ, какъ бы Аннибалъ туда не обратилъ своего войска изъ земли Бруттіевъ; необходимо послать къ нему помощниками (легатами) людей благоразумныхъ, съ которыми имѣетъ онъ переговорить о дѣлахъ,

касающихся общественнаго блага. Письмо Криспина, прочитанное въ сенатѣ, возбудило гореваніе объ убитомъ консулѣ и опасеніе за жизнь другаго. Вслѣдствіе полученныхъ извѣстій, сенатъ отправилъ К. Фабія сына къ войску въ Венузію; а къ консулу посланы три легата—Сек. Юлій Цезарь, Л. Лициній Полліонъ, Л. Цинцій Алиментъ, который возвратился незадолго передъ тѣмъ изъ Сициліи. Имъ приказано сказать консулу, что онъ, если не въ состояніи прибыть самъ въ Римъ для производства консульскихъ выборовъ, можетъ назначить на землѣ Римской области диктатора, который и произведетъ выборы. Въ случаѣ, если консулъ уже отправился въ Тарентъ, то преторъ, К. Клавдій, долженъ былъ вести легіоны въ тѣ мѣста, гдѣ они могли служить защитою для наибольшаго числа союзныхъ городовъ.

Въ то же лѣто М. Валерій переплылъ изъ Сициліи въ Африку съ флотомъ изо ста судовъ; онъ сдѣлалъ высадку у города Клупеи и опустошилъ на далекое пространство поля, почти не встрѣтивъ ни одного вооруженнаго непріятеля. Послѣ набѣга, грабители поспѣшно удалились къ судамъ, получивъ вдругъ извѣстіе о прибытіи Карѳагенскаго флота; онъ состоялъ изъ восьмидесяти трехъ судовъ. Недалеко отъ Клупеи произошелъ морской бой, удачный для Римлянъ; восьмнадцать судовъ отнято у непріятеля, прочія обращены въ бѣгство, и Римляне возвратились въ Лилибей съ большою сухопутною и морскою добычею.

Въ тоже лѣто, Филиппъ подалъ помощь Ахеямъ, умолявшимъ его о ней; ихъ сосѣдъ, Лакедемонскій тираннъ, Маханидъ, постоянно тѣснилъ войною. Да и Этолы опустошали ихъ землю, переправивъ войско на судахъ черезъ проливъ, протекающій между Навпактомъ и Патрасомъ, у туземцевъ называемый *Ріонъ*. Да и про царя Азіи, Аттала, которому Этолы на послѣднемъ своемъ сеймѣ, вручили власть высшаго сановника въ ихъ народѣ, была молва, что онъ собирается переправиться въ Европу.

30. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Филиппъ явился въ Грецію. У города Ламіи, встрѣтили его Этолы, подъ начальствомъ Пиррія, а онъ, вмѣстѣ съ царемъ Атталомъ, заочно, избранъ на этотъ годъ въ преторы. Съ Этолами было и вспомогательное войско царя Аттала, и почти тысячу человѣкъ, при-

сланныхъ Сульпиціемъ съ Римскаго флота. Противъ этого вождя и этихъ войскъ, Филиппъ сразился два раза съ успѣхомъ. Пораженные страхомъ, Этолы искали убѣжища за стѣнами города Ламіи, а Филиппъ повелъ войско къ Фаларѣ. Мѣсто это находится въ Маліакскомъ заливѣ, и нѣкогда оно имѣло населеніе многолюдное вслѣдствіе прекрасной пристани для судовъ, находившихся кругомъ удобныхъ стоянокъ и другихъ удобствъ какъ морскихъ, такъ и сухопутныхъ. Туда явились послы отъ Египетскаго царя Птоломея, отъ Родосцевъ, Аѳинянъ и Хіосцевъ, съ цѣлью положить конецъ войнѣ между Филиппомъ и Этолами. Послы употребили ходатаемъ о мирѣ сосѣда своего, царя Атамановъ — Аминандера. Всѣ эти посредники хлопотали не столько объ Этолахъ, слывшихъ и въ Греціи самымъ безпокойнымъ народомъ, сколько о томъ, чтобы у царя Филиппа и Македоніи отнять поводъ вмѣшиваться въ дѣла Греціи, что было бы гибельно для ея свободы. О мирѣ разсужденіе отложено до Ахейскаго сейма, для котораго назначенъ и день и мѣсто, а пока условлено перемиріе на 30 дней. Царь, отправившись оттуда черезъ Ѳессалію и Беотію, прибылъ въ Халкиду Евбейскую для того, чтобы отразить Аттала отъ береговъ и пристаней Евбейскихъ, куда, по слухамъ, намѣревался онъ идти съ флотомъ. Оставивъ тамъ войско противъ Аттала, на случай его прибытія, царь Филиппъ оттуда отправился, въ сопровожденіи немногихъ всадниковъ и легковооруженныхъ воиновъ, въ Аргосъ. Здѣсь народъ подачею голосовъ поручилъ ему завѣдываніе Герейскими и Немейскими играми на томъ основаніи, что Македонскіе цари вели свое происхожденіе изъ этого города. Отпраздновавъ Герейскія игры, Филиппъ, прямо съ празднества, отправился въ Аргосъ на сеймъ, назначенный за много времени прежде. Здѣсь было разсужденіе о необходимости положить конецъ Этолійской войнѣ для того, чтобы отнять и у Римлянъ, и у Аттала, поводъ входить въ Грецію. Впрочемъ Этолы, едва давъ время окончиться перемирію, смутили все дѣло, какъ только услыхали, что и Атталъ стоитъ у Эгины, и Римское войско находится у Навпакта. Будучи призваны на сеймъ Ахейскій, куда прибыли и тѣ посольства, которыя въ Фаларѣ хлопотали о заключеніи мира, Этолы сначала стали жаловаться на ничтожныя нарушенія усло-

вій перемирія, сдѣланныя до истеченія его срока. Наконецъ, они прямо сказали, что война не можетъ окончиться прежде, чѣмъ Ахейцы возвратятъ Мессенцамъ Пилосъ, Римлянамъ будетъ отдана Атинтанія, а Сцедилелу и Плеврату—Ардиеи. Весьма основательно было негодованіе Царя Филиппа на то, что побѣжденные предписываютъ условія побѣдителю. Онъ объявилъ, что всегдашнее его убѣжденіе было, что Этолы не будутъ спокойны, что если онъ говорилъ о мирѣ и согласился на заключеніе перемирія, то желая имѣть всѣхъ союзниковъ свидѣтелями того, что всегда онъ Филиппъ искалъ мира, а Этолы войны. Такимъ образомъ, миръ не состоялся; царь Филиппъ распустилъ сеймъ и оставилъ четыре тысячи воиновъ для защиты Ахейцевъ. Онъ принялъ здѣсь пять длинныхъ судовъ; присоединивъ ихъ къ, недавно присланному, Карѳагенскому флоту и судамъ, пришедшимъ отъ Прузія, царя Виѳинскаго, царь Филиппъ рѣшился сразиться съ Римскимъ флотомъ, который давно уже господствовалъ въ водахъ той страны. Самъ царь съ сейма отправился въ Аргосъ; уже приближалось время Немейскихъ игръ, отпраздновать которыя хотѣлъ онъ въ своемъ присутствіи.

31. Междутѣмъ какъ царь былъ занятъ приготовленіями къ играмъ, и конечно, въ эти праздничные дни, позабылъ нѣсколько мысли о войнѣ, П. Сульпицій, двинувшись изъ Навпакта, присталъ съ флотомъ между Коринѳомъ и Сикіономъ, и на большое пространство опустошилъ поля чуднаго плодородія. Слухъ объ этомъ заставилъ царя Филиппа забыть и объ играхъ; поспѣшно отправился онъ съ конницею, велѣвъ за собою слѣдовать пѣхотѣ; онъ напалъ на Римлянъ, разсѣянныхъ по полямъ, обремененныхъ добычею и не имѣвшихъ никакого опасенія; преслѣдуемые непріятелемъ, они искали убѣжища на судахъ, и Римскій флотъ возвратился въ Навпактъ съ добычею, не весьма веселою. Остальное время игръ было отпраздновано Филиппомъ, покрытымъ славою какой бы то ни было побѣды надъ Римлянами; праздничные дни прошли среди всеобщей радости; она усилилась еще, когда царь Филиппъ, снявъ съ себя корону, порфиру и другіе признаки царскаго достоинства, сравнилъ себя съ прочими гражданами, а такой поступокъ царя всего пріятнѣе для вольныхъ гражданъ.

Такимъ поступкомъ онъ подалъ имъ надежду, что ихъ свобода не пустое слово; но онъ самъ отравилъ все своимъ гнуснымъ и безнравственнымъ поведенiемъ. То съ тѣмъ, то съ другимъ провожатымъ, онъ день и ночь ходилъ по чужимъ женамъ, и чѣмъ простѣе казался онъ, ставъ въ уровень съ простыми гражданами, тѣмъ свободнѣе предавался своимъ гнуснымъ страстямъ. Сдѣлавъ свободу въ другихъ отношенiяхъ пустымъ словомъ, примѣнялъ онъ только ее съ успѣхомъ къ своимъ развратнымъ дѣйствiямъ. И пусть бы онъ употреблялъ въ дѣло или деньги, или соблазнъ; но онъ, не довольствуясь средствами обольщенiя, прибѣгалъ и къ насилiю. Ставить препятствiе похоти царской было сопряжено съ великою опасностью для строгихъ мужей и родителей. Даже у одного Ахейскаго старѣйшины, именемъ Арата, жена его, Поликратiя, отнята силою и увезена въ Македонiю; ее обнадежили даже, что она сдѣлается женою царя.

Отпраздновавъ Немейскiя игры, среди такихъ порочныхъ забавъ, царь отправился въ Димасъ; онъ прогналъ оттуда Этолiйскiй гарнизонъ, который былъ призванъ и принятъ въ городъ Элейцами. Цикліадасъ—ему принадлежала главная власть—и Ахейцы встрѣтили царя у Димаса. Они питали ненавистъ и къ Элейцамъ за то, что они не согласились дѣйствовать за одно съ прочими Ахеями, и ожесточены были противъ Этоловъ, вслѣдствiе убѣжденiя, что тѣ вызвали противъ нихъ Римлянъ. Соединенное войско выступило изъ Димаса и перешло рѣку Ларизу, которая отдѣляетъ Елiйское поле отъ Димейскаго.

32. Первый день, по вступленiи въ предѣлы непрiятельскiе, союзники провели въ опустошенiи полей. На другой день они подошли къ городу въ боевомъ порядкѣ, пославъ впередъ всадниковъ для того, чтобы тѣ, гарцуя, вызвали на бой Этоловъ, скорыхъ къ нападенiю. Союзники не знали о томъ, что Сульпицiй съ 15 судами изъ Навпакта являлся въ Циллену и вошелъ въ Елисъ, высадивъ четыре тысячи воиновъ въ тишинѣ ночи для того, чтобы непрiятель не замѣтилъ этого движенiя. Неожиданное это обстоятельство распространило ужасъ въ войскѣ непрiятеля, когда онъ замѣтилъ, между Этолами и Римлянами, Римскiе значки и оружiе. Сначала царь хотѣлъ вернуть назадъ своихъ воиновъ; но уже

между Этолами и Траллами — народъ этотъ принадлежитъ къ Иллирiйскому племени — завязался бой; видя, что его воиновъ тѣснятъ, царь самъ съ конницею бросился на когорту Римскую. Тутъ, пронзенная дротикомъ, лошадь подъ царемъ упала, и онъ черезъ ея голову слетѣлъ на землю; съ обѣихъ сторонъ завязался преупорный бой: Римляне нападали на царя, а окружавшiе его защищали. Борьба была славна и для самого царя, который вынужденъ былъ сражаться пѣшiй, среди конныхъ воиновъ. Наконецъ бой сталъ становиться неровнымъ: многiе изъ окружавшихъ царя уже пали, другiе были ранены; остальные схватили царя и, посадивъ его на другаго коня, спаслись съ нимъ бѣгствомъ; въ этотъ день поставилъ онъ лагерь въ пяти миляхъ (тысячахъ шаговъ) отъ города Элiйцевъ. На другой день, вывелъ онъ всѣ войска къ укрѣпленiю — туземцы называютъ его Пиргъ — въ которое, какъ онъ слышалъ, спасаясь отъ грабительства непрiятеля, удалилось съ полей множество жителей съ своимъ скотомъ. Немедленно по прибытiи, безъ труда, овладѣлъ царь безпорядочною и безоружною толпою, пораженною ужасомъ. Добыча, здѣсь найденная, была въ нѣкоторомъ родѣ вознагражденiемъ за урокъ, понесенный у Елиса. Пока дѣлили добычу и плѣнныхъ — ихъ было четыре тысячи человѣкъ, а скота разнаго рода до двадцати тысячь головъ—явился гонецъ изъ Македонiи съ извѣстiемъ, что какой то Еропъ овладѣлъ Лихнидомъ, подкупивъ начальника крѣпости и гарнизона; что въ его же власти нѣкоторыя села Дассаретовъ, и что онъ же призываетъ къ оружiю Дардановъ. А потому, оставивъ на время Ахайскую войну, царь Филиппъ выступилъ изъ Дима черезъ Ахаiю, Беотiю и Евбею; впрочемъ, для защиты союзниковъ, оставилъ онъ Менипна и Полифанта съ двумя тысячами пятьюстами воинами. Послѣ десяти лагерныхъ стоянокъ царь Филиппъ прибылъ въ Деметрiаду, въ Өессалiи.

33. Тутъ явились къ нему гонцы съ вѣстями, болѣе тревожными: Дарданы бросились на Македонiю, овладѣли уже Орестидою и спустились въ Аргестейское поле. Варвары эти вполнѣ повѣрили слуху о смерти Филиппа. Во время похода къ Спкiону для отраженiя грабителей, царь, несясь на конѣ, ударился шлемомъ о выдавшуюся вѣтвь, стоявшаго на дорогѣ, дерева;

рогъ шлема его тутъ отломился. Одинъ Этоліецъ нашелъ его, и отнесъ въ Этолію къ Сцердиледу; тотъ хорошо зналъ всѣ примѣты царскаго шлема, и потому распустилъ молву о томъ, что царь убитъ. По удаленіи царя изъ Ахаіи, Сульпицій съ флотомъ отправился въ Эгину и соединился съ Атталомъ. Ахеи, недалеко отъ Мессены, имѣли успѣшный бой съ Этолами и Элейцами. Царь Атталъ и П. Сульпицій зимовали въ Эгинѣ.

Въ концѣ этого года, консулъ, Т. Квинкцій, умеръ отъ раны, назначивъ диктаторомъ для производства выборовъ и празднованія игръ Т. Манлія Торквата. По однимъ извѣстіямъ, Квинкцій умеръ въ Тарентѣ, по другимъ въ Кампаніи. Такимъ образомъ случилось то, чего еще не бывало ни на одной войнѣ прежде, что въ промежуткѣ когда не было ни одного замѣчательнаго сраженія, два консула погибли, оставивъ государство какъ бы сиротствующимъ. Диктаторъ Манлій назначилъ предводителемъ всадникомъ К. Сервилія, который тогда былъ курульнымъ эдилемъ. Сенатъ, въ первой же день по созваніи, повелѣлъ диктатору совершить великія игры, тѣ самыя, которыя были даны преторомъ М. Эмиліемъ, при консулахъ К. Фламиніѣ и Кн. Сервиліѣ, и торжественно обѣщаны черезъ пять лѣтъ. Тогда диктаторъ и отпраздновалъ игры, и далъ обѣтъ на слѣдующій срокъ. Принимая въ соображеніе, что два консульскихъ войска находятся безъ вождей близко отъ непріятеля, и сенатъ и народъ, отложивъ всѣ прочія дѣла, имѣли одну главную заботу, чтобы какъ можно скорѣе выбрать консуловъ и такихъ именно, которыхъ доблесть служила бы ручательствомъ достаточнымъ противъ Кареагенскаго коварства. Въ продолженіи всей этой войны, ничто не было такъ вредно, какъ неумѣстная пылкость и торопливость вождей. Да и въ этомъ году, консулы, неумѣреннымъ желаніемъ сразиться съ непріятелемъ, были вовлечены въ засаду, совершенно неожиданную. Впрочемъ, боги безсмертные въ состраданіи къ имени Римскому, опрометчивость консуловъ обратили на нихъ однихъ, пощадивъ войска, ни въ чемъ невиновныя.

34. Сенаторы были озабочены мыслью, кого сдѣлать консулами; изъ числа искателей далеко впереди всѣхъ стоялъ Клавдій Неронъ; но ему нужно было товарища. Нерона считали вождемъ отличнымъ,

но слишкомъ горячимъ и предпріимчивымъ, принимая въ соображеніе обстоятельства войны и то, что дѣло надобно имѣть съ Аннибаломъ. А потому сенаторы основательно считали необходимымъ дать Нерону товарищемъ человѣка осторожнаго и благоразумнаго, который сдерживалъ бы его горячность. Былъ нѣкто М. Ливій; за много лѣтъ передъ тѣмъ подвергся онъ осужденію народнаго собранія за свое консульство. Позоръ этотъ такъ сильно его поразилъ, что онъ переѣхалъ въ деревню и, въ продолженіи многихъ лѣтъ, не являлся въ народъ и совершенно удалился отъ общества людей. Въ восьмой годъ послѣ приговора, консулы М. Клавдій Марцеллъ и М. Валерій Левинъ, привели Ливія въ Римъ; онъ былъ въ одеждѣ траурной, съ отпущенными волосами и бородою; на лицѣ и въ походкѣ выражалось еще свѣжее воспоминаніе полученнаго оскорбленія. Цензора, Л. Ветурій и П. Лициній принудили Ливія остричься, снять трауръ, явиться въ сенатъ и исправлять общественныя обязанности гражданина. Но и тутъ онъ, или однимъ словомъ высказывалъ свое согласіе, или даже просто переходилъ молча на сторону ту, чье мнѣніе поддерживалъ. Наконецъ, дѣло родственника его М. Ливія Маката, въ которомъ затронуто было его доброе имя, вынудило и Ливія, вставъ въ Сенатѣ, сказать рѣчь. Тутъ онъ обратилъ общее вниманіе; его рѣчей столь долго не слыхали. Всѣ стали говорить, что народъ несправедливо оскорбилъ его, и что государство много потеряло, во время столь трудной войны лишивъ себя содѣйствія и руки, и ума, столь доблестнаго мужа. К. Нерону нельзя было дать товарищами ни К. Фабія, ни М. Валерія Левина, потому что оба консула вмѣстѣ не могли быть изъ патриціевъ. Тоже было и въ отношеніи къ Т. Манлію, не говоря о томъ, что онъ уже разъ отказался отъ предложеннаго ему консульства, и на этотъ разъ также отказался бы. Превосходное было бы назначеніе консуловъ, если бы М. Ливію присоединить товарищемъ К. Клавдія. Да и народъ одобрилъ этотъ образъ мыслей сенаторовъ. Изъ всѣхъ гражданъ одинъ былъ противъ этого, и именно тотъ, кому предлагали честь. Онъ винилъ легкомысліе согражданъ: не сжалились они надъ осужденнымъ, когда онъ былъ въ траурной одеждѣ, а теперь его же облекаютъ въ бѣлую тогу, въ од-

номъ и томъ же лицѣ сосредоточивая и почести и наказанія. Если они считаютъ его за хорошаго гражданина, за чѣмъ осудили безвинно? Если же знаютъ за нимъ вину, то зачѣмъ въ другой разъ консульство предлагаютъ тому, кто и первый разъ дурно оправдалъ довѣріе, ему сдѣланное? Сенаторы вслѣдствіе такихъ упрековъ и обвиненій, высказанныхъ Ливіемъ, старались его образумить и приводили ему въ примѣръ М. Фурія, который, будучи возвращенъ изъ ссылки, возстановилъ отечество, потрясенное въ самомъ основаніи; они говорили Ливію, что отечество, какъ и родители, и даже въ случаѣ несправедливости, имѣютъ право разсчитывать на терпѣніе и покорность дѣтей своихъ; такимъ образомъ, общими усиліями выбраны консулы К. Клавдій и М. Ливій.

35. На третій день послѣ того были выборы преторовъ; въ эту должность назначены Л. Порцій Лицинъ, К. Мамилій, К. и А. Гостиліи Катоны. Когда выборы были окончены и игры отпразднованы, диктаторъ и предводитель всадниковъ сложили съ себя свои званія. К. Теренцій Варронъ отправленъ въ Этрурію исправлять должность претора съ тѣмъ, чтобы изъ той провинціи К. Гостилій отправился въ Тарентъ къ тому войску, которое находилось у консула Т. Квинкція. Т. Манлій долженъ былъ ѣхать посломъ по ту сторону моря — посмотрѣть, что тамъ происходитъ. Въ это лѣто, назначено было празднованіе Олимпійскихъ игръ, на которыя всегда собирается огромное множество народу. Манлій долженъ былъ — если будетъ въ состояніи это сдѣлать съ безопасностью отъ непріятеля — явиться въ это собраніе, и объявить, буде тамъ найдутся таковые, бѣглецамъ, ушедшимъ изъ Сициліи во время бывшей тамъ войны, и Тарентинцамъ, высланнымъ изъ ихъ роднаго города Аннибаломъ, чтобы они возвратились домой и знали, что народъ Римскій возвращаетъ имъ все, чѣмъ они владѣли прежде начала войны.

Текущій годъ обѣщалъ повидимому много опасностей, и такъ какъ консуловъ въ государствѣ не было, то общее вниманіе устремлено было на вновь назначенныхъ консуловъ. Общее желаніе было, чтобы они, какъ можно скорѣе, бросили жребій о провинціяхъ; поэтому надѣялись знать впередъ, кому достанется какая провинція, и кто съ какимъ непріятелемъ будетъ имѣть дѣло. Въ

Сенатѣ, по предложенію К. Фабія Максима, было разсужденіе о примиреніи консуловъ. Между ними были давнишнія непріятности. Несчастіе ожесточило Ливія и сдѣлало его несговорчивѣе, тѣмъ болѣе, что въ этомъ случаѣ онъ считалъ себя пренебреженнымъ. Онъ былъ неумолимъ и говорилъ, что въ примиреніи и надобности не предстоитъ. Это подало поводъ къ опасеніямъ, что консулы будутъ вести дѣла, обращая все стараніе и вниманіе на то, какъ бы не дать товарищу врагу возможности усилиться на свой счетъ. Впрочемъ, сенатъ поставилъ на своемъ, и употребилъ свое вліяніе на то, чтобы оба консула, отложивъ всѣ свои личныя несогласія, въ управленіи общественными дѣлами, дѣйствовали единодушно и съ общаго совѣта. Провинціи назначены консуламъ не такъ, какъ въ прошломъ году, перемѣшанно одна съ другою; но разныя и на разныхъ концахъ Италіи. Одинъ долженъ былъ дѣйствовать противъ Аннибала въ землѣ Бруттіевъ и Луканцевъ, а другой въ Галліи, противъ Аздрубала, о которомъ былъ слухъ, что онъ уже приближается къ Альпамъ. Тотъ консулъ, которому достанется провинціею Галлія, долженъ былъ выбрать себѣ любое изъ двухъ войскъ, изъ коихъ одно находилось въ Галліи, а другое въ Этруріи, присоединивъ къ нему то, которое было въ Римѣ. Консулъ, которому провинціею достались Бруттіи, долженъ былъ набрать въ Римѣ новые легіоны, и взять себѣ одно изъ войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ прошлогоднихъ консуловъ. То войско, которое останется, долженъ былъ принять проконсулъ К. Фульвій, которому власть отсрочена еще на годъ. К. Гостилію Сенатъ сначала, вмѣсто Этруріи, назначилъ провинціею Тарентъ, а потомъ вмѣсто Тарента Капую. Ему данъ легіонъ, которымъ начальствовалъ въ прошломъ году Фульвій.

36. Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе озабочивало всѣхъ приближеніе Аздрубала къ Италіи. Сначала послы Массилійцевъ дали знать, что онъ перешелъ въ Галлію, гдѣ заинтерессованы умы всѣхъ жителей вслѣдствіе слуха, что онъ для найма воиновъ принесъ съ собою большое количество золота. Потомъ послы, Сек. Антистій и М. Рэцій, отправленные изъ Рима, вмѣстѣ съ Массилійскими послами, для изслѣдованія этого вопроса на мѣстѣ, возвратились домой и говорили, что они вмѣстѣ съ Массилійскими

вождями, посылали къ ихъ знакомымъ, Галльскимъ старѣйшинамъ, людей съ цѣлью разузнать все: за достовѣрное узнали они, что Аздрубалъ, собравъ огромное войско, намѣревается съ первымъ наступленіемъ весны перейдти Альпы. Да и теперь, если что его задерживало, то зимнее время года, въ которое Альпы не приступны.

На мѣсто М. Марцелла, выбранъ и посвященъ въ авгуры П. Элій Петъ; а Кн. Корнелій Долабелла, царь священнодѣйствій, утвержденъ на мѣстѣ М. Марція, который умеръ за два года прежде. Въ этомъ же году сдѣлана народная перепись цензорами П. Семпроніемъ Тудитаномъ и М. Корнеліемъ Цетегомъ; оказалось гражданъ сто тридцать семь тысячь сто восемь человѣкъ— число не многимъ меньше того, которое было до начала войны. Сохранилось для памяти потомства, что въ этомъ году первый разъ съ того времени, какъ Аннибалъ появился въ Италіи, мѣсто, гдѣ происходили выборы въ Римѣ, покрыто крышею. Игры Римскія разъ отпразднованы курульными эдилями К. Метелломъ и К. Сервиліемъ. Два дни посвящены плебейскимъ играмъ народными эдилями, К. Мамиліемъ и М. Цециліемъ Метелломъ. Они же посвятили три статуи у храма Цереры и, по случаю игръ, было пиршество Юпитера.

Вслѣдъ за тѣмъ вступили въ отправленіе консульскихъ должностей, К. Клавдій Неронъ и М. Ливій вторично. Такъ какъ они, уже немедленно по назначеніи, раздѣлили между собою провинціи по жеребью, то сенатъ приказалъ имъ распредѣлить между преторами провинціи по жеребью. А. Гостилію досталась Сардинія, К. Мэмилію Сицилія и Л. Порцію—Галлія. Двадцать три легіона распредѣлены по провинціямъ такъ: консуламъ по два, четыре въ Испаніи; тремъ преторамъ—Сицилійскому, Сардинскому и Галльскому, по два; К. Теренцію въ Этруріи два, К. Фульвію въ землѣ Бруттіевъ два, К. Клавдію, находившемуся около Тарента и въ землѣ Саллентиновъ—два, К. Гостилію Тубулу въ Капуѣ одинъ. Въ Римѣ надлежало набрать еще два. Въ первые четыре легіона народъ избралъ трибуновъ, а въ прочіе назначили консулы.

37. Прежде отъѣзда консуловъ, было девятидневное молебствіе по тому случаю, что въ Веіяхъ шелъ съ неба каменный дождь. Какъ всегда бываетъ за извѣстіемъ объ одномъ чудѣ послѣдовали слухи и о другихъ. Въ Минтурнахъ храмъ Юпитера и Марикская священная роща, а также въ Ателлахъ стѣна и ворота поражены громомъ. Жители Минтурны присоединяли къ этому разсказъ гораздо страшнѣе—о томъ, будто въ воротахъ появился потокъ крови. Въ Капуѣ, ночью, волкъ прошелъ въ городскія ворота, и разорвалъ на части караульщика. За эти чудесныя явленія принесены большія жертвы и, по декрету первосвященниковъ, было общественное молебствіе на одинъ день. Въ другой разъ девятидневное молебствіе совершено по случаю извѣстія, что въ Армилюстрѣ шелъ каменный дождь. Только что было освободились отъ религіозныхъ опасеній умы гражданъ, какъ они вновь были поражены извѣстіемъ, что въ Фрузинонѣ родился ребенокъ, величиною съ четырехлѣтняго. И не столько въ немъ возбуждалъ удивленіе ростъ, сколько тоже, что было замѣчено въ ребенкѣ, за два года передъ тѣмъ родившемся въ Синуессѣ, а именно неопредѣленность пола. Трудно было опредѣлить мужескаго или женскаго онъ пола. Гадатели, приглашенные изъ Этруріи, назвали это чудесное явленіе дурнымъ и неблагопріятнаго предзнаменованія и сказали, что этого новорожденнаго ребенка, внѣ Римской области и далеко отъ прикосновенія земли, нужно потопить въ волнахъ моря. Его положили въ ящикъ и бросили въ море, отплывъ отъ берега на нѣкоторое разстояніе. Первосвященники опредѣлили еще, чтобы три отряда дѣвицъ, по девяти въ каждомъ, идя по городу пѣли священныя стихотворенія. Междутѣмъ какъ онѣ въ храмѣ Юпитера Статора (Остановителя) разъучивали стихотвореніе, сочиненное Ливіемъ поэтомъ, громъ ударилъ въ храмъ Юноны Царицы на Авентинѣ. Гадатели сказали, что это чудесное явленіе касается до Римскихъ женщинъ, и что богиню нужно умилостивить дарами. Эдиктомъ курульныхъ эдилей Римскія женщины, жившія какъ въ Римѣ, такъ и въ кругу десяти миль отъ города, приглашены въ Капитолій; тутъ онѣ выбрали изъ среды себя 25, къ которымъ прочія должны были доставлять пожертвованія изъ своего приданаго. На эти пожертвованія сдѣланъ золотой тазъ и отнесенъ на Авентинъ; тутъ женщины совершили чистое и цѣломудренное молебствіе.

Немедленно члены священной коммиссіи десяти (децемвиры) назначили другое жертвоприношеніе той же богинѣ въ слѣдующемъ порядкѣ: отъ храма Аполлона, въ Карментальскія ворота, приведены двѣ бѣлыя коровы; за ними несли двѣ статуи Юноны изъ кипариса; потомъ шли 27 молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыя въ длинныя одежды; онѣ пѣли стихотвореніе въ честь Юноны, въ то время по низкой степени образованія заслуживавшее похвалу, а нынѣ, если его привести, оно покажется нескладнымъ и непріятнымъ. За дѣвицами слѣдовали децемвиры, увѣнчанные лавровыми вѣнками и въ шитыхъ одеждахъ. Отъ Карментальскихъ воротъ, по Югарской улицѣ, пришли они на площадь (форумъ). Здѣсь процессія остановилась и дѣвушки, держась руками за веревку, приплясывали въ тактъ тому стихотворенію, которое пѣли. Оттуда, по улицамъ Тускской и Велабрской, черезъ Боварскую площадь, вышли они на Публиційской склонъ горы, и оттуда достигли храма Юноны. Здѣсь децемвиры принесли въ жертву обѣихъ коровъ, а кипарисныя изображенія внесены въ храмъ.

38. По умилостивленіи боговъ установленнымъ порядкомъ, консулы произвели наборъ строже и внимательнѣе, чѣмъ онъ производился въ прежніе годы, по крайней мѣрѣ, сколько могли припомнить. Опасенія войны удвоились, вслѣдствіе прибытія въ Италію новаго непріятеля, и число молодыхъ людей, изъ котораго долженствовалъ быть произведенъ наборъ, уменьшилось. А потому консулы понуждали и колоніи приморскія, которыя утверждали, что они имѣютъ освященное законами увольненіе отъ военной службы, выставить воиновъ. По случаю отказа консулы назначили извѣстный день, въ который колоніи должны были предъявить сенату свои законныя права на увольненіе отъ службы. Въ этотъ день къ сенату пришли жители Остіи, Альсіи, Антія, Анксурны, Ментурны, Синуессъ и Сены съ верхняго моря. Здѣсь всѣ они предъявили свои права, но, по случаю нахожденія непріятеля въ Италіи, уважены только права жителей Антія и Остіи. Да и этихъ колоній молодые люди обязаны клятвою—пока непріятель будетъ находиться въ Италіи, не ночевать болѣе тридцати ночей къ ряду внѣ стѣнъ города. Всѣ были того мнѣнія, что консуламъ надобно какъ можно скорѣе идти на войну — и

Аздрубалу слѣдовало преградить путь, лишь только спустится онъ съ Альповъ для того, чтобы онъ не успѣлъ увлечь за собою Цизальпинскихъ Галловъ и Этрусковъ, которые съ нетерпѣніемъ ждали случая къ возстанію. Аннибала слѣдовало занять особою войною и не дать ему возможности — оставить землю Бруттіевъ и идти на соединеніе съ братомъ—Ливій медлилъ, мало довѣряя войскамъ своихъ провинцій. Товарищу его былъ свободный выборъ изъ двухъ прекрасныхъ армій бывшихъ консуловъ и третьей, находившейся въ Тарентѣ подъ начальствомъ К. Клавдія. А потому Ливій предложилъ призвать къ оружію волонтеровъ. Сенатъ предоставилъ консуламъ полную свободу — и пополнить арміи какъ хотятъ, и выбирать изо всѣхъ войскъ любыя и мѣняться ими по произволу, переводя ихъ и изъ провинцій по мѣрѣ требованія общественной пользы. Все это консулы привели въ дѣйствіе съ полнымъ согласіемъ. Волонтеры записаны въ девятнадцатый и двадцатый легіоны. Нѣкоторые историки этой войны утверждаютъ, что П. Сципіонъ прислалъ значительное подкрѣпленіе М. Ливію, которое заключалось въ 8000 Галловъ и Испанцевъ, въ 2 тысячахъ воиновъ изъ легіона и въ тысячѣ всадниковъ на половину Нумидовъ, и на половину Испанцевъ. Эти войска М. Лукрецій привезъ изъ Испаніи на судахъ; а изъ Сициліи будто бы К. Мамилій прислалъ до трехъ тысячь стрѣлковъ и пращниковъ.

39. Въ Римѣ общая тревога усилилась вслѣдствіе писемъ, полученныхъ изъ Галліи отъ претора Л. Порція. Аздрубалъ оставилъ зимнія квартиры, и уже перешелъ Альпы. Восемь тысячь Лигуровъ съ оружіемъ въ рукахъ готовы, тотчасъ при появленіи Аздрубала, присоединиться къ нему, если не будутъ задержаны войною дома; а для этого нужно кого нибудь послать въ ихъ землю. Что касается до него, претора, то онъ съ своимъ слабымъ войскомъ поспѣшитъ выступить впередъ, на сколько то будетъ возможно. Это извѣстіе заставило консуловъ поспѣшно окончить наборъ и выступить въ свои провинціи ранѣе, чѣмъ они было предположили. Тутъ имѣли они цѣлью — каждый въ своей провинціи задержать непріятеля и не допустить его соединиться или сосредоточить свои силы въ одно мѣсто. Много въ этомъ

случаѣ помогло убѣжденіе Аннибала; зналъ онъ, что, въ продолженіи этого лѣта, братъ его долженъ перейдти въ Италію, но, припоминая затрудненія, имъ самимъ перенесенныя при переходѣ Родана и Альпъ, гдѣ онъ, въ продолженіи пяти мѣсяцевъ, долженъ былъ бороться и съ людьми и съ природою, никакъ не ожидалъ онъ такого скораго и ранняго появленія его въ Италіи, и потому поздно двинулся съ зимнихъ квартиръ. Аздрубалъ же сдѣлалъ все скорѣе и легче, чѣмъ и самъ надѣялся, и другіе ожидали. Арверны, и другіе Гальскіе и Альпійскіе народы, не только приняли его, но и послѣдовали за нимъ на войну. Шелъ онъ съ войскомъ путемъ, уже проложеннымъ его братомъ, а дотолѣ неприступнымъ. Притомъ, въ продолженіи послѣднихъ 12 лѣтъ, какъ Альпы сдѣлались доступными, и нравы самихъ жителей смягчились. Прежде не посѣщаемые инородцами, они не привыкли видѣть чужестранцевъ въ своей землѣ, и потому не были они общительны со всѣмъ родомъ человѣческимъ. Не зная сначала куда идетъ Карѳагенянинъ, они полагали, что онъ хочетъ завоевать ихъ скалы и крѣпостцы, а ихъ самихъ, и ихъ скотъ, сдѣлать своею добычею. Но слухъ о Карѳагенской войнѣ (Пунической) уже 12 годъ свирѣпствовавшей въ Италіи, достаточно научилъ жителей, что Альпы служатъ только путемъ, а что два могущественныхъ города, отдѣленные одинъ отъ другаго обширными пространствами земли и моря, спорятъ между собою о владычествѣ и богатствахъ. Вотъ причины, которыя открыли Аздрубалу Альпы. Впрочемъ, все, что онъ выигралъ быстротою движенія, потерялъ онъ замедленіемъ подъ стѣнами Плаценціи, которую онъ правильнѣе обложилъ, чѣмъ намѣревался взять приступомъ. Онъ расчитывалъ, что легко взять городъ, расположенный на равнинѣ; а знаменитость этой колоніи давала ему надежду, что взятіе ея распространитъ ужасъ на всѣ прочія. Осада эта не только задержала самого Аздрубала, но и Аннибалъ, готовый уже выступить съ зимнихъ квартиръ, по полученіи извѣстія о переходѣ брата черезъ Альпы, который случился много ранѣе чѣмъ онъ ожидалъ, пріостановился, зная, какъ долго тянется осада городовъ; онъ припомнилъ свое тщетное усиліе взять этотъ городъ, къ которому было онъ приступалъ, одержавъ побѣду при Требіи.

40. Консулы выступили изъ Рима разными дорогами. Такимъ образомъ вниманіе гражданъ было одинако обращено на двѣ войны. Припоминая, къ какими бѣдствіями для Италіи сопряжено было первое появленіе въ ней Аннибала, не могли граждане не тревожиться о томъ, будутъ ли боги столь благорасположены къ Риму и его владычеству, чтобы даровать успѣхъ на всѣхъ пунктахъ въ одно и тоже время. До нынѣ война тянулась такъ, что счастіе уравновѣшивало только неудачи. Когда въ Италіи дѣла Римлянъ были испорчены Тразименскимъ и Каннскимъ сраженіями, удачныя дѣйствія въ Испаніи поддержали отечество, готовое къ паденію. Когда въ Испаніи, вслѣдствіе уроновъ, понесенныхъ одинъ за другимъ, погибли два отличныхъ полководца, и двѣ арміи были почти уничтожены, многія счастливыя событія въ Италіи и Сициліи поддержали потрясенное отечество. Самое разстояніе мѣстности, гдѣ одна война велась на краяхъ обитаемой земли, дало возможность поотдохнуть послѣ потерь. Теперь въ самой Италіи было двѣ войны; два знаменитѣйшихъ вождя угрожали Риму; на одномъ мѣстѣ сосредоточилась вся опасность, вся тяжесть войны. Стоило одному одержать побѣду, и черезъ нѣсколько дней онъ соединялъ свои войска съ другимъ. Прошлый годъ ужасалъ воспоминаніемъ о смерти двухъ консуловъ. Такія то соображенія озабочивали умы гражданъ, и мысленно послѣдовали они за обоими консулами. Сохранилось извѣстіе, что въ Ливіѣ было еще свѣжо негодованіе противъ согражданъ. И когда К. Фабій уговаривалъ его, чтобы онъ, неразъ узнавши хорошенько, съ какого рода непріятелемъ будетъ имѣть дѣло, опрометчиво не вступалъ въ бой, то М. Ливій сказалъ ему, что дастъ сраженіе, какъ только встрѣтится съ непріятелемъ. На вопросъ о причинѣ такой поспѣшности, М. Ливій сказалъ: «или пораженіе непріятеля доставитъ мнѣ блистательную славу, или пораженіе согражданъ доставитъ мнѣ радость, хотя и злую, но тѣмъ не менѣе заслуженную».

Еще консулъ Клавдій не пришелъ въ свою провинцію, какъ К. Гостилій Тубулъ напалъ съ легкими когортами на Аннибала, шедшаго съ войскомъ въ землю Саллентинцевъ, краемъ Ларинатскаго поля. Неожиданность нападенія произвела страшное смяте-

ніе въ рядахъ непріятеля, неприготовленнаго къ бою. До четырехъ тысячь убитыми потерялъ онъ и девять военныхъ значковъ досталось въ руки Римлянъ. Слыша о движеніи непріятеля, К. Клавдій оставилъ зимнія квартиры; до того же времени войска его стояли лагерями по городамъ Саллентинскаго поля. Не желая сражаться въ одно и тоже время съ двумя войсками непріятельскими, Аннибалъ ночью снялъ лагерь въ Тарентинской области и удалился въ землю Бруттіевъ. Клавдій обратилъ свое войско въ землю Салентинцевъ, а Гостилій двинулся въ Капую и на дорогѣ у Венузіи повстрѣчалъ консула Клавдія. Тутъ изъ обѣихъ войскъ отобрано сорокъ тысячь пѣхоты, двѣ тысячи пять сотъ всадниковъ; съ этими силами консулъ долженъ былъ вести войну противъ Аннибала. Остальныя войска Гостилію велѣно вести въ Капую и передать тамъ проконсулу К. Фульвію.

41. Аннибалъ, собравъ со всѣхъ сторонъ войска, какъ стоявшія по зимнимъ квартирамъ, такъ и находившіяся по гарнизонамъ въ Бруттійской области, подступилъ къ Грументу, въ области Лукановъ, въ надеждѣ взять города, которые подъ вліяніемъ страха отпали отъ Римлянъ. Туда же двинулся отъ Венузіи и консулъ Римскій, осмотрѣвъ предварительно дороги. Онъ остановился лагеремъ, почти въ полуторы тысячи шагахъ, отъ лагеря Аннибала. Съ перваго виду казалось, что окопы Карѳагенянъ почти примыкаютъ къ стѣнамъ города; на самомъ же дѣлѣ раздѣляло ихъ разстояніе въ 500 шаговъ. Ровное поле лежало между лагерями Карѳагенскимъ и Римскимъ. Обнаженные холмы возвышались на лѣвомъ флангѣ Карѳагенянъ, а для Римлянъ на правомъ. Холмы эти не возбуждали подозрѣнія ни той ни другой стороны, такъ какъ они не были покрыты лѣсомъ, и не заключали въ себѣ разсѣлинъ. Съ передовыхъ постовъ той и другой арміи воины встрѣчались другъ съ другомъ середи поля, но стычки ихъ не представляли ничего замѣчательнаго. Казалось Римляне заботились объ одномъ — какъ бы не допустить непріятеля уйдти отсюда. Аннибалъ же выходилъ въ боевомъ порядкѣ, междутѣмъ въ душѣ желая, во чтобы то ни стало, вырваться оттуда. Консулъ рѣшился дѣйствовать въ духѣ непріятеля, тѣмъ болѣе, что холмы, столь открытые, отнимали всякое подозрѣніе засады;

онъ приказалъ пяти Римскимъ когортамъ, съ пятью ротами союзниковъ, ночью перейдти холмы и стать на другомъ ихъ склонѣ. Начальникамъ этого отряда—военному трибуну Тиб. Клавдію Азеллу и префекту союзниковъ П. Клавдію—онъ далъ наставленіе когда выйдти изъ засады и ударить на непріятеля; а самъ на разсвѣтѣ вывелъ въ поле въ боевомъ порядкѣ всѣ войска пѣшія и конныя. Немного спустя и Аннибалъ далъ знакъ къ сраженію и въ лагерѣ его поднялись крики воиновъ, разбѣжавшихся брать оружіе. Потомъ пѣшіе и конные воины устремились въ безпорядкѣ въ ворота, и разсѣянною толпою по полю спѣшили на встрѣчу непріятеля. Видя такой безпорядокъ, консулъ приказалъ военному трибуну третьяго легіона, К. Аврункулеію, съ конницею легіона ударить стремительно на непріятелей, которые разсѣялись, какъ стада скота, по всему полю въ такомъ безпорядкѣ, что они могли быть легко подавлены и уничтожены прежде, чѣмъ успѣютъ построиться въ боевой порядокъ.

42. Аннибалъ еще не выходилъ изъ лагеря, какъ услыхалъ крики сражающихся. Вызванный этою тревогою, онъ поспѣшно гонитъ войска на встрѣчу непріятеля. Первые ряды его были поражены ужасомъ при нападеніи конницы; вслѣдъ за нею вступила въ дѣло пѣхота перваго легіона и правое крыло союзниковъ. Непріятельскіе воины, находясь въ безпорядкѣ, должны были отражать нападеніе тамъ, гдѣ кого засталъ бой; пѣшіе воины были перемѣшаны съ конными. Бой усиливался по мѣрѣ подкрѣпленій, число непріятелей увеличилось приходившими изъ лагеря и Аннибалъ успѣлъ бы, среди смятенія и опасеній боя, построить своихъ воиновъ въ боевой порядокъ на самомъ полѣ сраженія — вещь невозможная иначе, какъ для войска стараго и вождя опытнаго; но въ это время раздался въ тылу воинскій кликъ Римлянъ и ихъ союзниковъ, устремившихся на Карѳагенянъ съ той стороны холма. Непріятель пораженъ былъ ужасомъ, вслѣдствіе опасенія, какъ бы ему не отрѣзали дорогу къ лагерю. Этотъ страхъ заставилъ его бѣжать; но потеря во время бѣгства была не весьма велика по самой близости лагеря, давшаго убѣжище бѣжавшимъ. Впрочемъ, Римскіе всадники преслѣдовали непріятелей по пятамъ; съ боку напали на него когорты, которыхъ

воины легко сбѣжали по склону холма, представлявшему дорогу открытую и легкую. Потеря Карѳагенянъ простиралась до восьми тысячь убитыми, и семисотъ взятыми въ плѣнъ; военныхъ значковъ отнято девять. Изъ слоновъ, которые въ этомъ неожиданномъ и безпорядочномъ бою не приносили непріятелю никакой пользы, четыре убито и два взято въ плѣнъ. Побѣдители, Римляне и союзники, потеряли убитыми до 500 человѣкъ. Слѣдующій за тѣмъ день Аннибалъ провелъ, не трогаясь съ мѣста; Римляне выстроились на полѣ въ боевомъ порядкѣ; видя же, что непріятель не выноситъ своихъ знаменъ, они, по приказанію консула, стали отбирать убитыхъ непріятелей, а тѣла своихъ соотечественниковъ убитыхъ сносить въ кучу и хоронить. Въ слѣдующіе за тѣмъ дни консулъ съ войскомъ подходилъ до того близко къ воротамъ непріятельскаго лагеря, что повидимому хотѣлъ сдѣлать приступъ. Наконецъ, въ третью стражу ночи, Аннибалъ, оставивъ въ той части лагеря, которая обращена была къ непріятелю, много палатокъ, разложенныхъ огней, и въ небольшомъ количествѣ Нумидовъ съ тѣмъ, чтобы они показывались на окопахъ и въ воротахъ, выступилъ изъ лагеря и отправился по направленію къ Апуліи. На разсвѣтѣ Римское войско подошло къ непріятельскимъ окопамъ. Нумиды съ умысломъ показывались то на валу, то въ воротахъ; нѣсколько времени держали они Римлянъ въ заблужденіи, а потомъ, пришпоривъ коней, послѣдовали за своими. Консулъ, замѣчая совершенную тишину въ лагерѣ, и не видя даже тѣхъ немногихъ непріятелей, которые на разсвѣтѣ тамъ показывались, послалъ впередъ двухъ всадниковъ осмотрѣть лагерь. Когда достовѣрно узнали, что опасаться ни откуда нѣчего, то консулъ приказалъ войску внести знамена въ непріятельскій лагерь. Консулъ оставался тамъ столько времени, сколько воинамъ его нужно было для грабежа; потомъ далъ знакъ отбоя и возвратился въ свой лагерь до наступленія ночи за долго. На другой день онъ выступилъ на разсвѣтѣ, и длинными переходами двинулся за непріятелемъ, направленія движенія котораго извѣстно было и по слуху, и замѣтно по слѣдамъ; не далеко отъ Венузіи, нагналъ онъ непріятеля, и здѣсь была схватка нечаянная, въ которой Карѳагеняне потеряли до двухъ ты-

сячь убитыми. Оттуда Аннибалъ ночью по горамъ для того, чтобы не дать возможности Римлянамъ сразиться съ нимъ, удалился въ Метапонтъ. Отсюда послалъ онъ Ганнона, который начальствовалъ находившимся въ этомъ городѣ гарнизономъ—въ землю Бруттіевъ съ небольшимъ числомъ воиновъ для набора новаго войска. Аннибалъ, соединивъ бывшія у Ганнона войска съ своими, двинулся назадъ къ Венузіи тѣмъ же путемъ, какимъ пришелъ оттуда; отъ Венузіи выступилъ онъ впередъ до Канузіи. Неронъ продолжалъ слѣдовать за непріятелемъ по пятамъ. Когда отправлялся въ Метапонтъ, то въ землю Луканов призвалъ К. Фульвія для того, чтобы эта страна не была беззащитна.

43. Междутѣмъ Аздрубалъ, оставивъ осаду Плаценціи, послалъ съ письмами къ Аннибалу четырехъ Галльскихъ всадниковъ и двухъ Нумидовъ. Имъ надлежало пройдти Италію во всю ея длину среди непріятелей, и когда они слѣдовали за Аннибаломъ, отступавшимъ въ Метапонтъ, по незнанію дорогъ зашли къ Таренту, гдѣ были схвачены и приведены къ исправлявшему должность претора К. Клавдію воинами Римскими, разсѣявшимися по полямъ для грабежа. Сначала они старались давать отвѣты неопредѣленные; но потомъ, когда стали имъ грозить пыткою, они признались въ истинѣ и сказали, что они несутъ письма отъ Аздрубала къ Аннибалу. Съ этими письмами въ томъ видѣ, какъ они были, то есть запечатанными, они отправлены, въ сопровожденіи военнаго трибуна, Л. Вергинія, къ консулу К. Клавдію; въ видѣ конвоя посланы съ ними два эскадрона Самнитскихъ. По прибытіи ихъ къ консулу, письма Аздрубала прочитаны, а плѣннымъ сдѣланъ допросъ. Тутъ Клавдій понялъ, что дѣла отечества не въ такомъ положеніи, чтобы, держась строго заведеннаго порядка, каждый консулъ велъ въ войну съ непріятелемъ въ предѣлахъ провинціи, отведенной ему сенатомъ, съ войскомъ, ему даннымъ; что необходимо рѣшиться на какую нибудь мѣру неожиданную, нечаянную, мѣру, которая въ началѣ причиняетъ соотечественникамъ страхъ неменьшій, какъ и непріятелямъ, но, въ случаѣ удачи, произведетъ общую радость, которая будетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше былъ страхъ. Кон-

сулъ послалъ въ Римъ къ сенату письма Аздрубала; вмѣстѣ извѣщалъ сенаторовъ о своемъ намѣреніи и писалъ: чтобы сенатъ,— такъ какъ Аздрубалъ извѣщалъ Аннибала, что встрѣтитъ его въ Умбріи,—призвалъ изъ Капуи легіонъ въ Римъ, распорядился произвести наборъ въ Римѣ и выставилъ на встрѣчу непріятелю итагородовое войско у Нарни. Вотъ, что консулъ писалъ къ сенату; а между тѣмъ отправлены впередъ по полямъ Ларинатскому, Марруцинскому, Френтанскому и Претуціанскому, по которымъ консулъ намѣревался идти съ войскомъ—гонцы съ приказаніемъ выносить на дорогу изъ городовъ и съ полей запасы провіанта на пищу его воинамъ. Приказано также заготовить большое количество лошадей и другихъ вьючныхъ животныхъ для того, чтобы тѣ изъ воиновъ, которые устанутъ, могли слѣдовать въ повозкахъ. Консулъ изо всего своего войска, какъ собственно изъ гражданъ, такъ и изъ союзниковъ, отобралъ самыхъ лучшихъ воиновъ шесть тысячь пѣхоты и тысячу всадниковъ. Обьявилъ онъ, что хочетъ захватить въ расплохъ ближайшій городъ въ землѣ Лукановъ, находившійся во власти Карѳагенянъ и имѣвшій ихъ гарнизонъ, и приказалъ всѣмъ готовиться къ походу. Выступивъ ночью, консулъ повернулъ въ Пиценъ и, самыми поспѣшными переходами, устремился на соединеніе съ другимъ консуломъ; въ своемъ же лагерѣ поручилъ онъ начальство легату К. Катію.

44. Въ Римѣ страхъ и тревога были не меньше тѣхъ, которые господствовали тамъ за два года передъ симъ, когда Карѳагенскій лагерь находился почти у самыхъ стѣнъ и воротъ Рима. Граждане не могли себѣ дать хорошенько отчета—хвалить ли поступокъ консула или порицать его. Повидимому—и это было несправедливо въ высшей степени—судить о немъ можно было только по результату. Вблизи непріятеля, и такого какъ Аннибалъ, оставленъ лагерь безъ вождя съ войскомъ, котораго самая сила, самый цвѣтъ отняты. Консулъ обьявилъ походъ въ землю Лукановъ, а на самомъ дѣлѣ двинулся въ Пиценъ и Галлію. Безопасность оставленнаго имъ лагеря зависитъ вся отъ того— долго ли непріятель будетъ оставаться въ заблужденіи и не знать, что тамъ нѣтъ ни вождя, ни части войска. Чтоже будетъ, если

это откроется, и Аннибалъ захочетъ или преслѣдовать со всѣмъ войскомъ Нерона, у котораго всего подъ оружіемъ шесть тысячь человѣкъ, или нападетъ на лагерь — добычу ему готовую, такъ какъ онъ оставленъ безъ вождя, безъ силъ и безъ защиты? Съ ужасомъ припоминали прежніе уроны на этой же войнѣ и гибель обоихъ консуловъ въ прошломъ году. Все это было, когда въ Италіи находилось одно войско Карѳагенское и одинъ вождь; теперь нужно было вести двѣ войны съ двумя сильными войсками и почти съ двумя Аннибалами. Аздрубалъ былъ сынъ тогоже отца Гамилькара, что и Аннибалъ; вождь дѣятельный, пріобрѣлъ онъ опытность военную столь долговременною борьбою съ Римлянами въ Испаніи, гдѣ онъ прославился двойною побѣдою надъ двумя славными Римскими вождями, арміи которыхъ онъ истребилъ. Быстротою похода и успѣшнымъ призывомъ Галльскихъ народовъ къ оружію — Аздрубалъ могъ хвалиться даже передъ Аннибаломъ. Первый набралъ войско въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ второй растерялъ большую часть своихъ воиновъ, погибшихъ голодомъ и холодомъ, смертью, которой нѣтъ хуже. Хорошо знавшіе исторію Испанскихъ событій припоминали, что Аздрубалу прійдется имѣть дѣло съ Нерономъ, вождемъ не совсѣмъ ему незнакомымъ, такъ какъ захваченный имъ разъ въ горномъ ущельи, онъ успѣлъ его провести, какъ ребенка, льстивыми рѣчами и обманчивыми предложеніями мира. Вообще, страхъ представляетъ все въ худшемъ видѣ, и потому Римляне подъ вліяніемъ опасеній, увеличивали дѣйствительныя средства непріятеля и уменьшали свои.

45. Неронъ, оставивъ между собою и непріятелемъ столь значительное разстояніе, почелъ довольно безопаснымъ—открыть свое истинное намѣреніе, и потому въ немногихъ словахъ обьяснилъ его воинамъ. Онъ говорилъ, что его планъ дѣйствій, какъ ни кажется съ перваго взгляда черезъ чуръ смѣлымъ, но на самомъ дѣлѣ успѣхъ его вѣренъ. Хотя на эту войну товарищъ его отправился, отобравъ себѣ, по распоряженію сената, сильнѣйшія и лучшія войска, чѣмъ даже тѣ, которымъ назначено дѣйствовать противъ Аннибала; однако, по этому самому, сколько бы силъ ни присоединилось еще въ рѣшительную минуту, на той сторонѣ

будетъ успѣхъ. Стоитъ только во время сраженія — а онъ постарается, чтобы этого не случилось прежде сраженія,—распространиться молвѣ, что прибылъ на мѣсто сраженія другой консулъ съ другимъ войскомъ, и побѣда будетъ несомнѣнная. Часто успѣхъ сраженія зависитъ отъ какого нибудь слуха, и случаи, сами по себѣ незначущіе, вселяютъ въ душу или надежду, или страхъ. Почти вся слава успѣха будетъ принадлежать имъ; всегда подкрѣпленіе, полученное послѣ, рѣшаетъ повидимому ходъ всего дѣла. Сами воины видѣли, что путь ихъ былъ торжествомъ по множеству людей, которые встрѣчали ихъ своимъ удивленіемъ и лучшими пожеланіями. По истинѣ, шли они какъ бы по правильнымъ рядамъ мущинъ и женщинъ, вышедшихъ на встрѣчу съ полей отовсюду, и провожавшихъ ихъ похвалами, мольбами и обѣтами. Ихъ они называли надеждою отечества, мстителями города Рима и его могущества; въ ихъ рукахъ и оружіи безопасность и свобода ихъ и семействъ. Они молили всѣхъ боговъ и богинь, чтобы бой былъ для нихъ счастливъ и благопріятенъ, и чтобы побѣда надъ непріятелемъ не замедлила увѣнчать ихъ. Брали на себя отвѣтственность въ тѣхъ обѣтахъ, которые за нихъ приняли для того чтобы, какъ теперь они провожаютъ ихъ своими опасеніями, такъ, черезъ нѣсколько дней, выйдти на встрѣчу имъ побѣдителямъ съ торжественнымъ привѣтствіемъ. Каждый предлагалъ свои услуги, предлагалъ и надоѣдалъ просьбами—то, что нужно имъ самимъ и ихъ лошадямъ, брать у него преимущественно. Они давали все собранное съ удивительною благосклонностью. Воины же спорили другъ передъ другомъ въ скромности и не брали ничего, кромѣ существенно необходимаго; они нигдѣ не медлили, не отходили отъ значковъ и не останавливались для принятія пищи. Покою посвящали едва столько, сколько нужно было по самой необходимой потребности тѣла. Къ другому консулу посланы впередъ гонцы дать знать о приближеніи и вмѣстѣ спросить, какъ заблагоразсудитъ онъ — войдти ли имъ тайно или явно, днемъ или ночью, въ одномъ ли съ нимъ остановиться лагерѣ или отдѣльно. Сочтено за лучшее войдти ночью.

46. Консулъ Ливій отдалъ по лагерю приказаніе, чтобы три-

бунъ принялъ къ себѣ трибуна, сотникъ сотника, всадникъ всадника и пѣшій воинъ—пѣшаго. Распространять лагерь признано ненужнымъ для того, чтобы непріятель не почувствовалъ прибытія другаго консула. Сосредоточеніе большаго числа воиновъ на тѣсномъ мѣстѣ было облегчено уже тѣмъ, что Клавдіево войско не взяло съ собою въ походъ почти ничего, кромѣ оружія. Впрочемъ, во время самого похода, войско его умножилось волонтерами; предлагали на перерывъ свои услуги и старые воины, уже выслужившіе срокъ службы, и молодые люди. Консулъ бралъ изъ нихъ тѣхъ, которые, по тѣлесному виду и силамъ, казались годными для военной службы. У Сены былъ лагерь другаго консула, и Аздрубалъ стоялъ съ войскомъ въ разстояніи оттуда не болѣе 500 шаговъ. Подойдя туда, Неронъ, прикрытый горами, остановился, для того чтобы не входить въ лагерь прежде наступленія ночи. Въ молчаніи вошедшіе воины Нерона тотчасъ уведены воинами Ливія того же военнаго чина, и приняты гостепріимно при большой взаимной радости. На другой день было совѣщаніе, въ которомъ присутствовалъ и преторъ Л. Порцій Лицинъ. Лагерь его былъ примкнутъ къ лагерю консуловъ. До прибытія ихъ онъ водилъ войско по горамъ и то занималъ ущелья, чтобы преградить путь непріятелю, то нападалъ на его войско или съ фланговъ, или съ тылу; однимъ словомъ, онъ тѣшился надъ непріятелемъ всѣми способами, какіе представляетъ военное искусство. Онъ въ то время присутствовалъ также въ военномъ совѣтѣ. Многіе были того мнѣнія, что надобно нѣсколько времени отложить бой для того, чтобы Неронъ успѣлъ съ своими воинами и отдохнуть отъ похода и лучше ознакомиться съ непріятелемъ. Неронъ не переставалъ не только убѣждать, но и умолять всѣми силами—его намѣреніе, при быстротѣ исполненія вѣрное, не дѣлать черезъ промедленіе опаснымъ. Вслѣдствіе заблужденія, которое не можетъ долго оставаться, Аннибалъ находится въ какомъ то оцѣпененіи и не нападаетъ на его лагерь, оставшійся безъ вождя, и не слѣдуетъ за нимъ. Надлежитъ прежде, чѣмъ онъ двинется съ мѣста, уничтожить войско Аздрубала и возвратиться въ Апулію. Промедленіе же времени дастъ возможность непріятелю Аннибалу и овладѣть Римскимъ лагеремъ, бро-

шеннымъ ему на жертву и откроетъ ему путь въ Галлію; тамъ онъ можетъ, гдѣ захочетъ, свободно соединиться съ Аздрубаломъ. Тотчасъ надобно дать знакъ къ бою, идти на поле сраженія, гдѣ и воспользоваться заблужденіемъ непріятелей, какъ тѣхъ, которые на лицо, такъ и отсутствующихъ. Первые незнаютъ, что имъ прійдется имѣть дѣло съ непріятелемъ, болѣе многочисленнымъ и сильнымъ, чѣмъ они предполагали; а вторые не догадываются, что противъ нихъ осталось непріятелей весьма мало. Совѣтъ распущенъ; данъ знакъ къ битвѣ и немедленно выступаютъ Римляне въ боевомъ порядкѣ.

47. Непріятель уже стоялъ передъ лагеремъ, готовый къ бою. Впрочемъ сраженіе замедлилось вслѣдствіе того, что Аздрубалъ, выѣхавъ впередъ строя въ сопровожденіи немногихъ всадниковъ, примѣтилъ у непріятелей старые щиты, которыхъ прежде не видалъ и лошадей, спавшихъ съ тѣла. Да и число непріятелей по видимому было больше обыкновеннаго. Подозрѣвая то, что дѣйствительно было, Аздрубалъ велѣлъ играть отбой и послалъ къ рѣкѣ, куда Римляне ходили за водою—поймать кого нибудь, да и замѣтить—не видно ли будетъ воиновъ съ болѣе загорѣвшимъ лицомъ, признакомъ недавняго похода. Вмѣстѣ съ тѣмъ, приказалъ Аздрубалъ объѣхать издалека лагерь Римлянъ и посмотрѣть — не прибавленъ ли гдѣ валъ; а также обратить вниманіе—одинъ разъ или два играютъ трубы въ лагерѣ. Обо всемъ получено обстоятельное донесеніе; вводило въ заблужденіе то, что лагерь Римлянъ оставался въ прежнемъ размѣрѣ. Было два лагеря—какъ и до прибытія другаго консула: одинъ М. Ливія, а другой Л. Порція; но ни у одного лагеря нигдѣ окопы не расширены. Впрочемъ, вождя стараго и давно уже искусившагося въ войнѣ съ Римлянами, встревожило то обстоятельство, что, какъ ему передали, въ преторскомъ лагерѣ трубы играли разъ, а въ консульскомъ два. *Непремѣнно оба консула здѣсь* — подумалъ онъ, и озабочивало его то, какъ другой консулъ могъ уйдти отъ Аннибала. Аздрубалу не приходило и въ голову предположеніе того, что было дѣйствительно, а именно, что Аннибалъ до такой степени обманутъ вполнѣ, что не знаетъ того, гдѣ находится вождь, ни гдѣ войско непріятеля, стоявшаго съ нимъ рядомъ

лагеремъ. Аздрубалъ думалъ, что одинъ только сильный уронъ, понесенный братомъ, могъ удержать его отъ того, чтобы не идти по пятамъ Нерона. Сильно опасался Аздрубалъ того—дѣло Карѳагенянъ не проиграно ли уже окончательно и не поздно ли пришло его вспоможеніе? Римлянамъ и въ Италіи не тожели счастіе, что и въ Испаніи? Аздрубалъ полагалъ, что письма его не дошли къ брату, и что консулъ Римскій, перехвативъ ихъ, поспѣшилъ подавить его. Тревожимый такими заботами, онъ велѣлъ погасить огни и въ первую стражу ночи давъ знакъ, чтобы воины потихоньку собрали свои вещи, приказалъ нести впередъ знамена. Среди господствовавшаго смятенія и замѣшательства, неизбѣжнаго въ ночное время, воины мало обращали вниманія на путеводителей: изъ нихъ одинъ остановился въ скрытномъ мѣстѣ, еще прежде имъ избранномъ, а другой переплылъ рѣку Метавръ по мѣлководнымъ мѣстамъ, ему извѣстнымъ. Оставленное путеводителями, войско сначала шло на удачу по полямъ; истомленные усталостью и безсонницею, воины гдѣ попало предаются покою и расходятся отъ своихъ знаменъ, при которыхъ осталось немного людей. Аздрубалъ, пока довольно свѣтло было для того, чтобы видѣть дорогу, приказалъ потише нести знамена. Излучины и изгибы рѣки, среди которыхъ заблудился Аздрубалъ съ войскомъ, не позволили далеко уйдти. И Аздрубалъ хотѣлъ съ наступленіемъ дня при первой возможности перейдти на другую сторону; но, по мѣрѣ того какъ удалялся онъ отъ моря, берега рѣки становились круче и бродовъ не было. Такое безполезное промедленіе дало возможность непріятелю нагнать Короагенское войско.

48. Сначала прибылъ Неронъ со всею конницею; потомъ велѣдъ за нимъ Порцій съ легко вооруженными воинами. Они со всѣхъ сторонъ тѣснили утомленное непріятельское войско. Прекративъ отступательное движеніе, которое начинало принимать видъ бѣгства, Карѳагенское войско начало располагаться лагеремъ на возвышеніи у берега рѣки. Тутъ прибылъ Ливій со всѣми пѣшими войсками не такъ какъ съ похода, но совершенно готовыми и устроенными къ бою. Когда всѣ войска Римскія соединились и стали въ одну линію, Клавдій расположился на правомъ крылѣ, а Ливій готовился къ бою на лѣвомъ, центръ

порученъ начальству претора. Аздрубалъ видѣлъ необходимость сражаться, и потому, оставивъ работы по укрѣпленію лагеря, въ первой линіи впереди знаменъ поставилъ онъ слоновъ; вокругъ ихъ на лѣвомъ крылѣ поставилъ онъ противъ Клавдія Галловъ; не столько онъ довѣрялъ имъ, сколько надѣялся на то, что они внушаютъ страхъ непріятелю. Самъ же съ Испанцами сталъ онъ на правомъ крылѣ противъ Ливія; тутъ всю надежду полагалъ онъ на старыхъ и опытныхъ воиновъ. Лигуры поставлены въ центрѣ позади слоновъ. Боевая линія Кароагенянъ представляла болѣе длины, нежели глубины. Галловъ прикрывалъ выдававшійся холмъ. Боевой фронтъ непріятелей, состоявшій изъ Испанцевъ, сразился съ лѣвымъ крыломъ Римлянъ; но все правое крыло выдавалось далеко за мѣсто боя. Находившійся напротивъ, холмъ не давалъ возможности ни аттаковать его съ фронта, ни обойдти съ фланга. Между Ливіемъ и Аздрубаломъ завязался упорный бой, и съ обѣихъ сторонъ происходила страшная рѣзня. Тамъ были оба вождя; тамъ находилась большая часть пѣхоты и конницы Римской, тамъ Испанцы, воины старые и навыкшіе къ борьбѣ съ Римлянами, и Лигуры, народъ опасный съ оружіемъ въ рукахъ. Тутъ же дѣйствовали и слоны; они сначала первымъ натискомъ произвели замѣшательство въ переднихъ рядахъ, и самыя знамена подались было назадъ. Но когда бой усилился, то, среди воинскихъ кликовъ, трудно стало управлять слонами; они вертѣлись между обѣими сражающимися линіями, какъ бы незная чьей стороны держаться, и походили очень на суда безъ руля, бросаемыя волнами то въ ту, то въ другую сторону. Клавдій кричалъ воинамъ «стоило же намъ для этого такъ поспѣшно совершить длинный путь!» Тщетно пытался онъ подняться съ войскомъ на холмъ, находившійся напротивъ; видя невозможность съ этой стороны проникнуть къ непріятелю, онъ нѣсколько когортъ перевелъ съ праваго крыла, гдѣ, какъ онъ предвидѣлъ, обойдется дѣло почти безъ сраженія, въ одномъ взаимномъ наблюденіи. Когорты эти онъ обвелъ позади боевой линіи и неожиданно не только для непріятеля, но и для своихъ, ударилъ онъ на непріятеля съ боку. Эта аттака произведена была съ такою быстротою, что не успѣли Римляне показаться съ фланга непріяте-

ля, какъ уже сражались у него въ тылу. Такимъ образомъ Испанцы и Лигуры были поражаемы со всѣхъ сторонъ и съ фронта, и съ боковъ, и сзади. Побоище это уже достигло Галловъ, которые оказали очень мало сопротивленія; весьма немногіе изъ нихъ находились при знаменахъ, большая же часть разошлись по полямъ ночью и предались сну гдѣ попало; да и тѣ воины, которые оставались на своихъ мѣстахъ, будучи не въ состояніи отъ природы переносить продолжительные труды, истомленные походомъ и безсонными ночами, отъ усталости едва держали оружіе. Уже былъ почти полдень; жаръ и жажда томили воиновъ, и почти беззащитными предавали ихъ на жертву мечу и плѣну.

49. Слоновъ болѣе погибло отъ ихъ собственныхъ вожаковъ, чѣмъ отъ непріятеля. У каждаго вожака было въ рукахъ столярное долото и молотокъ; когда звѣрь начиналъ бѣситься и бросаться на своихъ, то вожакъ, поставивъ долото между ушей въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ шея соединяется съ головою, билъ по долоту молоткомъ, сколько могъ сильнѣе. Найдено было, что для такихъ огромныхъ животныхъ этотъ способъ производилъ самую скорую смерть въ томъ случаѣ, когда не было уже никакой возможности управлять ими. Первый сталъ употреблять этотъ способъ въ дѣло Аздрубалъ, вождь и въ другихъ случаяхъ замѣчательный, но особенно ознаменовавшій себя въ этой битвѣ. Онъ поддерживалъ бой, ободряя сражающихся и раздѣляя съ ними всѣ опасности; то просьбами, то выговорами возбуждалъ онъ воиновъ, у которыхъ опускались руки какъ отъ утомленія, такъ и отъ отчаянія; бѣгущихъ возвращалъ онъ назадъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удалось ему на короткое время возстановить бой. Наконецъ, когда не было сомнѣнія, что счастіе военное на сторонѣ непріятелей, Аздрубалъ, не желая пережить гибель столь огромнаго войска, послѣдовавшаго за нимъ по его призыву, пришпорилъ коня и бросился въ середину Римской когорты; здѣсь онъ палъ сражаясь, и показалъ себя достойнымъ имѣть отцемъ Гамилькара и братомъ Аннибала.

Во все продолженіе этой войны ни въ одномъ еще бою не было убито разомъ столько непріятелей. Побоище это могло только равняться съ Каннскимъ, какъ гибелью всей арміи, такъ

и смертью главнаго вождя. Пятьдесятъ шесть тысячь непріятелей пало на мѣстѣ битвы; взято въ плѣнъ пять тысячь четыреста; много найдено всякой добычи, и въ томъ числѣ большое количество золота и серебра. Освобождено до трехъ тысячь гражданъ Римскихъ, находившихся въ плѣну у непріятелей. Это обстоятельство служило и вознагражденіемъ и утѣшеніемъ въ воинахъ, потерянныхъ въ этомъ бою. Побѣда и для Римлянъ стоила крови; почти восемь тысячь Римлянъ и союзниковъ пало на мѣстѣ битвы. Побѣдители до того утомились отъ пролитія крови и убійства, что на другой день, когда Ливію дали знать, что Цизальпинскіе Галлы и Лигуры, какъ изъ неучаствовавшихъ въ бою, такъ и изъ бѣжавшихъ съ поля битвы, уходятъ одною толпою, безъ вождя, безъ знаменъ, безо всякаго порядка и устройства, и что достаточно послать въ погоню одинъ эскадронъ конницы для того, чтобы истребить ихъ всѣхъ — то Ливій сказалъ: «пусть же останутся свидѣтели и вѣстники и пораженія непріятелей, и нашей доблести.

50. Неронъ въ ту же ночь, которая послѣдовала за сраженіемъ, выступилъ назадъ съ большею поспѣшностью, чѣмъ съ какою шелъ сюда, такъ что на шестой день уже возвратился онъ въ свой лагерь и къ непріятелю. На обратномъ пути Нерона уже не встрѣчали столь многочисленныя толпы, какъ прежде, вслѣдствіе того, что не было получено впередъ извѣстія о его походѣ, но за то его привѣтствовали съ такою радостью, что едва могли опомниться отъ восторга. Что же касается до расположенія умовъ въ Римѣ, то невозможно ни высказать, ни описать какъ ожиданія, которое мучило томимыхъ неизвѣстностью гражданъ, такъ и съ другой стороны того чувства, съ которымъ встрѣтили они извѣстіе о походѣ консула Клавдія. Отъ восхода солнца и до его захожденія ни одинъ сенаторъ не отходилъ отъ куріи и сановниковъ, а никто изъ гражданъ не оставлялъ форума (общественной площади). Женщины, такъ какъ имъ больше ничего не оставалось дѣлать, обратились къ мольбамъ и заклятіямъ и, ходя по всѣмъ капищамъ, своими молитвами и обѣтами надоскучивали богамъ. Когда граждане находились въ такомъ состояніи неизвѣстности и тревожнаго безпокойства, сначала распространился первый неопредѣленный слухъ, что два Нарнскихъ

всадника, прибывъ съ поля сраженія въ лагерь, находившійся у входа въ Этрурію, принесли извѣстіе о совершенномъ пораженіи непріятеля. Сначала это извѣстіе болѣе слушали, чѣмъ ему вѣрили; оно казалось слишкомъ радостнымъ для того, чтобы заслуживать полное вѣроятіе. Притомъ наводила сомнѣніе и самая быстрота полученія этого извѣстія, такъ какъ по слуху сраженіе происходило только два дни тому назадъ. Потомъ приносятъ, посланное Л. Манліемъ Ацидиномъ изъ лагеря, письмо о прибытіи Нарнскихъ всадниковъ. При извѣстіи, что письмо, по общественной площади, несутъ къ трибуналу претора, весь сенатъ вышелъ изъ куріи. Граждане съ такою поспѣшностью, наперерывъ другъ передъ другомъ, толпились къ куріи, что гонцу не возможно было войдти туда; всѣ расправшивали и тащили его, крича, чтобы письмо Манлія было прочитано прежде на рострахъ, чѣмъ въ сенатѣ. Но тутъ вступились правительственныя лица, которыя сдержали народъ, заставили его очистить мѣсто около куріи, и нѣсколько сдержать ту радость, которою переполнены были ихъ души. Письмо Манлія сначала прочитано въ Сенатѣ, а потомъ въ народномъ собраніи. Тогда каждый, по настроенію своего духа или вѣрилъ и предавался радости, или все еще питалъ сомнѣніе и хотѣлъ не прежде вѣрить, какъ по полученіи писемъ самихъ консуловъ и приходѣ ихъ пословъ.

51. Наконецъ получено извѣстіе о приближеніи самихъ пословъ; тутъ, на встрѣчу пословъ, устремились люди всякаго возраста; каждый хотѣлъ поскорѣе собственными глазами и слухомъ убѣдиться въ такомъ радостномъ событіи. Сплошная масса гражданъ дошла до Мульвійскаго моста. Послы—то были Л. Ветурій Филонъ, П. Лициній Варъ и К. Цецилій Метеллъ—прибыли на форумъ, окруженные огромною толпою людей всѣхъ состояній; одни распрашивали самихъ пословъ, а другіе ихъ свиту о подробностяхъ событія. И каждый, лишь только выслушивалъ, что войско непріятельское истреблено вмѣстѣ съ своимъ предводителемъ, а консулы здравы и невредимы, тотчасъ спѣшилъ передавать другимъ столь радостную вѣсть. Съ трудомъ послы дошли до куріи, и тутъ не легко было сановникамъ удержать толпы гражданъ, какъ бы они не смѣшались съ

сенаторами; тогда прочитаны письма консуловъ въ сенатѣ, а потомъ послы приведены передъ народное собраніе. Л. Ветурій прочиталъ письма, но самъ подробнѣе разсказалъ все, какъ было среди громкаго одобренія гражданъ, которыхъ радостныя чувства, съ трудомъ сдержанныя въ душѣ, высказались наконецъ общими криками восторга цѣлаго собранія. Оттуда, одни устремились къ храмамъ боговъ благодарить ихъ, а другіе по домамъ сообщить женамъ и дѣтямъ вѣсть, столь радостную. Сенатъ опредѣлилъ трехдневное молебствіе по случаю тому, что консулы М. Ливій и К. Клавдій истребили полки непріятельскіе и съ вождемъ ихъ, сохранивъ свое войско невредимымъ. Молебствіе это обнародовано черезъ претора К. Гостилія, и совершено съ большимъ усердіемъ какъ мущинами, такъ и женщинами. Женщины Римскія, въ праздничныхъ платьяхъ, съ дѣтьми, благодарили боговъ, отложивъ въ сторону всякое опасеніе, такъ какъ будто уже война приведена къ концу. Побѣда эта возстановила общее довѣріе гражданъ какъ къ государству, такъ и между собою; съ этого времени возобновились безо всякаго опасенія, какъ будто заключенъ уже былъ миръ, всѣ сдѣлки между гражданами: продажи, покупки, займы и отдачи обратно занятыхъ денегъ.

К. Клавдій консулъ, по возвращеніи въ свой лагерь, приказалъ голову Аздрубала, которую принесъ съ собою, сохраняя ее со тщаніемъ, бросить къ передовымъ непріятельскимъ постамъ, показать плѣнныхъ Африканцевъ связанными, какъ они были, а двухъ, освободивъ отъ узъ, отправилъ къ Аннибалу — разсказать ему о случившемся. Аннибалъ сильно пораженъ былъ такимъ несчастіемъ вмѣстѣ и своего народа, и собственнаго семейства и, какъ говорятъ, сказалъ, что онъ предвидитъ судьбу отечества. Снявъ лагерь, онъ выступилъ для того, чтобы свои отряды, раскинутые по большому пространству, которое защищать онъ чувствовалъ себя не въ силахъ, сосредоточить въ крайній уголъ Италіи въ землю Бруттіевъ; туда же перевелъ онъ всѣхъ Метапонтинцевъ, выведши ихъ изъ ихъ роднаго города и тѣхъ изъ Луканцевъ, которые оставались ему вѣрными.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

1. Казалось, съ переходомъ Аздрубала, Испанія на столько же должна была отдохнуть отъ войны, на сколько бремя ея сдѣлалось чувствительнѣе для Италіи; но въ Испаніи вдругъ загорѣлась война такая же, какъ и прежде. Въ это время Испанія такъ была распредѣлена между Римлянами и Кароагенянами: Аздрубалъ, сынъ Гисгона, отступилъ къ самымъ берегамъ Океана и къ Гадесу. А прибрежье нашего моря и почти вся Испанія, обращенная къ Востоку, была во власти Сципіона и Римлянъ. Ганнонъ, вождь, вновь назначенный на мѣсто Аздрубала Барцинскаго, перешелъ изъ Африки съ свѣжимъ войскомъ и соединился съ Магономъ; онъ въ Цельтиберіи, странѣ находящейся между двумя морями, въ короткое время вооружилъ большее число жителей. Сципіонъ отправилъ противъ него М. Силана не болѣе, какъ съ десятью тысячами пѣхоты и пятью стами всадниковъ. Силанъ двинулся впередъ, сколько возможно поспѣшными переходами — препятствовали же движенію и неудобства дорогъ, и тѣснины горъ, которыми такъ обильна Испанія. Впрочемъ, онъ упредилъ не только вѣстниковъ о своемъ походѣ, но самый слухъ о немъ и, по указанію перебѣжчиковъ, тоже Цельтиберійцевъ, достигъ непріятеля. Находясь въ десяти почти миляхъ отъ непріятеля, Силанъ узналъ отъ перебѣжчиковъ, что около той дороги, по которой ему надлежало идти, расположены два лагеря непріятельскихъ: въ лагерѣ по лѣвую сторону находится вновь набранное изъ Цельтиберовъ войско, въ количествѣ болѣе девяти тысячъ человѣкъ, въ лагерѣ по правую стояло Кароагенское войско. Этотъ послѣдній лагерь укрѣпленъ и оберегается по всѣмъ указаніямъ военнаго искусства — передовыми постами и караулами. Цельтиберы же были въ полной безпечности и нерадѣніи; сами по себѣ народъ невѣжественный и, будучи вновь только набраны, они считали себя безопасными по тому уже только, что находились у себя дома. Считая нужнымъ аттаковать прежде послѣдній ла-

герь, Силанъ приказалъ своимъ воинамъ съ знаменами забирать больше влѣво для того, чтобы не видно было знаменъ Карѳагенскимъ карауламъ; а самъ, отправивъ впередъ лазутчиковъ, поспѣшно двинулся къ непріятелю.

2. Уже онъ былъ въ разстояніи трехъ миль отъ непріятеля, когда тотъ еще ничего объ этомъ и не зналъ. Непріятель стоялъ въ мѣстахъ гористыхъ, и расположенъ былъ на холмѣ, покрытомъ кустарникомъ. Не далеко отъ него, въ углубленіи долины по этому незамѣтномъ, Силанъ приказалъ своимъ воинамъ остановиться и подкрѣпить себя пищею. Когда лазутчики вернулись и подтвердили слова перебѣжчиковъ; тогда Римляне, сбросивъ тяжести въ середину, взялись за оружіе, и въ боевомъ порядкѣ пошли впередъ. Непріятель ихъ замѣтилъ, когда они находились отъ него только въ милѣ разстоянія; тогда поднялась тревога. По первому крику и смятенію Магонъ, пришпоривъ коня, прискакалъ изъ лагеря. Въ Цельтиберскомъ войскѣ было четыре тысячи воиновъ, вооруженныхъ щитами (scutati) и двѣсти всадниковъ. Этотъ по своей численности настоящій легіонъ, состоявшій изъ лучшихъ Цельтиберскихъ воиновъ, Магонъ поставилъ въ первой линіи; а прочихъ легковооруженныхъ помѣстилъ въ резервѣ. Устроивъ войска въ такомъ боевомъ порядкѣ, Магонъ вывелъ ихъ изъ лагеря; едва успѣли они выйдти изъ за оконовъ, какъ Римляне пустили въ нихъ свои дротики. Испанцы присѣли подъ стрѣлами, пущенными въ нихъ непріятелемъ, но потомъ привстали, чтобы бросить свои. Римляне по обыкновенію встрѣтили ихъ, стоя сплошною массою и соединивъ щиты. Затѣмъ воины сошлись другъ съ другомъ и начался рукопашный бой мечами. Впрочемъ, неровная мѣстность дѣлала Цельтиберамъ безполезною быстроту и ловкость, съ какою они обыкновенно вступаютъ въ бой; а для Римлянъ, привыкшихъ драться не сходя съ мѣста, и это обстоятельство не могло быть вреднымъ; только тѣснота мѣста и кустарники разстроивали ряды, такъ что воинамъ приходилось сражаться по одному и по два противъ такого же числа. То, что непріятелю служило препятствіемъ къ бѣгству, какъ бы связанныхъ предавало ихъ избіенію. Почти всѣ Цельтиберы, вооруженные щитами, были истреблены, и таже

участь грозила легко вооруженнымъ и Карѳагенянамъ, пришедшимъ къ нимъ на помощь изъ другаго лагеря. Не болѣе двухъ тысячь пѣшихъ воиновъ, и вся конница, едва только вступивъ въ бой, бѣжали съ Магономъ. Ганнонъ, другой вождь, взятъ въ плѣнъ живой вмѣстѣ съ тѣми воинами, которые прибыли на поле битвы уже къ ея концу. За бѣжавшимъ Магономъ послѣдовала почти вся конница и пѣхота, сколько ея было старой; на десятый день пришли они всѣ къ Аздрубалу въ Гадитанскую провинцію. Что же касается до вновь набранныхъ воиновъ изъ Цельтиберовъ, то они разсѣялись по сосѣднимъ лѣсамъ, и оттуда удалились въ свои дома.

Побѣда эта пришлась, какъ нельзя болѣе кстати; не только сю потушена уже загорѣвшаяся война, но и въ самомъ началѣ отнята пища огню на будущее время, который могъ бы возгорѣться сильно, если бы Карѳагенянамъ удалось, вооруживъ Цельтиберовъ, вызвать на войну и другія племена Испаніи. Сципіонъ благосклонно похвалилъ Силана и, возъимѣвъ надежду привести войну къ концу, для чего первымъ условіемъ по его убѣжденію была поспѣшность дѣйствія, двинулся для подавленія остальныхъ непріятельскихъ силъ въ дальнюю Испанію противъ Аздрубала. Карѳагенскій вождь стоялъ лагеремъ въ Бетикѣ съ цѣлью держать въ повиновеніи умы союзниковъ. Приказавъ поспѣшно схватить знамена, онъ удалился къ берегамъ Океана и къ Гадесу, и движеніе его туда походило болѣе на бѣгство, чѣмъ на отступленіе. Съ цѣлью удержать въ повиновеніи войско, Аздрубалъ счелъ самымъ лучшимъ, сообразно съ положеніемъ военныхъ обстоятельствъ, прежде чѣмъ переправиться черезъ проливъ Гадесъ, раздѣлить все войско по городамъ для того, чтобы воины и сами нашли защиту въ стѣнахъ и оружіемъ защищали стѣны.

3. Сципіонъ, замѣтивъ, что военныя дѣйствія должны раздробиться и зная, что съ оружіемъ въ рукахъ приступать къ каждому городу отдѣльно потребуетъ болѣе траты времени, чѣмъ будетъ стоить серіознаго труда, отправился въ обратный путь А для того, чтобы не оставить тѣ мѣста во власти непріятеля, онъ послалъ брата своего Л. Сципіона съ десятью тысячами человѣкъ пѣхоты и тысячею всадниковъ для занятія самого бо-

гатаго въ той странѣ города; дикіе туземцы называютъ его Оронгисъ. Онъ находится въ предѣлахъ Мезессовъ, Испанскаго племени; земля тамъ весьма плодородная, и жители находятъ въ ея нѣдрахъ серебро. Аздрубалу этотъ городъ служилъ крѣпкимъ пунктомъ, изъ котораго онъ дѣлалъ набѣги по сосѣднимъ народамъ въ глубину ихъ земель. Сципіонъ расположился лагеремъ подлѣ города и, не приступая еще къ осаднымъ работамъ, послалъ людей къ воротамъ переговорить съ осажденными, изъвѣдать ихъ расположеніе умовъ и убѣдить ихъ—лучше испытать на себѣ дружбу Римлянъ, чѣмъ ихъ силу. Отвѣтъ осажденныхъ обнаруживалъ мало дружелюбія, и потому Сципіонъ обнесъ городъ рвомъ и двойнымъ валомъ. Онъ раздѣлилъ войско на три части для того, чтобы постоянно одною дѣйствовать противъ города, а междутѣмъ двѣ будутъ отдыхать. Но лишь только первый отрядъ приступилъ къ городу, какъ произошелъ бой упорный и съ успѣхомъ сомнительнымъ. Нелегко было осажденнымъ подъ градомъ падавшихъ сверху стрѣлъ и подступать къ стѣнамъ, и приставлять къ нимъ лѣстницы; да и тѣ, которымъ удалось приставить лѣстницы къ стѣнамъ, одни были сброшены вилами нарочно на этотъ предметъ устроенными, а на другихъ сверху были наброшены желѣзные крючья, которые угрожали втащить ихъ на стѣны. Сципіонъ замѣтилъ, что малочисленность его воиновъ уравновѣшиваетъ бой, а что непріятель уже тѣмъ имѣетъ перевѣсъ, что онъ сражается со стѣнъ; а потому, отозвавъ первый отрядъ, Сципіонъ съ двумя остальными вмѣстѣ, аттаковалъ городъ. Утомленные уже прежнимъ боемъ, его защитники были поражены теперь ужасомъ до того, что граждане поспѣшно бѣжали, оставивъ стѣны, а Карѳагенскій гарнизонъ, опасаясь, какъ бы городъ измѣною не былъ преданъ Римлянамъ, оставивъ свои посты, сосредоточился въ одно мѣсто. Вслѣдъ за тѣмъ гражданами овладѣло опасеніе, какъ бы непріятель, проникнувъ въ городъ, не сталъ безъ разбора истреблять остріемъ меча всѣхъ, кто ему ни попадется, будетъ ли то Карѳагенянинъ или Испанецъ. Вдругъ, отворивъ ворота, граждане бросились въ нихъ толпою, держа передъ собою щиты на случай стрѣлъ, могущихъ быть брошенными издали; они показывали правыя руки обнаженныя,

означая тѣмъ, что бросили мечи. По отдаленію ли мѣста было это обстоятельство незамѣчено или, можетъ быть, подозрѣвали тутъ какую нибудь хитрость, только Римляне непріязненно напали на передававшихся имъ гражданъ, и они истреблены, какъ будто на полѣ сраженія, съ оружіемъ въ рукахъ. Черезъ тѣ же ворота проникли Римляне въ городъ съ знаменами, да и въ другихъ мѣстахъ отбивали они ворота топорами и ломами. Какъ только всадникъ проникалъ въ городъ, такъ онъ, вслѣдствіе даннаго имъ прежде приказанія, спѣшилъ, пришпоривъ коня, для занятія форума. Всадникамъ дано пособіе изъ тріаріевъ; воины легіоновъ овладѣли прочими частями; отъ грабежа же и избіенія гражданъ кромѣ тѣхъ, которые попадались съ оружіемъ въ рукахъ, они удержались. Всѣ Карѳагеняне отданы подъ караулъ, да почти тысячу гражданъ тѣхъ, что затворили ворота; остальнымъ городъ отданъ назадъ и все ихъ имущество. При взятіи этого города пало непріятелей до двухъ тысячь человѣкъ, а Римлянъ не болѣе девяноста.

4. Взятіе этого города было пріятно какъ тѣмъ, которые участвовали въ этомъ событіи, такъ равно главному вождю и всему войску. Приходъ отряда былъ весьма замѣтенъ по множеству плѣнныхъ, которыхъ онъ гналъ впереди себя. Сципіонъ, похваливъ брата на столько, на сколько у него доставало словъ почтить его, сравнилъ взятіе Оронгиса въ взятіемъ Карѳагена и, по случаю наступленія зимы, которая не позволила ни сдѣлать покушеніе на Гадесъ, ни аттаковать, разсѣянное по разнымъ мѣстамъ провинціи, войско Аздрубала, отвелъ всѣ свои войска въ ближнюю Испанію. Отпустивъ легіоны на зимніе квартиры, Сципіонъ отправилъ брата своего Л. Сципіона въ Римъ съ вождемъ непріятельскимъ Ганнономъ, и другими знатнѣйшими плѣнниками; а самъ удалился въ Тарраконъ.

Въ этомъ же году Римскій флотъ, подъ начальствомъ проконсула, М. Валерія Левина переправился изъ Сициліи въ Африку, и опустошилъ на далекое пространство Утическое и Карѳагенское поле. На дальнихъ предѣлахъ Карѳагенскихъ, почти у самыхъ стѣнъ Утики, загнанъ скотъ въ добычу. Когда Римскій флотъ возвращался въ Сицилію, то ему встрѣтился Карѳагенскій

флотъ, въ числѣ 70 длинныхъ судовъ. Двадцать семь изъ нихъ взяты въ плѣнъ и четыре потоплены, прочія же суда обращены въ безпорядочное бѣгство. Римляне, оказавшись побѣдителями на сушѣ и на морѣ, возвратились въ Лилибей съ большою добычею всякаго рода. По морю, сдѣлавшемуся безопаснымъ вслѣдствіе разбитія непріятельскихъ судовъ, доставлены въ Римъ большіе подвозы хлѣба.

5. Въ началѣ того лѣта, когда случились вышеописанныя событія, проконсулъ П. Сульпицій и царь Атталъ, проведши зиму въ Эгинѣ, о чемъ мы говорили выше, отправились въ Лемносъ соединеннымъ флотомъ. Римскихъ квинкверемъ (судовъ о пяти рядахъ веселъ) было двадцать пять, а царскихъ тридцать пять. Филиппъ для того, чтобы быть готовымъ на всякій образъ дѣйствія,—прійдется ли идти на встрѣчу непріятелю моремъ, или сухимъ путемъ, спустился самъ къ берегамъ моря въ Деметріаду, а войску назначилъ день, когда ему собраться въ Ларнссу. По слуху о прибытіи царя, посольства его союзниковъ явились со всѣхъ сторонъ въ Деметріаду. Этолы ободрились духомъ, какъ вслѣдствіе союза съ Римлянами, такъ и прибытія Аттала, и опустошили земли сосѣдей. И не только Акарнаны, Беотійцы и жители Евбеи были въ большомъ страхѣ, но и самые Ахеи. Кромѣ войны съ Этолами имъ угрожалъ Маханидъ, тиранъ Лакедемона, который расположился лагеремъ, не подалеку отъ границы Аргивцевъ. Всѣ эти народы въ виду опасностей, угрожавшихъ ихъ городамъ и съ моря, и съ сухаго пути, умоляли царя о помощи. Да и царю изъ самой Македоніи доходили вѣсти не весьма успокоительныя. Сцердиледъ и Плевратъ стали волноваться, а Меды, самый главный народъ Ѳракіи, угрожали сдѣлать набѣгъ на ближайшую часть Македоніи въ случаѣ, если царь будетъ занятъ продолжительною войною. Беотійцы и народы внутренней Греціи давали знать, что Этолы ущелье Термопилъ, тамъ, гдѣ дорога идетъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ между горъ, перерыли рвомъ и укрѣпили валомъ для того, чтобы не дать возможности царю Филиппу идти на помощь его союзниковъ. Столько тревожныхъ извѣстій не могли не расшевелить и болѣе безпечнаго вождя. Царь отпустилъ посольства, сказавъ, что онъ подастъ помощь

всѣмъ союзникамъ, какъ только позволятъ время и обстоятельства. Тотчасъ, такъ какъ это дѣло казалось самимъ нужнымъ, Царь послалъ вооруженный отрядъ въ Пепаретъ, откуда получено извѣстіе, что Атталъ съ флотомъ, переправившись отъ Лемноса, опустошилъ все поле около города. Полифанта царь отправилъ съ небольшимъ отрядомъ въ Беотію и Менипна, еще одного изъ своихъ вождей, съ тысячею воиновъ, снабженныхъ *пельтами* (небольшой щитъ похожій на *цетру*), отправилъ въ Халькиду. Къ нему присоединены еще 500 Адріановъ для того, чтобы онъ былъ въ состояніи защищать всѣ части острова. Самъ Филиппъ отправился въ Скотузу, и туда же велѣлъ перевести Македонскія войска изъ Ларизы. Тамъ получено извѣстіе, что у Этоловъ назначенъ сеймъ въ Гераклеѣ, и что царь Атталъ будетъ тамъ для обсужденія образа военныхъ дѣйствій. Царь Филиппъ, съ цѣлью внезапно разстроить сеймъ, поспѣшилъ быстрыми переходами въ Гераклею, но, когда онъ прибылъ, сеймъ уже былъ распущенъ. А потому, опустошивъ поля, покрытыя почти созрѣвшимъ хлѣбомъ, преимущественно около Эніанскаго залива, царь отвелъ свои войска назадъ въ Скотузу. Оставивъ здѣсь все войско, онъ удалился съ одною царскою когортою въ Деметріаду. А для того, чтобы быть въ состояніи отсюда слѣдить за всѣми движеніями непріятеля, царь послалъ въ Фокиду, Евбею и Пепаретъ людей выбрать самыя высокія мѣста, откуда на далекое пространство можно было видѣть разложенные огни. Самъ царь на Тизеѣ—гора весьма высокая съ чрезвычайно острою вершиною—поставилъ сторожевую башню для того, чтобы, когда вдалекѣ видны будутъ огни, то въ одну минуту имѣть свѣдѣніе, въ какой сторонѣ непріятель замышляетъ движеніе.

Римскій вождь, и царь Атталъ отъ Пепарета, переправились въ Никею; оттуда флотъ они отправили въ Евбею къ городу Орею, а городъ этотъ, если плыть отъ Деметріакскаго залива къ Халкидѣ и Еврипу, первый встрѣчается изъ городовъ Евбеи по лѣвую сторону. Атталъ и Сульпицій согласились между собою такъ, что Римляне должны были аттаковать городъ съ моря, а войско царя съ сухаго пути.

6. Черезъ четыре дня по прибытіи флота, союзники напали

на городъ. Время это прошло въ секретныхъ переговорахъ съ Платоромъ, которому царь Филиппъ ввѣрилъ начальство надъ городомъ. Городъ имѣетъ двѣ крѣпости: одна возвышается надъ моремъ, а другая находится въ серединѣ города; оттуда дорога идетъ къ морю подземельемъ, на концѣ котораго отъ моря стоитъ башня въ пять ярусовъ, крѣпкій оплотъ городу. Здѣсь сначала завязалось самое упорное сраженье: и башня была снабжена всякого рода оружіемъ; а съ судовъ были высажены разныя орудія и машины для дѣйствія противъ этой башни. Между тѣмъ какъ глаза и вниманіе всѣхъ были обращены на этотъ бой, Платоръ впустилъ Римлянъ въ ворота крѣпости, находившейся на берегу моря. Граждане были сбиты оттуда въ середину города и устремились къ другой крѣпости; но тамъ уже были люди, которые поспѣшили наложить запоръ на ворота; запертые такимъ образомъ съ двухъ сторонъ, жители частью погибаютъ отъ меча, частью попадаются въ плѣнъ. Отрядъ Македонянъ, собравшись въ одну кучу, стоялъ подъ стѣною крѣпости; онъ ни оказывалъ упорнаго сопротивленія, ни намѣренія разсѣяться бѣгствомъ. Платоръ, получивъ отъ Сульпиція позволеніе, посадилъ ихъ на суда и высадилъ на берегъ Фтіотиды у Деметріака; самъ же удалился къ Атталу.

Сульпицій, возгордившись столь легкимъ успѣхомъ у Орея, прямо оттуда съ побѣдоносным флотомъ отправился къ Халкидѣ; но тутъ успѣхъ нисколько не увѣнчалъ его ожиданій. Море, съ обѣихъ сторонъ открытое, съуживается въ тѣсное пространство, такъ что съ перваго взгляда оно представляетъ видъ двухъ заливовъ, отверстіями обращенныхъ въ разныя стороны; но трудно найдти въ дѣйствительности стоянку, болѣе неблагопріятную для флота. Съ обоихъ береговъ, покрытыхъ высокими горами, постоянно дуютъ порывами страшныя бури; да и воды самого пролива не семь разъ на день, какъ говоритъ молва, мѣняютъ свое теченіе, но волны постоянно двигаются, на подобіе вѣтра, въ разныя стороны, стремясь съ быстротою горнаго потока. Тамъ суда не знаютъ покою ни днемъ, ни ночью. И для флота Римскаго стоянка была неблагопріятна; городъ съ одной стороны былъ защищенъ моремъ, а съ суши обведенъ превос-

ходными укрѣпленіями, притомъ же снабженъ сильнымъ гарнизономъ; начальники и старѣйшины были вѣрности неподкупной и въ этомъ отношеніи не хотѣли подражать непостоянству Орейскихъ. Опрометчиво взявшись за такое дѣло, вождь Римскій и то уже благоразумно сдѣлалъ, что во время отказался отъ него и видя непреодолимыя затрудненія, не сталъ по пустому тратить времени и оттуда флотъ отправилъ въ Цину въ землѣ Локровъ— это пристань города Опунціевъ, находящагося въ разстояніи мили отъ берега.

7. Филиппу огни дали знать и о происшествіяхъ у Орея, но измѣнникъ Платоръ поздно разложилъ ихъ. Притомъ Филиппъ былъ слабѣе союзниковъ морскими силами, и потому ему не легко было съ флотомъ приблизиться къ острову. Такимъ образомъ, уронъ понесенъ черезъ медленность, а потому, по первому сигналу, Филиппъ быстро устремился на помощь Халкидѣ. Этотъ городъ, хотя находится на томъ же островѣ, отдѣленъ отъ твердой земли проливомъ до того узкимъ, что черезъ него существуетъ постоянный мостъ, и подойдти къ городу легче съ сухаго пути, чѣмъ съ моря. Филиппъ сбросилъ отрядъ и разсѣялъ Этолійцевъ, которые заняли было Ѳермопильское ущелье и изъ Деметріады пришелъ въ Скотузу; выступивши оттуда, въ третью смѣну ночныхъ карауловъ, онъ заставилъ непріятелей въ смятеніи и безпорядкѣ искать убѣжища въ Гераклеѣ, а самъ однимъ днемъ достигъ Элатіи въ Фокидѣ, сдѣлавъ болѣе 60 миль. Почти въ этотъ самый день, царь Атталъ предалъ разграбленію городъ Опунціевъ. Сульпицій уступилъ эту добычу Царю потому, что Орей нѣсколько дней тому назадъ былъ разграбленъ одними Римскими воинами безъ участія Атталовыхъ. Между тѣмъ какъ Римскій флотъ туда удалился, Атталъ, не зная о приближеніи Филиппа, спокойно тратилъ время, выжимая деньги отъ тамошнихъ старѣйшинъ. Прибытіе Филиппа было до того неожиданно, что если бы нѣсколько человѣкъ Кретійцевъ, вышедшіе фуражировать довольно далеко изъ города, не примѣтили вдали непріятельскаго войска, то царь Атталъ былъ бы захваченъ. Тутъ онъ смущенный и безъ оружія, самымъ поспѣшнымъ бѣгствомъ, бросился къ морю и судамъ. Филиппъ подошелъ, когда отча-

ливали суда отъ берега; даже съ берега вкинулъ онъ смятеніе въ тѣхъ, которые находились на судахъ. Оттуда возвратился онъ въ Опунтъ, боговъ и людей виня, въ томъ, что онъ выпустилъ изъ рукъ, уже бывшую въ глазахъ, возможность сдѣлать дѣло великое. Подъ вліяніемъ этого раздраженія, Филиппъ сильно бранилъ Опунтійцевъ за то, что, будучи въ состояніи выдержать осаду до его прихода, они, лишь только увидали непріятеля, сдались ему какъ бы добровольно. Устроивъ дѣла около Опунта, Филиппъ отправился въ Треній. Атталъ сначала пошелъ было въ Орей, но, получивъ извѣстіе, что, царь Виѳинскій, Прузій вошелъ въ его области, Атталъ, бросивъ все и войну съ Этолами, переправился въ Азію. Сульпицій съ флотомъ удалился къ Эгинѣ, откуда онъ выступилъ при началѣ весны. Не съ болѣе упорнымъ сопротивленіемъ, какое Опунтъ оказалъ Атталу, Филиппъ взялъ Троній. Городъ этотъ населенъ бѣглецами изъ Ѳивъ Ѳтіотійскихъ; по взятіи города Филиппомъ, жители отдались въ распоряженіе Этоловъ, которые дали имъ для поселенія мѣсто ихъ прежняго города, разрушеннаго въ прежнюю войну тѣмъ же царемъ Филиппомъ и тогда оставленнаго жителями. Взявъ снова Троній, о чемъ мы выше сказали, Филиппъ двинулся къ Титрону и Дримію, небольшимъ городамъ Дорійскимъ, и взялъ ихъ; оттуда прибылъ онъ въ Элатію, гдѣ приказалъ дожидаться себя посламъ Птоломеевымъ и Родоскимъ. Тутъ толковали о томъ, какъ бы положить конецъ Этолійской войнѣ — эти же самые послы недавно присутствовали на, бывшемъ въ Гераклеѣ, съѣздѣ Римлянъ и Этоловъ. Получено вдругъ извѣстіе, что Маханидъ собирается напасть на Элеевъ, когда они готовились къ торжеству Олимпійскихъ игръ. Считая нужнымъ предупредить это намѣреніе, царь отпустилъ пословъ, давъ имъ отвѣтъ ласковый, что не онъ былъ виною войны, что онъ не станетъ противиться миру, если только возможно будетъ имѣть его на честныхъ и справедливыхъ условіяхъ. Выступивъ съ войскомъ на легкѣ, черезъ Беотію царь прибылъ въ Мегару, и потомъ въ Коринѳъ; оттуда взявъ провіанту, Филиппъ двинулся въ Флунтъ и Феней. Уже онъ былъ въ Гереѣ, когда получилъ извѣстіе, что Маханидъ, приведенный въ ужасъ слухомъ о его приближеніи, бѣжалъ въ Лакедемонъ. Отсюда царь Филиппъ отправился въ Эгій на совѣтъ Ахейцевъ; онъ полагалъ найдти тамъ Карѳагенскій флотъ, который онъ приглашалъ для того, чтобы имѣть какую нибудь силу на морѣ. Но, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, Карѳагеняне отправились оттуда въ Охеасъ, а изъ Охеаса въ портъ Акарнанскій: получивъ извѣстіе, что Атталъ и Римляне отправились изъ Орея, Карѳагеняне опасались, какъ бы они не бросились на нихъ и не подавили въ Ріѣ — такъ называется самое узкое мѣсто Коринѳскаго залива.

8. Филиппу было весьма непріятно и прискорбно то, что какъ ни спѣшилъ онъ всюду самъ, но нигдѣ не поспѣлъ во время; судьба насмѣялась надъ его дѣятельностью, вырвавъ у него все такъ сказать въ его собственныхъ глазахъ. Впрочемъ, на сеймѣ онъ скрылъ свою неудачу и говорилъ съ большою увѣренностью: боговъ и людей призывалъ онъ въ свидѣтели, что онъ, во всякое время и во всякомъ мѣстѣ, готовъ былъ спѣшить туда, гдѣ требовали его обстоятельства, и гдѣ только раздавался звукъ непріятельскаго оружія. Но трудно ему рѣшить — смѣлѣе ли онъ велъ войну, или непріятель въ веденіи ея обнаруживалъ наиболѣе робости. Атталъ бѣжалъ изъ Опунтія, Сульпицій отъ Халкиды, и вотъ на дняхъ Маханидъ ускользнулъ изъ его рукъ; но не всегда же такъ счастливо будетъ бѣгство, да и ту войну нельзя считать за трудную, гдѣ для того чтобы побѣдить, нужно только гдѣ нибудь поймать непріятеля. Первое и самое важное— это собственное сознаніе непріятеля въ томъ, что онъ слабѣе его; не замедлитъ послѣдовать и рѣшительная побѣда и успѣхъ не лучшій увѣнчаетъ непріятеля, какъ и его надежды. Союзники выслушали царя съ радостью. Потомъ Филиппъ возвратилъ Ахеямъ Герею и Трифолію, а Алиферу Мегалополитанцамъ, такъ какъ они довольно ясно доказали, что она принадлежитъ къ ихъ области. Потомъ, получивъ суда отъ Ахейцевъ—то были три квадриремы (суда о четырехъ веслахъ) и столько же биремъ (о двухъ)— переправился царь въ Антициру. Отсюда онъ отправилъ семь квинкверемъ (судовъ о пяти рядахъ веселъ) и болѣе 20 мѣлкихъ судовъ въ Коринѳскій заливъ для соединенія съ Карѳагенскимъ флотомъ, а самъ отправился въ Еритры Этоловъ, что подлѣ

Евпалія. Люди, сколько ихъ ни было въ поляхъ и ближайшихъ крѣпостцахъ, Потиданіи и Аполлоніи, бѣжали въ лѣса и горы. Скотъ, котораго они въ торопяхъ не могли угнать за собою, достался въ добычу непріятелю и отогнанъ на суда. Съ ними и прочею добычею царь послалъ въ Эгій Никія, претора Ахейскаго, а самъ отправился въ Коринѳъ; пѣшія же войска велѣлъ вести сухимъ путемъ черезъ Беотію. Филиппъ изъ Кенхрей обогнулъ берега Аттики мимо Сунія и прибылъ въ Халкидѣ, такъ сказать по серединѣ непріятельскихъ флотилій. Здѣсь онъ похвалилъ вѣрность и доблесть жителей, которые не уступили ни передъ какими опасеніями, ни обольщеніями, и убѣждалъ и на будущее время съ такимъ же постоянствомъ оставаться ему вѣрными союзниками, если они свою судьбу предпочитаютъ судьбѣ, постигшей Орей и Опунтій. Изъ Халкиды Филиппъ отправился въ Орей; здѣсь онъ правленіе и защиту города ввѣрилъ тѣмъ изъ старѣйшинъ, которые предпочли по взятіи города бѣжать, чѣмъ передаться Римлянамъ; а самъ изъ Евбеи отправился въ Деметріаду, откуда въ началѣ кампаніи онъ и выступилъ для подачи помощи союзникамъ. Въ Кассандреѣ онъ заложилъ постройку ста длинныхъ судовъ, собравъ со всѣхъ сторонъ множество корабельныхъ плотниковъ и кузнецовъ; и такъ какъ Греція стала спокойна, вслѣдствіе удаленія Царя Аттала, а союзникамъ во время была подана помощь, то Филиппъ удалился въ земли своего царства для того, чтобы внести войну въ землю Дардановъ.

9. Въ концѣ того лѣта, когда происходили въ Греціи вышеописанныя событія, К. Фабій, сынъ Максима, прибылъ въ Римъ къ сенату посломъ отъ консула М. Ливія. Онъ объявилъ сенату, что консулъ находитъ достаточнымъ для защиты Галліи Л. Порція съ его легіонами, и возможнымъ удалиться оттуда самому съ своимъ войскомъ. Сенатъ повелѣлъ не только М. Ливію возвратиться въ городъ, но и товарищу его К. Клавдію; только въ декретѣ сенатскомъ сказано было еще и то, что М. Ливій можетъ привесть свое войско, а легіоны Нерона должны были оставаться въ его провинціи и дѣйствовать противъ Аннибала. Консулы письмами согласились между собою въ томъ, что какъ

единодушно дѣйствовали они въ дѣлахъ отечества, такъ должны они, хотя изъ разныхъ краевъ Италіи, пріѣхать къ Риму въ одно и тоже время; кто же первый изъ консуловъ пріѣдетъ въ Пренесту, тотъ долженъ дожидаться товарища. Случилось такъ, что въ одинъ и тотъ же день оба консула прибыли въ Пренесту; отсюда послали они объявленіе, чтобы три дни спустя сенатъ былъ въ полномъ собраніи въ храмѣ Беллоны. Когда консулы приблизились къ городу, то почти все его населеніе вышло къ нимъ на встрѣчу. Всѣ граждане, окруживъ консуловъ, не только поздравляли ихъ, но и желали каждый прикоснуться къ рукѣ побѣдителей — консуловъ. Одни поздравляли, а другіе выражали свою признательность за то, что, благодаря ихъ трудамъ, государство стоитъ неколебимо. Въ сенатѣ консулы, по обычаю всѣхъ прежнихъ полководцевъ, изложили ходъ совершенныхъ ими дѣлъ и требовали, чтобы, за твердое и счастливое веденіе общественныхъ дѣлъ, богамъ безсмертнымъ воздана была подобающая честь, а имъ консуламъ дозволено было войдти съ тріумфомъ въ городъ. Сенаторы отвѣчали, что они опредѣляютъ то, чего требуютъ консулы и признаютъ, что, въ этомъ случаѣ, послѣ боговъ безсмертныхъ, первымъ консуламъ обязаны они за это. Сенатъ опредѣлилъ молебствіе отъ обоихъ консуловъ и тріумфъ также обоимъ; не хотѣли они сами, единодушно дѣйствуя на бранномъ полѣ, имѣть почести тріумфа каждый отдѣльно; но положено было такъ: на томъ основаніи, что сраженіе происходило въ провинціи М. Ливія, что въ день сраженія гаданія были произведены отъ него, да и войско Ливія, выведенное изъ провинціи, пришло къ Риму; войско же Нероново должно было оставаться въ провинціи, М. Ливій долженъ былъ въѣхать въ городъ на колесницѣ четверней въ сопровожденіи воиновъ, а К. Клавдій верхомъ на конѣ безъ воиновъ. Такое соединеніе почестей тріумфа увеличивало славу обоихъ консуловъ, но особенно того, который, превосходя заслугою товарища, уступилъ ему первенство въ почестяхъ. Вотъ этотъ всадникъ — такъ говорили граждане — въ шесть дней прошелъ Италію съ конца въ конецъ, и въ тотъ день, когда Аннибалъ былъ убѣжденъ, что онъ стоитъ противъ него въ Апуліи,

онъ сразился въ Галліи съ Аздрубаломъ; такимъ образомъ, одинъ и тотъ же консулъ, на двухъ отдаленныхъ пунктахъ Италіи, дѣйствовалъ противу двухъ непріятельскихъ вождей: одному противуставилъ онъ благоразуміе, а другому самого себя. Одного имени Нерона достаточно было, чтобы удержать Аннибала въ лагерѣ; а если Аздрубалъ подавленъ и уничтоженъ, то чему же другому надобно приписать это событіе, какъ не прибытію Нерона? А потому, пусть другой консулъ величается, сидя на колесницѣ, какъ бы много коней ни было въ нее запряжено; но настоящій виновникъ тріумфа ѣдетъ по городу верхомъ на конѣ — то Неронъ и если онъ пойдетъ пѣшкомъ, то слава его останется всегда памятна какъ великимъ военнымъ подвигомъ, такъ и презрѣніемъ къ почестямъ тріумфа. Такія рѣчи зрителей преслѣдовали Нерона до самого Капитолія. Денегъ въ казнохранилище внесли консулы тридцать тысячь сестерцій и восемьдесятъ тысячь мѣди. Воинамъ М. Ливій раздѣлилъ по пятидесяти шести ассъ; столько же обѣщалъ роздать К. Клавдій своимъ отсутствующимъ воинамъ по возвращеніи къ нимъ. Замѣчательно, что въ этотъ день солдатскіе стишки и прибаутки воиновъ Ливія относились болѣе къ его товарищу, чѣмъ къ нему самому. Всадники превозносили большими похвалами легатовъ Л. Ветурія и К. Цецилія, и убѣждали гражданъ выбрать ихъ консулами на слѣдующій годъ. Консулы придали силу и значеніе просьбѣ всадниковъ; они на другой день передъ народнымъ собраніемъ засвидѣтельствовали, что дѣятельная и вѣрная служба обоихъ легатовъ была имъ существенно полезна.

10. Время выборовъ приближалось; положено было, чтобы выборы произведены были черезъ диктатора; а потому консулъ К. Клавдій назначилъ диктаторомъ товарища своего М. Ливія, а Ливій предводителемъ всадниковъ К. Цецилія. Диктаторъ М. Ливій выбралъ консулами Л. Ветурія и К. Цецилія, того самого, который въ то время былъ предводителемъ всадниковъ. Вслѣдъ за тѣмъ были преторскіе выборы; выбраны К. Сервилій, М. Цецилій Метеллъ, Тиб. Клавдій Азеллъ, К. Мамилій Туррипъ, который въ то время былъ плебейскимъ эдилемъ. По окончаніи выборовъ, диктаторъ сложилъ съ себя это званіе и, распустивъ бывшее свое войско, отправился, вслѣдствіе Сенатскаго декрета, въ провинцію Этрурію для изслѣдованія, какіе народы изъ Этрусковъ и Умбровъ во время прибытія Аздрубала замышляли отпаденіе отъ Римлянъ, и какіе помогали ему людьми или другими средствами. Вотъ событія этого года на мѣстѣ военныхъ дѣйствій и въ Римѣ. Римскія игры три раза въ полномъ своемъ видѣ были даны курульными эдилями Кн. Сервиліемъ Цепіономъ и Сер. Корнеліемъ Лентуломъ. Да и плебейскія игры одинъ разъ въ полномъ составѣ даны были плебейскими эдилями — М. Помпоніемъ Матономъ и К. Мамиліемъ Туррипомъ.

Въ тринадцатый годъ Пунической войны консулами были Л. Ветурій Филонъ и К. Цецилій Метеллъ; имъ обоимъ провинціею назначена земля Бруттіевъ, гдѣ они должны были вести войну съ Аннибаломъ. Потомъ преторы бросили между собою жеребій: М. Цецилію Метеллу досталось городское управленіе, К. Мамилію — иноземцы, К. Сервилію — Сицилія, Тиб. Клавдію Сардинія. Войска распредѣлены такъ: одному дано то войско, которое было у К. Клавдія прошлогодняго консула, а другому находившееся у пропретора К. Клавдія: въ немъ тоже было два легіона. Въ Этруріи проконсулъ М. Ливій, которому на годъ продолжена власть, долженъ былъ принять два легіона волонтеровъ отъ пропретора К. Теренція. Опредѣлено также, чтобы К. Мамилій, передавъ товарищу свои обязанности судопроизводства надъ иноземцами, находился въ Галліи съ тѣмъ войскомъ, которымъ начальствовалъ пропреторъ Л. Порцій. Ему приказано опустошать поля тѣхъ Галловъ, которые отпали къ Карѳагенянамъ во время прибытія Аздрубала. К. Сервилію поручено защищать Италію съ двумя Каннскими легіонами на томъ же положеніи, на какомъ имѣлъ ихъ К. Мамилій. Изъ Сардиніи отозвано старое войско, которымъ командовалъ А. Гостилій; консулы набрали новый легіонъ, съ которымъ долженъ былъ туда отправиться Т. Клавдій. К. Клавдію въ Тарентѣ, К. Гостилію Тубулу въ Капуѣ продолжена власть еще на годъ. Проконсулъ М. Валерій, которому поручено было оберегать Сицилійскіе берега, долженъ былъ сдать тридцать судовъ К. Сервилію, а съ остальнымъ флотомъ возвратиться въ Римъ.

11. Въ государствѣ, находившемся въ столь серьозной борьбѣ съ непріятелемъ, причины всѣхъ счастливыхъ и несчастныхъ

событій привыкли относить къ богамъ. Получены были извѣстія о многихъ чудесныхъ явленіяхъ: въ Таррачинѣ храмъ Юпитера, а въ Сатрикѣ храмъ матери Матуты поражены молніею. Не менѣе ужасало Сатриканъ то, что въ храмъ Юпитера через самыя двери проползли два ужа. Изъ Анція получено извѣстіе, что жнецы, въ окрестностяхъ этого города, видѣли окровавленные колосья; въ Церѣ родился поросенокъ о двухъ головахъ, и ягненокъ съ родовыми органами обоего пола. Ходила молва, что въ Альбѣ видѣли два солнца, и что въ Фрегеллахъ ночью явился свѣтъ. На Римскомъ полѣ быкъ говорилъ, а на Фламинскомъ циркѣ на жертвенникѣ Нептуна не разъ выступилъ потъ: такъ по крайней мѣрѣ толковалъ народъ. Храмы Цереры, Спасенія и Квирина были поражены молніею. Консуламъ сенатъ повелѣлъ, вслѣдствіе этихъ чудесныхъ явленій, принесть большія жертвы и совершить общенародное молебствіе въ продолженіи одного дня—все это исполнено, согласно съ декретомъ сената. Но не столько навели ужасъ на гражданъ чудесныя явленія, какъ въ глазахъ ихъ совершившіяся, такъ и тѣ, о которыхъ пришелъ слухъ, сколько извѣстіе о томъ, что огонь погасъ въ храмѣ Весты. По приказанію первосвященника, П. Лицинія, та весталка, которая въ эту ночь должна была смотрѣть за священнымъ огнемъ, была высѣчена розгами. Хотя нельзя было видѣть въ этомъ событіи никакого особаго предостереженія боговъ, и случилось оно по людскому недосмотру, однако повелѣно и принести большія жертвы и имѣть общенародное молебствіе у храма Весты.

Прежде чѣмъ консулы отправились на войну, они получили отъ сената внушеніе—озаботиться тѣмъ, чтобы простой народъ розвесть по полямъ: милостью боговъ безсмертныхъ военныя дѣйствія удалились отъ Рима и Лація, и потому можно безопасно жить въ поляхъ; не прилично же будетъ имѣть болѣе заботъ о воздѣлываніи Сициліи, чѣмъ Италіи. Но для народа дѣло это было несовсѣмъ легкимъ; число свободныхъ работниковъ уменьшилось отъ войны, да и рабовъ было мало; скотъ былъ разграбленъ, а деревни или разрушены или сожжены. Впрочемъ, подъ вліяніемъ консуловъ, многіе граждане выселились въ поля. На

этотъ предметъ навели послы Кремонтинцев и Плацентиновъ; они жаловались, что поля ихъ страдаютъ постоянно отъ грабительскихъ набѣговъ сосѣднихъ Галловъ, вслѣдствіе коихъ большая часть поселенцевъ разсѣялась, и теперь города у нихъ не многолюдны, а поля пусты и безплодны. Мамилію претору приказано—колоніи защищать отъ непріятеля. Вслѣдствіе Сенатскаго декрета, консулы объявили, чтобы тѣ изъ гражданъ Кремонскихъ и Плацентинскихъ, которые были въ отлучкѣ, къ извѣстному сроку явились непремѣнно по своимъ городамъ. Потомъ, съ наступленіемъ весны, консулы и сами отправились на войну. Консулъ К. Цецилій принялъ войско отъ К. Нерона, а Л. Ветурій отъ пропретора К. Клавдія, и дополнилъ новыми воинами, имъ самимъ набранными. Консулы повели войско на Консентинское поле и опустошили его въ разныхъ мѣстахъ. Обремененное добычею, войско консуловъ въ одномъ тѣсномъ мѣстѣ подверглось нечаянному нападенію Бруттіевъ и Нумидскихъ стрѣлковъ, и пришло въ смятеніе такимъ образомъ, что не только добыча, но и сами воины, находились въ опасности. Впрочемъ, болѣе было тревоги, чѣмъ дѣйствительной опасности; добыча была послана впередъ, а вслѣдъ за нею и легіоны вышли на мѣста, гдѣ не подвергались болѣе опасности. За тѣмъ консулы отправились въ землю Лукановъ; весь этотъ народъ безо всякаго сопротивленія покорился народу Римскому.

12. Въ этомъ году съ самимъ Аннибаломъ не было никакихъ дѣлъ; еще такъ свѣжа была утрата его семейная и общественная, что онъ оставался въ покоѣ, и Римляне его не трогали. Они полагали, что вся сила заключается въ одномъ этомъ вождѣ, хотя все около него падало. Да и сомнѣваюсь, не болѣе ли онъ заслуживалъ удивленія въ несчастіи, чѣмъ въ счастіи? Въ продолженіи тринадцати лѣтъ велъ онъ войну съ перемѣннымъ счастіемъ въ непріятельской землѣ, вдали отъ отечества, съ войскомъ, не изъ гражданъ состоявшимъ, по представлявшимъ сбродъ разныхъ племенъ, которыя не имѣли ни общихъ законовъ, ни обычаевъ, ни языка; которые разнились между собою и наружностью, и одеждою, и вооруженіемъ, и обычаями, и религіозными вѣрованіями, имѣли разные священные обряды, даже

разныхъ боговъ. Но Аннибалъ такъ умѣлъ соединить общими узами эту разнородную массу, что не было несогласія ни между воинами, ни неудовольствій противъ полководца, хотя часто нуждались они въ жалованіи, и даже въ провіантѣ, находясь въ землѣ непріятельской; а въ первую Пуническую войну эти обстоятельства бывали причиною ужасныхъ сценъ между воинами и вождями. Когда погибло войско Аздрубала и съ вождемъ, а на нихъ полагали Карѳагеняне всю надежду побѣды — то Аннибалъ, очиствивъ всю Италію, удалился въ отдаленный ся уголъ Бруттій. Не удивительно ли, что и тогда въ войскѣ его не произошло никакого волненія? Къ прочимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ присоединилось то, что вся надежда прокормить войско заключалась въ Бруттійскомъ полѣ; но его, если бы и все обрабатывать, то недостаточно было бы для прокормленія такого войска; притомъ же большая часть молодежи была отвлечена войною отъ занятія земледѣліемъ; у ней уже вкоренился порокъ вести войну грабежемъ. А изъ Карѳагена не было никакого пособія; тамъ заботились только о средствахъ удержать Испанію, какъ будто бы все въ Италіи шло самымъ благопріятнымъ образомъ.

Въ Испаніи дѣла представляли отчасти тотъ же счастливый видъ, что въ Италіи, отчасти далеко не похожій: тотъ же потому, что Карѳагеняне, побѣжденные на войнѣ и потерявъ вождя, были принуждены искать убѣжища на отдаленномъ концѣ Испаніи у береговъ Океана. Далеко же не похожій потому, что ни Италія, ни какая другая страна, не представляетъ какъ со стороны мѣстности, такъ и настроенія духа жителей, средствъ къ возобновленію войны. Потому то, будучи первою провинціею твердой земли, куда проникли Римляне, она окончательно покорена послѣ всѣхъ уже въ наше время, подъ предводительствомъ Августа Цезаря и его счастіемъ. Въ то время тамъ Аздрубалъ, сынъ Гисгона, знаменитѣйшій той войны вождь послѣ вождей Барцинскаго роду, снова явился отъ Гадеса; въ попыткѣ возобновить войну помогалъ ему Магонъ, сынъ Гамилькара. Аздрубалъ произвелъ наборъ въ дальней Испаніи и вооружилъ 54,000 ч. пѣхоты и 500 всадниковъ. Въ числѣ конницы всѣ писатели согласны; но нѣкоторые изъ нихъ утверждаютъ, что пѣшихъ воиновъ было приведено къ городу Сильпіи до 70,000 ч. Тамъ на ровныхъ поляхъ расположились Карѳагенскіе вожди съ тѣмъ, чтобы не уклоняться отъ боя.

13. Сципіонъ, когда къ нему пришла молва о томъ, что непріятель собралъ столь многочисленныя войска, полагалъ съ одной стороны, что и Римскіе легіоны не могутъ стать въ уровень съ столь огромнымъ войскомъ непріятельскимъ, если хоть для виду не будутъ призваны и вспомогательныя войска туземцевъ; съ другой стороны, что на нихъ не надобно столько полагаться, чтобы отъ ихъ измѣнчивой вѣрности зависѣла участь, какъ то доказала несчастная судьба его отца и дѣда. Онъ послалъ впередъ Силана къ Кульху, который царствовалъ надъ 12 городами, принять отъ него тѣхъ пѣхотинцевъ и всадниковъ, которыхъ тотъ обѣщалъ набрать въ продолженіи зимы. Самъ Сципіонъ, выступивъ изъ Тарраконъ отъ союзниковъ, находившихся по дорогѣ, получилъ небольшія вспомогательныя войска и прибылъ въ Кастулонъ. Силанъ туда привелъ три тысячи пѣшихъ союзниковъ и пятьсотъ всадниковъ. Оттуда Сципіонъ двинулся къ городу Бекулѣ со всѣмъ войскомъ своимъ и союзнымъ; всего же онъ имѣлъ сорокъ пять тысячъ пѣшихъ и конныхъ воиновъ. Когда онъ сталъ располагаться лагеремъ, то Магонъ и Массинисса напали со всею конницею, и привели бы въ замѣшательство воиновъ, занимавшихся укрѣпленіемъ, если бы всадники, на этотъ случай весьма кстати, по приказанію Сципіона, стоявшіе за холмомъ, не напали нечаянно на непріятелей, дѣйствовавшихъ въ разсыпную. Самые усердные изъ непріятельскихъ воиновъ, тѣ, которые были уже подлѣ самого вала, нападая на его защитниковъ, при первомъ натискѣ Римскихъ всадниковъ, обратились въ бѣгство. Остальные непріятели, которые шли подъ значками и въ боевомъ порядкѣ, оказали больше сопротивленія и исходъ боя долго былъ сомнительнымъ. Но когда сначала легковооруженныя когорты съ передовыхъ постовъ, а потомъ и прочіе воины, бросивъ укрѣплять лагерь, взялись по приказанію вождя за оружіе, и явились болѣе многочисленные и съ свѣжими силами, противъ утомленныхъ непріятелей, и вообще уже большая масса вооруженныхъ воиновъ устремилась изъ лагеря на поле сраженія; тутъ

уже безспорно обратили тылъ Карѳагеняне и Нумиды. Сначала уходили они съ поля сраженія отрядами, которыхъ ряды не были разстроены ни страхомъ, ни поспѣшностью. Но когда Римляне стали сильно тѣснить задніе ряды Карѳагенянъ, то они уже были не въ состояніи долѣе выдерживать ихъ натискъ и, бросивъ свои мѣста въ рядахъ, спасались бѣгствомъ, куда кому ближе было. Хотя, вслѣдствіе этого сраженія, непріятель нѣсколько упалъ духомъ, а Римляне пріободрились, однако, въ продолженіи нѣсколькихъ послѣдующихъ дней, были безпрестанно съ обѣихъ сторонъ стычки конницы и легковооруженныхъ воиновъ.

14. Когда повидимому достаточно уже испробованы были силы въ этихъ легкихъ схваткахъ, то сначала Аздрубалъ вывелъ войска въ боевомъ порядкѣ, а потомъ выступили и Римляне; но и то и другое войско стояло въ боевомъ порядкѣ передъ окопами. Ни та, ни другая сторона не начинала сраженія, и когда уже солнце стало клониться къ закату, то сначала Карѳагенскій вождь, а потомъ Римскій отвели свои войска назадъ въ лагерь. Тоже повторялось въ продолженіи нѣсколькихъ дней постоянно: первый Карѳагенскій вождь выводилъ свои войска изъ лагеря, но и первый давалъ знакъ къ отбою своимъ воинамъ, утомленнымъ отъ долговременнаго стоянія. Ни съ той, ни съ другой стороны, не было сдѣлано нападенія, ни брошено ни одной стрѣлы, ни произнесено ни одного крика. Центръ съ одной стороны составляли Римляне, съ другой Карѳагеняне вмѣстѣ съ Африканцами, а по флангамъ стояли союзники; и у тѣхъ, и у другихъ то были Испанцы. Передъ боевою линіею Карѳагенянъ стояли слоны, издали представляя видъ маленькихъ укрѣпленій. И уже въ томъ и въ другомъ лагерѣ толковали, что въ томъ же порядкѣ, какъ обѣ стороны стояли на полѣ битвы, дано будетъ сраженіе, и что, расположенныя въ серединѣ, войска Римскія и Карѳагенскія,— и между ними то и идетъ борьба—сразятся съ одинаковою храбростью и воодушевленіемъ. Сципіонъ, замѣтивъ, что это убѣжденіе сильно вкоренилось въ умы, съ умысломъ въ тотъ день, въ которой рѣшился дать сраженіе, измѣнилъ весь порядокъ. Онъ съ вечера отдалъ по лагерю приказаніе, чтобы до разсвѣта и лошади и люди были накормлены, и чтобы всадникъ

въ полномъ вооруженіи держалъ вычищеннаго и занузданнаго коня. Лишь только сдѣлалось сколько нибудь свѣтло, какъ Сципіонъ напустилъ всю конницу и легковооруженныхъ воиновъ на передовые посты Карѳагенскіе; вслѣдъ за тѣмъ онъ самъ выступилъ всею массою легіоновъ, но сверхъ общаго ожиданія какъ своихъ воиновъ, такъ и непріятельскихъ, онъ Римскими воинами укрѣпилъ фланги, а союзниковъ поставилъ въ середину. Аздрубалъ, пробужденный криками всадниковъ, выскочилъ изъ палатки; видя тревогу передъ валомъ, смятеніе своихъ воиновъ, поле, покрытое непріятельскими воинами и вдали блестѣвшіе значки легіоновъ, онъ тотчасъ всю свою конницу напустилъ на непріятельскихъ всадниковъ; а самъ съ пѣшимъ войскомъ выступилъ изъ лагеря и, строя войско въ боевой порядокъ, ничего не измѣнилъ изъ прежняго расположенія. Уже долго продолжалась схватка конницы, и нельзя было опредѣлить, на чьей сторонѣ успѣхъ: то та, то другая почти поочередно уступала, но и та и другая имѣла безопасное убѣжище, отступая къ своей пѣхотѣ. Когда же между боевыми линіями оставалось пространство не болѣе 500 шаговъ, тогда Сципіонъ далъ знакъ къ отбою и, велѣвъ разступиться рядамъ пѣхоты, пропустилъ въ нихъ всю конницу и легковооруженныхъ воиновъ; раздѣливъ ихъ на двѣ части, онъ ихъ поставилъ въ видѣ резервовъ позади фланговъ. Когда пришло уже время начать бой, то Сципіонъ Испанцамъ, составлявшимъ центръ боевой линіи, приказываетъ идти впередъ медленнымъ шагомъ; потомъ посылаетъ онъ гонца къ Силану и Марцію съ приказаніемъ, чтобы они растянули свой флангъ точно также, какъ онъ вправо сдѣлалъ это въ ихъ глазахъ, и чтобы они, съ отборною пѣхотою и конницею, завязали бой съ непріятелемъ прежде, чѣмъ центры обѣихъ армій могли встрѣтиться. Вслѣдствіе этого растянувъ флангъ, Силанъ и Марцій съ тремя когортами пѣхоты, тремя эскадронами конницы и велитами, поспѣшнымъ шагомъ устремились на непріятеля; остальное войско слѣдовало за ними наискось. Такимъ образомъ, въ серединѣ Римской боевой линіи, сдѣлалось углубленіе, потому что Испанцы выступали впередъ медленно. Уже бой завязался на флангахъ, между тѣмъ какъ старые Карѳагенскіе воины и

Африканцы были отъ непріятеля еще далѣе полета стрѣлы; поспѣшить на фланги на помощь сражающимся—они не осмѣливались, опасаясь обнажить центръ наступавшему впереди непріятелю. Междутѣмъ положеніе фланговъ было затруднительное и опасное: конница Римская, легковооруженные воины и велиты, обошедъ боевую линію съ боку, нападали на непріятелей; а когорты тѣснили съ фронта, съ цѣлью разорвать связь фланговъ съ остальною боевою линіею непріятеля.

15. Бой не могъ быть ровнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ потому, что толпы Балеарцевъ и вновь набранныхъ воиновъ должны были имѣть дѣло съ воинами Римскими и Латинскими. Притомъ, чѣмъ далѣе уходило время дня, тѣмъ болѣе слабѣли силы войска Аздрубалова: оно было захвачено вдругъ ночною тревогою и вынуждено, не укрѣпивъ еще тѣла пищею, тотчасъ же выйдти въ поле; а Сципіонъ съ умысломъ тянулъ время для того, чтобы сраженіе было попозже. Былъ уже седьмой часъ, когда наконецъ на флангахъ сразились пѣхотинцы; до центра бой дошелъ еще позднѣе, такъ что зной отъ полуденнаго солнца, усталость отъ тяжести оружія, жажда и голодъ изнурили тѣла воиновъ прежде, нежели имѣли они возможность сразиться съ непріятелемъ. Такимъ образомъ воины Карѳагенскіе стояли уже, облокотясь на щиты. Къ довершенію всего слоны, испуганные криками сражавшихся всадниковъ, велитовъ и легковооруженныхъ воиновъ, бросились съ фланговъ на центръ Карѳагенянъ. Истомленные тѣломъ и духомъ, воины Карѳагенскіе стали отступать, но въ порядкѣ, соблюдая ряды, какъ будто ничѣмъ нетронутая боевая линія исполняла приказаніе вождя. Но побѣдители, видя въ этомъ движеніи пораженіе непріятеля, стали тѣмъ смѣлѣе наступать со всѣхъ сторонъ; трудно было выдерживать ихъ напоръ, и хотя Аздрубалъ убѣждалъ и удерживалъ воиновъ — еще не много отступать въ порядкѣ, такъ какъ въ тылу отступленіе обезопашено гористою мѣстностью. Впрочемъ страхъ преодолѣлъ стыдъ, особенно въ тѣхъ, которыхъ ближе тѣснилъ непріятель; они не замедлили обратить тылъ, а вслѣдъ за ними и всѣ пустились въ безпорядочное бѣгство. Сначала было вожди непріятельскіе пытались, остановивъ знамена у подошвы

холмовъ, собрать около нихъ воиновъ, такъ какъ Римляне призадумались было—подниматься ли имъ на холмъ; но потомъ, когда Римляне смѣло бросились впередъ, Карѳагеняне пустились снова въ бѣгство и принуждены спасаться въ лагерь. Римляне были уже недалеко отъ его окоповъ, и первымъ натискомъ взяли бы его; но вслѣдъ за страшнымъ отъ солнца зноемъ, какой обыкновенно бываетъ передъ тѣмъ, какъ небо покрывается полными дождя тучами, пролилась такая масса воды, что побѣдители съ трудомъ убрались въ свой лагерь, и даже въ умахъ нѣкоторыхъ возникло религіозное опасеніе—предпринимать ли еще что нибудь на этотъ день. Карѳагеняне, не смотря на то, что были утомлены трудами и ослабѣли, отъ ранъ, что мракъ ночи и дождь приглашалъ къ необходимому отдохновенію, подъ вліяніемъ страха и сознанія опасности, не дававшихъ имъ покоя, въ виду непріятеля, который съ наступленіемъ дня могъ аттаковать ихъ лагерь, собирали камни со всѣхъ сторонъ изъ сосѣднихъ долинъ и увеличивали ими валъ, надѣясь найдти въ укрѣпленіяхъ ту защиту, которую не представляло имъ ихъ оружіе. Но измѣна союзниковъ не замедлила показать, что бѣжать безопаснѣе, чѣмъ оставаться. Примѣръ измѣны показалъ Аттенъ, князекъ Турдетанскій; онъ перешелъ къ Сципіону съ значительнымъ отрядомъ своихъ земляковъ; вслѣдъ за тѣмъ, два укрѣпленныхъ города съ находившимися въ нихъ гарнизонами, переданы ихъ начальниками Римлянамъ. Аздрубалъ для того, чтобы измѣна не распространялась далѣе при общей наклонности къ ней умовъ Испанцевъ, поспѣшилъ въ слѣдующую же ночь потихоньку снять лагерь.

16. Сципіонъ, лишь только на разсвѣтѣ передовые отряды дали знать, что непріятель удалился, отправилъ впередъ конницу, а за тѣмъ велѣлъ выносить знамена. Римляне шли такъ поспѣшно, что если бы они шли прямо по слѣдамъ непріятеля, то они непремѣнно нагнали бы его. Но проводникамъ повѣрили, что есть другая ближайшая дорога къ рѣкѣ Бетису, и что представится возможность аттаковать непріятеля во время перехода черезъ эту рѣку. Аздрубалъ, видя, что переходъ черезъ рѣку ему прегражденъ, повернулъ къ берегамъ Океана; тутъ уже воины его отступали въ безпорядкѣ, и движеніе ихъ походило бо-

лѣе на бѣгство. Такимъ образомъ они успѣли уйдти нѣсколько впередъ отъ легіоновъ Римскихъ; всадники же и легковооруженные воины нападали то съ боковъ, то съ тылу на непріятеля, они его утомляли и замедляли движеніе. Наконецъ, вслѣдствіе частыхъ тревогъ, непріятель остановился и завязалъ было сраженіе, но правильнѣе его назвать было бы бойнею: непріятелей убивали какъ беззащитныхъ животныхъ. Наконецъ, самъ главный вождь подалъ примѣръ бѣгства, и съ шестью тысячами почти обезоруженныхъ воиновъ ушелъ на возвышенія, находившіяся не подалеку; остальные непріятели или взяты въ плѣнъ или убиты. Карѳагеняне въ тревогѣ поспѣшно укрѣпились на скорую руку лагеремъ на самомъ высокомъ изъ холмовъ; защищаться имъ оттуда — не было затруднительно, такъ какъ непріятель тщетно попытался бы аттаковать ихъ при, столь неблагопріятныхъ для себя, условіяхъ мѣстности. Но выдержать осаду на мѣстѣ ровномъ и лишенномъ всего—Карѳагеняне могли едва въ продолженіи нѣсколькихъ дней; а потому постоянно переходили къ непріятелю. Наконецъ, главный вождь, доставъ суда—море было оттуда очень близко—ночью оставилъ войско и ушелъ въ Гадесъ. Сципіонъ, услыхавъ о томъ, что главный вождь непріятельскій убѣжалъ, оставилъ Силану для осады непріятельскаго лагеря десять тысячь пѣхоты и тысячу всадниковъ; а самъ возвратился въ Тарракону послѣ семидесяти переходовъ; дорогою онъ вникалъ въ положеніе царьковъ и городовъ для того, чтобы каждому дать то, чего онъ стоилъ. Когда Сципіонъ уѣхалъ, Масинисса имѣлъ тайное свиданіе съ Силаномъ, въ которомъ обнаружилъ желаніе дать новое направленіе политикѣ своего народа, и вслѣдъ за тѣмъ съ немногими соотечественниками онъ переправился въ Африку; хотя въ то время не была ясна причина столь внезапной перемѣны; но это служило доказательствомъ непоколебимой вѣрности къ Римскому народу, которую онъ сохранилъ до глубокой старости; да и въ то время Массинисса поступилъ такъ не безъ основательной причины. Потомъ и Магонъ на судахъ, присланныхъ Аздрубаломъ, отправился также въ Гадесъ; остальные непріятельскіе воины, покинутые вождями, разсѣялись по сосѣднимъ

городамъ, частью передавшись непріятелю, — частью бѣгствомъ; числомъ и силами эти послѣдніе были незначительны.

Такимъ образомъ, распоряженіемъ и счастіемъ П. Сципіона, Карѳагеняне изгнаны изъ Испаніи на четырнадцатый годъ послѣ начала войны, и на пятый послѣ того, какъ П. Сципіонъ принялъ провинцію и войско. Не долго медливъ, Силанъ явился въ Тарраконъ къ Сципіону съ донесеніемъ, что война приведена къ концу.

17. Л. Сципіонъ посланъ въ Римъ извѣстить о совершенномъ покореніи Испаніи; съ нимъ отправлено много знатныхъ плѣнныхъ. Другіе радовались случившемуся и считали это событіемъ славнымъ; только главный виновникъ его, человѣкъ ненасытной дѣятельности и славы, считалъ покореніе Испаніи дѣломъ незначительнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ задумывалъ своимъ великимъ духомъ. Уже онъ задумывалъ покореніе Африки и великаго Карѳагена, и совершенное окончаніе этой войны къ вѣчной славѣ его имени. А потому онъ счелъ нужнымъ подготовить это событіе, задобривъ въ свою пользу умы царей и народовъ; въ этомъ случаѣ рѣшился онъ испробовать перваго Сифакса. Сифаксъ былъ царь Мазезуліевъ. Мазезуліи, сосѣди Мавровъ, живутъ преимущественно въ той части Африки, которая противуположна тому берегу Испаніи, гдѣ находится Новый Карѳагенъ. Въ то время, царь Сифаксъ связанъ былъ съ Карѳагеномъ дружественнымъ союзомъ; но Сципіонъ расчитывалъ, что и для Сифакса связь эта не будетъ важнѣе и святѣе какъ и для другихъ варваровъ, вѣрность которыхъ зависитъ отъ счастія, и потому онъ отправилъ къ нему пословъ—К. Лелія съ дарами. Сифаксъ обрадовался этому, потому что дѣла Римлянъ вездѣ были въ цвѣтущемъ положеніи, а Карѳагенянъ въ Италіи въ дурномъ, а въ Испаніи и совсѣмъ они все утратили; онъ согласился принять дружбу Римлянъ; но скрѣпить ее настоящимъ союзомъ соглашался не иначе, какъ передъ самимъ главнымъ вождемъ Римскимъ. Такимъ образомъ, Лелій возвратился къ Сципіону, только взявъ слово съ царя, что Сципіонъ можетъ безопасно къ нему пріѣхать. Дружба Сифакса для Сципіона, задумывавшаго вести дѣла въ Африкѣ, была дѣломъ важнымъ; Сифаксъ

былъ богатѣйшимъ царемъ того края, его могущество на войнѣ не разъ испытывали сами Карѳагеняне; даже земли царства его находились весьма близко отъ Испаніи, будучи отдѣлены отъ береговъ ея только узкимъ проливомъ. А потому Сципіонъ, не видя другаго средства, рѣшился на поступокъ, самъ по себѣ весьма опасный. Для охраненія Испаніи Сципіонъ оставилъ въ Тарраконѣ Л. Марція, а М. Силана въ Карѳагенѣ, куда онъ пришелъ изъ Тарракона пѣшій большими переходами; а самъ съ К. Леліемъ на двухъ квинкверемахъ (судахъ о 5 рядахъ веселъ) отправился изъ Карѳагена. Море было тихо, и потому суда шли по большей части греблею, да и тихій помогалъ вѣтерокъ, и наконецъ Сципіонъ достигъ Африки. Случилось же такъ, что въ то самое время Аздрубалъ, выгнанный изъ Испаніи, съ семью триремами (суда о 3 рядахъ веселъ) вошелъ въ портъ; закинувши якори, онъ суда придвинулъ къ берегу. Вдругъ увидали въ морѣ двѣ квинкверемы; никто и не сомнѣвался, что то были непріятельскія, и что ихъ можно было болѣе многочисленными судами подавить, не давъ имъ войдти въ портъ. Но сдѣлалась только тревога и замѣшательство; воины и матросы суетились безполезно, готовя оружіе и суда. Междутѣмъ благопріятный, довольно сильный, порывъ вѣтра съ моря вогналъ квинкверемы въ портъ, прежде чѣмъ Карѳагеняне успѣли сняться съ якоря. Затѣвать же схватку въ царскомъ портѣ никто недерзнулъ. Такимъ образомъ сначала Аздрубалъ вышелъ на берегъ, а потомъ Сципіонъ и Лелій; всѣ они отправились къ царю.

18. Слишкомъ лестно показалось это Сифаксу—да оно на дѣлѣ такъ и было — что два вождя сильнѣйшихъ народовъ того времени, въ одинъ и тотъ же день, пришли просить его союза и дружбы. Того и другаго проситъ Сифаксъ быть его гостемъ. Такъ какъ сама судьба соединила подъ одною крышею, и у одного домашнаго очага, двухъ враговъ, то царь пытался свести ихъ на переговоры объ окончаніи взаимныхъ неудовольствій. Сципіонъ отвѣчалъ, что, какъ частный человѣкъ, онъ не имѣетъ никакихъ причинъ неудовольствія съ Аздрубаломъ, которыя могли бы быть оконченными черезъ личные переговоры; разсуждать же съ непріятелемъ о дѣлахъ общественныхъ—онъ не мо-

жетъ безъ приказанія Сената. Царь весьма усиливался сдѣлать по своему, не желая кого либо изъ гостей удалить отъ своего стола. Сципіонъ согласился исполнить желаніе царя—находиться за однимъ столомъ съ Аздрубаломъ. И тотъ и другой вмѣстѣ ужинали и, по желанію царя, возлежали даже на одномъ ложѣ. Въ Сципіонѣ была такая пріятность и безъискуственное природное умѣніе поддѣлаться ко всякому, что онъ очаровалъ не только Сифакса, человѣка невѣжественнаго и не знавшаго Римскихъ обычаевъ, но и пріятными рѣчами расположилъ въ свою пользу заклятаго своего врага. Аздрубалъ говорилъ, что, черезъ личное свиданіе съ Сципіономъ, онъ питаетъ къ нему болѣе удивленія, чѣмъ по его военнымъ подвигамъ; не сомнѣвается онъ, что и Сифаксъ и царство его во власти Римлянъ: такимъ искусствомъ обладаетъ Сципіонъ располагать умы въ свою пользу! Карѳагенянамъ надлежитъ заботиться теперь не о томъ, какъ возвратитъ утраченную Испанію, но какъ удержать Африку въ своей власти. Конечно, не съ тѣмъ только, чтобы странствовать и искать прекрасныхъ видовъ, столь знаменитый Римскій вождь, покинулъ провинцію, не давно пріобрѣтенную, оставивъ свои войска, на двухъ судахъ переправился въ Африку, непріятельскую страну и отдалъ себя во власть царя, вѣрность котораго онъ еще не испыталъ; все это сдѣлалъ онъ въ надеждѣ—овладѣть Африкою. Уже давно замыслилъ Сципіонъ въ душѣ, да и на словахъ уже у него вырывается, что не такъ онъ будетъ весть войну въ Африкѣ, какъ Аннибалъ въ Италіи. Сципіонъ, заключивъ союзный договоръ съ Сифаксомъ, отправился изъ Африки: жестокіе и, по большой части неблагопріятные, вѣтры встрѣтили его въ морѣ; но на четвертый день прибылъ онъ въ портъ Новаго Карѳагена.

19. Такимъ образомъ Испаніи отдохнули отъ войны Карѳагенской; только нѣкоторые города, сознавая свою вину, оставались спокойными повидимому скорѣе отъ страха, чѣмъ отъ преданности. Первое мѣсто тутъ занимали и по своей величинѣ, и по значительности вины, Илитургисъ и Кастулонъ. Жители Кастулона были союзниками Римлянъ, когда ихъ дѣла шли хорошо; но когда оба Сципіона погибли съ войскомъ, то они отпали къ

Кареагенянамъ. Жители Илитургиса къ измѣнѣ присоединили злодѣйство, выдавъ тѣхъ изъ Римлянъ, которымъ удалось уйдти изъ побоища и избивъ ихъ. Строго поступить съ этими городами, при первомъ вступленіи Сципіона, хотя было бы вполнѣ справедливо, но несогласно съ благоразуміемъ; когдаже по всюду воцарилась тишина, тутъ то по всей вѣроятности наступило время—наказать виновныхъ. Призвавъ изъ Тарракона Л. Марція, и давъ ему третью часть войска, Сципіонъ послалъ его взять силою Кастулонъ; а самъ съ остальнымъ войскомъ подступилъ къ Илитургису пятью переходами. Ворота были затворены и все приготовлено для отраженія нападенія силою; такъ для жителей сознаніе, чего они заслуживали, было вмѣсто объявленія войны. Съ этого то и Сципіонъ началъ свое увѣщаніе къ воинамъ: сами Испанцы, заперши ворота, показали, что они заслужили то, чего опасаются. А потому съ ними надобно вести войну съ большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ съ Кареагенянами: съ послѣдними идетъ борьба почти безъ раздраженія о владычествѣ и славѣ; а Испанцамъ надобно сдѣлать достойное возмездіе за ихъ вѣроломство, жестокость и преступленіе. Наступило для Римскихъ воиновъ время—отмстить за гнусное избіеніе ихъ сотоварищей и за то коварство, которымъ и они были бы встрѣчены, если бъ были туда занесены бѣгствомъ. Пусть и на будущее время теперь Римскіе воины оставятъ живое доказательство того, что никогда ни одинъ Римской гражданинъ и воинъ, въ какихъ бы онъ ни былъ несчастныхъ обстоятельствахъ, не долженъ быть предметомъ обиды. Возбужденные такимъ увѣщаніемъ вождя, воины раздаютъ лѣстницы отобраннымъ по ротамъ воинамъ. Войско было раздѣлено такъ, что одною частью командовалъ легатъ Лелій, а другою самъ Сципіонъ, и они нападаютъ на городъ съ двухъ сторонъ къ обоюдному ужасу его жителей. Употребить всѣ силы къ защитѣ города—убѣждалъ горожанъ не одинъ вождь или не нѣсколько старѣйшинъ, но страхъ наказанія вслѣдствіе сознанія вины своей. И сами себѣ напоминали они, и другимъ говорили, что не побѣда надъ ними, но казнь ихъ нужна непріятелю. Каждому неминуемо предстоитъ смерть, но дѣло въ томъ—умереть ли на полѣ битвы и въ строю, гдѣ еще участь

битвы неизвѣстна и нерѣдко унижаетъ побѣдителя, давъ силу побѣжденному или, по разрушеніи огнемъ и мечемъ города въ глазахъ взятыхъ, въ плѣнъ женъ и дѣтей, погибнуть мучительною смертью въ оковахъ, испытавъ на себѣ поруганіе побѣдителей. Уже не одни только способные носить оружіе и мущины приняли участіе въ борьбѣ, но и женщины и дѣти, забывъ слабость силъ своихъ; одни подаютъ стрѣлы сражающимся, а другіе носятъ каменья укрѣпляющимъ стѣну. Дѣло шло не о свободѣ только, которой одной достаточно воодушевить людей доблестныхъ; но у каждаго изъ осаждающихъ были въ глазахъ жестокія истязанія и позорная смерть. Духъ осажденныхъ воспламенялся и вслѣдствіе взаимнаго соревнованія, и въ виду общей опасности, и на глазахъ одинъ у другаго. А потому бой загорѣлся съ такимъ жаромъ, что войско, покорившее всю Испанію, не разъ было отбито отъ стѣнъ молодежью одного города, и отступало отъ стѣнъ его въ смятеніи, не совсѣмъ для него честномъ. Сципіонъ это видѣлъ и, опасаясь, какъ бы возобновленіе безполезныхъ усилій, не придало духу непріятелю, а его воиновъ не обезкуражило, понялъ, что время ему выступить на сцену и принять участіе въ опасности. Побранивъ слабость своихъ воиновъ, Сципіонъ приказываетъ имъ снова нести лѣстницы и угрожаетъ, что, въ случаѣ колебанія со стороны воиновъ, онъ самъ полѣзетъ на стѣны. Уже онъ подошелъ къ стѣнамъ, подвергаясь не малой опасности; но со всѣхъ сторонъ поднялся крикъ воиновъ, что они недопустятъ вождя исполнять ихъ обязанность, и они начали во многихъ мѣстахъ приставлять лѣстницы. Съ другой стороны также рѣшительно приступилъ Лелій. Тутъ то наконецъ побѣждено упорство горожанъ; защитники сброшены съ стѣнъ и они во власти побѣдителей. Междутѣмъ, среди этой суматохи, крѣпость взята съ той стороны, откуда она казалась неприступною.

20. Африканскіе переметчики, находившіеся въ то время въ числѣ вспомогательныхъ войскъ Римскихъ, примѣтили, что, междутѣмъ какъ все вниманіе горожанъ обращено туда, гдѣ они видѣли опасность, и Римляне подступали къ городу съ той только стороны, гдѣ была возможность, самая возвышенная часть города,

прикрытая крутою скалою, не была защищена совершенно никакими укрѣпленіями, и ни одного воина съ той стороны не было видно. Африканцы и тѣломъ весьма легки, и пріобрѣли отъ упражненія поворотливость въ движеніяхъ; взявъ съ собою желѣзные крючья, они стали всходить на скалу, гдѣ ея углубленія позволяли; но гдѣ мѣста были очень круты, они вбивали крючья въ небольшомъ другъ отъ друга разстояніи, и сдѣлавъ такимъ образомъ родъ ступенекъ, они входили, подавая другъ другу руки и сами, и подпирая сзади находившихся впереди, они такимъ образомъ влѣзли на вершину. Оттуда съ криками они бросились на городъ, уже взятый Римлянами. Тутъ то обнаружилось, что городъ взятъ подъ вліяніемъ ненависти и раздраженія. Никто не помышлялъ брать живыхъ въ плѣнъ, и хотя вездѣ все было отворено, но побѣдители забыли о добычѣ: они убиваютъ и вооруженныхъ и безоружныхъ, и мущинъ и женщинъ; даже малыхъ дѣтей не щадятъ они въ своемъ жестокомъ гнѣвѣ. Потомъ зажигаютъ дома и, пощаженное огнемъ, разрушаютъ руками. До того желали Римляне уничтожить даже слѣды этого города, и изгладить изъ самой памяти людей мѣсто, имъ ненавистное.

Оттуда Сципіонъ повелъ войско къ Кастулону. Городъ этотъ защищали не только Испанскіе пришлецы, но и бѣжавшіе остатки Карѳагенскаго войска, собравшіеся сюда. Прибытіе Сципіона упредила молва о гибели Илитургитанъ, и потому ужасъ и отчаяніе царствовали въ городѣ. Находившіеся въ немъ считали свое положеніе относительно Римлянъ различнымъ, и потому каждый думалъ о себѣ только, забывъ о другомъ; сначала взаимное подозрѣніе вкралось между Карѳагенянами и Испанцами, а потомъ и явное несогласіе. У Испанцевъ Цердубелъ явно дѣйствовалъ въ пользу Римлянъ; начальникомъ Карѳагенскихъ вспомогательныхъ войскъ былъ Гимильконъ. Ихъ то вмѣстѣ съ городомъ, Цердубелъ предалъ Римлянамъ, взявъ съ нихъ тайно обѣщаніе безопасности. Тутъ побѣдители были снисходительнѣе: и не столько вины сознавали они за побѣжденными, и добровольная покорность нѣсколько укротила раздраженіе.

21. Вслѣдъ за тѣмъ, Марцій отправленъ для покоренія тѣхъ дикарей, которые еще не признавали надъ собою власти Римлянъ, а Сципіонъ возвратился въ Карѳагенъ, гдѣ занялся исполненіемъ обѣтовъ, данныхъ богамъ, и совершеніемъ гладіаторскихъ игръ въ честь смерти его отца и дѣда. Гладіаторы состояли не изъ тѣхъ людей, которыми запасаются поставщики, торгуя продажною кровью рабовъ. Всѣ сражающіеся явились на это дѣло добровольно и даромъ. Одни были присланы своими князьями, чтобы явить образецъ воинской доблести, ихъ племени свойственной. Другіе сами вызвались сражаться въ честь вождя; нѣкоторые были увлечены соревнованіемъ и споромъ: будучи вызваны, они не захотѣли отказаться. Иные свои спорныя дѣла, которыя взаимнымъ разбирательствомъ не могли или не хотѣли кончить, предоставили рѣшить оружіемъ съ тѣмъ, чтобы спорный предметъ достался побѣдителю. И не какіе либо темнаго происхожденія люди, но знатные и сильные, Корбисъ и Орсуа, двоюродные братья, споръ свой о владычествѣ надъ городомъ, который называли *Идою*, рѣшились окончить оружіемъ. Изъ нихъ Корбисъ былъ старшій лѣтами; а отецъ Орсуи былъ по времени послѣднимъ властителемъ города, получивъ власть по смерти старшаго брата. Тщетно Сципіонъ пытался своими убѣжденіями успокоить ихъ раздраженіе: хотя родные, но они отказались кого нибудь изъ боговъ или людей допустить къ рѣшенію ихъ состязанія, кромѣ одного бога брани. Старшій надѣялся на свои силы, а младшій на цвѣтущую молодость; но и тотъ и другой предпочитали смерть въ бою тому, чтобы признать старѣйшинство брата. Тщетны были попытки удержать ихъ отъ такого неистовства, и они доставили войску любопытное зрѣлище, и вмѣстѣ доказательство, до чего гибельна между людьми страсть къ владычеству. Старшій братъ безъ труда сломилъ силы самонадѣяннаго соперника и опытностью въ дѣлѣ военномъ, и хитростью. Такимъ образомъ, вслѣдъ за гладіаторскимъ зрѣлищемъ, послѣдовали погребальныя игры, которыя и совершены съ торжественностью какъ по туземному, такъ и по военному обряду.

22. Междутѣмъ военныя дѣйствія продолжались черезъ легатовъ. Марцій, перешедъ рѣку Бетисъ, которую туземцы называютъ *Цертою*, принялъ покорность двухъ сильныхъ городовъ безъ сопротивленія. Былъ городъ Астапа, постоянно остававшій-

ся вѣрнымъ Карѳагенянамъ, и потому еще они не заслуживали бы очень большаго противъ нихъ ожесточенія, если бы не то, что они питали къ Римлянамъ особенную ненависть, которую достаточно оправдать не могли даже непріязненныя отношенія. Притомъ городъ ихъ не былъ такъ сильно укрѣпленъ или мѣстоположеніемъ или искусствомъ, чтобы дать имъ право быть смѣлѣе. Жители преимущественно занимались грабежемъ, и дѣлали постоянно набѣги на сосѣдственныя имъ поля союзниковъ народа Римскаго, гдѣ они не разъ ловили неосторожно блуждавшихъ воиновъ Римскихъ, фуражировъ и купцевъ; а разъ огромный караванъ—въ маломъ числѣ ѣхать было не безопасно—шедшій черезъ ихъ землю, они аттаковали изъ засады въ удобномъ для этого мѣстѣ, и всѣхъ людей побили. Когда къ этому городу придвинулось войско Римское для его занятія, то жители, будучи убѣждены, что изъявленіе покорности столь раздраженному непріятелю, не можетъ служить ручательствомъ безопасности, да и сознавая безнадежность защитить себя стѣнами или оружіемъ, рѣшаются на гнусное и злодѣйское дѣло относительно самихъ себя и ближнихъ. Они назначаютъ мѣсто на площади, и сносятъ туда все свое цѣнное имущество. На кучу этихъ вещей они посадили своихъ женъ и дѣтей, а около наложили дерева и набросали хворосту. Пятидесяти вооруженнымъ молодымъ людямъ приказано оберегать, пока еще исходъ битвы будетъ неизвѣстенъ, ихъ имущество и семейства, которыя для нихъ были дороже имущества. Но въ случаѣ, если дѣло осажденныхъ будетъ проиграно, и городъ будетъ доставаться Римлянамъ, то да знаютъ тѣ молодые люди, что всѣ тѣ, которые отправились на бой, отыщутъ себѣ смерть на полѣ брани; а ихъ они молятъ, во имя боговъ небесныхъ и подземныхъ, помня о вольности, которая должна кончиться въ этотъ день или честною смертью, или постыднымъ рабствомъ—не оставить ничего, надъ чѣмъ могъ бы непріятель излить свою злобу. Пусть обреченное на погибель гибнетъ лучше отъ руки дружественной и вѣрной, чѣмъ будетъ игрушкою надмѣннаго непріятеля! Къ этимъ увѣщаніямъ присоединено страшное заклятіе противъ того, на кого подѣйствуетъ или надежда, или жалость. Вслѣдъ за тѣмъ осажденные, отворивъ ворота съ страш-

нымъ шумомъ бросаются впередъ стремительнымъ потокомъ. Ни одинъ изъ передовыхъ отрядовъ не могъ устоять, такъ какъ Римляне всего менѣе ожидали такой отчаянной выходки со стороны осажденныхъ. Тотчасъ отправлены изъ лагеря на встрѣчу непріятеля небольшіе отряды конницы и легковооруженные воины. Конница, съ которою первою непріятель имѣлъ дѣло, будучи сбита, внесла ужасъ въ ряды легковооруженныхъ воиновъ, и пришлось бы сражаться подъ самими окопами, если бы пѣхота легіоновъ не поспѣшила выйдти изъ лагеря, и въ самое короткое время, построиться въ боевой порядокъ. Да и тутъ не разъ смятеніе проникало до самыхъ знаменъ; такъ смѣло въ ослѣпленіи безумнаго бѣшенства съ непонятною дерзостью непріятели лѣзли на смерть и мечи! Но старые воины Римскіе твердо выдержали отчаянный натискъ, и гибель первыхъ рядовъ пріостановила бывшихъ за ними. Римляне не замедлили перейдти къ наступленію; видя, что непріятели не отступаютъ, но упорствуютъ умереть, несходя съ мѣста, они раздвинули свои ряды и, обогнувъ ихъ около фланговъ непріятеля—что было не трудно сдѣлать Римлянамъ по ихъ многочисленности — они сражавшихся въ кучкѣ непріятелей избили всѣхъ до одного.

23. Такъ поступилъ непріятель раздраженный, и въ то время сражавшійся съ врагомъ ожесточеннымъ, и притомъ на полѣ битвы. Гораздо гнуснѣе было побоище въ городѣ, гдѣ безоружную и мирную толпу женщинъ и дѣтей избивали ихъ же сограждане, и большою частью полуживыя тѣла бросали на костеръ, гдѣ истекавшая изъ нихъ потоками кровь гасила пламя. Наконецъ и сами убійцы, утомленные достойнымъ жалости истребленіемъ своихъ соотчичей, бросались съ оружіемъ въ рукахъ въ середину пламени. Римляне побѣдители пришли, когда уже убійство было совершено. Удивленіе Римлянъ при столь гнусномъ зрѣлищѣ было такъ велико, что они какъ бы остолбенѣли; но потомъ, видя сверкавшими въ пламени золотыя, серебряныя и другія цѣнныя вещи, нѣкоторые воины по, свойственной человѣку, жадности хотѣли было вытащить ихъ изъ огня; но сами погибли одни жертвою пламени, другіе обожженные жаркимъ его дыханіемъ, такъ какъ отступить назадъ не допускала напиравшая сзади толпа. Такимъ

образомъ Астапа погибла огнемъ и мечемъ, не доставивъ добычи Римскимъ воинамъ. Прочіе жители той страны, подъ вліяніемъ ужаса, покорились Марцію, который отвелъ свое увѣнчанное побѣдою войско къ Сципіону, назадъ въ Карѳагену.

Почти этими же днями явились переметчики изъ Гадеса съ обѣщаніемъ предать городъ, Карѳагенскій гарнизонъ, находившійся въ городѣ, и начальника гарнизона вмѣстѣ съ флотомъ. Въ Гадесъ ушелъ Магонъ; собравъ въ Океанѣ суда, онъ сосредоточилъ нѣсколько войска, частью полученнаго черезъ проливъ изъ Африки, частью собраннаго префектомъ Ганнономъ по ближайшимъ мѣстамъ Испаніи. По скрѣпленіи союза съ переметчиками взаимными клятвами, отправлены туда Марцій съ отборными когортами, и Лелій съ семью триремами и одною квинкверемою; оба вождя должны были дѣйствовать съ общаго совѣта на сушѣ и на морѣ.

24. Сципіонъ самъ впалъ въ тяжкую болѣзнь; опасность ея преувеличила молва по, свойственной человѣку, охотѣ поддерживать всякіе слухи, причемъ каждый присоединяетъ отъ себя что нибудь. Слухъ о болѣзни Сципіона взволновалъ всю провинцію, особенно ея отдаленные края, и обнаружилъ, какое страшное замѣшательство произошло бы, если бы какое нибудь несчастіе постигло Сципіона. Измѣна вкралась между союзниковъ, и войско не осталось вѣрно своему долгу. Мандоній и Индебилисъ въ душѣ своей, по изгнаніи изъ Испаніи Карѳагенянъ, готовили себѣ владычество надъ нею; но, ошибшись въ расчетахъ, они возмутили своихъ соотечественниковъ—то были Лацетаны — и Цельтиберскую молодежь, и сдѣлали опустошительный набѣгъ на земли Суессетанъ и Седетанъ, союзниковъ народа Римскаго. — Въ лагерѣ у Сукроны какое то безумство овладѣло самыми воинами Римскими. Тамъ было восемь тысячь человѣкъ, и этотъ отрядъ поставленъ для наблюденія за народами, которые живутъ по ту сторону Ибера. Умы здѣсь взволновались уже не тогда только, когда получено сомнительное извѣстіе объ опасномъ положеніи главнаго вождя; но еще прежде, у тамошнихъ воиновъ обнаружилось своеволіе, какъ вслѣдствіе долговременной праздности, такъ нѣсколько и того, что, привыкнувъ жить широко на счетъ не-

пріятеля, воины были стѣснены въ своихъ средствахъ миромъ. Сначала воины секретно толковали другъ съ другомъ: если есть еще война въ провинціи, то зачѣмъ ихъ держутъ въ сторонѣ замиренной? Если же война окончена, и провинція совсѣмъ покорена, то почему не отвезутъ ихъ назадъ въ Италію? Притомъ воины стали требовать жалованье настоятельнѣе, чѣмъ сколько то совмѣстно съ военнымъ обычаемъ и скромностью воиновъ. У караульныхъ уже стали вырываться бранныя слова противъ трибуновъ во время ихъ ночнаго обхода; а нѣкоторые воины стали по ночамъ ходить на грабежъ въ мирной сторонѣ. Наконецъ, уже воины стали уходить отъ знаменъ явно, середи дня и неспросясь начальства. Все дѣлалось согласно съ прихотью и своеволіемъ воиновъ; военные обычаи, дисциплина и власть начальниковъ уже ничего не значили. Если еще лагерь сохранялъ наружность Римскаго, то потому, что воины, надѣясь, что трибуны будутъ соучастниками ихъ возмущенія и раздѣлятъ ихъ безумные замыслы, позволяли имъ давать судъ и расправу на плац-парадѣ, брали отъ нихъ значекъ, и по порядку расходились на посты и караулы. Отнявъ у власти всякую силу, воины, подъ видомъ повиновенія, исполняли то, что имъ самимъ было угодно. Бунтъ окончательно вспыхнулъ тогда, когда трибуны начали укорять воиновъ и не одобрять того, что происходило; они пытались было противудѣйствовать воинамъ, и сказали имъ на прямки, что они не будутъ соучастниками ихъ безумнаго ослѣпленія. Тогда воины согнали трибуновъ съ плац-парада, а вслѣдъ за тѣмъ выгнали изъ лагеря; власть же съ общаго совѣта ввѣрили главнымъ виновникамъ возмущенія, простымъ воинамъ К. Амбрію Калену и К. Атрію Умбру. Не довольствуясь трибунскими украшеніями, новые вожди дерзнули присвоить себѣ аттрибуты высшей власти, пуки и сѣкиры, которые они взяли себѣ на страхъ другимъ; приготовили они ихъ на свои же спины и шеи. Умы были ослѣплены ложнымъ слухомъ о смерти Сципіона; воины были убѣждены, что по этому слуху вся Испанія загорится войною; въ этомъ смятеніи, они могли и союзниковъ обложить деньгами, и разграбить ближайшіе города. Воины надѣялись, что, при об-

щемъ безпорядкѣ, когда каждый будетъ рѣшаться на все, то, что они совершатъ, не будетъ слишкомъ замѣтно.

25. Воины все поджидали, что вотъ вотъ явятся новые гонцы съ извѣстіемъ не только о смерти Сципіона, но уже и о его погребеніи: однако ихъ не было и, легкомысленно распущенный, слухъ сталъ разсѣеваться. Только тогда воины начали отыскивать, кто распустилъ этотъ слухъ. Всѣ отклоняли отъ себя это, и каждый предпочиталъ лучше быть виновнымъ въ излишней довѣрчивости, чѣмъ взять на себя выдумку такаго извѣстія. Вожди сами съ себя сложили аттрибуты власти, и вмѣсто пустаго призрака почести, которую они было на себя взяли, они должны были ждать въ скоромъ времени справедливаго примѣненія къ нимъ настоящей власти. Волненіе воиновъ стало утихать, когда получено извѣстіе, что Сципіонъ не только живъ, но и здоровъ. Семь военныхъ трибуновъ послано самимъ Сципіономъ; ихъ пріѣздъ сначала довелъ было воиновъ до крайней степени отчаянія; но трибуны ласково разговаривали съ знакомыми воинами и, подходя къ ихъ кружкамъ, сначала въ палаткахъ, потомъ на плац-парадѣ, въ преторіѣ, гдѣ они замѣчали, что воины разговариваютъ между собою, трибуны вступали съ нимъ въ разговоръ, не столько упрекая за происшедшее, сколько допытываясь, что за причина внезапнаго ихъ раздраженія и ожесточенія. Воины жаловались, что имъ по сіе время не выдано жалованье, и что съ тѣхъ поръ, какъ случилась измѣна Илитургитанъ, послѣ гибели двухъ вождей и двухъ армій, хотя доблестью ихъ, воиновъ, защищена честь Римскаго имени и удержана провинція, хотя Илитургитаны достойно наказаны за свою вину, но ихъ, воиновъ, за ихъ заслуги не отблагодарилъ никто. На такія жалобы воиновъ, трибуны отвѣчали, что они совершенно основательны, и что они, трибуны, сочтутъ обязанностью довести о нихъ до свѣдѣнія главнаго вождя. Радовались они, что дѣло это не можетъ имѣть дурныхъ послѣдствій, и еще поправимо; говорили, что послѣ боговъ надобно благодарить Сципіона и отечество. Сципіонъ, искусный вождь на войнѣ, былъ еще новъ въ дѣлѣ военныхъ возмущеній; онъ очень озабочивался, какъ бы соразмѣрить наказаніе воиновъ съ степенью ихъ вины. Сначала заблагоразсудилъ онъ дѣйствовать такъ, какъ началъ, то есть снисходительно. Онъ разослалъ сборщиковъ денегъ на жалованье по городамъ, платившимъ дань, и тѣмъ подалъ воинамъ надежду, что они скоро будутъ удовлетворены. Вслѣдъ за тѣмъ объявлено воинамъ приказаніе, чтобы они собрались въ Карѳагенъ за полученіемъ жалованья, и притомъ предоставлено на ихъ волю— или идти всѣмъ вмѣстѣ, или по частямъ. Волненіе само по себѣ утихало, но оно сдѣлалось совершенно неопаснымъ вслѣдствіе того, что возмутившіеся было Испанцы успокоились. Мандоній и Индебилисъ, узнавъ, что Сципіонъ живъ, оставили свои замыслы и возвратились въ свои земли. Такимъ образомъ, воины вотще стали бы искать какъ среди своихъ, такъ и чужихъ, сообщниковъ своего неистовства. Обдумывая какъ поступить, воины не находили другаго исхода, кромѣ довольно опаснаго, вслѣдствіе ихъ дурнаго поведенія—отдаться главному вождю, или его справедливому гнѣву или милосердію, въ которомъ отчаяваться нельзя было. Неразъ оказывалъ онъ прощеніе и непріятелю, съ которымъ сражался оружіемъ; но ихъ возмущеніе обошлось безъ пролитія крови; не жестокое само по себѣ, оно незаслуживало бы жестокаго наказанія—такъ умъ людей весьма изобрѣтателенъ, когда идетъ дѣло о томъ, какъ бы смягчить свою собственную вину. Долго воины не могли согласиться въ одномъ: отдѣльными ли когортами имъ идти за жалованьемъ или всѣмъ вмѣстѣ. Остановились на мнѣніи, представлявшемъ повидимому болѣе ручательствъ безопасности, а именно—чтобы идти всѣмъ вмѣстѣ.

26. Междутѣмъ какъ воины такъ между собою совѣтовались, о нихъ было совѣщаніе въ Карѳагенѣ. Здѣсь спорили о томъ— наказать ли однихъ виновниковъ возмущенія, въ числѣ 35 человѣкъ, или многочисленными казнями искупить эту, правильнѣе, измѣну воиновъ, чѣмъ бунтъ—измѣну, которая могла быть примѣромъ гнуснымъ и опаснымъ. Восторжествовало мнѣніе болѣе снисходительное—ограничиться казнью самихъ главныхъ виновниковъ; остальныхъ же воиновъ довольно наказать строгимъ выговоромъ. Совѣтъ распущенъ, и какъ будто дѣло въ немъ шло объ этомъ, войску, находившемуся въ Карѳагенѣ, объявленъ походъ противъ Мандонія и Индебилиса, и воинамъ велѣно загото-

вить съѣстныхъ припасовъ на нѣсколько дней. Тѣже семь трибуновъ, которые и прежде были посланы къ Сукропу для усмиренія воиновъ, высланы и теперь къ нимъ на встрѣчу; трибунамъ данъ списокъ виновниковъ возмущенія, и поручено черезъ способныхъ людей ласковыми словами и обхожденіемъ зазвать въ гости и тамъ, напоивъ виномъ, связать. Уже воины были недалеко отъ Карѳагена, когда трибуны ихъ встрѣтили; услыхавъ отъ нихъ, что на другой день все войско, подъ начальствомъ М. Силана, выступаетъ въ землю Лацетанъ. Это извѣстіе не только избавило воиновъ отъ всякаго страха, который до того все таки невольно у нихъ былъ, но и очень обрадовало: уже не они будутъ во власти главнаго вождя, но онъ самъ будетъ одинъ съ ними. Солнце садилось, когда воины вошли въ городъ; они видѣли, что войско, находившееся въ городѣ, готовило все въ путь. Воины встрѣчены были нарочно приготовленными для нихъ рѣчами: что пришли де они весьма кстати и обрадовали главнаго вождя, такъ какъ подоспѣли они къ самому выходу другаго войска. Воины занялись отдохновеніемъ. Междутѣмъ трибуны безо всякаго шуму черезъ ловкихъ людей развели главныхъ виновниковъ возмущенія по квартирамъ; тамъ ихъ схватили и перевязали. Въ четвертую перемѣну ночныхъ карауловъ тронулись изъ города обозы того войска, которое повидимому отправлялось въ походъ. Къ разсвѣту и войска тронулись, но у воротъ они остановились, и всѣ городскія ворота заняли караулами для того, чтобы никого не выпускать изъ города. Потомъ позваны были на сходку воины, пришедшіе наканунѣ; они было сбѣжались на форумъ, къ трибуналу главнаго вождя, смѣло, съ неистовыми криками для того, чтобы застращать. Но вмѣстѣ и Сципіонъ вошелъ на свое мѣсто, и вооруженные воины, возвратясь въ городъ, окружили сзади безоружныхъ, бывшихъ на сходкѣ. Тутъ-то исчезла вся ихъ дерзость, но и послѣ они признавались, что ничто ихъ такъ не привело въ ужасъ, какъ неожиданное присутствіе духа главнаго вождя, который остался, сверхъ ихъ ожиданія, совершенно равнодушнымъ и выраженіе его лица, которому подобнаго они, сколько могли припомнить, и въ бояхъ не видали. Сципіонъ сидѣлъ нѣсколько времени молча, пока ему

не донесли, что все готово и зачинщики возмущенія приведены на форумъ.

27. Когда общее молчаніе воцарилось по сигналу трубача, тогда Сципіонъ сталъ говорить слѣдующее: «никогда я не думалъ, что прійдетъ время, когда я не буду знать, что сказать моимъ воинамъ и не потому, чтобы я когда нибудь болѣе заботился о словахъ, чѣмъ о дѣлахъ; но потому, что я, почти съ дѣтства находясь въ лагерѣ, привыкъ къ духу воиновъ. Но какъ съ вами говорить—не нахожу ни мыслей, ни выраженій. Даже не знаю, какимъ именемъ назвать васъ. Назову ли васъ *гражданами*? Но вы измѣнили отечеству. Не воинами ли? Но вы попрали власть законную, и нарушили святость присяги. Наконецъ, не врагами ли? Но я узнаю лица, наружность, одежду и манеры согражданъ моихъ; замыслы же ихъ, дѣйствія и слова таковы, какъ непріятелей. И ваши надежды и желанія были не одни ли и тѣ же, что Илергетовъ и Лацетанъ? Впрочемъ, тѣ хоть послѣдовали за вождями ихъ неистовства—Мандоніемъ и Индебилисомъ, мужами царской крови. Вы же святость власти вручили Умбру Атрію и Камну Альбію. Но вы, воины, скажете, что не всѣ вы такъ поступили, и что многіе изъ васъ не желали этого? Съ охотою повѣрю я, что безумное увлеченіе это надобно приписать не многимъ. Во всякомъ случаѣ совершилось то, что, будучи извѣстно всему войску, не можетъ не требовать тяжкаго возмездія. Не радъ я говорить объ этомъ, и какъ бы касаться больнаго мѣста; но что же дѣлать, если иначе нельзя уничтожить болѣзнь? Изгнавъ Карѳагенянъ изъ Испаніи, я никакъ не предполагалъ, чтобы въ ней находились еще люди, которымъ ненавистна жизнь моя, такъ всегда старался я вести себя не только въ отношеніи союзниковъ, но даже и непріятелей. Но какъ я горько ошибался! Въ самомъ лагерѣ моемъ слухъ о смерти моей не только былъ пріятнымъ, но даже желаннымъ. И этими словами я не хочу вину преступленія распространить на всѣхъ — по истинѣ, знай я, что все войско желаетъ смерти моей, то я умеръ бы сейчасъ въ глазахъ вашихъ, и нисколько не дорога была бы мнѣ жизнь, ненавистная согражданамъ моимъ — но большія массы людей, какъ море, само по себѣ не

подвижны, но легко уступаютъ дыханію вѣтровъ, и нерѣдко переходятъ отъ тишины къ бурямъ. Итакъ начало и вина этого безумнаго поступка принадлежитъ немногимъ зачинщикамъ; вы увлеклись примѣромъ. Но и по нынѣ, мнѣ кажется, вы сами не сознаете, до какого безумства дошли вы, какъ преступно было поведеніе ваше не только въ отношеніи меня, но и отечества, родителей вашихъ и дѣтей! Вы согрѣшили противъ святости гаданій, напутствующихъ васъ на поле брани, противъ военныхъ обычаевъ и дисциплины предковъ, противъ величія верховной власти, на которую вы дерзнули поднять руку. Обо мнѣ самомъ я молчу; не столько съ радостью, сколько опрометчиво повѣрили вы слуху. Но что говорить обо мнѣ? Еще не удивительно, если власть моя могла сдѣлаться въ тягость моему же войску! Но чѣмъ виновато противъ васъ отечество, которое, дѣйствуя за одно съ Мандоніемъ и Индебилисомъ, вы обрекали на гибель? Чѣмъ виновенъ противъ васъ народъ Римскій, что вы, отнявъ власть у трибуновъ, выбранныхъ голосами народа, ввѣрили ее людямъ частнымъ? Не ограничиваясь тѣмъ, чтобы имѣть ихъ трибунами, вы, Римскіе воины, аттрибуты власти вашего главнаго вождя перенесли къ тѣмъ, у которыхъ и раба то никогда подъ властью не было. Въ преторій шли Атрій и Альбій, военная труба играла передъ ними, къ нимъ приходили за паролемъ; они сидѣли на трибуналѣ Сципіона, ликторъ шелъ передъ ними, раздвигая воиновъ, а впереди несли пуки съ сѣкирами. Когда идетъ каменный дождь, когда огонь падаетъ съ неба, когда животныя производятъ порожденія, имъ не свойственныя— вы считаете эти явленія чудесными. Но вотъ совершилось чудо, которое не можетъ быть искуплено никакими жертвами, никакими мольбами, развѣ только кровью тѣхъ, которые рѣшились на такое чудовищное преступленіе.

28. Я, хотя преступленіе ваше недопускаетъ никакого оправданія, желалъ бы знать, что вы думали, чего вы надѣялись при столь нечестивомъ поступкѣ? Нѣкогда легіонъ, посланный въ Регій для обереженія этого города, избивъ преступно старѣйшинъ его, въ продолженіи десяти лѣтъ владѣлъ этимъ богатымъ городомъ. За это преступленіе всѣ воины легіона, въ числѣ четырехъ тысячъ человѣкъ, казнены отсѣченіемъ головъ на форумѣ Римскомъ. Но вѣдь они послѣдовали сначала не за Атріемъ Умбромъ, полурабомъ, котораго самое имя ненавистно слышать какъ вождя, но за Деціемъ Вибелліемъ, трибуномъ военнымъ. Не соединялись они ни съ Пирромъ, ни съ Самнитами, или Луканцами, врагами народа Римскаго. Но ваши замыслы были одни съ замыслами Мандонія и Индебилиса, и вы готовы были бы и силы ваши соединить съ ихъ силами. Тѣ, по примѣру Кампанцевъ, которые отняли Капую у прежнихъ жителей ея Тусковъ, по примѣру Мамертинъ, занявшихъ Мессану въ Сициліи, хотѣли навсегда поселиться въ Регіѣ, не замышляя непріязненныхъ дѣйствій ни противъ народа Римскаго, ни противъ его союзниковъ. А вы не хотѣли ли остаться жить въ Сукронѣ? Да если бы я, покоривъ окончательно всю провинцію, удалялся отсюда, то и тутъ вы должны были умолять о заступничествѣ и боговъ и людей, чтобы вамъ дозволено было возвратиться къ вашимъ женамъ и дѣтямъ. Но вы воспоминаніе о нихъ, все также, какъ и обо мнѣ и отечествѣ, выбросили изъ головы вашей. Хотѣлъ бы прослѣдить я за вашими преступными, если не до конца безумными, предположеніями. Неужели при жизни моей, и при существованіи остальнаго войска, съ которымъ я въ одинъ день взялъ Кароагенъ, съ которымъ я обратилъ въ бѣгство и разсѣялъ четыре арміи Кароагенскихъ, вы, восемь тысячъ воиновъ, по хуже конечно Альбія и Атрія — иначе вы не признали бы ихъ вашими начальниками, исторгли бы у народа Римскаго власть надъ Испаніею? Но не стану упоминать болѣе моего имени, вы меня собственно ничѣмъ не оскорбили, кромѣ повѣривъ легкомысленно слуху о моей смерти. Какъ, если я умру, со мною падетъ и отечество, со мною падетъ владычество народа Римскаго! Но Юпитеръ всемогущій и всеблагой не допуститъ, чтобы городъ, который возникъ при непосредственномъ участіи и особомъ благословеніи боговъ, могъ жить столько же, сколько это бренное и, легко доступное смерти, тѣло! К. Фламиній, Эмилій Павлъ, Семпроній Гракхъ, Постумій Альбинъ, М. Марцеллъ, Т. Квинкцій Криспинъ, Кн. Фульвій, Сципіоны, родичи мои—столько знаменитыхъ вождей пало въ продолженіи одной войны—и все еще живъ народъ Римскій, и пе-

реживетъ онъ еще много и много своихъ слугъ, которымъ суждено умерсть какъ отъ меча, такъ и отъ болѣзни. Неужели съ моимъ трупомъ погребено будетъ и отечество? Но сами же вы здѣсь въ Испаніи, когда были убиты два главныхъ вождя, отецъ, и дѣдъ мой, выбрали себѣ Септимія Марція предводителемъ противъ Кароагенянъ, ликовавшихъ восторгомъ отъ недавней побѣды. Теперь я такъ говорю, какъ будто бы въ случаѣ моей смерти Испаніи останутся безъ вождя. Да развѣ М. Силанъ не съ такою же властью присланъ въ провинцію вмѣстѣ со мною? Да развѣ легаты Л. Сципіонъ, братъ мой, и К. Лелій не въ состояніи постоять за честь и величіе власти? Да и можетъ ли идти въ сравненіе одно войско съ другимъ, вожди съ вождями, наконецъ величіе власти, святость дѣла? Да если бы и во всемъ этомъ имѣли бы вы преимущество, то неужели вы подняли бы ваше оружіе за одно съ Кароагенянами противъ вашего отечества, противъ вашихъ согражданъ? Неужели захотѣли бы вы искренно поработить Италію—Африкѣ, городъ Римъ—Кароагену? Но чѣмъ же отечество виновно передъ вами?

29. Нѣкогда несправедливый приговоръ осужденія, ссылка бѣдственная и незаслуженная, заставили Коріолана идти непріязненно противъ отечества. Но личныя человѣческія чувства удержали его отцеубійственную руку. А васъ вооружило какое оскорбленіе, какая несправедливость? Не получивъ нѣсколько дней жалованья, вслѣдствіе болѣзни вашего полководца, вы сочли это достаточнымъ поводомъ, чтобы объявить войну отечеству, чтобы, измѣнивъ народу Римскому—пристать къ Илергетамъ, чтобы попрать всѣ обязанности въ отношеніи къ богамъ и къ людямъ? Вы воины безумствовали, и умами вашими овладѣла болѣзнь сильнѣе той, которая была въ тѣлѣ моемъ. Отвратительно было бы припомнить, чему повѣрили эти люди, чего они надѣялись, чего желали! Да предастся все это забвенію, если можно; а если же нельзя, во всякомъ случаѣ пусть оно покроется молчаніемъ! Не могу отрицать, что рѣчь моя показалась вамъ слишкомъ строгою и грустною; ну такъ поймите же, на сколько поступки ваши еще хуже словъ моихъ! А междутѣмъ вы не можете даже равнодушно выслушать, когда я вамъ излагаю ваше же поведе-

ніе! Но я не стану болѣе васъ упрекать этимъ и желалъ бы, чтобы вы такъ же легко сами забыли вашъ проступокъ, какъ я его забываю. А потому, что касается до большинства васъ, если вы раскаеваетесь въ вашемъ заблужденіи, то я считаю это наказаніе для васъ достаточнымъ, даже слишкомъ достаточнымъ. Но Атрій Умбръ, Альбій Каленъ и прочіе виновники этого гнуснаго замысла, пусть кровью своею смоютъ вину свою. А вы, если только къ вамъ вернулся здравый разсудокъ, не только не должны огорчаться этимъ зрѣлищемъ, но даже радоваться; никому въ сущности не причинили они столько зла, какъ вамъ же самимъ.»

Сципіонъ окончилъ; слова его и вся обстановка поразили ужасомъ воиновъ, какъ бы отнявъ у нихъ и зрѣніе и слухъ. То войско, которое окружало бывшее на сходкѣ, ударило мечами въ щиты. Раздался голосъ трубача, вызывшаго по именамъ осужденныхъ на военномъ совѣтѣ. Ихъ обнаженными вытаскивали на середину, гдѣ явилось все нужное для казни. Привязанные къ столбамъ, виновные были наказаны розгами, и потомъ отсѣченіемъ головы. Присутствовавшіе при этой казни до того онѣмѣли отъ страха, что не только ни одинъ голосъ не раздался противъ жестокости наказанія, но даже ни одного вопля сострадания. Потомъ, когда тѣла казненныхъ были убраны, и мѣсто очищено, воины вызваны по именамъ и у трибуновъ военныхъ дали присягу на имя П Сципіона; тутъ же и жалованье роздано каждому особо. Такой то результатъ и исходъ имѣло возмущеніе воиновъ, начатое ими въ лагерѣ у Сукроны.

30. Въ то же самое время Ганнонъ, Магоновъ префектъ, отправленъ былъ изъ Гадеса съ небольшимъ отрядомъ Африканцевъ къ рѣкѣ Бетису. Здѣсь онъ, соблазнивъ Испанцевъ денежною платою, вооружилъ до 4000 молодыхъ людей. Но Л. Марцій лишилъ его даже лагеря, и Ганнонъ, потерявъ большую часть воиновъ въ суматохѣ, когда непріятелемъ былъ взятъ лагерь, а нѣкоторыхъ и во время самого бѣгства, когда бѣгущихъ преслѣдовала непріятельская конница, едва самъ спасся бѣгствомъ съ немногими воинами.

Междутѣмъ, какъ это событіе происходило у рѣки Бетиса,

Лелій съ флотомъ прошелъ проливъ и, вступивъ въ Океанъ, явился у города Картеіи, который находится въ самомъ началѣ того мѣста, гдѣ расширяется море за проливомъ. Взять—Гадесъ безъ боя измѣною—была надежда такъ, какъ мы видѣли, что въ станъ Римскій явились было люди съ предложеніемъ на этотъ предметъ своихъ услугъ. Но заговоръ открытъ прежде, чѣмъ успѣлъ созрѣть и, схвативъ всѣхъ заговорщиковъ, Магонъ передалъ ихъ претору Адгербалу для того, чтобы тотъ отвезъ ихъ въ Карѳагенъ. Адгербалъ, посадивъ заговорщиковъ на квинкверему, отправилъ ее впередъ такъ, какъ она была медленнѣе на ходу, чѣмъ триремы, послѣдовалъ за нею въ недальнемъ разстояніи самъ съ восемью триремами. Уже квинкверема входила въ проливъ, какъ Лелій и самъ вышелъ изъ Картеійскаго порта на квинкверемѣ, въ сопровожденіи семи триремъ, и устремился на Адгербала. Лелій расчитывалъ, что квинкверема, попавши уже разъ въ быстрое теченіе пролива, вернуться не можетъ противъ теченія. Неожидавъ нападенія, Карѳагенскій вождь нѣсколько времени не рѣшался, какъ ему поступить—слѣдовать ли за своею квинкверемою, или обратить суда свои противъ непріятеля. Самая эта медленность отняла у Адгербала возможность избѣжать сраженія. Уже со всѣхъ сторонъ угрожали непріятели, находясь на разстояніи полета стрѣлы. Морское теченіе не давало управлять судами, какъ слѣдуетъ; сраженіе это совсѣмъ не походило на морское; въ немъ не было мѣста ни искусству, ни распоряженію и нельзя было дѣйствовать по волѣ. Судьба всего сраженія зависѣла единственно отъ морскаго теченія, которое увлекало суда въ противуположную сторону отъ той, куда они стремились на веслахъ. Случалось, что судно, бѣжавшее отъ непріятеля, силою теченія было круто повернуто назадъ, и брошено въ самую середину побѣдителей, А тамъ судно, преслѣдуя непріятельское и вдругъ попавъ въ противный потокъ морскаго теченія, обращалось назадъ, какъ бы само спасаясь бѣгствомъ. Въ самомъ сраженіи корабль, собираясь ударить носомъ въ непріятельское судно, вдругъ волнами обращенъ былъ въ сторону, и вмѣсто того, чтобы нанести ударъ, получалъ его. Тамъ корабль, становившись бокомъ къ непріятелю, неожиданно теченіемъ обращенъ былъ на

носовую часть. Такимъ образомъ, между триремами происходило сраженіе съ перемѣннымъ счастіемъ, сраженіе, гдѣ случай игралъ наибольшую роль. Но квинкверема Римская, или потому, что она и по величинѣ сидѣла глубже въ водѣ, или отъ того, что, управляясь большимъ числомъ веселъ, легче могла совладать съ быстротою теченія—какъ бы то ни было, она потопила двѣ триремы, а у одной триремы быстрымъ движеніемъ съ одной стороны отбила всѣ весла, да и съ прочими она не замедлила бы управиться; но Адгербалъ поспѣшилъ съ остальными пятью судами удалиться на парусахъ къ берегамъ Африки.

31. Лелій возвратился побѣдителемъ въ Картеію; но, услыхавъ о томъ, что случилось въ Гадесѣ, а именно, что заговоръ открытъ и заговорщики отправлены въ Карѳагенъ, слѣдственно и надежда, на которую расчитывая, онъ прибылъ, исчезла, послалъ гонца къ Л. Марцію о томъ, что нѣчего тратить попустому время, сидя сложа руки у Гадеса, а надобно возвратиться къ главному вождю. Марцій изъявилъ на это свое согласіе и они оба, Марцій и Лелій, спустя нѣсколько дней, прибыли въ Карѳагенъ. Тутъ только, по удаленіи Римскихъ вождей, Магонъ вздохнулъ свободно; дотолѣ ему грозила опасность и съ моря и съ суши. Получивъ извѣстіе о возмущеніи Илергетовъ, Магонъ возъимѣлъ надежду снова овладѣть Испаніею, и потому отправилъ пословъ въ Карѳагенъ; они должны были въ преувеличенныхъ выраженіяхъ изобразить междоусобіе и бунтъ въ станѣ Римскомъ и измѣну ихъ союзниковъ, и вмѣстѣ убѣдить Карѳагенское правительство прислать вспомогательное войско, съ которымъ можно бы вновь возстановить владычество въ Испаніи, перешедшее къ нимъ по завѣту отъ предковъ.

Мандоній и Индебилисъ въ продолженіи нѣкотораго времени оставались спокойно въ предѣлахъ областей своихъ. Они ожидали, чѣмъ окончится бунтъ въ Римскомъ лагерѣ и надѣялись, что если тамъ даровано будетъ прощеніе, то и они могутъ на него расчитывать. А когда услыхали какъ строго наказаны главные заговорщики, то, ожидая и за свою вину такого же возмездія, они снова призвали къ оружію своихъ соотечественниковъ и собрали вспомогательныя войска, которыми и прежде располагали,

они явились на Авзетанскомъ полѣ (гдѣ они стояли въ лагерѣ и при началѣ своего возстанія) съ двадцатью пятью тысячами человѣкъ пѣхоты и двумя съ половиною тысячами всадниковъ.

32. Сципіонъ легко расположилъ умы воиновъ въ свою пользу, какъ исправнымъ расчетомъ жалованья воинамъ, и принимавшимъ участіе въ возмущеніи, и непринимавшимъ, такъ и благосклонностью ко всѣмъ, высказывавшеюся на лицѣ его и въ словахъ. Передъ снятіемъ лагеря у Карѳагена, Сципіонъ позвалъ воиновъ въ собраніе; здѣсь онъ весьма много порицалъ вѣроломство взбунтовавшихся князьковъ. Онъ говорилъ: «теперь онъ выступаетъ далеко не въ одномъ и томъ же расположеніи духа, въ какомъ находился, когда еще недавно онъ долженъ былъ принять мѣры противъ заблужденія своихъ согражданъ. Тогда не иначе, какъ вонзая мечь въ свои собственныя внутренности, онъ со слезами и стонами казнью тридцати человѣкъ загладилъ или вину, или неосторожность восьми тысячь человѣкъ. Теперь же идетъ онъ на избіеніе Илергетовъ въ веселомъ и пріятномъ расположеніи духа. Они не родились съ нимъ въ одной и той же землѣ, и не имѣютъ никакихъ съ нимъ связей; одна была—вѣрности и дружбы, но и ту они сами разорвали преступленіемъ. Въ своемъ войскѣ Сципіонъ видитъ только или соотечественниковъ, или людей Латинскаго племени. Не можетъ не дѣйствовать на него, Сципіона, и то, что въ его войскѣ нѣтъ почти ни одного воина, который не былъ бы въ числѣ первыхъ Римлянъ, привезенныхъ изъ Италіи въ Испанію, или его отцомъ консуломъ, или нимъ самимъ. Всѣ воины привыкли къ имени Сципіоновъ, къ ихъ счастію. И ихъ онъ хочетъ отвести съ собою обратно въ отечество для полученія заслуженныхъ ими почестей тріумфа. И онъ, Сципіонъ, надѣется, что когда онъ будетъ просить консульства, то воины дѣло его примутъ къ сердцу такъ, какъ дѣло чести ихъ всѣхъ. Что же касается до предстоящаго похода, то если считать его войною, надобно забыть о своихъ собственныхъ подвигахъ. Конечно Магонъ, хотя и удалился съ немногими судами на край обитаемаго міра въ островъ, омываемый волнами Океана, озабочиваетъ его Сципіона болѣе, чѣмъ Илергеты; тамъ главный вождь Карѳагенянинъ, и, хотя въ небольшомъ числѣ, но

все же есть Карѳагенское войско. Здѣсь же—разбойники и вожди разбойниковъ; если у нихъ является смѣлость опустошать поля сосѣдей, жечь дома и загонять стада скота, то въ сраженіи и на полѣ битвы смѣлость эта исчезаетъ: уже, вступая въ бой, они расчитываютъ болѣе на быстроту ногъ къ бѣгству, чѣмъ на силу оружія. А потому, не видитъ онъ здѣсь ни опасности, ни зародыша войны болѣе значительной, и если онъ, Сципіонъ, счелъ нужнымъ прежде удаленія изъ провинціи подавить Илергетовъ, то во первыхъ для того, чтобы столь преступная измѣна не оставалась безнаказанною, и во вторыхъ для того, чтобы въ провинціи, усмиренной съ такою доблестью и счастіемъ, не оставалось болѣе никакого непріятеля. А потому, пусть воины, при помощи боговъ, послѣдуютъ за нимъ, Сципіономъ, не столько для веденія войны, сколько для того, чтобы наказать враговъ за ихъ преступленіе.

33. Сказавъ эту рѣчь, Сципіонъ распустилъ воиновъ, приказавъ имъ, чтобы они на слѣдующій день были готовы къ походу. Отправившись въ путь, Сципіонъ въ десять переходовъ достигъ рѣки Ибера. Перешедъ рѣку, Сципіонъ на четвертый день сталъ лагеремъ въ виду непріятелей. Лежавшая передъ лагеремъ, долина была со всѣхъ сторонъ окружена горами. Сципіонъ приказалъ выгнать въ эту долину, въ видѣ приманки для дикарей, стада скота, захваченныя по большей части на непріятельской области; для прикрытія стадъ Сципіонъ послалъ легкія войска. Когда тѣ должны были набѣгами завязать бой, Лелій съ конницею долженъ былъ броситься на непріятеля изъ засады; всѣ удобства для нея представлялъ холмъ, выдававшійся впередъ. Сраженіе тотчасъ завязалось. Испанцы бросились на стада, какъ только завидѣли ихъ издали, а легкія войска Римлянъ ударили на Испанцевъ, когда тѣ были заняты добычею. Сначала они было привели ихъ въ ужасъ дротиками, но потомъ, когда они побросали уже всѣ стрѣлы, которыя скорѣе могли ожесточить бой, чѣмъ рѣшить его, и тѣ и другіе взялись за мечи и завязался бой рукопашный; въ этой схваткѣ пѣхоты успѣхъ еще не склонялся ни на одну сторону, какъ Римская конница вступила въ дѣло. Римскіе всадники, бросившись впередъ, не только давили

все, что ни попадалось на встрѣчу имъ; но многіе, по склону горы обошедъ непріятеля, бросились на него съ тылу для того, чтобы сколько возможно большему числу преградить отступленіе. Потеря непріятеля была болѣе, чѣмъ какой слѣдовало бы ожидать отъ обыкновенной схватки передовыхъ отрядовъ. Впрочемъ, несчастный исходъ этого сраженія скорѣе произвелъ ожесточеніе у дикарей, чѣмъ ослабилъ ихъ мужество; а потому, дабы не показать себя побѣжденными, они, съ наступленіемъ слѣдующаго дня, выступили на поле сраженія.

Долина, о которой мы упоминали выше, была слишкомъ узка для того, чтобы вмѣстить всѣ войска. Въ боевую линію стали почти двѣ трети пѣхоты непріятеля и вся его конница; остальная пѣхота расположилась по откосу холма. Сципіонъ считалъ тѣсноту мѣста благопріятнымъ для себя обстоятельствомъ: бой въ тѣснотѣ представлялъ болѣе удобствъ для Римскихъ солдатъ, чѣмъ для Испанскихъ; притомъ непріятель былъ заманенъ въ такое мѣсто, гдѣ онъ немогъ дѣйствовать всѣми своими силами съ фронта. Далѣе Сципіонъ придумалъ тутъ еще средство, зная, что, по тѣснотѣ мѣста, не было возможности для него поставить конницу на флангахъ, и что съ другой стороны непріятельская, будучи введена въ дѣло вмѣстѣ съ пѣхотою, не можетъ принести никакой пользы, онъ приказалъ Лелію—конницу, сколько возможно скрытнѣе, обвести около холмовъ, и сраженіе конницы отвести, сколько возможно далѣе, отъ сраженія пѣхоты; а самъ Сципіонъ всѣ силы своей пѣхоты ввелъ въ дѣло противъ непріятеля, съ фронта дѣйствуя только четырьмя когортами вслѣдствіе тѣсноты мѣста. Тотчасъ вступилъ Сципіонъ въ сраженіи для того, чтобы непріятель, занятый боемъ, не примѣтилъ обходнаго движенія Римской конницы на ту сторону холмовъ. И дѣйствительно, непріятель ничего не зналъ объ этомъ до тѣхъ поръ, какъ услыхалъ съ тылу шумъ нападенія конницы.

Такимъ образомъ, завязались два сраженія въ противуположномъ одно отъ другаго направленіи· вдоль поля битвы сражались двѣ линіи пѣхоты и двѣ конницы (тѣснота мѣста не позволила тому и другому роду войскъ дѣйствовать отдѣльно). Со стороны Испанцевъ ни пѣхота не могла поддерживать конницу, ни конни-

ца пѣхоту: первая опромѣтчиво бросилась въ долину, расчитывая на поддержку конницы и почти вся была уже истреблена. Конница непріятельская, обойденная кругомъ Римлянами, не была въ состояніи ни сопротивляться спереди Римской пѣхотѣ — Испанская уже была истреблена — ни съ тылу конницѣ Римской. А потому, непріятельскіе всадники оказали долговременное сопротивленіе, сжавшись въ кружокъ и прикрывшись лошадьми, но наконецъ всѣ истреблены, и изъ сражавшихся въ долинѣ непріятелей не уцѣлѣлъ ни одинъ ни всадникъ, ни пѣхотинецъ. Только треть войска непріятельская, которая на флангѣ оставалась скорѣе спокойною зрительницею боя, чѣмъ принимала въ немъ участіе, имѣла достаточно и времени и мѣста для того, чтобы спастись бѣгствомъ. Вмѣстѣ спаслись и оба вождя непріятельскихъ: въ суматохѣ сраженія, они успѣли скрыться прежде, чѣмъ линія непріятельская была совершенно обойдена кругомъ.

34. Испанскій лагерь взятъ въ тотъ же день, и въ немъ, кромѣ прочей добычи, захвачено почти 3 тысячи плѣнныхъ. Римлянъ и союзниковъ пало въ этомъ сраженіи до 1200 человѣкъ, а ранено болѣе трехъ тысячь человѣкъ. Побѣда стоила бы меньше крови, если бы сраженіе происходило въ мѣстѣ, болѣе открытомъ и благопріятномъ для бѣгства. Индебилисъ отказался отъ своихъ воинственныхъ замысловъ; въ его незавидномъ положеніи, оставалось ему только надѣяться на испытанное милосердіе и вѣрность Сципіона. Посланный Индебилисомъ, братъ его Мандоній упалъ передъ Сципіономъ на колѣни; онъ складывалъ вину Испанцевъ на какое-то гибельное ослѣпленіе того времени, которое подобно заразѣ, не только коснулось Илергетовъ и Лацетанъ, но даже сообщилось и Римскому лагерю. Теперь же онъ, Мандоній, братъ его и прочіе соотечественники находятся въ такомъ положеніи, что имъ ничего не остается болѣе какъ или, если уже такъ назначено судьбою, возвратить Публію Сципіону уже разъ сохраненную имъ жизнь, или дважды получивъ ее отъ него, навсегда ему ее посвятить. Прежде еще, не испытавъ его милосердія, они надѣялись только на правость своего дѣла; а теперь вся надежда ихъ единственно на милосердіе побѣдителя.

У Римлянъ вошло издавна въ обычай: тотъ народъ, съ которымъ они не могли заключить ни союзнаго договора, ни связей дружественныхъ, не прежде послѣ войны принимать подъ свою власть, какъ получивъ отъ него всю его собственность какъ частную, такъ и общественную, принявъ отъ него заложниковъ, обобравъ оружіе, и поставивъ по городамъ вооруженные отряды. Сципіонъ высказалъ сильное негодованіе противъ Мандонія, бывшаго на лицо и противъ отсутствовавшаго Индебилиса; но заключилъ словами: «ихъ преступленіе такого рода, что оно заслуживало бы смертной казни; но, по милости его и Римскаго народа, даруется имъ жизнь. Да и оружіе онъ имъ оставляетъ, какъ ручательство того, что онъ не боится возобновленія войны; онъ предоставляетъ имъ свободное пользованіе ихъ оружіемъ для того, чтобы они не имѣли никакихъ опасеній. Въ случаѣ ихъ измѣны онъ употребитъ строгость не противъ невинныхъ заложниковъ, но противъ ихъ самихъ, и повлечетъ къ наказанію не безоружнаго, но вооруженнаго непріятеля. Теперь, когда они знаютъ, что ихъ ожидаетъ, предоставляетъ онъ имъ на выборъ—или искать милости Римлянъ, или испытать на себѣ ихъ мщеніе.

Такъ отпущенъ Мандоній, и наложена на Испанцевъ только денежная пеня для того, чтобы уплатить ею жалованье воинамъ. Сципіонъ послалъ впередъ въ дальную Испанію Марція, а Силана отправилъ въ Тарраконъ. Нѣсколько дней провелъ онъ на мѣстѣ, пока Илергеты заплатили наложенную на нихъ денежную сумму; а потомъ, съ легкими войсками, поспѣшилъ за Марціемъ, уже подходившимъ къ берегамъ Океана.

35. Начавшіеся еще прежде переговоры съ Масиниссою были откладываемы то по той, то по другой причинѣ. Нумидъ хотѣлъ непремѣнно видѣться самъ съ Сципіономъ, и при личномъ свиданіи скрѣпить союзъ дружбы. И на этотъ разъ именно такой былъ поводъ Сципіону къ столь отдаленному и трудному походу. Масинисса находился въ Гадесѣ, но отъ Марція получилъ извѣстіе о приближеніи Сципіона. Тутъ, подъ предлогомъ, будто лошади конницы, запертыя на островѣ, худѣютъ, увеличивая общую нужду, да и сами отъ нея страдая; притомъ всадники

коснѣютъ въ бездѣйствіи—онъ уговорилъ Магона дозволить ему переправиться на твердую землю Испаніи для грабежа ближайшихъ Испанскихъ деревень. Переправившись на твердую землю Испаніи, Масинисса послалъ трехъ знатныхъ Нумидовъ уговориться о мѣстѣ и времени свиданія; двое изъ нихъ должны были оставаться у Сципіона въ видѣ заложниковъ. Третій же, который долженъ былъ привести Масиниссу къ назначенному для свиданія мѣсту, вернулся назадъ къ нему; и Масинисса съ Сципіономъ сошлись для переговоровъ въ сопровожденіи немногихъ лицъ. Уже слухъ о подвигахъ Римскаго вождя подготовилъ Масиниссу къ чувству удивленія, и онъ заранѣе составилъ себѣ въ умѣ и образъ наружности его, какъ величественной и исполненной достоинства. Но, увидавъ Сципіона, Масинисса почувствовалъ къ нему еще большее уваженіе: природное величіе отражалось во всей наружности Сципіона; его очень украшали длинные волосы и истинно мужественная красота, чуждая всякихъ искусственныхъ отношеній; онъ находился въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ и кипѣлъ здоровьемъ, которое, послѣ перенесенной имъ болѣзни, зацвѣло какъ бы вновь. Масинисса не могъ скрыть своего удивленія къ особѣ Сципіона; онъ сначала поблагодарилъ его за освобожденіе племянника, и потомъ сказалъ ему: давно уже искалъ онъ этого случая, котораго наконецъ достигъ по милости боговъ безсмертныхъ, и теперь не хочетъ, чтобы онъ пропалъ даромъ. Онъ желаетъ служить отнынѣ ему и народу Римскому, и притомъ съ такимъ усердіемъ, какъ не служилъ еще Риму ни одинъ иноземецъ. Если бы таково было его желаніе, и прежде, то мало средствъ исполнить его въ Испаніи, странѣ для него чуждой и малоизвѣстной; но легко ему будетъ сдержать слово въ странѣ ему родной, и гдѣ онъ воспитанъ въ надеждѣ сидѣть на прародительскомъ престолѣ. Если Римляне пошлютъ въ Африку Сципіона главнымъ вождемъ своихъ войскъ, то онъ, Масинисса убѣжденъ въ недолговѣчности Карѳагена.»

Съ радостью Сципіонъ и увидалъ Масиниссу, и выслушалъ его; онъ зналъ, что Масинисса—глава всей непріятельской конницы; да и притомъ, въ самой наружности молодаго человѣка высказывался его великій духъ. Послѣ взаимныхъ обѣщаній вѣр-

ности Сципіонъ отправился обратно въ Тарраконъ. Масинисса для того, чтобы показать, что онъ не безъ причины переправлялся на твердую землю, съ дозволенія Римлянъ опустошилъ ближайшія поля и возвратился въ Гадесъ.

36. Магонъ уже отчаялся за положеніе дѣлъ въ Испаніи,—а прежде онъ было ободрился сначала вслѣдствіе возмущенія Римскихъ воиновъ, а потомъ отпаденія Индебилиса, — и готовился переправиться въ Африку, какъ вдругъ ему сообщили изъ Карѳагена повелѣніе сената съ флотомъ, который у него былъ у Гадеса, переправиться въ Италію и, нанявъ тамъ сколько можно болѣе молодыхъ людей изъ Галловъ и Лигуровъ, соединиться съ Аннибаломъ и не допустить, чтобы ослабѣли военныя дѣйствія, начатыя съ большою энергіею, и еще съ большимъ счастіемъ. На этотъ предметъ изъ Карѳагена привезли денегъ Магону; да и самъ онъ выжалъ ихъ изъ Гадетанъ сколько могъ болѣе: не только онъ ограбилъ ихъ казнохранилище, но и самые храмы, а частныхъ людей заставлялъ все, принадлежавшее имъ, золото и серебро, представлять ему.

Плывъ вдоль береговъ Испаніи, Магонъ, не подалеку отъ Карѳагена Новаго, высадилъ воиновъ на берегъ и опустошилъ прилежащія поля. Потомъ онъ остановился съ судами передъ городомъ: въ продолженіи дня онъ держалъ воиновъ на судахъ, а ночью высадилъ на берегъ, и повелъ ихъ къ той части стѣны, черезъ которую Римляне проникли въ Карѳагенъ. Магонъ предполагалъ, что и городъ оберегается недостаточнымъ гарнизономъ, и что нѣкоторые граждане не замедлятъ воспользоваться случаемъ къ перемѣнѣ, и произведутъ волненіе. Но гонцы съ полей поспѣшно принесли извѣстіе объ опустошеніи полей, бѣгствѣ поселянъ и прибытіи непріятелей. А днемъ увидали флотъ, и не трудно было догадаться, что онъ недаромъ избралъ стоянку передъ городомъ. Вслѣдствіе этого, воины, совсѣмъ готовые и вооруженные, стояли за воротами, обращенными къ морю и болоту. Когда непріятели, смѣшанною толпою воиновъ и матросовъ, бросились къ стѣнамъ съ большимъ шумомъ, чѣмъ силою, вдругъ отворились городскія ворота, и Римляне бросились съ криками; непріятель тотчасъ смѣшался, и при первомъ натискѣ и полетѣ

стрѣлъ, обратился въ бѣгство; Римляне преслѣдовали его до самаго морскаго берега, производя въ рядахъ его убійство. И если бы суда, приставъ къ берегу, не приняли бѣгущихъ, то врядъ ли бы кто уцѣлѣлъ отъ сраженія и бѣгства. Да и на судахъ не обошлось безъ смятенія. Карѳагеняне, какъ бы не впустить на суда вмѣстѣ съ своими и непріятелей, спѣшатъ поднять лѣстницы, а веревки якорныя обрѣзать, опасаясь потерять много времени въ сборахъ къ отправленію. Многіе воины, плывъ съ берега, и въ потьмахъ незная, куда направить движеніе, и чего избѣгать, погибли самымъ бѣдственнымъ образомъ. На другой день, когда Карѳагенскій флотъ удалился въ Океанъ, откуда пришелъ, между стѣною и берегомъ моря, найдено 800 непріятельскихъ тѣлъ, и до двухъ тысячь штукъ оружія.

37. Магонъ отправился было въ Гадесъ, но туда его не впустили; тогда онъ присталъ съ флотомъ къ мѣсту, называемому Цимбіи, находящемуся по близости Гадеса. Отсюда отправилъ онъ пословъ съ жалобою, что передъ нимъ, союзникомъ и другомъ, затворили ворота. Начальники города оправдывались тѣмъ, что случилось это вслѣдствіе возстанія народнаго, причиненнаго грабительствами воиновъ, когда тѣ садились на суда. Тутъ Магонъ, подъ предлогомъ переговоровъ, выманилъ къ себѣ изъ города суфетовъ его—такъ называются у Карѳагенянъ главные начальники—и казначея; истерзавъ ихъ розгами, онъ велѣлъ ихъ пригвоздить на крестъ. Отсюда Магонъ съ своими судами отправился къ острову Питеузѣ, находящемуся почти во ста миляхъ отъ твердой земли — на этомъ островѣ жители были Карѳагенскаго происхожденія. А потому, флотъ Магона принятъ тамъ очень ласково, и не только жители съ готовностью дали провіантъ, но и оказали пособіе флоту людьми и оружіемъ. Обнадеженный такимъ пріемомъ, Карѳагенскій вождь отправился къ Баліарскимъ островамъ, находящимся оттуда въ 50 миляхъ разстоянія. Этихъ острововъ два: одинъ побольше пространствомъ, богаче жителями и оружіемъ, и имѣетъ портъ, гдѣ Магонъ располагалъ очень удобно зимовать: осень уже приближалась къ концу. Впрочемъ, Карѳагенскій флотъ встрѣченъ былъ тамъ такъ не пріязненно, какъ будто бы этотъ островъ былъ населенъ Рим-

лянами. И теперь главное оружіе Балеарцевъ заключается въ пращѣ, а тогда это было единственное; въ другомъ народѣ трудно найдти одного столь искуснаго стрѣлка, каковы здѣсь всѣ жители. Когда Карѳагенскій флотъ приблизился къ берегу, то на него посыпались, какъ градъ, каменья въ такомъ множествѣ, что Карѳагеняне не рѣшились войдти въ гавань, и повернули суда въ открытое море. Отсюда Карѳагеняне переправились на меньшій Баліарскій островъ, весьма плодородный, но не столь сильный людьми и оружіемъ. Вышедъ изъ судовъ, Карѳагеняне на высокомъ мѣстѣ, господствовавшемъ надъ гаванью, поставили лагерь; безъ сопротивленія овладѣли они городомъ и областью, собрали двѣ тысячи вспомогательныхъ воиновъ и послали въ Карѳагенъ; суда же вытащили на берегъ, приготовляясь зимовать. По удаленіи Магона отъ береговъ Оксана, жители Гадеса отдались Римлянамъ.

38. Вотъ событія, которыя совершились въ Испаніи подъ предводительствомъ Сципіона и его счастіемъ. А самъ Сципіонъ, передавъ управленіе провинціею пропреторамъ Л. Лентулу и Л. Марцію Ацидину, на десяти судахъ возвратился въ Римъ. Сенатъ былъ собранъ внѣ города въ храмѣ Беллоны; здѣсь Сципіонъ въ рѣчи изложилъ: «какія дѣянія совершилъ онъ въ Испаніи, сколько разъ сражался онъ въ открытомъ бою, сколько городовъ онъ взялъ у непріятеля силою, сколько народовъ покорилъ онъ подъ власть народа Римскаго: отправился онъ—Сципіонъ—въ Испанію противъ четырехъ полководцевъ, противъ четырехъ побѣдоносныхъ войскъ; теперь же въ тѣхъ странахъ не оставилъ онъ ни одного Карѳагенянина. Получить почести тріумфа за такіе подвиги—болѣе попытался Сципіонъ, чѣмъ настаивалъ упорно, такъ какъ дотолѣ не было примѣровъ, чтобы кто нибудь изъ начальствовавшихъ войскомъ, не нося правительственнаго званія, удостоился почестей тріумфа. По распущеніи Сената, Сципіонъ вошелъ въ городъ; передъ Сципіономъ несли въ казну четырнадцать тысячь триста сорокъ два фунта серебра въ дѣлѣ, и кромѣ того большое количество монетою.

Вслѣдъ за тѣмъ, Л. Ветурій Филонъ, произвелъ консульскіе выборы, и всѣ сотни съ чрезвычайною готовностью назвали кон-

суломъ П. Сципіона; товарищемъ ему дали П. Лицинія Красса великаго первосвященника. Преданіе дошло, что эти выборы изо всѣхъ, произведенныхъ съ тѣхъ поръ, какъ эта послѣдняя война началась, были самые многолюдные. Граждане стеклись со всѣхъ сторонъ не только для того, чтобы подавать голоса, но и для того, чтобы посмотрѣть П. Сципіона. Большія стеченія граждана бывали передъ его домомъ и въ Капитоліѣ, когда онъ тамъ, во исполненіе даннаго имъ обѣта, принесъ въ жертву Юпитеру сто быковъ. Въ душахъ гражданъ родилось убѣжденіе, что какъ первую Пуническую войну привелъ къ концу Кай Лутацій, такъ эту окончитъ Публій Корнелій; что онъ, очистивъ Испанію отъ Карѳагенянъ, не замедлитъ выгнать ихъ и изъ Италіи; ему назначали провинціею Африку, какъ будто въ Италіи война приведена уже къ концу.

За тѣмъ были произведены выборы въ должности преторовъ: выбрали двухъ — Спурія Лукреція, и Кнея Октавія; оба были тогда плебейскими эдилями; а изъ частныхъ лицъ выбраны Кн. Сервилій Цепіонъ и Луцій Эмилій Папъ.

Въ четырнадцатомъ году Пунической войны новые консулы: П. Корнелій Сципіонъ и Публій Лициній Крассъ вступили въ отправленіе должности. При назначеніи консуламъ провинцій Сципіону дана Сицилія не по жеребью; она уступлена ему товарищемъ, такъ какъ его, по должности первосвященника, удерживала въ Италіи забота о дѣлахъ священныхъ. Кассію назначена земля Бруттіевъ. Потомъ брошенъ жеребій о преторскихъ провинціяхъ: городское управленіе досталось Кн. Сервилію, Ариминъ—этимъ названіемъ въ то время обозначалась Галлія—Сп. Лукрецію, Сицилія—Л. Эмилію, Сардинія—Кн. Октавію.

39. Сенатъ созванъ въ Капитолій; тутъ, по докладу Сципіона, состоялся сенатскій декретъ о томъ, чтобы онъ игры, о которыхъ далъ обѣтъ въ Испаніи во время возмущенія воиновъ, далъ на счетъ тѣхъ денегъ, которыя онъ самъ внесъ въ казначейство.

Вслѣдъ за тѣмъ, Сципіонъ ввелъ въ Сенатъ пословъ Сагунтинскихъ; изъ нихъ старѣйшій лѣтами сказалъ слѣдующее: «хотя, почтенные сенаторы, не было тѣхъ страданій, которыхъ бы

мы не испытали, стараясь до конца остаться вамъ вѣрными; впрочемъ, таковы заслуги въ отношеніи къ намъ и васъ самихъ, и полководцевъ вашихъ, что не жаль намъ горя, нами понесеннаго. Войну вы начали за насъ и, предпринявъ ее, вотъ уже четырнадцатый годъ ведете ее съ такимъ упорствомъ, что не разъ и сами подвергались крайней опасности, и такою же грозили народу Кароагенскому. Имѣя въ самой Италіи войну столь жестокую, и полководцемъ противъ васъ Аннибала, вы, не смотря на то, отправили въ Испанію консула съ войскомъ какъ бы для того, чтобы спасти то, что уцѣлѣло отъ постигшаго насъ кораблекрушенія. П. и Кн. Корнеліи съ самого прибытія въ Испанію не переставали дѣлать все для насъ благопріятное, а врагамъ нашимъ ненавистное. Прежде всего возвратили они намъ нашъ городъ; нашимъ согражданамъ, которые были распроданы въ рабство по всей Испаніи, они возвратили свободу, нарочно разославъ людей для того, чтобы розыскать ихъ всѣхъ. Казалось недалеко было для насъ время самой счастливой судьбы вмѣсто прежней самой неблагопріятной, какъ вдругъ погибли полководцы ваши П. и Кн. Корнеліи; врядъ ли вамъ самимъ погибель ихъ причинила столько горя, сколько намъ. Казалось, что мы были собраны изъ самыхъ дальныхъ мѣстъ на наши прежнія жилища только для того, чтобы снова быть жертвою гибели и свидѣтелями новаго паденія нашей отчизны. Не нужно было для нашего погубленія ни Кароагенскаго вождя, ни войска: уничтожить насъ могли Турдулы, тѣ самые наши старинные недруги, которые были причиною и нашей прежней горестной участи. Какъ вдругъ неожиданно прислали вы намъ вотъ этого П. Сципіона. Теперь мы считаемъ себя счастливѣйшими изо всѣхъ жителей Сагунта вслѣдствіе того, что мы были свидѣтелями назначенія его консуломъ, и можемъ передать объ этомъ нашимъ соотечественникамъ. Въ Сципіонѣ и наша надежда, и наше спасеніе. Онъ въ Испаніи взялъ силою множество городовъ непріятельскихъ; вездѣ онъ Сагунтинцевъ отдѣлялъ отъ прочихъ плѣнныхъ и отсылалъ въ отечество. Турдетановъ, столь ожесточенныхъ враговъ нашихъ, что Сагунтъ не могъ считать себя безопаснымъ, пока они цѣлы, Сципіонъ усмирилъ силою оружія

до того, что не только намъ,—теперь да будетъ далеко всякое чувство ненависти, но и потомкамъ нашимъ нѣчего ихъ бояться. Теперь мы видимъ разрушеннымъ городъ, въ угоду жителямъ котораго Аннибалъ уничтожилъ было Сагунтъ; съ области враговъ нашихъ беремъ мы дань, которая пріятна не столько значительностію ея, сколько сладостью мести. За все это — болѣе чего не смѣли мы ни просить и получить не надѣялись отъ самихъ боговъ безсмертныхъ — благодарить васъ сенатъ и народъ Сагунтинскій прислалъ насъ пословъ десять человѣкъ. Вмѣстѣ должны мы васъ поздравить съ тѣмъ, что вы, въ продолженіи этихъ лѣтъ, вели такъ дѣла въ Испаніи и Италіи, что въ первой владѣнія ваши уже не по рѣку Иберъ, но оружіемъ вашимъ усмирены всѣ земли до самыхъ дальнихъ береговъ, омываемыхъ волнами Оксана, да и въ Италіи вы оставляете подъ властью Кароагенянъ только то мѣсто, которое обнесено окопами ихъ лагеря. Намъ приказано не только благодарить за всѣ эти благодѣянія Юпитера великаго и всемогущаго, хранителя Капитолійскаго замка, но и внесть въ Капитолій съ вашего позволенія золотой вѣнокъ, какъ знакъ побѣды. Мы просимъ васъ дозволить это, а равно, если вамъ будетъ угодно, утвердить и упрочить навсегда вашею властью тѣ льготы, которыя мы получили отъ вашихъ полководцевъ.» Сенатъ Сагунтинскимъ посламъ далъ отвѣтъ, что какъ разрушеніе Сагунта, такъ и его возстановленіе будетъ навсегда и передъ всѣми народами наилучшимъ доказательствомъ вѣрности слова, свято съ обѣихъ сторонъ соблюденной; что, возобновивъ городъ Сагунтъ и выкупивъ гражданъ его изъ рабства, вожди Римскіе поступили законно, правильно и согласно съ волею сената, и все, что они ни сдѣлали въ пользу Сагунтинцевъ, Сенатъ утверждаетъ какъ свое собственное распоряженіе; дозволяетъ онъ внести въ Капитолій даръ Сагунтинцевъ. Вслѣдъ за тѣмъ, сенатъ приказалъ посламъ Сагунтинскимъ отвести квартиру, дать угощеніе и въ подарокъ каждому не менѣе десяти тысячь ассъ. Потомъ введены въ сенатъ и выслушаны прочія посольства.

Такъ какъ Сагунтинцы просили дозволить имъ осмотрѣть Италію, на сколько это можно сдѣлать съ безопасностью; то имъ да-

ны проводники и письма посланы по городамъ съ приказаніемъ принять Испанцевъ ласково. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ докладъ о состояніи дѣлъ общественныхъ, о наборѣ войска и назначеніи провинцій.

40. Уже общая молва назначала П. Сципіону новую провинцію по мимо жеребья — Африку и самъ, не довольствуясь умѣренною славою, говорилъ, что онъ объявленъ консуломъ не для того, чтобы вести войну, но для того, чтобы ее окончить; а что иначе этого сдѣлать нельзя, какъ надобно ему съ войскомъ переправиться въ Африку. Открыто Сципіонъ говорилъ, что, въ случаѣ отказа сената, онъ приведетъ въ исполненіе свое намѣреніе съ помощью народа. Старѣйшимъ сенаторамъ не нравилось такое предположеніе Сципіона; но прочіе роптали втихомолку частью изъ опасеній, частью изъ угодливости; одинъ только К. Фабій Максимъ, когда его спросили о мнѣніи, сказалъ слѣдующее: «знаю, почтенные сенаторы, что многимъ изъ васъ кажется, что мы сегодня разсуждаемъ о вопросѣ уже рѣшенномъ, и что по пустому будетъ тратить слова тотъ, который будетъ говорить о назначеніи Африки провинціею, какъ о предметѣ еще нерѣшенномъ. Я не понимаю впрочемъ, какимъ образомъ Африка можетъ быть вѣрнымъ участкомъ консула, человѣка во всякомъ случаѣ дѣльнаго и умнаго, между тѣмъ какъ ни сенатъ, ни народъ вовсе не назначили Африку въ числѣ консульскихъ участковъ. Если Африка находится въ числѣ этихъ участковъ, то, по моему мнѣнію, консулъ дѣлаетъ очень дурно и докладывая изъ одного приличія сенату о дѣлѣ уже рѣшенномъ, смѣется надъ всѣмъ сенатомъ, а не надъ каждымъ сенаторомъ отдѣльно, до котораго по порядку доходитъ очередь говорить.

Я убѣжденъ, что если я стану отсовѣтовать такую поспѣшность въ переходѣ въ Африку, то мнѣ прійдется отклонять отъ себя обвиненіе другихъ въ двухъ отношеніяхъ: мой умъ отъ природы склоненъ къ медлительности; но молодые люди назовутъ ее конечно робостью и лѣностью; мнѣ же никогда не приходилость раскаиваться въ моихъ дѣйствіяхъ, и предположенія другихъ часто съ виду казались лучше, а мои на дѣлѣ вѣрнѣе. Кромѣ того могутъ заподозрить меня въ желаніи унизить изъ

зависти со дня на день растущую славу нашего доблестнаго консула. Но если отъ этого подозрѣнія не могутъ еще служить мнѣ достаточною защитою ни прошлая жизнь моя, ни мой всѣмъ извѣстный характеръ, ни диктатура съ пятью консульствами и столько славы, пріобрѣтенной и въ мирной и въ военной дѣятельности, что скорѣе во мнѣ можетъ явиться пресыщеніе ея, чѣмъ желаніе домогаться большей. Какое можетъ быть у меня соревнованіе съ человѣкомъ, который даже сына моего моложе годами? Когда я былъ диктаторомъ въ полномъ цвѣтѣ силъ моихъ, и въ самомъ кругу важной дѣятельности, и, по жалобѣ на меня моего предводителя всадниковъ, власть его сравнили съ моею—чего прежде никогда не было, слышалъ ли кто нибудь меня протестующимъ противъ этого передъ сенатомъ или передъ народомъ? Не предпочелъ ли я поступками, а не словами сдѣлать такъ, что человѣкъ, сужденіемъ другихъ сравненный со мною, самъ призналъ мое передъ нимъ превосходство? Тѣмъ менѣе можно ожидать того, чтобы я, увѣнчанный почестями, сталъ бы вступать въ состязаніе, въ борьбу съ цвѣтущимъ юношею: не стану я, утомленный уже самою жизнью, а не только дѣятельностью, добиваться, чтобы вы, отказавъ Сципіону дать участкомъ Африку, назначили ее мнѣ. Довольно для меня жить и умереть съ тою славою, которую я имѣю. Я и допустилъ Аннибала—одержать рѣшительную побѣду, и тѣмъ далъ возможность вамъ, находящимся во цвѣтѣ лѣтъ, побѣдить самого Аннибала.

41. Конечно, П. Корнелій, ты мнѣ долженъ простить, если я и относительно себя всегда ставилъ выше общее благо, чѣмъ одобреніе людей, и твою славу не могу поставить выше требованій пользы общественной. Не будь вовсе войны въ Италіи или будь здѣсь врагъ, побѣда надъ которымъ не могла бы доставить славы, тогда тотъ, кто сталъ бы удерживать тебя, П. Сципіонъ, въ Италіи, хотя бы и по требованіямъ общаго блага, вмѣстѣ съ войною, повидимому, отнималъ бы у тебя средство къ славѣ. Но врагъ нашъ Аннибалъ; съ войскомъ еще цѣлымъ въ четырнадцатый годъ держитъ Италію въ осадномъ положеніи. Неужели съ тебя, П. Корнелій, недостаточно будетъ той славы, когда ты, будучи консуломъ, выгонишь изъ Италіи того

непріятеля, который былъ причиною столькихъ пораженій нашихъ и потерь, и когда тебѣ будетъ принадлежать слава окончанія теперешней Пунической войны такая же, какую К. Лутацій пріобрѣлъ, приведши къ окончанію первую Пуническую войну. Но, можетъ быть, Амилькаръ, какъ вождь, выше стоялъ Аннибала, или та война важнѣе этой, или та побѣда славнѣе и значительнѣе могущей быть теперь, если только мы побѣдимъ, имѣя тебя консуломъ? Ты предпочелъ бы лучше отбить Амилькара отъ Дрепанъ и Ерика, чѣмъ выгнать изъ Италіи Карѳагенянъ и Аннибала? Неужели ты, предпочитая готовую славу ожидаемой, поставишь освобожденіе Испаніи отъ враговъ выше освобожденія Италіи. Аннибалъ еще стоитъ такъ высоко, что тотъ, кто сталъ бы искать другой войны по мимо войны съ нимъ, скорѣе обнаружитъ свою робость, чѣмъ пренебреженіе къ врагу. Почему не дѣйствовать тебѣ прямо, не прибѣгая къ такимъ обходамъ? Ты надѣешься, что, вслѣдъ за переходомъ твоимъ въ Африку, и Аннибалъ пойдетъ туда же, почему же не идти тебѣ войною прямо туда, гдѣ находится Аннибалъ? Ты добиваешься безсмертной славы приведенія къ концу этой войны Пунической?—Но самый голосъ природы велитъ прежде защитить свое собственное, и только тогда уже нападать на чужое. Пусть же прежде, чѣмъ загорится война въ Африкѣ, водворится миръ въ Италіи! Прежде чѣмъ другимъ причинять опасенія, освободимся отъ нихъ сами. Если ты надѣешься твоимъ счастіемъ и твоею дѣятельностью достигнуть того и другаго, то здѣсь побѣди Аннибала, а тамъ возьми Карѳагенъ. Но если которая нибудь изъ этихъ двухъ побѣдъ должна оставаться для послѣдующихъ консуловъ, то конечно первая многозначительнѣе и славнѣе, и она условитъ вторую.

Сообрази и то, что казны общественной недостанетъ на содержаніе двухъ армій, одной въ Италіи, другой въ Африкѣ. У насъ болѣе не осталось источниковъ ни содержать флотъ, ни доставлять провіантъ. Нельзя не видѣть опасности такого поступка: П. Лициній будетъ вести войну въ Италіи, а П. Сципіонъ въ Африкѣ. Если—но боги пусть отвратятъ самое предчувствіе о томъ, о чемъ мысль даже страшна, но вѣдь то, что

уже было, можетъ повториться еще разъ—если Аннибалъ побѣдителемъ двинется къ нашему городу, то какъ мы тогда вызовемъ тебя консула изъ Африки по примѣру того, какъ отозвали К. Фульвія отъ Капуи? Да притомъ, и въ Африкѣ участь войны въ рукахъ судьбы: доказательство можешь ты найдти въ самомъ семействѣ твоемъ; припомни, что отецъ твой и дядя, стяжавши великими подвигами, совершенными на сушѣ и на морѣ, между народами чужеземными, большую славу и народу Римскому и своему дому, погибли въ продолженіи тридцати дней со всѣми войсками. Времени мнѣ недостанетъ, если я примусь исчислять имена царей и полководцевъ, которые, съ большими и для себя, и для войскъ своихъ потерями, вздумали внести войну въ землю непріятельскую. Аѳиняне, народъ столь просвѣщенный, вмѣсто того, чтобы вести войну у себя дома, отправили большой флотъ въ Сицилію, ввѣривъ его начальству молодаго человѣка, знатнаго родомъ и весьма дѣятельнаго; одного неудачнаго морскаго сраженія достаточно было для того, чтобы цвѣтущія дотолѣ дѣла Аѳинянъ пришли навсегда въ упадокъ.

42. Но я привожу на память примѣры намъ чуждые, и слишкомъ отдаленные; доказательствомъ же моихъ словъ можетъ служить эта самая Африка, и М. Атилій, блистательный примѣръ переходовъ счастія. Да и какъ бы тебѣ самому, П. Корнелій, когда передъ тобою откроются берега Африки, не показались твои Испаніи забавою и игрушкою, въ сравненіи съ этою страною? Что же онѣ представляютъ между собою общаго? По, вполнѣ безопаснымъ отъ непріятеля, водамъ моря ты шелъ съ флотомъ вдоль береговъ Италіи и Галліи, и присталъ въ Эмпоріяхъ, союзномъ городѣ. Высадивъ воиновъ на берегъ, ты, по совершенно безопаснымъ мѣстамъ, повелъ ихъ въ Тарракону къ союзникамъ и друзьямъ народа Римскаго. Далѣе отъ Тарраконы ты шелъ съ одного вооруженнаго Римскаго поста на другой. У береговъ Ибра, нашелъ ты войска твоего отца и дѣда, вслѣдствіе потери вождей и потерпѣнныхъ несчастій, сдѣлавшіяся только отчаяннѣе. Вождь Марцій, хотя въ самыхъ крайнихъ обстоятельствахъ, согласно съ ихъ требованіемъ, выбранный голосами воиновъ, познаніемъ военнаго искусства, во всѣхъ его ча-

стяхъ, можетъ стать наравнѣ съ самыми знаменитыми полководцами, и ему недоставало для этого только благородства происхожденія, и законности почестей. Кароагенъ занятъ по непостижимой безпечности непріятелей; изъ трехъ непріятельскихъ армій, ни одна не поспѣшила на его защиту. Да и все прочее изъ твоихъ дѣйствій, Сципіонъ — далека отъ меня мысль, унижать ихъ—никакъ не можетъ идти въ сравненіе съ войною въ Африкѣ, гдѣ нѣтъ ни одного порта, открытаго для флотовъ нашихъ, ни земель для насъ мирныхъ, ни союзныхъ городовъ, ни одного дружественнаго царя, ни вѣрнаго мѣста, гдѣ бы остановиться и гдѣ бы начать дѣйствовать. Куда ни обратимъ взоры, вездѣ все непріязненное и враждебное. Можетъ быть ты надѣешься на Сифакса и Нумидовъ? Но довольно разъ имъ повѣрить, не всегда самонадѣянность обходится счастливо. Нерѣдко коварство съ умысломъ старается снискать довѣріе, точностью исполненія вещей ничтожныхъ для того, чтобы въ послѣдствіи обмануть еще лучше. Твой отецъ и дядя погибли жертвою коварства, не столько враговъ, сколько Цельтиберовъ, народа дружественнаго. Да и тебѣ самому не столько опасны были Магонъ и Аздрубалъ, непріятельскіе вожди, сколько Индебилисъ и Мандонисъ, послѣ принятыхъ отъ нихъ клятвенныхъ обѣщаній вѣрности. Неужели ты можешь полагаться на Нумидовъ, испытавъ непостоянство твоихъ собственныхъ воиновъ? Конечно, и Сифаксъ и Массинисса, желаютъ быть въ Африкѣ могущественнѣе Кароагенянъ, но все таки господство Кароагенянъ, они предпочитаютъ всякому другому. Теперь, когда нѣтъ опасеній извнѣ, ссорятся они и воюютъ, вслѣдствіе соревнованія и другихъ причинъ; но покажи имъ Римское оружіе и войско чужестранное, и они сбѣгутся всѣ вмѣстѣ, какъ бы на утушеніе общаго пожара. Конечно, тѣже самые Кароагеняне не такъ защищали Испанію, какъ они будутъ оборонять стѣны отечества, храмы боговъ, жертвенники и очаги домашніе, когда за ними, идущими на бой, послѣдуетъ жена въ сопровожденіи маленькихъ дѣтей. Но что будетъ, если Кароагеняне, увѣренные въ сочувствіи Африки, полагаясь на вѣрность союзныхъ царей, на крѣпость стѣнъ своихъ, видя Италію беззащитною, вслѣдствіе удаленія тебя и твоего войска, или сами

отправятъ новое войско въ Италію, изъ Африки, или прикажутъ Магону, который, какъ достовѣрно извѣстно, оставивъ Балеарскіе острова, вдоль береговъ Лигуріи и Альпинскихъ, плыветъ съ флотомъ,—соединиться съ Аннибаломъ? Мы испытаемъ снова тотъ же ужасъ, въ какомъ мы были недавно, когда Аздрубалъ появился въ Италіи. Его то ты, собираясь войскомъ своимъ блокировать Кароагенъ и всю Африку, выпустилъ изъ рукъ и далъ ему возможность проникнуть въ Италію. Ты скажешь, что онъ былъ побѣжденъ тобою: такого признанія, съ твоей же стороны, всего менѣе хотѣлъ бы я для твоей болѣе чести, чѣмъ въ виду общественнаго дѣла—что ты побѣжденнаго непріятеля впустилъ въ Италію. Но ясно для насъ, что все случившееся счастливо для тебя и власти народа Римскаго, мы должны приписать твоему благоразумію; а все неудачное—невѣрнымъ случайностямъ войны и непостоянству судьбы. Но чѣмъ ты лучше и сильнѣе, тѣмъ нужнѣе такого защитника удержать для отечества и всей Италіи. И самъ ты соглашаешься, что тамъ, гдѣ Аннибалъ, тамъ сила и средоточіе этой войны. Ты причиною перехода въ Африку выставляешь то, что ты надѣешься увлечь и Аннибала туда за собою. Не все ли равно для тебя имѣть дѣло съ Аннибаломъ, что здѣсь, что тамъ? Неужели ты будешь одинъ сильнѣе въ Африкѣ, чѣмъ здѣсь, въ соединеніи съ войскомъ твоего товарища? Неужели недавній примѣръ консуловъ Клавдія и Ливія недостаточно еще доказываетъ тебѣ, что не все равно дѣйствовать одному или сообща? Какъ! Неужели Аннибалъ опаснѣе теперь, когда, забившись въ отдаленный уголъ Бруттійской области, онъ тщетно требуетъ отъ родины вспоможенія, чѣмъ когда онъ будетъ вблизи Кароагена и имѣть въ своемъ распоряженіи все, чѣмъ только можетъ располагать Африка, относительно людей и вооруженія? Дѣло твоего разсужденія предпочесть—вести ли войну тамъ, гдѣ твои войска на половину меньше, непріятельскія же много сильнѣе, или тамъ, гдѣ ты съ двумя арміями будешь дѣйствовать противъ непріятеля, утомленнаго долговременною и тяжкою военною дѣятельностью? Сравни твое намѣреніе съ образомъ дѣйствій твоего отца. Онъ былъ назна-

ченъ консуломъ, отправился въ Испанію, но возвратился въ Италію изъ своей провинціи для того, чтобы встрѣтить Аннибала, спускавшагося съ Альпійскихъ вершинъ. А ты, между тѣмъ какъ Аннибалъ находится въ Италіи, приготовляешься покинуть Италію, не потому, чтобы этого требовала общая польза, но потому, что того требуетъ, по твоему убѣжденію, твое честолюбіе и твоя слава. Ты уже безо всякаго законнаго распоряженія, безъ сенатскаго декрета, оставилъ и провинцію твою и войско; ты, полководецъ народа Римскаго, ввѣрилъ двумъ судамъ и судьбу государства и величіе власти—то и другое въ то время совмѣщались на твоей головѣ. Мое мнѣніе таково: П. Корнелій выбранъ консуломъ не для себя, но для общественнаго дѣла и всѣхъ насъ; войска же наши набраны для обереженія города и Италіи, а не для того, чтобы консулы, по указанію своего честолюбія, могли, подражая царямъ самовластнымъ, предавать ихъ на убіеніе, въ отдаленныхъ краяхъ земли.»

43. Такою рѣчью, столь приноровленною къ обстоятельствамъ времени, а еще болѣе своимъ вліяніемъ и славою своей многолѣтней опытности, Фабій увлекъ за собою большую часть сенаторовъ, особенно старѣйшихъ лѣтами. Большая часть ихъ предпочитали превозносить похвалами благоразумный совѣтъ старика, чѣмъ рвеніе пылкаго молодаго человѣка.

Сципіонъ съ своей стороны, какъ говорятъ, сказалъ слѣдующее: «Почтенные сенаторы, самъ К. Фабій въ началѣ своей рѣчи высказалъ опасеніе, что его можно заподозрить въ желаніи унизить меня. *Я* съ своей стороны, никогда не дерзнулъ бы обнаружить такое подозрѣніе къ столь великому человѣку; но это подозрѣніе остается въ рѣчи Фабія, не знаю въ ошибкѣ ли изложенія, или въ сущности самаго дѣла. Онъ, стараясь удалить всякое подозрѣніе въ зависти, превознесъ въ своей рѣчи почести, имъ полученныя и славу его подвиговъ, какъ будто и для меня самаго болѣе опасности въ томъ, какъ бы кто нибудь ниже меня не старался сравниться со мною, а не въ томъ, чтобы тотъ, кто превосходитъ другихъ, старался бы унизить меня и подавить во мнѣ это стремленіе, которое я признаю въ себѣ сравниться съ нимъ. Такъ Фабій не преминулъ выставить себя старикомъ уже отжившимъ, а меня молодымъ человѣкомъ, даже въ сравненіи съ его сыномъ, какъ будто бы стремленіе къ славѣ не переходитъ за тѣсные предѣлы жизни человѣка, и какъ будто самое главное въ стремленіи славы не заключается именно въ желаніи жить въ потомствѣ. Я убѣжденъ, что каждому великому человѣку, свойственна забота стать на равнѣ со всѣми знаменитыми людьми, не только ему современными, но и всѣхъ вѣковъ прежнихъ. А потому, К. Фабій, не хочу я скрывать, что не только я хотѣлъ бы сравниться съ твоею славою, но даже, съ твоего позволенія, буду домогаться превзойдти ее. Пусть и отъ тебя въ отношеніи ко мнѣ, и отъ меня въ отношеніи къ тѣмъ, которые лѣтами еще моложе меня, далека будетъ мысль не допускать никого стать наравнѣ съ вами. Такимъ образомъ, мы причинили бы вредъ не только тѣмъ, которые сдѣлались предметомъ нашей зависти, но, главное, дѣлу общему, да и всему роду человѣческому. Фабій упомянулъ, какой опасности я подвергнусь съ переходомъ въ Африку, и такимъ образомъ показалъ повидимому заботливость не только о дѣлѣ общественномъ и войскѣ, но и обо мнѣ собственно. Но откуда вдругъ явилась въ Фабіѣ такая обо мнѣ заботливость? Было время, когда отецъ и дядя мой были убиты, обѣ арміи ихъ истреблены почти совершенно, Испаніи почти утрачены, когда въ нихъ страхомъ оружія господствовали повсюду четыре войска Карѳагенскихъ и четыре ихъ полководца. Тогда искали вождя для этой войны и никого не явилось, кромѣ меня, никто не осмѣлился вызваться на это мѣсто, и 24 года было мнѣ отъ роду, когда народъ Римскій ввѣрилъ мнѣ главное начальство. Почему тогда никто не напоминалъ мнѣ мои лѣта, силы непріятелей, опасности войны, недавнюю гибель отца и дѣда? Развѣ теперь понесли мы въ Африкѣ уронъ чувствительнѣе того, который тогда въ Испаніи? Или, можетъ быть, непріятель имѣетъ теперь въ Африкѣ войска сильнѣе, и полководцевъ больше числомъ, и превосходнѣе воинскими талантами? Или возрастъ мой былъ тогда зрѣлѣе для веденія войны, чѣмъ теперь? Или, можетъ быть, вести войну съ Карѳагенянами удобнѣе въ Испаніи, чѣмъ въ Африкѣ? Теперь, когда разбиты и разсѣяны четыре арміи Карѳагенскихъ, когда столько городовъ частію взято силою, частію страхомъ, приве-

дены въ покорность, когда все, до предѣловъ Океана, подчинено власти вашей—столько царей, столько народовъ дикихъ, когда вся Испанія сдѣлана вашею провинціею такъ, что въ ней не осталось и слѣда войны, теперь, повторяю, легко унижать всѣ мои дѣйствія, также легко по истинѣ, какъ легко будетъ, если я возвращусь побѣдителемъ изъ Африки, выставлять легкимъ и ничтожнымъ все то, что теперь выставляютъ въ такомъ ужасномъ видѣ, для того только, чтобы удержать меня.

Фабій говоритъ, что нѣтъ въ Африку доступа, что нѣтъ въ ней для насъ готовыхъ пристаней; онъ припоминаетъ, какъ М. Атилій захваченъ въ плѣнъ въ Африкѣ, какъ будто бы М. Атилій при первомъ вступленіи въ Африку, наткнулся на неудачу. За чѣмъ же не упоминаетъ Фабій того, что и для столь несчастнаго вождя, какъ Атилій, доступны были Африканскіе порты, что первый годъ онъ дѣйствовалъ очень удачно и до конца остался непобѣдимъ, относительно Кароагенскихъ полководцевъ по крайней мѣрѣ? А потому тщетно будешь ты стращать меня примѣромъ М. Атилія. Да если бы даже въ эту войну, а не въ прежнюю, если бы теперь, а не пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, мы потерпѣли это пораженіе, то все же я не понимаю, почему взятіе Регула въ плѣнъ можетъ удержать меня отъ перехода въ Африку, когда гибель Сципіоновъ не служила препятствіемъ къ переходу въ Испанію? Не допущу я, чтобы рожденіе Ксантиппа Лакедемонца было для Кароагена болѣе счастливымъ обстоятельствомъ, чѣмъ мое рожденіе для моего отечества. Довѣріе во мнѣ ко мнѣ самому ростетъ по мѣрѣ того, какъ я убѣждаюсь въ томъ, сколь много значитъ доблесть одного человѣка!

Но намъ приводятъ на память самихъ Аоинянъ, какъ они не благоразумно перенесли войну въ Сицилію, не заботясь о той, которая имъ угрожала дома.... Но почему же, если у насъ довольно времени повторять довольно сомнительные разсказы Грековъ, лучше не укажешь ты намъ на Агафокла, Сиракузскаго царя, который, видя, что Сицилія опустошается долго Кароагенскою войною, переправился въ Африку и отвлекъ ее туда?

44. Но какъ важно съ своей стороны причинить ужасъ непріятелю и, отвративъ опасность отъ себя, отбросить ее на другаго, нужно ли приводить примѣры старинные и чужеземные? Я думаю большая разница—чужія ли опустошать земли, или видѣть свои жертвою опустошенія? У того, кто дѣйствуетъ наступательно, болѣе смѣлости, болѣе увѣренности въ себѣ, чѣмъ въ томъ, кто отражаетъ отъ себя нападеніе. Притомъ, самая неизвѣстность часто бываетъ причиною безотчетныхъ опасеній. Проникнувъ въ предѣлы непріятельскіе, лучше можно видѣть вблизи его и сильную, и слабую сторону. Аннибалъ врядъ ли расчитывалъ заранѣе, что къ нему перейдетъ столько народовъ Италіи, сколько перешло послѣ Каннскаго побоища. Тѣмъ менѣе есть что нибудь прочное и вѣрное для Кароагенянъ, союзниковъ вѣроломныхъ, тяжелыхъ и надмѣнныхъ повелителей. Мы, и будучи оставлены союзниками, устояли собственными силами, войсками Римскими. Сила же Кароагенянъ всего менѣе заключается въ ихъ народѣ; у нихъ всѣ воины—наемники изъ Афровъ и Нумидовъ, которыхъ умы, при малѣйшемъ поводѣ, готовы къ измѣнѣ. Лишь бы здѣсь не было задержанія; а то, вмѣстѣ съ извѣстіемъ о моемъ переходѣ въ Африку, услышите, что вся она объята пламенемъ войны, что Аннибалъ спѣшитъ туда, и что Кароагенъ въ осадѣ. Готовьтесь получать пріятныхъ вѣстей побольше и почаще изъ Африки, чѣмъ изъ Испаніи. Надежду эту вселяютъ въ меня—увѣренность въ счастіи народа Римскаго, боги свидѣтели нарушеннаго непріятелемъ союзнаго договора, цари Сифаксъ и Масинисса; въ вѣрности послѣднихъ я такъ убѣжденъ, что всякое опасеніе измѣны съ ихъ стороны мнѣ чуждо. Война откроетъ многое, чего теперь предвидѣть еще нельзя. Человѣку вообще, а полководцу по преимуществу, слѣдуетъ — умѣть пользоваться счастіемъ, и самыя случайности обращать себѣ въ пользу.

К. Фабій, я буду имѣть дѣло съ Аннибаломъ, какъ ты желаешь; но предпочитаю его увлечь за собою, чѣмъ оставаться для него здѣсь. Я заставлю его вступить въ бой со мною на его родинѣ, и добычею побѣды будетъ Кароагенъ, а не полуразрушенныя крѣпостцы Бруттійцевъ. А пока я переправлюсь въ Африку, пока высажу туда войско, пока придвину мой лагерь къ стѣнамъ Кароагена, отечество не потерпитъ здѣсь урона, и что ты

былъ въ состояніи сдѣлать тогда, когда Аннибалъ побѣдителемъ разгуливалъ по всей Италіи, почему теперь отказать въ томъ, относительно Аннибала уже разстроеннаго и почти сломленнаго, доблестному мужу, консулу П. Лицинію? Сомнѣніе даже въ этомъ будетъ для него незаслуженною обидою. Ему только потому не дали жеребья дальней провинціи, что ему, какъ великому первосвященнику, нельзя отлучиться отъ святыни. А потому, если бы даже война и не окончилась такъ скоро, какъ я предполагаю, то я считалъ бы все таки соотвѣтствующимъ достоинству народа Римскаго, и славѣ его у царей и народовъ иноземныхъ, показать имъ, что у насъ довольно силъ и смѣлости не только защитить Италію, но и внести войну въ Африку. Не хорошо, если распространится убѣжденіе, что ни одинъ изъ вождей Римскихъ не дерзнулъ совершить того, на что достало смѣлости у Аннибала. Въ первую Карѳагенскую войну, когда шла борьба о Сициліи, Африка не разъ была предметомъ нападенія нашихъ и войскъ и флотовъ; а теперь, когда рѣшается судьба Италіи, Африка будетъ ли находиться въ мирѣ? Пусть же отдохнетъ нѣсколько Италія, столь долго тревожимая, пусть Африка въ свою очередь сдѣлается добычею пламени и опустошенія! Пусть лучше Римскій лагерь стоитъ у вратъ Карѳагена, чѣмъ намъ снова увидѣть съ нашихъ стѣнъ окопы непріятельскіе! Пусть Африка на остальное время войны будетъ ея сценою! Да обратятся туда—ужасъ и бѣгство, опустошеніе полей, измѣна союзниковъ и прочія бѣдствія войны, которыя обрушились на насъ въ продолженіи послѣднихъ четырнадцати лѣтъ!

Но довольно сказалъ я о требованіяхъ общественнаго блага, о войнѣ, предстоящей намъ, и о провинціяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Не хочу я васъ томить длинною рѣчью, и не буду стараться подражать Фабію въ его желаніи унизить мои дѣйствія въ Испаніи; не стану я ни уменьшать славу его, ни превозносить свою. Ни того, ни другаго не сдѣлаю я, сенаторы почтенные; если не другимъ чѣмъ, то умѣренностью и воздержностью языка, пусть молодой человѣкъ превзойдетъ старика! Такъ я живу и дѣйствую, что для меня довольно вашего безмолвнаго мнѣнія,

которое вы сами въ себѣ составили обо мнѣ въ умахъ вашихъ, независимо отъ постороннихъ вліяній».

45. Сципіона выслушали сенаторы не очень ласково; носился слухъ, что онъ, въ случаѣ, если бы сенатъ не далъ ему, согласно его желанію, провинцію Африку, хотѣлъ тотчасъ аппеллировать къ народу. Вслѣдствіе этого, К. Фульвій, который былъ четыре раза консуломъ, потребовалъ отъ консула, чтобы тотъ откровенно сказалъ сенату: позволитъ ли онъ ему рѣшить вопросъ о провинціяхъ, и удовольствуется ли постановленіемъ сената, или будетъ жаловаться народу? Сципіонъ отвѣчалъ, что онъ поступитъ такъ, какъ ему велитъ общественное благо; тогда Фульвій: «я спросилъ тебя, зная впередъ, что ты скажешь и какъ ты станешь дѣйствовать. Ты ясно показываешь, что только испытываешь сенатъ, а не о мнѣніи его спрашиваешь; если мы тебѣ не назначимъ той провинціи, которую ты желаешь, то, я знаю, у тебя уже готово прошеніе къ народу. А потому — такъ продолжалъ Фульвій — обращаюсь къ вамъ, трибуны народные, и требую, чтобы вы поддержали меня, такъ какъ я не выскажу своего мнѣнія потому, что, если бы его и принялъ сенатъ, то я убѣжденъ, что консулъ не обратитъ на него вниманія». Произошелъ споръ: консулъ говорилъ, что несправедливо будетъ трибунамъ, своимъ вмѣшательствомъ, препятствовать сенаторамъ высказывать мнѣніе по очереди, когда до каждаго изъ нихъ оно дойдетъ. Трибуны опредѣлили такъ: «если консулъ предоставитъ сенату окончательное рѣшеніе вопроса о провинціяхъ, то мы полагаемъ удовольствоваться сенатскимъ опредѣленіемъ на этотъ предметъ, и не допустимъ перенести это дѣло къ народу. Если же консулъ не согласится на это, то мы будемъ поддерживать каждаго, кто откажется высказать свое мнѣніе». Консулъ просилъ день сроку для того, чтобы переговорить съ товарищемъ; на другой день сенату предоставлено окончательное рѣшеніе вопроса о провинціяхъ. Онѣ распредѣлены такъ: одному консулу— Сицилія съ тѣми тридцатью кораблями, которые въ прошломъ году находились подъ командою К. Сервилія, и консулу позволено отправиться въ Африку, буде найдетъ это согласнымъ съ требованіями общественнаго блага. Другому консулу назначена

земля Бруттіевъ, и военныя дѣйствія противъ Аннибала съ тѣмъ войскомъ, которымъ начальствовали Л. Ветурій или К. Цецилій. Эти послѣдніе должны были или согласиться между собою, или рѣшить жеребьемъ, кому вести войну въ землѣ Бруттіевъ съ двумя легіонами, которые будутъ оставлены консуломъ; на годъ продолжена власть тому изъ нихъ, кому достанется провинція. Кромѣ консуловъ и преторовъ, всѣмъ прочимъ лицамъ, которымъ предоставлено начальство надъ войсками и провинціями, продолжена власть. К. Цецилію досталось по жеребью—вмѣстѣ съ консуломъ, вести войну противъ Аннибала въ землѣ Бруттіевъ.

Потомъ отпразднованы игры Сципіоновы при большомъ стеченіи зрителей, и къ большому ихъ удовольствію. Отправлены въ Дельфы послы, отнесть даръ изъ добычи Аздрубаловой—М. Помпоній Матонъ и К. Катій; они понесли съ собою вѣнокъ золотой въ 200 фунтовъ и, сдѣланные, изъ серебра образцы непріятельскаго оружія, всего вѣсомъ въ тысячу фунтовъ серебра.

Сципіонъ не выхлопоталъ себѣ дозволенія производить наборъ, да и не слишкомъ настаивалъ на томъ; удовольствовался онъ позволеніемъ набрать волонтеровъ. Такъ какъ Сципіонъ говорилъ, что выстроитъ флотъ такъ, что онъ не будетъ ничего стоить общественной казнѣ, то онъ и ограничился добровольными приношеніями союзниковъ на построеніе новыхъ судовъ. Народы Этруріи вызвались первые помочь консулу, каждый соразмѣрно съ своими средствами: Цериты обѣщались приготовить провіанта, и всякаго рода запасы для экипажей судовъ. Жители Популонія взялись поставить желѣзо, Тарквинійцы холстину на паруса, Волатеранцы—обмазку судовъ, и пшеницу. Арретины обѣщались заготовить три тысячи щитовъ, столько же шлемовъ, дротиковъ, и копьевъ длинныхъ и короткихъ, каждаго сорта по пятидесяти тысячь; сѣкиръ, лопатъ, косъ, жолобьевъ и мельницъ столько, сколько потребно на сорокъ длинныхъ судовъ, пшеницы сто двадцать тысячь мѣръ, и сверхъ того они брали на себя путевыя издержки для десятскихъ и гребцовъ. Перузины, Клузины и Рузелланы обѣщались поставить сосновыхъ деревьевъ для постройки судовъ, и большое количество пшеницы. Но сосновое дерево для постройки судовъ Сципіонъ взялъ изъ лѣсовъ, принадлежавшихъ государству. Народы Умбріи, да сверхъ того Нурсины, Реатины, Амитернины, и вся область Сабинская, обѣщались выставить воиновъ. Многіе изъ Марсовъ, Пелигновъ и Маррупиновъ записались добровольно служить на Римскомъ флотѣ. Камерты, хотя и были въ союзѣ съ Римлянами, какъ равные съ равными, прислали вооруженную когорту изъ шести сотъ человѣкъ. Заложены днища тридцати судовъ, двадцати о пяти рядахъ веселъ, и десяти о четырехъ. Сципіонъ своимъ личнымъ наблюденіемъ такъ ускорялъ работы, что на сорокъ пятый день послѣ того, какъ лѣсной матеріалъ доставленъ съ мѣста отправки, суда были спущены на воду, совсѣмъ готовыя и вооруженныя.

46. Сципіонъ отправился въ Сицилію на тридцати судахъ, посадивъ на нихъ около семи тысячь волонтеровъ. П. Лициній прибылъ въ Бруттій къ двумъ бывшимъ консульскимъ войскамъ; онъ взялъ себѣ то, которое было подъ начальствомъ консула Л. Ветурія. Метеллу онъ предоставилъ тѣ легіоны, которые уже прежде были подъ его начальствомъ, въ томъ убѣжденіи, что для него лучше будетъ дѣйствовать съ тѣми воинами, къ которымъ онъ привыкъ. Преторы также отправились каждый въ свою провинцію. По недостатку денегъ на военныя издержки, квесторамъ (казначеямъ общественнымъ) велѣно продать часть Кампанскаго поля, которая отъ Греческаго рва обращена къ морю, и вмѣстѣ съ тѣмъ поручено имъ произвести изслѣдованіе объ участкахъ, принадлежавшихъ гражданамъ Кампанскимъ, для обращенія ихъ въ собственность народа Римскаго. Тѣмъ лицамъ которые сдѣлаютъ показаніе, обѣщана десятая часть той денежной суммы, которой будетъ стоить указанный ими участокъ. Кн. Сервилію, городскому претору, поручено наблюдать за тѣмъ, чтобы Кампанскіе граждане жили тамъ, гдѣ кому опредѣлено сенатскимъ декретомъ, и предоставлено право наказанія тѣхъ, которые будутъ жить не въ назначенныхъ имъ мѣстахъ.

Въ тоже лѣто Магонъ, сынъ Гамилькара, набравъ молодыхъ людей съ меньшаго Балеарскаго острова, гдѣ онъ провелъ зиму, посадилъ ихъ на суда, и переправился въ Италію съ 12 тыся-

чами пѣхоты и двумя конницы на тридцати большихъ судахъ, и на большомъ количествѣ транспортныхъ. По прибытіи въ Италію, Магонъ овладѣлъ врасплохъ Генуею, гдѣ берега морскіе не были оберегаемы никакими отрядами. Оттуда присталъ онъ съ флотомъ къ берегамъ, гдѣ жили Лигуры Альпинскіе, расчитывая произвести между ними какое либо движеніе. Ингавны — такъ называется это племя Лигуровъ—вели въ то время войну съ Епантерійскими горцами. Вслѣдствіе этого, Кареагенскій вождь, сложивъ добычу въ Савонѣ, городѣ Альпинскомъ, оставилъ для ея прикрытія десять длинныхъ судовъ, остальныя отправилъ въ Кареагенъ для защиты береговъ Африки, вслѣдствіе распространившагося слуха о предполагаемомъ туда движеніи Сципіона; а самъ, заключивъ союзъ съ Ингавнами, которыхъ расположенія онъ искалъ, предпринялъ нападеніе на горцевъ. Войско Магона увеличивалось со дня на день, такъ какъ Галлы стекались отовсюду на слухъ имени Магона. Сенатъ, получивъ объ этомъ извѣстіе въ донесеніи Сп. Лукреція, сильно встревожился опасеніемъ, какъ бы не преждевременна была радость о гибели Аздрубала съ его арміею два года тому назадъ, въ случаѣ возникновенія, съ той же стороны, такой же войны только съ другимъ вождемъ непріятельскимъ. А потому, сенатъ немедленно отдалъ приказаніе проконсулу М. Ливію, чтобы онъ съ своимъ войскомъ волонтеровъ подвинулся къ Аримину; а претору Кн. Сервилію поручено: если признаетъ то необходимымъ для общаго блага, отправить находившіеся въ городѣ легіоны, назначивъ имъ начальника по его благоусмотрѣнію. М. Валерій Лэвинъ повелъ эти легіоны въ Аррецій.

Въ то же время, Кн. Октавій, начальствовавшій въ Сардиніи, захватилъ у береговъ острова до восьмидесяти Кареагенскихъ транспортныхъ судовъ. Цэлій говоритъ, что они были нагружены пшеницею и провіантомъ, и посланы были къ Аннибалу; а Валерій, что на нихъ находилась добыча Этрусковъ и плѣнные горныхъ Лигуровъ, отправленные въ Кареагенъ. Въ землѣ Бруттіевъ, въ продолженіи этого года, не происходило почти ничего достойнаго упоминанія. Моровая язва свирѣпствовала съ равнымъ вредомъ для Римлянъ и Кареагенянъ; только послѣдніе страдали

не отъ одной болѣзни, но и отъ голоду. Аннибалъ провелъ лѣто у храма Юноны Лацинской, и тамъ построилъ жертвенникъ и освятилъ его, изложивъ на немъ подробно свои подвиги въ рѣзной надписи на языкахъ Кареагенскомъ и Греческомъ.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

1. Сципіонъ, прибывъ въ Сицилію, набранныхъ имъ волонтеровъ, распредѣлилъ по рядамъ и сотнямъ. Но изъ нихъ триста молодыхъ людей, цвѣтущихъ и молодостью и избыткомъ силъ, удержалъ при себѣ безоружныхъ, такъ что тѣ оставались въ совершенной неизвѣстности куда ихъ готовятъ и отъ чего ихъ не росписали по рядамъ и сотнямъ. Тутъ Сципіонъ выбралъ изъ молодежи Сицилійской триста всадниковъ, молодыхъ людей самыхъ знатныхъ и богатыхъ семействъ; онъ назначилъ имъ день, въ который они должны были явиться совсѣмъ готовые на коняхъ и съ оружіемъ въ рукахъ. Тяжка казалась Сицилійцамъ эта служба вдали отъ родины, сопряженная съ большими трудами и опасностями на морѣ и на сушѣ. Забота объ этомъ тревожила не только самыхъ молодыхъ людей, но и ихъ родственниковъ и близкихъ.—Въ назначенный день, юноши Сицилійскіе явились къ Сципіону съ своими конями и оружіемъ. Тогда Сципіонъ сказалъ: дошло до его свѣдѣнія, что нѣкоторые Сицилійскіе всадники смотрятъ съ ужасомъ на предстоящій имъ трудный и тяжкій походъ. Если дѣйствительно они въ такомъ расположеніи духа, то пусть лучше они теперь ему въ томъ признаются, чѣмъ въ послѣдствіи будутъ жаловаться и окажутся воинами недѣятельными и безполезными для общественнаго дѣла. Пусть они выскажутъ откровенно то, что чувствуютъ, а онъ заранѣе обѣщаетъ имъ выслушать ихъ снисходительно. Тогда одинъ дерзнулъ сказать: что если ему предоставляютъ на волю, то онъ предпочитаетъ совсѣмъ не идти на войну. Тогда Сципіонъ: «такъ какъ ты, молодой человѣкъ, не скрылъ то, что чувству-

ешь; то я тебѣ дамъ подставнаго (человѣка, который тебя замѣнитъ); ему ты передай оружіе, коня и все, приготовленное для похода. Его же ты возьми съ собою отсюда домой, и обучишь его обращенію съ конемъ и оружіемъ.» Съ радостью молодой Сициліецъ согласился на это условіе, и принялъ къ себѣ одного изъ трехсотъ волонтеровъ, остававшихся безоружными при Сципіонѣ. Прочіе Сицилійцы, видя, что ихъ товарищъ всадникъ уволенъ Сципіономъ отъ службы весьма милостиво, стали также просить себѣ увольненія и принять за себя подставныхъ. Такимъ образомъ, Сципіонъ имѣлъ, вмѣсто трехсотъ Сицилійскихъ, триста Римскихъ всадниковъ, и притомъ безо всякаго расхода со стороны общественной казны. Сицилійцы позаботились обучить своихъ подставныхъ, потому что имъ объявлено было повелѣніе главнаго вождя, что тотъ, кто не исполнитъ этой обязанности, долженъ будетъ идти въ походъ самъ. По дошедшимъ къ намъ извѣстіямъ, образовавшійся такимъ образомъ, конный отрядъ былъ превосходный, и въ сраженіяхъ оказалъ большія услуги общественному дѣлу.—Потомъ Сципіонъ произвелъ смотръ легіоновъ и выбралъ преимущественно воиновъ, которые служили уже нѣсколько кампаній, а особенное предпочтеніе отдавалъ онъ тѣмъ, которые служили подъ начальствомъ Марцелла. Ихъ Сципіонъ считалъ преимущественно опытными въ военной дисциплинѣ и, вслѣдствіе осады Сиракузъ, свѣдущими въ искусствѣ осады городовъ. Великимъ своимъ духомъ Сципіонъ замышлялъ уже разрушеніе Карѳагена. Затѣмъ Сципіонъ раздѣлилъ войско по городамъ. Сберегая провіантъ, привезенный изъ Италіи, Сципіонъ приказалъ Сицилійскимъ городамъ выставить хлѣба. Починивъ старыя суда, Сципіонъ отправилъ съ ними К. Лелія въ Африку для грабежа; новыя же велѣлъ въ Панормѣ вытащить на берегъ для того, чтобы они зимовали на сухомъ мѣстѣ; это было необходимо вслѣдствіе того, что они на скорую руку были сдѣланы изъ сыраго матеріалу.

Сдѣлавъ всѣ приготовленія, нужныя для войны, Сципіонъ прибылъ въ Сиракузы, еще не совсѣмъ успокоившіеся послѣ большихъ военныхъ потрясеній. Греки просили возвратить имъ вещи, которыя нѣкоторые Итальянцы удерживали также насильственно, какъ завладѣли ими на войнѣ, несмотря на то, что повелѣніемъ сената велѣно отдать ихъ прежнимъ владѣльцамъ. Сципіонъ первою обязанностью своею счелъ поддержать довѣріе къ правительству, а потому частью общимъ приказаніемъ, частью судебными приговорами противъ оказывавшихъ упорство въ сдѣланномъ имъ насиліи, онъ возвратилъ Сиракузянцамъ то, что имъ принадлежало. Такой образъ дѣйствій понравился не только имъ, но всѣмъ народамъ Сициліи, которые тѣмъ усерднѣе оказывали содѣйствіе въ войнѣ.

Тѣмъ же лѣтомъ въ Испаніи началась большая война; виновникомъ ея былъ Индибилисъ, а причиною не иное что, какъ презрѣніе къ другимъ военачальникамъ, развившееся вслѣдствіе удивленія къ особѣ Сципіона. Испанцы полагали, что у Римлянъ остался въ живыхъ только одинъ вождь, а прочіе пали въ борьбѣ съ Аннибаломъ; что, по этой то причинѣ, послѣ гибели Сципіоновъ нѣкого было Римлянамъ послать въ Испанію, кромѣ этого Сципіона, и его же они вызвали оттуда дѣйствовать противъ Аннибала съ тѣхъ поръ, какъ война въ Италіи приняла болѣе серьезный оборотъ. У Римлянъ въ Испаніи если остались вожди, то только по названію; да и войско старое оттуда выведено. Вездѣ господствуетъ смятеніе, какъ въ нестройной толпѣ новонобранцевъ. Никогда не представится подобнаго случая болѣе благопріятнаго для освобожденія Испаніи: до нынѣшняго дня Испанцы служили или Карѳагенянамъ, или Римлянамъ, и не только поочередно тѣмъ и другимъ, но и случалось, что обоимъ народамъ вмѣстѣ. Карѳагеняне прогнаны Римлянами. Испанцы, если станутъ дѣйствовать единодушно, могутъ прогнать Римлянъ, и тогда Испанія, освободившисьото всякаго чужеземнаго господства, навсегда возвратится подъ сѣнь прародительскихъ обычаевъ и установленій. Говоря какъ эти рѣчи, такъ и другія въ томъ же духѣ, Индебилисъ возмутилъ не только своихъ соотечественниковъ, но и Авзетанъ, народъ сосѣдственный; а затѣмъ поднялись и другіе народы, смежные съ Илергетами и Авзетанами. Такимъ образомъ, въ продолженіи немногихъ дней, явились на Седетанское поле, куда назначенъ былъ сборъ, тридцать тысячь пѣшихъ, и около четырехъ тысячь конныхъ воиновъ.

2. Римскіе полководцы, Л. Лентуллъ и Л. Манлій Ацидинъ, для того, чтобы не дать небреженіемъ съ перваго разу разлиться пламени возстанія, соединили и сами свои войска. Они повели ихъ по непріятельской области такъ мирно, какъ будто по дружественной странѣ, и пришли къ тому мѣсту, гдѣ находились непріятели. Римляне расположились лагеремъ разстояніемъ отъ непріятельскаго въ трехъ миляхъ. Спачала сдѣлана была черезъ посредство пословъ тщетная попытка склонить непріятеля отложить оружіе. Потомъ, когда Испанская конница сдѣлала нечаянное нападеніе на Римлянъ, отправившихся за фуражемъ, то произошла схватка, которой исходъ не былъ замѣчателенъ ни для той, ни для другой стороны. На другой день, на восходѣ солнца, непріятели въ полномъ вооруженіи выступили въ поле, и стали въ боевомъ порядкѣ, на разстояніи почти тысячи шаговъ отъ лагеря Римскаго. Въ серединѣ находились Авзетаны; правое крыло занимали Илергеты, а лѣвое другіе, менѣе замѣчательные, народы Испаніи. Между крыльями и центромъ, непріятель оставилъ довольно значительные промежутки, въ которые онъ намѣревался пустить конницу, когда прійдетъ время. Римляне расположили войско, согласно принятому у нихъ обычаю; но только послѣдовали примѣру непріятеля въ томъ, что сами оставили между легіонами промежутки для дѣйствія конницею. Лентулъ понялъ, что конница принесетъ пользу только той сторонѣ, которая первая пуститъ всадниковъ въ промежутки боеваго фронта, находящіеся у непріятеля; а потому, Лентулъ отдаетъ приказаніе военному трибуну, Сек. Корнелію пустить всадниковъ въ промежутки боеваго фронта непріятельскаго. А самъ, при начавшемся довольно неблагопріятно для Римлянъ, сраженіи пѣхоты, оставался тамъ, пока, въ подкрѣпленіе отступавшаго двенадцатаго легіона, стоявшаго на лѣвомъ крылѣ противъ Илергетовъ, вывелъ изъ резерва въ первую линію тринадцатый легіонъ. Уравновѣсивъ бой въ этомъ мѣстѣ, Лентулъ отправился къ Манлію, котораго онъ засталъ въ первыхъ рядахъ убѣждающимъ воиновъ, и приводящимъ подкрѣпленія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предстояла надобность. Лентулъ говоритъ Манлію, что на лѣвомъ крылѣ нѣтъ болѣе опасности, что уже онъ отправилъ Сервія Корнелія съ порученіемъ

напустить на непріятеля конницу. Едва онъ успѣлъ это сказать, какъ Римскіе всадники, ворвавшись въ середину рядовъ непріятельскихъ, произвели замѣшательство въ пѣхотѣ, и вмѣстѣ для конницы Испанской заградили пути, по которымъ она могла пустить своихъ коней. А потому, оставивъ мысль сражаться на коняхъ, Испанцы должны были довольствоваться тѣмъ, что сражались пѣшіе. Римскіе вожди, видя, что замѣшательство господствуетъ въ рядахъ непріятельскихъ, замѣчая смятеніе, страхъ и колебаніе значковъ, стали убѣждать и просить воиновъ, чтобы они тѣснили пораженныхъ, и не давали бы имъ возможности построить снова ряды. Дикари не выдержали бы столь сильнаго напора, если бы самъ царекъ ихъ, Индибилисъ, не бросился съ спѣшившимися всадниками на встрѣчу первыхъ рядовъ Римскихъ. Тутъ нѣкоторое время продолжалась самая упорная борьба. Но когда тѣ, которые сражались около царя, сначала полумертваго, а потомъ копьемъ пригвожденнаго къ землѣ, погибли подъ градомъ стрѣлъ; тогда непріятель на разныхъ пунктахъ бросился бѣжать, теряя много убитыми вслѣдствіе того, что всадникамъ нѣкогда было сѣсть на коней, и Римляне преслѣдовали по пятамъ пораженнаго непріятеля. Они не прежде удалились обратно, какъ овладѣвъ непріятельскимъ лагеремъ. Тринадцать тысячь Испанцевъ пало въ этотъ день убитыми, и почти тысячу восемьсотъ взято въ плѣнъ. Изъ Римлянъ и союзниковъ погибло не много болѣе 200, преимущественно на лѣвомъ крылѣ. Испанцы, какъ выгнанные изъ лагеря, такъ и бѣжавшіе съ поля сраженія, разсѣялись сначала по полямъ, а потомъ возвратились въ свои родные города.

3. Созванные Мандоніемъ для совѣщанія, Испанцы горько жаловались на свои потери, браня зачинщиковъ войны; они положили отправить пословъ для выдачи оружія Римлянамъ, и для изъявленія имъ покорности. Послы сваливали войну на зачинщика войны Индебилиса и прочихъ старѣйшинъ, большая часть которыхъ пала въ битвѣ, отдавали и свое оружіе и самихъ себя въ распоряженіе Римлянъ. Послы Испанцевъ получили въ отвѣтъ, что изъявленіе покорности ихъ будетъ принято тогда, когда они выдадутъ живыми Мандонія и прочихъ виновниковъ

войны; если же они откажутся, то вожди Римскіе поведутъ свои войска на поля Илергетовъ, Авзетановъ, а за тѣмъ и другихъ народовъ. Это сказано было посламъ, и ими объявлено на сеймѣ Испанцевъ; тогда Мандоній и прочіе старѣйшины схвачены и выданы на казнь. Испанцамъ возвращенъ миръ: велѣно выставить имъ на этотъ годъ двойное жалованье воинамъ, хлѣба на шесть мѣсяцевъ, и верхнія одежды для воиновъ; приняты заложники почти отъ 30 народовъ.

Такимъ образомъ, возмущеніе Испаніи не произвело большаго потрясенія: въ продолженіи небольшаго промежутка времени и возникло оно, и было подавлено. Тогда всѣ ужасы войны обратились на Африку. К. Лэлій подступилъ ночью къ Гиппону Царскому, а на разсвѣтѣ онъ, для опустошенія полей, вывелъ подъ значками воиновъ и матросовъ. Жители, совершенно не ожидавшіе нападенія, понесли огромныя потери. Прискакавшіе гонцы произвели въ Кароагенѣ большой ужасъ; они говорили, что прибылъ флотъ Римскій и главный вождь Сципіонъ — о которомъ уже было извѣстіе, что онъ перешелъ въ Сицилію. Гонцы не видали сами ни того, сколько судовъ прибыло, ни какъ велико непріятельское войско, опустошавшее поля; подъ вліяніемъ безотчетнаго ужаса, они все представляли въ большемъ, чѣмъ то было въ дѣйствительности, размѣрѣ. А потому, умами Кароагенянъ овладѣли сначала ужасъ и робость, а затѣмъ скорбь. Обстоятельства перемѣнились до такой степени, что тотъ же народъ, котораго побѣдоносное войско было недавно подъ стѣнами Рима, котораго власть, по истребленіи столькихъ непріятельскихъ войскъ, всѣ народы Италіи или добровольно, или по принужденію, признали надъ собою, теперь, съ оборотомъ военнаго счастія, долженъ былъ самъ присутствовать при опустошеніи Африки и осадѣ Кароагена. Перенести такое положеніе вещей было для Кароагенянъ несравненно труднѣе, чѣмъ для Римлянъ: эти послѣдніе имѣли у себя чернь Римскую, и Лаціумъ постоянно доставлялъ имъ подроставшую молодежь въ замѣнъ столькихъ погибшихъ войскъ. А въ Кароагенѣ чернь ни городская, ни сельская не привыкла владѣть оружіемъ; за деньги нанимались вспомогательныя войска Африканскихъ народовъ, вѣроломныхъ и по первому слуху готовыхъ къ измѣнѣ. Уже одинъ царь тѣхъ народовъ Сифаксъ, послѣ переговоровъ съ Сципіономъ, отпалъ отъ Кароагенянъ, а Масинисса открыто измѣнилъ, и сдѣлался самымъ ожесточеннымъ ихъ врагомъ. Ни откуда не было никакой ни надежды, ни помощи. И Магонъ въ Галліи не произвелъ никакого возстанія, и не соединился съ Аннибаломъ; да и тотъ вмѣстѣ съ силами утрачивалъ и свою знаменитость.

4. Такимъ образомъ, свѣжая новость расположила умы Кароагенянъ къ самымъ печальнымъ размышленіямъ. Но настоятельная опасность не замедлила созвать ихъ на совѣщаніе, какимъ образомъ помочь настоящему печальному положенію дѣлъ. Опредѣляютъ: произвести немедленно наборъ какъ въ городѣ, такъ и въ поляхъ, послать къ Африканскимъ народамъ для найма у нихъ вспомогательныхъ войскъ, укрѣпить городъ, свезть хлѣбъ, снарядить и послать къ Гиппону суда противъ Римскаго флота. Уже опредѣленіе это начали приводить въ исполненіе, когда явился гонецъ съ извѣстіемъ, что прибылъ въ Африку Лэлій, а не Сципіонъ, и войскъ Римскихъ перевезено столько, что ихъ едва достаточно для опустошенія полей: главное же средоточіе войны находится еще въ Сициліи. Тутъ Кароагеняне вздохнули свободно; они отправили посольства къ Сифаксу, и другимъ туземнымъ царькамъ для укрѣпленія съ ними дружественныхъ связей. Отправлены послы и царю Филиппу: они должны были обѣщать ему 200 талантовъ серебра для того, чтобы онъ сдѣлалъ высадку въ Сициліи или въ Италіи. Послано и къ Кароагенскихъ полководцамъ, находившимся въ Италіи, приказаніе стараться задержать Сципіона всякаго рода грозными демонстраціями. Къ Магону отправлены не только послы, но и 25 длинныхъ судовъ, шесть тысячь пѣшихъ, 800 конныхъ воиновъ и семь слоновъ; сверхъ того значительная сумма денегъ для найма вспомогательныхъ войскъ, съ помощью которыхъ онъ долженъ былъ приблизиться къ Риму и соединиться съ Аннибаломъ. Вотъ, въ чемъ заключались дѣйствія Кароагенянъ и ихъ приготовленія.

Лелій своими отрядами загонялъ огромную добычу съ полей обнаженныхъ и беззащитныхъ, когда къ нему прибылъ, въ сопровожденіи немногихъ всадниковъ, Масинисса, вызванный слухомъ о прибытіи Римскаго флота. Онъ жаловался, что Сципіонъ

дѣйствуетъ слишкомъ медленно, что надобно было ему явиться съ флотомъ въ Африкѣ теперь же, когда Карѳагеняне поражены ужасомъ, Сифаксъ занятъ войною съ сосѣдями, а о немъ навѣрное можно сказать, что, лишь бы дали ему время устроить свои дѣла, онъ не будетъ чистосердечно расположенъ въ пользу Римлянъ. А потому, пусть Лелій убѣдитъ Сципіона не медлить; хотя онъ, Масинисса, и изгнанъ изъ своего царства, однако онъ явится къ нему съ значительными пѣшими и конными войсками. Да и самому Лелію нѣчего медлить въ Африкѣ: изъ Карѳагена отплылъ флотъ, съ которымъ сразиться въ отсутствіи Сципіона было бы не совсѣмъ безопасно.

5. Послѣ этихъ переговоровъ Масинисса былъ отпущенъ, а Лелій на другой день съ судами, обремененными добычею, отплылъ отъ Гиппона и, возвратясь въ Сицилію, передалъ Сципіону слова Масиниссы.

Около этого времени суда, отправленныя изъ Карѳагена къ Магону, пристали къ берегу между Генуею и Альбингаунскими Лигурами. Случилось такъ, что Магонъ въ то время находился тамъ съ флотомъ. Выслушавъ слова пословъ о немедленномъ сборѣ сколько возможно многочисленнѣйшихъ войскъ, Магонъ тотчасъ созвалъ сеймъ Галловъ и Лигуровъ: тѣ, и другіе находились тамъ въ большомъ числѣ. Тутъ Магонъ сказалъ: присланъ онъ изъ Карѳагена для того, чтобы возвратить имъ свободу и, какъ они сами видятъ, присланы ему изъ отечества подкрѣпленія. Но уже отъ нихъ будетъ зависѣть, съ какими силами и съ какимъ войскомъ вести эту войну. Вблизи два Римскихъ войска: одно находится въ Галліи, а другое въ Этруріи. Онъ знаетъ хорошо, что Сп. Лукрецій соединится съ М. Ливіемъ; а потому, нужно вооружить много тысячь воиновъ для того, чтобы быть въ состояніи бороться съ двумя вождями и двумя арміями Римскими. Галлы отвѣчали, что они изъявляютъ къ тому величайшую готовность; но такъ какъ одинъ Римскій лагерь стоитъ въ ихъ области, а другой на сосѣдственной имъ землѣ Этруріи, почти у нихъ же въ виду; то если обнаружится, что они, Галлы, открыто помогаютъ Карѳагенянамъ, то немедленно два враждебныхъ войска съ двухъ сторонъ сдѣлаютъ вторженіе въ ихъ

область; а потому, пусть онъ, Магонъ, требуетъ отъ Галловъ того, въ чемъ они могутъ быть ему полезными тайно; что же касается до Лигуровъ, то они могутъ дѣйствовать свободно, потому что квартиры Римскихъ войскъ находятся далеко отъ ихъ городовъ и земель. Справедливо было бы Лигурамъ вооружить свою молодежь, и начать съ своей стороны открытую войну. Лигуры не отказывались, но просили два мѣсяца сроку для производства набору. Распустивъ Галловъ, Магонъ послалъ по ихъ области людей съ деньгами тайно нанимать ихъ на службу. Притомъ Галльскія племена доставляли ему тайно запасы всякаго рода. М. Ливій перевелъ войско волонтеровъ изъ Этруріи въ Галлію, и соединился съ Лукреціемъ. Такимъ образомъ, въ случаѣ если бы Магонъ изъ земли Лигуровъ двинулся по направленію къ Риму, то Римскій вождь готовъ былъ идти къ нему на встрѣчу. Въ случаѣ же, если бы Карѳагенскій вождь оставался спокойно въ уголкѣ Альповъ, то и Римскій вождь, находясь въ той же сторонѣ около Аримина, прикрывалъ Италію.

6. По возвращеніи изъ Африки Лелія, и Сципіонъ былъ поощренъ увѣщаніями Масиниссы, да и воины, видя, какъ выносили изъ судовъ всего флота добычу, взятую у непріятелей, съ нетерпѣніемъ дожидались минуты отправленія. Къ замыслу великому присоединился менѣе значительный, а именно: задумали взять Локры, которые, во время измѣны Италійскихъ народовъ, пристали и сами къ Карѳагенянамъ. Надежда достигнуть этой цѣли возникла, изъ обстоятельства, само по себѣ незначительнаго. Въ землѣ Бруттіевъ производились не столько правильныя военныя дѣйствія, сколько грабежи. Примѣръ подали Нумиды, а Бруттіи увлечены были подражать имъ не столько вслѣдствіе союза съ Карѳагенянами, сколько своего природнаго расположенія. И Римлянамъ сообщилась эта зараза; они находили также удовольствіе жить грабежемъ, и дѣлали набѣги на поля непріятельскія такъ часто, какъ только позволяли вожди. Разъ они схватили и привели въ Регій нѣсколькихъ Локрійцевъ, вышедшихъ изъ своего города. Въ числѣ плѣнныхъ было нѣсколько кузнецовъ, которые привыкли у Карѳагенянъ заниматься работою по найму, въ крѣпости Локрійцевъ. Они были узнаны старѣйшинами Локрій-

цевъ; они будучи изгнаны изъ отечества тою партіею, которая предала Аннибалу Локры, удалились въ Регій. Тутъ они дѣлали рабочимъ вопросы, свойственные тѣмъ людямъ, которые давно не были въ отечествѣ, о томъ, что тамъ дѣлается. Разсказавъ объ этомъ, плѣнные подали надежду въ случаѣ, если будутъ выкуплены и отпущены, предать имъ крѣпость, въ которой они живутъ и пользуются полнымъ довѣріемъ Кароагенянъ. Вслѣдствіе этого, Локры изгнанники, подъ вліяніемъ вмѣстѣ, и тоски по родинѣ и желанія отомстить врагамъ, тотчасъ выкупили плѣнныхъ рабочихъ и отослали ихъ домой, условившись съ ними о сигналахъ, которые они подадутъ издали. Сами же отправились въ Сиракузы къ Сципіону, у котораго находилась часть изгнанниковъ. Они тамъ передали обѣщанія плѣнныхъ, и успѣли и въ консулѣ вселить надежду на успѣхъ. Съ изгнанниками отправлены военные трибуны М. Сергій и П. Матіенъ, и имъ приказано вести изъ Регія къ Локрамъ три тысячи воиновъ. К. Племинію, исправлявшему должность претора, написано, чтобы онъ помогалъ предпріятію. Воины выступили изъ Регія, неся съ собою лѣстницы, нарочно сдѣланныя по вышинѣ стѣнъ, весьма значительной. Почти въ половинѣ ночи, они съ того мѣста, гдѣ было условлено, подали знакъ предателямъ, находившимся въ крѣпости. Тѣ были уже готовы у своего поста и сами спустили лѣстницы, приготовленныя на этотъ случай. Они приняли воиновъ, одновременно вошедшихъ на стѣны въ разныхъ мѣстахъ. Еще не было испущено воинскихъ кликовъ, когда сдѣлано нападеніе на караульныхъ Кароагенскихъ, ничего не ожидавшихъ, и потому погруженныхъ въ глубокой сонъ. Сначала слышны были стоны убиваемыхъ; потомъ поднялась между полусонными непріятелями тревога, о причинѣ которой они не могли сами себѣ отдать отчета. Наконецъ, они узнали въ чемъ дѣло, и одни разбудили другихъ. Римляне, далеко уступавшіе числомъ непріятелю, были бы имъ безъ труда подавлены; но крики, поднятые тѣми, которые находились внѣ крѣпости, были услышаны жителями, незнавшими откуда они раздавались; смятеніе, неизбѣжное въ темнотѣ ночи, сдѣлало всякое сопротивленіе безполезнымъ. Вслѣдствіе этого, Кароагеняне, подъ вліяніемъ такого ужаса, какъ будто

вся крѣпость была полна непріятелей, оставивъ всякую мысль о сопротивленіи, бѣжали въ другую крѣпость: она находилась отъ первой въ недальнемъ разстояніи. Жители же и ихъ городъ были готовою добычею той сторонѣ, которая окажется побѣдительницею; между гарнизонами обѣихъ крѣпостей происходили почти каждый день схватки: К. Племиній командовалъ Римскимъ, а Гамилькаръ Кароагенскимъ. И та и другая сторона увеличивала свои силы, призывая изъ ближайшихъ мѣстъ подкрѣпленія. Наконецъ приближался самъ Аннибалъ. Римляне не устояли бы, если бы большинство Локровъ, выведенное изъ терпѣнія корыстолюбіемъ и наглостью Кароагенянъ, не склонилось на ихъ сторону.

7. Сципіону дали знать, что дѣла въ Локрахъ находятся въ крайней опасности, что подходитъ самъ Аннибалъ, и такимъ образомъ Римскій гарнизонъ будетъ находиться въ крайнемъ положеніи по затруднительности оттуда отступленія. Тогда самъ Сципіонъ, оставивъ въ Мессанѣ для ея защиты брата своего, какъ только въ проливѣ сдѣлалось благопріятное теченіе, пустилъ по немъ суда. Аннибалъ отъ рѣки Булота—она находилась недалеко отъ города Локровъ—послалъ гонца къ своимъ, сказать имъ, чтобы они на разсвѣтѣ затѣяли самое упорное сраженіе съ Римлянами и Локрійцами, а между тѣмъ онъ хотѣлъ, когда вниманіе всѣхъ будетъ обращено на ту суматоху, напасть съ тылу на городъ, совершенно неожидавшій съ той стороны нападенія. Подступивъ на разсвѣтѣ, Аннибалъ нашелъ сраженіе уже начатымъ; но онъ не захотѣлъ заключиться въ крѣпости, гдѣ, по тѣснотѣ мѣста, многолюдство его войска было бы въ тягость; а лѣстницъ для всхода на стѣны воины Аннибала не захватили съ собою. Аннибалъ приказалъ воинамъ своимъ сбросить тяжести въ кучу, и недалеко отъ стѣнъ, для острастки непріятелямъ, выстроилъ своихъ воиновъ въ боевомъ порядкѣ. Сопровождаемый Нумидскими всадниками, онъ обскакалъ кругомъ городъ для того, чтобы осмотрѣть, въ какомъ мѣстѣ удобнѣе сдѣлать приступъ, а между тѣмъ воины готовили лѣстницы, и другія вещи, для того необходимыя. Когда Аннибалъ подъѣхалъ близко къ стѣнѣ, то, вылетѣвшимъ съ нея, скорпіономъ, убитъ стоявшій подлѣ него чело-

вѣкъ. Устрашенный столь близкою опасностью, Аннибалъ велѣлъ играть отбой, и отнесъ лагерь за полетъ стрѣлы. Римской флотъ изъ Мессаны прибылъ въ Локры, когда оставалось еще нѣсколько часовъ дня; всѣ воины высажены изъ судовъ и вошли въ городъ прежде захода солнца. На другой день, Кароагеняне начали сраженіе изъ крѣпости, и Аннибалъ уже подходилъ къ стѣнамъ съ лѣстницами и всѣми принадлежностями для приступа. Вдругъ отворились городскія ворота, и Римляне бросились на воиновъ Аннибала, всего менѣе ожидавшихъ этого нападенія: въ такомъ нечаянномъ натискѣ они убили до 200 непріятелей. Съ остальными воинами Аннибалъ, понимая, что самъ консулъ на лицо, удалился въ лагерь; онъ отправилъ гонца къ тѣмъ воинамъ, которые находились въ крѣпости, сказать имъ, чтобы они сами о себѣ заботились какъ знаютъ; а самъ ночью снялъ лагерь и удалился. Тѣ, кто находились въ крѣпости, зажгли дома, бывшіе въ ихъ власти, съ цѣлью задержать непріятеля этою тревогою, и ночью достигли главнаго корпуса своего войска, движеніемъ, которое весьма походило на бѣгство.

8. Сципіонъ, видя, что крѣпость оставлена непріятелями, да и лагерь ихъ пустой, позвалъ Локровъ на сходку. Тутъ онъ сильно побранилъ ихъ за отпаденіе. Главныхъ виновниковъ казнилъ смертью, а имущество ихъ роздалъ главнымъ лицамъ другой партіи, за ихъ примѣрную вѣрность Римлянамъ. Что же касается до всего народа Локровъ, то онъ—Сципіонъ—ничего не можетъ имъ ни даровать, ни отнять. Пусть они отправятъ пословъ въ Римъ: тамъ ихъ ожидаетъ та участь, какую угодно будетъ назначить сенату. Но онъ, Сципіонъ, вполнѣ увѣренъ, что, хотя они и дурно поступили въ отношеніи къ народу Римскому; однако будутъ въ лучшемъ положеніи подъ властью справедливо разсерженныхъ Римлянъ, чѣмъ въ какомъ они были подъ властью пріятелей своихъ Кароагенянъ. За тѣмъ Сципіонъ, оставивъ для защиты города легата Племинія съ тѣмъ отрядомъ, который взялъ крѣпость, переправился въ Мессану со всѣми войсками, съ которыми отправился въ походъ.

Кароагеняне обходились такъ надмѣнно и жестоко съ Локрійцами, по отпаденіи ихъ отъ Римлянъ, что умѣренныя притѣсненія они стали бы сносить не только равнодушно, но даже охотно. Но Племиній—Гамилькара, начальника Кароагенскаго гарнизона, а Римляне отряда Племиніева—Кароагенянъ на столько превзошли преступностью и жадностью, что, казалось, обѣ враждебныя стороны состязались между собою не столько оружіемъ, сколько пороками. И полководецъ, и воины, въ отношеніи къ гражданамъ, не упустили ничего, что только можетъ внушить человѣку неимущему—жадность и зависть къ богатству другаго. Гнусно и говорить, какія неистовства позволяли себѣ Римляне противъ личности гражданъ, противъ ихъ дѣтей и женъ. Корыстолюбіе Римлянъ не пощадило даже святилища храмовъ. И не только прочіе храмы ограблены, но даже сокровища Прозерпины, которыя оставались всегда не прикосновенными, исключая при царѣ Пиррѣ, да и тотъ, впрочемъ, возвратилъ священную добычу съ большою лихвою, не спаслись отъ святотатственныхъ рукъ. И какъ тогда суда царскія, подвергшись страшному кораблекрушенію, вынесли съ собою до твердой земли въ цѣлости только священныя сокровища богини. Такъ, на этотъ разъ, другое бѣдствіе постигло всѣхъ участвовавшихъ въ ограбленіи храма, а именно ими овладѣло бѣшенство: въ какомъ то ослѣпленіи неистовства, вождь вооружился непріязненно противъ вождя, воинъ противъ воина.

9. Главнымъ начальникомъ всего былъ Племиній: та часть воиновъ, которую онъ самъ привелъ съ собою изъ Регія, была подъ непосредственнымъ его начальствомъ трибуновъ. Воинъ Племинія, укравъ въ домѣ одного тамошняго жителя серебряную чашу, бѣжалъ съ нею; за нимъ гнались тѣ, которымъ эта чаша принадлежала. Случилось такъ, что, на встрѣчу воина, попались военные трибуны Сергій и Матіенъ. По приказанію трибуна у воина отнята чаша; вслѣдствіе этого, поднялись крики и брань, а потомъ и настоящее сраженіе между воинами Племинія и трибуновъ, изъ которыхъ каждый подходя бралъ сторону тѣхъ, къ которымъ принадлежалъ. Толпа все увеличивалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ росло и смятеніе. Воины Племинія были побѣждены; они бросились къ своему предводителю, показывая ему раны и кровь. Крикамъ ихъ, и негодованію не было конца: воины передавали

въ бранныхъ словахъ тѣ поносныя выраженія, которыхъ самъ Племиній былъ предметомъ. Внѣ себя отъ гнѣва, Племиній бросился изъ своего дома, призвалъ трибуновъ, велѣлъ ихъ обнажить и приготовить, для нихъ розги. Пока раздѣвали трибуновъ — тѣ сопротивлялись, призывая въ свою защиту вѣрныхъ имъ воиновъ, время уходило. Вдругъ, со всѣхъ сторонъ сбѣжались воины трибуновъ, въ торжествѣ недавней побѣды, съ такою поспѣшностью, какъ будто они услыхали призывъ къ оружію противъ непріятеля. Видя, что трибуны уже лежатъ подъ розгами, воины не знали мѣры своему ожесточенію: потерявъ всякое уваженіе не только къ власти, но даже къ человѣчности, они бросились на самого легата, избивъ его ликторовъ самимъ недостойнымъ образомъ. Отдѣливъ такимъ образомъ Племинія отъ его приверженцевъ, воины терзаютъ его самымъ непріязненнымъ образомъ и, обезобразивъ у него носъ и уши, они бросаютъ его почти бездыханнаго.

По полученіи объ этомъ извѣстія въ Мессанѣ, Сципіонъ на галерѣ въ шесть рядовъ веселъ прибылъ въ Локры. Выслушавъ дѣло Племинія и трибуновъ, онъ оправдалъ Племинія, и оставилъ его на прежнемъ мѣстѣ; а трибуновъ объявилъ виновными и бросилъ ихъ въ оковы для того, чтобы отослать въ Римъ къ Сенату; оттуда онъ возвратился въ Мессану, и за тѣмъ въ Сиракузы. Племиній не могъ совладать съ своимъ раздраженіемъ; онъ считалъ, что на его обиду Сципіонъ обратилъ мало вниманія, и разсудилъ ее легко. Только тотъ, по его мнѣнію, могъ судить хорошенько объ этомъ дѣлѣ, кто самъ былъ жертвою такого жестокаго съ нимъ обхожденія. Онъ велѣлъ трибуновъ притащить къ себѣ и, истерзавъ всѣми мученіями, какія только можетъ вынести тѣло человѣка, онъ неудовольствовался наказаніемъ живыхъ, но даже трупы лишенныхъ жизни бросилъ безъ погребенія. Такую же жестокость обнаружилъ онъ и въ отношеніи Локрійскихъ старѣйшинъ, которые, какъ дошелъ до него слухъ, ходили на него жаловаться Сципіону. И прежде алчность и сладострастіе побуждали его къ сквернымъ поступкамъ въ отношеніи къ союзникамъ. А тутъ, подъ вліяніемъ раздраженія, приняло еще большіе размѣры его недостойное обращеніе, и оно

навлекло ненависть и худую славу не только ему Племинію, но и главному вождю.

10. Уже приближалось время выборовъ, когда принесено въ Римъ письмо консула П. Лицинія. Онъ писалъ, что и самъ и все его войско поражено сильною болѣзнью, и нѣчего было бы и думать о сопротивленіи, не явись эта же болѣзнь, да еще съ большею силою, и у непріятеля. А потому, консулъ, не будучи самъ въ возможности прибыть на выборы, вызывался, если будетъ на то соизволеніе сената, назначить для производства выборовъ диктатора К. Цецилія Метелла. Еще писалъ консулъ, что не будетъ противорѣчить видамъ пользы общественной, если распустить войско К. Цецилія. Въ немъ въ настоящее время не обнаруживается болѣе ни какой надобности, такъ какъ Аннибалъ уже удалился на зимніе квартиры. Притомъ въ этомъ лагерѣ открылась болѣзнь столь сильная, что, если не распустить заблаговременно воиновъ, то врядъ ли кто нибудь изъ нихъ останется въ живыхъ. Сенатъ предоставилъ консулу поступить такъ, какъ ему внушитъ сознаніе общественной пользы и его долга.

Въ это время, вдругъ овладѣло умами гражданъ набожное опасеніе. Въ Сивиллинскихъ книгахъ, съ которыми стали совѣтоваться по случаю неоднократнаго въ этомъ году паденія камней съ неба, нашли стихотворное предсказаніе о томъ, что, когда въ Италію внесетъ войну врагъ чужеземный, то его можно будетъ побѣдить и изгнать изъ Италіи въ томъ случаѣ, если матерь Идейская будетъ привезена изъ Пессинунта въ Римъ. Это стихотворное пророчество, найденное десятью сановниками священнодѣйствій (децемвирами), тѣмъ сильнѣе подѣйствовало на сенаторовъ, что и послы, которые носили въ Дельфы даръ Аполлону, донесли, что, во время жертвоприношенія ихъ Пиѳійскому богу, все было благопріятно; да и отъ оракула послышался отвѣтъ, что народу Римскому предстоитъ побѣда гораздо значительнѣе той, изъ добычи отъ которой принесли они теперь жертву. Въ этой же надеждѣ укрѣплялъ умы и какъ бы пророческій духъ Сципіона, который, предчувствуя окончаніе войны, потребовалъ себѣ провинціею Африку. А потому, сенатъ для того, чтобы поскорѣе получить ту побѣду, которую предвѣщали предзнаменова-

нія судьбы, предчувствія и голосъ оракула, озаботился мыслью, какъ бы перенесть богиню въ Римъ.

11. Въ то время, народъ Римскій не имѣлъ еще въ Азіи ни одного союзнаго себѣ народа. Впрочемъ, припомнили то, какъ нѣкогда привезенъ, въ видахъ общественнаго здравія, Эскулапій изъ Греціи, когда съ нею не было еще у Рима никакихъ дружественныхъ отношеній. А въ то время уже начинались скрѣпляться съ Атталомъ царемъ дружественныя связи, вслѣдствіе военныхъ дѣйствій съобща противъ Филиппа, и можно было надѣяться, что Атталъ сдѣлаетъ для народа Римскаго все, что будетъ въ состояніи. Назначены къ нему послами—М. Валерій Лэвинъ, который два раза былъ консуломъ, дѣйствуя въ Греціи, М. Цецилій Метеллъ, бывшій преторъ, Сер. Сульпицій Гальба, бывшій эдиль, и два бывшихъ казначея (квестора): Кн. Тремеллій Флаккъ и М. Валерій Фальтонъ. Имъ даны пять судовъ о пяти рядахъ веселъ для того, чтобы они могли явиться въ тѣхъ мѣстахъ, согласно съ достоинствомъ народа Римскаго, гдѣ надлежало вселить уваженіе къ имени Римлянъ. На пути въ Азію послы зашли прежде въ Дельфы, и спросили тамъ оракула, какую они, послы и народъ Римскій, должны имѣть надежду при исполненіи порученія, съ которымъ они посланы изъ отечества. Оракулъ отвѣчалъ, что они могутъ достигнуть того, что имъ нужно, черезъ пособіе царя Аттала; но, когда привезутъ богиню въ Римъ, то пусть озаботятся, чтобы богиню принялъ къ себѣ въ гости лучшій человѣкъ въ Римѣ. — Послы прибыли въ Пергамъ къ царю. Онъ принялъ пословъ весьма ласково, отвелъ ихъ въ Фригію въ Пессинунтъ; тамъ онъ имъ передалъ священный камень, который туземцы называютъ *матерью боговъ*, и велѣлъ отвезти его въ Римъ. Отправленный послами впередъ, М. Валерій Фальтонъ привезъ въ Римъ извѣстіе о томъ, что везутъ богиню, и что надобно найдти лучшаго гражданина, который, съ установленными обрядами, принялъ бы богиню къ себѣ въ домъ. К. Цецилій Метеллъ, назначенъ диктаторомъ въ землѣ Бруттіевъ консуломъ, для производства выборовъ, и войско его распущено; предводителемъ всадниковъ Л. Ветурій Филонъ. Выборы произведены диктаторомъ. Консулами избраны М. Корнелій Цетегъ, П. Семпроній Тудитанъ заочно; онъ находился въ Греціи, которая досталась ему провинціею. Потомъ выбраны преторами: Тиб. Клавдій Неронъ, М. Марцій Ралла, Л. Скрибоній Либонъ и М. Помпоній Матонъ. Окончивъ выборы, диктаторъ сложилъ съ себя это званіе.

Римскія игры даны три раза, а плебейскія семь. Курульными эдилями были Кн. и Л. Корнелій Лентуллы. Люцій управлялъ Испаніею; заочно выбранный, онъ отсутствующимъ и исполнялъ эту должность. Плебейскими эдилями были Тиб. Клавдій Азеллъ и М. Юній Пеннъ. Въ этомъ году, М. Марцеллъ посвятилъ храмъ Мужества у Капенскихъ воротъ на семнадцатомъ году послѣ того, какъ отецъ его, въ первое свое консульство, далъ обѣтъ въ Галліи у Кластидія. Въ этомъ году умеръ Марсовъ фламинъ М. Эмилій Региллъ.

12. Въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ, мало со стороны Римлянъ было обращено вниманія на дѣла въ Греціи. Вслѣдствіе этого, Филиппъ принудилъ Этоловъ, оставленныхъ Римлянами, помощь которыхъ составляла ихъ единственную надежду, просить мира и заключить его на такихъ условіяхъ, какъ онъ заблагоразсудилъ. Если бы онъ не поспѣшилъ всѣми силами привести это дѣло къ концу, то проконсулъ П. Семпроній, который посланъ былъ преемникомъ власти Сульпиція съ 10 тысячами пѣшихъ воиновъ, съ тысячью всадниковъ и тридцатью пятью военными судами—силъ этихъ было очень достаточно для оказанія помощи союзникамъ — подавилъ бы его, во время военныхъ дѣйствій съ Этолами. Едва только былъ заключенъ миръ, какъ прибылъ гонецъ къ царю съ извѣстіемъ, что Римляне прибыли въ Диррахій, что Парѳины, и другіе сосѣдственные народы, взволновались въ надеждѣ перемѣнъ, и что Дималлъ находится въ осадѣ. Туда обратились Римляне, пришедшіе было на помощь Этоламъ, но, сердясь на этихъ послѣднихъ за то, что они, вопреки союзнаго договора, заключили миръ съ царемъ безъ ихъ Римлянъ участія. Получивъ такія извѣстія, Филиппъ, желая предупредить распространеніе волненія между сосѣдними народами, двинулся въ Аполлонію, куда удалился и Семпроній, отправивъ легата Лэторія съ частью войскъ, и пятнадцатью судами въ

Этолію для того, чтобы узнать положеніе дѣлъ на мѣстѣ, и произвести тамъ, если можно, волненіе. Филиппъ опустошилъ поля Аполлоніатовъ; придвинувъ войска къ городу, онъ вызывалъ Римлянъ на бой. Видя, что Римляне остаются спокойными, довольствуясь обороною стѣнъ, Филиппъ, не считая себя достаточно сильнымъ для того, чтобы взять городъ приступомъ, и питая въ душѣ сильное желаніе и съ Римлянами заключить, если не миръ, какъ съ Этолами, то, по крайней мѣрѣ, перемиріе, удалился въ свое царство, не желая раздражать умы новою борьбою. Въ то же время, Эпироты, наскучивъ продолжительною войною, сначала узнали расположеніе умовъ Римлянъ, а потомъ отправили пословъ къ царю Филиппу, по предмету заключенія общаго мира. Они утверждали, что увѣрены въ его возможности, если только царь лично переговоритъ съ П. Семпроніемъ, Римскимъ полководцемъ. Безъ труда успѣли они въ томъ, что царь — котораго и самого духъ былъ расположенъ къ тому, перешелъ въ Епиръ. Тамъ есть городъ Фенице: здѣсь царь сначала переговорилъ съ Эропомъ, Дардеемъ и Филиппомъ, преторами Эпиротовъ; а потомъ свидѣлся съ П. Семпроніемъ. Тутъ же присутствовалъ Аминандеръ, царь Атамановъ, и другіе сановники Епиротовъ и Акарнановъ. Первый сталъ говорить преторъ Филиппъ: обратясь и къ царю Македонскому, и къ вождю Римскому, онъ просилъ и того и другаго положить конецъ войнѣ, и дозволить то же сдѣлать и Епиротамъ. П. Семпроній предложилъ условія мира: Партины, Дималлъ, Баргуллъ и Евгеній должны были принадлежать Римлянамъ; Атинтанія—Македонянамъ, если согласится на это сенатъ Римскій, къ которому нужно объ этомъ дѣлѣ отправить пословъ. На этихъ условіяхъ состоялся миръ: царь Македонскій включилъ въ него Прузіаса, царя Виѳинскаго, Ахейцевъ, Беотійцевъ, Өессаловъ, Акарнанъ, Епиротовъ; а Римляне: Иліенцевъ, царя Аттала, Плеврата, Набиса, тиранна Лакедемонскаго, Элейцевъ, Мессенцевъ и Аѳинянъ. Такъ написаны условія, и къ нимъ приложены печати; на два мѣсяца заключено перемиріе и, въ теченіи этого времени, отправлены послы въ Римъ для того, чтобы испросить согласіе народа на эти условія. Всѣ трибы утвердили ихъ: общее вниманіе обращено было на Африку, и граж-

дане на это время хотѣли освободиться ото всѣхъ другихъ войнъ. П. Семпроній, заключивъ миръ, отправился въ Римъ вступить въ должность консула.

13. Въ консульство П. Семпронія и М. Корнелія—это былъ пятнадцатый годъ Карѳагенской (Пунической) войны—назначены провинціи: Корнелію—Этрурія съ прежнимъ войскомъ, а Семпронію земля Бруттіевъ съ легіонами, которые онъ долженъ былъ набрать вновь. Преторамъ досталось: М. Марцію—судопроизводство въ городѣ, Л. Скрибонію Либону — судопроизводство надъ иноземцами и Галлія, М. Помпонію Матону—Сицилія, Тиб. Клавдію Нерону—Сардинія. П. Сципіону продолжена власть на годъ съ предоставленіемъ ему того войска и флота, которые у него были. П. Лицинію велѣно также занимать землю Бруттіевъ двумя легіонами, пока консулъ найдетъ нужнымъ для общественной пользы его тамъ пребываніе. М. Ливію и Сп. Лукрецію продолжена также власть, и оставлены имъ тѣ легіоны (по два), которыми они защищали Галлію противъ Магона. Кн. Октавій, передавъ Сардинію и легіонъ Тиб. Клавдію, долженъ былъ принять начальство надъ сорока длинными судами, и съ ними оберегать морскіе берега тамъ, гдѣ сенатъ признаетъ это нужнымъ. М. Помпонію претору въ Сициліи назначены два легіона бывшаго Каннскаго войска. Пропреторы Т. Квинкцій—Тарентъ, а К. Гостилій Тубулъ—Капую должны были, по примѣру прошлаго года, занимать прежними силами. Относительно управленія Испаніею, предложено народному собранію, кого оно заблагоразсудитъ назначить туда двухъ проконсуловъ. Всѣ трибы опредѣлили, Л. Корнелію Лентулу и Л. Манлію Ацидину управлять Испаніями, по примѣру прошлаго года съ властью консуловъ. Консулы положили произвести наборъ и для того, чтобы набрать новые легіоны, которые должны быть отправлены въ землю Бруттіевъ, и для того—такъ приказалъ имъ и сенатъ — чтобы пополнить прочія войска.

14. Хотя Африка не была еще открыто назначена провинціею (для начала въ ней военныхъ дѣйствій) — какъ я полагаю потому, что сенаторы не хотѣли заранѣе дать знать о томъ Карѳагенянамъ; однако умы гражданъ были исполнены надежды, что въ

Африкѣ въ этомъ году откроются военныя дѣйствія, и что конецъ Пунической войны приближается. Это обстоятельство настроило умы къ суевѣрію: они были расположены и легко передавать извѣстія о чудесахъ, и легко имъ вѣрить. Тѣмъ болѣе о нихъ говорили въ народѣ: «въ одно и тоже время было видно два солнца, ночью виденъ былъ свѣтъ и звѣзда, которой лучь тянулся отъ востока къ западу. Въ Таррачинѣ громъ ударилъ въ ворота, въ Анагніи въ ворота и въ стѣну во многихъ мѣстахъ. Въ Ланувіѣ, въ храмѣ Юноны Хранительницы, слышенъ былъ страшный трескъ и шумъ.» Во искупленіе этихъ чудесныхъ явленій объявлено молебствіе на одинъ день; а, по случаю того, что съ неба падали камни, совершено девятидневное жертвоприношеніе.

Къ этому присоединилось разсужденіе о принятіи матери Идейской: не только одинъ изъ пословъ, М. Валерій, пріѣхалъ впередъ и принесъ извѣстіе, что богиня будетъ скоро въ Италіи, но и недавній гонецъ сообщилъ, что она уже въ Террачинѣ. Дѣломъ не маловажнымъ для сената было рѣшить, кто въ государствѣ лучшій гражданинъ: конечно, каждый желалъ для себя болѣе быть на дѣлѣ признанымъ за такого, чѣмъ получить всѣ почести и мѣста, которыя зависѣли отъ голосовъ сената и народа. Сенатъ опредѣлилъ, что во всемъ городѣ изъ добрыхъ гражданъ самый лучшій — П. Сципіонъ Кн., сынъ того, который палъ въ Испаніи, молодой человѣкъ, который не былъ еще даже квесторомъ. На какихъ добродѣтеляхъ его основанъ былъ этотъ приговоръ, я охотно передалъ бы потомству, если бы сохранилось объ этомъ какое либо извѣстіе у писателей, ближайшихъ къ тому времени; сообщать же мои догадки въ дѣлѣ забытомъ за давностью, считаю излишнимъ. П. Корнелій получилъ приказаніе: со всѣми знатными Римскими женщинами идти въ Остію на встрѣчу богини, принять ее тамъ съ корабля и, перенесши на землю, вручить ее матронамъ, которыя должны были нести ее дальше. Когда корабль приблизился къ устью Тибра, Корнелій, какъ ему было приказано, на лодкѣ отправился въ море къ кораблю, принялъ отъ жрецовъ богиню, и вынесъ ее на берегъ. Тутъ ее приняли знатнѣйшія женщины Римскія (въ числѣ ихъ особенно замѣчательно имя одной Клавдіи

Квинты. По преданію, ея цѣломудріе, до того бывшее предметомъ сомнѣнія, вслѣдствіе столь священнаго дѣйствія, перешло въ потомство со славою совершенной чистоты. Римскія женщины несли богиню на рукахъ поочередно, одна за другою. Всѣ граждане вышли на встрѣчу; у дверей домовъ, мимо которыхъ несли богиню, поставлены были курильницы, и въ нихъ дымился опміамъ. Граждане молились, чтобы она охотно и благосклонно вошла въ Римъ. Богиню отнесли въ храмъ Побѣды, находившійся на Палатинскомъ холмѣ; это было двенадцатаго Апрѣля, и день этотъ сдѣланъ праздничнымъ. Множество гражданъ приносило дары богинѣ; было совершено постиланіе ложъ и даны игры, которыя названы *Мегалезскими*.

15. Когда въ Сенатѣ толковали о пополненіи легіоновъ, находившихся въ провинціи, то нѣкоторые сенаторы представили о томъ: не время ли теперь, когда, по милости боговъ безсмертныхъ, освободились они ото всѣхъ опасеній, положить конецъ тому положенію дѣлъ, которое было терпимо при сомнительныхъ обстоятельствахъ? Когда вниманіе сената было возбуждено, то напомнили, что двенадцать Латинскихъ колоній, которыя консуламъ К. Фабію и К. Фульвію отказались дать воиновъ, и понынѣ, вотъ уже шестой годъ, пользуются увольненіемъ отъ военной службы, какъ бы въ награду, междутѣмъ какъ союзники вѣрные и покорные, за свою службу и преданность народу Римскому, истощены почти ежегодными наборами. Рѣчь объ этомъ не столько возобновила въ памяти сенаторовъ обстоятельство, почти уже забытое, сколько произвела сильное между ними раздраженіе. А потому они, не допуская консуловъ ни о чемъ прежде доложить, опредѣлили: чтобы консулы вызвали въ Римъ сановниковъ, и по десяти знатнѣйшихъ гражданъ, городовъ: Непеты, Сутрія, Ардеи, Калеса, Альбы, Карсеолъ, Соры, Суессы, Сетіи, Цирцей, Нарны, Интерамны — вотъ тѣ поселенія, о которыхъ шла рѣчь—и чтобы они приказали имъ наибольшее число воиновъ, какое только каждая изъ этихъ колоній когда либо выставила съ тѣхъ поръ, какъ непріятель находится въ Италіи, выставить въ двойномъ количествѣ; это относительно пѣшихъ воиновъ, а конныхъ по 120 человѣкъ. Если какая колонія не

въ состояніи выставить такого числа всадниковъ, то можетъ, вмѣсто одного всадника, дать по три пѣхотинца. Какъ пѣшіе, такъ и конные воины должны быть выбраны изъ самыхъ богатыхъ семействъ, и посланы внѣ Италіи туда, гдѣ обнаружится потребность въ пополненіи войска. Если начальство какой нибудь колоніи откажется, то задержать ея сановниковъ и пословъ, и не допускать ихъ въ сенатъ, какъ бы они того ни требовали, пока они не исполнятъ приказаній. Сверхъ того, предписать каждой колоніи внести на жалованье по тысячѣ ассъ, и дѣлать этотъ вносъ каждый годъ. Ценсъ въ колоніяхъ произвести по формѣ, данной Римскими ценсорами; она и для колоній должна быть та же самая, что и для народа Римскаго, и должна быть приносима въ Римъ присяжными ценсорами колоній прежде, чѣмъ они сложатъ съ себя свою должность.

Вслѣдствіе этого сенатскаго декрета, приглашенные въ Римъ сановники и знатнѣйшіе граждане этихъ колоній, выслушавъ приказаніе консуловъ о поставкѣ войска и платежѣ денегъ, другъ передъ другомъ жаловались и возражали; они говорили, что не въ состояніи они выставить столько воиновъ, что съ трудомъ едва, едва могутъ они набрать то количество, которое слѣдуетъ по договору. Умоляли они консуловъ дозволить имъ идти въ сенатъ, и молить его о пощадѣ. Ничего они не сознаютъ за собою такого, за что они должны погибать. Да если имъ будетъ угрожатъ и самая погибель, то все таки ни ихъ виновность, ни гнѣвъ народа Римскаго, не въ состояніи заставить ихъ дать болѣе воиновъ, чѣмъ сколько они въ состояніи. Консулы, настаивая на своемъ, приказываютъ посламъ оставаться въ Римѣ, а начальникамъ колоній отправиться домой для производства выборовъ. Пока не будетъ приведено въ Римъ то количество воиновъ, которое имъ приказано, никто не допуститъ ихъ до сената. Когда такимъ образомъ начальства колоній потеряли надежду видѣть сенатъ, и подѣйствовать на него мольбами, то наборъ безъ труда произведенъ въ тѣхъ двенадцати колоніяхъ, такъ какъ число молодыхъ людей тамъ увеличилось, вслѣдствіе довольно долговременной свободы отъ военной службы.

16. Другое обстоятельство, которое было почти также забыто, напомнилъ М. Валерій Лэвинъ; онъ сказалъ, что справедливо будетъ возвратить частнымъ лицамъ деньги, которыя, въ консульство его и М. Клавдія, были даны въ ссуду казнѣ частными лицами. Никто не долженъ удивляться особенной заботливости его, М. Валерія, объ исполненіи общественнаго обязательства. И само по себѣ дѣло это сколько нибудь касается же до консула того года, въ который даны деньги, такъ онъ же предложилъ этотъ заемъ, по поводу бѣдности казначейства и несостоятельности народа въ платежѣ податей. Это напоминаніе принято было сенатомъ благосклонно; онъ приказалъ консуламъ доложить и, по ихъ докладу, опредѣлилъ выплатить эти деньги въ три срока; первую уплату должны были сдѣлать консулы нынѣшняго года, а остальныя за тѣмъ—консулы третьяго и пятаго годовъ.

Потомъ, всѣ другія заботы были оставлены для одной, когда несчастія, постигшія Локровъ, и бывшія до сихъ поръ неизвѣстными, достигли общаго свѣдѣнія, вслѣдствіе прибытія Локрійскихъ пословъ. И здѣсь умы гражданъ раздражились не столько вслѣдствіе преступленій Племинія, сколько пристрастія, или невниманія, обнаруженныхъ въ этомъ дѣлѣ Сципіономъ. Ихъ было десять человѣкъ; покрытые пепломъ и въ рубищахъ, они съ жалостными рыданіями пали на землю передъ трибуналомъ консуловъ (на мѣстѣ выборовъ), протягивая къ нимъ, по обычаю Грековъ, символъ мольбы—масличныя вѣтви. На вопросъ консуловъ, они отвѣчали, что они Локрійцы, и что они отъ легата К. Племинія и Римскихъ воиновъ вынесли то, чего народъ Римскій не захочетъ возложить на самихъ Карѳагенянъ. Они просили консуловъ дать имъ возможность явиться въ сенатъ, и тамъ оплакать постигшія ихъ бѣдствія.

17. Когда послы введены были въ сенатъ, то старѣйшій изъ нихъ лѣтами сталъ говорить: я убѣжденъ, почтенные сенаторы, что жалобы наши на столько будутъ имѣть цѣны въ вашихъ глазахъ, на сколько мы будемъ имѣть основательное свѣдѣніе о томъ: какимъ образомъ Локры преданы Аннибалу, и какъ они, по изгнаніи Карѳагенскаго гарнизона, возвратились подъ нашу власть. Если и вина измѣны чужда общественнаго совѣта, и если ясно докажется, что возвращеніе подъ власть вашу не только съ на-

шей стороны добровольное, но и стоило усилий нашему мужеству; то тѣмъ сильнѣе будетъ ваше негодованіе на то, что вѣрные и усердные союзники получаютъ столь незаслуженныя обиды отъ вашего легата и его воиновъ. Но я полагаю за лучшее—изложеніе обстоятельствъ нашего отпаденія отложить до другаго времени, вслѣдствіе двухъ обстоятельствъ: во первыхъ, пусть оно будетъ сдѣлано въ присутствіи П. Сципіона, который взялъ обратно Локры, и можетъ быть самымъ лучшимъ свидѣтелемъ какъ нашихъ хорошихъ, такъ и дурныхъ дѣйствій; во вторыхъ, какъ бы мы ни были дурны, все же не должны были мы подвергнуться тому, что мы терпимъ.

Почтенные отцы! Не можемъ мы скрыть того обстоятельства, что, когда въ нашей крѣпости находился Карѳагенскій гарнизонъ, то мы и отъ начальника его Гамилькара, и отъ Нумидовъ и Африканцевъ, терпѣли много поступковъ несправедливыхъ и гнусныхъ. Но все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что мы теперь терпимъ! Прошу васъ, достопочтенные отцы, выслушайте равнодушно меня и простите мнѣ то, что я выскажу. Всѣ народы находятся теперь въ состояніи ожиданія и нерѣшимости: кого увидятъ они повелителями вселенной—васъ или Карѳагенянъ. Если теперь на основаніи того, что мы Локрійцы вытерпѣли и отъ ихъ гарнизона, и что въ настоящее время выносимъ отъ вашего отряда, нужно будетъ дѣлать заключеніе и о вашемъ владычествѣ и о Карѳагенскомъ, то никогда не найдется никого, кто бы предпочелъ имѣть васъ лучше повелителями, чѣмъ ихъ. А впрочемъ, обратите вниманіе на то, каково къ вамъ расположеніе Локрійцевъ. Получивъ отъ Карѳагенянъ обиды, гораздо менѣе значительныя, мы прибѣгаемъ къ вашему вождю; а когда вашъ гарнизонъ обращается съ нами хуже, чѣмъ съ непріятелемъ, то мы все таки съ жалобами нашими обращаемся къ вамъ однимъ. Или вы обратите вниманіе на наше бѣдственное положеніе, или намъ не останется болѣе о чемъ даже молить боговъ безсмертныхъ.

Легатъ К. Племиній посланъ съ военнымъ отрядомъ взять обратно отъ Карѳагенянъ Локры, и тамъ оставленъ въ гарнизонѣ. Въ этомъ намѣстникѣ вашемъ—крайность нашего положенія

позволяетъ намъ и говорить свободно—отцы достопочтенные, человѣческаго только наружность, а Римскаго гражданина только одежда, внѣшность и звукъ Латинскаго языка. Бичь нашъ, это гнусное чудовище въ родѣ тѣхъ, которые, по баснословнымъ разсказамъ, сторожили нѣкогда, угрожая гибелью мореплавателямъ, проливъ, отдѣляющій наши берега отъ Сицилійскихъ. Если бы онъ одинъ довольствовался удовлетворять на вашихъ союзникахъ свое корыстолюбіе и любострастіе, то, какъ ни глубока эта пропасть, но терпѣніемъ нашимъ мы бы ее наполнили; а теперь онъ изо всѣхъ сотниковъ и воиновъ вашихъ подѣлалъ столько же Племиніевъ; до такой степени хотѣлъ онъ имѣть болѣе сообщниковъ своего необузданнаго своеволія! Всѣ грабятъ, похищаютъ, бьютъ, наносятъ раны, убиваютъ, насилуютъ женъ, дѣвицъ, благородныхъ юношей, вырывая ихъ изъ родительскихъ объятій. Каждый день городъ нашъ имѣетъ видъ взятаго непріятелемъ, каждый день подвергается расхищенію. И днемъ, и ночью слышатся повсюду вопли женъ и дѣтей, которыхъ насильно похищаютъ и уносятъ. По истинѣ, тотъ кто зналъ бы это все, удивился и тому, какъ у насъ достаетъ терпѣнія, и какъ тѣ, которые все это дѣлаютъ, неудовольствовались по сіе время столькими оскорбленіями. Я не въ состояніи разсказать, и вамъ трудно будетъ выслушать, подробно все, что мы вытерпѣли. Скажу обо всемъ вообще: нѣтъ въ Локрахъ ни одного дома, и ни одного человѣка, который не подвергся бы оскорбленію. Смѣло скажу, что нѣтъ ничего, изобрѣтеннаго корыстолюбіемъ и любострастіемъ, чего бы мы не испытали на себѣ. Трудно почти рѣшить, когда участь города хуже, тогда ли, когда онъ взятъ силою непріятелемъ, или тогда, когда въ немъ господствуетъ силою же оружія самый гнусный тираннъ? Но всѣ тѣ преступленія, которыя самые жестокіе и наглые тиранны совершаютъ въ отношеніи къ угнѣтеннымъ гражданамъ, Племиній позволилъ себѣ въ отношеніи къ намъ, нашимъ дѣтямъ и женамъ.

18. На одинъ предметъ жалобы указать намъ особенно велитъ религіозное вѣрованіе, которое вкоренено въ душахъ вашихъ, а вы должны выслушать, и очистить общественное дѣло ваше отъ религіозныхъ опасеній, если вы, достопочтенные отцы, призна-

ете это за нужное. Мы сами видѣли, съ какою набожностію не только чтите вы вашихъ боговъ, но и принимаете иноземныхъ. У насъ существуетъ храмъ Прозерпины, о святости котораго вы, я думаю, что нибудь слыхали во время войны съ Пирромъ. Онъ, возвращаясь изъ Сициліи, плылъ съ флотомъ мимо Локровъ; въ числѣ прочихъ гнусныхъ дѣйствій, которыя позволилъ онъ себѣ въ отношеніи къ нашему городу, за его къ вамъ вѣрность, онъ ограбилъ сокровища Прозерпины, до этого дня не прикосновенныя. Положивъ деньги на суда, онъ отплылъ отъ берега; но что же случилось, отцы достопочтенные? Флотъ на другой день подвергся самой жестокой бурѣ и всѣ суда, на которыхъ находились священныя деньги, выброшены на наши берега. Наученный такимъ бѣдствіемъ вѣрить существованію боговъ, надменный царь, собравъ всѣ деньги, велѣлъ ихъ внести обратно въ сокровищницу Прозерпины. Да и съ того времени счастіе совершенно оставило царя: изгнанный изъ Италіи, онъ неблагоразумно, ночью, проникъ въ Аргосъ, и тамъ погибъ смертію позорною и безчестною. Легатъ вашъ и военные трибуны слышали этотъ разсказъ и многое другое, что испытали на себѣ предки наши не разъ, и удостовѣрились въ личномъ присутствіи тамъ богини, а не для того только дѣлались эти разсказы, чтобы увеличить уваженіе къ святынѣ. Тѣмъ не менѣе они осмѣлились наложить святотатственныя руки на сокровища, дотолѣ неприкосновенныя, и такимъ образомъ преступною добычею дерзнули они запятнать самихъ себя, дома свои и вашихъ воиновъ. А потому вѣрность наша къ вамъ, отцы достопочтенные, заставляетъ насъ умолять васъ—ни къ чему не приступать прежде, чѣмъ умилостивить богиню, для того чтобы преступленіе вашихъ воиновъ не отплатилось не только ихъ кровію, но и какимъ нибудь общественнымъ бѣдствіемъ. И теперь уже, отцы достопочтенные, гнѣвъ богини дѣйствуетъ и въ вождяхъ, и въ воинахъ вашихъ: уже не разъ сразились они другъ съ другомъ, какъ бы враги въ открытомъ полѣ: съ одной стороны вождемъ былъ Племиній, съ другой два военныхъ трибуна. Не такъ ожесточенно сражались они мечемъ съ Карѳагенянами, какъ тутъ другъ противъ друга; своимъ безуміемъ дали бы они случай Аннибалу завладѣть снова Локрами, если бы не

подоспѣлъ во время Сципіонъ, приглашенный нами. По истинѣ какое то безуміе или бѣшенство овладѣло умами воиновъ, виновныхъ въ святотатствѣ; но особенно непосредственное вмѣшательство богини обнаружилось въ наказаніи вождей. Легатъ высѣкъ розгами трибуновъ военныхъ, но потомъ онъ попался въ руки трибуновъ, устроившихъ для него ловушку, и не только все тѣло его было истерзано, но отрублены у него носъ и уши и онъ оставленъ замертво. Легатъ, оправившись отъ ранъ, заключилъ военныхъ трибуновъ въ оковы, потомъ наказалъ розгами и, истощивъ надъ ними всѣ мученія, какія обыкновенно примѣняются къ рабамъ, онъ ихъ казнилъ смертію, и самыя тѣла запретилъ предавать погребенію. Вотъ какъ богиня наказала грабителей своего храма, и не престанетъ она возбуждать ко всякаго рода неистовствамъ, пока священныя деньги не будутъ возвращены въ сокровищницу храма. Нѣкогда предки наши во время важной войны съ Кротонцами, хотѣли перенести въ городъ сокровища богини, такъ какъ храмъ ея находится внѣ города. Ночью послышался изъ капища голосъ: удержите руки ваши, богиня съумѣетъ защитить свой храмъ! Такимъ образомъ, религіозное опасеніе не позволило сокровища перенести изъ храма; тогда предки наши хотѣли обнести его стѣнами: уже стѣны были возведены до нѣкоторой высоты, какъ вдругъ обратились въ развалины. И теперь, и во многихъ случаяхъ прежде, богиня свой храмъ и свое мѣстопребываніе или съумѣла защищать, или жестоко наказывала оскорблявшихъ ея святыню. Что же касается до нашихъ собственныхъ обидъ, то ни кто за нихъ не отомститъ, развѣ вы, отцы достопочтенные: прибѣгая къ вамъ, смиренно умоляемъ васъ о защитѣ. Для насъ все равно: оставите ли вы насъ тому легату и его отряду, или предадите на казнь раздраженному Аннибалу и Карѳагенянамъ. Не требуемъ, чтобы вы намъ повѣрили на слово сейчасъ объ отсутствующемъ, и не принявъ отъ него оправданія. Пусть онъ придетъ, пусть онъ самъ выслушаетъ, пусть опровергнетъ! Если есть какое либо преступленіе, которое только можетъ совершить человѣкъ противъ человѣка, и которое онъ не заставилъ насъ испытать, то мы не только соглашаемся вытерпѣть съизнова (если только силъ нашихъ достанетъ) все то,

что уже терпѣли, и онъ пусть освободится ото всякой отвѣтственности и передъ богами и передъ людьми.

19. Когда послы это сказали, то К. Фабій спросилъ у нихъ: обращались ли они съ своими жалобами къ П. Сципіону? На это Локры отвѣчали, что они посылали пословъ, но что Сципіонъ занятъ военными приготовленіями, и что онъ или въ самомъ непродолжительномъ времени переѣдетъ въ Африку, или уже переправился туда. Притомъ они уже испытали, въ какой милости легатъ у главнаго вождя: разобравъ дѣло между нимъ и трибунами, Сципіонъ трибуновъ заключилъ въ оковы, а легата, который былъ столько же виновенъ, если не больше, оставилъ въ должности. Когда посламъ велѣно было оставить храмъ, то старѣйшіе изъ сенаторовъ не щадили въ своихъ рѣчахъ не только Племинія, но и самаго Сципіона. Болѣе всѣхъ нападалъ на него К. Фабій; онъ говорилъ, что Сципіонъ родился на гибель военной дисциплинѣ, и что въ Испаніи погибло въ возмущеніе сдва ли не болѣе воиновъ, сколько въ самую войну. По примѣру иноземному и подражая царямъ, Сципіонъ и поблажаетъ своеволію воиновъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ жестоко ихъ наказываетъ. А потому вслѣдъ за рѣчью, онъ сдѣлалъ приговоръ столь же немилостивый: Племинія легата связаннаго привезти въ Римъ, здѣсь онъ скованный, долженъ оправдаться, и если справедливо то, на что жаловались Локрійцы, то онъ долженъ быть казненъ смертію въ темницѣ, и имѣніе его все взято въ казну. П. Сципіона отозвать за то, что онъ, безъ позволенія сената, оставилъ назначенную ему провинцію, и снестись съ трибунами народными, чтобы они предложили народному собранію о необходимости отрѣшить Сципіона отъ должности. Локрійцамъ отвѣчать передъ сенатомъ, что тѣ обиды, на которыя они жаловались, сдѣланы безъ вѣдома сената и народа, что сенатъ даетъ имъ названіе хорошихъ людей, и вѣрныхъ друзей и союзниковъ; что имъ возвратятъ женъ и дѣтей и все, что у нихъ похищено; что деньги, сколько ихъ похищено изъ сокровищъ Прозерпины, будутъ розысканы, и двойное количество ихъ внесено въ сокровищницу. Будетъ принесено жертвоприношеніе искупительное, при чемъ прежде всего отнесутся въ коллегію первосвященниковъ съ вопросомъ, вслѣдствіе святотатственнаго похищенія священныхъ сокровищъ, какія должны быть принесены жертвы, и какимъ богамъ и съ какими искупительными обрядами? Воины, которые находятся въ землѣ Локровъ, должны, быть перевезены въ Сицилію, а, для обереженія Локровъ, послать четыре когорты союзниковъ Латинскаго имени. Въ этотъ день не могло пройдти ни какое постановленіе, такъ какъ одни дѣйствовали горячо противъ Сципіона, а другіе за него. Ему ставили въ вину не только преступленіе Племинія и бѣдствія Локровъ, но и поведеніе, недостойное не только Римскаго вождя, но и воина: въ роскошной одеждѣ и обуви расхаживаетъ онъ по гимназіи, занимается книжками и тѣлесными упражненіями; точно также, погружаясь въ роскошь и лѣнь, вся когорта Сципіона наслаждается пріятностями Сиракузъ; забыты и Карѳагенъ и Аннибалъ; все войско страдаетъ своеволіемъ, и оно таково, какимъ было въ Испаніи и Сукронѣ, каковымъ теперь показало себя въ Локрахъ, то есть опаснѣе для союзниковъ, чѣмъ для враговъ.

20. Во всемъ, что говорили, была часть правды, отъ смѣшенія съ которою, и неправда получила оттѣнокъ истины. Какъ бы то ни было, но взяло верхъ мнѣніе К. Метелла, который во всемъ прочемъ, кромѣ того, что касалось Сципіона, соглашался съ Максимомъ: прилично ли—говорилъ онъ—того человѣка, котораго еще въ самой ранней его молодости, граждане избрали вождемъ для возвращенія Испаніи, котораго, по отнятіи Испаніи отъ непріятеля, они избрали консуломъ для приведенія къ концу Пунической войны, и въ своихъ надеждахъ назначили его для покоренія Африки и для отвлеченія Аннибала изъ Италіи, вдругъ наравнѣ съ К. Племиніемъ, осудить заранѣе, не выслушавъ его оправданія, отозвать изъ провинціи, между тѣмъ какъ то, что, по жалобамъ Локровъ, совершено противъ нихъ преступнаго, по ихъ собственнымъ словамъ, сдѣлано было даже не въ присутствіи Сципіона, котораго можно упрекнуть развѣ въ излишней снисходительности и совѣстливости, съ какою онъ пожалѣлъ легата? — Метеллъ подалъ мнѣніе: чтобы преторъ М. Помпоній, которому по жеребью досталась Сицилія, не позже трехъ дней отправился въ свою провинцію. Консулы должны

выбрать изъ числа сенаторовъ десять пословъ по своему усмотрѣнію, и отправить съ преторомъ ихъ, двухъ трибуновъ народныхъ и эдиля. Преторъ съ общаго совѣта съ ними, долженъ разобрать: если то, на что жалуются Локры, сдѣлано по приказанію Сципіона, или согласно съ его волею, то послы должны были приказать ему оставить провинцію. Если же П. Сципіонъ переправился въ Африку, то трибуны народные, эдиль и два посла, которыхъ преторъ найдетъ наиболѣе способными для исполненія этого порученія, должны отправиться въ Африку: трибуны и эдиль для того, чтобы привести оттуда Сципіона, а послы для того, чтобы начальствовать войскомъ, впредь до прибытія къ нему новаго полководца. Если Помпоній и десять пословъ узнаютъ, что притѣсненія Локровъ сдѣланы не по приказанію Сципіона и безъ его вѣдома, то пусть Сципіонъ останется при своемъ войскѣ, и ведетъ войну сообразно предположенному имъ плану. По изданіи этого сенатскаго декрета, отнестись къ трибунамъ народнымъ для того, чтобы они разобрались между собою, кому изъ нихъ двоимъ идти съ преторомъ и послами. Въ коллегіи первосвященниковъ сообщено о необходимости искупить насиліе и святотатство, совершенное въ Локрахъ, въ храмѣ Прозерпины. Съ преторомъ и десятью послами отправились трибуны народные, М. Клавдій Метеллъ и М. Цинцій Алиментъ. Эдиль народный данъ для того, чтобы онъ, въ случаѣ или неповиновенія Сципіона претору въ Сициліи, или нахожденія его уже въ Африкѣ, по приказанію трибуновъ, вслѣдствіе ихъ священной власти, взялъ Сципіона и привелъ съ собою. Вся эта депутація вознамѣрилась прежде идти въ Локры, чѣмъ въ Мессану.

21. Что касается Племинія, то о немъ сохранилась двойная молва. Одни говорятъ, что онъ, услыхавъ о томъ, что произошло въ Римѣ, отправился въ ссылку въ Неаполь, но случайно наткнулся на К. Метелла, одного изъ пословъ, который и притащилъ его силою въ Регій. Другіе говорятъ, что самъ Сципіонъ отправилъ посла съ тридцатью благородными всадниками, заключить Племинія, и другихъ главныхъ виновниковъ бывшихъ безпорядковъ, въ оковы. Какъ бы то ни было, по приказанію ли

претора, или еще прежде по распоряженію Сципіона, они отданы подъ стражу Регинцамъ. Преторъ и послы, прибывъ въ Локры, прежде всего озаботились, какъ имъ было и поручено, тѣмъ что относилось до религіи. Они розыскали всѣ священныя деньги, какія находились у Племинія и у воиновъ, и вмѣстѣ съ тѣми, которыя принесли съ собою, они положили въ сокровищницу, и принесли искупительное жертвоприношеніе. За тѣмъ преторъ, позвавъ воиновъ на сходку, приказалъ имъ вынести значки изъ города; онъ поставилъ лагерь въ открытомъ полѣ и строго запретилъ воинамъ какъ оставаться въ городѣ, такъ и оттуда что либо унести. Локрійцамъ же преторъ дозволилъ: взять то, что они найдутъ имъ принадлежащаго, а чего не окажется, то о томъ ему сдѣлать показаніе. Прежде всего заблагоразсудилъ преторъ немедленно возвратить Локрійцамъ свободныхъ людей изъ нихъ, взятыхъ было въ неволю: а кто не возвратитъ, то противъ того объявлено самое строгое наказаніе. Потомъ преторъ созвалъ Локрійцевъ на сходку и объявилъ тамъ, что сенатъ Римскій и народъ возвращаютъ имъ права вольности и ихъ собственные законы; а кто хочетъ явиться обвинителемъ или Племинія или кого нибудь другаго, тотъ пусть отправится въ Регій. Если они хотятъ жаловаться публично на Сципіона, что преступленія, совершенныя въ Локрахъ противъ законовъ божескихъ и человѣческихъ, сдѣланы по его приказанію, или съ его вѣдома, то пусть пошлютъ пословъ въ Массану. Тамъ онъ преторъ разберетъ дѣло вмѣстѣ съ своими товарищами. Локрійцы благодарили претора и легатовъ, сенатъ и народъ Римскій; они говорили, что пойдутъ обвинять Племинія; что же касается до Сципіона, то хотя онъ мало соболѣзновалъ бѣдствіямъ ихъ отечества, однако они о немъ такого понятія, что предпочитаютъ имѣть его другомъ, чѣмъ врагомъ. Навѣрное они знаютъ, что столько преступленій противъ нихъ совершено, не только не по приказанію Сципіона, но даже безъ его вѣдома. Но Сципіонъ или слишкомъ много вѣрилъ Племинію, или слишкомъ мало имъ. Или можетъ быть у него отъ природы такой характеръ, какой у нѣкоторыхъ людей бываетъ, что они не хотятъ видѣть преступленій, потому что не имѣютъ довольно силы, чтобы наказать ихъ.

Такимъ образомъ и претору, и его совѣту, одною тяжкою обязанностью было меньше: не предстояло надобности производить изслѣдованіе надъ Сципіономъ. Племинія и 32 человѣка съ нимъ они осудили, и въ цѣпяхъ отправили въ Римъ; а сами поѣхали къ Сципіону для того, чтобы, удостовѣрясь собственными глазами въ справедливости слуховъ объ изнѣженности и бездѣйствіи главнаго полководца, принесть объ этомъ вѣрное извѣстіе въ Римъ.

22. Когда послы пришли въ Сиракузы, то Сципіонъ, въ оправданіе себя, приготовилъ не слова, но самые факты. Онъ велѣлъ собраться туда всему войску, а также изготовиться флоту такъ, какъ бы въ этотъ день нужно было сражаться на морѣ и на сухомъ пути съ Карѳагенянами. Въ тотъ день, когда прибыли послы, Сципіонъ ихъ принялъ и угостилъ ласково, а на другой день показалъ имъ сухопутное и морское войско, и первое не только въ боевомъ порядкѣ, но и занятое воинскими упражненіями, а флотъ въ пристани представилъ примѣръ морскаго сраженія. Потомъ претора и легатовъ повели показывать арсеналы и житницы, и вообще всякаго рода запасы, изготовленные для войны. То, что видѣли послы и вмѣстѣ и порознь, произвело въ нихъ великое удивленіе, и въ нихъ родилось убѣжденіе, что если какой нибудь вождь и войско въ состояніи побѣдить Карѳагенянъ, то именно эти самые; а потому они отъ души совѣтовали Сципіону переправиться въ Африку, если богамъ такъ угодно, и такимъ образомъ, какъ можно скорѣе, оправдать тѣ надежды народа Римскаго, которыя онъ имѣлъ въ тотъ день, когда всѣ центуріи (сотни) назначили его консуломъ. И до того въ веселомъ расположеніи духа, послы отправились изъ Сиракузъ, какъ будто бы они несли въ Римъ извѣстіе не о прекрасныхъ военныхъ приготовленіяхъ, но уже о самой рѣшительной побѣдѣ!

Племиній и тѣ, которые признаны его соучастниками, по прибытіи ихъ въ Римъ, посажены въ тюрьму. Сначала трибуны вывели ихъ къ народу; такъ какъ умы были уже подготовлены разсказомъ Локрійцевъ объ ихъ бѣдствіяхъ, то обвиненные не могли встрѣтить никакого сострадания. Но впослѣдствіи, когда уже не разъ они были выводимы, и раздраженіе уменьшалось по мѣрѣ

того, какъ поводъ его начиналъ приходить въ забвеніе. Самый обезображенный видъ Племинія и воспоминаніе объ отсутствующемъ Сципіонѣ, располагали народъ въ его пользу; впрочемъ, Племиній умеръ въ темницѣ прежде, чѣмъ состоялся о немъ приговоръ народный. Клодій Лициній, въ третьей книгѣ своей Римской исторіи, говоритъ объ этомъ Племиніѣ, что онъ, во время празднованія игръ, данныхъ по обѣту Сципіономъ Африканскимъ, когда онъ былъ другой разъ консуломъ, пытался черезъ нѣкоторыхъ людей, подкупленныхъ деньгами, поджечь Римъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ для того, чтобы имѣть случай разбить тюрьму и бѣжать. Когда преступленіе Племинія было открыто, то онъ, по сенатскому декрету, отправленъ въ Тулліанъ. О Сципіонѣ разсужденіе было только въ Сенатѣ; здѣсь всѣ послы и трибуны превозносили до небесъ похвалами и вождя, и флотъ и войско. Такимъ образомъ, успѣли въ томъ, что сенатъ опредѣлилъ, какъ можно поспѣшнѣе переправить войско въ Африку, и дозволить Сципіону изъ войскъ, которыя находились въ Сициліи выбрать тѣ, съ которыми переправиться въ Африку, а остальнымъ поручить защиту провинціи.

23. Междутѣмъ какъ это происходило въ Римѣ, Карѳагеняне на разныхъ, выдававшихся въ море, пунктахъ морскаго прибрежья устроили сторожевыя башни; съ любопытствомъ, и страхомъ распрашивали они каждаго вѣстника, и въ такой тревогѣ провели всю зиму. Впрочемъ, для безопасности Африки немаловажною съ ихъ стороны мѣрою, былъ тѣсный союзъ съ царемъ Сифаксомъ; а Карѳагеняне были убѣждены, что, если Римляне думаютъ перейдти въ Африку, то главное, расчитывая на союзъ съ этимъ царемъ. Аздрубалъ, сынъ Гисгона, не только былъ связанъ съ царемъ связями взаимнаго гостепріимства, о чемъ мы говорили выше, когда изъ Испаніи случайно съѣхались къ царю въ одно и тоже время и Сципіонъ и Аздрубалъ; но зашла рѣчь и о родствѣ: царь хотѣлъ жениться на дочери Аздрубала. Для приведенія къ концу этого дѣла, и для назначенія времени свадьбы—дѣвица уже годилась замужъ — Аздрубалъ отправился къ царю, какъ онъ зналъ, ослѣпленному страстью: изо всѣхъ варваровъ, Нумиды преимущественно склонны къ чувственнымъ наслажденi-

ямъ любви. Аздрубалъ вызвалъ свою дочь изъ Карѳагена, и поспѣшилъ бракосочетаніемъ. Среди веселостей союзъ родственный былъ скрѣпленъ общественнымъ; между народомъ Карѳагенскимъ и царемъ заключенъ, при взаимныхъ обязательствахъ вѣрности, союзъ, который скрѣпленъ клятвами—имѣть однихъ и тѣхъ же друзей и недруговъ. Впрочемъ, Аздрубалъ, помня, что царь заключилъ союзный договоръ и съ Сципіономъ, и опасаясь, что, съ переходомъ Сципіона въ Африку, могутъ оказаться слабыми даже узы родства, при врожденномъ легкомысліи и непостоянствѣ варваровъ, рѣшился воспользоваться еще недавнею любовью Нумида, и успѣлъ главное, при содѣйствіи женскихъ ласкъ, склонить царя—отправить пословъ въ Сицилію къ Сципіону, и черезъ нихъ внушить ему, чтобы онъ не переправлялся въ Африку, основываясь на его прежнихъ обѣщаніяхъ; что онъ царь, и вслѣдствіе бракосочетанія съ гражданкою Карѳагенскою, дочерью Аздрубала, который у него находится въ настоящее время гостемъ, и вслѣдствіе публичнаго союза, заключеннаго съ народомъ Карѳагенскимъ, желаетъ болѣе всего, чтобы Римляне, какъ то дѣлали до нынѣ, вели войну съ Карѳагенянами внѣ Африки для того, чтобы не ставить его въ необходимость, бывъ свидѣтелемъ ихъ борьбы, оставить союзъ съ какою либо стороною, и пристать къ другой съ оружіемъ въ рукахъ. Если же Сципіонъ не пощадитъ Африки, и придвинетъ свое войско къ Карѳагену, то онъ царь будетъ вынужденъ необходимостью обнажить мечь какъ за Африку, которая есть его родина, такъ и за родный городъ жены своей, за ея родичей и домашніе очаги.

24. Послы, отправленные царемъ съ этими порученіями къ Сципіону, нашли его въ Сиракузахъ. Сципіонъ, хотя лишился большой надежды, и видѣлъ утраченнымъ весьма благопріятное обстоятельство для веденія войны въ Африкѣ, поспѣшно отослалъ пословъ обратно въ Африку, прежде, чѣмъ это обстоятельство обнаружилось, и далъ имъ письмо къ царю, въ которомъ онъ его усильно убѣждалъ—не разрывать связи гостепріимства, ихъ связывавшія, не нарушать союзъ, заключенный съ народомъ Римскимъ, и не обманывать взаимнаго довѣрія, скрѣпленнаго клятвами, и боговъ, свидѣтелей и хранителей общественныхъ обязательствъ.

Впрочемъ, такъ какъ прибытіе Нумидовъ скрыть нельзя было—они ходили по городу и являлись въ преторіѣ — молчать же о томъ, съ просьбою о чемъ они приходили, было бы опасно—усилія скрыть истину, только содѣйствуютъ къ скорѣйшему ея обнаруженію — могъ овладѣть войскомъ страхъ—въ одно и то же время имѣть непріятелями и Карѳагенянъ и царя, Сципіонъ скрылъ истину, занявъ умы людей разными выдумками. Собравъ воиновъ на сходку, онъ объявилъ, что далѣе медлить нѣчего. Союзники цари настаиваютъ, чтобы онъ, какъ можно поспѣшнѣе, переправился въ Африку: Масинисса самъ еще прежде пришелъ къ Лелію съ жалобою, что время проходитъ въ пустыхъ промедленіяхъ. А вотъ недавно Сифаксъ прислалъ пословъ, изъявляя удивленіе по тому же поводу, и требуя, чтобы или наконецъ войско было переправлено въ Африку, или, если Сципіонъ перемѣнилъ свое намѣреніе, то пусть ему дастъ знать для того, чтобы онъ могъ озаботиться участью своею и своего королевства. А теперь, когда все уже готово и снаряжено, и нѣтъ никакого повода медлить долѣе, онъ, Сципіонъ, хочетъ отправить флотъ въ Лилибей и, собравъ тамъ всѣ сухопутныя и морскія силы, въ первый день, благопріятный для отплытія, съ помощью боговъ безсмертныхъ, переправиться въ Африку. Сципіонъ писалъ къ М. Помпонію о томъ, чтобы онъ, если заблагоразсудитъ, прибылъ въ Лилибей для общаго совѣта: какіе легіоны, и сколько воиновъ ему Сципіону взять съ собою въ Африку. Онъ также приказалъ по морскимъ берегамъ захватить всѣ суда транспортныя, какія попадутся, и свести ихъ въ Лилибей. Такимъ образомъ въ Лилибеѣ собрались всѣ воины и всѣ суда, сколько ихъ ни находилось въ Сициліи, такъ что городъ не могъ вмѣщать всего многолюдства, а гавань оказалась тѣсною для судовъ. Такое было у всѣхъ желаніе переправиться въ Африку, какъ будто всѣ шли не на войну, но на вѣрную побѣду. Особенно воины, которые еще оставались отъ бывшаго Каннскаго войска, были въ томъ убѣжденіи, что труды ихъ на пользу общую при Сципіонѣ скорѣе, чѣмъ при какомъ другомъ вождѣ, положатъ конецъ ихъ службѣ, и смоютъ съ нихъ клеймо позора. Сципіонъ и самъ смотрѣлъ на этихъ воиновъ далеко не съ презрѣніемъ; онъ зналъ, что не по ихъ

винѣ случилось Каннское пораженіе, и что въ войскѣ Римскомъ нѣтъ воиновъ, которые бы долѣе ихъ служили, что они показали свое мужество не только въ различныхъ сраженіяхъ, но и при взятіи приступомъ городовъ. Легіоны Каннскіе были пятый и шестой; Сципіонъ объявилъ, что беретъ ихъ съ собою въ Африку, осмотрѣлъ всѣхъ воиновъ, оставилъ тѣхъ, которыхъ считалъ неспособными, а на мѣсто ихъ поставилъ тѣхъ, которыхъ привелъ съ собою изъ Италіи; вообще, онъ пополнилъ легіоны такъ, что каждый заключалъ въ себѣ шесть тысячь двѣсти человѣкъ пѣхоты и триста всадниковъ. Онъ также набралъ и пѣшихъ и конныхъ воиновъ Латинскаго племени изъ Каннскаго войска.

25. Сколько именно воиновъ перевезено въ Африку, о томъ между писателями большое разнорѣчіе. Одни говорятъ десять тысячь пѣхоты, и двѣ тысячи всадниковъ; другіе—шестнадцать тысячь пѣхоты, и тысячу шестьсотъ всадниковъ. По другимъ извѣстіямъ, это число увеличивается больше чѣмъ вдвое; а именно: я нахожу въ нѣкоторыхъ источникахъ, что на суда посажено тридцать пять тысячь пѣхоты и всадниковъ. Нѣкоторые писатели не опредѣляютъ положительно числа, и я самъ считаю за лучшее, относительно столь неопредѣленнаго предмета, принадлежать къ числу ихъ. Цэлій, если не опредѣляетъ количества войска, то говоритъ о немъ, какъ о безчисленномъ: птицы падали отъ громкихъ криковъ воиновъ, и они въ такомъ множествѣ сѣли на суда, какъ будто во всей Сициліи и Италіи не осталось болѣе ни одного человѣка.

Сципіонъ взялъ на себя самого заботу о томъ, чтобы воины сѣли на суда въ порядкѣ, и безъ смятенія. Матросовъ К. Лелій, начальникъ флота, удержалъ на судахъ, велѣвъ имъ сѣсть на нихъ заблаговременно. М. Помпонію претору поручено имѣть попеченіе о нагруженіи провіанта: его положено на суда на 45 дней, и въ томъ числѣ на 15 дней вареннаго. Когда всѣ воины уже сѣли на суда, то Сципіонъ разослалъ въ лодкахъ съ приказаніемъ, чтобы начальники судовъ, рулевые и по два воина, явились на площадь за полученіемъ приказаній. Когда они всѣ собрались, то онъ сначала спросилъ ихъ: взяли ли они съ собою воды для людей и лошадей, на столько же дней, на сколько провіанту. Они отвѣчали, что воды на судахъ на сорокъ пять дней. Тогда Сципіонъ приказалъ воинамъ, чтобы они вели себя на судахъ смирно и безпрекословно, и усердно помогали матросамъ въ исполненіи ихъ обязанностей. Онъ самъ и Л. Сципіонъ съ 20 военными судами составляли правое крыло; на лѣвомъ было столько же военныхъ судовъ; а начальникъ флота К. Лелій съ М. Порціемъ Катономъ — который въ то время былъ квесторомъ—должны были прикрывать транспортныя суда. Военныя суда имѣли ночью по одному фонарю, а транспортныя по два; на преторскомъ кораблѣ было три фонаря. Кормчимъ судовъ приказалъ Л. Сципіонъ, чтобы они направляли ихъ къ Емпоріямъ; тамъ почва весьма плодородна, и, вслѣдствіе этого, страна обильна всякаго рода произведеніями, а дикіе жители ея неслишкомъ воинственны, какъ то бываетъ большою частью съ жителями плодородныхъ мѣстностей. Сципіонъ надѣялся подавить ихъ прежде, чѣмъ подоспѣетъ помощь изъ Карѳагена. Отдавъ такого рода приказанія, Сципіонъ велѣлъ возвратиться на суда, и на другой день, по данному знаку, сняться съ якорей, призвавъ на помощь боговъ безсмертныхъ.

26. Не мало Римскихъ флотовъ отправилось изъ Сициліи и изъ самого этого порта; притомъ, не въ эту только войну — и это неудивительно: большою частью они отправлялись только съ цѣлью грабежа—но и въ прежнюю, ни одно отправленіе флота не привлекло столько зрителей. Впрочемъ, если сравнить величину флотовъ, то прежде переправились отсюда два консула съ двумя арміями, и тогда тотъ флотъ заключалъ въ себѣ почти столько же военныхъ судовъ, на сколькихъ судахъ транспортныхъ теперь Сципіонъ перевозилъ свое войско: для этой цѣли служили, кромѣ 40 линейныхъ судовъ, почти четыреста транспортныхъ. Притомъ, вторая война казалась Римлянамъ, сравнительно съ первою, гораздо тяжеле какъ потому, что Италія была театромъ войны, такъ и вслѣдствіе потерь стольких армій съ ихъ вождями. Притомъ, Сципіонъ привлекалъ общее вниманіе, какъ своими прежними славными дѣяніями, такъ и какимъ то врожденнымъ счастіемъ, которое, повидимому, приготовляло ему славное поприще.

Да и къ тому же нова была самая мысль, доселѣ еще ни однимъ вождемъ въ эту войну неиспытанная—переправиться въ Африку, увлечь за собою туда Аннибала, и тамъ положить конецъ войнѣ. На зрѣлище отправленія флота собрались къ пристани не только всѣ жители Лилибея, но и всѣ посольства Сицилійскія, которыя изъ вѣжливости собрались проводить Сципіона, и пришли вслѣдъ за М. Помпоніемъ, преторомъ провинціи. Притомъ, воины тѣхъ легіоновъ, которые оставались въ Сициліи, вышли проводить своихъ сослуживцевъ. И не только флотъ былъ зрѣлищемъ для тѣхъ, которые находились на берегу, но и съ флота весьма любопытно было посмотрѣть на берегъ, который весь былъ покрытъ зрителями.

27. Тогда Сципіонъ, черезъ трубача подавъ знакъ къ общему молчанію, сталъ говорить: боги и богини, вы, которыя населяете моря и земли, прошу васъ и молю, чтобы вы все, что моею властью сдѣлано и дѣлается, обратили на добро мнѣ и народу Римскому, и союзникамъ племени Латинскаго, и всѣмъ, которые послѣдовали за мною по морю, и по суху, и по рѣкамъ подъ моими повелѣніями и моимъ счастіемъ, окажите вашу помощь и благое содѣйствіе благимъ начинаніямъ. По счастливомъ окончаніи войны, здравыхъ и невредимыхъ, обремененныхъ добычею и торжествующихъ, допустите возвратиться вмѣстѣ со мною въ отчизну. Дайте возможность отмстить нашимъ врагамъ и непріятелямъ, и пусть то, что народъ Карѳагенскій замышлялъ противъ моей отчизны, я и народъ Римскій, при вашемъ содѣйствіи, приведемъ въ исполненіе на самомъ Карѳагенѣ.» Произнесши эти мольбы, Сципіонъ бросилъ въ море, согласно установленному обычаю, сырыя внутренности жертвъ, и потомъ трубою далъ знакъ къ выступленію. Вѣтеръ попутный былъ довольно сильный, и потому, въ короткое время сдѣлавъ много пути, суда не замедлили потерять изъ виду землю. Съ юга нашелъ такой густой туманъ, что съ трудомъ суда избѣжали взаимныхъ столкновеніи. Чѣмъ дальше шли суда въ открытое море, тѣмъ больше стихалъ вѣтеръ; на слѣдующую ночь былъ такой же туманъ, какъ и прежде; при восходѣ солнца онъ исчезъ, и вѣтеръ усилился. Уже въ виду была земля, и кормчій скоро потомъ сказалъ Сципіону, что они находятся отъ берега Африки, на разстояніи не болѣе пяти тысячь шаговъ, у мыса Меркуріева. Сципіонъ, увидѣвъ землю, помолился о томъ, чтобы видъ береговъ Африки былъ благополученъ, какъ для него, такъ и для общественнаго дѣла, приказалъ натянуть паруса, и искать другаго пристанища судамъ по ниже. Одинъ и тотъ же вѣтеръ несъ суда по морю; впрочемъ, туманъ, появившійся почти, въ тоже время, какъ и наканунѣ, скрылъ землю изъ виду; самый вѣтеръ утихъ, уступая силѣ тумана. Наступленіе ночи сдѣлало все невѣрнымъ, а потому суда бросили якори, опасаясь, какъ бы не столкнуться другъ съ другомъ, или не быть выброшенными на берегъ. Съ разсвѣтомъ подулъ опять вѣтеръ, разогналъ туманъ и открылъ берега Африки по всему протяженію. Сципіонъ спросилъ: какъ называется ближайшій мысъ и услыхавъ, что *прекраснымъ*, онъ сказалъ: «это хорошій знакъ, туда направляйте суда. Флотъ тамъ присталъ, и всѣ войска высажены на землю.

Говоря о томъ, что плаваніе флота было благополучно, и обошлось безо всякихъ ужасовъ и тревоги, я основался на показаніяхъ многихъ Греческихъ и Латинскихъ писателей. Цэлій только, что не потопилъ судовъ въ волнахъ моря, а впрочемъ, онъ заставилъ ихъ испытать всѣ ужасы погоды и моря. Наконецъ онъ говоритъ, что буря, отогнавъ флотъ отъ береговъ Африки, прибила его къ острову Эгимуру; откуда флотъ съ трудомъ принялъ то направленіе, которое нужно было, и воины безъ оружія, не дожидаясь приказанія своего вождя, какъ бы спасаясь отъ кораблекрушенія, на лодкахъ ушли съ полузатопленныхъ судовъ, и въ страшномъ безпорядкѣ высадились на берегъ.

28. Когда всѣ войска были высажены, Римляне располагаются лагеремъ на ближайшихъ холмахъ. Уже страхъ и ужасъ, сначала при видѣ флота, а потомъ и высадки непріятеля на берегъ, овладѣли не только жителями прибрежныхъ полей, но и самыхъ городовъ. Не только всѣ дороги были наполнены смѣшанными толпами мущинъ, женъ и дѣтей, но поселяне гнали передъ собою свои стада; казалось, огромное переселеніе начиналось изъ Африки. Эти бѣглецы, приходя въ города, возбуждали тамъ страхъ, еще большій того, какой съ собою приносили. Особенно

въ Карѳагенѣ, смятеніе было такъ велико, какъ во взятомъ непріятелемъ городѣ. Со времени консуловъ М. Атилія Регула и Л. Манлія, почти въ продолженіи 50 лѣтъ, Карѳагеняне не видѣли ни одного Римскаго войска, развѣ одни флоты, приходившіе для грабежа и кратковременныхъ набѣговъ на поля. Захвативъ все, что попадалось на встрѣчу, воины прежде удалялись къ судамъ, чѣмъ жители успѣвали подняться на свою защиту. Тѣмъ сильнѣе были тогда въ городѣ смятеніе и ужасъ; и они были не безосновательны: не было въ городѣ ни достаточно сильнаго войска, ни вождя, котораго можно было бы противуставить Римлянамъ. Самымъ знаменитымъ гражданиномъ Карѳагена былъ въ то время Аздрубалъ, сынъ Гисгона, какъ по знатности происхожденія, такъ и по богатству, по хорошему о немъ мнѣнію, и по недавно заключенному родственному союзу съ царемъ. Но припоминали граждане, что самый этотъ Аздрубалъ Сципіономъ былъ разбитъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, и выгнанъ изъ Испаніи. Вождь Карѳагенскій на столько же могъ сравниться съ Римскимъ, на сколько, собранное на скорую руку, ополченіе Карѳагенское съ хорошо устроеннымъ Римскимъ войскомъ. А потому въ городѣ, какъ будто бы вотъ сейчасъ нападетъ на него Сципіонъ, раздались крики: къ оружію; ворота поспѣшно заперты, по стѣнамъ и у воротъ поставлены вооруженные караулы, и слѣдующая ночь проведена безъ сна. На другой день отправленъ къ берегамъ моря отрядъ изъ тысячи всадниковъ для того, чтобы произвести рекогносцировку, и потревожить непріятеля во время высадки; они наткнулись на Римскіе аванпосты. Уже Сципіонъ, отправивъ флотъ въ Утику, немного отступивъ отъ моря, занялъ близълежавшіе холмы, поставилъ въ мѣстахъ удобныхъ конные отряды для наблюденія, а другіе отправилъ для грабежа внутрь страны.

29. Они схватились съ отрядомъ Карѳагенскимъ, и причинили ему уронъ не столько во время сраженія, сколько во время преслѣдованія бѣгущихъ непріятелей; при чемъ убитъ и начальникъ отряда, по имени Ганнонъ, молодой человѣкъ знатной фамиліи. Сципіонъ не только опустошилъ окрестныя поля, но даже взялъ, находившійся вблизи, довольно богатый Африканскій городъ.

Тамъ, сверхъ прочей добычи, которая тотчасъ нагружена на транспортныя суда и отправлена въ Сицилію, взято въ плѣнъ восемь тысячь человѣкъ какъ свободныхъ, такъ и рабовъ. Но благопріятнѣе всего показался, въ самомъ началѣ военныхъ дѣйствій, приходъ Масиниссы, который явился къ Сципіону, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, не болѣе какъ съ 200 всадниковъ, а по другимъ съ двумя тысячами. Впрочемъ, такъ какъ Масинисса былъ изо всѣхъ царей того времени самый замѣчательный, и болѣе другихъ оказалъ услугъ дѣлу Римлянъ, то мнѣ кажется неизлишнимъ сдѣлать маленькое отступленіе, разсказавъ, при какихъ переворотахъ счастія, онъ утратилъ и опять пріобрѣлъ царство своихъ прародителей.

Междутѣмъ какъ Масинисса сражался за Карѳагенянъ въ Испаніи, у него умеръ отецъ, по имени Гала, и престолъ царскій перешелъ, согласно съ обычаемъ Нумидовъ, къ брату Галы, по имени Эзалку, находившемуся въ весьма преклонныхъ лѣтахъ. Скоро послѣ того, по смерти Эзалка, старшій изъ двухъ его сыновей, Капусса — другой былъ еще очень молодъ—получилъ отеческій престолъ. Впрочемъ, такъ какъ власть его основывалась болѣе на правахъ законности, чѣмъ на вліяніи на своихъ подданныхъ, или на силѣ оружія, то и появился нѣкто, по имени Мазетулъ изъ фамиліи, родственной царямъ, но, постоянно, съ перемѣннымъ счастіемъ, состязавшейся съ ними о власти. Онъ вооружилъ своихъ соотечественниковъ, на которыхъ имѣлъ сильное вліяніе, именно вслѣдствіе ненависти къ царскому роду, и, ставъ открыто лагеремъ, вынудилъ царя выйдти въ открытое поле, и сразиться за свой престолъ. Въ этомъ сраженіи, Капусса палъ вмѣстѣ съ многими вельможами, и весь народъ Мэзуліевъ призналъ надъ собою власть Мазетула. Впрочемъ, Мазетулъ не принялъ на себя имени царя и, довольствуясь скромнымъ названіемъ опекуна, онъ сдѣлалъ царемъ малолѣтнаго Лакумаза, отрока изъ царскаго рода. Мазетулъ, въ надеждѣ брачными узами скрѣпить союзъ съ Карѳагенянами, женился на знатной Карѳагенянкѣ, дочери сестры Аннибала, незадолго передъ тѣмъ вышедшей за царя Эзалка. Къ Сифаксу Мазетулъ отправилъ также пословъ,

скрѣпляя съ нимъ связи давнишняго гостепріимства; вездѣ Мазетулъ старался найдти себѣ вспоможенія противъ Масиниссы.

30. Масинисса, услыхавъ о смерти дяди, а потомъ о гибели двоюроднаго брата, переправился изъ Испаніи въ Мавританію — царемъ Мавровъ въ это время былъ Букаръ. Самыми усердными просьбами, Масинисса успѣлъ у него выпросить для прикрытія въ дорогѣ,—потому что для военныхъ дѣйствій вспоможенія Букаръ оказать ему не соглашался—четыре тысячи Мавровъ. Прибывъ на границы царства, Масинисса далъ знать объ этомъ пріятелямъ своего отца и своимъ, и тутъ явилось къ нему около 500 Нумидовъ. А потому, Масинисса отослалъ оттуда Мавровъ къ царю, согласно условія съ нимъ, несмотря на то, что число явившихся къ нему приверженцевъ было менѣе того, на какое онъ расчитывалъ, и съ такимъ незначительнымъ отрядомъ дерзко было рѣшиться на столь важное предпріятіе. Впрочемъ, Масинисса надѣялся дѣятельностію и стараніемъ увеличить свои силы до возможности дѣйствовать съ ними; онъ царька Лакумаза встрѣтилъ у Тапса на дорогѣ къ Сифаксу. Въ безпорядкѣ отрядъ царька бѣжалъ въ городъ, но его Масинисса взялъ первымъ приступомъ: изъ приверженцевъ царскихъ, одни изъявили ему покорность и были приняты, а другіе погибли, сопротивляясь. Большая же часть воиновъ съ самимъ царскимъ отрокомъ, пользуясь смятеніемъ, ушли къ Сифаксу, куда они и сначала направляли путь. Слухъ объ этомъ удачномъ, хотя и незначительномъ, военномъ подвигѣ, расположилъ Нумидовъ въ пользу Масиниссы; со всѣхъ сторонъ, съ полей и селъ, стекались старые воины Галы, и убѣждали юношу возвратить престолъ отца его. Впрочемъ, перевѣсъ числа воиновъ былъ нѣсколько на сторонѣ Мазетула: у него находилось то войско, съ которымъ онъ побѣдилъ Капуссу, и сверхъ того тѣ, которые пристали къ нему послѣ насильственной смерти царя. Притомъ, отрокъ Лакумазъ привелъ отъ Сифакса весьма сильное вспоможеніе. У Мазетула было пятнадцать тысячь пѣхоты, десять тысячь всадниковъ и, съ этими силами, сразился онъ съ Масиниссою, который далеко не имѣлъ у себя такого количества пѣшихъ и конныхъ воиновъ. Впрочемъ, побѣда увѣнчала и опытность старыхъ воиновъ, и знаніе военнаго дѣла, полководцемъ пріобрѣтенное въ войнахъ Римлянъ съ Кароагенянами. Царекъ, вмѣстѣ съ опекуномъ и незначительнымъ отрядомъ Мазезуліевъ, убѣжалъ въ Кароагенскую область. Такимъ образомъ, Масинисса, возвративъ себѣ царство своихъ предковъ, видѣлъ, что ему предстоитъ борьба съ Сифаксомъ, много значительнѣе прежней, и счелъ за лучшее помириться съ своимъ двоюроднымъ братомъ: черезъ пословъ, онъ его обнадежилъ въ случаѣ, если онъ ему довѣрится, дать ему то же мѣсто при себѣ, какое Эзалкъ занималъ при отцѣ его Галѣ; а Мазетулу онъ обѣщалъ безнаказанность, и возвращеніе всего имущества. И тотъ, и другой, предпочли изгнанію хотя бы самое скромное положеніе на родинѣ, и Масинисса ихъ перетащилъ къ себѣ, несмотря на усилія Кароагенянъ съ умысломъ разстроить его планы.

31. Когда это происходило, Аздрубалъ находился случайно у Сифакса. Этотъ царь Нумидовъ былъ того убѣжденія, что для него весьма мало разницы—будетъ ли царство Мазезуліевъ принадлежать Лакумазу или Масиниссѣ; но Аздрубалъ ему сказалъ, что онъ, Сифаксъ, въ этомъ случаѣ находится въ большомъ заблужденіи, если полагаетъ, что Масинисса удовольствуется тѣмъ, чѣмъ владѣлъ отецъ его Гала, или дядя Эзалкъ; что въ Масиниссѣ находится болѣе, чѣмъ въ комъ либо изъ его соотечественниковъ когда либо и ума, и смѣлости. Не разъ онъ въ Испаніи, какъ передъ союзниками, такъ и врагами, показалъ примѣры рѣдкой между людьми доблести. Если Сифаксъ и Кароагеняне въ началѣ не потушатъ этотъ огонь, то они не замедлятъ сдѣлаться жертвою огромнаго пожара, и тогда, когда уже ничѣмъ нельзя будетъ помочь. Силы его еще весьма ограниченны и слабы, пока онъ старается укрѣпить свое царство, едва только начавшееся. Своими настояніями и убѣжденіями, Аздрубалъ успѣлъ въ томъ, что Сифаксъ подвинулъ свое войско къ предѣламъ Мезуліевъ, и сталъ лагеремъ на землѣ, о которой постоянно состязался онъ съ Галою не только на словахъ, но и оружіемъ, какъ бы считая ее безспорно своею. Если кто явится оборонять—а этого то именно и нужно было—то дѣло дойдетъ до рѣшительнаго сраженія. Если же, подъ вліяніемъ страха, уступятъ эту землю, тогда надлежало идти въ середину царства;

такимъ образомъ или Мэзулiи поступятъ подъ его власть безъ борьбы, или, ни въ какомъ случаѣ, они не будутъ равны силами. Уступая такимъ внушенiямъ, Сифаксъ начинаетъ войну съ Масиниссою, и, въ первомъ же сраженiи, разбиваетъ на голову Мезулiевъ. Масинисса съ немногими всадниками бѣжалъ съ поля сраженiя на гору—которая у туземцевъ называется Беллъ (Бальбъ). Нѣсколько семействъ съ своими шалашами и стадами — въ послѣднихъ заключается все ихъ богатство—послѣдовали за царемъ. Всѣ прочiе Мезулiи отдались подъ власть Сифакса. Та гора, которую заняли бѣглецы, богата была и пастьбищами и водою, и такъ какъ она могла продовольствовать стада скота, то для людей, которые питались молокомъ и мясомъ, доставляла въ избыткѣ пропитанiе. Отсюда набѣгами, сначала по ночамъ и украдкою, потомъ явными разбоями, бѣглецы скоро сдѣлали небезопасною всю окрестную страну. Особенно подвергалось опустошенiю Кароагенское поле, какъ потому, что оно представляло болѣе добычи, чѣмъ Нумидское, такъ и потому, что набѣги туда сопровождались меньшею опасностью. Скоро они стали дѣйствовать до того смѣло, что они добычу стали доставлять на берегъ моря, и продавали ее купцамъ, которые нарочно для этого приставали тамъ съ судами. Потеря Кароагенянъ плѣнными и убитыми была тутъ больше, чѣмъ въ иной правильной компанiи. Кароагеняне горько жаловались на это Сифаксу, и его, и безъ того разгнѣваннаго, побуждали привести войну къ концу. Царю казалось неприличнымъ самому преслѣдовать по горамъ шайку разбойниковъ.

32. Бокаръ, одинъ изъ царскихъ префектовъ, человѣкъ острый и дѣятельный, былъ выбранъ для этого; ему дано четыре тысячи пѣхоты и двѣ конницы. Ему обѣщали огромную награду, если онъ принесетъ голову Масиниссы, или если—что было бы неописанною радостью—самого возьметъ въ плѣнъ живаго. Бокаръ напалъ на приверженцевъ Масиниссы, разсѣянныхъ и беззаботныхъ, отрѣзалъ большинство людей и стада отъ, прикрывавшаго ихъ, вооруженнаго отряда, и заставилъ самого Масиниссу, въ сопровожденiи немногихъ воиновъ, искать убѣжища на самомъ верху горы. Считая войну какъ бы оконченною, Бокаръ не толь-

ко послалъ царю добычу—взятыхъ въ плѣнъ людей и стада — но и, отославъ назадъ большую часть войска, какъ бы считая его больше, чѣмъ сколько нужно для приведенiя войны къ концу, сталъ преслѣдовать Масиниссу, сошедшаго съ горы не больше, какъ съ тысячью пѣшими и двумя стами конными воинами; онъ заперъ Масиниссу въ тѣсномъ горномъ ущельи, занявъ его съ обѣихъ сторонъ; тутъ Мезулiи потерпѣли страшное побоище: Масинисса, не болѣе какъ съ пятидесятью всадниками, ушелъ по горнымъ тропинкамъ, которыя были неизвѣстны его преслѣдователямъ. Впрочемъ, Бокаръ нашелъ его слѣды и, настигнувъ у города Клупеи въ открытомъ полѣ, онъ окружилъ его такъ, что всѣ его спутники были убиты, за исключенiемъ четырехъ всадниковъ. Въ числѣ ихъ, пользуясь смятенiемъ, ускользнулъ, такъ сказать изъ самыхъ рукъ непрiятеля, и Масинисса раненый. Бѣгущiе были впрочемъ въ виду; отрядъ всадниковъ, преслѣдуя пятерыхъ бѣглецовъ, разсѣялся по всему полю, и нѣкоторые обскакивали съ боку, чтобы преградить путь бѣглецамъ. Тутъ они наткнулись на большую рѣку—подъ влiянiемъ большаго страха, они бросились въ нее сразу не медля; сильное теченiе увлекло ихъ въ сторону. Два всадника потонули въ быстринахъ рѣки въ глазахъ непрiятелей, которые въ одномъ изъ погибшихъ думали признать Масиниссу; но онъ, съ двумя остальными всадниками, успѣлъ выплыть на противуположный берегъ, покрытый кустарникомъ. Тѣмъ и кончилось преслѣдованiе Бокара; онъ не дерзнулъ спуститься въ рѣку, да и былъ того убѣжденiя, что преслѣдовать болѣе нѣкого. А потому, къ царю явился гонецъ съ ложнымъ извѣстiемъ о мнимой гибели Масиниссы; нарочный, посланный съ тѣмъ же въ Кароагенъ, причинилъ тамъ большую радость. Вся Африка наполнилась извѣстiемъ о смерти Масиниссы, которое встрѣчено было съ разнообразными чувствами.

Масинисса въ скрытой пещерѣ лѣчилъ свою рану травами и, въ продолженiи нѣсколькихъ дней, кормился добычею грабительства двухъ всадниковъ. Какъ только рана позатянулась и могла допустить движенiе, тотчасъ Масинисса, съ удивительною смѣлостью, пошелъ добывать себѣ обратно царство. Дорогою собралъ онъ не болѣе 50 всадниковъ и, прибывъ въ землю Мезулiевъ, онъ

объявилъ кто онъ. Тутъ такое движеніе обнаружилось въ его пользу, вслѣдствіе прежняго благорасположенія и радости столь неожиданной,—того, кого считали погибшимъ, видѣли здравымъ и невредимымъ, что, въ самое непродолжительное время, собралось къ Масиниссѣ шесть тысячь пѣшихъ и четыре конныхъ, и онъ не только возвратилъ себѣ владѣнія своего отца, но уже сталъ опустошать области союзныхъ Карѳагенянамъ народовъ и Мазезуліевъ — то было царство Сифакса. Вызванный на войну, Сифаксъ сталъ между Циртою и Гиппономъ, на горахъ, въ такихъ мѣстахъ, откуда удобно было дѣйствовать всячески.

32. Сифаксъ, считая дѣло это болѣе важнымъ, чѣмъ чтобы поручить его какому нибудь военачальнику, послалъ съ своимъ сыномъ—то былъ молодой человѣкъ, по имени Вермина—часть войска, приказавъ ему напасть съ тылу на непріятеля, котораго все вниманіе будетъ обращено на него. Вермина выступилъ ночью для того, чтобы произвести нападеніе тайно. А Сифаксъ двинулся впередъ днемъ, прямо по открытому пути, показывая намѣреніе вступить въ бой съ непріятелемъ, снявъ лагерь. Когда по видимому настало время, посланнымъ въ обходъ исполнить свое движеніе, то Сифаксъ двинулся впередъ на гору, которой склонъ постепенно поднимался къ непріятельской позиціи; въ этомъ случаѣ, Сифаксъ надѣялся, какъ на многочисленность своихъ воиновъ, такъ и на засаду, приготовленную стылу. Масинисса полагалъ свою надежду на самую мѣстность, которая давала ему, во время сраженія, большой перевѣсъ, и потому онъ повелъ своихъ воиновъ, противъ непріятеля. Сраженіе было упорное и, въ продолженіи долгаго времени, нерѣшительное; въ пользу Масиниссы была мѣстность и доблесть его воиновъ, а Сифаксу помогалъ перевѣсъ его воиновъ, гораздо болѣе многочисленныхъ. Притомъ, эти огромныя силы, раздѣленныя на двѣ части, дѣйствовали съ двухъ сторонъ: одни тѣснили непріятеля съ фронта, а другіе съ тылу. Такимъ образомъ, побѣда безспорно склонилась на сторону Сифакса, и воинамъ Масиниссы, тѣснимымъ и съ фронта и съ тылу, не представлялось даже возможности уйдти. Прочіе пѣшіе и конные воины убиты, или взяты въ плѣнъ; а двѣсти всадниковъ Масинисса собралъ около себя и, раздѣливъ на три отряда, велѣлъ имъ пробиться въ разныя стороны, назначивъ мѣсто, куда они должны были собраться, въ случаѣ, если бы разошлись; самъ Масинисса, подъ градомъ стрѣлъ непріятельскихъ, ушелъ куда имѣлъ намѣреніе; но два другіе отряда остались на полѣ битвы: одинъ изъ страха сдался непріятелю, а другой, упорно сопротивляясь, погибъ весь, засыпанный непріятельскими стрѣлами. Вермина преслѣдовалъ Масиниссу по пятамъ, но тотъ увертывался отъ него, мѣняя безпрестанно дороги до того, что Вермина съ досады, видя свои надежды обманутыми, утомленный, долженъ былъ прекратить преслѣдованіе. Масинисса же, съ шестидесятью всадниками, ушелъ въ меньшій Сиртъ. Тамъ онъ, утѣшаясь въ своей совѣсти, доблестными попытками возвратить себѣ отеческое царство, оставался у Карѳагенскихъ пристаней, и народа Гарамантовъ, до самаго прибытія въ Африку К. Лелія и Римскаго флота. Эти обстоятельства заставляютъ меня дѣлать заключеніе, что, скорѣе съ небольшимъ отрядомъ всадниковъ, чѣмъ съ значительнымъ, Масинисса въ послѣдствіи пришелъ къ Сципіону; судьбѣ его, какъ изгнанника, приличествовала малочисленность его приверженцевъ, такъ какъ многочисленность есть удѣлъ того, кто пользуется царскою властью.

34. Карѳагеняне уже утратили одинъ отрядъ всадниковъ, вмѣстѣ съ его начальникомъ; вслѣдствіе новаго набора, сформировавъ еще конный отрядъ, они начальникомъ его сдѣлали Ганнона, сына Гамилькарова. Къ Аздрубалу и Сифаксу писали они письма, посылали гонцовъ, а наконецъ и пословъ, приглашая ихъ въ Карѳагенъ. Они велятъ Аздрубалу подать помощь отчизнѣ, находящейся почти въ облежаніи; а Сифакса умоляютъ, чтобы онъ защитилъ Карѳагенъ и всю Африку. Сципіонъ въ то время стоялъ лагеремъ у Утики, почти въ тысячѣ шагахъ отъ города; онъ перенесъ туда лагерь отъ морскаго берега, гдѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, находился въ постоянномъ сообщеніи съ флотомъ. Ганнонъ, получивъ подъ свое начальство конницу, недостаточно сильную, не только для нападенія на непріятеля, но и для защиты отъ опустошенія полей, озаботился прежде всего тѣмъ, какъ бы увеличить ея численность; не пренебрегъ онъ и

другими народами, но въ особенности нанималъ онъ Нумидовъ— которые въ Африкѣ занимаютъ безспорно первое мѣсто между всадниками. У него было уже до четырехъ тысячь конныхъ воиновъ, какъ онъ занялъ городъ Салеку, въ пятнадцати миляхъ отъ Римскаго лагеря. Когда Сципіону дали знать объ этомъ, онъ вскричалъ: «какъ! всадники лѣтомъ подъ крышами домовъ! Подавай ихъ больше, лишь бы только они имѣли такого вождя!« Сципіонъ нашелъ нужнымъ дѣйствовать тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ болѣе трусости обнаруживалъ непріятель, и потому, пославъ впередъ Масиниссу съ конницею, Сципіонъ приказалъ ему подскакать къ городскимъ воротамъ, и вызвать непріятеля на бой. А когда непріятель выступитъ всѣми силами, и трудно будетъ выдерживать его натискъ, то Масинисса долженъ былъ исподоволь отступать; а Сципіонъ подоспѣетъ во время къ сраженію. Промедливъ столько времени, сколько казалось достаточнымъ, двинувшемуся впередъ, Масиниссѣ для того, чтобы вызвать непріятеля на бой, Сципіонъ послѣдовалъ скрытно за нимъ съ Римскою конницею; холмы, между которыми извивалась дорога, вполнѣ скрывали его движеніе. Масинисса съ умысломъ, то грозилъ, то какъ будто самъ испытывалъ на себѣ робость, или подскакивалъ къ воротамъ, или вдругъ отступалъ, какъ бы въ страхѣ, своею мнимою трусливостью, увеличивая самонадѣянность непріятеля, и вызывая его, себя преслѣдовать смѣлѣе. Не всѣ еще воины непріятельскіе вышли, и вождь ихъ выбивался изъ силъ, принуждая однихъ, отягченныхъ сномъ и винными парами, брать оружіе и взнуздывать коней, а другихъ удерживая, чтобы они не выходили въ безпорядкѣ и не изготовившись во всѣ ворота. Сначала Масинисса отражалъ нападеніе непріятелей, неосторожно на него бросавшихся; скоро они, вышедши толпами въ большемъ числѣ изъ воротъ, уравновѣсили бой. Наконецъ, когда вся конница непріятеля вступила въ дѣло, Масинисса съ своимъ отрядомъ, не могъ болѣе выдержать натиска. Но и тутъ Масинисса недопустилъ своихъ воиновъ бѣжать въ разсыпную; но, мало по малу отступая, выносилъ нападеніе непріятеля; котораго и увлекъ за собою до холмовъ, за которыми скрывалась Римская конница. Она выступила изъ своей засады; воины ея,

съ свѣжими силами и конями неутомленными, бросились на Ганнона и Африканцевъ, утомленныхъ сраженіемъ и преслѣдованіемъ. И Масинисса, вдругъ оборотивъ коней, возобновилъ бой; около тысячи человѣкъ непріятелей, находившихся въ первыхъ рядахъ, для которыхъ отступленіе было нелегко, отрѣзаны вмѣстѣ съ вождемъ ихъ Ганнономъ, и всѣ истреблены. Остальные непріятели, приведенные главное въ ужасъ смертью вождя, бросились бѣжать въ безпорядкѣ. Побѣдители ихъ преслѣдовали на разстояніи трехъ тысячь шаговъ, и до двухъ тысячь всадниковъ или убили, или ранили. Довольно вѣрно было то, что въ числѣ ихъ находилось не менѣе 200 Карѳагенскихъ всадниковъ, и нѣкоторые изъ нихъ были изъ богатыхъ и знатныхъ родовъ.

35. Случилось такъ, что, въ день этого сраженія, суда, которыя отвозили добычу въ Сицилію, возвратились оттуда съ провіантомъ; они какъ бы предугадали, что пришли для принятія новой добычи. Не всѣ писатели говорятъ о двухъ сраженіяхъ конницъ, и о гибели двухъ Карѳагенскихъ вождей, остерегаясь, какъ я полагаю, того, какъ бы не ошибиться повтореніемъ два раза одного и того же событія. Цэлій и Валерій говорятъ, что Ганнонъ взятъ былъ въ плѣнъ.

Сципіонъ роздалъ значительныя награжденія префектамъ и всадникамъ, по мѣрѣ заслугъ каждаго, но болѣе всѣхъ Масиниссѣ. Поставивъ сильный гарнизонъ въ Салекѣ, Сципіонъ двинулся впередъ съ остальнымъ войскомъ: не только онъ опустошалъ поля, по которымъ шелъ, но и бралъ силою города и деревни, распространяя на далекое пространство ужасы войны. На седьмой день по выступленіи, Сципіонъ возвратился въ лагерь, таща за собою огромную добычу непріятельскую, состоявшую изъ плѣнныхъ и скота; нагрузивъ снова суда достояніемъ враговъ, онъ ихъ отпустилъ. Вслѣдъ за тѣмъ, оставивъ походы съ цѣлью опустошенія, Сципіонъ обратилъ всѣ свои военныя силы на завоеваніе Утики для того, чтобы этотъ городъ, по взятіи его, служилъ базисомъ для дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій. Вмѣстѣ придвинуты къ городу флотъ съ моря, съ той стороны, гдѣ оно омываетъ часть города, къ нему прилежащую, и съ сухаго пути войско выдвинуто на холмъ, который почти господствовалъ надъ

самыми стѣнами. Стѣнобитныя орудія и машины, Сципіонъ и съ собою привезъ, и другія присланы изъ Сициліи, вмѣстѣ съ продовольствіемъ для войска; а нѣкоторыя дѣлались въ арсеналѣ, гдѣ собрано на этотъ предметъ много рабочихъ. Жители Утики, угрожаемые столь большою опасностью, всю надежду полагали на Карѳагенскій народъ, а Карѳагеняне на Аздрубала и на то, что онъ склонитъ Сифакса за нихъ дѣйствовать; но событія совершались не соотвѣтственно нетерпѣнію людей, нуждающихся въ помощи. Аздрубалъ, употребя величайшее стараніе, успѣлъ собрать до тридцати тысячь пѣшихъ, и до трехъ тысячь конныхъ воиновъ; но, до прибытія Сифакса, онъ не дерзнулъ придвинуть свой лагерь къ непріятельскому. Сифаксъ прибылъ съ пятидесятью тысячами пѣхоты и десятью всадниковъ и, немедля снявъ свой лагерь у Карѳагена, онъ остановился не далеко отъ Утики и Римскихъ укрѣпленій. Прибытіе этихъ силъ непріятельскихъ сдѣлало то, что Сципіонъ, осаждавъ Утику въ продолженіи почти 40 дней, послѣ безполезныхъ усилій, долженъ былъ отступить оттуда, оставивъ свое намѣреніе. Такъ какъ уже наступала зима, то онъ укрѣпился зимнимъ лагеремъ на мысѣ, который, узкимъ перешейкомъ, связанъ съ твердою землею, и выдавался на нѣкоторое пространство въ море; одинъ и тотъ же валъ прикрылъ и лагерь флота. По срединѣ возвышеній стоялъ лагерь легіоновъ; на берегу, обращенномъ къ сѣверу, были вытащены суда, и ихъ прикрывали ихъ экипажи; долину, находившуюся на полдень у другаго берега, занимала конница. Вотъ, что происходило въ Африкѣ до конца осени.

36. Кромѣ хлѣба, свезеннаго со всѣхъ сторонъ, изъ опустошенныхъ кругомъ полей и доставленнаго изъ Сициліи и Италіи, пропреторъ Кн. Октавій привезъ изъ Сардиніи отъ претора Тиб. Клавдія, который управлялъ тою провинціею, огромное количество хлѣба. Не только наполнились житницы, уже изготовленныя, но и построены новыя. Войско терпѣло недостатокъ въ одеждахъ; поручено Октавію переговорить съ преторомъ Сардиніи о томъ, нельзя ли заготовить и прислать изъ той провинціи что либо по этому предмету. И это дѣло окончено въ скоромъ времени удовлетворительнымъ образомъ: въ самое непродолжительное время, прислано 1200 тогъ и 12000 туникъ (рубашекъ).

Въ продолженіи того лѣта, когда это происходило въ Африкѣ, консулъ П. Семпроній, которому провинціею досталась земля Бруттіевъ, на Кротонскомъ полѣ, сразился съ Аннибаломъ во время его движенія. Сраженіе не было правильнымъ, и сражались болѣе массами, чѣмъ рядами. Римляне были сбиты и во время смятенія, болѣе чѣмъ во время сраженія, погибло у консула воиновъ до 1200. Остальные поспѣшно возвратились въ лагерь, котораго непріятель аттаковать не дерзнулъ. Впрочемъ, въ тишинѣ слѣдующей ночи, консулъ выступилъ оттуда и, пославъ впередъ гонца къ проконсулу П. Лицинію о томъ, чтобы онъ придвинулъ свои легіоны, онъ соединилъ съ ними свои войска. Такимъ образомъ, два вождя и два войска снова двинулись къ Аннибалу. Сраженіе завязалось тотчасъ; у консула силы удвоились, а у Карѳагенянъ еще свѣжа была память недавней потери. Въ первую линію Семпроній ввелъ свои легіоны; въ резервахъ поставлены легіоны П. Лицинія. Консулъ, въ самомъ началѣ битвы, далъ обѣтъ воздвигнуть храмъ Фортуны Первородной, если въ этотъ день поразитъ непріятелей. Желаніе консула исполнилось. Карѳагеняне разбиты на голову и обращены въ бѣгство; болѣе 4 тысячь вооруженныхъ воиновъ у нихъ убито, не много менѣе 300 взято въ плѣнъ, сорокъ коней и одиннадцать военныхъ значковъ. Аннибалъ, разстроенный такимъ неудачнымъ исходомъ сраженія, отвелъ войско въ Кротонъ. Въ то же время, консулъ М. Корнелій въ другой части Италіи, удержалъ въ повиновеніи Этрурію, не столько силою оружія, сколько грозными судебными приговорами, междутѣмъ какъ она вся почти склонялась въ пользу Магона, льстя себя надеждою на перемѣну своей участи. Вслѣдствіе сенатскаго декрета, Корнелій производилъ эти слѣдствія, не снисходя ни кому. Многіе знатные Этруски, которые или сами ходили къ Магону, или посылали къ нему объ измѣнѣ своихъ согражданъ, сначала были осуждены, находясь на лицо. Потомъ, сознавая свою виновность, они отправились въ ссылку добровольно, и были осуждены заочно; освободившись сами отъ наказанія, они представили на жертву свои имущества, которыя и были проданы съ публичнаго торгу.

37. Междутѣмъ какъ консулы такъ дѣйствовали въ различныхъ странахъ, въ Римѣ консулы, М. Ливій и К. Клавдій, просматривали списокъ сенаторовъ. Первымъ изъ нихъ опять назначенъ К. Фабій Максимъ. Семь исключены изъ списка; но ни одинъ ихъ нихъ не сидѣлъ въ курульномъ креслѣ. Дѣятельно и добросовѣстно заботились цензоры о поддержаніи общественныхъ строеній. Они отдали съ подрядовъ замостить дорогу отъ рынка бычачьяго къ храму Венеры, около общественныхъ площадей, и выстроить на Палатинскомъ холмѣ храмъ Великой Матери.

Цензоры установили новую пошлину съ соли; мѣра соли въ Римѣ, и во всей Италіи продавалась по шестой части асса. Въ Римѣ цензоры разрѣшили продажу соли по прежней цѣнѣ, на базарахъ и сходкахъ по болѣе высокой, а въ другихъ мѣстахъ, по разнымъ цѣнамъ. Довольно сильно было убѣжденіе, что эту пошлину придумалъ одинъ изъ цензоровъ, сердясь на народъ, за несправедливый его приговоръ, нѣкогда надъ нимъ высказанный. При назначеніи цѣны соли, какъ полагали, преимущественно обременены тѣ трибы, которыя содѣйствовали его осужденію. Отсюда-то Ливій получилъ прозваніе *Салинатора* (торговца солью). Перепись произведена позднѣе, вслѣдствіе того, что цензоры послали по провинціямъ собрать свѣдѣнія, сколько именно считается Римскихъ гражданъ въ находящихся тамъ войскахъ. Съ ними сочтено двѣсти четырнадцать тысячь гражданъ мужескаго пола. Перепись производилъ К. Клавдій Неронъ. Потомъ, чего прежде никогда не было, цензоры двенадцати колоній, сами принесли Римскимъ цензорамъ свѣдѣнія о количествѣ людей, способныхъ носить оружіе, и о денежныхъ средствахъ колоній, для того, чтобы эти свѣдѣнія могли сохраниться въ общественныхъ спискахъ. Потомъ начата была перепись всадниковъ; случилось такъ, что оба цензора имѣли по коню на общественный счетъ. Когда дошло дѣло до Поллійской трибы, въ которой было имя М. Ливія, и глашатай пріостановился надъ именемъ цензора, то Неронъ сказалъ: *вызывай М. Ливія.* По остатку ли прежняго недоброжелательства, или, можетъ быть, желая неумѣстно показать строгую разборчивость, Неронъ приказалъ М. Ливію продать коня, вслѣдствіе того, что онъ былъ осужденъ приговоромъ народа. Съ своей стороны М. Ливій, когда дошло дѣло до Арніенской трибы и имени его товарища, приказалъ К. Клавдію продать коня по двумъ причинамъ: во первыхъ, за лжесвидѣтельство противъ него, и во вторыхъ за то, онъ не чистосердечно съ нимъ помирился. Такъ цензоры ознаменовали конецъ своего служенія непристойнымъ состязаніемъ между собою, и желаніемъ очернить другъ друга, не щадя себя самихъ. Когда К. Клавдій давалъ присягу надъ законами и собирался оставить казначейство, то въ списокъ лицъ, которыя должны были платить поголовную дань, внесъ имя и своего товарища. Потомъ М. Ливій пришелъ въ казначейство и, кромѣ Меційской трибы, которая неучаствовала ни въ его осужденіи, ни въ назначеніи консуломъ и цензоромъ, весь народъ Римскій, тридцать четыре трибы, внесъ въ подушный окладъ за то, что они и осудили его невинно, и осужденнаго назначили консуломъ и цензоромъ, такимъ образомъ поступивъ несправедливо по собственному признанію или при его осужденіи, или при двукратномъ назначеніи въ должности. Въ составѣ тридцати четырехъ трибъ, и К. Клавдій, попалъ въ подушный окладъ. И если бы былъ примѣръ одного и того же гражданина дѣлать дважды податнымъ, то онъ непремѣнно поименовалъ бы Клавдія въ спискѣ податныхъ. Весьма дурно было то, что цензоры, наперерывъ одинъ передъ другимъ, старались сдѣлать другъ другу непріятности; наказаніе же народа за его непостоянство, было вполнѣ согласно съ обязанностями цензора, и достойно важности тѣхъ временъ. Оба цензора навлекли на себя нерасположеніе народа, и потому трибунъ народный, Кн. Бебій, считая удобнымъ случай отличиться на ихъ счетъ, призвалъ на судъ народа того и другаго цензора; но, по соглашенію сенаторовъ, это намѣреніе разстроено для того, чтобы и на будущее время цензоры дѣйствовали самостоятельно, и независимо отъ капризовъ черни.

38. Въ продолженіи того же лѣта, консулъ взялъ силою Клампецію въ землѣ Бруттіевъ; Консенція, Пандозія и другіе незначительные городки, добровольно покорились Римлянамъ. Такъ какъ уже приближалось время выборовъ, то сенатъ заблагораз-

судилъ, вызвать въ Римъ лучше Корнелія изъ Этруріи, гдѣ военныхъ дѣйствій не было. Корнелій назначилъ консулами Кн. Сервилія Цепіона и К. Сервилія Гемина. Потомъ были произведены выборы преторовъ; назначены П. Корнелій Лентулъ, П. Квинктилій Варъ, П. Элій Петъ, П. Виллій Таппулъ; послѣдніе два назначены преторами изъ эдилей народныхъ. Консулъ, окончивъ выборы, возвратился къ войску въ Этрурію.

Въ этомъ году умерло нѣсколько жрецовъ, и на ихъ мѣсто назначены другіе: Тиб. Ветурій Филонъ, Фламинъ Марсовъ, на мѣсто М. Эмилія Регилла, который умеръ въ предъидущемъ году, избранъ и посвященъ. На мѣсто М. Помпонія Матона, и авгура и децемвира, назначенъ децемвиромъ М. Аврелій Котта, а авгуромъ Тиб. Семпроній Гракхъ, человѣкъ очень молодой, обстоятельство которое въ то время, при назначенія въ священныя должности, встрѣчалось весьма рѣдко. Въ этомъ году эдили курульные, К. Ливій и М. Сервилій Геминъ, поставили въ Капитоліѣ, сдѣланную изъ золота, четверню коней. Въ продолженіи двухъ дней совершены Римскія игры, и еще двухъ дней плебейскія—эдилями П. Эліемъ и П. Вилліемъ. По случаю игръ было пиршество Юпитера.

КНИГА ТРИДЦАТАЯ.

(Содержитъ событія исторіи Рима 549—551 отъ его построенія).

1. Когда консулы Кн. Сервилій, и К. Сервилій — то былъ шестнадцатый годъ второй Пунической войны—доложили сенату о положеніи общественныхъ дѣлъ, о войнѣ и о провинціяхъ; то сенаторы опредѣлили, чтобы консулы или сами межъ себя согласились, или предоставили рѣшить жребію, которому изъ нихъ

дѣйствовать противъ Аннибала въ землѣ Бруттіевъ, и которому имѣть провинцію—Этрурію и Лигурію. Тотъ консулъ, которому достанется земля Бруттіевъ, долженъ получить войско отъ П. Семпронія; а П. Семпроній—этому проконсулу власть продолжена на годъ—долженъ наслѣдовать П. Лицинію, а тотъ возвратиться въ Римъ. Его считали хорошимъ полководцемъ; но сверхъ того обладалъ онъ и другими преимуществами въ степени, высшей противъ другихъ его современниковъ: казалось и природа и счастіе сосредоточили на этомъ человѣкѣ всѣ свои дары. Происходя изъ знатнаго рода, и имѣя значительное состояніе, онъ былъ очень хорошъ собою и обладалъ большою силою тѣла. Онъ считался однимъ изъ краснорѣчивѣйшихъ людей того времени какъ въ судебныхъ дѣлахъ, такъ и тогда, когда нужно было въ чемъ нибудь увѣрить, или разувѣрить, сенатъ и народъ. Священное право онъ зналъ въ совершенствѣ. Кромѣ этого, во время консульства, онъ заслужилъ похвалу и на военномъ поприщѣ. То же опредѣленіе, что относительно провинціи Бруттіевъ, состоялось и относительно Этруріи и Лигуріи. М. Корнелію велѣно передать войско новому консулу; а ему продолжена власть и поручено оборонять провинцію Галлію съ тѣми легіонами, которыми въ предъидущемъ году начальствовалъ Л. Скрибоній. За тѣмъ брошенъ жребій о провинціяхъ: Цэпіону достались Бруттіи, а Сервилію Гемину — Этрурія. Послѣ того провинціи преторовъ также подвергнуты жеребью; судопроизводство въ городѣ досталось Пэту Элію, П. Лентулу—Сардинія, П. Виллію—Сицилія; Квинктилію Вару—Аримпнъ съ двумя легіонами, которые прежде были подъ начальствомъ Лукреція Спурія. Лукрецію продолжена власть для того, чтобы онъ возобновилъ городъ Геную, разрушенный Кареагеняниномъ Магономъ. П. Сципіону продолжена власть не на срокъ, но до окончанія его предпріятія, то есть до приведенія къ концу войны въ Африкѣ. Опредѣлено—совершить молебствіе по случаю перехода Сципіона въ Африку для того, чтобы обстоятельство это было благопріятно какъ народу Римскому, такъ самому вождю и войску.

2. Для отправленія въ Сицилію три тысячи воиновъ какъ вслѣдствіе того, что всѣ силы военныя, находившіяся въ этой

провинціи, перевезены въ Африку, такъ и того, что, еще до отправленія флота въ Африку, опредѣлено защищать берега Сициліи сорока судами. Тринадцать новыхъ судовъ Виллій повелъ съ собою въ Сицилію, а прочія починены въ Сициліи старыя. Начальство надъ этимъ флотомъ поручено М. Помпонію, претору прошлаго года, и ему продолжена власть на годъ; онъ посадилъ на суда вновь набранныхъ воиновъ, привезенныхъ изъ Италіи. Такое же число судовъ назначилъ сенатъ Кн. Октавію, также прошлогоднему претору, съ одинаковыми правами власти, для прикрытія береговъ Сардиніи. Претору Лентулу приказано дать на суда двѣ тысячи воиновъ. Берега Италіи—такъ какъ неизвѣстно было, куда Кароагеняне пошлютъ флотъ, а по всей вѣроятности въ то мѣсто, которое имъ покажется беззащитнымъ — поручено защищать М. Марцію, претору прошлаго года, съ тѣмъ же числомъ судовъ. Вслѣдствіе сенатскаго декрета, консулы набрали на тотъ флотъ три тысячи воиновъ и, для обороны города, на непредвидимыя случайности войны. Власть надъ Испаніею и войсками, въ ней находящимися, поручена старымъ вождямъ Л. Лентулу и Л. Манлію Ацидину. Такимъ образомъ, въ этомъ году, Римляне защищали свое дѣло двадцатью легіонами и ста шестидесятью судами.

Преторамъ велѣно идти по провинціямъ. Консуламъ отъ сената приказано, прежде выступленія изъ города, дать большія игры, которыя обѣщалъ диктаторъ Т. Манлій Торкватъ каждый пятый годъ въ случаѣ, если отечество останется въ одномъ положеніи.

Чудесныя явленія, слухъ о которыхъ доходилъ изъ многихъ мѣстъ, возбудили религіозныя опасенія гражданъ. Говорили, что воронья въ Капитоліѣ не только клевали носами золото, но даже его ѣли; въ Анціѣ мыши обглодали золотой вѣнецъ. Около Капуи поля наполнились такимъ множествомъ саранчи, что трудно было опредѣлить, откуда она взялась въ такомъ количествѣ. Въ Реатѣ родился жеребенокъ о пяти ногахъ. Въ Анагніѣ сначала видны были огни, разбросанные по небу, а потомъ загорѣлся тамъ огромный столбъ. Въ Фрузинонѣ дуга тонкою чертою обогнула солнце, но расширившійся кругъ солнца извнѣ въ

себя включилъ это очертаніе. Въ Арпинѣ, на полѣ, земля осѣла въ видѣ большаго углубленія. Когда одинъ консулъ приносилъ жертву, то во внутренностяхъ ея, въ печени, не оказалось головки. Этѣ чудесныя явленія искуплены большими жертвами; коллегій жрецовъ назначилъ тѣ божества, которымъ нужно было принести жертвы.

3. Приведя все это въ исполненіе, преторы и консулы отправились по провинціямъ. Впрочемъ, у нихъ у всѣхъ такая была особенная забота объ Африкѣ, какъ будто она имъ самимъ досталась, какъ вслѣдствіе того, что тамъ рѣшалась участь войны, такъ и для того, чтобы сдѣлать что либо пріятное Сципіону, на котораго обращено было тогда вниманіе всѣхъ гражданъ. Вслѣдствіе этого, не только изъ Сардиніи, о чемъ сказано выше, но даже изъ Сициліи и Испаніи одежды и хлѣбъ, а изъ первой преимущественно, оружіе и запасы всякаго рода доставлялись туда. Да и Сципіонъ, во все продолженіе зимы, не прекращалъ военныхъ дѣйствій, случай для которыхъ представлялся ему въ разныхъ мѣстахъ. Осаждалъ онъ Утику; въ виду лагеря стоялъ Аздрубалъ. Кароагеняне спустили суда въ море, и флотъ ихъ былъ готовъ и снаряженъ для того, чтобы отрѣзать подвозы. При всемъ этомъ Сципіонъ не упустилъ изъ виду и того, какъ бы склонить опять въ свою пользу Сифакса, полагая, что можетъ быть онъ уже довольно насладился любовью, вслѣдствіе долговременнаго обладанія молодою женою. Впрочемъ, Сифаксъ охотнѣе предлагалъ заключеніе мира съ Кароагенянами на томъ условіи, чтобы они очистили Италію, а Римляне Африку, чѣмъ можно было надѣяться на переходъ его самого къ Римлянамъ, въ случаѣ продолженія войны. Я предпочитаю держаться того убѣжденія, что все это дѣлалось черезъ пословъ—и это утверждаетъ большинство писателей,—чѣмъ принять то мнѣніе, которое высказываетъ Антіасъ Валерій, будто Сифаксъ самъ явился въ Римскій лагерь для переговоровъ. Сначала вождь Римскій и слышать не хотѣлъ объ этихъ условіяхъ; но потомъ, чтобы имѣть основательный предлогъ посылать своихъ людей въ непріятельскій станъ, онъ сталъ отказывать менѣе рѣшительно и

даже обнадеживать, что дальнѣйшіе переговоры по этому предмету могутъ повесть къ какому нибудь соглашенію.

Шалаши, въ которыхъ зимовали Кароагеняне, будучи устроены на скорую руку изъ, найденныхъ въ поляхъ, матеріаловъ, почти всѣ состояли изъ дерева. Въ особенности Нумиды жили въ шалашахъ, крытыхъ по большой части камышомъ и рогожами, и притомъ устроенныхъ гдѣ попало, и даже, помимо распоряженія вождей, за рвомъ и валомъ лагернымъ. Когда объ этомъ доложено было Сципіону, то онъ возъимѣлъ надежду какимъ нибудь случаемъ сжечь лагерь непріятельскій.

4. Сципіонъ съ тѣми послами, которыхъ отправлялъ къ Сифаксу, вмѣсто прислужниковъ, посылалъ въ рабскихъ одеждахъ воиновъ изъ первыхъ рядовъ испытаннаго мужества и благоразумія. Они, пока послы заняты были переговорами, ходили по всему лагерю, въ разныхъ мѣстахъ, разсматривая всѣ выходы и входы, положеніе и видъ какъ всего лагеря, такъ и частей его, занятыхъ и Нумидами и Кароагенянами; они обратили вниманіе на разстояніе, которое отдѣляло лагерь Аздрубала отъ лагеря царскаго; вмѣстѣ съ тѣмъ, они узнали время смѣны карауловъ и военныхъ постовъ, и то, ночью ли или днемъ, представляется болѣе благопріятныхъ условій для нечаяннаго нападенія. Такъ какъ несношенія были частыя, то нарочно посылаемы были все разныя лица съ тою цѣлью, чтобы болѣе было число людей, знакомыхъ съ положеніемъ дѣлъ у непріятеля. Такъ какъ частые переговоры подавали Сифаксу, а черезъ него и Кароагенянамъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе надежды къ заключенію мира; то, наконецъ, послы Римскіе обьявили Сифаксу, что имѣютъ приказаніе главнаго вождя не возвращаться къ нему, не получивъ рѣшительнаго отвѣта, а потому или пусть онъ царь оснуется на своемъ мнѣніи, или пусть посовѣтуется съ Аздрубаломъ и Кароагенянами. Время уже или заключить миръ, или дѣятельно вести войну. Пока царь совѣтовался съ Аздрубаломъ и Кароагенянами, лазутчики Римскіе имѣли время узнать все, что имъ нужно было, и Сципіонъ имѣлъ время приготовить многое для осуществленія своего намѣренія. Вслѣдствіе толковъ о мирѣ, и надежды получить его, у Кароагенянъ и Нумидовъ появилась беззаботность и

нерадѣніе, такъ какъ они не опасались никакихъ враждебныхъ дѣйствій. Наконецъ, данъ отвѣтъ, въ которомъ, вслѣдствіе сильнаго, повидимому, желанія Римлянъ получить миръ, прибавлены нѣкоторыя условія, для нихъ тяжкія. Это обстоятельство пришлось весьма кстати для Сципіона, искавшаго предлога нарушить перемиріе. Гонцу царскому Сципіонъ сказалъ, что доложитъ объ этомъ дѣлѣ совѣту. На другой день, Сципіонъ далъ такой отвѣтъ, что онъ одинъ безполезно старался о мирѣ, который всѣмъ прочимъ членамъ совѣта не полюбился. А потому пусть гонецъ скажетъ царю, что онъ можетъ надѣяться мира только въ одномъ случаѣ, а именно—если оставитъ Кароагенянъ. Такимъ образомъ, Сципіонъ прервалъ перемиріе для того, чтобы исполнить свое намѣреніе свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ. Спустивъ суда—уже весна начиналась—Сципіонъ помѣстилъ на нихъ орудія и машины, какъ бы для того, чтобы аттаковать Утику съ моря. Онъ послалъ двѣ тысячи воиновъ для того, чтобы занять холмъ, который и прежде былъ въ его власти. Это было сдѣлано какъ для того, чтобы обратить вниманіе непріятелей на другой предметъ, и отвлечь ихъ отъ дѣйствительныхъ его замысловъ, такъ и въ предупрежденіе того, какъ бы въ то время, когда онъ, Сципіонъ, двинется противъ Сифакса и Аздрубала, не произошла вылазка изъ города и нападеніе непріятеля на лагерь, въ которомъ останется небольшой гарнизонъ.

5. Когда всѣ приготовленія были сдѣланы, Сципіонъ созвалъ совѣтъ; онъ приказалъ лазутчикамъ обьявить то, что они узнали, а также и Масинисѣ, который зналъ очень хорошо положеніе дѣлъ у непріятеля. Наконецъ, самъ Сципіонъ изложилъ то, что онъ предполагалъ исполнить въ слѣдующую ночь. Онъ обьявилъ трибунамъ, чтобы они, какъ только, по распущеніи преторія, заиграютъ трубы, немедленно выводили легіоны изъ лагеря. Согласно приказанію Сципіона, значки тронулись съ мѣста около захода солнца. Почти въ первую стражу ночи, они развернули строй и къ полуночи — семь тысячь шаговъ отдѣляло ихъ отъ непріятельскаго лагеря — они тихимъ шагомъ достигли мѣста назначенія. Тутъ Сципіонъ поручилъ Лелію часть войскъ,

Масиниссу и Нумидовъ, приказавъ броситься на лагерь Сифакса и зажечь его. Потомъ Сципіонъ, отведя въ сторону Лелія и Масиниссу, и того и другаго порознь упрашиваетъ, чтобы они то, что темнота ночи отнимаетъ у благоразумія, пополнили дѣятельностью и быстротою. Себѣ же Сципіонъ предоставилъ аттаковать Аздрубала и Кареагенскій лагерь. Впрочемъ, начнетъ онъ дѣйствовать не прежде, когда увидитъ уже огонь въ царскомъ лагерѣ. Это не замедлило случиться. Огонь, вброшенный въ ближайшіе шалаши, обнялъ ихъ, тотчасъ сообщился сосѣднимъ, и потомъ находившимся съ ними въ связи, и скоро распространился по всему лагерю. При такомъ обширномъ ночномъ пожарѣ, не замедлила сдѣлаться, какъ того и слѣдовало ожидать, страшная тревога. Впрочемъ, воины, приписывая пожаръ случаю и неподозрѣвая тутъ участія Римлянъ, бросились безоружные толпами тушить пожаръ, и наткнулись на вооруженныхъ непріятелей, преимущественно на Нумидовъ, которые, въ весьма удобныхъ пунктахъ, поставлены у концовъ улицъ Масиниссою, хорошо знакомымъ съ расположеніемъ царскаго лагеря. Многіе воины сдѣлались добычею пламени полусонные; многіе, въ поспѣшномъ бѣгствѣ стремясь другъ на друга въ воротахъ, были задавлены въ тѣснотѣ.

6. Сначала Кареагенскіе караулы увидали пламя; потомъ и воины, проснувшись отъ ночной тревоги, видя его, впали въ то же заблужденіе, полагая, что пожаръ произошелъ самъ собою. Смутные крики раненыхъ и убивающихъ приписываемы были суматохѣ, неизбѣжной ночью, и о настоящемъ положеніи дѣлъ никто не догадывался. А потому воины, каждый самъ по себѣ, безъ оружія, не подозрѣвая ничего непріязненнаго, бросились изо всѣхъ воротъ куда кому ближе было, неся съ собою только то, что нужно для потушенія пламени, и прямо наткнулись на Римское войско. Оно избивало всѣхъ какъ по ненависти къ непріятелю, такъ и для того, чтобы никто не убѣжалъ подать вѣсть. Сципіонъ тотчасъ же бросился къ лагернымъ воротамъ, которыя въ такой суматохѣ, какъ и весьма понятно, были беззащитны. Огонь вброшенъ въ ближайшіе шалаши; сначала пламя сверкало отдѣльно по разнымъ мѣстамъ, но потомъ, сообщась отъ одного

строенія другому, не замедлило слиться въ одно обширное море пламени. Полуобожженные люди и вьючныя животныя гибли въ бѣгствѣ или отъ пламени, или въ воротахъ отъ меча непріятельскаго, который истребилъ тѣхъ, кого пощадило пламя. Оба лагеря уничтожены однимъ и тѣмъ же бѣдствіемъ. Ушли однако оба вождя, и изъ столькихъ тысячь воиновъ до двухъ тысячь пѣшихъ и до пятисотъ конныхъ, почти безъ оружія, и болѣе половины раненыхъ и пострадавшихъ отъ пламени. Истреблено огнемъ и мечемъ до сорока тысячь; въ томъ числѣ много знатныхъ Кареагенянъ, одиннадцать сенаторовъ, военныхъ значковъ сто семьдесятъ четыре, Нумидскихъ коней болѣе двухъ тысячь семисотъ. Слоновъ взято шесть; восемь погибло въ пламени и отъ оружія; взято огромное количество оружія, но главный вождь велѣлъ предать его пламени, какъ обреченное Вулкану (богу огня).

7. Бѣжавшій Аздрубалъ ушелъ съ немногими Африканцами въ ближайшій городъ; туда же, слѣдуя за вождемъ, удалились и всѣ тѣ, которые остались отъ сраженія. Опасаясь, какъ бы городъ не сдался Сципіону, Аздрубалъ вышелъ изъ него; вслѣдъ за тѣмъ, отворивъ ворота, жители приняли Римлянъ. Никакихъ непріязненныхъ дѣйствій здѣсь не было вслѣдствіе того, что жители покорились добровольно. Вслѣдъ за тѣмъ, взяты и разграблены два города. Добыча, найденная тамъ, и въ сгорѣвшихъ лагеряхъ исторгнутая изъ пламени, предоставлена воинамъ. Сифаксъ остановился почти въ восьми миляхъ оттуда въ укрѣпленномъ мѣстѣ. Аздрубалъ отправился въ Кареагенъ, для того, чтобы предупредить какое нибудь робкое рѣшеніе, которое могло быть внушено страхомъ, вслѣдствіе недавняго несчастія. Дѣйствительно, вѣсть о немъ сначала причинила такой ужасъ, что жители полагали, что Сципіонъ, оставивъ Утику, немедленно осадитъ Кареагенъ. А потому, когда суфеты—власть этихъ Кареагенскихъ начальниковъ походитъ на консульскую—позвали сенатъ, то тамъ высказано было три мнѣнія: одно заключало въ себѣ опредѣленіе объ отправленіи къ Сципіону пословъ о мирѣ. Другое требовало отозвать Аннибала для защиты отечества отъ гибельной войны. Третье достойно было твердости Римлянъ въ несчастіи:

это мнѣніе заключалось въ томъ, что нужно пополнить потери войска, и увѣщевать Сифакса продолжать упорно войну. Мнѣніе это восторжествовало, такъ какъ Аздрубалъ, который былъ на лицо, и вся Барцинская партія, предпочитали войну. Вслѣдъ за тѣмъ начали производить наборъ въ городѣ и области, а къ Сифаксу отправлены послы. Онъ и самъ изо всѣхъ силъ старался возобновить войну; жена Сифакса теперь уже не ласками, которыя сильно дѣйствуютъ только на влюбленнаго, но слезами и мольбами возбуждала въ немъ жалость. Рыдая, умоляла она его, не оставить ея отца и отечества, и недопустить, чтобы Карѳагенъ сдѣлался жертвою того пламени, которое пожрало лагери союзниковъ. Послы приносили надежду, приходившуюся весьма кстати. У города, по имени Оббы, встрѣтили они четыре тысячи Цельтиберовъ, отборныхъ молодыхъ людей, нанятыхъ въ Испаніи, нарочно посланными на этотъ предметъ, людьми. Притомъ и Аздрубалъ скоро подоспѣетъ съ значительнымъ отрядомъ. Вслѣдствіе всего этого, Сифаксъ не только далъ посламъ усирѣтливый отвѣтъ, но и показалъ имъ множество Нумидскихъ поселянъ, которымъ онъ, въ эти послѣдніе дни, роздалъ коней и оружіе, и далъ имъ обѣщаніе всю молодежь своего царства призвать къ оружію. Онъ знаетъ, что бѣдствіе случилось отъ огня, а не въ сраженіи: только тотъ на войнѣ считается побѣжденнымъ, кто уступилъ силѣ оружія. Таковъ былъ отвѣтъ Сифакса посламъ, и, черезъ нѣсколько дней, Аздрубалъ и Сифаксъ снова соединили войска; всѣ силы ихъ простирались до тридцати тысячь вооруженныхъ воиновъ.

8. Сципіонъ, какъ бы считая военныя дѣйствія противъ Сифакса и Карѳагенянъ уже приведенными къ концу, обратилъ все свое вниманіе на осаду Утики, и уже придвигалъ къ ней осадныя орудія, какъ вдругъ его отвлекъ отъ этого слухъ о возобновленіи военныхъ дѣйствій. Оставивъ на морѣ и на сухомъ пути небольшіе отряды для того только, чтобы показать, что осада продолжается, самъ Сципіонъ съ главными силами своего войска отправился на встрѣчу непріятеля. Сначала расположился онъ на холмѣ, находившемся въ разстояніи четырехъ миль отъ царскаго лагеря. На другой день, Сципіонъ съ конницею спустился въ такъ называемыя *Великія равнины*, которыя растилаются отъ этого холма. Онъ подошелъ къ передовымъ постамъ непріятельскимъ и, нападая на нихъ, провелъ этотъ день въ легкихъ съ ними схваткахъ. Въ продолженіи слѣдующихъ двухъ дней, были, и съ той и съ другой стороны, нечаянные набѣги, которые впрочемъ не представляли ничего важнаго. На четвертый день, и то и другое войско построилось въ боевой порядокъ. Римскій вождь поставилъ принциповъ позади гастатовъ, у которыхъ въ первомъ ряду находились значки; въ резервѣ помѣстилъ онъ тріаріевъ. На правомъ крылѣ, Сципіонъ поставилъ Италіанскую конницу, а на лѣвомъ Нумидовъ и Масиниссу. Сифаксъ и Аздрубалъ противъ Италіанской конницы поставили Нумидскую, а противъ Масиниссы Карѳагенскую. Цельтиберамъ достался центръ противъ легіоновъ. Въ такомъ порядкѣ сразились обѣ боевыя линіи и, при первомъ натискѣ, потерпѣли пораженіе оба фланга непріятельскихъ, то есть и Нумиды и Карѳагеняне. Ни Нумиды, по большой части набранные съ полей, не могли устоять противъ Римской конницы, ни Карѳагеняне, также вновь набранные, противъ Масиниссы, который особенно сталъ для нихъ страшенъ вслѣдствіе недавней побѣды. Оставленный обоими флангами, строй Цельтиберовъ продолжалъ стоять твердо какъ потому, что бѣгство для нихъ въ странѣ, совершенно незнакомой, не представляло никакой надежды на спасеніе, такъ и потому, что не могли они расчитывать на прощеніе со стороны Сципіона, съ которымъ, оказавшимъ столько благодѣяній имъ и ихъ народу, они за деньги пришли сражаться въ Африку. Вслѣдствіе этого, Цельтиберы, окруженные со всѣхъ сторонъ непріятелями, гибли упорно, и убитые падали одинъ на другаго. Такъ какъ сюда обращено было все вниманіе Римлянъ, то Сифаксъ и Аздрубалъ успѣли выиграть время нужное для того, чтобы спастись бѣгствомъ. Ночь застала побѣдителей, утомленныхъ болѣе убійствомъ, чѣмъ сраженіемъ.

9. На другой день, Сципіонъ послалъ Лелія и Масиниссу со всею Римскою и Нумидскою конницею, и легковооруженными воинами, преслѣдовать Сифакса и Аздрубала; а самъ, съ главными силами разорилъ окрестные города, принадлежавшіе къ области

Кароагенянъ, частью обѣщаніями, частью страхомъ и силою. Въ Кароагенѣ господствовалъ ужасъ непомѣрный; жители его полагали, что Сципіонъ, такъ скоро покоривъ всю ближайшую къ нему страну, не замедлитъ нечаянно напасть и на Кароагенъ. А потому, жители занимались и починкою стѣнъ, и возведеніемъ передовыхъ укрѣпленій, и каждый самъ для себя везъ съ полей то, что нужно для выдержанія продолжительной осады. Впрочемъ, мало упоминали о мирѣ, а чаще о необходимости отправить пословъ къ Аннибалу для приглашенія его въ Африку. Весьма многіе совѣтовали флотъ, приготовленный для прекращенія подвозовъ съ моря Римлянамъ, отправить къ Утикѣ для того, чтобы нечаянно подавить стоявшія тамъ суда непріятельскія, неожидавшія нападенія. А можетъ быть удалось бы ему уничтожить и морской лагерь, оставленный съ малымъ прикрытіемъ. Большая часть склонялись на сторону этого послѣдняго мнѣнія; впрочемъ, полагаютъ необходимымъ отправить пословъ къ Аннибалу. Въ случаѣ самихъ удачныхъ дѣйствій Кароагенскаго флота, только нѣсколько облегчится осадное положеніе Утики, но, для защиты самого Кароагена, не осталось другаго вождя, кромѣ Аннибала, и другаго войска, кромѣ Аннибалова. А потому, на другой же день, и суда спущены, и послы отправлены въ Италію. Положеніе дѣлъ заставляло дѣйствовать поспѣшно, и всякое промедленіе съ своей стороны каждый счелъ бы измѣною общему благу.

Сципіонъ, видя, что войско его обременено добычею многихъ городовъ, отослалъ плѣнныхъ и остальную добычу въ старый лагерь у Утики; а самъ, уже имѣя въ виду аттаковать Кароагенъ, занялъ Тунесъ, брошенный его защитниками. Этотъ городъ находится отъ Кароагена въ разстояніи пятнадцати миль, укрѣпленъ хорошо какъ природою, такъ и искусствомъ. Его видно изъ Кароагена, и отъ него открывается также видъ на Кароагенъ и, прилежащее къ нему, море.

10. Отсюда Римляне, которые усердно занимались возведеніемъ вала, увидали непріятельскій флотъ, отправлявшійся изъ Кароагена въ Утику; а потому, работы брошены и объявленъ походъ; тотчасъ схватили поспѣшно значки, и начали выносить

ихъ, опасаясь, какъ бы не были подавлены нечаяннымъ нападеніемъ непріятеля суда, причаленныя къ берегу, употребленныя для осады города, и нисколько не приспособленныя къ морскому сраженію. Они или были употреблены вмѣсто транспортныхъ, или такъ придвинуты къ стѣнамъ, что могли служить для выхода къ нимъ вмѣсто террасъ и мостовъ. А потому, Сципіонъ совсѣмъ вопреки порядка, обыкновенно принятаго въ морскихъ сраженіяхъ, военныя суда, которыя могли бы служить защитою другимъ, поставилъ въ самомъ заднемъ ряду почти у берега, а транспортныя суда въ четыре ряда противуставилъ стѣною непріятелю. Сципіонъ для того, чтобы въ суматохѣ сраженія не перемѣшались ряды, на транспортныя суда велѣлъ положить отъ одного къ другому, снятыя съ нихъ, мачты и реи, которыя укрѣплены и связаны толстыми веревками и, такимъ образомъ, представляли одну сплошную связь. Сверху настланы доски, по которымъ можно было переходить съ одного судна на другое; а подъ этими помостами между судами оставлены промежутки, въ которые могли выбѣгать къ непріятелю легкія суда, и безопасно туда удаляться. На скорую руку, по краткости времени эти суда изготовлены, а на транспортныя помѣщено тысячу отборныхъ воиновъ; собрано такое множество стрѣлъ и другихъ метательныхъ орудій, чтобы ихъ достало на самое продолжительное сраженіе. Такъ изготовившись, Римляне ждали нападенія непріятеля. Кароагеняне, еслибы дѣйствовали поспѣшно, при первомъ нападеніи подавили бы непріятеля, такъ какъ сначала все находилось въ страшномъ безпорядкѣ и суматохѣ; но, будучи поражены несчастіями, постигшими ихъ на сухомъ пути, они не довѣряли уже и морю, на которомъ безспорно были сильнѣе; они цѣлый день, провели въ медленномъ плаваніи, и уже къ заходу солнца пришелъ ихъ флотъ въ пристань, которую Африканцы называютъ Русукмонъ. На другой день, къ восходу солнца, Кароагеняне построили въ морѣ суда въ боевой порядокъ, какъ бы готовясь къ правильному морскому сраженію, и полагая, что Римляне выйдутъ къ нимъ на встрѣчу. Долго стояли такъ Кароагеняне; наконецъ, видя, что непріятель не двигается съ мѣста, они рѣшаются напасть на транспортныя суда. Сраженіе это совсѣмъ не походило

на морское, но на то, когда съ судовъ нападаютъ на стѣны города. Транспортныя суда Римлянъ были нѣсколько выше Карѳагенскихъ. Стрѣлы Карѳагенянъ, брошенныя вверхъ и въ мѣсто болѣе высокое, не производили никакого дѣйствія; а съ транспортныхъ судовъ, метательные снаряды—и тяжестью паденія, и тѣмъ, что брошены были съ высшаго мѣста, производили болѣе дѣйствія. Что же касается до сторожевыхъ и легкихъ судовъ, которыя, въ промежутки кораблей, подъ настилками, ихъ соединявшими, выбѣгали къ непріятелю, то они были подавляемы напоромъ Карѳагенскихъ судовъ, значительно ихъ превосходившихъ величиною. Да и притомъ, они для защитниковъ судовъ транспортныхъ представляли то неудобство, что они, видя ихъ перемѣшанными съ судами непріятельскими, должны были прекращать стрѣльбу изъ опасенія, какъ бы при такой неизвѣстности не ранить своихъ. Наконецъ, съ Карѳагенскихъ судовъ начали набрасывать на Римскія—длинные шесты съ большими желѣзными крючьями на концахъ—они называются *гарпагонами*. Всѣ усилія Римлянъ отрубить эти крючья, и желѣзныя цѣпи, съ помощью которыхъ они набрасывались, оставались безполезными, и военное судно Карѳагенское, отступая назадъ, тащило за собою на крюкѣ транспортное судно; веревки, прикрѣплявшія его, лопались, и нерѣдко одно военное судно увлекало нѣсколько транспортныхъ судовъ, вмѣстѣ связанныхъ. Такимъ образомъ, разорвана совершенно цѣпь судовъ Римскихъ, и защитники ихъ едва успѣли перескочить на вторую линію судовъ своихъ. Около шести транспортныхъ судовъ Римскихъ увлечены за свои кормовыя части въ Карѳагенъ. Зрѣлище это возбудило тамъ радость, далеко несоотвѣтствовавшую успѣху, но тѣмъ сильнѣйшую, что, среди постоянныхъ несчастій и горестныхъ событій, случилось хоть одно, неожиданно благопріятное. Ясно было, что флоту Римскому угрожала неминуемая гибель, если бы начальники Карѳагенскаго флота не промедлили, и еслибы Сципіонъ не подоспѣлъ во время.

11. Около этого почти времени, Лелій и Масинисса прибылъ въ Нумидію на пятнадцатый почти день. Мэзуліи—наслѣдственное достояніе рода Масиниссы, приняли его съ радостью, какъ

своего царя, давно желаннаго. Начальники и гарнизоны, поставленные тамъ Сифаксомъ, выгнаны оттуда, и ему пришлось довольствоваться своимъ прежнимъ царствомъ; но и тутъ онъ не остался въ покоѣ. Страстно влюбленному Сифаксу не давали покоя жена и тесть. Притомъ, онъ имѣлъ такъ много у себя и людей и коней, что средства его царства, въ продолженіи столькихъ лѣтъ находившагося въ цвѣтущемъ состояніи, могли бы внушить самонадѣянность и каждому, видѣвшему ихъ человѣку, даже менѣе дикому, чѣмъ Сифаксъ, и болѣе умѣющему обладать собою. А потому, созвавъ всѣхъ способныхъ носить оружіе въ одно мѣсто, Сифаксъ роздалъ имъ коней и оружіе; всадниковъ онъ распредѣлилъ по эскадронамъ, а пѣшихъ воиновъ по когортамъ, согласно наставленіямъ, когда то полученнымъ отъ Римскихъ сотниковъ. Съ войскомъ неменьшимъ того, которое онъ имѣлъ прежде, но почти совершенно состоявшимъ изъ новонабранцевъ и нисколько необученнымъ, Сифаксъ двинулся къ непріятелю, и сталъ лагеремъ недалеко отъ него. Сначала всадники, въ небольшомъ числѣ, подъ безопаснымъ прикрытіемъ, выступили за свои посты на рекогносцировку; но, осыпанные стрѣлами, они поспѣшно удалились къ своимъ. Вслѣдъ, за тѣмъ начались набѣги и съ той, и съ другой стороны; раздраженіе овладѣло тѣми, которые терпѣли пораженіе, и потому подходили воины все въ большемъ и большемъ числѣ: что служитъ пищею для сраженій конницъ: тутъ у побѣдителей надежда на успѣхъ, а у побѣжденныхъ раздраженіе гнѣва служитъ побужденіемъ собираться всѣмъ. Такимъ образомъ случилось и тутъ: схватка началась между немногими, но въ жару боя мало по малу приняла въ немъ участіе и вся конница, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Пока происходило сраженіе только между конницами, то съ трудомъ выдерживали Римляне напоръ Мазезуліевъ, такъ какъ Сифаксъ высылалъ все новыя подкрѣпленія. Но, когда нечаянно явился сплошной строй пѣхоты Римской, прошедшей между рядами своей конницы, вдругъ разступившимися, то стремительно нападавшій непріятель пріостановился. Сначала дикари лѣнивѣе понуждали коней, потомъ остановились, и, пораженные новымъ родомъ сраженія, дотолѣ неиспытаннымъ, они уже не только уступили пѣхотѣ, но и не устоя-

ли противъ конницы непріятельской, которая, въ надеждѣ на свою пѣхоту, стала дѣйствовать смѣлѣе. Уже приближались значки легіоновъ. Тутъ Мазезуліи не только не дождались нападенія, но и не выдержали самого вида значковъ и оружія Римскихъ. До такой степени сильно было у нихъ или впечатлѣніе прежнихъ пораженій, или тотъ ужасъ, который они испытывали теперь.

12. Сифаксъ разъѣзжалъ на конѣ среди непріятельскихъ конныхъ отрядовъ, стараясь удержать своихъ отъ бѣгства какъ стыдомъ, такъ и примѣромъ собственной опасности; лошадь, опасно раненая дротикомъ, упала и придавила; его живаго — зрѣлище особенно пріятное для Масиниссы, притащили къ Лелію.

Городъ Цирта былъ столицею Сифаксова царства, и туда удалилось множество Нумидовъ. Въ послѣднемъ сраженіи, потеря непріятеля убитыми не соотвѣтствовала значительности побѣды, такъ какъ бой ограничивался только схваткою однихъ конницъ. Не болѣе пяти тысячь убито, и менѣе половины этого числа взято въ плѣнъ, при нападеніи на лагерь, куда удалилась масса силъ непріятельскихъ, пораженная потерею царя. Масинисса, хотя говорилъ, что для него въ то время не могло быть ничего пріятнѣе, какъ побѣдителемъ взглянуть на царство своихъ предковъ, возвращенное ему послѣ такаго промежутка времени; но присовокуплялъ, что, и въ счастливыхъ и въ несчастныхъ обстоятельствахъ, не надобно безъ пользы терять времени въ промедленіи; что если Лелій позволитъ ему идти впередъ къ Циртѣ съ конницею и Сифаксомъ въ узахъ, то все покорится подъ вліяніемъ страха; а Лелій пусть послѣдуетъ за нимъ съ пѣхотою умѣренными переходами. Съ согласія Лелія, выступивъ впередъ къ Циртѣ, Масинисса велѣлъ вызвать для переговоровъ начальниковъ города Цирты. Но такъ какъ тѣ не знали несчастія, постигшаго ихъ, то и угрозы, и убѣжденія его оставались равно безъ дѣйствія, до тѣхъ поръ пока не былъ выведенъ на показъ царь въ узахъ. При столь печальномъ зрѣлищѣ, поднялись вопли, и стѣны города оставлены частью подъ вліяніемъ страха, частью по, вдругъ возникшему, единодушному желанію искать милости побѣдителя. Жители отворили ворота: Масинисса, поставивъ вооруженные отряды у воротъ, и у важ-

нѣйшихъ пунктовъ городской ограды для того, чтобы никому не дать возможности бѣжать, поспѣшно поскакалъ на конѣ къ царскому дворцу. Когда онъ входилъ въ переднюю, то, на самомъ порогѣ, встрѣтила его Софонисба, супруга Сифакса, дочь Карѳагенянина Аздрубала. Видя, въ толпѣ вооруженныхъ воиновъ, Масиниссу, замѣтнаго какъ оружіемъ, такъ и вообще наружностью, она признала его за царя, какимъ онъ и былъ, и, павъ на колѣни, стала говорить ему: «Боги, черезъ твое мужество и счастіе, отдали тебѣ насъ въ полное твое распоряженіе. Но если плѣнной дозволено возвысить голосъ мольбы передъ властелиномъ ея жизни и смерти, если можно коснуться рукою колѣнъ и побѣдоносной руки побѣдителя, то умоляю и заклинаю величіемъ царскаго достоинства, которое еще такъ недавно принадлежало и намъ, именемъ Нумидскаго племени, которое тебѣ обще съ Сифаксомъ, божествами, покровителями этого царскаго жилища— да примутъ они тебя сюда при лучшихъ предзнаменованіяхъ, чѣмъ при какихъ они отсюда отправили Сифакса!—Самъ постанови о плѣнной то, что укажетъ тебѣ духъ твой, и не допусти, чтобы я досталась въ жестокую и надменную власть какого бы то ни было Римлянина. Будь даже я только женою Сифакса, то и тутъ я предпочла бы лучше положиться на вѣрность слова Нумида, родившагося въ той же, что и я, Африкѣ, чѣмъ на инородца и чужестранца. Но ты самъ понимаешь, чего ждать Карѳагенянкѣ отъ Римлянина, и притомъ Карѳагенянкѣ, дочери Аздрубала? Если нѣтъ другаго средства въ рукахъ твоихъ, то, умоляю и заклинаю тебя, хоть смертью освободи меня отъ произвола Римлянъ!» Софонисба была очень хороша собою, и притомъ въ самой цвѣтущей молодости. Она не только не выпускала руку побѣдителя, прося его не выдавать ее Римлянамъ, но и слова ея болѣе походили на ласки, чѣмъ на мольбы. Вслѣдствіе этого, не только состраданіе проникло въ душу побѣдителя, но, какъ Нумиды всѣ вообще женолюбивы, то и страстная любовь возникла къ плѣнницѣ у побѣдителя. Давъ правую руку въ обязательство вѣрности обѣщанія, Масинисса удалился во дворецъ. Тутъ онъ сталъ размышлять, какимъ образомъ исполнить данное обѣщаніе. Находясь въ крайнемъ затрудненіи, онъ рѣшился на

поступокъ наглый и безстыдный. Онъ приказалъ въ тотъ же самый день приготовиться къ браку, для того, чтобы поспѣшностью не дать возможности ни Лелію, ни самому Сципіону, рѣшить что нибудь о плѣнной прежде, чѣмъ она сдѣлается женою Масиниссы. Бракосочетаніе было совершено, когда прибылъ Лелій. Онъ дотого не скрылъ свое неодобреніе поступка Масиниссы, что сначала хотѣлъ было его жену, вытащивъ изъ спальни, вмѣстѣ съ Сифаксомъ и другими плѣнными, отослать къ Сципіону. Уступая просьбамъ Масиниссы—предоставить Сципіону рѣшеніе вопроса—котораго изъ двухъ царей участь должна раздѣлить Софонниба, Лелій послалъ къ Сципіону Сифакса и другихъ плѣнныхъ. А прочими городами Нумидскими, которые были заняты гарнизонами царя Сифакса, овладѣлъ Лелій, при содѣйствіи Масиниссы.

13, Когда получено было извѣстіе, что, Сифакса ведутъ въ лагерь, то все войско вышло впередъ, какъ бы на зрѣлище торжества. Онъ шелъ впереди въ узахъ, и за нимъ слѣдовала толпа знатныхъ Нумидовъ. Тутъ каждый, стараясь придать побѣдѣ больше блеска славою побѣжденнаго, сколько могъ болѣе превозносилъ бывшее величіе Сифакса. То — царь, котораго силу такъ высоко ставили два, могущественнѣйшіе въ то время на землѣ, народа, Римляне и Карѳагеняне, что главный вождь Римлянъ Сципіонъ, оставивъ свою провинцію Испанію и войско, на двухъ квинкверемахъ (судахъ о пяти рядахъ веселъ) отправился въ Африку, добиваясь дружества Сифакса. Аздрубалъ, главный полководецъ Карѳагенянъ, не только самъ пришелъ въ царство Сифакса, но и далъ ему въ супружество дочь свою. Въ одно и то же время, во власти Сифакса находились два главныхъ вождя—Римскій и Карѳагенскій. И какъ обѣ стороны, принося жертвы, молятъ боговъ безсмертныхъ о мирѣ, такъ обѣ враждующія стороны просили въ одно и то же время о дружествѣ царя Сифакса. Таковы были силы его, что онъ заставилъ Масиниссу, изгнавъ его изъ царства, спасать жизнь свою ложнымъ слухомъ о смерти своей, скрываясь въ ущельяхъ, и питаясь тамъ добычею на подобіе дикихъ звѣрей, живущихъ въ лѣсахъ. Такими то рѣчами превозносимый царь, былъ приведенъ въ пре-

торій къ Сципіону. Сильное впечатлѣніе произвела на Сципіона судьба, постигшая Сифакса, столь далекая отъ его прежней участи; а также пришло ему на память и гостепріимство, и пожатіе рукъ, какъ скрѣпленіе общественнаго и частнаго дружества. Это обстоятельство придало смѣлость и Сифаксу въ его словахъ къ побѣдителю. Когда Сципіонъ спросилъ его: чего онъ хотѣлъ достигнуть, не только отказавшись отъ союза съ Римлянами, но и наступивши на нихъ войною? Тогда Сифаксъ признавался, что провинился онъ и поступилъ безразсудно, но не тогда еще, когда онъ взялся за оружіе противъ народа Римскаго; то былъ уже конецъ его безумія, а не начало. Но тогда онъ по истинѣ обезумѣлъ, тогда забылъ и попралъ всѣ обязательства дружества какъ общественныя, такъ и частныя, когда принялъ къ себѣ въ домъ Карѳагенскую женщину. Тѣ свадебные огни сожгли его царское жилище; та фурія и язва всѣми уловками женской ласки и притворства совратила къ заблужденію его духъ, и не оставалась въ покоѣ, пока не заставила его обнажить вѣроломно мечь противъ друга и пріятеля. Но для него Сифакса, какъ человѣка уже погибшаго, въ его бѣдствіяхъ утѣшеніемъ можетъ быть только то, что онъ видитъ эту фурію и язву, перешедшею въ домъ и подъ кровъ злѣйшаго его врага. Масинисса не будетъ ни благоразумнѣе, ни постояннѣе его Сифакса; а, по молодости лѣтъ, онъ еще неосторожнѣе; конечно, безразсудство и невоздержность Масиниссы въ поспѣшномъ бракѣ хуже еще всѣхъ поступковъ его, Сифакса.»

14. Такъ говорилъ Сифаксъ, не только подъ вліяніемъ ненависти къ непріятелю, но и волнуемый оскорбленною любовью, видя предметъ страсти своей въ рукахъ соперника. Впрочемъ, эти слова Сифакса сильно подѣйствовали на душу Сципіона. Основаніемъ вѣрить преступности Масиниссы было то, что онъ совершилъ этотъ бракъ среди самыхъ военныхъ дѣйствій, не посовѣтовавшись съ Леліемъ и не дождавшись его, и притомъ съ такою безразсудною поспѣшностью, что въ тотъ же день, какъ увидалъ плѣнную непріятельницу, соединился съ нею брачными узами, и священные обряды бракосочетанія совершилъ подъ кровлею врага своего. Подобный поступокъ казался Сци-

ціону тѣмъ предосудительнѣе, что на него въ Испаніи, когда онъ былъ еще очень молодъ, не подѣйствовала красота ни одной плѣнной. Въ такихъ размышленіяхъ находился Сципіонъ, когда пришли къ нему Лелій и Масинисса; и того и другаго принялъ Сципіонъ съ лицомъ, одинаково ласковымъ. Въ полномъ собраніи преторія осыпалъ онъ ихъ лестными похвалами. Отведши Масиниссу въ сторону, онъ сталъ такъ говорить ему наединѣ: «Масинисса! Конечно, замѣчалъ ты во мнѣ, что нибудь хорошее, когда ты сначала прибылъ въ Испанію для заключенія со мною дружественныхъ отношеній, а, потомъ въ Африкѣ, ты ввѣрилъ моему слову и самого себя, и всѣ твои надежды. Изъ числа тѣхъ качествъ, которыми я казался тебѣ достойнымъ твоего знакомства, ни однимъ я такъ не горжусь, какъ умѣренностью и воздержаніемъ страстей. Ихъ то желалъ бы я, Масинисса, видѣть въ числѣ прочихъ твоихъ прекрасныхъ достоинствъ. Повѣрь мнѣ, Масинисса, что, въ наши съ тобою лѣта, не такъ опасны для насъ вооруженные враги, сколько наши собственныя, со всѣхъ сторонъ грозящія, порочныя стремленія. Тотъ, кто ихъ смиритъ и обуздаетъ умѣренностью, одержитъ, безъ сомнѣнія, побѣду, болѣе славную и блистательную той, которую мы теперь имѣемъ, побѣдивъ Сифакса. То, что ты въ моемъ отсутствіи совершилъ хорошаго и добраго, то я охотно и припомнилъ, и содержу въ памяти. Что же касается до прочихъ твоихъ дѣйствій, то лучше обдумай ихъ самъ, а я не хочу, говоря о нихъ, заставить тебя краснѣть передо мною. Сифаксъ счастіемъ народа Римскаго побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ, а потому онъ самъ, жена его, царство, поля и города, люди тамъ живущіе, однимъ словомъ все, что принадлежало Сифаксу, сдѣлалось добычею народа Римскаго. А потому и царя, и его супругу, даже если бы она не была гражданкою Кареагена, даже если бы отецъ ея не былъ главнымъ вождемъ враговъ нашихъ, слѣдовало бы отослать въ Римъ, гдѣ сенату и народу Римскому принадлежитъ сужденіе объ участи той, которая, какъ полагаютъ, отвлекла отъ насъ, и вооружила противъ насъ, царя, дотолѣ намъ союзнаго. Побѣди самъ себя; берегись, какъ бы одинъ порокъ не затемнилъ всѣхъ твоихъ достоинствъ, и какъ бы ты не потерялъ награду за прежнія заслуги изъ за предмета, который не стоитъ такого пожертвованія.»

15. Масиниссу, когда онъ это слушалъ, не только бросило въ краску, но и слезы выступили у него на глазахъ. Онъ сказалъ, что, и на будущее время, не выйдетъ изъ повиновенія Римскаго вождя; только онъ умолялъ его дозволить ему подумать о сдержаніи даннаго имъ слова, на сколько позволятъ это обстоятельства дѣла (такъ какъ онъ, Масинисса, обѣщалъ ни въ чью власть не предавать Софонибу). Затѣмъ Масинисса разстроенный удалился изъ преторія въ свою палатку. Тамъ онъ, удаливъ всѣхъ свидѣтелей, провелъ нѣсколько времени въ частыхъ вопляхъ и вздохахъ, что легко было слышать людямъ, стоявшимъ около палатки. Наконецъ, испустивъ самый отчаянный вопль, онъ позвалъ своего вѣрнаго раба, у котораго по обычаю, заведенному у царей, хранился ядъ на случай нечаянныхъ превратностей судьбы, и приказалъ ему, приготовивъ ядъ въ чашѣ, отнести къ Софонибѣ, и при этомъ сказать: «всею душою хотѣлъ бы Масинисса сдержать вѣрность слова, даннаго прежде, обѣтъ данный имъ мужемъ ей, какъ женѣ; но тѣ, въ чьей власти они находятся, не дозволяютъ этого, а потому то онъ хочетъ сдержать второе данное ей обѣщаніе — что она живая не достанется въ руки Римлянъ. Итакъ пусть она, имѣя въ памяти отца своего полководца, отечество и двухъ царей, которыхъ она была супругою, озаботится сама своею участью!» Когда служитель Масиниссы пришелъ къ Софонибѣ вмѣстѣ и съ этою вѣстью, и съ чашею яду, то она сказала: «принимаю брачный даръ и не безъ благодарности, если Масинисса не былъ въ силахъ иначе исполнить обязанности мужа къ женѣ. Впрочемъ, скажи ему: смерть моя была бы пріятнѣе мнѣ, если бы я, на порогѣ ея, не вступила въ новый бракъ.» Смѣло произнесла она эти слова, и потомъ спокойно выпила ядъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Сципіонъ, опасаясь, какъ бы, страдая душою, пылкій молодой человѣкъ не рѣшился на какой нибудь отчаянный поступокъ, тотчасъ послалъ за нимъ и сталъ утѣшать его, а вмѣстѣ и выговаривать, что онъ одинъ необдуманный поступокъ загладилъ другимъ, столь же необдуманнымъ, и что не было крайности давать дѣлу столь печальный

оборотъ. На другой день, желая развлечь юношу отъ его печальныхъ мыслей, онъ вошелъ на трибуну и велѣлъ созвать воиновъ на собраніе. Здѣсь онъ Масиниссу привѣтствовалъ титуломъ царя, осыпалъ самыми лестными похвалами, далъ ему золотой вѣнецъ, золотую чашу, кресло курульное и скипетръ изъ слоновой кости, разноцвѣтную тогу и вышитую тунику. И на словахъ возвеличилъ его Сципіонъ, сказавъ, что и у Римлянъ почести тріумфа не могутъ быть блистательнѣе этого, и для тріумфаторовъ украшенія нѣтъ лучше того, которымъ народъ Римскій почтилъ Масиниссу перваго изъ иноземцевъ. Потомъ Сципіонъ похвалилъ Лелія, и далъ ему также золотой вѣнокъ. Другимъ военнымъ людямъ розданы также подарки, соразмѣрно ихъ заслугамъ. Передъ такими почестями растаялъ духъ царскій, и въ Масиниссѣ возникла надежда въ скоромъ времени, вмѣстѣ съ гибелью Сифакса, овладѣть всею Нумидіею.

16. Сципіонъ, отправивъ въ Римъ К. Лелія съ Сифаксомъ и другими плѣнными—съ ними поѣхали туда и послы Масиниссы, самъ опять отнесъ лагерь назадъ къ Тунесу, и начатыя укрѣпленія привелъ къ концу. Карѳагеняне, которыхъ радость, вслѣдствіе довольно счастливой въ то время, аттаки Римскаго флота, оказалась не только кратковременною, но и почти безплодною, сильно поражены были извѣстіемъ о плѣнѣ Сифакса, на котораго они почти болѣе надѣялись, чѣмъ на Аздрубала и на свое войско; не слушая уже никого болѣе изъ тѣхъ, которые совѣтовали войну, они отправили тридцать главныхъ изъ старѣйшинъ. Совѣтъ ихъ пользовался у Карѳагенянъ великимъ уваженіемъ, и даже имѣлъ большое вліяніе на сенатъ. Когда послы Карѳагенскіе пришли въ лагерь Римскій и въ преторій, то они, на подобіе льстецовъ — какъ я полагаю, по принятому въ ихъ отечествѣ обычаю,—простерлись на землю. Слова ихъ соотвѣтствовали столь униженному привѣтствію; они не старались оправдаться въ своей виновности, но начало ея слагали на Аннибала и на поборниковъ его власти. Они просили прощенія за государство, которое дерзость его гражданъ второй разъ поставила на край гибели, и которое, если уцѣлѣетъ, то опять по снисхожденію враговъ. Народъ Римскій домогается не гибели побѣжденныхъ вра-

говъ, но власти надъ ними. Они, Карѳагеняне, готовы безпрекословно исполнять всѣ приказанія. Сципіонъ на это отвѣчалъ, что онъ съ этою надеждою пришелъ въ Африку, что надежда его усилилась вслѣдствіе удачныхъ военныхъ дѣйствій, надежда—принести въ Римъ побѣду, а не миръ. Впрочемъ, такъ какъ онъ побѣду почти держитъ въ своихъ рукахъ, то онъ не отказывается и отъ мира, и желаетъ доказать всѣмъ народамъ, что Римскій народъ руководствуется справедливостью, и начиная войны, и оканчивая ихъ. Условія мира назначаетъ онъ слѣдующія: возвратить плѣнныхъ, бѣглецовъ и перебѣжчиковъ; вывести войска изъ Италіи и Галліи; не вступаться въ Испанію; очистить всѣ острова, находящіеся между Италіею и Африкою; длинныя суда выдать всѣ, кромѣ двадцати, пятьсотъ тысячь мѣръ пшеницы и триста тысячь ржи. Какую сумму денегъ заплатить Карѳагенянамъ назначилъ Сципіонъ, несогласны между собою писатели. Одни говорятъ пять тысячь талантовъ; другіе — пять тысячь фунтовъ серебра, нѣкоторые писатели утверждаютъ, что Сципіонъ велѣлъ Карѳагенянамъ заплатить двойное жалованіе его воинамъ.» Согласны ли Карѳагеняне—такъ присовокупилъ Сципіонъ — заключить миръ на этихъ условіяхъ, на размышленіе дастъ онъ имъ три дня. Если они согласятся, то онъ заключитъ съ ними перемиріе, а о мирѣ пусть они пошлютъ пословъ въ Римъ къ Сенату.» Отпущенные съ такимъ отвѣтомъ, Карѳагеняне сочли за лучшее не отвергать никакихъ условій мира. Они только хотѣли выиграть время, пока Аннибалъ переправится въ Африку. Однихъ пословъ они отправили къ Сципіону заключить перемиріе, а другихъ въ Римъ просить мира. Для того, чтобы легче получить миръ, они повели съ собою только для виду человѣкъ двѣсти плѣнныхъ, бѣглецовъ и перебѣжчиковъ.

17. За много дней прежде, прибылъ въ Римъ Лелій съ плѣнными царемъ Сифаксомъ и Нумидскими вельможами. Онъ сенаторамъ разсказалъ обстоятельно и въ порядкѣ то, что произошло въ Африкѣ. Въ слушателяхъ произвелъ онъ сильную радость въ настоящемъ, а въ будущемъ большую надежду. Сенатъ, по сдѣланному докладу, положилъ: царя отослать подъ стражею въ Альбу, а Лелія удержать, пока придутъ послы Карѳагенскіе,

Объявлено молебствіе на 4 дня. Преторъ П. Элій распустилъ сенатъ, и тотчасъ созвалъ народное собраніе; онъ, вмѣстѣ съ К. Леліемъ, вошелъ на ростры. Тутъ граждане, услыхавъ, что побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ царь славнаго имени, что вся Нумидія блистательно покорена оружіемъ Римлянъ, не могли сдержать въ себѣ чувствъ радости, но высказали ихъ неумѣренными криками и другими знаками, которыми народъ обыкновенно высказываетъ свой восторгъ. А потому преторъ тотчасъ объявилъ, чтобы, по всему городу, сторожа храмовъ отворили святилища для того, чтобы народъ могъ, въ продолженіи всего дня, ходить по храмамъ, покланяться божествамъ и благодарить ихъ. На другой день, онъ ввелъ въ сенатъ пословъ Масиниссы. Они сначала поздравили сенатъ съ счастливыми дѣйствіями П. Сципіона въ Африкѣ. Потомъ благодарили за то, что онъ Масиниссу не только наименовалъ царемъ, но и посадилъ снова на царство его предковъ, въ которомъ онъ теперь, по уничтоженіи Сифакса, будетъ, если такъ заблагоразсудитъ сенатъ, царствовать безъ страху и борьбы; — за то, что онъ, осыпавъ его похвалами передъ собраніемъ воиновъ, увѣнчалъ его самыми великими почестями; не быть ихъ недостойнымъ—старался всегда Масинисса и будетъ стараться на будущее время. Послы просили, чтобы сенатъ утвердилъ своимъ декретомъ за Масиниссою титло царя и другія благодѣянія и награды Сципіона. Сверхъ того Масинисса проситъ, если его прошеніе не будетъ въ тягость, отослать къ нему плѣнныхъ Нумидовъ, которые въ Римѣ находятся подъ стражею; это доставитъ Масиниссѣ большую честь отъ его соотечественниковъ. Посламъ на это дали отвѣтъ: поздравленіе съ счастливыми событіями въ Африкѣ должно быть взаимное какъ сенату, такъ и царю. Что же касается до Сципіона, то онъ поступилъ правильно и законно, что Масиниссу провозгласилъ царемъ и все, что онъ ни сдѣлалъ въ честь Масиниссы, то все сенатъ и одобряетъ и утверждаетъ. Подарками, которые послы должны были отнести царю, сенатъ назначилъ: двѣ пурпурныхъ саги (одежда верхняя), каждая съ золотою пряжкою, и тунику съ широкимъ позументомъ, два богатоубранныхъ коня, два вооруженія всадничьихъ съ панцырями, палатки и военную принадлежность, какая обыкновенно давалась консулу. Вотъ, что преторъ долженъ былъ отослать царю; посламъ каждому дано не менѣе пяти тысячь ассъ, а ихъ провожатымъ по одной, и вмѣстѣ Нумидамъ, которые, будучи выпущены изъ подъ стражи, должны быть возвращены царю. Сверхъ того посламъ назначены даровыя квартиры, почетныя мѣста и угощеніе на общественный счетъ.

18. Въ тоже лѣто, когда состоялось это опредѣленіе въ Римѣ, а въ Африкѣ совершились вышеописанныя событія, преторъ П. Квинктилій Варъ и проконсулъ М. Корнелій, въ области Галльскихъ Инсубровъ, сразились съ Карѳагеняниномъ Магономъ въ открытомъ полѣ. Легіоны претора составляли первую боевую линію, а Корнелій съ своими стоялъ въ резервѣ, а самъ прискакалъ на конѣ къ первымъ рядамъ. Передъ обоими флангами преторъ и проконсулъ убѣждали всѣми силами воиновъ аттаковать непріятеля. Такъ какъ всѣ ихъ усилія оставались безполезными, то Квинктилій сказалъ Корнелію: «сраженіе, какъ ты видишь, идетъ вяло, и сверхъ чаянія непріятель окрѣпъ въ самомъ страхѣ. Возникаетъ опасеніе, какъ бы этотъ страхъ не обратился въ смѣлость. А потому необходимо произвести сильную аттаку конницы, для того чтобы сдвинуть непріятеля, и бросить смущеніе въ ряды его. А потому или ты выдерживай бой въ первыхъ рядахъ, а я введу въ дѣло конницу; или я здѣсь буду сражаться въ первой линіи, а ты, съ всадниками четырехъ легіоновъ, аттакуй непріятеля.» Такъ какъ проконсулъ принималъ на себя ту обязанность, которую ему уступилъ преторъ; то преторъ съ сыномъ, носившимъ имя Марка, юношею доблестнымъ, отправился къ всадникамъ и, приказавъ имъ сѣсть на коней, онъ ихъ вдругъ пустилъ на непріятеля. Конную тревогу увеличилъ крикъ, испущенный воинами легіоновъ. И не устояла бы боевая линія непріятелей, если бы Магонъ, при первомъ движеніи Римской конницы, не вывелъ тотчасъ въ поле слоновъ, совсѣмъ изготовленныхъ. Тутъ кони Римскіе испугались вида этихъ животныхъ, ихъ запаху и храпѣнія; такимъ образомъ, конница не могла принести никакой пользы. И хотя Римскій всадникъ отлично сражается въ бою, гдѣ можно вблизи дѣйствовать копьемъ и ме-

чемъ; однако тутъ Нумиды взяли перевѣсъ, стрѣляя лучше издали въ всадниковъ, отнесенныхъ испуганными конями въ сторону. Вмѣстѣ съ тѣмъ двенадцатый легіонъ пѣхоты, въ которомъ большая часть воиновъ была перебита, держался еще на позиціи болѣе отъ стыда, чѣмъ силами своими, и дольше бы не устоялъ, если бы тринадцатый легіонъ, введенный изъ резервовъ въ первую линію, не поддержалъ сраженія, результатъ котораго становился сомнительнымъ. Магонъ съ своей стороны, на встрѣчу свѣжему легіону, вывелъ Галловъ изъ резерва; но тѣ безъ труда обращены въ бѣгство. Тутъ гастаты одиннадцатаго легіона собираются въ кучу и нападаютъ на слоновъ, которые начали было приводить уже въ разстройство линію пѣхоты. Дротики гастатовъ, брошенные въ слоновъ, стоявшихъ тѣсно одинъ отъ другаго, ни одинъ почти не пропадалъ по пустому; тогда слоны, обернувшись, бросились назадъ на ряды своихъ; а четыре слона упали отъ тяжкихъ ранъ. Только тогда произошелъ безпорядокъ въ рядахъ непріятелей; при чемъ всѣ всадники, видя слоновъ обращавшихъ тылъ, бросились впередъ съ тѣмъ, чтобы увеличить страхъ и смятеніе. Но, пока Магонъ находился въ первой линіи, ряды непріятелей отступали мало по малу, сохраняя воинственный видъ; когда же Магонъ палъ, пораженный въ ляжку дротикомъ, и воины увидѣли, какъ его унесли изъ сраженія, по чти истекавшимъ кровью, тотчасъ всѣ обратились въ бѣгство. До пяти тысячь непріятелей убито въ этотъ день, и взято двадцать два военныхъ значка. Римлянамъ побѣда стоила также не мало крови. Изъ войска претора пало двѣ тысячи триста человѣкъ; большая часть этой потери относилась къ двенадцатому легіону, гдѣ убиты и два военныхъ трибуна—М. Косконій и М. Мевій. Изъ тринадцатаго легіона, который участвовалъ въ концѣ сраженія, убитъ военный трибунъ К. Гельвій въ то время, когда онъ усиливался возстановить сраженіе. Почти 22 человѣка знатныхъ всадниковъ съ нѣсколькими сотниками погибли, задавленные слонами. Борьба продолжалась бы долѣе, если бы рана непріятельскаго вождя не доставила намъ побѣду.

19. Магонъ выступилъ въ тишинѣ послѣдующей ночи, и переходами столь длинными, сколько ему позволяли его раны, онъ

прибылъ къ берегамъ моря въ область Лигуровъ Ингавновъ. Здѣсь къ нему пришли Кароагенскіе послы, которые, только что передъ тѣмъ, приплыли на судахъ въ Галльскій заливъ, и передали ему приказаніе сената переправиться, какъ можно поспѣшнѣе, въ Африку, присовокупивъ, что тоже сдѣлаетъ и братъ его Аннибалъ, къ которому отправились послы съ такимъ же приказаніемъ. Дѣла Кароагенянъ не въ такомъ положеніи, чтобы они могли имѣть притязанія на Галлію и Италію. Магонъ, не только повинуясь волѣ сената и тронутый опасностью, въ которой находилось отечество, но и опасаясь, какъ бы въ случаѣ его замедленія, не преслѣдовалъ его побѣдоносный непріятель, и самые Лигуры, если они увидятъ, что Кароагеняне оставляютъ Италію, могли отпасть къ тѣмъ, подчиниться власти коихъ для нихъ было неизбѣжно,—и полагая, что рана при плаваніи менѣе будетъ раздражаться, и доступнѣе будетъ лѣченію, чѣмъ при движеніи сухимъ путемъ, посадилъ войска свои на суда и отправился въ путь; но не успѣли суда миновать Сардинію, какъ онъ умеръ отъ раны. Нѣсколько судовъ Кароагенянъ, отброшенные вѣтромъ въ море, захвачены Римскимъ флотомъ, находившимся около Сардиніи. Вотъ, что происходило на сушѣ и на морѣ въ той части Италіи, которая прилежитъ къ Альпамъ.

Консулъ К. Сервилій не совершилъ ничего замѣчательнаго въ провинціяхъ Этруріи и Галліи — такъ какъ онъ заходилъ и туда—но возвратилъ изъ рабства отца своего К. Сервилія и К. Лутація послѣ шестнадцатилѣтняго плѣна, въ который они захвачены были Боями у села Таннета. Имѣя по одну сторону отца, по другой Катула, Сервилій возвратился въ Римъ, увѣнчанный честью болѣе домашнею, чѣмъ общественною. Народному собранію предложено: опредѣлить, чтобы К. Сервилію не было поставлено въ вину то, что, при жизни отца, занимавшаго еще курульныя кресла, Сервилій, не зная этого обстоятельства, былъ трибуномъ народнымъ и эдилемъ народнымъ, что законами запрещено. Когда это опредѣленіе состоялось, консулъ возвратился въ свою провинцію.

Къ консулу Кн. Сервилію, находившемуся въ землѣ Бруттіевъ, отпали Консенція, Авфугумъ, Берге, Бесидіе, Окрикулумъ, Лим-

Феумъ, Аргентанумъ, Клампеція и многіе незначительные народы, которые видѣли, что война Кароагенская все ослабѣваетъ. Тотъ же консулъ сразился съ Аннибаломъ въ открытомъ полѣ въ области Кротонской; впрочемъ, объ этомъ сраженіи преданіе весьма темно. Валерій Антіасъ говоритъ, что непріятель потерялъ пять тысячъ убитыми; но это такое обстоятельство, которое или безстыдно вымышлено, или небрежно опущено. То вѣрно, что тѣмъ и заключилась дѣятельность Аннибала въ Италіи. И къ нему также пришли послы изъ Кароагена, почти въ тоже время, какъ и къ Магону, приглашая его въ Африку.

20. Говорятъ, что Аннибалъ, слушавъ пословъ, не могъ воздержаться отъ вздоховъ, стоновъ и даже слезъ. Когда послы изложили предметъ своего порученія, Аннибалъ сказалъ: «такъ! теперь болѣе не намеками, но явно, отзываютъ тѣ, которые уже давно влекли его изъ Италіи, отказывая ему въ вспомоществованіи людьми и деньгами. Такимъ образомъ побѣдилъ Аннибала не народъ Римскій, столько разъ имъ разбитый и пораженный, но сенатъ Кароагенскій завистью и недоброжелательствомъ. И нестолько П. Сципіонъ будетъ радоваться, и превозноситься постыднымъ возвращеніемъ его Аннибала, сколько Ганнонъ, который гибелью Кароагена, за недостаткомъ другихъ средствъ, погубилъ домъ Аннибаловъ.» Это событіе Аннибалъ уже предвидѣлъ въ душѣ, и заготовилъ ранѣе суда. А потому, безполезную толпу воиновъ разославъ въ видѣ гарнизоновъ по немногимъ городкамъ Бруттійской области, которые остались у него подъ властью болѣе подъ вліяніемъ страха, чѣмъ вѣрности, онъ съ главными силами своего войска переправился въ Африку; а многихъ людей Италіянскаго племени, которые, отказавшись послѣдовать за нимъ въ Африку, удалились въ храмъ Юноны Лацинской, который до этого времени считался святилищемъ неприкосновеннымъ, умертвилъ позорно въ самомъ храмѣ. Говорятъ, что рѣдко кто, отправляясь въ ссылку изъ отечества, бываетъ такъ печаленъ, какъ грустенъ былъ Аннибалъ, покидая землю непріятельскую. Часто озирался онъ на берега Италіи, обвиняя боговъ и людей, и не щадя проклятій на свою собственную голову за то, что онъ свое побѣдоносное войско, покрытое кровью Каннскаго сра-

женія не повелъ съ поля битвы прямо къ Риму. Сципіонъ дерзнулъ, консуломъ не видавъ даже Кароагенскаго войска въ Италіи перенести войну въ Африку; а онъ, Аннибалъ, положивъ у Тразимена и Каннъ сто тысячь воиновъ, состарился около Казилина, Кумъ и Нолы. Такъ жалуясь и обвиняя себя самого, Аннибалъ увлеченъ изъ Италіи, которая такъ долго находилась въ его власти.

21. Въ одно и тоже время пришло въ Римъ извѣстіе объ удаленіи и Магона и Аннибала. Радость о такихъ двухъ благопріятныхъ событіяхъ уменьшалась оттого, что, по видимому, вожди Римскіе обнаружили мало или смѣлости, или силъ къ удержанію, согласно съ приказаніемъ на этотъ предметъ сената, непріятеля. Притомъ озабочивались тѣмъ, что неизвѣстенъ былъ исходъ событій, междутѣмъ какъ вся тягость войны пала на одно войско и на одного вождя. Въ эти же дни пришли послы изъ Сагунта; они привели захваченныхъ съ деньгами Кароагенянъ, переправившихся въ Испанію для найма вспомогательныхъ войскъ. Двѣсти пятьдесятъ фунтовъ золота и восемьдесятъ серебра сложили въ притворѣ Сенатскаго зданія. Приняты плѣнные непріятели и посажены въ темницу; золото и серебро возвращено посламъ, которымъ изъявлена благодарность, и сверхъ того даны подарки и суда, на которыхъ они должны быть отвезены въ Испанію. Затѣмъ старѣйшіе сенаторы указали на то обстоятельство, что сильнѣе люди чувствуютъ зло, чѣмъ сдѣланное имъ добро. Легко припомнить, какой былъ ужасъ и страхъ, когда Аннибалъ появился въ Италіи! Сколько было бѣдствій, сколько слезъ стоили они! Со стѣнъ города видѣнъ былъ непріятельскій лагерь! Сколько тогда сдѣлано было и частныхъ и общественныхъ обѣтовъ! Сколько разъ въ собраніяхъ слышны были голоса людей, протягивавшихъ руки къ небу съ мольбою о томъ, настанетъ ли когда тотъ счастливый день, въ которой Италія, оставленная непріятелемъ, зацвѣтетъ снова миромъ! Наконецъ, послѣ шестнадцати лѣтъ, боги допустили, это счастливое событіе, но нѣтъ никого, кто бы подалъ мнѣніе о необходимости благодарить за то боговъ безсмертныхъ. До такой степени люди не въ состояніи не только оцѣнить приходящую радость, но и не довольно хорошо помнятъ прошедшую! Тутъ со всѣхъ сторонъ

курін раздались крики, чтобы преторъ П. Элій доложилъ объ этомъ сенату. Опредѣлено—въ продолженіи пяти дней, имѣть молебствія у всѣхъ постелей боговъ, и принести сто двадцать большихъ жертвенныхъ животныхъ.

Уже Лелій и послы Масиниссы были отпущены, когда получено извѣстіе, что пословъ Кароагенскихъ, идущихъ къ сенату съ просьбою о мирѣ, видѣли въ Путеолахъ, и что они идутъ оттуда сухимъ путемъ. Тогда положено воротить назадъ К. Лелія для того, чтобы, въ его присутствіи, толковать о мирѣ. К. Фульвій Гилло, посолъ Сципіона, привелъ Кароагенянъ въ Римъ. Имъ не велѣно входить въ городъ, квартира имъ отведена въ загородной общественной дачѣ, а засѣданіе сената назначено въ храмѣ Беллоны.

22. Тутъ они говорили почти тоже, что прежде Сципіону, и всю отвѣтственность за войну съ Кароагенскаго правительства они сваливали на Аннибала. Не только Альпы, но и Ибръ, онъ перешелъ безъ разрѣшенія сената, и на Сагунтинцевъ напалъ по своему личному недоброжелательству. Что же касается до сената и народа Кароагенскаго, то они, если кто разсудитъ основательно, оставались и нынѣ въ ненарушенномъ союзѣ съ Римлянами. А потому имъ посламъ поручено только просить—дозволить имъ оставаться на тѣхъ мирныхъ условіяхъ, которыя въ послѣднее время заключены консуломъ Лутаціемъ Когда, по заведенному предками обычаю, преторъ дозволилъ сенаторамъ спрашивать пословъ о чемъ, кто изъ нихъ захочетъ, и старѣйшіе изъ сенаторовъ, которые сами находились при заключеніи договора, спрашивали пословъ о разныхъ его пунктахъ, на что тѣ отвѣчали, что они, по своему возрасту — они почти всѣ были молодые люди—не припомнятъ. Тогда, со всѣхъ сторонъ куріи, раздались крики, что коварство Кароагенянъ видно и въ томъ, что послами съ просьбою прежняго мира выбраны именно люди, которые не припомнятъ его.

23. Когда послы выведены изъ куріи, то сенаторовъ начали спрашивать о мнѣніи. М. Ливій сказалъ, что надобно пригласить консула К. Сервилія, такъ какъ онъ находится близко, для того чтобы въ его присутствіи толковать о мирѣ. Такъ какъ не могло быть предмета, который требовалъ бы болѣе основательнаго обсужденія, какъ нынѣшній, то ему Ливію кажется несовмѣстнымъ съ достоинствомъ народа Римскаго, разсуждать объ этомъ дѣлѣ въ отсутствіи обоихъ консуловъ, или, по крайней мѣрѣ, одного. К. Метеллъ, который, за три года передъ тѣмъ, былъ консуломъ и диктаторомъ, подалъ такое мнѣніе: такъ какъ П. Сципіонъ, поразивъ войска непріятеля, опустошивъ его область, довелъ его до того, что онъ униженно сталъ просить мира, и никто не можетъ лучше Сципіона, такъ какъ онъ дѣйствуетъ у самыхъ воротъ Кароагена, проникнуть въ расположеніе духа непріятеля, съ какимъ онъ проситъ мира, то и согласиться, или отказаться отъ него, необходимо по совѣту только самого Сципіона. М. Валерій Левинъ говорилъ: то пришли лазутчики, а не послы; имъ надобно приказать выйдти изъ Италіи, и подъ стражею проводить ихъ до судовъ, а Сципіону написать, чтобы онъ продолжалъ по прежнему военныя дѣйствія. Лелій и Фульвій сказали, что и Сципіонъ только въ томъ случаѣ допускалъ возможность мира, еслибы не были отозваны изъ Италіи Аннибалъ и Магонъ. Всякое притворство будутъ брать на себя Кароагеняне, дожидаясь своихъ вождей и армій, а потомъ они, забывъ и договоры, какъ бы они недавно ни были, и самыя божества, будутъ продолжать войну. Тѣмъ охотнѣе основался сенатъ на мнѣніи Левина; а послы Кароагенскіе отпущены, не успѣвъ въ своемъ ходатайствѣ, и даже почти безъ отвѣта.

24. Въ это время консулъ Кн. Сервилій, въ томъ убѣжденіи, что ему принадлежитъ слава замиренія Италіи, и что Аннибалъ имъ прогнанъ, какъ бы преслѣдуя его, перешелъ въ Сицилію, и приготовлялся перейдти въ Африку. Когда объ этомъ извѣстіе пришло въ Римъ, то сенаторы сначала опредѣлили: претору написать консулу, что сенатъ заблагоразсудилъ возвратиться ему консулу въ Италію. Когда же преторъ сказалъ, что консулъ не обратитъ вниманія на его письма, то назначенъ на этотъ самый предметъ диктаторомъ П. Сульпицій, который правомъ большей власти отозвалъ консула въ Италію. Остальную часть года диктаторъ провелъ, обходя съ предводителемъ всадниковъ М. Сер-

виліемъ города Италіи, которые отпали во время войны, и производя изслѣдованіе о поступкахъ ихъ жителей.

Во время перемирія, отправленные изъ Сардиніи преторомъ Лентуломъ, сто транспортныхъ судовъ, подъ прикрытіемъ двадцати военныхъ судовъ, переправились въ Африку по морю, безо всякой опасности отъ непріятеля и бурь. Не такъ былъ счастливъ Кн. Октавій, который отправился изъ Сициліи въ Африку съ двумя стами транспортныхъ и тридцатью длинныхъ судовъ. Уже, послѣ благополучнаго плаванія, были они въ виду береговъ Африки, какъ вдругъ вѣтеръ утихъ, а потомъ, обратясь къ Югозападу, перешелъ въ сильную бурю, которая разбросала суда. Самъ Октавій по, волнуемымъ противнымъ вѣтромъ, волнамъ моря, благодаря величайшимъ усиліямъ гребцовъ, достигъ Аполлонова мыса. Что же касается до транспортныхъ судовъ, то большая часть ихъ прибита вѣтромъ къ острову Эгимуру—этотъ островъ, находясь въ тридцати миляхъ отъ Кароагена, прикрываетъ тотъ морской заливъ, во глубинѣ котораго расположенъ этотъ городъ, а нѣкоторые занесены къ *теплымъ водамъ*, почти противъ самого города. Все это происходило въ виду Кароагена, а потому изо всего города жители сбѣжались на площадь. Сановники созвали сенатъ, а чернь въ преддверіи куріи громкими криками требовала—не упускать изъ виду и рукъ такую добычу. Тщетно нѣкоторые напоминали о просьбѣ мира, а другіе о перемиріи—срокъ котораго не истекъ; положеніемъ совѣта, смѣшаннаго изъ сенаторовъ и простаго народа, опредѣлено: Аздрубалу, съ флотомъ изъ 50 судовъ, отправиться къ Егимуру, и тамъ собрать Римскія суда, разсѣянныя по берегу и заливамъ моря. Транспортныя суда, покинутыя матросами, сначала отъ Егимура, а потомъ отъ Водъ, за кормовыя части притащены въ Кароагенъ.

25. Послы еще не возвращались изъ Рима, и потому не было еще извѣстно мнѣніе сената Римскаго о мирѣ или о войнѣ, да и срокъ перемирія еще не истекъ. Тѣмъ Сципіону сильнѣе казалось оскорбленіе со стороны тѣхъ, которые, прося мира, сами вѣроломно нарушили перемиріе, вѣрность даннаго слова, и уничтожили надежду на миръ. Немедленно отправилъ онъ въ Кароагенъ пословъ—Л. Бэбія, М. Сервилія и Л. Фабія; сбѣжавшаяся

чернь почти причинила имъ насиліе; не видя для себя безопасности на случай возвращенія, послы просили сановниковъ, защитившихъ ихъ отъ насилія черни, послать суда проводить ихъ. Даны имъ двѣ триремы, которыя, достигнувъ рѣки Баграды, откуда уже виденъ былъ Римскій лагерь, воротились въ Кароагенъ. Кароагенскій флотъ стоялъ въ это время у Утики: четыре квадриремы этого флота—или, вслѣдствіе тайнаго изъ Кароагена приказанія, присланнаго съ гонцомъ, или самъ Аздрубалъ, безъ разрѣшенія правительства своего, дерзнулъ на такое преступленіе—бросились вдругъ изъ открытаго моря на Римскую квинкверему, когда та старалась обогнуть мысъ. По быстротѣ хода ея, непріятельскія суда не успѣли сдѣлать ей на перерѣзъ боковаго удара носомъ; не могли также вооруженные воины перескочить съ судовъ, которыхъ палуба была ниже, на палубу судна, находившуюся выше. Да и Римляне защищались превосходно, пока у нихъ достало метательныхъ орудій. Когда же ихъ недостало, то вся надежда на спасеніе заключалась въ близости берега и множествѣ воиновъ, изъ лагеря высыпавшихъ на берегъ. Тутъ гребцы всею силою веселъ напустили судно, сколько могли сильнѣе на берегъ и, хотя судно погибло, но находившіеся въ немъ, остались невредимы. Такимъ образомъ, вслѣдствіе послѣдовавшаго одного за другимъ преступленія, перемиріе было явно нарушено. Тутъ прибыли изъ Рима Лелій и Фульвій съ послами Кароагенскими. Имъ Сципіонъ сказалъ, что, хотя Кароагеняне не только нарушили перемиріе, но и народное право въ отношеніи Римскихъ пословъ, однако онъ недопуститъ въ отношеніи къ Кароагенскимъ ничего, что было бы недостойно какъ учрежденій народа Римскаго, такъ и его привычекъ. Отпустивъ пословъ, Сципіонъ готовится къ войнѣ. Аннибалъ уже приближался къ берегу, когда приказалъ одному изъ матросовъ влѣзть на мачту посмотрѣть, въ какой сторонѣ они находятся. Тотъ сказалъ, что, противъ носовой части судна, находится полуразвалившаяся гробница; тогда Аннибалъ, обнаруживъ свое отвращеніе, велѣлъ плыть мимо, и съ флотомъ присталъ у Лептиса, гдѣ и высадилъ войска.

26. Таковы были событія этого года въ Африкѣ; послѣдо-

вавшія за тѣмъ переходятъ въ тотъ годъ, когда консулами сдѣланы М. Сервилій, въ то время бывшій предводителемъ всадниковъ, и Тиб. Клавдій Неронъ. Въ концѣ предъидущаго года пришли изъ Греціи послы союзныхъ городовъ. Они жаловались, что поля ихъ опустошены царскими отрядами, а что послы, отправленные въ Македонію, требовать возвращенія отнятаго, не допущены къ царю Филиппу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, принесли они извѣстіе о томъ, что, по слухамъ, четыре тысячи воиновъ, подъ предводительствомъ Сопатра, переправились въ Африку на помощь Карѳагенянъ, и что съ ними послано и нѣкоторое количество денегъ. Сенатъ опредѣлилъ отправить къ царю пословъ—объявить ему, что сенатъ такіе поступки со стороны царя считаетъ противными союзному договору. Посланы К. Теренцій Варронъ, К. Мамилій, М. Аврелій и имъ даны три квинкверемы.

Этотъ годъ ознаменованъ былъ сильнымъ пожаромъ, отъ котораго выгорѣлъ до подошвы весь Публиційскій холмъ, и большимъ разливомъ водъ. Хлѣбъ же былъ очень дешевъ, какъ потому, что сообщенія по всей Италіи были свободны вслѣдствіе мира, такъ и потому, что курульные эдилы М. Валерій Фальтонъ и М. Фабій Бутео, большое количество хлѣба, привезеннаго изъ Испаніи, раздѣлили народу въ различныхъ частяхъ города по четыре асса за мѣру.

Въ этомъ же году умеръ Квинтъ Фабій Максимъ въ преклонной старости, если справедливо извѣстіе, сохранившееся у нѣкоторыхъ писателей, что онъ былъ авгуромъ въ продолженіи шестидесяти двухъ лѣтъ. Человѣкъ этотъ конечно заслуживалъ вполнѣ то имя, которое онъ носилъ, даже если бы оно началось съ него самаго. На поприщѣ чести превзошелъ онъ отца и сравнился съ дѣдомъ. Дѣдъ его Руллъ прославился побѣдами и великими битвами; но уравнять все достаточно было одного такого противника, какъ Аннибалъ. Впрочемъ, Фабія считали болѣе осторожнымъ, чѣмъ дѣятельнымъ, и хотя трудно рѣшить, природный ли характеръ располагалъ его къ медлительности, или родъ войны, которую онъ велъ, того требовалъ, но, во всякомъ случаѣ, не подвержено сомнѣнію, какъ говоритъ Энній, то, что одинъ человѣкъ возстановилъ дѣла наши медлительностью. Авгуромъ на

мѣсто его посвященъ Квинтъ Фабій Максимъ сынъ; а на мѣсто его, какъ первосвященника—онъ занималъ двѣ священныхъ должности—Сер. Сульпицій Гальба.

Игры Римскія въ продолженіи одного дня, а плебейскія въ полномъ ихъ составѣ, три раза даны эдилями М. Секстіемъ Сабиномъ и Кн. Тремелліемъ Флаккомъ. Оба они сдѣланы преторами, и съ ними К. Ливій Салинаторъ и К. Аврелій Котта. Производилъ ли выборы этого года консулъ К. Сервилій или, по случаю его отсутствія въ Этруріи, гдѣ онъ, вслѣдствіе сенатскаго декрета, производилъ изслѣдованіе о заговорѣ тамошняго дворянства, назначенный отъ него диктаторомъ, П. Сульпицій—о томъ писатели несогласны между собою, и передаютъ извѣстія разныя.

27. Въ началѣ слѣдующаго года, М. Сервилій и Т. Клавдій, созвавъ сенатъ въ Капитолій, доложили о провинціяхъ. И тотъ и другой домогались Африки, и потому они хотѣли Италію и Африку бросить на жеребій. Впрочемъ, благодаря главное усиліямъ К. Метелла, Африку и не дали, и не отказали въ ней. Консуламъ приказано снестись съ трибунами народными, дабы они, если заблагоразсудятъ, спросили народъ, кому онъ хочетъ поручить веденіе войны въ Африкѣ. Всѣ трибы назвали П. Сципіона. Тѣмъ не менѣе консулу—такъ опредѣлилъ сенатъ—Тиб. Клавдію досталась Африка, и ему велѣно съ флотомъ въ пятьдесятъ судовъ—всѣ они квинкверемы—переправиться въ Африку, и вести тамъ войну на равныхъ правахъ власти съ Сципіономъ.—М. Сервилію досталась по жеребью Этрурія. Въ той же провинціи продолжена власть и К. Сервилію въ случаѣ, если сенатъ заблагоразсудитъ оставить консула въ городѣ. Что касается до преторовъ, то М. Секстію досталась Галлія, и ему П. Квинктилій Варъ долженъ былъ передать два легіона и эту провинцію. К. Ливію достались Бруттіи съ двумя легіонами, которыми начальствовалъ П. Семпроній, проконсулъ прошлаго года. Кн. Тремелліо—Сицилія, которую онъ долженъ былъ, вмѣстѣ съ двумя легіонами, принять отъ П. Виллія Таппула, прошлогодняго претора. Виллій, вмѣсто претора, съ двадцатью длинными судами и тысячью воиновъ, долженъ былъ защищать берега Сици-

ліи. М. Помпоній долженъ былъ, на остальныхъ 20 судахъ, отвезть въ Римъ тысячу пятьсотъ воиновъ. К. Аврелію Коттѣ досталось управленіе городомъ. Прочимъ же начальникамъ провинцій и войскъ продолжена власть, каждому въ мѣстѣ его назначенія. А для того, чтобы все дѣйствія начать, расположивъ боговъ безсмертныхъ въ свою пользу, сенатъ опредѣлилъ: консуламъ, прежде отправленія на войну, дать тѣ игры и принести тѣ большія жертвы, о которыхъ далъ обѣтъ, въ консульство М. Клавдія Марцелла и Т. Квинкція, диктаторъ Т. Манлій на тотъ случай, если, въ теченіи слѣдующихъ пяти лѣтъ, отечество будетъ оставаться въ одномъ и томъ же положеніи. Игры въ циркѣ совершены въ продолженіи четырехъ дней, и жертвы, какія слѣдовало по обѣту, принесены.

28. Междутѣмъ съ каждымъ днемъ росли и надежды и заботы. Не знали навѣрное, радоваться-ли тому, что Аннибалъ, вышедши изъ Италіи послѣ шестнадцатилѣтняго въ ней пребыванія, оставилъ ее въ безспорномъ владѣніи народа Римскаго, или не опасаться-ли болѣе того, что онъ перешелъ въ Африку съ войскомъ, совершенно невредимымъ? Перемѣнилось мѣсто войны, но опасность ея осталась все таже. Да и, неудавно умершій провозвѣстникъ такой борьбы, К. Фабій не даромъ повторялъ, что Аннибалъ будетъ врагомъ болѣе опаснымъ на родинѣ, чѣмъ на чужой сторонѣ. Да и Сципіону прійдется имѣть дѣло не съ Сифаксомъ, царемъ варварскимъ и необразованнымъ, у котораго управлять войскомъ привыкъ Статорій, полумаркитантъ, и не съ тестемъ его Аздрубаломъ, полководцемъ, искуснымъ только въ побѣгствѣ, да притомъ и не съ войсками, собранными на скорую руку изъ толпы полувооруженныхъ поселянъ; но съ Аннибаломъ, который и родился почти въ преторіѣ отца, храбрѣйшаго полководца, взросъ и воспитанъ среди войны, съ раннихъ лѣтъ самъ воинъ, а, едва достигнувъ возмужалости, полководецъ. Состарѣвшись въ побѣдахъ, Аннибалъ наполнилъ памятниками славныхъ своихъ дѣяній Испанію, Галлію, Италію отъ Альповъ до пролива. Ведетъ онъ войско съ собою, которое лѣтъ службы считаетъ столько же, сколько и онъ самъ, окрѣпло въ терпѣніи трудовъ всякаго рода, а трудно повѣрить человѣку, сколько оно,

ихъ перенесло. Тысячу разъ облитое кровью Римскою, оно несетъ съ собою добычу не только воиновъ, но и вождей. Сципіона встрѣтятъ на полѣ битвы многіе воины, которые собственноручно умертвили преторовъ, вождей, консуловъ Римскихъ; украшенные вѣнками за взятіе стѣнъ и окоповъ непріятельскихъ, воины Аннибала не разъ прогуливались по взятымъ ими лагерямъ и городамъ Римскимъ. Теперь, у сановниковъ народа Римскаго, нѣтъ столько пуковъ, сколько можетъ Аннибалъ велѣть нести впереди себя пуковъ взятыхъ и убитыхъ полководцевъ Римскихъ. Когда такіе предметы опасеній закрались въ души Римлянъ, они сами увеличивали свои заботы и опасенія размышленіемъ: что дотолѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, привыкли они видѣть войну передъ своими глазами въ разныхъ частяхъ Италіи, тянувшеюся медленно и безъ надежды на скорое окончаніе. Теперь, вниманіе всѣхъ обратили на себя Сципіонъ и Аннибалъ, вожди, приготовившіеся къ рѣшительной борьбѣ. И какъ ни сильна была увѣренность въ Сципіонѣ, и велика надежда на побѣду, но чѣмъ ближе подходила рѣшительная минута, тѣмъ болѣе озабочивались умы. — Въ такомъ же расположеніи духа находились и Карѳагеняне; то они, имѣя въ виду Аннибала и величіе его дѣяній, жалѣли о томъ, что недавно просили мира; то, припоминая, что они побѣждены уже въ двухъ сраженіяхъ, что Сифаксъ взятъ въ плѣнъ, что изгнаны они изъ Испаніи и изъ Италіи, и все это разсужденіемъ и доблестію одного Сципіона, они страшились его, какъ вождя, судьбою опредѣленнаго на ихъ гибель.

29. Уже Аннибалъ пришелъ въ Адруметъ; здѣсь онъ пробылъ нѣсколько дней для того, чтобы дать своимъ воинамъ отдохнуть отъ морской качки. Вывели его изъ бездѣйствія гонцы; въ страхѣ они принесли извѣстіе, что все около Карѳагена во власти непріятелей. Тогда Аннибалъ большими переходами двинулся къ Замѣ. Зама находится отъ Карѳагена на разстояніи 5 дней пути. Посланные впередъ, Карѳагенскіе лазутчики были пойманы Римскими караульными и отведены къ Сципіону. Онъ ихъ передалъ военнымъ трибунамъ и приказалъ, отложивъ всякій страхъ, повесть ихъ по лагерю, куда они захотятъ, и пока-

зать имъ все. Потомъ, спросивъ ихъ — хорошо ли они все разсмотрѣли—Сципіонъ далъ имъ провожатыхъ, и отослалъ обратно къ Аннибалу. Аннибалъ не слишкомъ весело выслушалъ все, что разсказывали лазутчики—они говорили, что въ этотъ самый день прибылъ Масинисса съ шестью тысячами пѣхоты и четырьмя всадниковъ; но особенно поразила его увѣренность непріятеля въ своихъ силахъ, вѣроятно на чемъ нибудь основанная. А потому Аннибалъ, хотя и самъ былъ причиною войны, и прибытіемъ своимъ разстроилъ и, заключенное было, перемиріе, и надежду на миръ; впрочемъ, полагая, что можно надѣяться болѣе выгодныхъ условій, если онъ попроситъ мира съ силами еще цѣлыми, чѣмъ въ случаѣ пораженія, онъ отправилъ гонца къ Сципіону—просить у него личнаго свиданія для переговоровъ. Нельзя съ достовѣрностью рѣшить—поступилъ такъ Аннибалъ по собственному ли благоусмотрѣнію, или по распоряженію своего правительства? Валерій Антіасъ говоритъ, что Аннибалъ былъ побѣжденъ Сципіономъ въ первомъ сраженіи, въ которомъ Карѳагеняне потеряли двенадцать тысячь убитыми и тысячу семьсотъ человѣкъ плѣнными, и что Аннибалъ съ десятью другими послами явился въ лагерь къ Сципіону. Впрочемъ, Сципіонъ не отказался отъ личнаго свиданія съ Аннибаломъ, и оба вождя, по взаимному соглашенію, выдвинули впередъ свои лагери для того, чтобы имѣть возможность сойдтись по ближе. Сципіонъ расположился недалеко отъ города Наратгары въ мѣстѣ, какъ въ другихъ отношеніяхъ благопріятномъ, такъ и потому, что водопой находился подъ выстрѣлами. Аннибалъ занялъ холмъ въ четырехъ миляхъ оттуда, самъ по себѣ безопасный и удобный, но за водой надобно было ходить далеко. На срединѣ между обоими лагерями выбрано мѣсто, видное со всѣхъ сторонъ для того, чтобы не было возможности къ засадѣ.

30. Удаливъ своихъ воиновъ на равное разстояніе, и оставивъ при себѣ только по одному переводчику, сошлись вожди не только въ свое время величайшіе, но и достойные стать наравнѣ, съ кѣмъ бы то ни было изъ царей и полководцевъ всѣхъ народовъ, за все прошлое время, о которомъ сохранилась память. Нѣсколько времени они молчали при видѣ одинъ другаго, какъ бы пораженные взаимнымъ удивленіемъ. Наконецъ Аннибалъ началъ говорить такъ:

«Если судьбою было опредѣлено мнѣ, который первый началъ войну съ народомъ Римскимъ, и столько разъ почти уже въ своихъ рукахъ держалъ побѣду, первому явиться съ предложеніемъ мира; то я радуюсь, что именно къ тебѣ обратиться суждено мнѣ жеребьемъ. Да и тебѣ, въ ряду твоихъ подвиговъ, непослѣднимъ поводомъ къ похвалѣ будетъ то, что Аннибалъ, которому боги даровали столько побѣдъ надъ Римскими вождями, уступилъ тебѣ, и что ты положилъ конецъ этой войнѣ, ознаменованной болѣе вашими, чѣмъ нашими несчастіями. И въ томъ судьба сдѣлала злую шутку, что я, взявшись за оружіе, когда отецъ твой былъ консуломъ, сразившись съ нимъ первымъ изъ вождей Римскихъ, являюсь теперь къ его сыну безоружнымъ и съ просьбою о мирѣ. Конечно, всего лучше, если бы боги внушили предкамъ нашимъ такой образъ мыслей, чтобы мы довольствовались обладаніемъ Африки, а вы Италіи. Для васъ самихъ Сицилія и Сардинія врядъ ли могутъ служить достойнымъ вознагражденіемъ за столько отличныхъ вождей погибшихъ! Но о прошедшемъ можно болѣе жалѣть, чѣмъ его исправить. Домогались мы чужаго, а теперь приходится сражаться за свое, и не только у васъ Италія, у насъ Африка сдѣлались мѣстомъ военныхъ дѣйствій; но вы видѣли почти у вашихъ вратъ и стѣнъ военные значки и оружіе непріятелей; а мы теперь изъ Карѳагена слышимъ шумъ въ лагерѣ Римскомъ. Итакъ то — чего мы больше всего опасались, а что для васъ было предметомъ самыхъ сильныхъ желаній — мы, при самомъ благопріятномъ для васъ положеніи дѣлъ, начинаемъ толковать о мирѣ. Притомъ, будемъ говорить о немъ, мы, для которыхъ онъ важнѣе, чѣмъ для другихъ, и вполнѣ убѣжденные въ томъ, что все, нами сдѣланное, наши правительства утвердятъ. Но всего болѣе намъ нужно расположеніе духа, не чуждое спокойнаго обсужденія. Что меня касается, то и самыя лѣта—оставивъ отечество ребенкомъ, я вернулся въ него старикомъ—и счастіе, и несчастіе, мною перенесенныя, до того меня проучили, что я предпочитаю слѣдовать указаніямъ разума, чѣмъ счастія. Но меня страшитъ и твоя мо-

лодость и постоянное счастіе; и то, и другое можетъ придать тебѣ болѣе смѣлости, чѣмъ сколько нужно для спокойнаго обсужденія. Не слишкомъ думаетъ объ измѣнчивости счастія тотъ, кому оно еще ни разу не измѣняло. Теперь ты находишься въ такомъ же положеніи, въ какомъ я былъ при Тразименѣ и при Каннахъ. Едва достигнувъ лѣтъ мужества, получилъ ты власть, и счастіе, при самыхъ смѣлыхъ твоихъ начинаніяхъ, нигдѣ тебя не оставляло. Ты возвратилъ подъ власть Римлянъ утраченныя было Испаніи, прогнавъ оттуда четыре арміи Кароагенскихъ. Между тѣмъ, какъ у другихъ недоставало смѣлости оборонять Италію, ты перешелъ въ Африку, разбилъ здѣсь два войска, въ продолженіи часу времени, взялъ и сжегъ два лагеря, захватилъ въ плѣнъ могущественнаго царя Сифакса, исторгъ изъ его царства, и изъ нашей области, столько городовъ, и меня вытащилъ изъ Италіи, гдѣ я владычествовалъ уже шестнадцатый годъ. Конечно, духъ твой имѣетъ основаніе быть болѣе склоннымъ къ побѣдѣ, чѣмъ къ миру; и мнѣ не чуждо это расположеніе духа болѣе высокое, чѣмъ полезное. И для меня сіяла когда то звѣзда счастія! Еслибы, при нашихъ счастливыхъ обстоятельствахъ, боги внушали намъ благоразумное расположеніе ума, то мы соображали бы не только то, что случилось, но и то, что можетъ случиться. Забывъ все прочее, я самъ могу служить доказательствомъ разныхъ случайностей. Давно ли я, ставъ лагеремъ между рѣкою Аніо и городомъ, угрожалъ моимъ оружіемъ стѣнамъ Римскимъ? А теперь я, какъ ты видишь, потерявъ на войнѣ двухъ братьевъ, людей храбрѣйшихъ, полководцевъ знаменитѣйшихъ, молю о мирѣ передъ стѣнами роднаго города, почти осажденнаго, желая отвратить отъ него то, чѣмъ было я грозилъ вашему городу. Чѣмъ счастіе больше, тѣмъ меньше слѣдуетъ ему довѣрять. При твоихъ обстоятельствахъ благопріятныхъ, а нашихъ сомнительныхъ, миръ, если ты его дашь намъ, будетъ честенъ и славенъ для тебя, а для насъ, которые просимъ о немъ, болѣе необходимъ, чѣмъ честенъ. И лучше, и надежнѣе миръ вѣрный, чѣмъ ожидаемая побѣда: первый зависитъ отъ тебя, а вторая въ волѣ боговъ. Благополучіе столькихъ лѣтъ не предоставляй рѣшенію одного часа времени! Подумай не только о

твоихъ силахъ, но и о могуществѣ судьбы, и о неизвѣстности военнаго жребія, для обѣихъ сторонъ равной. И тамъ, и здѣсь будетъ оружіе, и тамъ, и здѣсь будутъ тѣла человѣческія. Нигдѣ нельзя такъ мало, какъ въ войнѣ, ручаться за успѣхъ. Одержавъ еще побѣду, ты не на столько увеличишь славу свою, которую можешь имѣть, заключивъ миръ, на сколько ты ее потеряешь въ случаѣ какого либо несчастія. Судьба одного часа можетъ лишить тебя всей чести, какъ уже пріобрѣтенной, такъ и той, которая была въ ожиданіи. При заключеніи мира, П. Корнелій, все въ твоей власти; а тогда прійдется тебѣ довольствоваться тою участью, какую еще дадутъ боги. Къ немногимъ примѣрамъ и счастія, и доблести, на этой самой землѣ могъ бы служить нѣкогда М. Атилій, если бы онъ, пока былъ побѣдителемъ, даровалъ предкамъ нашимъ тотъ миръ, о которомъ они его просили. Но, не предвидя конца своему счастію, и не совладавъ съ судьбою, его возвысившею, Атилій палъ, и паденіе его было тѣмъ позорнѣе, чѣмъ болѣе возвеличенъ онъ былъ судьбою.

Конечно, условія мира долженъ назначать тотъ, кто даетъ его, а не тотъ, кто проситъ, но, можетъ быть, мы заслуживаемъ наложить сами себѣ пеню. Мы не отказываемся предоставить вамъ все, за что начата война, Сицилію, Сардинію, Испанію и всѣ острова, сколько ихъ находится въ морѣ между Африкою и Италіею. А мы, Кароагеняне, заключенные въ берега Африки, будемъ смотрѣть спокойно, какъ вы—если такъ угодно богамъ—будете, и на сушѣ и на морѣ, владычествовать надъ странами чужеземными. Не стану отрицать, что вѣрность Кароагенскаго слова должна казаться для васъ сомнительною вслѣдствіе того, что мы недавно или нечистосердечно просили мира, или не надѣялись получить его. Точное соблюденіе міра, Сципіонъ, много зависитъ отъ того, кто его проситъ. И сенатъ вашъ, какъ я слышу, отказалъ въ мирѣ нѣсколько потому, что посольство наше неслишкомъ внушало къ себѣ уваженіе. Теперь я, Аннибалъ, прошу мира: не просилъ бы я его, еслибы не считалъ полезнымъ, да и я буду его сохранять, вслѣдствіе той же его полезности, по которой я прошу его. И точно такъ какъ я, начавъ

войну, старался до тѣхъ поръ, пока не позавидовали сами боги, не подать повода никому жалѣть о томъ, такъ теперь я приложу всѣ усилія, чтобы никто не раскаивался въ мирѣ, мною добытомъ.»

31. На это Римскій вождь отвѣчалъ почти въ такомъ смыслѣ: «Аннибалъ, не ошибся я въ томъ, что Кароагеняне, въ надеждѣ на твое прибытіе, нарушили обязательство теперешняго перемирія и уничтожили надежду на миръ. Да ты это конечно и не скрываешь, вычеркивая изъ прежнихъ условій мира все кромѣ того, что уже давно въ нашей власти. Впрочемъ, какъ ты прилагаешь стараніе о томъ, чтобы твои сограждане почувствовали, отъ какой тягости ты ихъ облегчаешь, такъ и мнѣ надобно позаботиться о томъ, чтобы, утвержденное прежде ими и вычеркнутое теперь изъ условій, не послужило для васъ наградою свѣроломства. Незаслуживая и прежнихъ условій, вы желаете, чтобы вашъ обманъ принесъ вамъ пользу. Но отцы наши не начинали первые войну о Сициліи, ни мы объ Испаніи. Въ то время опасность, угрожавшая Мамертинцамъ, нашимъ союзникамъ, а теперь гибель Сагунта, заставили насъ взяться за оружіе, согласно съ законами справедливости и чести. Вы первые были зачинщиками, и ты самъ въ этомъ сознаешься, да и свидѣтели тому боги, которые и ту войну окончили по требованіямъ истины и справедливости, и эту приводятъ къ такому же концу и приведутъ. Что же до меня касается, то я имѣю въ памяти и слабость человѣческую, и силу счастія и то, что всѣ наши дѣйствія подвержены тысячамъ случайностей. Признаюсь — обнаружилъ бы я неумѣстную гордость и высокомѣріе, если бы, до перехода еще въ Африку, я пренебрегъ бы тобою, пришедшимъ для заключенія мира, междутѣмъ какъ ты добровольно собирался бы оставить Италію, и войска свои посадилъ бы на суда. Но теперь, когда я тебя почти насильно, такъ сказать таща за руку, извлекъ изъ Италіи, на которую ты все озирался, я не чувствую необходимости уважить тебя. А потому, если къ условіямъ, на которыхъ тогда согласились было на миръ, прибавите наказаніе вамъ за суда съ провіантомъ, взятыя вами во время перемирія, и за оскорбленіе пословъ—то я могу еще предложить это

на благоусмотрѣніе совѣта. Но если эти условія кажутся вамъ тяжкими, то готовьтесь къ войнѣ, такъ какъ миръ вамъ былъ несносенъ.»—Такимъ образомъ, не заключивъ перемирія, вожди, окончивъ переговоры, удалились къ своимъ, сказавъ имъ, что слова истрачены по пустому, что остается только рѣшить дѣло оружіемъ, и имѣть тотъ жребій, какой дадутъ безсмертные боги.

32. По прибытіи въ лагерь, и тотъ и другой полководецъ объявляютъ воинамъ, чтобы они и съ духомъ собирались, и оружіе готовили на послѣдній бой, въ которомъ, если поможетъ счастіе, будутъ они побѣдителями не на одинъ день только, но навсегда. Завтрашняя ночь еще не наступитъ, а уже будетъ извѣстно—кто будетъ народамъ предписывать законы—Римъ ли или Кароагенъ. Не Африка, и не Италія, но міръ земной будетъ наградою побѣдителя. Впрочемъ, если велика награда, то и опасность для тѣхъ, противъ которыхъ счастіе обратится въ сраженіи—ей соотвѣтствуетъ. Для Римлянъ не могло быть спасенія въ странѣ чуждой и неизвѣстной; да и Кароагену, истощившему послѣднія усилія, въ случаѣ ихъ утраты, грозила неминуемая гибель.

На другой день, выступаютъ на этотъ рѣшительный бой два знаменитѣйшіе вождя двухъ могущественнѣйшихъ народовъ, и этотъ день долженъ былъ или возвысить ихъ прежнія славныя дѣянія, или уничтожить. А потому, и надежды и опасенія одинаково волновали умы. Воины, обращая взоры то на свои силы, то на непріятельскія, старались взвѣсить ихъ болѣе показаніемъ глазъ, чѣмъ разсудка; и то веселыя, то печальныя мысли приходили имъ въ голову. Вожди своими увѣщаніями старались напомнить воинамъ то, что они могли сами забыть. Аннибалъ приводилъ на память своимъ подвиги, совершенные въ Италіи въ продолженіи шестнадцати лѣтъ, гибель столькихъ вождей, столькихъ войскъ непріятельскихъ, истребленныхъ совершенно; онъ, подходя къ воину, особенно напоминавшему какую либо битву, говорилъ съ нимъ о его подвигахъ. Сципіонъ напоминалъ своимъ воинамъ Испаніи, недавнія битвы въ Африкѣ и собственное признаніе непріятелей, которые и отъ робости просили мира, и, по природному коварству, не могли оставаться ему вѣрными. Онъ на-

мекаетъ на переговоры съ Аннибаломъ, которые оставались втайнѣ, и потому предоставляли ему широкое поле для выдумокъ. Онъ указываетъ на предвѣстія: при какихъ предзнаменованіяхъ отцы ихъ сражались у Эгатскихъ острововъ, тѣ же самыя и теперь, когда они выступили на бой, предложили боги. Близокъ конецъ войны и трудовъ; въ ихъ почти власти—добыча Карѳагена, возвращеніе домой въ отечество къ родителямъ, дѣтямъ, женамъ и домашнимъ богамъ. Сципіонъ говорилъ это, держа высоко голову, и съ лицомъ столь веселымъ, какъ будто уже побѣда была въ его рукахъ. Потомъ, онъ расположилъ въ первой линіи гастатовъ, за ними принциповъ, а тріаріевъ поставилъ въ послѣдней линіи.

33. Сципіонъ устроивалъ когорты не плотнымъ строемъ, каждую передъ ея значками, но по ротамъ, оставивъ между ними промежутки для того, чтобы слоны, напущенные непріятелемъ, не разстроили рядовъ. Лелій, котораго содѣйствіемъ пользовался Сципіонъ прежде какъ легата, а въ этомъ году квестора не въ очередь по сенатскому декрету, съ Италіянскою конницею поставленъ на лѣвомъ крылѣ, а на правомъ Масинисса и Нумиды. Промежутки, находившіеся между отрядами, стоявшими впереди значковъ, наполнилъ Сципіонъ *велитами*—такъ назывался родъ легковооруженныхъ воиновъ,—давъ имъ наставленіе, чтобы они, при наступленіи слоновъ, или удалялись за прямые ряды или, разбѣгаясь направо и налѣво и примыкая къ первымъ рядамъ, открывали бы дорогу слонамъ, которые такимъ образомъ попадали подъ перекрестные выстрѣлы. Аннибалъ съ цѣлью привести непріятеля въ ужасъ, поставилъ впереди слоновъ — ихъ было восемьдесятъ (дотолѣ такого количества онъ не имѣлъ ни въ одномъ сраженіи); за ними слѣдовали вспомогательныя войска Лигуровъ и Галловъ съ примѣсью Балеарцевъ и Мавровъ. Во второй линіи стояли Карѳагеняне, Африканцы и легіонъ Македонянъ. Потомъ, послѣ небольшаго промежутка, стояли ряды вспомогательныхъ Итальянскихъ войскъ — то по большей части были Бруттіи, послѣдовавшіе за Аннибаломъ, оставлявшимъ Италію болѣе по необходимости, чѣмъ добровольно. Конницу Аннибалъ и самъ поставилъ по крыльямъ: на правомъ Карѳаге-

нянъ, а на лѣвомъ Нумидовъ. Различныя убѣжденія могли имѣть вліяніе на войско, составленное изъ столькихъ людей различныхъ націй, не представлявшихъ между собою ничего общаго ни въ языкѣ, ни въ нравахъ, ни въ законахъ, ни въ оружіи, ни въ одеждѣ и привычкахъ. Самый поводъ воевать былъ не одинъ и тотъ же. Вспомогательныхъ воиновъ прельщали и въ настоящемъ денежнымъ жалованьемъ, которое должно увеличиться добычею. Галлы дѣйствовали подъ вліяніемъ собственной, врожденной къ Римлянамъ, ненависти. Лигурамъ, сведеннымъ съ горъ неприступныхъ, показывали наградою, въ случаѣ побѣды, роскошныя поля Италіи. Мавровъ и Нумидовъ стращаютъ неумѣреннымъ отнынѣ господствомъ Масиниссы. Вообще, разнымъ людямъ приданы разныя надежды и опасенія. Карѳагенянамъ напоминали стѣны отечества, боговъ домашнихъ, гробницы предковъ, дѣтей и родителей, женъ въ страхѣ; съ одной стороны—гибель и рабство, съ другой господство надъ земнымъ шаромъ; не было мѣста ни умѣренному страху, ни ограниченнымъ надеждамъ.

Междутѣмъ какъ главный вождь старался такъ подѣйствовать на Карѳагенянъ, а начальники отдѣльныхъ племенъ на своихъ соотечественниковъ, при чемъ, по случаю смѣшенія разныхъ народовъ, нужно имъ было прибѣгать къ посредству переводчиковъ. Вдругъ заиграли со стороны Римлянъ трубы и рога, и поднялся такой крикъ, что, особенно на лѣвомъ крылѣ, слоны повернулись на своихъ Нумидовъ и Мавровъ. Не трудно было Масиниссѣ распространить ужасъ между смущенными непріятелями, и съ этой стороны онъ обнажилъ флангъ непріятеля отъ поддержки конницы. Только немногіе слоны смѣло поведены были противъ Римлянъ, и они, хотя и сами получили множество ранъ, произвели между велитами страшное побоище. Велиты, отступивъ къ своимъ ротамъ,—дали дорогу слонамъ, дабы не быть ими раздавленными, которые такимъ образомъ попались подъ стрѣльбу и съ той, и съ другой стороны, такъ какъ велиты бросали въ нихъ копья, а воины, стоявшіе впереди значковъ, не переставали пускать дротики. Подъ такимъ градомъ метательныхъ снарядовъ, слоны были прогнаны изъ рядовъ Римскихъ и, бросившись на правое крыло, они и тутъ конницу Карѳагенскую обратили въ

бѣгство. Лелій, видя смятеніе непріятелей, воспользовался имъ для того, чтобы привести ихъ въ ужасъ.

34. Такимъ образомъ, на обѣихъ флангахъ, Карѳагенская линія обнажена отъ конницы; сошлись наконецъ пѣхоты, далеко неравныя и силами, и воодушевленіемъ надежды. И тутъ обстоятельство, само по себѣ незначительное, получило на дѣлѣ важное значеніе. Воинскій крикъ Римлянъ дружный былъ тѣмъ сильнѣе и ужаснѣе; въ рядахъ арміи непріятельской слышались крики нестройные и несогласные въ слѣдствіе того, что она состояла изъ людей различныхъ націй, говорившихъ разными языками. Притомъ въ бою Римляне стояли твердо; они напирали на непріятеля тяжестью и своею и оружія, а тотъ дѣйствовалъ болѣе быстротою и ловкостью, чѣмъ силою. А потому, при первомъ натискѣ, Римляне съ разу сдвинули непріятельскую линію съ ея позиціи; потомъ, дѣйствуя мышцами и щитами, и тѣсня ими отступавшихъ, Римляне нѣсколько выступили впередъ, какъ бы безо всякаго сопротивленія. Тутъ задніе ряды, чувствуя наступательное движеніе, тѣснили передніе, что самое много содѣйствовало къ пораженію непріятеля. А у него вторая линія, состоявшая изъ Африканцевъ и Карѳагенянъ, не только не поддерживала отступавшія свои вспомогательныя войска, но и сама отступала изъ опасенія, какъ бы Римляне, истребляя переднихъ въ случаѣ ихъ упорнаго сопротивленія, не добрались и до нихъ. Вслѣдствіе этого, вспомогательныя войска вдругъ обратили тылъ и, обратясь противъ своихъ, частью бѣжали во вторую линію, частью убивали ея воиновъ, не впускавшихъ въ нее: которые не задолго передъ тѣмъ ихъ не поддержали; а теперь не давали имъ дороги. Такимъ образомъ произошло почти два смѣшанныхъ сраженія. Карѳагеняне вынуждены были сражаться и съ своими и съ непріятелями. Впрочемъ, они этихъ воиновъ, разстроенныхъ и ожесточенныхъ, не приняли въ свою линію, но, сжавъ тѣснѣе ряды, они отбросили ихъ внѣ поля битвы на, находившіяся около, обнаженныя поля. Такъ поступили Карѳагеняне для того, чтобы не произвести замѣшательства въ своихъ цѣлыхъ и свѣжихъ рядахъ, допустивъ въ нихъ воиновъ, оробѣвшихъ отъ пораженія и ранъ. Впрочемъ, мѣсто, на которомъ передъ этимъ

стояли вспомогательныя войска Карѳагенянъ, до того было покрыто трупами убитыхъ людей и ихъ оружіемъ, что по немъ было почти труднѣе пройдти, чѣмъ по густымъ толпамъ непріятельскимъ. Такимъ образомъ, находившіеся впереди *гастаты*, по кучамъ тѣлъ и оружія, и по лужамъ крови, гдѣ кто только могъ, послѣдовали за непріятелемъ; ряды пришли въ разстройство и значки перемѣшались. Да и значки принциповъ начали колебаться, замѣтивъ разстройство рядовъ, находившихся впереди. Сципіонъ, увидя это, велѣлъ тотчасъ же играть отбой для гастатовъ. Принявъ раненыхъ въ послѣднюю линію, Сципіонъ ввелъ и принциповъ и тріаріевъ на фланги для того, чтобы средняя линія гастатовъ имѣла болѣе твердости и стойкости; такимъ образомъ, началось сраженіе совершенно вновь. Римляне достигли непріятелей, которые и оружіемъ, и опытностью военною, и славою подвиговъ не уступали имъ, и для которыхъ какъ надежды, такъ и опасенія, были равны. Но Римляне превосходили числомъ и присутствіемъ духа—они уже обратили въ бѣгство и слоновъ и всадниковъ, и поразивъ первую линію, добрались до второй.

35. Весьма кстати Лелій и Масинисса, преслѣдовавъ въ продолженіи нѣкотораго времени сбитыхъ всадниковъ, возвратились и ударили съ тылу на ряды непріятелей. Этотъ натискъ конницы обратилъ окончательно въ бѣгство непріятеля, Многіе изъ его воиновъ были окружены и пали сражаясь; остальные бросились бѣжать въ разсыпную по открытымъ полямъ, и погибли въ разныхъ мѣстахъ отъ конницы, которая вездѣ господствовала. Въ этотъ день пало Карѳагенянъ и союзниковъ болѣе 20 тысячь; почти столько же взято въ плѣнъ; военныхъ значковъ захвачено 132, слоновъ одиннадцать. Побѣдители потеряли убитыми до 1500 человѣкъ.

Аннибалъ среди смятенія ушелъ съ немногими всадниками въ Гадруметъ. Онъ оставилъ поле битвы не прежде, какъ истощивъ въ сраженіи въ переднихъ рядахъ всѣ усилія. По признанію самого Сципіона, и всѣхъ искусныхъ въ военномъ дѣлѣ, Аннибалъ стяжалъ здѣсь великую славу; самую боевую линію свою онъ устроилъ въ этотъ день съ особеннымъ искусствомъ.

Впереди онъ поставилъ слоновъ: ихъ случайный натискъ, и страшная сила, должны были вкинуть безпорядокъ въ Римскіе ряды, которыхъ порядокъ и правильность были для Римлянъ первымъ ручательствомъ за успѣхъ. Вспомогательныя (союзныя) войска онъ поставилъ впереди Карѳагенскихъ для того, чтобы войскамъ, составленнымъ изъ смѣшенія людей разныхъ племенъ, для которыхъ ни вѣрность слова, ни надежда на денежное вознагражденіе, не могли служить достаточнымъ обязательствомъ, не дать возможности бѣжать свободно. Притомъ, на нихъ долженъ былъ обрушиться первый натискъ непріятеля, который такимъ образомъ могъ прійдти въ усталость, и если не другимъ чѣмъ, то своими ранами, эти союзныя войска должны были притупить оружіе непріятеля. А въ такомъ случаѣ воины Карѳагенскіе и Африканцы, на которыхъ полагалась вся надежда, не уступая ни въ чемъ другомъ Римлянамъ, должны были имѣть надъ ними перевѣсъ свѣжихъ воиновъ передъ утомленными и израненными. Что же касается до Итальянцевъ, то Аннибалъ, не зная навѣрное, друзья они или непріятели, отодвинулъ ихъ далеко на задній планъ. Представивъ это послѣднее доказательство своей доблести, Аннибалъ ушелъ въ Адруметъ, и приглашенный оттуда въ Карѳагенъ, прибылъ туда 36 лѣтъ спустя послѣ того, какъ онъ отправился оттуда ребенкомъ. Въ Сенатѣ Аннибалъ признался, что не сраженіе только проиграно, но вся компанія, и что нѣтъ надежды на спасеніе, кромѣ заключенія мира.

36. Сципіонъ, тотчасъ послѣ сраженія, взялъ лагерь непріятельскій и разграбилъ; съ огромною добычею возвратился онъ къ морю и судамъ. Получено извѣстіе, что П. Лентуллъ прибылъ въ Утику съ 50 военными судами и сотнею транспортныхъ, на которыхъ были привезены запасы всякаго рода. А потому Сципіонъ, считая нужнымъ со всѣхъ сторонъ дѣйствовать ужасомъ на Карѳагенъ, и безъ того пораженный страхомъ, велѣлъ Октавію вести легіоны сухимъ путемъ къ Карѳагену, а Лелія послалъ въ Римъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ; самъ же, присоединивъ къ бывшему уже у него флоту, суда, недавно приведенныя Лентуломъ, двинулся отъ Утики къ Карѳагенскому порту. Уже Сципіонъ былъ въ недальнемъ отъ него разстояніи, какъ

на встрѣчу его вышелъ корабль Карѳагенскій, убранный перевязками и масличными вѣтвями. Тамъ находились послы, одиннадцать первыхъ лицъ города, отправленныхъ по совѣту Аннибала просить мира. Когда они приплыли къ кормѣ корабля главнаго вождя, то они протянули обвязанныя вѣтви просителей, и вмѣстѣ умоляли Сципіона о милости и состраданіи. Имъ не дали никакого инаго отвѣта, кромѣ того, чтобы они пришли въ Тинетъ, куда и Сципіонъ перенесетъ свой лагерь. Между тѣмъ Сципіонъ отправился обозрѣть мѣстоположеніе Карѳагена не столько для того, чтобы это въ самомъ дѣлѣ ему нужно было въ настоящее время, сколько для того, чтобы напугать непріятеля. За тѣмъ онъ возвратился въ Утику, куда отозвалъ и Октавія. Во время движенія къ Тинету получено извѣстіе, что Вермина, сынъ Сифакса, съ отрядомъ, заключавшимъ въ себѣ болѣе конныхъ, чѣмъ пѣшихъ воиновъ, идетъ на помощь Карѳагену. Часть войска Римскаго пѣшаго, и вся конница въ первые дни Сатурналій, аттаковали Нумидскій отрядъ и побѣдили его безъ труда. Со всѣхъ сторонъ окруживъ непріятеля, конница преградила ему путь къ бѣгству: пятнадцать тысячь непріятельскихъ воиновъ пало, тысячу двѣсти взято въ плѣнъ живьемъ; захвачено—лошадей Нумидскихъ тысячу пятьсотъ, и 72 военныхъ значка. Сынъ царя, среди происшедшаго безпорядка, ушелъ съ немногими всадниками. Тогда у Тинета поставленъ лагерь въ томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ и прежде, а тридцать пословъ прибыли изъ Карѳагена къ Сципіону. Подъ вліяніемъ несчастныхъ обстоятельствъ, они вели себя гораздо смиреннѣе прежняго; но, вслѣдствіе воспоминанія объ ихъ вѣроломномъ недавнемъ поступкѣ, ихъ слушали съ меньшимъ участіемъ и сожалѣніемъ. При обсужденіи на совѣтѣ, хотя справедливое негодованіе внушало всѣмъ мысль разрушить Карѳагенъ, впрочемъ и велики казались затрудненія предпріятія столь важнаго (осада столь сильнаго и хорошо укрѣпленнаго города требовала весьма не мало времени). Самого Сципіона озабочивала мысль, что вотъ не замедлитъ пожаловать преемникъ его власти, который возьметъ на себя славу окончанія войны, подготовленнаго трудами и опасностью его

самого. Такимъ образомъ умы всѣхъ были наклонны въ пользу мира.

37. На другой день послы были опять призваны; имъ сдѣланъ строгой выговоръ за клятвопреступленіе, и внушено, чтобы они наконецъ, наученные столькими несчастіями, убѣдились въ существованіи боговъ и въ святости клятвъ. Условія мира назначены: они должны пользоваться свободою и своими законами, владѣть полями и городами въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ и до начала войны владѣли, и съ этого дня Римляне должны были положить конецъ опустошеніямъ. Карѳагеняне должны выдать Римлянамъ всѣхъ бѣглецовъ, перебѣжчиковъ и плѣнныхъ, отдать всѣ военныя суда, за исключеніемъ десяти триремъ, а также слоновъ, сколько ихъ обученныхъ они ни имѣли, и вновь не обучать болѣе. Не начинать войны ни въ Африкѣ, ни внѣ Африки безъ дозволенія Римлянъ. Масиниссѣ возвратить все, что ему принадлежало и заключить съ нимъ союзный договоръ. Вспомогательнымъ войскамъ выдавать жалованье и продовольствіе, пока изъ Рима возвратятся послы. Выплатить десять тысячь талантовъ серебра по ровнымъ частямъ въ продолженіи пятидесяти лѣтъ. Карѳагеняне должны были дать сто заложниковъ, по выбору Сципіона, возрастомъ не моложе четырнадцати и нестарше тридцати лѣтъ. Перемиріе же дать соглашался Сципіонъ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы транспортныя суда, взятыя во время перваго перемирія, были возвращены, а равно и все, что на нихъ находилось. Безъ этого невозможно перемиріе, и надѣяться на миръ нѣчего.

Когда послы, получивъ приказаніе эти условія сообщить домой, высказали ихъ передъ собраніемъ, Гисгонъ выступилъ, отсовѣтывая заключать миръ; съ жадностью слушала его чернь, вмѣстѣ и безпокойная и трусливая. Аннибалъ съ негодованіемъ слушалъ такія рѣчи при такихъ обстоятельствахъ; схвативъ Гисгона за руку, онъ стащилъ его силою съ возвышеннаго мѣста. Такой поступокъ, несогласный съ нравами вольнаго государства, возбудилъ ропотъ въ народѣ. Военный человѣкъ смущенъ былъ свободою нравовъ своего роднаго города, и сказалъ: «девяти лѣтъ ребенкомъ я васъ оставилъ, и теперь возвратился послѣ

тридцати шести лѣтъ. Искусство военное, которое съ дѣтства изучить заставили меня и мои частныя обстоятельства, и общественныя потребности, я знаю, какъ мнѣ кажется, основательно. Что же касается до законовъ, правъ и обычаевъ, то въ нихъ вы должны быть моими наставниками.» Попросивъ извиненія въ своемъ неосторожномъ поступкѣ, Аннибалъ сталъ говорить, доказывая и необходимость мира и его справедливость. Болѣе всего затрудненій представляло то обстоятельство, что отъ судовъ, взятыхъ во время перемирія, не оставалось ничего, кромѣ однихъ судовъ. Да и самое изслѣдованіе о томъ было затруднительно, такъ какъ тѣмъ обличались бы противники мира. Положено было—возвратить суда, да и людей, на нихъ находившихся, розыскать повсюду; а чего будетъ недоставать, то все оцѣнить предоставить Сципіону, а Карѳагеняне заплатятъ деньги. Нѣкоторые говорятъ, что Аннибалъ прямо съ поля сраженія отправился на берегъ моря, и на, приготовленномъ тамъ, суднѣ немедленно отправился къ царю Антіоху. Когда Сципіонъ требовалъ прежде всего, чтобы ему выдали Аннибала, то получилъ въ отвѣтъ, что его нѣтъ болѣе въ Африкѣ.

38. Когда послы возвратились къ Сципіону, то общественное имущество, находившееся на судахъ, велѣно оцѣнить квесторамъ по имѣвшимся у нихъ спискамъ, а относительно частнаго имущества собраны показанія владѣльцовъ. За все за это, тотчасъ же вытребована сумма наличными деньгами двадцать пять тысячь фунтовъ серебра. Карѳагенянамъ дано перемиріе на три мѣсяца; къ условіямъ прибавлено, чтобы они, въ продолженіи перемирія, не посылали никуда пословъ, кромѣ Рима; а если какіе нибудь послы придутъ въ Карѳагенъ, то отпустить ихъ не прежде, какъ сообщивъ Римскому вождю о предметѣ ихъ посольства. Вмѣстѣ съ Карѳагенскими послами отправлены въ Римъ Л. Ветурій Филонъ, М. Марцій Ралла и Л. Сципіонъ, братъ Императора. Въ теченіи этого времени, подвозы изъ Сициліи и Сардиніи причинили такую дешевизну хлѣба, что купецъ отдавалъ свой грузъ хлѣба хозяевамъ судовъ за одинъ провозъ.

Въ Римѣ, при первомъ извѣстіи о томъ, что Карѳагеняне снова взялись за оружіе, произошла было тревога. Приказано

было Тиб. Клавдію поспѣшно вести флотъ въ Сицилію, а оттуда въ Африку; другому консулу М. Сервилію оставаться въ городѣ до тѣхъ поръ, пока будетъ извѣстно въ какомъ положеніи дѣла въ Африкѣ. Консулъ Тиб. Клавдій дѣйствовалъ, при снаряженіи флота и при отправленіи его, весьма медленно вслѣдствіе того, что сенаторы предоставили Сципіону, а не консулу, опредѣлить условія будущаго мира.

Извѣстія о чудесныхъ явленіяхъ, полученныя къ самому времени возобновленія войны, причинили ужасъ. Въ Кумахъ видѣли кругъ солнца уменьшеннымъ, и шелъ каменный дождь. На Велитернскомъ полѣ земля осѣла страшными трещинами и деревья провалились въ пропасть. Въ Ариціѣ молнія упала на общественную площадь и окружавшія ее лавки, а въ Фрузинонѣ на городскую стѣну въ разныхъ мѣстахъ и на ворота. На Палатинскомъ холмѣ шелъ каменный дождь. Это чудесное явленіе по завѣту предковъ искуплено девятидневнымъ священнодѣйствіемъ, а остальныя чудесныя явленія принесеніемъ большихъ жертвъ. Между прочимъ религіозныя опасенія возбудилъ и необыкновенный разливъ рѣки. Тибръ наполнился водою до того, что, такъ какъ циркъ былъ залитъ, то приготовились было праздновать Аполлоновы игры внѣ Коллинскихъ воротъ, у храма Ерицинской Венеры. Впрочемъ, въ самый день игръ, вдругъ прояснилось небо, и процессія, которая приготовилась было идти къ Коллинскимъ воротамъ, была отведена опять въ циркъ, который, по полученному извѣстію, оставленъ былъ водою. Радость народа и ликованіе по случаю игръ увеличились вслѣдствіе того, что торжественному зрѣлищу возвращено его прежнее мѣсто.

39. Когда консулъ Клавдій отправился изъ города, то между портами Козанскимъ и Лоретанскимъ долженъ былъ вынести такую бурю, которая привела его въ великій ужасъ. Оттуда Клавдій пришелъ въ Популоній, гдѣ и пережидалъ, пока погода утихла; за тѣмъ онъ переправился къ острову Ильвѣ, отъ Ильвы къ Корсикѣ, отъ Корсики къ Сардиніи. Тутъ, когда онъ плылъ мимо *Нездоровыхъ горъ*, опять случилась буря, и сильнѣе еще прежней, и въ мѣстности болѣе неблагопріятной; она разметала суда. Много судовъ расшатала, у многихъ поломала всѣ снасти, а нѣкоторыя и совсѣмъ разбила. Такимъ образомъ

поврежденный флотъ, съ измученнымъ екипажемъ, искалъ убѣжища въ Каралесѣ. Между тѣмъ какъ тамъ чинились вытащенныя на берегъ суда, наступила зима, и годъ истекъ. Такъ какъ Тиб. Клавдію не была продолжена власть, то онъ отвелъ флотъ назадъ въ Римъ частнымъ человѣкомъ. М. Сервилій, не желая, чтобы его отзывали для производства выборовъ, назначилъ диктаторомъ К. Сервилія Гемина, а самъ отправился въ провинцію. Диктаторъ избралъ себѣ предводителемъ всадниковъ П. Элія Пета. Не разъ нечаянная непогода заставляла откладывать уже назначенный день выборовъ; а потому, такъ какъ четырнадцатаго Марта кончился срокъ служенія прежнихъ сановниковъ, а новые на ихъ мѣста выбраны не были, то въ государствѣ не оказалось совершенно курульныхъ должностныхъ лицъ.

Въ этомъ году умеръ Т. Манлій Торкватъ первосвященникъ; на его мѣсто поставленъ К. Сульпицій Гальба. Курульные эдилы, Л. Лициній Лукуллъ и К. Фульвій, дали три раза Римскія игры въ ихъ полномъ составѣ. По показанію доносчика узнали, что писцы и служители эдилей тайно изъ казначейства таскали деньги; виновные подверглись осужденію, при чемъ тѣнь безчестія пала и на Лукулла эдиля. Плебейскіе эдилы: К. Элій Туберонъ и Л. Леторій, отказались отъ должностей по случаю неправильности выбора; но они успѣли дать игры Юпитеру, и, по поводу ихъ, пиршенства, а также поставили въ Капитоліѣ три статуи, сдѣланныя изъ штрафнаго серебра. По опредѣленію сенатскаго декрета, диктаторъ и предводитель всадниковъ дали игры въ честь Цереры.

40. Когда прибыли изъ Африки вмѣстѣ послы Карѳагенскіе и Римскіе, то сенатъ собрался въ храмѣ Беллоны. Когда Л. Ветурій Филонъ изложилъ здѣсь, что наконецъ Аннибалъ и Карѳагеняне побѣждены въ рѣшительномъ сраженіи, и такимъ образомъ положенъ конецъ войнѣ, столь печальной, то сенаторы обнаружили чрезвычайную радость. Къ этому присовокупилъ еще Филонъ обстоятельство, которое при столь счастливыхъ событіяхъ казалось маловажнымъ, а именно о побѣдѣ надъ Верминою, сыномъ Сифакса. Сенатъ велѣлъ Филону выйдти передъ народное собраніе, и сообщить всѣмъ гражданамъ эти радостныя

вѣсти. Тогда, среди взаимныхъ поздравленій, отворились всѣ храмы въ городѣ и объявлено молебствіе на три дня. На просьбу пословъ Карѳагенскихъ и царя Филиппа — которые также пришли,—допустить ихъ въ собраніе сената, данъ, по приказанію сената, черезъ диктатора отвѣтъ, что новые консулы допустятъ ихъ въ сенатъ. Вслѣдъ за тѣмъ произведены выборы; консулами выбраны К. Корнелій Лентулъ и П. Элій Петъ; преторами— М. Юній Пеннъ, которому по жеребью досталось управленіе городомъ; М. Фалерій Фальто, которому назначена область Бруттіевъ, и П. Элій Туберонъ, которому по жеребью досталась Сицилія. Что касается до распредѣленія провинцій между консулами, то положено не прежде рѣшить этотъ вопросъ, какъ по выслушаніи пословъ царя Филиппа и Карѳагенскихъ. Предвидѣли окончаніе одной войны и начало другой. Консулъ Кн. Лентулъ сильно желалъ получить провинціею Африку: въ случаѣ войны, побѣда была легка, а въ случаѣ прекращенія войны, ему принадлежала бы слава, что въ его консульство окончена война столь важная. Вслѣдствіе этого Лентулъ говорилъ громко, что онъ не позволитъ толковать о чемъ либо прежде, чѣмъ ему назначатъ провинціею Африку; товарищъ его, человѣкъ благоразумный и осторожный, уступалъ ему, хотя онъ предвидѣлъ, что состязаніе его съ Сципіономъ, и само по себѣ несправедливое, не увѣнчается успѣхомъ. Трибуны народные, К. Минуцій Термъ и М. Ацилій Глабріонъ, говорили, что Кн. Корнелій напрасно затѣваетъ то дѣло, которое не удалось консулу Тиб. Клавдію. Вслѣдствіе сенатскаго опредѣленія, предложено было народному собранію—кому угодно будетъ поручить власть въ Африкѣ. Всѣ тридцать пять трибъ положили ввѣрить ее Сципіону. Послѣ многихъ споровъ и въ сенатѣ, и въ народномъ собраніи, окончательно рѣшенъ этотъ вопросъ тѣмъ, что онъ предоставленъ сенату. Тогда сенаторы, давъ присягу—такъ было условлено—опредѣлили: консуламъ распредѣлить между собою провинціи по жеребью—одному должна была достаться Италія, а другому начальство надъ флотомъ изъ 50 судовъ. Тотъ консулъ, которому достанется начальство надъ флотомъ, долженъ плыть въ Сицилію, и въ случаѣ, если миръ съ Карѳагенянами не состоится, переправиться въ Африку, гдѣ онъ, консулъ, долженъ дѣйствовать съ моря, а Сципіонъ съ сухаго пути съ прежними правами власти. Въ случаѣ соглашенія относительно условій мира, трибуны народные должны предложить народному собранію—кому оно опредѣлитъ заключить миръ и кому, если представится необходимость вывести изъ Африки побѣдоносное войско, исполнить это. Если состоится опредѣленіе народнаго собранія такое, чтобы черезъ Сципіона дать миръ и ему вывести войско изъ Африки, то консулъ не долженъ изъ Сициліи переправляться въ Африку. Другой консулъ, которому достанется Италія, долженъ принять два легіона отъ претора М. Секстія.

41. П. Сципіону продолжена власть, и предоставлены всѣ тѣ войска, которыя онъ имѣлъ въ провинціи Африкѣ. Претору М. Валерію Фальтону опредѣлены два легіона въ землѣ Бруттіевъ, которыми въ предшествующемъ году начальствовалъ К. Ливій. Элій преторъ долженъ былъ принять два легіона въ Сициліи отъ Кн. Тремеллія. Одинъ легіонъ, которымъ начальствовалъ П. Лентулъ вмѣсто претора, получилъ назначеніе въ Сардинію М. Фабію. М. Сервилію, прошлогоднему консулу, продолжена въ Этруріи власть еще на годъ, и предоставлены два легіона, которые онъ имѣлъ прежде. Что же касается до Испаній, то уже нѣсколько лѣтъ тамъ находились Л. Корнелій Лентулъ и Л. Манлій Ацидинъ. Консуламъ было поручено снестись съ трибунами, не заблагоразсудятъ ли они спросить народъ, кому онъ поручитъ власть въ Испаніи. Тотъ долженъ былъ изъ двухъ армій Римскихъ воиновъ записать въ одинъ легіонъ, а изъ союзниковъ Латинскаго имени составить пятнадцать когортъ, и этими силами оберегать провинцію. Старыхъ воиновъ Л. Корнелій и Л. Манлій должны были вывезти въ Италію. Консулу опредѣленъ флотъ изъ 50 судовъ, которыя ему предоставлено, по его усмотрѣнію, выбрать изъ двухъ флотовъ: Кн. Октавія, находившагося въ Африкѣ, и П. Виллія, который прикрывалъ берега Сициліи. П. Сципіону предоставлены тѣ сорокъ длинныхъ судовъ, которыя уже были у него прежде. Если Сципіонъ вві-

ритъ, какъ и прежде, начальство надъ ними Кн. Октавію, то Октавію продолжается власть въ должности претора еще на одинъ годъ. Если же Сципіонъ ввѣритъ начальство надъ флотомъ Лелію, то Октавій долженъ отправиться въ Римъ и привести туда суда, которыя окажутся ненужными консулу. М. Фабію въ Сардинію назначены десять длинныхъ судовъ. Консуламъ приказано набрать два городскихъ легіона, и, такимъ образомъ, на этотъ годъ общественное дѣло Римлянъ защищаемо было четырнадцатью легіонами и сотнею длинныхъ судовъ (галеръ).

42. Тутъ стали разсуждать о послахъ Филиппа и Кареагенянъ. Первыхъ заблагоразсудили ввести Македонянъ. Весьма разнообразны были предметы, о которыхъ они говорили: частью они оправдывались противъ жалобъ пословъ, которые были отправлены изъ Рима къ царю — на опустошеніе земель союзниковъ; частью они съ своей стороны обвиняли союзниковъ народа Римскаго, но особенно не щадили они М. Аврелія, который, будучи однимъ изъ трехъ пословъ, къ царю Филиппу отправленныхъ, остался тамъ, произвелъ наборъ, непріязненно началъ войну вопреки союзнаго договора, и неразъ сражался въ открытомъ полѣ съ полководцами царя. Послы требовали возвращенія имъ Македонянъ и вождя ихъ Сопатра, которые, какъ наемники, служили въ войскѣ Аннибала, и въ то время, доставшись въ плѣнъ Римлянамъ, находились въ оковахъ.—Противъ этихъ рѣчей говорилъ М. Фурій, нарочно изъ Македоніи присланный на этотъ предметъ М. Авреліемъ: если Аврелій остался, то въ предупрежденіе того, какъ бы союзники народа Римскаго, изнемогши отъ оскорбленій и опустошеній царя, къ нему не отпали. Впрочемъ, Аврелій не выходилъ за предѣлы областей союзниковъ, а старался о томъ, чтобы тѣ, которые опустошали ихъ поля, не оставались безъ наказанія.—Что касается до Сопатра, то онъ, изъ числа придворныхъ царя и его родственниковъ, и недавно, съ четырьмя тысячами воиновъ и денежною суммою, отправленъ былъ въ Африку на помощь Аннибалу и Кареагенянамъ.—На вопросы объ этихъ предметахъ Македоняне отвѣчали сбивчиво, а потому получили отвѣтъ, не очень ласковый: царь желаетъ войны, и получитъ ее

скоро-, если будетъ дѣйствовать по прежнему. Вдвойнѣ нарушенъ имъ союзный договоръ и тѣмъ, что онъ причинилъ обиды союзникамъ народа Римскаго, затронувъ ихъ войною и оружіемъ— и тѣмъ, что помогалъ непріятелямъ Римлянъ и войскомъ и деньгами. Что касается до П. Сципіона, то онъ и поступилъ и поступаетъ по видимому законно и правильно, принявъ непріятелей и содержа въ оковахъ тѣхъ, которые взяты въ плѣнъ, дѣйствуя съ оружіемъ въ рукахъ противъ народа Римскаго. И М. Аврелій поступилъ согласно съ требованіями общественнаго блага, и сенату угодилъ онъ тѣмъ, что, будучи не въ состояніи защитить союзниковъ договоромъ, онъ сдѣлалъ это силою оружія.

Когда Македоняне были отпущены съ такимъ непріятнымъ для нихъ отвѣтомъ, позваны послы Кареагенянъ. Видъ ихъ преклонныхъ лѣтъ и важнаго сана—то были значительнѣйшія лица въ государствѣ — убѣдилъ всѣхъ, что наконецъ то Кареагеняне чистосердечно просятъ мира. Изъ пословъ самымъ замѣчательнымъ былъ Аздрубалъ—у своихъ соотечественниковъ носилъ онъ прозваніе *Козла*—онъ постоянно былъ на сторонѣ мира, и противникомъ Барцинской партіи. Тѣмъ съ большимъ довѣріемъ слушали его, когда онъ вину войны слагалъ съ государства на преступныя стремленія немногихъ. Въ своей рѣчи Аздрубалъ говорилъ весьма разнообразно; нѣкоторыя обвиненія онъ опровергалъ, въ справедливости другихъ сознавался для того, чтобы не сдѣлать невозможнымъ прощеніе того, что было внѣ сомнѣнія. То онъ убѣждалъ сенаторовъ воспользоваться счастливыми обстоятельствами скромно и умѣренно. Еслибы Кареагеняне слушали его и Ганнона, и умѣли бы пользоваться временемъ, то они вмѣсто того, чтобы теперь испрашивать условія мира, могли бы сами начертать ихъ. Рѣдко дается людямъ въ одно и тоже время и счастіе и благоразуміе. Народъ Римскій тѣмъ непобѣдимъ, что въ счастіи умѣетъ сохранять благоразуміе и не забывается. Да и поистинѣ надобно было бы удивляться, еслибы онъ дѣйствовалъ иначе! Не привыкнувъ къ счастію, тѣ, которые вдругъ его получаютъ, не помнятъ себя отъ радости, и о благоразуміи позабываютъ. Для народа же Римскаго удовольствія побѣды

весьма обыкновенны и даже наскучили ему: власть свою расширил он не столько побѣдами, сколько снисхожденіемъ къ побѣжденнымъ.—Другіе послы въ своихъ рѣчахъ старались болѣе возбудить чувство жалости приведеніемъ на память того, до чего упали дѣла Карѳагенянъ, находившіяся прежде въ такомъ цвѣтущемъ положеніи. Тѣмъ, которые еще недавно господствовали оружіемъ почти надо всѣмъ земнымъ шаромъ, не осталось ничего болѣе, кромѣ однихъ стѣнъ Карѳагена; заключенные въ нихъ, они не видятъ въ своей власти ни малѣйшаго участка ни земли, ни моря. Да и самый городъ, и свои кровы домашніе, сохранятъ только тогда, если народъ Римскій не станетъ изливать на нихъ, такъ какъ ничего болѣе не осталось, гнѣвъ свой. — Казалось, жалость подѣйствовала на души сенаторовъ, какъ вдругъ — такъ разсказываютъ — одинъ изъ сенаторовъ, негодуя на вѣроломства Карѳагенянъ, воскликнулъ: «при заключеніи договора какими богами будутъ клясться они, обманувъ уже ихъ при прежнемъ договорѣ?» — «Тѣми же самыми—отвѣчалъ Аздрубалъ — которые такъ жестоко караютъ нарушителей святости договоровъ!»

43. При общемъ расположеніи умовъ къ миру, консулъ Кн. Лентулъ, въ распоряженіе котораго предоставленъ былъ флотъ, воспрепятствовалъ состояться сенатскому опредѣленію. Тогда народные трибуны, М. Ацилій и К. Минуцій, предложили народному собранію: заблагоразсудятъ ли граждане приказать сенату составить опредѣленіе о заключеніи мира съ Карѳагенянами, и кому поручатъ они и заключить этотъ миръ, и вывести войско изъ Африки. Всѣ трибы изъявили свое согласіе на заключеніе мира, а начертать его условія и вывести войско, поручили Сципіону. Вслѣдствіе такого мнѣнія гражданъ, сенатъ опредѣлилъ: П. Сципіону, согласно прошенія десяти пословъ, заключить миръ съ народомъ Карѳагенскимъ на тѣхъ условіяхъ, какія ему заблагоразсудятся.

За тѣмъ Карѳагеняне, отблагодаривъ сенаторовъ, просили о позволеніи войдти въ городъ, и переговорить съ своими соотечественниками, которые, попавъ въ плѣнъ, содержатся подъ общественною стражею: въ числѣ ихъ находятся частью люди знатные, ихъ родственники и пріятели; къ другимъ имѣютъ они порученія отъ ихъ родныхъ. Когда имъ было это дозволено,

они просили еще дозволенія выкупить тѣхъ изъ плѣнныхъ, кого они захотятъ. Велѣно представить списокъ ихъ по именамъ; когда они наименовали ихъ около двухсотъ человѣкъ, состоялось сенатское опредѣленіе: послы Римскіе должны отвезти въ Африку къ П. Корнелію Сципіону двѣсти человѣкъ плѣнныхъ по выбору Карѳагенянъ и сказать ему, чтобы онъ ихъ, въ случаѣ, если миръ будетъ заключенъ, выдалъ Карѳагенянамъ безъ выкупа.

Феціаламъ отдано приказаніе отправиться въ Африку для скрѣпленія будущаго мирнаго договора. По ихъ требованію состоялся сенатскій декретъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «понесть имъ съ собою священные камешки, кремни и священную траву. Римскій преторъ долженъ былъ имъ приказать скрѣпить мирный договоръ, а отъ претора должны они потребовать жертвенную траву.» Этотъ родъ травы берутъ обыкновенно изъ Капитолія, и даютъ феціаламъ.

Когда, отпущенные такимъ образомъ изъ Рима, Карѳагеняне прибыли въ Африку къ Сципіону, то они заключили миръ на тѣхъ условіяхъ, которыя упомянуты выше: длинныя суда, слоновъ, бѣглецовъ, перебѣжчиковъ они выдали. Плѣнныхъ возвратили они четыре тысячи, и, въ числѣ ихъ, находился сенаторъ К. Теренцій Куллео. Суда Карѳагенскія приказалъ Сципіонъ отвести въ море и предать ихъ пламени. Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что, число всѣхъ этихъ судовъ, дѣйствовавшихъ веслами, простиралось до 500. Нечаянный видъ этого пожара произвелъ такую печаль въ Карѳагенянахъ, какъ будто ихъ городъ былъ жертвою пламени. Съ перебѣжчиками поступлено строже, чѣмъ съ бѣглецами: тѣ изъ нихъ, которые были Латинскаго имени, наказаны отсѣченіемъ головы, а Римляне распяты на крестѣ.

44. За сорокъ лѣтъ до того заключенъ былъ наконецъ миръ съ Карѳагенянами при консулахъ К. Лутаціѣ и А. Манліѣ. Война началась по истеченіи двадцати трехъ лѣтъ, при консулахъ П. Корнеліѣ, и Тиб. Семпроніѣ, а окончена на семнадцатомъ году въ консульство Кн. Корнелія и П. Элія Пета. Говорятъ,

что не разъ послѣ того Сципіонъ твердилъ, что честолюбивыя стремленія сначала Тиб. Клавдія, а потомъ Кн. Корнелія, помѣшали—эту войну окончить разрушеніемъ Карѳагена.

Когда первый взносъ денегъ казался затруднительнымъ для Карѳагена, истощеннаго продолжительною войною, печаль и рыданія наполняли зданіе сената, то, какъ говорятъ, увидали Аннибала смѣющимся. Когда Аздрубалъ, по прозванію *козелъ*, сталъ ему выговаривать за его смѣхъ, столь неумѣстный среди общей печали и тѣмъ болѣе для него Аннибала, который собственно и причинилъ это горе, то Аннибалъ на это отвѣтилъ: «еслибы можно было видѣть душу такъ же, какъ мы видимъ лицо, то безъ труда примѣтили бы, что смѣхъ этотъ, который служитъ теперь предметомъ порицанія, внушенъ не веселостью, но происходитъ изъ глубины души, почти потерявшейся отъ горя. Впрочемъ, смѣхъ этотъ все таки болѣе умѣстенъ, чѣмъ эти безразсудныя и позорныя слезы. Тогда слѣдовало плакать, когда у насъ отнято оружіе, когда суда наши преданы пламени, когда война внѣшняя намъ запрещена. Вотъ этою то язвою мы гибнемъ. Необходимо вамъ вѣрить, что Римляне поступили съ вами по внушенію той же ненависти, которую и вы къ нимъ питали. Ни одно великое государство не можетъ оставаться въ состояніи покоя: если не имѣетъ врага внѣшняго, то находитъ его у себя дома. Такъ весьма крѣпкія тѣла, которыя по видимому безопасны отъ внѣшнихъ причинъ, падаютъ подъ тяжестью своихъ собственныхъ силъ. Да и мы общественныя бѣдствія чувствуемъ только въ той мѣрѣ, въ какой они затрогиваютъ наши частные интерессы: и въ нихъ ничто такъ сильно не дѣйствуетъ на насъ, какъ потери денежныя. А потому, когда тащили изъ Карѳагена трофеи побѣды, когда вы видѣли свой родной городъ обезоруженнымъ и беззащитнымъ среди столькихъ воинственныхъ племенъ Африки, тогда не возстеналъ никто изъ васъ. А теперь, когда мы должны платить дань непріятелю изъ нашего частнаго достоянія, вы проливаете слезы, какъ бы по великой общественной утратѣ. Боюсь одного, какъ бы не почувствовали вы, что теперешнія ваши слезы пролиты при самомъ меньшемъ вашемъ горѣ!»

Сципіонъ, созвавъ собраніе воиновъ, подарилъ Масиниссѣ въ прибавленіе къ царству его отца, Цирту и прочіе города и области, которыя изъ царства Сифаксова достались во власть народа Римскаго. Сципіонъ приказалъ Кн. Октавію флотъ, отведенный въ Сицилію, передать консулу Кн. Корнелію; а Карѳагенянамъ отправить въ Римъ пословъ для того, чтобы получить тамъ отъ сената и народа Римскаго подтвержденіе того, что онъ сдѣлалъ, согласно съ мнѣніемъ десяти пословъ.

45. Водворивъ миръ и на сухомъ пути и на морѣ, Сципіонъ посадилъ воиновъ на суда и переправился въ Сицилію въ Лилибей. Отсюда онъ большую часть воиновъ отправилъ моремъ, а самъ пошелъ по Италіи, обрадованной столько же миромъ, сколько и побѣдою. Не только жители городовъ выходили ему на встрѣчу, воздавая честь, но и была покрыта дорога съ обѣихъ сторонъ толпами поселянъ. Такимъ образомъ, Сципіонъ прибылъ къ Риму, и вошелъ въ него съ тріумфомъ, которому по блеску не было подобнаго. Онъ внесъ въ казначейство сто двадцать три тысячи фунтовъ серебра, а воинамъ изъ добычи раздѣлилъ по четыреста ассъ. Смерть похитила Сифакса, и не допустила его быть зрѣлищемъ людей, но не украшеніемъ славы тріумфатора. Сифаксъ незадолго передъ тѣмъ умеръ въ Тибуртѣ, куда переведенъ изъ Альбы. Смерть его было замѣчена, потому что похороны сдѣланы на общественный счетъ. Впрочемъ, Полибій, писатель заслуживающій уваженіе, увѣряетъ, что этотъ царь шелъ за Сципіономъ во время тріумфа. За торжествующимъ Сципіономъ слѣдовалъ, надѣвъ шапку на голову, К. Теренцій Куллео и, въ продолженіи всей остальной жизни, онъ, какъ и слѣдовало, уважалъ Сципіона, какъ виновника своего освобожденія. Что касается до прозванія *Африканскаго*, то сдѣлалось оно сначала извѣстнымъ по распоряженію ли воиновъ, или распространено народною молвою, или получило свое начало отъ родовой гордости подобно тому, какъ для Силлы прозваніе *Счастливаго*, и для Помпея—*Великаго* — это трудно рѣшить съ достовѣрностью. Впрочемъ, неподвержено сомнѣнію то, что Сципіонъ первый украшенъ прозваніемъ, заимствованнымъ отъ имени наро-

да, имъ побѣжденнаго. Впослѣдствіи, съ его примѣра, люди, по заслугамъ далеко стоявшіе ниже его, оставили пышныя подписи подъ портретами, и знаменитыя фамильныя прозванія.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА

ТИТА-ЛИВІЯ.

Генв. 24.
1861.
Начатъ въ Сентябрѣ 1860 г.